

БЕСПОКОЙНОЕ ЛЕТО 1927

Билл БРАЙСОН

Что происходило и что не происходило в Америке
этим летом.

Annotation

Тем летом Чарльз Линдберг первым совершил беспосадочный перелет через Атлантику, а гангстер Аль Капоне подчинил себе всю нелегальную торговлю алкоголем в Чикаго, Юг США пережил величайшее наводнение, а сама страна уверенно показала себя главной действующей силой на мировой арене, на экраны вышел первый по-настоящему звуковой фильм, а четыре самых влиятельных банкира планеты провели тайное совещание, результатом которого стали последующий крах фондового рынка и Великая депрессия.

А в остальном лето 1927 года в США было долгим и теплым, ярким и ласковым...

- [Билл Брайсон](#)

-

- [Пролог](#)

- [Май](#)

- [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)

- [Июнь](#)

- [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)

- [Июль](#)

- [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)

- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [Август](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
- [Сентябрь](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
- [Эпилог](#)
- [Благодарности](#)
- [Примечания по поводу источников и литература для дальнейшего чтения](#)
  - [Примечания к книге в целом](#)
  - [Пролог](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Эпилог](#)
- [Библиография](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)

- [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
-

Билл Брайсон

Беспокойное лето 1927

*Посвящается Энни, Билли и Грейси и памяти
Джулии Ричардсон*

Bill Bryson

ONE SUMMER: AMERICA, 1927

Печатается с разрешения автора и литературного
агентства The Marsh Agency Ltd.

© Bill Bryson, 2013

© Перевод. О. Перфильев, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Пролог

Теплым весенним вечером, незадолго до Пасхи 1927 года, обитателям высоких нью-йоркских домов выпала возможность полюбоваться грандиозным пожаром, охватившим только что возведенный апартаментный отель-небоскреб «Шерри-Нидерланды». Когда загорелись деревянные леса на его вершине, пожарные тут же поняли, что никаких средств, позволяющих подавать воду на такую высоту, у них нет.

На Пятую авеню стекались целые толпы зевак, ведь такого большого пожара в городе не было давно. Отель в тридцать семь этажей на то время считался самым высоким жилым зданием. Последние пятнадцать этажей все еще покрывали леса, и их-то гигантским факелом и охватило пламя. Издалека здание походило на горящую спичку. Пожар был виден за двадцать миль, но вблизи, конечно же, он выглядел куда более захватывающим. Горящие секции лесов длиной до пятидесяти футов падали с высоты пятисот футов и, ударившись о мостовую, разлетались на множество искр под восхищенные вопли толпы. Пожарным же, старавшимся увернуться от обломков, они доставляли одни лишь хлопоты. Полыхающие угольки падали на крыши соседних домов, четыре из которых тоже загорелись. Пожарные направляли шланги на здание «Шерри-Нидерланды», но, казалось, только для проформы, потому что струи воды не поднимались выше третьего-четвертого этажей. К счастью, строительство еще не закончилось, и в отеле не было постояльцев.

Американцы 1920-х годов были необычайно жадны до зрелищ, и к десяти часам вечера толпа насчитывала около ста тысяч человек, что невероятно много для такого случайного события. Для наведения порядка выслали семьсот полицейских. Как писала газета «Нью-Йорк таймс», некоторые состоятельные зеваки, отвлекшись от своих обычных вечерних развлечений, сняли номера в отеле «Плаза» напротив и устроили импровизированные «пожарные вечеринки». Место происшествия посетил мэр города, Джимми Уокер; случайно оказавшись под шлангом, он промок до самых костей. Через несколько секунд рядом с ним рухнула десятифутовая доска, и его убедили

отойти подальше. Пожар сильно повредил верхние этажи здания, но, к счастью, не распространился на нижние и к полуночи утих сам по себе.

Языки пламени и клубы дыма, по-видимому, послужили неплохим развлечением для двух летчиков, Кларенса Чемберлина и Берта Акосты, которые, сидя в небольшом аэроплане, еще с половины десятого утра нарезали круги над аэродромом Рузвельта на Лонг-Айленде. Они пытались побить мировой рекорд, установленный двумя годами ранее двумя французскими авиаторами. Отчасти это был вопрос национального престижа (Америка, будучи родиной авиации, безнадежно отставала даже от самых маленьких европейских стран), а отчасти проверка того, насколько долго могут оставаться в воздухе самолеты и насколько далеко они могут летать без посадки.

Как объяснял позже Чемберлин, фокус заключался в том, чтобы выжать из аэроплана максимум дальности – регулировать работу двигателя и подачу топлива так, чтобы держать его на «голодном пайке», не теряя при этом высоты. Когда на третьи сутки полета, ближе к часу дня, Чемберлин и Акоста стали приземляться, самолет практически летел на одном лишь пару. Всего они продержались в воздухе пятьдесят один час, одиннадцать минут и двадцать пять секунд, что почти на шесть часов превышало предыдущий рекорд.

Пилоты, улыбаясь, на негнущихся ногах вышли из аэроплана под одобрительные крики огромной толпы. (В 1920-х любое более или менее значительное событие собирало огромные толпы.) Оба они ужасно устали и едва не умирали от жажды. Оказалось, что один из помощников в суете предполетной подготовки наполнил их фляги мыльной водой, и они ничего не пили почти двое суток. В остальном полет увенчался величайшим успехом и даже стал основной темой выпуска «Нью-Йорк таймс», вышедшего в Страстную пятницу. Заголовок гласил:

**ЛЕТЧИКИ УСТАНОВИЛИ РЕКОРД, ПРОДЕРЖАВШИСЬ
В ВОЗДУХЕ 51 ЧАС; ДЕНЬ И НОЧЬ БЕЗ ЕДЫ И ВОДЫ;
УСТАЛИ, НО УТВЕРЖДАЮТ, ЧТО ИХ СЛЕДУЮЩАЯ
ЦЕЛЬ – ПАРИЖ**

Всего они пролетели 4100 миль, а это на 500 миль больше расстояния от Нью-Йорка до Парижа. Кроме того, они взлетели с 375 галлонами топлива на борту, что по тем временам было внушительным грузом, и при этом взлетная полоса была всего 1200 футов длиной. Все это внушало надежды тем, кто мечтал о перелете через Атлантику, а весной 1927 года таких мечтателей было немало, в том числе и сами Чемберлин с Акостой.

По стечению обстоятельств, событие, отбросившее далеко назад Америку в мире авиации, послужило заодно и причиной ее превосходства во многих остальных сферах. Это была Первая мировая война.

До 1914 года летательным аппаратам места в военной доктрине почти не находилось. Французский воздушный корпус из трех дюжин аэропланов был многочисленнее военно-воздушных сил всех других стран, вместе взятых. У Германии, Великобритании, Италии, России, Японии и Австрии у каждой на вооружении было не более четырех машин; у Соединенных Штатов – только две. Но с началом боевых действий военное командование быстро осознало, насколько полезными могут быть аэропланы. С их помощью можно было следить за перемещением вражеских частей, осуществлять разведку местности, направлять артиллерийский огонь и, что самое главное, по-новому выполнять старую, как мир, задачу истребления себе подобных.

В первые дни войны бомбы представляли собой всего лишь бутылки из-под вина, наполненные бензином или керосином и снабженные примитивным детонатором. Кроме того, некоторые пилоты кидали вниз гранаты или особые металлические дротики под названием «флешетты», пробивавшие шлемы и черепа окопавшихся в траншеях врагов. Но, как это всегда бывает, когда дело касается убийств, технологический прогресс шел семимильными шагами, и к 1918 году с воздуха уже падали массивные авиабомбы весом до 2200 фунтов. Одна только Германия за всю войну сбросила около миллиона бомб, на долю которых в общем пришлось около 27 000 тонн взрывчатки. Бомбометание не отличалось особой точностью – с высоты в десять тысяч футов бомба редко попадала в цель и часто

падала в полумиле, а то и более, в стороне, – но психологический эффект от разрыва крупной бомбы был ошеломительным.

Крупные бомбы требовали более крупных и мощных аэропланов, а они, в свою очередь, дали толчок развитию быстрых и проворных истребителей для отражения воздушных атак. Истребители вступали в ожесточенные воздушные бои, захватывавшие воображение школьников и вдохновлявшие все последующие поколения авиаторов. Воздушная война требовала все большего и большего количества техники. За четыре года четыре основные страны – участницы войны потратили на развитие своих военно-воздушных сил миллиард долларов – невероятную по тем временам сумму, которую почти полностью позаимствовали у США. Практически с нуля Франция за четыре года создала целую промышленность, в которой было занято почти 200 000 человек, выпустившие около 70 000 самолетов. Великобритания построила 55 000 самолетов, Германия – 48 000, а Италия – 20 000. Неплохое достижение, если учесть, что всего лишь за несколько лет до этого вся мировая авиаиндустрия была сосредоточена в магазине по продаже велосипедов, принадлежавшем двум братьям из Огайо.

До 1914 года аэропланы послужили причиной гибели около ста человек во всем мире. Теперь же люди гибли тысячами. Весной 1917 года продолжительность жизни британского пилота, занятого в военных операциях, не превышала восьми дней. Всего за четыре года погибли и получили тяжелые ранения от тридцати до сорока тысяч летчиков. По меньшей мере пятнадцать тысяч погибло в катастрофах и несчастных случаях во время обучения в летных школах. Особенно не везло американцам. Когда в апреле 1917 года США вступили в Первую мировую войну, ни один американский офицер никогда раньше и в глаза не видел боевого самолета, не говоря уже о том, чтобы им управлять. Когда американский исследователь и первооткрыватель Мачу-Пикчу Хайрам Бингем (на тот момент профессор Йельского университета средних лет) предложил свои услуги в качестве летного инструктора, армейское руководство тут же произвело его в подполковники и поставило во главе всей обучающей программы – не потому, что он обладал ценным опытом (никакого опыта у него не было), а просто потому, что он умел управлять аэропланом. Многих пилотов обучали инструкторы, которые сами только недавно освоили

эту науку. В попытке догнать другие страны, оказавшейся не слишком удачной, Конгресс выделил на развитие военно-воздушных сил 600 миллионов долларов. Как писал в своих мемуарах Бингем: «Когда мы вступили в войну, Воздушной службе принадлежали два небольших аэродрома, 48 офицеров, 1330 солдат и 225 аэропланов, ни один из которых не годился для фронта. За полтора года эти показатели увеличились до 50 аэродромов, 20 500 офицеров, 175 000 солдат и 17 000 аэропланов». К сожалению, почти ни один из этих 17 000 самолетов не достиг Европы, потому что весь транспорт был занят доставкой другого, более необходимого военного оборудования. Так что американским пилотам, попадавшим на фронт, приходилось, по большей части, летать на поврежденных и отремонтированных самолетах союзников. Получалось, что в самые страшные бои того времени отправляли слабо подготовленных людей, управлявших второсортными машинами, а противостояли им весьма опытные враги. Но ни одна сторона не испытывала недостатка в пилотах-добровольцах. Сама мысль о том, что можно подниматься в воздух на высоту в тринадцать тысяч футов, летать со скоростью 130 миль в час, переходить в крутое пики и устремляться навстречу противнику, для многих обладала чрезвычайной притягательностью, вплоть до болезненности. В наше время трудно представить себе, каким невероятным романтическим ореолом обладала профессия авиатора. Пилоты были самыми героическими персонажами того времени.

Потом война закончилась, и пилоты, вместе с самолетами, оказались не у дел. Америка махом отменила заказы на постройку новых машин, общей стоимостью 100 миллионов долларов, и практически полностью утратила интерес к воздухоплаванию. Другие страны тоже сократили свои расходы в этой области. У тех, кто желал остаться в авиации, выбор был не слишком богат. Многие, за неимением лучшего, демонстрировали различные трюки на потеху толпе. Однажды парижский универмаг «Галери Лафайет» в порыве необъяснимой глупости предложил 25 000 франков тому, кто посадит аэроплан на его крышу. Трудно представить более сложную задачу: длина крыши не превышала тридцати ярдов, и с двух сторон ее обрамляла балюстрада высотой в три фута, что только добавляло опасности тому, кто постарался бы на нее сесть. Тем не менее выполнить трюк решился бывший ас по имени Жюль Ведрин.

Стоявшие на крыше помощники должны были ухватиться за крылья аэроплана и не дать ему упасть на зевак, столпившихся на площади Оперы. Им это удалось, но только благодаря тому, что они развернули аэроплан и направили его прямо на кирпичную надстройку, в которой размещался механизм лифта. Аэроплан разлетелся в щепки, но Ведрин выбрался из-под обломков в целости и сохранности, что походило на какой-то фокус иллюзиониста. Но такое везение не могло продолжаться вечно. Через три месяца он погиб в авиакатастрофе, совершая более традиционный перелет из Парижа в Рим.

Гибель Ведрина над чистым полем в очередной раз подтвердила тот факт, что, несмотря на все усовершенствования в скорости и маневренности, самолеты по-прежнему оставались крайне опасными машинами, непригодными для дальних расстояний. Всего лишь через месяц после крушения Ведрина руководство военно-морского флота США недооценило опасность долгих перелетов, отправив три своих аэроплана из Ньюфаундленда в Португалию по воздуху через Азорские острова. Правда, какую-то предусмотрительность оно все же проявило, разместив по маршруту шестьдесят шесть кораблей, готовых прийти на помощь пилотам в случае аварии. И, как выяснилось, не зря. Первый же самолет упал в море, не успев долететь даже до Ньюфаундленда. Два других вышли из строя во время самого перелета, и до Азорских островов их пришлось буксировать; один при этом затонул. До Португалии долетел только один, и для этого ему потребовалось одиннадцать дней. Если бы целью всего мероприятия было доказать, что аэропланы совершенно непригодны для трансатлантического перелета, то вряд ли можно было придумать лучшее доказательство.

Пересечь океан без посадки казалось и вовсе безумной идеей. Поэтому когда два британских авиатора все же пересекли его летом 1919 года, то это известие оказалось сюрпризом для всех, и, возможно, даже для самих авиаторов. Их звали Джек Алкок и Артур Уиттен Браун по прозвищу Тедди, и они были достойны куда большей славы. Сейчас их имена почти забыты, хотя это был один из самых смелых перелетов в истории. Но и в то время ему уделили не так много внимания, как следовало бы.

Двадцатилетний Алкок был пилотом, а тридцатитрехлетний Браун штурманом. Оба выросли в Манчестере, и обоих называли

англичанами, хотя Браун родился в семье американцев. В начале 1900-х его отца отправили в Англию на строительство фабрики для промышленника Вестингауза, и там семья и осталась. Так что Браун никогда не жил в Америке в сознательном возрасте, и незадолго до полета отказался от американского гражданства, хотя говорил с американским акцентом. Они с Алкоком почти не были знакомы друг с другом и летали вместе только три раза. Тем не менее в июне 1919 года, в ньюфаундлендском Сент-Джонсе в Канаде, они сели в тесную кабину хрупкого «Викерса Вими» и отправились в опаснейший полет над серой бездной Атлантики.

Возможно, никогда больше летчикам не приходилось идти на такой огромный риск в такой ненадежной машине. «Викерс Вими» (Vickers Vimy) представлял собой, по сути, большой воздушный змей с мотором. Несколько часов Алкок с Брауном летели в самых неблагоприятных погодных условиях, под проливным дождем с градом и снегом. Вокруг них то и дело сверкали молнии, а резкие порывы ветра швыряли их из стороны в сторону. Из порвавшейся выхлопной трубы вырывались горячие воздушные струи, угрожая поджечь полотняную обшивку в любую минуту. Шесть раз Брауну приходилось выбираться на крылья и очищать их от наледи. Большую часть времени он протирал очки Алкока, поскольку сам Алкок не мог ни на секунду оторваться от штурвала. В облаках и тумане они потеряли ориентацию, но когда выбрались из облаков, то, к своему ужасу, обнаружили, что летят всего на высоте шестидесяти футов, причем боком, то есть под углом 90 градусов к поверхности. Браун вовремя понял, что они развернулись и направляются обратно к Канаде, после чего вывернул аэроплан на нужный курс. Из-за отсутствия точных навигационных приборов им приходилось ориентироваться исключительно по своему чутью.

Через шестнадцать часов полета, который проходил почти вслепую, перед авиаторами вдруг показалась Ирландия, и Алкок посадил аэроплан на заболоченное поле. Всего они преодолели 1890 миль, что немногим более половины расстояния от Нью-Йорка до Парижа, но все равно это было поразительное достижение. Самолет свалился на нос, летчики вышли из него невредимыми, но им было трудно объяснить местным жителям, откуда они явились. Поскольку новости об их отправке из Ньюфаундленда задерживались, никто в

Ирландии не ожидал их появления, а потому и не было никаких радостных зевак. Девушка-телеграфистка из ближайшего города Клифдена не отличалась профессиональным усердием и передавала запутанные послания, что только усилило неразбериху.

В Англии Алкока и Брауна встретили как героев – наградили медалями и посвятили в рыцари, – но вскоре они вернулись к своей обычной жизни, и мир постепенно забыл о доблестных авиаторах. Шесть месяцев спустя Алкок разбился во Франции, совершая полет в тумане. Браун никогда больше не поднимался в воздух. В 1927 году, когда мечта о перелете через Атлантику вновь завладела умами, их имена были почти забыты^[1].

По совершенно случайному совпадению, примерно в то же время, когда Алкок и Браун совершали свой эпохальный полет, у некоего нью-йоркского бизнесмена, не имеющего никакого отношения к авиации – ему просто нравились аэропланы, – родилась идея, которая преобразила мир авиации. Звали этого человека Реймонд Ортейг, он был родом из Франции, но на тот момент добился успеха как владелец гостиницы в Нью-Йорке. Вдохновившись подвигами пилотов времен Первой мировой войны, Ортейг предложил приз в 25 000 долларов тому, кто в последующие пять лет первым перелетит из Нью-Йорка до Парижа или в обратном направлении без посадки. Это было довольно щедрое предложение, но Ортейг практически ничем не рисковал, так как на тот момент в мире не было ни одного самолета, с помощью которого можно было бы осуществить такой перелет. Как показали на своем тяжелом опыте Алкок с Брауном, преодолеть даже половину этого расстояния можно было разве что в случае невероятной удачи, поскольку такая задача находилась на грани развития техники того времени.

Предложение Ортейга никто не принял, но в 1924 году он повторил его, и тогда оно казалось не таким уж невозможным. Благодаря двигателям с воздушным охлаждением – единственным выдающимся вкладом Америки в развитие авиации того периода – самолеты стали более надежными и позволяли летать дальше. В мире по-прежнему было много талантливых, ярких и практически постоянно безработных инженеров и авиаконструкторов, которые с радостью ухватились бы за любую возможность показать, на что они

способны. Для многих приз Ортейга был не только лучшей, но, пожалуй, и единственной возможностью.

Первым свои силы решил испытать французский летчик-ветеран Рене Фонк совместно с русским эмигрантом, конструктором Игорем Сикорским. Пожалуй, никому другому не была настолько необходима удача, как Сикорскому. В Европе он был ведущим конструктором аэропланов, но после революции 1917 года потерял все и переехал в Америку. В 1926 году, в возрасте тридцати семи лет, он зарабатывал себе на жизнь преподаванием химии и физики эмигрантам и лишь изредка пытался конструировать самолеты.

Сикорскому нравилось создавать комфортабельные, хорошо оборудованные машины. В одной из его довоенных моделей были предусмотрены туалет с ванной и даже «прогулочная палуба» (хотя такое название было явным преувеличением). Самолет, который он сконструировал для перелета через Атлантику, был самым шикарным из всех. В его салоне располагались обитые кожей диван с креслами, кухонная плита и даже кровать – все, что могло понадобиться экипажу из четырех человек для комфортабельного полета и отдыха. Идея заключалась в том, чтобы доказать, что перелет через Атлантику не только возможен, но и может быть «стильным» и «элегантным». В этом предприятии поддержку Сикорскому оказывал синдикат инвесторов, которые называли себя «Аргонавты».

В качестве пилота они выбрали Фонка, сбившего в свое время 75 немецких аэропланов, хотя сам он утверждал, что их было более 120. В любом случае это тем более примечательное достижение, что в воздушных боях он участвовал только в последние два года войны. Первые два года он провел в окопах, убеждая представителей французских военно-воздушных сил предоставить ему шанс испытать себя в летной школе. Оказалось, что Фонк умеет не только искусно сбивать вражеские машины, но и избегать повреждений своей. За все время воздушных сражений его аэроплан подбивали только один раз. К сожалению, навыки, полезные во время войны, не всегда пригождаются для перелетов на дальние дистанции над безлюдным морем.

Фонку не терпелось приступить к делу, и, к недовольству Сикорского, он настоял на том, чтобы вылететь до того, как будут проведены все необходимые испытания. Что еще хуже, пилот

перегрузил самолет сверх меры, взяв на борт дополнительные канистры с топливом, лишний комплект спасательного снаряжения, две радиостанции, сменную одежду, подарки для друзей и встречающих, а также еду и напитки в изобилии, в том числе бутылки с вином и шампанским. Он даже упаковал обед из черепахи, индейки и утки, которыми должен был полакомиться, прилетев в Париж, как будто бы их не нашлось во Франции. В загруженном состоянии самолет весил двадцать восемь тысяч фунтов, а это было гораздо больше расчетной нагрузки.

20 сентября пришло известие о том, что два француза, майор Пьер Вейсс и лейтенант Шалле, совершили беспосадочный перелет из Парижа в Бендер-Аббас в Персии (ныне Иран) длиной в 3230 миль, что почти равно расстоянию от Нью-Йорка до Парижа. Воодушевившись этим доказательством превосходства французских авиаторов, Фонк настоял на немедленном вылете. О том, что затея провалится, стало понятно почти сразу же, при взлете. В 1920-х годах аэродромы представляли собой попросту более или менее ровные поля, и аэродром имени Рузвельта не отличался от большинства. Поскольку самолету Сикорского требовался особенно долгий разбег, он должен был пересечь две служебные грунтовые дороги, ни одна из которых не была достаточно ровной, – еще одно напоминание о том, что подготовка осуществлялась в крайней спешке. Пересекая вторую дорогу на полном ходу, самолет подпрыгнул, потеряв часть посадочного приспособления и повредив левый руль; одно из колес отвалилось и укатилось вдаль. Несмотря на это Фонк продолжал увеличивать скорость до взлетной. Казалось, еще мгновение, и самолет взлетит, но он так и не оторвался от земли ни на секунду. Тысячи наблюдателей замерли, когда самолет достиг конца поля и, перевалившись через двадцатифутовую насыпь, исчез из виду.

На некоторое время над летным полем воцарилась гробовая тишина; зрители стояли в изумлении, не веря своим глазам. Мирный пейзаж нисколько не соответствовал той ужасной сцене, свидетелями которой они только что стали. Но потом реальность вернула свои права, раздался оглушительный взрыв 2850 галлонов авиационного бензина, и в воздух на пятьдесят футов взлетел огненный шар. Фонку и его штурману Лоуренсу Кертину каким-то образом удалось выбраться из-под обломков, но двое других членов команды сгорели

заживо. Этот несчастный случай шокировал все летное братство. Весь остальной мир тоже был шокирован, но, в то же время, еще сильнее возжелал зрелищ.

Для Сикорского эта катастрофа имела не только эмоциональные, но и экономические последствия. Постройка самолета обошлась ему более чем в 100 000 долларов, но его спонсоры оплатили лишь часть расходов, а после крушения отказались выдавать остальную часть суммы. В дальнейшем Сикорский занялся конструированием самолетов, но на тот момент его мечтам и мечтам Фонка о трансатлантическом перелете был положен конец.

Что касается приза Ортейга, то другим авиаторам было уже поздно готовиться к перелетам. Благоприятная для таких затей погода в Северной Атлантике стоит лишь несколько месяцев в году. Всем пришлось ждать следующей весны.

Наступила весна. На этот раз в трансатлантической гонке участвовали три команды, с превосходными самолетами и опытными экипажами. Сами названия самолетов – «Колумбия», «Америка» и «Американский легион» – говорили о том, что этот перелет стал вопросом национального престижа. Основным фаворитом поначалу была «Колумбия» – тот самый моноплан, на котором перед Пасхой установили свой рекорд Чемберлин и Акоста. Но спустя два дня после этого события из фабричного ангара в Хэсбрук-Хайтсе, Нью-Джерси, выехал еще более впечатляющий и гораздо более дорогой самолет, «Америка», оснащенный тремя мощными двигателями и имевший достаточно места для четырех членов экипажа. Руководителем экипажа «Америки» был тридцатисемилетний морской офицер Ричард Ивлин Бэрд – человек, который, как казалось, родился, чтобы стать героем. Этот учтивый, обходительный красавец был отпрыском одного из старейших и прославленных родов Америки. Бэрды пользовались авторитетом в Виргинии еще во времена Джорджа Вашингтона; брат Ричарда, Гарри, был губернатором штата. Сам же Ричард к 1927-му тоже достиг славы: весной предыдущего года вместе с пилотом Флойдом Беннетом он совершил перелет над Северным полюсом (хотя этот факт, как мы увидим в дальнейшем, неоднократно ставился под сомнение).

На этот раз экспедиция Бэрда была гораздо более финансово подготовленной и, несомненно, более патриотичной благодаря Родману Уонамейкеру, владельцу универмагов в Филадельфии и Нью-Йорке, который не только лично выделил 500 000 долларов, но и заручился поддержкой других ведущих бизнесменов. Тот же Уонамейкер помог Бэрду взять в аренду аэродром имени Рузвельта – единственный аэродром в Нью-Йорке, достаточно большой, чтобы с него взлетел самолет, способный пересечь Атлантику. Без разрешения Бэрда никто не мог даже помыслить о том, чтобы принять участие в гонке за приз Ортейга.

Уонамейкер настоял на том, чтобы мероприятие приобрело общеамериканский характер. Своеобразная ирония заключалась в том, что конструктор самолета, строгий и непростой в общении Антон Фоккер, был голландцем, а сам самолет частично создавался в Нидерландах. К тому же, о чем старались умалчивать, этот Фоккер во время войны конструировал военные самолеты для немцев и даже принял гражданство Германии. В частности, он разработал схему синхронизированного пулемета, который выпускал пули через вращающиеся лопасти пропеллера. До этого конструкторы, как это ни кажется странным, устанавливали на лопасти бронированные пластины, и пилотам оставалось надеяться на то, что пули не отлетят рикошетом обратно. Единственной альтернативой было устанавливать пулемет в стороне от пропеллера, но в таком случае пилот не мог перезаряжать его или поправлять в случае, если его заклинит, что случалось довольно часто. Пулеметы Фоккера на какое-то время дали немецким пилотам огромное преимущество, и, в какой-то степени, можно утверждать, что Фоккер повинен в смерти солдат союзников больше, чем какой-либо другой отдельный человек. Но теперь он настаивал на том, что на самом деле никогда не занимал сторону Германии. «Моя страна оставалась нейтральной на всем протяжении великого конфликта, как, в некотором смысле, и я», – писал он в своей послевоенной автобиографии «Летучий голландец». В каком именно «смысле» он оставался нейтральным, Фоккер так и не объяснил – по всей видимости потому, что никакого такого смысла и не было.

Бэрду Фоккер никогда не нравился, и 16 апреля 1927 года их конфронтация переросла в открытую вражду. В шестом часу вечера Фоккер и три члена команды Бэрда – второй пилот Флойд Беннет,

штурман Джордж Новилл и сам Бэрд – поднялись на борт самолета, чтобы совершить первый полет. Фоккер, желая испытать свое детище, сел за штурвал сам. «Америка» поднялась плавно и держалась в воздухе превосходно, но с приземлением возникли проблемы. Гравитация оказалась сильнее, и самолет все больше наклонялся носом. Виной всему был неправильно распределенный вес, и четыре человека ничего не могли поделать, даже если бы все перешли в хвост, потому что огромный бак с топливом располагался по центру фюзеляжа.

Фоккер нарезал круги над аэродромом, выбирая подходящую возможность приземлиться без крушения (или осознавая, что сделать уже ничего нельзя). Случившееся далее стало позже предметом ожесточенных споров. Бэрд утверждал, что Фоккер бросил штурвал и попытался спастись в одиночку, бросив остальных на произвол судьбы. Фоккер отрицал все обвинения, объясняя, что выпрыгнуть из падающего самолета просто невозможно. «Наверное, Бэрд находился в слишком возбужденном состоянии и все выдумал», – с сарказмом писал он в своей автобиографии. Сохранилась киноплёнка с записью крушения, короткая и некачественная, на которой видно, как самолет падает на нос и переворачивается на спину в плавном движении, как ребенок, делающий кувырок. Фоккеру, как и остальным людям на борту, оставалось только хвататься за что-нибудь, чтобы их не швыряло по всей кабине.

На киноплёнке крушение выглядит не очень серьезным, но внутри самолета творился настоящий хаос. Кусок пропеллера проломил стенку кабины и пронзил грудь Беннета. Второй пилот получил тяжелое ранение и истекал кровью. Новилл, памятуя об ужасной участи двоих сгоревших членов экипажа Фонка, разорвал ткань обшивки и выбрался наружу. За ним выбрался Бэрд, который все еще так сильно злился на Фоккера, что, как утверждалось, не обратил внимание на то, что у него безвольно и неестественно болтается левая рука. Фоккер же вообще не получил никаких повреждений, а только громко огрызался в ответ на крики Бэрда, который обвинял его в провале первого полета.

Эта катастрофа и серьезные разногласия в экипаже Бэрда замедлили подготовку к перелету на несколько недель. Беннета отвезли в больницу в Хэкенсаке, где он пролежал почти при смерти

последующие десять дней, и для перелета был полностью потерян. Самолет пришлось почти полностью переделать и переконструировать так, чтобы распределить нагрузку более равномерно. На какое-то время экипаж Бэрда оказался в отстающих.

Оставались два других экипажа, но судьба тоже не была на их стороне. 24 апреля, через восемь дней после крушения Бэрда, Кларенс Чемберлин устроил показательный полет над Лонг-Айлендом, взяв на борт «Колумбии» девятилетнюю дочь владельца этого самолета, Чарльза Левина, и дочь служащего Бруклинской торговой палаты. Полет для юных пассажиров выдался более чем волнующим, поскольку при взлете сломалась опора шасси и отвалилось одно колесо. Чемберлин сумел совершить почти идеальную посадку; ни пилот, ни пассажиры не пострадали, но самолет задел крылом землю и получил повреждения, отчего план подготовки «Колумбии» тоже был сильно нарушен.

После этого надежды публики были возложены на двух морских офицеров из военно-морской воздушной базы Хэмптон-Роудз в Виргинии, Ноэля Дэвиса и Стэнтона Х. Вустера. Это были опытные авиаторы, и их самолет «Кистоун Пэтфайндер», сооруженный в Бристоле, штат Пенсильвания, представлял собой сверкающую новую машину с тремя мощными двигателями Wright Whirlwind. Но публика не знала, что в конечной комплектации вес этого самолета превысил расчетный на 1150 фунтов. Дэвис с Вустером совершили ряд пробных полетов, с каждым разом увеличивая груз топлива на борту, и все испытания прошли благополучно. Последний испытательный полет был назначен на 26 апреля, через два дня после аварийной посадки Чемберлина. На этот раз они должны были подняться в воздух с полным грузом в семнадцать тысяч фунтов, почти на четверть больше того, что самолет поднимал до этого.

Среди тех, кто следил за взлетом, были молодая жена Дэвиса с маленьким сыном и невеста Вустера. Самолет отрывался от земли с трудом; наконец он подпрыгнул и взлетел, но недостаточно высоко, чтобы перелететь деревья, которые росли вдоль аэродрома. Вустер сделал резкий крен и попытался развернуться, но самолет замедлил движение и с грохотом рухнул. Дэвис с Вустером погибли мгновенно.

На какое-то время Америка потеряла всех претендентов для перелета через Атлантику.

Ситуацию усугублял тот факт, что у иностранцев дела шли не в пример лучше. Пока американские летчики испытывали новые конструкции самолетов наземного базирования, итальянцы сделали ставку на гидропланы, которые казались гораздо более многообещающими. Для гидропланов не требовались большие посадочные поля, поскольку они могли садиться на любой удобный водоем. Во время долгих перелетов над океанами они могли делать промежуточные посадки на воду; они могли исследовать джунгли, летая вдоль рек, садиться у прибрежных населенных пунктов, не имеющих удобных наземных площадок и долетать туда, куда не долетали обычные аэропланы.

Никто другой не сделал так много для популяризации гидропланов, как итальянский авиатор Франческо де Пинедо. Он родился в Неаполе, в семье юриста, и должен был пойти по стопам отца, но однажды открыл для себя дивный новый мир авиации, которой и посвятил всю свою жизнь. В 1925 году, совместно с механиком Эрнесто Кампанелли, Пинедо совершил перелет из Италии в Австралию и обратно через Японию. Они передвигались относительно короткими отрезками, всегда держась близко к побережью, но, тем не менее, в общей сложности преодолели тридцать четыре тысячи миль, что впечатляет по любым меркам. Пинедо стал национальным героем и удостоился награды из рук Бенито Муссолини, пришедшего к власти в 1922 году. Муссолини восхищался самолетами, обещавшими его стране техническое превосходство, и эти надежды, казалось, воплотились в лице невысокого, крепко сложенного неаполитанца, который стал представителем великого вождя в воздухе.

В 1927 году журнал «Тайм», основанный за четыре года до того, но уже разжившийся своими шаблонами, именовал Пинедо «смуглым фашистским асом» (почти каждый, кто жил южнее Альп, в «Тайм» описывался как «смуглый»). На самом деле Пинедо не был таким уж смуглым, и вовсе не был асом – во время войны он участвовал только в разведывательных полетах, – но что касается фашизма, то это была чистая правда. В черной рубашке, с набриолиненными волосами,

выпятивший челюсть и уставивший руки в боки, он казался почти комической карикатурой на самодовольного и напыщенного фашиста. В Европе того периода его идеологические пристрастия никого не удивляли, но весной 1927 года он прилетел в Америку, причем самым что ни на есть «героическим» способом.

Пока американцы довольно безуспешно готовились к трансатлантическому перелету, Пинедо вполне благополучно добрался до Соединенных Штатов вдоль побережья Африки, через Острова Зеленого Мыса, Южную Америку и Карибское море. Это был первый в истории перелет через Атлантический океан в западном направлении; пусть он был совершен с посадками, но все равно стал значительным достижением. В конце марта Пинедо прибыл в Новый Орлеан и приступил к помпезному перелету по Соединенным Штатам, хотя его не всегда встречали с радушием.

Трудно было решить, как относиться к такой фигуре. С одной стороны, Пинедо, как несомненно одаренный летчик, был достоин торжественных встреч. С другой стороны, он был представителем государства с сомнительным политическим строем; тот факт, что им восхищались многочисленные итальянские эмигранты, можно было считать угрозой американскому образу жизни. А в то время, когда американские летчики терпели одно поражение за другим, продолжительный и победоносный тур Пинедо по всей стране воспринимался почти как оскорбление.

Из Нового Орлеана Пинедо направился в Калифорнию, останавливаясь по дороге в Галвестоне, Сан-Антонио, Хот-Спрингсе и других городах для заправки, для встречи с небольшими группами поддержки и с более многочисленными группами простых зевак. 6 апреля, по пути к Сан-Диего, он приземлился у водохранилища под названием «Озеро Рузвельта» к западу от Финикса в Аризоне. Даже в таком, казалось бы, пустынном месте собралась толпа. Пока собравшиеся наблюдали за тем, как обслуживают самолет, один молодой человек по имени Джон Томасон зажег сигарету и небрежно бросил спичку в воду. Растекшиеся по водной поверхности масло и бензин тут же вспыхнули, и раздался оглушительный взрыв. За несколько секунд любимый самолет Пинедо охватило пламя, а рабочие, спасая свои жизни, попрыгали в воду.

Сам Пинедо в это время завтракал в прибрежной гостинице и, скорее всего, видел из окна, как с того места, где стоял его горячо любимый самолет, поднимаются клубы дыма. Самолет был полностью уничтожен, за исключением двигателя, который опустился на дно в шестидесяти футах от поверхности. Итальянская пресса, и без того чрезмерно критически настроенная к антифашистскому движению в США, разразилась гневными обвинениями в саботаже. «Гнусное преступление против фашизма», – кричали заголовки одних газет. «Отвратительная выходка антифашистов», – вторили им другие. Посол США в Италии, Генри П. Флетчер, только ухудшил ситуацию, отправив Муссолини письмо с извинениями, в котором назвал пожар «криминальным актом, совершенным по неосмотрительности», и пообещал «разыскать и жестоко наказать виновных». Римские корреспонденты «Тайм» на протяжении многих дней докладывали, что единственной темой разговоров итальянцев была катастрофа, случившаяся с «их героем, их сверхчеловеком, их полубогом Пинедо». В конечном счете стороны постепенно успокоились, но подозрения остались, и с тех пор Пинедо, членов его экипажа и все его вещи строго охраняли угрожающего вида молодчики в фашистской униформе со стилетами и дубинками.

Пока помощники Пинедо поднимали двигатель со дна озера, он направился на восток, в Нью-Йорк, куда должны были доставить новый самолет из Италии. Его пообещал прислать сам Муссолини.

Тогда Пинедо еще не знал, что это только начало неприятностей на земле и в воздухе, которые ожидают его в дальнейшем.

Внимание публики перенеслось в Париж, где утром 8 мая из административного здания аэродрома Ле-Бурже под рукоплескания собравшихся вышли двое мужчин средних лет в мешковатой летной форме. Это были капитан Шарль Нунжессер и капитан Франсуа Коли, чувствовавшие себя слегка неловко под взглядами зрителей. Их странные одеяния, делавшие их похожими на закутанных детей зимой, были призваны спасти их от холода, поскольку им предстояло пролететь в открытой кабине около 3600 миль.

Многие из зрителей провели на аэродроме всю ночь. Газета «Нью-Йорк таймс» сравнивала это мероприятие с вечеринкой под открытым небом. Среди присутствовавших были товарищ Нунжессера, боксер

Жорж Карпантье, и певец Морис Шевалье со своей любовницей, известной певицей и актрисой Мистенгетт.

Нунжессер и Коли были из тех ветеранов войны, что обычно посещают различные вечеринки и хвастаются тем, как смело они встречали опасность. Но на этот раз повод привлечь к себе внимание был совсем иным. Сорокашестилетнему Коли и в самом деле было чем похвастаться – немногие авиаторы дожили до его возраста, не говоря уже о том, чтобы по-прежнему летать. Но его доблесть не шла ни в какое сравнение с удивительной способностью Нунжессера навлекать на себя многочисленные ранения и травмы. Никто на войне не получал столько ран или, по крайней мере, так быстро не вставал в строй после них. После войны он даже перечислял их на своей визитной карточке: шесть переломов челюсти (четыре верхней, два нижней); переломы черепа и неба; пулевые ранения рта и уха; вывихи запястья, ключицы, лодыжки и коленей; потери зубов; осколки шрапнелей в верхней части туловища; контузии; множественные переломы ног и другие повреждения, «слишком многочисленные, чтобы их упоминать». Однажды он получил серьезные повреждения в автомобильной аварии, в которой погиб его спутник. Порой его затаскивали, полуживого, в кабину пилота, после чего он успешно взлетал. При этом он сбил сорок четыре самолета (хотя сам утверждал, что их было гораздо больше), и в этом среди французских авиаторов его опередил один лишь Рене Фонк. Медалей он получил столько, что они звенели, когда он облачался в парадный мундир. Разумеется, в своей визитке он тоже их перечислял.

Как и в случае с другими пилотами, окончание войны застало Нунжессера, в каком-то смысле, врасплох. Некоторое время он работал пастухом-гаучо в Аргентине, демонстрировал трюки в США вместе со своим другом маркизом де Шареттом и даже стал звездой фильма «Небесный рейдер», съемки которого проходили на том самом аэродроме имени Рузвельта в Нью-Йорке, на котором сейчас шла подготовка к гонке за приз Ортейга.

Природное очарование и грудь в медалях всегда делали Нунжессера привлекательным в глазах женщин, но весной 1923 года после бурного романа он обручился с юной девятнадцатилетней нью-йоркской светской львицей Консуэло Хэтмейкер. Мать Консуэло, в девичестве Нелли Сэндс, сама была дамой не промах, сменившей трех

мужей, в том числе и мистера Хэтмейкера, с которым развелась в 1921 году. Этот грубоватый, но в целом добродушный джентльмен был резко настроен против брака своей дочери с капитаном Нунжессером, которого – не без оснований, если на то поглядеть, – называл ничемным оборванцем и пройдохой, непригодным ни на что, кроме войны, да еще и французом. Но бывшая супруга мистера Хэтмейкера, напротив, всячески поддерживала будущий брак и даже заявила, что также собирается выйти замуж – за своего последнего избранника капитана Уильяма Уотерса, некоего американца, не оставившего о себе никаких следов в истории, за исключением тех случаев, когда женился на миссис Хэтмейкер и когда развелся с ней несколько лет спустя. Мать и дочь устроили совместную церемонию бракосочетания в бретонском городке Динар, неподалеку от того места, где Шарлю Нунжессеру предстояло бросить последний взгляд на свою родину весной 1927 года.

Брак Консуэло и Шарля тоже не был удачным. С самого начала невеста заявила, что не собирается жить во Франции, тогда как Шарль поклялся, что не поселится ни в какой другой стране мира. Они быстро расстались и в 1926 году развелись. Но, должно быть, какие-то виды на свою бывшую избранницу у него все же оставались, поскольку в разговорах с друзьями он высказывал предположение, что какой-нибудь героический поступок возвысит его в глазах драгоценной Консуэло, а заодно и предоставит ему доступ к ее не менее драгоценному состоянию. Крушение Фонка предыдущей осенью подвигло его на то, чтобы убедить французского авиаконструктора Пьера Левассера построить новый самолет для трансатлантического перелета и тем самым отстоять честь Франции. Что может быть патриотичнее, чем французу получить приз, объявленный французом, и при этом благодаря французской машине! На роль пилотов он предложил себя и своего товарища Коли. Свой самолет они назвали «L'Oiseau Blanc» («Белая птица») и покрасили его в белый цвет, чтобы его было заметно в море, если он вдруг упадет. Начавшееся в Париже патриотическое воодушевление некоторые потом воспринимали как знак последующей катастрофы. Лететь французским авиаторам предстояло преимущественно против ветра, что должно было замедлить скорость и увеличить расход топлива. Двигатель самолета был тот же Lorraine-Dietrich с воздушным охлаждением, что был

установлен и на самолете Пинедо, пролетевшем от Италии до Австралии, так что в этом отношении, казалось бы, все было благополучно, но только этот двигатель не предназначался для дальних беспосадочных перелетов. В любом случае они не могли взять на борт топлива более чем на сорок часов, а это практически не оставляло шансов на ошибку. Похоже, Нунжессер и сам понимал бесперспективность своей затеи. 8 мая, поднимаясь на борт самолета, он едва улыбался и почти не приветствовал толпу, погруженный в свои мысли. Чтобы придать себе заряд бодрости, он распорядился о внутривенной инъекции кофеина, которая вряд ли сослужила хорошую службу его расшатанным нервам.

Коли же, напротив, выглядел совершенно спокойным, но согласился с тем, что самолет перегружен и что нужно его облегчить. Пилоты решили отказаться от большей части своего рациона, от спасательных жилетов и надувной лодки. В случае крушения им бы пришлось полагаться только на дистиллированную морскую воду, удочку с крючком и небольшой паек: три банки тунца и одну сардин, дюжину бананов, килограмм сахара, фляжку с кофе и бренди. Но даже после разгрузки самолет весил почти одиннадцать тысяч фунтов. С первоначальной нагрузкой он бы вообще не взлетел.

Когда подготовка была закончена, Коли обнялся с женой, а Нунжессер помахал провожающим, и вместе они поднялись на борт. Самолет выехал на стартовую площадку в 5.15 утра. Взлетная полоса в Ле-Бурже была длиной в две мили, и она могла пригодиться им вся до конца. Поначалу самолет двигался по покрытой травой площадке медленно и неуклюже, но постепенно набрал скорость. Потом он легко поднялся, но снова опустился и так пропрыгал еще сотни три ярдов, прежде чем окончательно взмыть в воздух. Главный конструктор, почти все время бежавший за самолетом, упал на колени и зарыдал. Сам взлет уже был великим достижением, ведь до сих пор это не удалось ни одному самолету из участвовавших в трансатлантической гонке. Толпа радостно зашумела. «Белая птица» степенно поднялась и скрылась в тумане на западе, развернувшись по направлению к Ла-Маншу. Через час и двадцать семь минут, в 6.42 утра, Нунжессер и Коли достигли меловых утесов Нормандии в районе Этрета. Четыре сопровождающих самолета помахали крыльями и отлетели в сторону.

«Белая птица» продолжила путь в одиночестве, направившись к Британским островам и далее, к холодной Атлантике.

Вся Франция замерла в ожидании.

На следующий день пришли радостные вести о том, что два авиатора достигли своей цели. Парижская газета «Энтрансижан» напечатала статью с заголовком «Nungesser est arrivé» («Нунжессер прилетел»; в возбуждении газетчики даже перепутали акцент над словом arrivé). Другая газета, «Пари пресс», даже переводила речь Нунжессера, с которой он якобы обратился к жителям Америки после приземления. Согласно этой статье, Нунжессер удачно приземлился в нью-йоркской гавани и остановил самолет прямо перед статуей Свободы (которую американцам тоже подарили французы, как не преминули гордо заметить в статье). На суше авиаторов приветствовали ликующие жители города, осыпавшие их серпантинном и проводившие парадом вдоль Пятой авеню.

Новости, казалось, парализовали всю жизнь Парижа. Повсюду звенели колокола. Незнакомцы обнимались и плакали. Вокруг любого, кто шел с газетой, собирались толпы. Левассер отправил телеграмму с поздравлениями. У дома матери Коли в Марселе разбили бутылку шампанского. «Я знала, что у моего мальчика все получится, потому что он сам так сказал», – заявила мать Коли со слезами радости на глазах.

Но вскоре выяснилось, что все эти известия – плод чистейшей выдумки журналистов. Нунжессер и Коли вовсе не прилетели в Нью-Йорк. Они вообще никуда не прилетели, и о них до сих пор не было ни слуху ни духу.

Тут же начались лихорадочные поиски двух человек по всему океану. Военным кораблям и морским судам послали распоряжения тщательно осмотреть все участки. В воздух поднялся дирижабль военно-морского флота США «Лос-Анджелес». Пассажирскому лайнеру «Франция», шедшему из Гавра в Нью-Йорк, французское правительство приказало повернуть севернее, несмотря на опасность столкновения с айсбергами, в надежде, что он наткнется на севшую на воду «Белую птицу». На аэродроме имени Рузвельта Родман Уонамейкер предложил награду в 25 000 долларов тому, кто найдет пропавших авиаторов живыми или мертвыми.

Несколько дней люди цеплялись за надежду, что Нунжессер и Коли объявятся в любой момент, потерпевшие неудачу, но невосприимчивые, но с каждым часом шансы таяли, тем более что погода только ухудшалась. Над атлантическим побережьем поднялся густой туман и покрыл весь берег от Лабрадора до Среднеатлантических Штатов. Смотритель плавучего маяка Эмброуз-Лайт в устье нью-йоркской гавани доложил о том, что на его маяк уселись тысячи птиц, сбившиеся во время ежегодного перелета на север. В Сэнди-Хук, в штате Нью-Джерси, четыре прожектора бесцельно прочесывали небо, неспособные пронзить темную пелену. В Ньюфаундленде резко опустилась температура и пошел слабый снег.

Комментаторы, не зная о том, что летчики в последний момент отказались взять дополнительные припасы, утверждали, что у Нунжессера и Коли достаточно продуктов, чтобы продержаться несколько недель, и что их самолет может держаться на воде бесконечно (на самом деле это было не так). Многие возлагали надежды на тот факт, что двумя годами ранее американский авиатор Джон Роджерс и три члена его команды после неудачного перелета из Калифорнии на Гавайи девять дней провели на плаву в Тихом океане, и их уже сочли погибшими, когда они были спасены подводной лодкой.

Ходили слухи о том, что Нунжессера и Коли видели в разных местах, в частности, в Исландии или в Лабрадоре, куда их доставили проходившие мимо места их крушения корабли. Три человека из Ирландии сообщили, что видели их, хотя эти сообщения подавали мало надежды, потому что для страны с населением в три миллиона человек три человека – это ничтожно мало. Шестнадцать человек из Ньюфаундленда, преимущественно из района Харбор-Грейс, доложили о том, что слышали звук пролетающего самолета или даже видели сам самолет, хотя никто не мог сказать точно, что это был за аппарат. Похожие сообщения приходили из Новой Шотландии, Мэна, Нью-Гемпшира и даже из Порт-Вашингтона на Лонг-Айленде.

Один канадский охотник предъявил записку, написанную якобы Нунжессером, но настолько неграмотным языком и грубым почерком, что, скорее всего, она была составлена самим охотником. Находили и послания в бутылках, причем вплоть до 1934 года. Но никаких следов крушения, как и самих авиаторов, так и не нашли.

Во Франции ходили слухи, что Бюро прогнозов США намеренно скрывает важную информацию от французов, чтобы дать преимущество американским летчикам. Майрон Херрик, посол США во Франции, отправил телеграмму о том, что в такой ситуации вылетать американцам не рекомендуется.

Та неделя вообще выдалась крайне неудачной для французской авиации. В то же время, когда Нунжессер и Коли вылетали из Ле-Бурже, трое других французов, Пьер де Сен-Роман, Эрве Мунейр и Луи Пети, предприняли попытку совершить еще один грандиозный перелет, который ныне совершенно забыт, да и тогда не привлек слишком большого внимания публики. Они вылетели из Сенегала на западном побережье Африки в Бразилию. Находясь в 120 милях от бразильского побережья, они послали радиосообщение, что прибудут примерно через час, как доложил корреспондент журнала «Тайм». Это было их последнее сообщение. Никаких обломков и тел также найдено не было.

За девять месяцев в попытке перелететь Атлантику погибли одиннадцать человек. Казалось, сама судьба протестует против такого дерзкого замысла, но именно в это время на сцене появляется один долговязый молодой человек по прозвищу Худышка и заявляет о том, что готов пересечь океан в одиночку. Звали его Чарльз Линдберг.

Наступало самое необычное лето.

Май

Молодой человек

*«Весной 27-го года нечто яркое и чужеродное
промелькнуло по небосводу».*

*Ф. Скотт Фицджеральд «Мой
невозвратный город»*

За десять дней до того, как он стал настолько знаменитым, что вокруг каждого дома, который он посещал, собирались толпы, а официанты дрались за право забрать обглоданный кукурузный початок с его тарелки, никто даже краем уха не слышал имени Чарльза Линдберга. Его лишь однажды упомянула газета «Нью-Йорк таймс» в связи с подготовкой к трансатлантическим перелетам, да и то с ошибкой.

Новости, заботившие нацию весной – летом 1927 года уступили место новым мрачным известиям об убийстве, совершенном в скромном семейном доме на Лонг-Айленде, который по случайному совпадению находился неподалеку от аэродрома имени Рузвельта, где собирались те, кто надеялся-таки перелететь Атлантику. Падкие до сенсаций газетчики обозвали этот случай «Делом об оконном противовесе».

Вкратце история была такова. Поздней ночью 20 марта 1927 года мистер Альберт Снайдер и его супруга спали в стоявших рядом кроватях в своем доме на 222-й улице, в тихом районе среднего класса Куинс-Виллидж, как вдруг миссис Снайдер услышала подозрительный шум со стороны лестницы на второй этаж. Встав с кровати и открыв дверь, она увидела перед собой огромного мужчину – «великана», как она сообщила полиции, – который с иностранным акцентом сказал что-то другому человеку, которого она не видела. Не успела миссис Снайдер сообразить, что ей делать, как великан набросился на нее и так жестоко избил, что она шесть часов пролежала без сознания. После этого мужчина и его сообщник подошли к кровати мистера Снайдера, связали несчастного шнуром от картины и ударили по голове противовесом от оконной рамы. Именно эта подробность и привлекла внимание публики и дала убийству имя. Затем грабители перерыли все ящики в доме и сбежали, прихватив драгоценности миссис Снайдер, но оставили на столе улику в виде газеты на итальянском языке.

На следующий день происшествием заинтересовалась газета «Нью-Йорк таймс», хотя обстоятельства происшествия немного

сбивали с толку ее корреспондентов. Крупный заголовок во всю страницу кричал:

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР УБИТ В ПОСТЕЛИ;

ЖЕНА СВЯЗАНА, ДОМ ОГРАБЛЕН;

ПОЛИЦЕЙСКИЕ ОЗАДАЧЕНЫ МОТИВАМИ

В статье говорилось о том, что доктор Винсент Джастер из больницы Святой Марии Непорочной осмотрел миссис Снайдер и не нашел никаких следов повреждений на ее голове, которые бы объясняли, почему она пролежала без сознания шесть часов. Он вообще не обнаружил на ней никаких ран и шишек. Возможно, предположил доктор осторожно, причиной обморока была психологическая, а не физическая травма.

У полицейских детективов же с каждым часом появлялось все больше подозрений. Прежде всего в доме Снайдеров не было следов насильственного проникновения, да к тому же он был довольно скромным, чтобы привлечь внимание грабителей. Кроме того, казалось странным, что Альберт Снайдер крепко спал, пока его жену избивали и связывали прямо у двери спальни. Девятилетняя дочь Снайдеров, Лоррен, спала в комнате напротив, но тоже ничего не слышала. Также казалось странным, что грабители, проникнув в дом, решили почитать анархистскую газету, а потом положили ее на стол и поднялись наверх. Но самый непонятный факт состоял в том, что кровать миссис Снайдер, с которой она поднялась, услышав шум в коридоре, была аккуратно убрана, как будто на ней вовсе не спали. Сама миссис Снайдер не смогла объяснить этот факт, сославшись на помутнение сознания. Пока следователи ломали себе голову над этими аномалиями, один из них приподнял угол матраса на кровати миссис Снайдер и обнаружил драгоценности, которые якобы были похищены.

Все устремили взор на Рут. Она беспокойно заерзала, а потом призналась в совершении преступления, хотя всю вину возложила на некоего неотесанного болвана по имени Джадд Грей, который был ее

тайным любовником. Рут Снайдер арестовали, и полиция начала поиски Джадда Грея. Читающая американская публика ухватилась за эту историю и принялась следить за ней с неестественным возбуждением.

В 1920-х годах американцы читали много – пожалуй, как ни в какой другой период американской истории. Вскоре эта страсть сменится интересом к радио, но пока что чтение оставалось одним из самых главных способов провести свободное время. Ежегодно в США издавалось более 10 000 отдельных наименований книг, что было вдвое больше предыдущего десятилетия. Для помощи тем, кто боялся запутаться в таком изобилии, возник новый феномен – книжные клубы. В 1926 году был основан клуб «Книга месяца», а в следующем – «Литературная гильдия». К писателям относились с таким почтением, с каким к ним сегодня не относится никто. Когда Синклер Льюис вернулся домой в Миннесоту, чтобы работать над романом «Элмер Гентри» (опубликованным весной 1927 года), люди проезжали немало миль, чтобы только посмотреть на живого писателя.

Журнальное дело тоже процветало. В то десятилетие доходы от рекламы увеличились в 500 раз, и многие из основанных тогда журналов стали самыми известными и популярными: в 1922 году «Ридерз дайджест», в 1923 году «Тайм», в 1924 году «Америкэн меркьюри» и «Смарт сет», в 1925 году «Нью-Йоркер». Самым же влиятельным, пожалуй, был журнал «Тайм», основанный двумя бывшими однокурсниками по Йельскому университету, Генри Льюсом и Брайтоном Хэдденом. Он достиг небывалой популярности, хотя зачастую излагаемые в нем факты были далеки от достоверности. Шарль Нунжессер в нем, например, описывался, как «потерявший руку, ногу и челюсть» во время войны, хотя тут же печатались и фотографии этого авиатора, на которых было видно, что у него полный набор конечностей, да и лицо тоже в порядке. «Тайм» прославился своим пристрастием к определенным словечкам и выражениям, вроде «смуглый», «шустрый» и «сверлящий взглядом», а также к неуклюжим неологизмам, вроде «синемавлечение» и «синема-актриса». Также в его статьях встречались искаженные фразеологизмы, вроде «в точный срок» вместо «точно в срок», и авторы демонстрировали загадочную привязанность к обратному порядку слов, так что все предложение

казалось неумелым переводом с немецкого, где глаголы ставятся в самом конце, а до них существительные, прилагательные и наречия нанизываются друг на друга, или, как писал Уолкотт Гиббс в своем известном очерке о Льюисе, изданном в журнале «Нью-Йоркер»: «Вспять предложения текут, пока мысль не запутают». Но несмотря на любовь к модным словечкам и показному шику, в глубине души Льюис и Хэдден оставались консерваторами. Так, например, женщины у них в редакции никогда не получали должности выше уборщицы или секретарши.

Но, что самое главное, 1920-е стали настоящим золотым веком газет. За десятилетие продажи газет выросли до 36 миллионов экземпляров в день, и на каждую семью в среднем приходилось по 1,4 газеты. В одном Нью-Йорке выходило двадцать ежедневных газет, а почти во всех крупных городах издавалось не менее двух-трех. Более того, читатели привыкли получать информацию из нового, революционного типа издания, коренным образом изменившего ожидания и представление о том, что такое новости, – из «таблоидов». Таблоиды писали, в основном, о преступлениях, о спорте и о знаменитостях, и потому эти темы начали вызывать неслыханный ранее интерес. Одно исследование, проведенное в 1927 году, показало, что таблоиды уделяли от четверти до трети своего содержания сводкам из мира криминала, что было в десять раз больше соответствующих разделов серьезных газет. Влияние таблоидов было настолько велико, что любое преступление, даже такое, казалось бы, не слишком громкое, как убийство Альберта Снайдера, приобретало статус общенациональной сенсации.

Таблоиды, как формат, и как способ подачи «горячих» новостей, до этого четверть века существовали в Англии, но никто не пытался создать нечто подобное в Соединенных Штатах, пока два представителя издательского семейства «Чикаго трибюн», Роберт Р. Маккормик и его кузен Джозеф Паттерсон, проходя службу в Англии во время Первой мировой войны, не увидели лондонскую «Дейли миррор» и не решили сделать у себя дома такую же газету. В результате в июне 1919 года на свет появилась «Дейли ньюс» по цене 2 цента за экземпляр. Надо сказать, что он не сразу стал пользоваться успехом – в одно время тираж составлял всего одиннадцать тысяч, – но постепенно у «Дейли ньюс» сформировалась своя аудитория, и в

середине 1920-х это была уже самая издаваемая газета в стране с тиражом в один миллион экземпляров, что было вдвое больше, чем у «Нью-Йорк таймс».

Такой успех неизбежно пробудил интерес подражателей. Сначала, в июне 1924 года, вышла газета «Нью-Йорк дейли миррор», основанная Уильямом Рэндольфом Херстом, а через три месяца вышла еще более эксцентричная «Ивнинг график». Это было детище чудаковатого бизнесмена с всклокоченной шевелюрой по имени Бернард Макфадден, который за пятьдесят лет до этого появился на свет в сельской местности в Миссури под более прозаичным именем Бернард. Человек этот отличался довольно своеобразным поведением и экзотическими убеждениями. Он не любил врачей, юристов и одежду, но увлекался бодибилдингом, вегетарианством и прогулками в обнаженном виде, а еще защищал права горожан на достойный железнодорожный транспорт. Вместе с женой они часто смущали своих соседей по Энгельвуду в Нью-Джерси – среди которых был и Дуайт Морроу, один из примечательных персонажей этой книги, как выяснится в дальнейшем, – тем, что расхаживали голыми по лужайке. Макфадден был настолько яростным проповедником здорового образа жизни, что, когда одна из его дочерей скончалась от болезни сердца, он заметил: «Это даже к лучшему, а то она меня только позорила». В возрасте восьмидесяти с лишним лет он продолжал бегать по Манхэттену с сорокафунтовым мешком с песком на спине, чтобы поддерживать фигуру. Умер он в восемьдесят семь.

Как бизнесмен, он, похоже, решил посвятить свою жизнь реализации самых безумных идей, какие только придутся по вкусу публике. Самыми доходными оказались три предприятия. Первым стал научный культ под названием «Физкультопатия», последователи которого должны были придерживаться вегетарианства и развивать свое тело, по мере возможностей гуляя в обнаженном виде. В рамках этого движения были основаны довольно успешные «фермы здоровья» и выходили специальные публикации. В 1919 году в качестве продолжения этой затеи Макфадден основал журнал «Правдивая история», в котором печатались «признания из жизни». Успех этого журнала затмил даже успех предыдущего предприятия, и вскоре его ежемесячный тираж составлял 2,2 миллиона экземпляров. Все истории в журнале были откровенными и даже пикантными, «с привкусом

сексуального возбуждения», согласно словам одного критика, оставшегося довольным этими статьями. Макфадден гордо хвастался, что ни одно слово в этих историях не выдуманно. Но это признание стоило ему определенной суммы, когда выяснилось, что в одной статье, опубликованной в 1927 году под названием «Разоблачающий поцелуй», действие в которой происходило в Скрэнтоне, штат Пенсильвания, упоминаются реальные имена восьми добропорядочных граждан. Они подали на издателя в суд, и Макфадден был вынужден признать, что многие из его «правдивых историй» не совсем правдивы, а некоторые даже полностью вымышлены.

Когда пошла мода на таблоиды, Макфадден основал «Ивнинг график», примечательной чертой которого было то, что в нем и не пытались создавать видимость правды или даже связи с существующей реальностью. В нем печатались вымышленные интервью и рассказы под авторством тех, кто явно не мог их написать. Когда в 1926 году умер Рудольф Валентино, таблоид напечатал серию его статей из могилы. Еще «Ивнинг график» прославился своими оригинальными иллюстрациями под названием «композиграфии», на которых лица тех, о ком шла речь в статьях, приставлялись к телам моделей в эффектных позах. Самые примечательные из этих иллюстраций были напечатаны в начале 1927 года во время бракоразводного процесса между Эдвардом У. Браунингом по прозвищу Тедди и его молодой и легкомысленной невестой по прозвищу Персик, которая на фотокомпозициях (без всякого намека на реалистичность) стояла на свидетельской скамье обнаженной. В тот день было продано 250 000 дополнительных экземпляров газеты. «Нью-Йоркер» назвал «Ивнинг график» «зловредным грибком, выросшим на почве гротеска», но это был феноменально успешный грибок. В 1927 году его тираж приближался к шестистам тысячам.

Для обычных газет такие цифры стали поводом для серьезного беспокойства. Многие начали заметно подражать таблоидам, если не по оформлению, то по содержанию. Даже «Нью-Йорк таймс», несмотря на свою солидность и важность, позволяла себе время от времени печатать пикантные статьи на сенсационные темы. А уж когда становилось известно о каком-нибудь преступлении, вроде убийства Альберта Снайдера, то газетчики и вовсе впадали в раж.

И даже было неважно, что сами преступники оказались на удивление неумелыми и бестолковыми – вплоть до того, что писатель Дэймон Раньон назвал этот случай «Убийством тупиц», – или что они не отличались особой привлекательностью или воображением. Достаточно было того, что здесь фигурировали похоть, супружеская неверность и бессердечная женщина, а также противовес от оконной рамы. Все это очень хорошо подавалось в газетах. Дело Снайдер – Грея получило освещение в прессе больше, чем любое другое преступление той эпохи, вплоть до похищения Бруно Хауптманном ребенка Чарльза Линдберга в 1935 году. Но что касается влияния на массовую культуру, то с ним не могло сравниться даже это похищение.

В 1920-х годах судебные разбирательства в Америке проходили на удивление быстро. Не прошел и месяц, как Джадда Грея и Рут Снайдер задержали, предъявили им обвинения и посадили на скамью подсудимых. Вокруг классически строгого здания суда округа Куинс в Лонг-Айленд-Сити воцарилась атмосфера своеобразного карнавала. Своих корреспондентов послали сюда сто тридцать газет, как со всей страны, так и из таких далеких уголков мира, как Норвегия. «Вестерн-Юнион» установил крупнейший коммутатор, который превосходил даже тот, что устанавливался для освещения президентских дебатов или чемпионата по бейсболу. Вокруг суда выстроились ларьки со съестным и сувенирами в виде противовеса для оконной рамы стоимостью десять центов каждый. Ежедневно внутрь пытались прорваться целые толпы людей. Те, кому не повезло, стояли снаружи и довольствовались мыслью о том, что скандально знаменитое дело разбирается в здании напротив. Своим присутствием судебное разбирательство почтили некоторые богатые и известные лица, в том числе маркиза Куинсберри и жена судьи Верховного суда США.

Те же, кому повезло получить места внутри, каждый день после окончания разбирательства имели и возможность подойти поближе и рассмотреть все знаменитые экспонаты, фигурировавшие в деле: противовес от оконной рамы, шнур от картины и бутылку хлороформа. «Ньюс» и «Миррор» посвящали разбирательству по восемь статей ежедневно. Если всплывали какие-нибудь подробности – например, что Рут Снайдер в ночь убийства встретила Джадда Грея в кроваво-красном кимоно, то этому посвящался отдельный экстренный выпуск, словно при объявлении войны. Для тех, кто не хотел довольствоваться

одними словесными описаниями, «Миррор» на протяжении трех недель напечатала 160 фотографий, диаграмм и других иллюстраций. Недолгое время одним из адвокатов Грея был некий Эдвард Рейлли, позже получивший известность благодаря тому, что защищал Бруно Ричарда Хауптманна в деле о похищении ребенка Линдберга. Но поскольку он увлекался алкоголем, его отстранили еще на ранней стадии.

Каждый день на протяжении трех недель присяжные, репортеры и зрители выслушивали изложение трагических событий, приведших к гибели Альберта Снайдера. История началась за десять лет до этого, когда Снайдер, одинокий и лысеющий художественный редактор журнала «Мотор ботинг», влюбился в бойкую, но недалекого ума секретаршу по имени Рут Браун. Она была младше его на тринадцать лет; редактор ей не особо нравился, но когда на третьем или четвертом свидании он показал ей обручальное кольцо с большим драгоценным камнем, ее сердце растаяло. «Я просто не могла отказаться от такого кольца», – простодушно призналась она подруге.

Они поженились через четыре месяца после первой встречи и переехали в дом Альберта в Куинс-Виллидж. Счастливый медовый месяц длился недолго даже по меркам неблагополучных браков. Альберт мечтал о тихой семейной жизни. Рут же, которую ее знакомые называли «Томми», стремилась к шумному веселью. Альберт выводил ее из себя тем, что отказывался убирать фотографии своей предыдущей возлюбленной. Через два дня после свадьбы она призналась, что на самом деле не любит его. Так начались десять лет брака без любви.

У Рут вошло в привычку развлекаться самостоятельно. В 1925 году в одном манхэттенском кафе она познакомилась с Джаддом Греем, коммивояжером компании «Бин Джоли», распространявшим корсеты. Они вступили в связь. На роль злодея Грей, весивший 120 фунтов и носивший очки с толстыми линзами, делавшими его похожим на сову, совершенно не годился. Рут он называл «Мамочка». В свободное от адюльтера время он преподавал в воскресной школе, пел в церковном хоре и собирал деньги для Красного Креста. Вдобавок ко всему он был женат и воспитывал десятилетнюю дочь.

Рут все больше разочаровывалась в своем браке и уговорила своего ничего не подозревавшего мужа подписать страховой договор,

согласно которому ей в случае его насильственной смерти или трагической гибели причиталась выплата почти в 100 000 долларов. Оставалось только устроить так, чтобы насильственная смерть не миновала его стороной. Она подмешивала яд в его вечерний виски и в сливовый десерт (этому факту журналисты уделяли особое внимание). Когда стало понятно, что яд не действует, она стала добавлять размолотое снотворное в микстуру, давала ему таблетки двуххлористой ртути под предлогом, что это полезное лекарство, и даже попыталась отравить его газом, но пребывавший в блаженном неведении Альберт Снайдер упрямо отказывался умирать. Тогда Рут обратилась за помощью к Джадду Грею. Вместе они разработали план, как им казалось, идеального убийства. Грей поехал на поезде в Сиракузы и зарегистрировался в отеле «Онондага», постаравшись попасться на глаза как можно большему количеству постояльцев. Потом он тайком вышел из отеля и вернулся в город. Пока он отсутствовал, его знакомый зашел в номер, взбил кровать и вообще постарался сделать вид, что в комнате кто-то ночевал. Заодно этот знакомый отослал из отеля письма от имени Грея. Обеспечив себе, таким образом, алиби, Грей поехал в Куинс-Виллидж, где поздно ночью ему открыла поджидавшая на кухне Рут, облаченная в то самое кимоно кроваво-красного цвета. Согласно плану, Грей должен был пробраться в спальню супругов и размозжить голову Альберта противовесом от оконной рамы, который Рут специально для этого положила на шкаф. Но план не сработал. Грей размахнулся недостаточно сильно, и только разбудил ударом жертву. Увидев над собой склонившегося невысокого незнакомца, державшего в руке тупое орудие, Снайдер закричал, схватил Грея за галстук и принялся душить.

– Мамочка, Мамочка, помоги же, ради бога! – захрипел Грей.

Рут выхватила противовес из рук своего незадачливого любовника и со всей силы обрушила его на череп своего мужа, отчего тот сразу обмяк. Потом они с Греем засунули вымоченную хлороформом ткань в ноздри Альберта и удушили его шнуром от картины, который она тоже приготовила заблаговременно. Затем они разворошили ящики и шкафы по всему дому, чтобы обставить все дело, как ограбление. Никому из них не пришло в голову расстелить кровать Рут, чтобы сделать вид, будто она в ней спала. Осторожно перевязав Рут ноги и руки, Грей аккуратно уложил ее на пол. Под конец его посетила гениальная, по

его мнению, мысль — оставить на столе внизу итальянскую газету, чтобы полицейские подумали, будто грабители были злоумышленниками-иностранцами, наподобие Николы Сакко и Бартоломео Ванцетти, известных анархистов, которые в то время как раз ожидали казни в Массачусетсе. Когда все было сделано, Грей поцеловал Рут на прощание, вышел, поймал такси в город и поехал поездом обратно в Сиракузы.

Грей был убежден, что даже если полицейские и выйдут на его след, они ничего не докажут, потому что у него есть алиби. Многие могли бы подтвердить, что той ночью он находился в трехстах милях от места убийства, в Сиракузах. К несчастью для него, Грея запомнил таксист из Лонг-Айленда, которому мужчина дал 5 центов чаевых за поездку стоимостью в 3,5 доллара. Даже по меркам 1920-х годов такая мелкая монетка, скорее, выглядела, как издевательство, а не как благодарность. Естественно, таксист охотно дал показания и опознал Грея. Грея задержали во все том же отеле «Онондага», где он заявил, что невиновен. «Меня ни разу не штрафовали даже за превышение скорости», — говорил он, утверждая, что провел в гостинице все выходные. Наверное, он уже и не помнил, что выбросил билет на поезд в корзину для мусора, стоявшую в номере. Когда полицейский нашел этот билет и предъявил его Грею, тот тут же признался. Узнав, что Рут обвиняет его во всем, он принялся убеждать полицейских, что это она замыслила убийство и вынудила его пойти на преступление, угрожая рассказать об их связи любящей его жене. Сразу стало понятно, что между ним и Рут Снайдер никаких теплых чувств уже быть не может.

Интерес к судебному разбирательству был настолько велик, что от внимания журналистов не ускользала ни одна деталь, какой бы незначительной и не относящейся к сути дела она ни была. Читатели узнавали, что главный судья, Таунсенд Скаддер, держит у себя в доме на Лонг-Айленде 125 собак, которых каждый вечер кормит лично. Кто-то еще подсчитал и не преминул напечатать, что общий возраст всех присяжных равен пятистам годам. Один из адвокатов Рут, Дэйна Уоллес, заслужил особое упоминание тем, что был сыном владельца грузового судна «Мария Селеста», найденного в водах Атлантики в 1872 году без единого члена экипажа на борту. Журналист Сайлас Бент

тщательно измерил высоту газетных заметок в дюймах и выяснил, что изложение дела Снайдер – Грея заняло больше места, чем изложение гибели «Титаника». Это дело комментировали известные фигуры, такие как автор детективов Мэри Робертс Райнхарт, драматург Бен Хехт, кинорежиссер Д. У. Гриффит, актриса Мэй Уэст и историк Уильям Дюрант, автор «Истории философии», которая в то время продавалась как бестселлер, хотя и не имела отношения к совершенному на Лонг-Айленде преступлению. Высказывал свое мнение и некий фокусник по имени Терстрон. Моральную сторону дела обсуждали три ведущих евангелиста: Билли Сандей, Эйми Семпл Макферсон и Джон Роуч Стрейтон. Последний прославился тем, что ненавидел практически все: «карточные игры, коктейли, пуделей, джаз, театр, платья с глубоким вырезом, разводы, романы, душные помещения, Кларенса Дэрроу, переедание, Музей естественной истории, эволюцию, влияние «Стандард Ойл» на баптистскую церковь, профессиональный бокс, частную жизнь актеров, картины с обнаженными моделями, игру в бридж, модернизм и собачьи бега», как писал один ироничный современник. Теперь в этот список он с удовольствием внес Рут Снайдер и Джадда Грея; по его мнению, они заслуживали смертной казни, и чем быстрее, тем лучше. Макферсон же был сдержаннее; он просто молился в надежде, что Господь заставит молодежь задуматься: «Мне нужна жена, похожая на Мать, а не на Рыжую Красотку».

Критик Эдмунд Уилсон в своем эссе задавался вопросом, почему такое скучное и неизобретательное убийство пробудило к себе такой интерес (правда, то же самое можно было сказать и о его собственном эссе). По его мнению, в этом деле прослеживался «знакомый мотив» – «безжалостная честолюбивая женщина, помыкающая безвольным мужчиной». Согласно общему мнению, главной виновницей была Рут Снайдер, а Джадд Грей был просто околдован ею. Грей получал так много писем, преимущественно со словами поддержки, что для них в тюрьме округа Куинс выделили две соседние камеры.

Газеты всячески изощрялись, изображая Рут коварной соблазнительницей. «Ее от природы белокурые локоны ниспадали идеальными волнами», – писал один корреспондент, как будто эта подробность безусловно доказывала ее вину. «Миррор» прозвала ее «мраморной женщиной без сердца». Повсюду ее называли «змеем-

искусителем в человеческом обличье», «ледяной женщиной» и иногда, в порыве журналистского пафоса, даже «шведско-норвежской вампиршей». Почти во всех публикациях говорилось о страстно-привлекательной внешности Рут Снайдер, хотя, по большому счету, это было преувеличением. В действительности тридцатилетняя Рут выглядела полноватой, усталой и немного потрепанной женщиной средних лет. На лице ее были заметны прыщи и пятна, а само выражение этого лица было неизменно угрюмым и сердитым. Более честные комментаторы даже сомневались, что она вообще когда-либо отличалась красотой. Как предположил один автор из «Нью-Йоркер»: «Никто еще не выдвинул удовлетворительного объяснения, чем же привлекала Рут Снайдер... Ее неотразимое очарование было заметно только Джадду Грейю». Грей же в толстых очках выглядел гораздо старше своих тридцати пяти лет и походил на неуклюжего профессора. На фотографиях у него всегда было немного удивленное выражение недоумения, как он тут оказался.

Огромный интерес к убийству Снайдера как нелегко было объяснить тогда, так невозможно объяснить и сейчас. Даже в одном Нью-Йорке ежегодно происходило немало куда более интересных случаев. Одним из таких случаев было убийство, получившее название «Страховое убийство в заливе Грейвсенд». Некий Бенни Голдстейн решил инсценировать свою гибель, чтобы его товарищ Джо Лефковиц получил страховку в 75 000 долларов, которую они потом бы поделили между собой. Лефковиц, однако, придумал план получше: он не стал подвозить своего товарища на лодке к пляжу в Нью-Джерси, как было условлено, а просто толкнул его в воду посреди залива. Голдстейн не умел плавать и утонул, а Лефковиц со спокойной совестью получил страховую сумму, хотя наслаждался ею недолго, потому что его быстро поймали и признали виновным.

Убийство Снайдера не отличалось даже такими любопытными подробностями, оно было совершенно скучным и банальным. Не было никакой надежды даже узнать что-нибудь любопытное во время суда, потому что оба подозреваемых с самого начала полностью признались во всем. И все же, без всякого преувеличения, его называли «убийством века», поскольку оно оказало огромное влияние на массовую культуру, особенно на Голливуд, Бродвей и развлекательную литературу. Кинопродюсер Адольф Цукор снял фильм под названием «Женщина,

которой было нужно убивать» (позже название смягчили), а журналистка Софи Тредуэлл, освещавшая судебное разбирательство для «Геральд трибюн», написала пьесу под названием «Машинально», которая получила признание как со стороны публики, так и со стороны критики. (Роль Джадда Грея в постановке Тредуэлл играл молодой и многообещающий актер Кларк Гейбл). Дело, заинтересовавшее и писателя Джеймса Кейна, легло в основу двух его романов: «Почтальон всегда звонит дважды» и «Двойная страховка». По второму роману в 1944 году Билли Уайлдер поставил фильм со своеобразной трактовкой, в котором снимались Фред Макмюррей и Барбара Стэнвик. Этот фильм заложил основы жанра «фильма-нуара» и стал шаблоном, по которому строились многие другие голливудские мелодрамы послевоенного времени. Дело Снайдер – Грея воспроизведено в «Двойной страховке» практически в неизменном виде, только с содержательными диалогами и более симпатичными персонажами.

Что касается самого убийства, то оно примечательно еще в одном отношении: преступники были задержаны. В Америке 1920-х годов такое случалось нечасто. В 1927 году в Нью-Йорке было зарегистрировано 327 убийств, из них 115 остались нераскрытыми. Если дело доходило до ареста, то обвинение выносилось в 20 процентах случаев. Согласно общенациональному исследованию, проведенному страховой компанией «Метрополитен» (стоит обратить внимание на то, что данные опубликовали страховщики, а не полиция), в 1927 году в Америке нераскрытыми остались две трети убийств. Некоторые города не могли похвастаться и такой неудовлетворительной пропорцией. В Чикаго, например, за год совершалось от 450 до 500 убийств, а расследовалось только около четверти. В целом по Америке, согласно тому же исследованию, оставались ненаказанными девять из десяти серьезных преступников. До казни доходило дело лишь в одном случае из ста убийств. Отсюда следует, что раз уж Рут Снайдер и Джадд Грей попались, признались и, в конечном счете, были казнены, то это были на удивление неумелые и бестолковые убийцы.

Ближе к вечеру 9 мая юристы привели свои последние аргументы в деле и двенадцать мужчин-присяжных – в 1927 году в штате Нью-Йорк женщины не допускались к слушанию дела об убийстве –

удалились для вынесения своего заключения. Через час и сорок минут присяжные вошли в зал с вердиктом: оба обвиняемых признаны виновными в преднамеренном убийстве без смягчающих обстоятельств. Рут Снайдер зарыдала; Джадд Грей, с побелевшим лицом, но без враждебности во взоре, уставился на жюри. Судья Скаддер перенес объявление приговора на следующий понедельник, хотя это было всего лишь формальностью. Наказанием за преднамеренное убийство была казнь на электрическом стуле.

В то же самое время, когда на шумевшее дело Снайдер – Грея подходило к своему неизбежному концу, началась другая, еще более значительная и увлекательная история. Три дня спустя после окончания судебного разбирательства с запада к Лонг-Айленду подлетел серебристый самолет «Дух Сент-Луиса», опустившийся на аэродром Кертисса, расположенный неподалеку от аэродрома Рузвельта. Из самолета вышел улыбающийся молодой человек из Миннесоты, о котором почти ничего не было известно.

Чарльзу Линдбергу, ростом шесть футов два дюйма и весом 128 фунтов, было двадцать пять лет, но выглядел он всего на восемнадцать и вел на удивление «здоровый» образ жизни – не пил, не курил, не употреблял кофе и даже ни разу не попробовал кока-колу. Также он еще ни разу не встречался с девушками. Правда, чувство юмора у него было своеобразное, немного грубоватое. Однажды в жаркий день он налил во флягу товарища керосин вместо воды и с усмешкой смотрел, как жертва его шутки делает жадный глоток. Товарищ в результате оказался в больнице. Главное, чем он мог похвастаться – так это тем, что совершил больше прыжков с парашютом из терпящих крушение самолетов, чем кто-либо из живущих на тот момент летчиков. Четыре раза он делал экстренные прыжки – один раз с высоты всего в 350 футов – и однажды упал вместе с самолетом в болото в Миннесоте, но выбрался целым и невредимым. С тех пор, как он совершил свой первый одиночный полет, прошло всего четыре года, и на фоне остальных летчиков Лонг-Айленда его шансы успешно пересечь Атлантику казались небольшими.

Постепенно Снайдер и Грей покинули первые полосы газет, и публика возжаждала новых сенсаций. Похоже, что одним из главных кандидатов на сенсацию стал как раз этот загадочный молодой человек

со Среднего Запада. Оставалось только ответить на мучивший журналистскую братию вопрос: «Что это за парень?»

На самом деле предки Чарльза Линдберга носили фамилию Монссон. Дедушка его был суровым шведом с пышной бородой и вечно хмурым взглядом. Переехав в Америку при не вполне выясненных и сомнительных обстоятельствах, он решил сменить свою настоящую фамилию на «Линдберг».

До этого Ола Монссон считался вполне добропорядочным обывателем. Вместе с женой и восемью детьми он проживал в деревне под Истадом на самом юге Швеции, на берегу Балтийского моря. В 1847 году, когда Ола Монссону было сорок лет, его избрали в риксдаг – национальный парламент, – после чего он стал проводить много времени в Стокгольме, расположенном в шестистах километрах к северу. Там его жизнь вдруг стала сложной и запутанной. Он познакомился с официанткой на двадцать лет моложе его, которая родила ему ребенка, отца Чарльза Линдберга. Одновременно с этим Монссон оказался замешанным в финансовом скандале, помогая своим знакомым получать необоснованные банковские кредиты. Неясно, насколько эти обвинения были серьезными; в Америке Линдберги всегда утверждали, что их предка преследовали по политическим убеждениям. Известно только, что в 1859 году Ола Монссон покинул Швецию и семью в спешке, желая избежать предъявления официальных обвинений. Вместе с любовницей и маленьким сыном он обосновался в сельской местности в Миннесоте и назвал себя Августом Линдбергом (фамилия эта происходит от слов «липа» и «гора»). В различных автобиографических сочинениях обо всем этом Чарльз Линдберг упоминает вскользь или в слегка приукрашенном виде.

Линдберги поселились близ Сок-Сентра, в котором позже родился писатель Синклер Льюис. Тогда это поселение находилось на самом краю цивилизации. Там же, в Сок-Сентре, через два года после переезда, Линдберг получил ужасное ранение. Работая на лесопилке, он споткнулся и упал прямо под вращающееся на бешеной скорости лезвие, которое разорвало его плечо и грудную клетку, да так, что были видны внутренние органы. Один свидетель утверждал, что видел, как

бьется сердце несчастного. Рука Линдберга повисла на нескольких сухожилиях. Работники постарались, как могли, перевязать пострадавшего и принесли его домой, где он в страшных муках пролежал несколько дней, ожидая визита врача из расположенного в сорока милях Сент-Клауда. Когда врач, наконец, прибыл, то немедленно отрезал руку и зашил зияющую рану. Говорят, что Август Линдберг при этом почти не издал ни звука. В конечном счете он все-таки выжил и прожил еще тридцать лет. С тех пор самой уважаемой добродетелью в семействе Линдбергов считался стоицизм.

Отец Линдберга-летчика прибыл в Америку говорящим по-шведски малышом под именем Карл Август Монссон, но юношей его уже звали Чарльз Огаст Линдберг, хотя друзья и коллеги обращались к нему просто по инициалам «Си Эй». В юности Си Эй занимался охотой на выхухолей, из шкур которых делали шубы и меховые накидки; при продаже, правда, в рекламных целях указывали, что они сделаны из «гудзонского котика». Молодой человек немало преуспел в этом занятии и даже накопил достаточно денег, чтобы поступить в юридическую школу Мичиганского университета. По окончании занятий он открыл свою юридическую контору в Литл-Фолсе, штат Миннесота, и женился. У него родились три дочери. Средств хватило, чтобы построить большой деревянный дом на отвесном берегу с видом на реку Миссисипи, протекавшую в полутора милях от города. Все в его жизни шло на удивление гладко, пока весной 1898 года его жена не скончалась во время операции по удалению опухоли в брюшной полости.

Три года спустя Си Эй снова женился, на этот раз на милой и бойкой учительнице химии из Детройта, которая только недавно переехала на работу в школу в Литл-Фолс. Евангелина Лодж-Лэнд была необыкновенно образованной женщиной для того времени, не говоря уже о Литл-Фолсе. Она тоже закончила Мичиганский университет, но в академической сфере преуспела больше своего мужа и позже продолжила обучение в Колумбии. Помимо физической привлекательности — они оба были довольно красивыми — новоявленные супруги Линдберг имели мало общего. Чарльз Огаст Линдберг был строгим и практичным, а его жена — вспыльчивой и требовательной. 4 февраля 1902 года у них родился еще один Ч. О. Линдберг — Чарльз Огастес, названный так в честь отца, но с

добавлением лишних букв, придававшим его второму имени больше «солидности».

От отца Чарльз унаследовал ямочку на подбородке и вечно взъерошенные волосы; от матери – мечтательность, и от обоих – упрямство. Он был единственным их общим ребенком. Воспитывался юный Чарльз – его всегда называли Чарльзом, без всяких уменьшительных имен – в достатке (семья держала трех слуг), но без особой душевной теплоты. Как мать, так и отец старались не демонстрировать свои чувства, да и не умели этого делать. Линдберг никогда не обнимался с матерью, а расходясь по спальням, они просто пожимали друг другу руки. Как в детстве, так и будучи взрослым, Чарльз подписывал свои письма отцу «Искренне ваш, Ч. О. Линдберг», как будто адресовал их банковскому служащему.

Чарльз рос скромным, довольно задумчивым мальчиком. Когда в 1927 году Литл-Фолс осаждали журналисты в поисках любопытных фактов о его детстве, то никто из его бывших одноклассников не мог вспомнить ничего примечательного. Сам Линдберг признавался, что ничего не помнит о своей повседневной жизни в детстве. В своем первом автобиографическом сочинении под названием «Мы» он посвятил детству всего восемнадцать строчек.

В 1906 году, когда Чарльзу еще не исполнилось пяти лет, отец его был избран в Конгресс от Республиканской партии, и с тех пор Чарльз постоянно переезжал из Литл-Фолса, который любил, в Вашингтон, который не любил, и обратно. Это дало ему возможность многое повидать еще в детстве, только без особой радости. Другие дети могли только мечтать о том, чтобы играть на лужайке перед Белым домом и в коридорах Капитолия; в одиннадцать лет он посетил Панамский канал, а в школе учился вместе с сыновьями Теодора Рузвельта. Но при этом он так часто переезжал, что нигде не чувствовал себя, как дома.

Постепенно его родители все более отдалялись друг от друга. Если верить автору биографии Линдберга А. Скотту Бергу, то его мать по крайней мере один раз приставляла к голове его отца пистолет (узнав, что он переспал со своей стенографисткой), и по меньшей мере один раз он ударил ее в ярости. К тому времени, когда Чарльзу исполнилось десять лет, они уже жили отдельно, хотя и скрывали это ради политической карьеры отца. Чарльз посещал одиннадцать разных школ, и в каждой считался ничем не примечательным середнячком.

Осенью 1920 года он поступил в Висконсинский университет, надеясь стать инженером. Удерживаться в университете ему удавалось, по большей части, благодаря матери, которая писала за него все работы, но на второй год он все-таки вылетел и заявил о том, что собирается стать авиатором. С точки зрения родителей, хуже карьеры и придумать было нельзя. Летчики получали мало, постоянно рисковали жизнью и в любой момент могли лишиться работы – особенно в Соединенных Штатах, где авиация переживала далеко не лучшие времена.

В 1920-х годах ни в какой другой важной технической области Америка так не отставала от всего мира, как в авиации. Первая европейская авиакомпания KLM была основана еще в 1919 году, а за ней последовали и другие. Не успел окончиться этот же год, как регулярные рейсы уже связывали Лондон и Париж. Вскоре только по этому маршруту еженедельно летала тысяча человек. К середине 1920-х авиалинии связывали почти все крупные города Европы, и можно было долететь от Берлина и Лейпцига до Амстердама и Брюсселя, и даже от Парижа до далекого Константинополя (с пересадкой в Праге и Бухаресте). В 1927 году во Франции действовало семь авиалиний, британские самолеты преодолевали миллион миль в год, а немецкие перевозили 151 000 пассажиров. Что касается пассажирских авиалиний в США, то в начале 1927 года... их не было вообще.

Авиацией в Америке почти никто не заведовал. В стране не было системы лицензирования и никаких требований к полетам. Любой человек мог приобрести самолет в любом состоянии и брать на борт пассажиров. Не велось даже никакой статистики относительно крушений и жертв. Самый авторитетный источник, «Ежегодник авиации», получал свои данные из газетных вырезок. Неуказанные авторы этого ежегодника прямо признавали, что отсутствие правил сдерживает прогресс и приводит к бессмысленным смертям. Они писали: «Начиная с окончания войны, то есть с тех пор, когда самолеты стали общедоступными и начали попадать как в ответственные, так и безответственные, как в умелые, так и в неумелые руки, по самым скромным оценкам погибло более 300 человек и 500 получили травмы – многие из них летальные; катастроф можно было бы избежать, если бы существовал свод правил, регулирующих коммерческую авиацию».

В отсутствие авиакомпаний американским пилотам приходилось довольствоваться другими источниками заработка: опрыскивать поля, катать пассажиров на сельских ярмарках, удивлять зрителей рискованными трюками, летать над городами с рекламными плакатами и, прежде всего, доставлять почту – в этом Америка была первопроходцем. Из всех занятий доставка почты была самым экономически стабильным, но и самым опасным: тридцать один из первых сорока пилотов почтовых самолетов разбились, и на протяжении 1920-х годов катастрофы продолжали случаться с пугающей регулярностью. Почтовые самолеты летали в любую погоду и часто по ночам, причем без всяких навигационных средств. В марте 1927 года в журнале «Сайентифик америкэн» была напечатана статья под названием «Невидимые лучи сопровождают авиаторов в полетах между европейскими городами», в которой автор восхищенно описывает радиомаяки, по которым ориентируются летчики в Европе. Заплутавшим же американским летчикам оставалось только искать ближайший город и надеяться на то, что кто-нибудь написал его название на крыше здания. В отсутствие таких названий – а их чаще всего и не было – пилотам приходилось спускаться почти к самой земле и стараться прочесть вывески у железнодорожных станций, а это был очень опасный маневр. Что касается сводок погоды, то пилоты заранее звонили железнодорожникам по предполагаемому маршруту, а те высовывали голову и сообщали, какая погода на улице.

И такая ситуация наблюдалась практически во всем, что имело отношение к гражданской авиации в Америке. До 1924 года Детройт, четвертый по величине город страны, вообще не имел аэродрома. В 1927 году аэродромов еще не было в Сан-Франциско и Балтиморе. В Сент-Луисе, одном из самых важных городов, стратегически расположенном в центре страны, аэродром построил на свои средства энтузиаст авиации майор Альберт Б. Ламберт. В Нью-Йорке было четыре аэродрома – три на Лонг-Айленде и один на Стейтен-Айленде, но все они были частными или военными и предлагали только самые основные услуги. Ни на одном из них не было диспетчерских вышек, как и ни на одном другом летном поле Америки.

Решать хотя бы некоторые из вопросов авиации Америка начала только в 1925 году. Главным ответственным лицом в этой области стал Дуайт Морроу, нью-йоркский банкир, который ничего не знал о

самолетах, но был назначен главой Президентского авиационного совета, в задачи которого входило исследовать вопросы безопасности и эффективности американской авиации. Эту должность он получил благодаря знакомству с Калвином Кулиджем, президентом США в 1923–1929 годах. По любопытному стечению обстоятельств в 1929 году этот Морроу станет тестем Чарльза Линдберга. Если бы тогда Морроу сказали, что не успеет закончиться десятилетие, как его застенчивая, увлекающаяся науками дочь, обучающаяся в массачусетском Колледже Смита, выйдет замуж за почтового пилота и бывшего трюкача, то он бы крайне удивился. В любом случае, благодаря усилиям Морроу был принят «Акт об авиационной коммерческой деятельности», который президент Кулидж подписал 20 мая 1926 года – как раз за год до полета Линдберга. В акте были обозначены минимальные требования для пилотов и предусмотрены инспекции самолетов, которые осуществляли коммерческую деятельность и полеты между штатами. Министерство торговли должно было вести учет катастроф и несчастных случаев. Немного, но для начала хотя бы кое-что.

Таков был преисполненный опасностей и риска мир, в котором Чарльз Линдберг учился летать. Первый полет он совершил в летной школе в Линкольне, штат Небраска, 9 апреля 1922 года, через два месяца после своего двадцатилетия (тогда же он и впервые увидел самолет с близкого расстояния). Так началась его непродолжительная, но яркая карьера трюкача. Через неделю он стал ходить по крыльям во время полета, а через месяц, без всяких предварительных тренировок, выпрыгивал из самолета с парашютом под восхищенные крики толпы. Заодно он, пусть и неформально, но учился летать сам, в чем добился немалого мастерства. Подобно многим другим юношам с горячей головой Линдберг был готов пойти на самые захватывающие авантюры. Однажды в Кэмп-Вуде, штат Техас, Линдберг решил взлететь прямо с главной улицы городка – довольно смелое предприятие, если учесть, что телефонные столбы располагались всего в сорока шести футах друг от друга, а размах крыльев самолета был равен сорока четырем футам. Разгоняясь, он наехал на кочку, крыло задело столб, самолет развернулся и въехал в витрину скобяной лавки. По счастливой случайности ни пилот, ни зрители не пострадали.

Выполняя воздушные трюки, Линдберг получил богатый практический опыт – за два года он совершил более семисот полетов – но ему не доставало технических знаний. В 1924 году он решил ликвидировать этот пробел, записавшись на годовые технические курсы армейского воздушного резерва, которые на то время были самыми трудными и самыми передовыми. Закончил он их с отличием – впервые за свою жизнь он опередил в учебе других – и получил звание капитана. Но радость его была омрачена смертью отца, скончавшегося в мае 1924 года от неврологической болезни. После похорон, поскольку военных вакансий не было, Чарльз устроился на работу почтовым пилотом по маршруту Сент-Луис – Чикаго. Эта работа требовала смелости и собранности, потому что летать приходилось на дешевой машине в самых экстремальных условиях и в любую погоду. Благодаря такой подготовке весной 1927 года Линдберг был, пожалуй, самым опытным и умелым летчиком страны, и, к тому же, очень одаренным, о чем не подозревали ни его конкуренты, ни он сам. Как показали дальнейшие события, лучшего пилота найти было невозможно, а ведь ему исполнилось всего двадцать пять лет.

Во многих отношениях величайшим достижением Чарльза Линдберга в 1927 году был не перелет через Атлантику, а тот факт, что ему удалось раздобыть самолет, на котором это можно было сделать. Каким-то образом он сумел найти поддержку у девяти суровых предпринимателей из Сент-Луиса, среди которых был уже упомянутый выше Альберт Б. Ламберт. Пилот внушил им, что «Сент-Луис» в названии самолета послужит отличной рекламой города и откроет для них новые деловые перспективы. Правда, если бы они подумали как следует, то наиболее вероятной перспективой всей затеи была бы гибель молодого и романтически настроенного авиатора, но этот факт, если он вообще приходил им в голову, нисколько их не тревожил. В конце осени 1926 года спонсоры пообещали выделить ему 13 000 долларов, и еще 2000 долларов Линдберг собирался потратить сам. Не такая уж и большая сумма, но, при удаче он мог бы приобрести на эти деньги одномоторный самолет, способный перелететь через океан.

В начале февраля 1927 года Линдберг отправился на поезде в Нью-Йорк, где встретился с Чарльзом А. Левином, владельцем аэроплана «Колумбия» – как раз на нем спустя два месяца установили

рекорд длительности полета Чемберлин и Акоста. На встрече присутствовали также Чемберлин и блестящий конструктор Джузеппе Белланка, хотя они почти ничего не говорили.

Встреча проходила в офисе Левина в Вулворт-билдинг на Манхэттене. Левин выслушал предложение Линдберга и согласился продать ему самолет за 15 000 долларов, что было довольно странно, поскольку Чемберлин тоже как раз собирался лететь в Париж. К тому же это была прекрасная цена за один из лучших самолетов в мире, на котором Линдберг действительно мог долететь до Европы один. Воспрянув духом, Линдберг вернулся в Сент-Луис, чтобы получить чек у спонсоров, и тут же поехал обратно, чтобы завершить сделку. Но едва он протянул чек, как Левин, как бы между прочим, заявил, что он, конечно, рад сделке, но предпочел бы сохранить за собой право назначать экипаж самому.

Мало сказать, что такое заявление расстроило Линдберга. Предложение это было совершенно нелепым и неуместным. Он не собирался покупать самолет только для того, чтобы на нем полетел какой-то другой летчик и получил всю славу. Линдберг на своем опыте, как и многие до и после него, убедился в том, насколько трудно было иметь дело с Чарльзом Левином; это был человек, общение с которым неизбежно заканчивалось разочарованием. Почти любой, кто связывался с Левином, находил причины не доверять ему и даже презирать его. Белланка, например, разорвал с ним отношения еще до начала июня. Линдберг забрал свой чек и в унынии сел на поезд в Сент-Луис.

В отчаянии он послал телеграмму одной небольшой компании «Райан-Эйрлайнз» из Сан-Диего с вопросом, может ли она построить самолет для перелета через Атлантику, и если да, то сколько он будет стоить и сколько времени это займет. Ответ пришел быстро и оказался на удивление обнадеживающим. В «Райан» могли построить самолет за шестьдесят дней за 6000 долларов, плюс расходы на мотор и на его установку. Выяснилось, что «Райан» отчаянно нуждалась в заказах, как и Линдберг отчаянно нуждался в самолете.

23 февраля, почти через три недели после своего двадцать пятого дня рождения и за три недели до полета в Париж, Линдберг приехал на фабрику «Райан-Эйрлайнз», где встретился с президентом компании Б. Ф. Махоуни и главным инженером Дональдом Холлом. Оба они были

немногим старше его. Основатель компании, Джубал Клод Райан, продал ее Махоуни за несколько недель до этого, и у них не было времени поменять название. Дональд Холл присоединился к ней за месяц до этого, что было чрезвычайно благоприятным стечением обстоятельств, потому что это был весьма одаренный и ответственный конструктор – такой, какой и нужен был Линдбергу.

В последующие два месяца над самолетом Линдберга трудился весь штат «Райан-Эйрлайнз» в количестве тридцати пяти человек. Холл работал до изнеможения и однажды не уходил с работы целых тридцать шесть часов. В противном случае так быстро построить самолет не удалось бы, но у сотрудников «Райан» имелись причины для такой спешки. Компания находилась на грани банкротства, и это был ее единственный заказ. Трудно сказать, что рабочие думали об этом долговязом парне со Среднего Запада, который постоянно крутился у них под ногами и без остановки сыпал вопросами, испытывая их терпение. Но с Холлом у Линдберга установились очень хорошие отношения, а это самое главное.

«Дух Сент-Луиса» был основан на существующей модели Ryan M-2, но для того, чтобы самолет смог пересечь океан, в конструкцию были внесены изменения. На борт необходимо было взять необычайно тяжелый груз топлива, и для этого Холлу пришлось изменить дизайн крыльев, фюзеляжа, шасси и элеронов, а это одни из самых основных частей конструкции. Из-за нехватки времени часто приходилось действовать наугад – иногда до поразительной степени. Выяснив, что они не знают, какое точно расстояние от Нью-Йорка до Парижа по дуге большого круга, конструкторы пошли в библиотеку и измерили расстояние на глобусе веревкой. Такими вот методами и строили один из величайших самолетов истории.

Линдбергу не хотелось сидеть зажатым между мотором и топливным баком – так погибло немало пилотов во время крушений – поэтому основной топливный бак расположили в передней части самолета, где обычно располагалась кабина. Так затруднялся обзор спереди, но Линдберга это заботило меньше всего. В любом случае он бы не мог смотреть на землю впереди себя во время взлета, потому что самолет во время выруливания наклонялся назад, а в воздухе он бы летел над океаном, где не с чем сталкиваться. Поправлять направление можно было бы с помощью «рыскания», то есть легких поворотов из

стороны в сторону, когда одно из боковых окон на время становилось передним. Кроме того, один из механиков, бывший моряк-подводник по имени Чарли Рэндольф, установил простой перископ для переднего обзора, хотя Линдберг им никогда и не пользовался.

В законченном виде самолет вряд ли можно было назвать образцом совершенства. Под ногами Линдберга располагались две педали, а между коленями – рукоятка. На панели инструментов находилось только десять относительно грубых приборов – одиннадцать, если считать часы. Что примечательно, отсутствовал датчик топлива. Все равно Линдберг особенно не доверял измерителям топлива и рассчитывал его запас в уме. По его мнению, сложных расчетов для этого не требовалось, ведь топлива бывает либо достаточно, либо недостаточно. Не было у самолета и тормозов. В 1927 году у самолетов вообще не было тормозов. В большинстве случаев они просто не требовались, но впоследствии, когда под колеса самолета всякий раз при посадке устремлялись целые толпы радостных зевак, Линдберг, должно быть, жалел об их отсутствии.

На раму самолета была натянута хлопковая ткань «пима», покрытая шестью слоями алюминиевой пасты – особого лака, благодаря которому ткань сокращалась и плотно садилась на каркас из дерева и стальных труб. Несмотря на то что «Дух Сент-Луиса» выглядел металлическим, да и газетчики описывали его, как сделанный из металла, на самом деле металлическим был только обтекатель двигателя. От внешнего мира пилота отделял только тонкий слой брезента; сам самолет был очень шумным и хрупким. Пересекать на нем Атлантику было все равно что пересекать ее на палатке с мотором. Линдберг и другие участвовавшие в гонке авиаторы немного недотянули до революционного изобретения того времени – «альклада», антикоррозийного алюминиевого покрытия нового типа, изобретенного компанией «Алкоа» (Alcoa) и выпущенного в широкое производство в следующем году. После этого на протяжении почти восьмидесяти лет (до внедрения углеродного волокна) практически каждый самолет в мире имел обшивку из альклада, но в 1927 году дело обстояло по-другому. У Линдберга хотя бы был металлический пропеллер, более надежный и прочный по сравнению с деревянными пропеллерами, которые использовались незадолго до этого. У американских летчиков было еще одно преимущество перед их

европейскими коллегами, хотя об этом они и не догадывались: они использовали авиационный бензин из Калифорнии, который был чище и которого хватало на большее расстояние. До 1930-х годов никто не имел представления об октановом числе, но именно благодаря ему большинство американских самолетов преодолевали океан, тогда как самолеты других стран терялись в море.

По сути «Дух Сент-Луиса», как часто об этом говорили, представлял собой летающий топливный бак. Он был более обтекаемым, чем самолеты за пару лет до него, но все равно имел много выступов: цилиндры мотора, распорки с натянутыми тросами и, прежде всего, фиксированное шасси с двумя болтающимися на ветру колесами. Все эти детали замедляли скорость и действовали, как действует рука, высовываемая из окна автомобиля на ходу. В целях экономии веса пришлось отказаться от всего лишнего. Линдберг не взял ничего из того, что не было необходимым. Говорили, что он даже отрезал белые поля с навигационных карт.

Из-за многочисленных конструктивных компромиссов самолет получился не таким стабильным, как планировалось, и это тревожило Холла, но на улучшения уже не оставалось времени. В любом случае Линдберг надеялся на то, что необходимость постоянно поправлять курс и следить за самолетом поможет ему не засыпать. «Линдбергу не нужен был новаторский самолет, – утверждает Алекс Спенсер из Национального музея авиации и космонавтики Смитсоновского института в Вашингтоне. – Ему нужны были только испытанные и проверенные технологии».

Новым был только мотор Wright J-5 Whirlwind мощностью в 223 лошадиные силы – одна из немногих конструкций на самолете с поистине новаторским дизайном. Это был двигатель с воздушным охлаждением, что делало его проще, легче и надежнее обычных двигателей с водяным охлаждением. Но новинкой его делали две дополнительные детали. В нем были использованы клапаны с натриевым охлаждением, что решало серьезную проблему сгоревших выхлопных клапанов, и были установлены самосмазывающиеся клапанные коромысла, которые могли работать вхолостую несколько часов подряд. Впервые двигатель J-5 испытали в 1926 году во время полета Ричарда Бэрда к Северному полюсу, и со своей задачей он

справился блестяще. (Правда, как мы увидим в дальнейшем, Бэрд, возможно, и близко не подлетал к Северному полюсу.)

Линдберг совершил первый испытательный полет 28 апреля, ровно день в день через два месяца после заказа. Самолет вел себя лучше, чем можно было надеяться. Он оказался маневренным и быстрым, в первый же раз разогнавшись до 128 миль в час и буквально подпрыгивая с земли, пусть и с небольшой нагрузкой. В последующие десять дней Линдберг совершил еще двадцать два полета, преимущественно недолгих, от пяти до десяти минут. В серии испытаний 4 мая он постепенно увеличил груз топлива с 38 галлонов до 300, но все равно это было на 150 галлонов меньше необходимого. Далее загружать самолет он не решился, потому что опасался приземляться с полными баками. Показать, на что самолет действительно способен, должен был только сам перелет до Парижа.

После испытаний Линдбергу не терпелось отправиться в путь. Из Нью-Йорка пришли известия о том, что «Америка» Бэрда и «Колумбия» Левина готовы к полету, и их удерживает только плохая погода. Затем сообщили о том, что из Парижа в Америку вылетели Шарль Нунжессер и Франсуа Коли. Линдберг, теряя надежду, задумывался даже о том, чтобы поменять планы и стать первым пилотом, пересекшим Тихий океан от Австралии до Гавайских островов. Это была гораздо более сложная затея, которая бы точно погубила его. Но услышав о том, что Нунжессер с Коли пропали и что они, скорее всего, погибли, Линдберг отказался от этой затеи. Если он доберется до Нью-Йорка, пока не развеются тучи, нависшие почти над всей страной, у него остается шанс.

И вот 10 мая, в четыре часа дня по калифорнийскому времени, Чарльз Линдберг взобрался в кабину своего новенького обтекаемого самолета и взмыл в воздух. В воздухе он направил нос на восток и, преисполнившись безграничной самоуверенности, какая свойственна только юности, устремился к Сент-Луису, навстречу самой худшей погоде за много лет.

Такой погоды не было на памяти у многих. Дожди шли несколько месяцев подряд на большей территории страны, иногда в невиданных ранее объемах. В Южном Иллинойсе за три месяца выпало более двух футов осадков; в некоторых районах Арканзаса – более трех футов. Реки выходили из берегов, среди них Сан-Хасинто в Калифорнии, Кламат, Вилламет и Умпква в Орегоне, Снейк, Пайетт и Бойсе в Айдахо, Колорадо в Колорадо, Неошо и Вердигрис в Канзасе, Уачита и Сент-Фрэнсис в Арканзасе, Теннесси и Камберленд на Юге, Коннектикут в Новой Англии. С конца лета 1926 года по весну следующего года в сорока восьми штатах выпало столько осадков, сколько, по некоторым расчетам, хватило бы на куб с шириной каждой грани в 250 миль. Это очень много воды, но это было лишь начало.

В Страстную пятницу, 15 апреля 1927 года, на центральную часть США обрушились продолжительные проливные дожди с грозой. От Западной Монтаны до Западной Виргинии и от Канады до Мексиканского залива поистине «разверзлись хляби небесные», поскольку такое можно было сравнить лишь с Ноевым потопом. В некоторых районах выпало от шести до восьми дюймов осадков, а в иных и более фута. Вся эта вода устремлялась в ручьи и реки и постепенно попадала в величайшую водную артерию континента – Миссисипи. Бассейн реки Миссисипи занимает около 40 процентов территории США, почти миллион квадратных миль в тридцать одном штате (и двух канадских провинциях). Никогда в истории не было настолько мощного притока воды.

Река с прибывающей водой, готовая вот-вот выйти из берегов, – ужасное зрелище. На всем протяжении Верхней Миссисипи стояли обеспокоенные наблюдатели, взирая, как по реке плывут вырванные с корнем деревья, трупы коров, крыши сараев – все, что свидетельствует о бедствиях выше по течению. В Сент-Луисе объем протекающей воды составлял два миллиона кубических футов в секунду – шестьдесят шесть лет спустя, во время сильнейшего наводнения 1993 года объем был и то вдвое меньше. Вдоль реки выстроились целые армии людей с лопатами в руках и мешками с песком, строившие защитные

сооружения, но река брала верх. 16 апреля не устояла первая насыпь, расположенная на большой излучине в Южном Миссури, в районе Дорены. Около 1200 футов земляной дамбы сползли, и в прорыв устремился настоящий водопад, сравнимый с Ниагарским. Рокот был слышен за много миль.

Вскоре запруды и насыпи посыпались одна за другой, как пуговицы тесной рубашки. В Маундс-Ленде в штате Миссисипи погибло около сотни чернокожих работников, за которыми надзирали охранники с ружьями, хотя по неустановленным причинам коронер зафиксировал лишь два факта гибели. В некоторых районах вода прибывала настолько быстро, что люди не успевали эвакуироваться. В Уинтервилле, в том же штате Миссисипи, погибли двадцать три женщины с детьми, когда дом, в котором они находились, унесло течением.

В первой неделе мая разлив протянулся на пятьсот миль, от Южного Иллинойса до Нового Орлеана. Под водой оказалась территория, почти сравнимая по площади с Шотландией. В каком-то смысле ее можно было назвать новым Великим озером. Статистики с хладнокровием подсчитывали потери: 16 570 627 акров затоплено; 203 504 здания разрушены или повреждены; 637 476 человек остались без жилья. Такие же цифры приходили и о гибели домашних животных: 50 490 голов крупного рогатого скота, 25 325 лошадей и мулов, 148 110 свиней, 1 276 570 кур и другой птицы. Любопытно, что не было точных сведений о погибших людях, хотя их наверняка насчитывалось более тысячи, а то и несколько тысяч. Данные не были точны, потому что, к сожалению, многие жертвы были бедняками и чернокожими. Есть что-то жуткое в том, что домашним животным уделяли больше внимания, чем человеческим жизням. По сравнению с этим чуть менее шокирующим может показаться тот факт, что за пределами охваченных бедствием территорий наводнению в те дни уделялось меньше внимания, чем судебному разбирательству по делу Рут Снайдер и Джадда Грея.

Несмотря на отсутствие общенационального интереса, наводнение на Миссисипи 1927 года стало самым крупным природным бедствием в истории Америки по продолжительности и по количеству пострадавших. Экономические потери были настолько велики, что точно подсчитать их величину было практически невозможно. Оценки

колебались от 250 миллионов до 1 миллиарда. Число погибших было меньше, чем в других катастрофах, но разрушений гораздо больше, и длилось наводнение дольше, чем в других случаях. Всего река Миссисипи находилась вне берегов 153 дня подряд.

К счастью, в Америке нашелся человек со сверхчеловеческим спокойствием – он и сам не стеснялся называть себя сверхчеловеком в личной переписке, – который, можно сказать, профессионально занимался всеми кризисами подобного рода. Человека этого звали Герберт Гувер. Вскоре после этого ему предстояло стать одним из самых критикуемых президентов в истории США, что само по себе уже достижение для десятилетия, в котором президентом был Уоррен Г. Гардинг. Но весной 1927 года многие считали его чуть ли не самым надежным человеком во всем мире. И, как ни странно, он же был самым нелюбимым героем, какого когда-либо порождала Америка. Летом 1927 года ему в очередной раз предстояло продемонстрировать свои способности.

Герберт Кларк Гувер родился в 1874 году в тридцати милях к западу от реки Миссисипи (он стал первым президентом, родившимся к западу от этой символически важной границы), в деревушке Уэст-Бранч в штате Айова, в крошечном белом домике, который стоит там до сих пор. Его родители, набожные квакеры, рано умерли – отец от ревматического полиартрита, когда Берту было всего шесть лет, а мать от брюшного тифа три года спустя. После этого его взял на воспитание дядя, живший с семьей в Орегоне. Родственники его тоже были строгими квакерами, и у них к тому же уже был любимый родной сын, так что Берт воспитывался без особой любви, ощущая груз непоправимой потери. Возможно, в нем были заложены какие-то задатки чувств, но им не суждено было проявиться и в юности они почти погасли. По его собственному признанию, Герберт Гувер до девятнадцати лет не испытывал ничего похожего на настоящую радость.

Среднюю школу он так формально и не закончил – дядя, опасаясь его живого ума, отослал его на работу конторским служащим в Салем, в том же штате Орегон. Гувер же всячески старался отличиться. В 1891 году, в семнадцать лет, он сдал вступительные экзамены в только что основанный Университет Леланда Стэнфорда-младшего (сейчас он

называется просто Стэнфордом), который тогда был бесплатным образовательным учреждением, и поступил на самый первый его курс. В университете Гувер не только изучал геологию, но и познакомился со своей будущей женой Лу Генри, которая по случайному совпадению тоже была родом из Айовы. (Они поженились в 1899 году.) По окончании университета Гувер устроился на единственную работу, которую ему удалось найти, – на золотой рудник в Невада-Сити в Калифорнии, где он загружал и толкал тележки с рудой семь дней в неделю за 20 центов в час, что даже по тем временам считалось весьма скромной зарплатой. Его товарищи по руднику, казалось, были довольны своей работой и вовсе не пытались заняться чем-то еще. Но Гувер верил в свое высокое предназначение и считал, что несет личную ответственность за все, что происходит с ним в жизни.

В 1897 году, когда Гуверу было еще двадцать с небольшим лет, его взяли главным инженером в крупную и уважаемую горнопромышленную британскую компанию Bewik, Moreing and Co. По служебным делам ему приходилось посещать Бирму, Китай, Австралию, Индию, Египет и другие страны, в которых требовалось присутствие специалиста по минералогии. За шесть лет Гувер пять раз объездил земной шар, был свидетелем Боксерского восстания в Китае, прокладывал себе путь через джунгли Борнео, пересекал австралийские пустыни на верблюдах, встречался с Уайеттом Эрпом и Джеком Лондоном в салуне на Клондайке, разбивал лагерь у египетских пирамид. Впечатлений он получил больше, чем смеет мечтать обычный юноша его лет и положения, но особого воздействия на него они не оказали. В своих мемуарах, написанных ближе к концу жизни, Гувер с некоторым раздражением признается, что в молодости побывал во многих замечательных местах, но тут же сообщает читателю, что в памяти у него они не остались. «Для тех, кто интересуется [романтикой и приключениями], существуют целые библиотеки книг на географические темы», – пишет он. Вместо забавных историй и красочных описаний он продолжает скучный список выполненных заданий и добытых материалов. Вся жизнь его заключалась в работе. Ничего другого для него просто не существовало.

Проработав с десяток лет в полевых условиях, Гувер приехал в Лондон и стал партнером компании «Беуик Моринг». Вместе с женой

и двумя сыновьями он поселился в большом доме на Кэмпден-Хилл в Кенсингтоне и стал образцом британского предпринимателя. Связи в этой среде он поддерживал, но не более необходимого. Обеды и ужины в его доме часто проходили в тишине. «Он никогда не цитировал стихов или пьес, не говорил о произведениях искусства», – вспоминал один его знакомый. Вместо ненужных развлечений Гувер предпочитал сосредотачиваться на благосостоянии – к сорока годам он уже обладал капиталом примерно в 4 миллиона долларов.

Возможно, он бы так и закончил жизнь в относительной неизвестности, если бы не стечение обстоятельств, благодаря которым он выдвинулся на первый план. В 1914 году, когда началась война, Гуверу, как американцу, поручили эвакуировать других американцев, застрявших в Европе – всего их насчитывалось более 120 000 человек. Он настолько блестяще справился с этой задачей, что ему предложили возглавить только что основанную Комиссию помощи Бельгии.

Бельгия сильно пострадала во время войны: фермы были разрушены, заводы закрыты, запасы продовольствия захвачены немцами. Восемь миллионов бельгийцев находились на грани голодной смерти. Гуверу удалось найти и распределять среди нуждающихся продуктов на 1,8 миллиона долларов еженедельно, на протяжении двух с половиной лет – в общей сложности через него прошло 2,5 миллиона тонн продовольствия. Если бы не он, то многие люди погибли бы от голода. Это была крупнейшая спасательная операция в мире, и благодаря ей он стал международным героем. В 1917 году утверждали, что Гувер спас больше жизней, чем любой другой человек в истории. Один из восторженных его почитателей назвал Гувера «величайшим гуманистом со времен Иисуса Христа», что, конечно, было преувеличением, но выражение это закрепилось. С тех пор его иногда так и называли – «Великий гуманист».

Популярности Гувера способствовали два фактора: он прилежно и неустанно выполнял свои обязанности, но при этом старался сделать так, чтобы все его добрые дела получали надлежащее освещение. Примерно такие же мирные подвиги совершал и Майрон Херрик, добродушный американский посол во Франции, но признания от потомства он, в отличие от Гувера, не заслужил только потому, что сам не стремился к славе. Гувер же, когда дело касалось отражения всех его достижений в прессе, доходил до крайней мелочности.

Можно даже утверждать, что Гувер, по существу, не испытывал никаких особенных чувств к тем, кого спасал. Он отказывался от посещения лагерей беженцев и от любых других контактов подобного рода. Однажды, когда один из его помощников наивно привел его на полевую кухню в Бельгии, Гувер гневно процедил: «Никогда больше не показывайте мне такого». Тем, кто знал его ближе, казалось, что он вовсе не способен на теплые чувства. Один знакомый писал, что Гувер рассказывал о своих делах в Европе без всяких эмоций. «Он ни разу не продемонстрировал живого чувства и не передал в красках картину происходящего», – с удивлением сообщал его друг.

Но когда его заслуги пытались умалить, Гувер реагировал мгновенно и с чувством. Когда в статье, опубликованной в «Сатердей ивнинг пост» было напечатано (ошибочно), что главную роль в спасательных операциях играла нью-йоркская штаб-квартира Комиссии помощи Бельгии и что настоящим лидером является ее американский глава Линдон Бейтс, Гувер едва ли не пришел в ярость. В длинном гневном письме он перечислил «46 абсолютно лживых фактов и 36 случаев сокрытия правды» в статье, и по каждому пункту подробно изложил свое мнение. Он приказал нью-йоркскому отделению не связываться с журналистами без его согласия и постановил, чтобы все статьи сначала проходили через его лондонский офис, что серьезно затрудняло сбор пожертвований в Америке.

Бельгия стала лишь очередной ступенью в карьере Гувера, а разрешение кризисов превратилось в его основное занятие. Когда Америка вступила в войну, президент Вудро Вильсон вызвал Гувера домой и попросил его возглавить продовольственное управление США, занимавшееся всеми вопросами продовольствия в военное время. Он должен был следить за тем, чтобы производилось достаточно продуктов, чтобы все граждане были накормлены и чтобы были искоренены спекулянты. Гувер придумал лозунг «Продовольствие победит войну!» и настолько усердно его пропагандировал, что миллионы сограждан были уверены, что именно Гувер, более других лиц, обеспечил триумф Америки. По окончании войны его назначили главой Американской администрации помощи (ARA) и отослали обратно в Европу спасать миллионы от голодной смерти. Перед ним встали поистине колоссальные проблемы. Гувер оказался ответственным за благосостояние четырехсот миллионов

человек. Он наблюдал за спасательными операциями более чем в тридцати странах. В одной только Германии у АРА было тридцать пять распределительных центров, которые в общей сложности предоставили миллионы обедов людям, которым иначе было бы нечего есть.

Особенно критическая ситуация к моменту приезда Гувера образовалась в Австрии. «Миротворцы сделали все возможное, чтобы оставить Австрию без еды», – сухо замечает Гувер в своих мемуарах. (Для человека, который не отличался чувством юмора в повседневной жизни, его воспоминания бывают иногда довольно ироничными.) По оценкам Гувера, до следующего урожая Австрии необходимо было получить продовольственную помощь на 100 миллионов долларов, но не удавалось собрать даже часть этой суммы. США не могли оказать помощь, потому что, согласно законодательству, они не имели прав предоставлять заем вражеским государствам, даже после того как те перестали считаться врагами. Чтобы обойти этот закон, Гувер распорядился выдать займы 45 миллионов Великобритании, Франции и Италии, которые передали эти средства Австрии на покупку продовольствия в Америке. Таким образом удалось преодолеть бюрократические препоны, спасти голодающих и помочь американским фермерам избавиться от излишков. Но впоследствии, когда Австрия объявила дефолт, Конгресс решил настоять на том, чтобы три союзных государства выплатили долги. Союзники указали на то, что они взяли деньги в долг только в техническом смысле и не получили при этом никакой выгоды, тогда как американские фермеры обогатились на 45 миллионов долларов. Тем не менее, Конгресс стоял на своем. Такие действия способствовали увеличению благосостояния Америки, но уменьшали ее престиж за рубежом.

Однако на авторитет самого Гувера это никак не повлияло. Казалось, он обладает иммунитетом от любых обвинений и подозрений. Однако более тщательный анализ фактов может показать, что он был не настолько героической и благородной личностью, как принято считать. Некий исследователь по имени Джон Хэмилл в книге «Странная карьера мистера Гувера под двумя флагами» утверждает, что Гувер в результате деятельности Комиссии помощи Бельгии значительно обогатился. Эти подозрения так и не были доказаны – возможно, потому, что они ни на чем не основывались, – но зато

оказались верными другие, более серьезные обвинения. Во время войны Гувер в рамках своей деятельности нелегально закупал химикаты в Германии. Примечательно также, что он покупал их не потому, что они не были доступны в Британии, а потому, что в Германии они стоили дешевле. В военное время такие закупки считались преступлением, хотя сам Гувер не видел никакой моральной проблемы в том, чтобы поддерживать экономику той страны, которая вела боевые действия против его собственной и убивала сыновей и братьев тех, с кем он работал. Удивительно, но всего лишь за десятилетие до того, как Герберт Гувер стал президентом Соединенных Штатов, он был вовлечен в деятельность, за которую его вполне могли поставить к стенке и расстрелять.

В 1919 году, закончив свои дела в Европе, Гувер вернулся в США, где с тех пор и проживал постоянно. За границей он провел более двадцати лет, и в своей стране, до некоторой степени, походил на иностранца, хотя его настолько уважали, что он мог бы выдвинуть свою кандидатуру на пост президента от обеих главных политических партий. Часто писали, что Гувер провел вдали от родины столько времени, что сам не знал, республиканец он или демократ. Это не совсем так. Еще в 1919 году он вступил в Республиканскую партию, но не особенно увлекался политикой и никогда не голосовал на президентских выборах. В марте 1921 года он стал министром торговли в кабинете Уоррена Г. Гардинга. После скоропостижной смерти Гардинга в 1923 году, он продолжил занимать этот пост при президенте Калвине Кулидже.

Гувер аккуратно исполнял свои обязанности, отличаясь трудолюбием и прилежанием, но был лишен привлекательных качеств. Он был холоден, тщеславен, придирчив и раздражителен. Он никогда не спрашивал подчиненных о здоровье или о том, как у них идут дела. Внешне он казался недружелюбным и сухим. Гувер даже не любил пожимать руки. У президента Кулиджа было весьма своеобразное чувство юмора, и иногда он вел себя, как мальчишка – например, однажды умудрился позвонить во все колокольчики во всем Белом доме, а потом спрятался за портьеру и наблюдал замешательство среди слуг, – но у Гувера вообще не было чувства юмора. Один из его

приближенных заметил, что за тридцать лет никогда не слышал, чтобы Гувер громко рассмеялся.

Кулидж отличался необычайным легкомыслием, в том числе и в финансовых вопросах. Как выразился один очевидец, весь свой президентский срок он «посвятил бездействию». Его секретарь казначейства, Эндрю Меллон, изобретал различные способы сократить налоги, сколачивая свое личное состояние. Согласно историку Артуру М. Шлезингеру-младшему, одним законом Меллон снял с себя такое налоговое бремя, какое равнялось налогам, выплачиваемым целым населением Небраски. Меллон поручал своим людям из Государственной налоговой службы как можно сильнее занижать свою налоговую декларацию. Глава службы даже помогал Меллону уклоняться от налогов. Биограф Меллона, Дэвид Кэннадайн, утверждает, что Меллон также использовал свое служебное положение в личных делах – например, попросил госсекретаря заручиться поддержкой одной китайской компании, с которой он вел дела. Благодаря всем этим хитростям общее состояние Меллона за время службы почти удвоилось и превысило 150 миллионов, а состояние его близких, за которым он также наблюдал, превысило 2 миллиарда долларов.

В 1927 году Кулидж занимался государственными делами не более четырех с половиной часов в день – «гораздо более свободный график, чем у большинства президентов, а то и у большинства других людей», как выразился политолог Роберт Э. Гилберт. Остальное время он дремал. «Никакой другой президент на моей памяти не спал так много», – вспоминал дворецкий Белого дома. Когда Кулидж не спал, он просто сидел, положив по своей давней привычке ноги в открытый ящик стола, и считал автомобили, проезжавшие по Пенсильвания-авеню.

Все это давало Герберту Гуверу прекрасные возможности отличиться и в других сферах, не требовавших его непосредственного участия, и ничто не приносило Гуверу такого удовольствия, как освоение новых административных территорий. Он прикладывал свои руки практически ко всему – участвовал в профсоюзных диспутах, составлял нормативные положения для радио, разрабатывал маршруты авиаперевозок, регулировал иностранные кредиты, боролся с автомобильными пробками, занимался правами на использование воды

основных рек, следил за ценами на резину, внедрял правила гигиены для детей – в общем, вмешивался во все, что зачастую даже и близко не имело отношения к внутренней торговле. Коллеги называли его «Министром торговли и заместителем по всему остальному». Когда было принято положение о лицензировании самолетов, то выдавало эти лицензии министерство Гувера. Когда вульгарный бродвейский импресарио Эрл Кэррол публично объявил о приеме на работу в сомнительных выступлениях на сцене старшекласниц, именно к Гуверу за помощью обратилась организация под названием «Матери Америки» (вопрос был решен удачно). Когда Американская телефонная и телеграфная компания (AT&T) захотела продемонстрировать новое изобретение под названием «телевидение», то перед камерой встал сам Герберт Гувер. В 1927 году он даже нашел время для написания статьи об улучшении национальных рыбных питомников, которая была опубликована в журнале «Атлантик монтли». («Я желаю сообщить факт, описать положение, предложить эксперимент, определить план, выразить протест и предоставить объяснения всему», – писал он во вступительном абзаце статьи, со всей важностью доказывая, что нет ничего настолько малого, что прошло бы мимо его внимания.) Когда Гувер не решал проблемы национального масштаба, он много разъезжал и получал награды. За всю жизнь он получил более пятисот наград, включая почетные степени восьмидесяти пяти университетов.

Кулиджу вообще не нравились люди, но больше всего он невзлюбил Гувера. «Этот человек, без всякой моей просьбы, на протяжении шести лет предлагал мне свои советы, и все плохие!» – огрызнулся однажды Кулидж, когда речь зашла о Гувере. В апреле 1927 года Кулидж озадачил свет, опубликовав официальное заявление о том, что никогда не назначит Гувера государственным секретарем. Заголовки первой страницы «Нью-Йорк таймс» за 16 апреля 1927 года гласили:

СТОЛИЦА ОЗАДАЧЕНА

СТАТУС ГУВЕРА НЕ ОПРЕДЕЛЕН ПРЕЗИДЕНТОМ

**БЕЛЫЙ ДОМ ЗАЯВЛЯЕТ, ЧТО ОН НЕ СТАНЕТ
ГОССЕКРЕТАРЕМ, ДАЖЕ ЕСЛИ КЕЛЛОГ УЙДЕТ В
ОТСТАВКУ**

Почему Кулидж сделал такое решительное заявление, оставалось загадкой для всех политических комментаторов страны. Гувер не высказывал ни малейшего желания занять этот пост, а занимавший его в то время Фрэнк Б. Келлог не собирался его оставлять; они так же были в замешательстве, как и все остальные.

Кулидж с пренебрежением отзывался о своем министре торговли, как о «вундеркинде», но, тем не менее, был доволен, что кто-то делает за него почти всю работу. Теперь, когда Миссисипи вышла из берегов и разлилась, как не разливалась никогда раньше, президент Кулидж обратился, конечно же, к Герберту Гуверу. Через неделю после таинственного обещания не назначать Гувера на пост госсекретаря, Кулидж назначил его главой комитета по чрезвычайной ситуации. За исключением этого, Кулидж больше ничего не сделал. Он отказался посещать затопленные районы, отказался выделять средства из федеральных фондов и отказался созывать специальное заседание Конгресса. Он не захотел выступить по национальному радио с призывом делать частные пожертвования и отклонил предложение юмориста Уилла Роджерса выступить с обращением к нации, часть которого зачитал бы он сам. Кулидж даже отказался выставлять двенадцать фотографий со своим автографом на аукцион, на котором собирались деньги для пострадавших.

Свою официальную штаб-квартиру Гувер утвердил в Мемфисе, но в течение последующих трех месяцев постоянно переезжал с места на место. Его видели в Литл-Роке, в Натчезе, в Новом Орлеане и в Батон-Руже. Где бы ни требовался авторитетный представитель власти, всюду появлялся Гувер. В этом министру торговли следовало отдать должное – показать себя, в отличие от президента, он умел. Именно он выступил по радио с обращением к нации: «Трудно выразить словами все неистовство разлившейся Миссисипи, – начал он свою речь в Мемфисе. – Словами не передать и мощь потока, который всего в двух кварталах отсюда переносит в минуту раз в десять больше воды, чем Ниагарский водопад. Возможно, лучше будет представить себе, что в Висксберге вода покрыла 6000 футов площади, и глубина разлива

доходит до 50 футов; вода там течет со скоростью 6 миль в час. За этим гребнем нависла гибель для 200 000 человек. Тысячи все еще остаются в своих домах, в которых вода не дошла до верхних этажей... Это печальное зрелище проигранной битвы».

Далее было только хуже. В последующие две недели число потерявших жилье увеличилось до полумиллиона. Гувер же чувствовал себя в своей родной стихии. Перед ним был очередной грандиозный кризис, и в его распоряжении оказались все административные ресурсы; он мог руководить огромным количеством людей в различных министерствах и организациях, среди которых были Красный Крест, метеорологическая служба США, служба общественного здравоохранения, служба маяков и десятки других. Кроме того, он имел право контролировать деятельность четырех крупных министерств: Министерства сельского хозяйства, Министерства ВМС, Военного министерства и Государственного казначейства. Никто, кроме президента, до этого не обладал такой полнотой власти. Ни одна мельчайшая операция не избежала внимания Гувера. Он распорядился организовать 154 лагеря беженцев и разработал инструкции, регулирующие их содержание: палатки должны были быть размером восемнадцать на восемнадцать футов и расположены вдоль улиц шириной в двадцать пять футов, расстояние между каждыми двумя рядами палаток должно было составлять десять футов. (На практике, в основном из-за неровностей местности, такой точной геометрии добиться было почти невозможно.) Похожие подробные инструкции также определяли рацион, развлечения, оказание медицинской помощи и все другие аспекты жизни в лагерях, хотя вряд ли всем им строго следовали. Любопытно, что сам Гувер воспринимал лагеря как места, в которых люди могли развлечься и отдохнуть. Он утверждал, что многим их обитателям «впервые выдался настоящий выходной за всю их жизнь». При этом стоит вспомнить, что эти люди потеряли практически все.

Как это было и в Европе, Гувер чувствовал себя неуютно рядом с теми, кого спасал. Особенно ему не нравились каджуны – потомки франкоканадских переселенцев, обосновавшиеся в Луизиане. Согласно его мнению, «они такие же французские крестьяне, и похожи на них, как две капли воды». Особенно раздражали Гувера каджуны, которые отказывались переезжать в районы повыше и подальше от наводнения.

Одного фермера пришлось «спасать» целых шесть раз. Когда ночью под Мелвиллом в штате Луизиана разрушилась дамба на реке Атчафалайя, погибли десять человек (из них женщина с восемью детьми), которым не передали сообщение с приказом покинуть дома. Для Гувера такие факты не столько пробуждали сочувствие, сколько вызвали раздражение. «Я пришел к мысли, что каджуны соглашаются переезжать, только когда вода затекает им под кровать», — писал он.

Каджуны, в свою очередь, тоже не питали к нему теплых чувств. Под Кэрнарвоном в Луизиане в переезжавшую на лодке группу Гувера выстрелил некий человек, скрывшийся в лесах. Нетрудно понять, чем была вызвана такая враждебность. Инспекция ехала на осмотр дамбы, которую собирались подорвать, чтобы отвести поток воды от Нового Орлеана, но многие считали, что это бессмысленное и ненужное занятие. Выше по течению некоторые дамбы и запруды разрушились сами по себе, и городу уже не угрожало скорое затопление. Тем не менее, дамбу решили взорвать и принести при этом в жертву два прихода ради спокойствия новоорлеанских предпринимателей. Городские власти пообещали выплатить полную компенсацию тем, чья собственность будет разрушена, но так и не выплатили.

Как всегда, Гувер без устали занимался саморекламой. Он разъезжал по югу США в частном поезде, отдельный вагон которого был выделен специально для прессы. Оттуда шел поток различных официальных сообщений, в основном изображавших в выгодном свете самого Гувера и его самозабвенный труд. Гувер следил за тем, чтобы каждый сенатор-республиканец получал копии журналов со статьями о нем. Любой газете, какой бы незначительной она ни была, которая критиковала его или ставила под сомнение его деятельность, он писал пространственный ответ с упреками. Иногда эти письма занимали несколько страниц.

Гувер хвастался, что после того как он взял под свой контроль все спасательные операции, погибло только три человека («один из них праздный зевака»), но на самом деле число погибших достигло, по меньшей мере, 150, а возможно, и больше. Деятельность его была отнюдь не безупречной. Фонды часто тратились не на то, на что нужно было, или расходовались сверх меры. Предметы первой необходимости часто передавались крупным землевладельцам,

которые должны были распределять их между своими арендаторами, но некоторые оставляли их себе или без зазрения совести продавали. Сообщения о нарушениях поступали Гуверу в больших количествах, но он не обращал на них внимания. Лагерь беженцев были вовсе не таким райским местом, как изображалось, питание в них часто было скудным и нездоровым; у многих беженцев развились пищевые заболевания, такие как пеллагра. О таких случаях в своих официальных сообщениях Гувер предпочитал не упоминать.

Но для широкого мира наводнение на Миссисипи только упрочило славу Герберта Гувера и повысило его шансы стать кандидатом в президенты от Республиканской партии на следующих выборах. «Это почти неизбежно», – простодушно сообщил он одному знакомому.

При обычном стечении обстоятельств наводнение на Миссисипи нисколько бы не волновало Чарльза Линдберга, но так вышло, что оно совпало со значительным ухудшением погодных условий почти на всем его маршруте. Небо на всем протяжении Среднего Запада и Юго-Запада было омрачено грозowymi тучами; мощные торнадо, словно гигантские демонические волчки, опустошали равнины восьми штатов, от Техаса до Иллинойса. Когда торнадо прошел по деловому району Поплар-Блаффа в штате Миссури, погибло 80 человек и 350 получили ранения. В том же Миссури ураган унес еще десяток жизней; сообщения о гибели людей поступали также из Техаса, Арканзаса, Канзаса, Луизианы и Иллинойса. В Сент-Луисе мощный ветер вызвал обширные разрушения; под обломками погиб один человек («один негр», как писала «Нью-Йорк таймс»). В Вайоминге три человека погибли, замерзнув во время неожиданно налетевшей снежной бури. Всего за два дня непогода унесла жизни 228 человек; 925 получили травмы.

В день, когда Линдберг прилетел в Сент-Луис, ветер стих, но землю окутал густой туман. Бейсболисты из команд «Браунз» и «Янкиз» жаловались на то, что не видели ничего в десяти футах от себя. Видели ли что-нибудь зрители в Спортивном парке, не сообщалось, но поскольку это были «Браунз», то зрителей было не так уж и много^[2]. В любом случае Бейб Рут видел достаточно, чтобы

сделать дабл и хоум-ран, восьмой за сезон. Никто еще не догадывался, какое лето его ожидает. «Янкиз» выиграли игру со счетом 4:2.

Пока восточная часть Миссури была окутана густым, холодным туманом, Чикаго страдал от удушающей жары, а Колорадо и северные равнинные штаты лежали под толстым слоем поздно выпавшего снега. Любопытно, что снег тогда выпал даже в некоторых районах Небраски, тогда как на юго-западе штата свирепствовали два торнадо. Никогда еще погода не была такой необычной и непредсказуемой. Но Линдберг, похоже, пребывал в счастливом неведении. Если он и испытывал какие-то трудности при посадке на аэродром Ламберта в тумане, то никогда не упоминал об этом. Он вообще ничего не сообщал о плохой погоде в своих воспоминаниях об этом времени, разве что заметил, что был рад тому, что шторм задержал вылет других авиаторов из Нью-Йорка. То, что он был единственным смельчаком, готовым подняться в воздух при таких условиях, похоже, не приходило ему в голову ни тогда, ни потом.

В Сент-Луисе Линдберг показал новый самолет своим спонсорам, немного вздремнул, проглотил стейк и четыре яйца в кафе «Луис» у летного поля и снова взмыл в воздух, на этот раз устремившись к Нью-Йорку. При этом, прилетев в Сент-Луис, он как бы между делом поставил два рекорда: стал первым человеком, который перелетел Скалистые горы ночью, и первым американским пилотом, совершившим такой дальний перелет в одиночку. Если все и дальше должно было идти по плану, то ему предстояло побить еще один рекорд – по самому быстрому перелету от одного побережья страны до другого. Любопытно, что это происходило в то самое время, когда даже перелетные птицы сбивались с пути из-за густого тумана вдоль Восточного побережья. Этот же туман делал бесплодными поиски Шарля Нунжессера и Франсуа Коли. Ни один авиатор на всем востоке США даже и не думал, чтобы подняться в небо. Только Франческо де Пинедо, решив возобновить свой тур по Америке на новом самолете, трижды пытался вылететь из Филадельфии в Нью-Йорк, но всякий раз разворачивался из-за проливного дождя и низко нависших туч.

Казалось бы, непогода, державшая летчиков в плену в Нью-Йорке, должна была помешать и Линдбергу добраться до этого города, но, похоже, обычные правила жизни переставали действовать, когда дело касалось этого дерзкого смельчака. Складывалось впечатление, что, по

крайней мере, на время Чарльз Линдберг приобрел странный иммунитет от всех возможных неудач.

Для иностранца, впервые посещавшего США в 1927 году, самой бросающейся в глаза чертой было общее благополучие. Американцы первыми в мире стали жить в обстановке современного комфорта. В их домах повсюду красовались новые бытовые приборы – холодильники, радиоприемники, телефоны, электрические вентиляторы, электробритвы, – которые стали обычными для других стран только спустя поколение или позже. Из 26,8 миллиона домохозяйств страны, в 11 миллионах были фонографы, в 10 миллионах – автомобили, в 17,5 миллиона – телефоны. Каждый год в США устанавливалось больше новых телефонов (781 000 в 1926 году), чем было во всей Великобритании.

Сорок два процента всего, что производилось в мире, производилось в Соединенных Штатах. Там же снималось 80 процентов всех фильмов и выпускалось 85 процентов всех автомобилей. В одном Канзасе было больше автомобилей, чем во Франции. В эпоху, когда основным показателем национального благосостояния был золотой запас, США обладали половиной всего запаса планеты, то есть денег в стране было столько же, сколько во всех остальных странах, вместе взятых. Никакая другая страна в истории не развивалась настолько быстрыми темпами, а скорость, с какой она богатела с каждым днем, была поистине головокружительной. Рынок ценных бумаг, и без того находящийся на подъеме, в 1927 году увеличился на треть в ходе того, что позже Герберт Гувер назвал «оргией безумной спекуляции», но весной и летом 1927 года ни он, ни кто другой еще не испытывал по этому поводу ни малейшего беспокойства.

Америка, которую Чарльз Линдберг пересекал по воздуху в мае 1927 года, как и можно было ожидать, отличалась от той Америки, которую мы наблюдаем сегодня. Прежде всего, она была менее заселенной и явно более сельской. Общее население ее составляло 120 миллионов, то есть на каждые десять человек сегодня приходилось четыре человека тогда. Половина из этих 120 миллионов, по сравнению с 15 процентами в наше время, все еще проживала на

фермах или в маленьких поселках и городках, поэтому чаша весов часто склонялась в пользу сельской местности.

Города же были, в целом, более компактными; они еще не обросли широкими кольцами пригородов, да и дорог между ними было мало. В 1927 году большинство перевозок, как пассажирских, так и грузовых, приходилось на долю железных дорог. Асфальтированные или покрытые бетоном дороги во многих местах были редкостью. Даже недавно построенное шоссе Линкольна, которое гордо именовалось первым трансконтинентальным шоссе в мире, было покрыто асфальтом на всем протяжении лишь от Нью-Йорка до Западной Айовы. Далее, от Айовы до Сан-Франциско, заасфальтированными были лишь половина участков. В Неваде оно вообще было «по большей части гипотетическим», выражаясь словами одного современника, без дорожной разметки и знаков, указывающих на его национальное значение. Тогда только начали появляться другие, менее протяженные автомобильные трассы, вроде шоссе Джефферсона или шоссе Дикси, но они были, скорее, любопытной новинкой, а не регулярным средством перемещения. Когда люди в то время представляли себе пассажирские перевозки будущего, то воображали полеты на аэропланах и гигантских дирижаблях между городами, а не поездки на автомобилях.

Вот почему Ортейг назначил приз за перелет через океан, а не за гонку на дорогах. По той же причине небоскребы оборудовались высокими мачтами – чтобы к ним можно было привязывать воздушные корабли. Конечно, это было крайне опасно – представьте себе только «Гинденбург», охваченный пламенем и падающий на Таймс-сквер – но тогда это почему-то не приходило в голову ни одному архитектору. Даже при обычной посадке дирижаблям того времени приходилось сбрасывать много балласта в виде воды, и вряд ли городским прохожим понравилось бы получать регулярную порцию душа с небес.

Альтернативой могли бы стать аэродромы на крышах небоскребов, предположительно со взлетно-посадочными полосами, перекинутыми с одного здания на другое. Один архитектор предложил конструкцию в виде гигантского стола, ножками которого служили четыре небоскреба. Газета «Нью-Йорк таймс» придумала более индивидуальное решение. «Вертолеты и гироскопы позволят людям

приземляться и взлетать прямо с площадок, расположенных у их окон», – увлеченно описывала она будущее в своей передовице.

При этом не придавалось особого значения тому, что все эти планы были лишены какой бы то ни было практичности – с точки зрения инженерии, архитектуры, авиации, финансирования, безопасности, строительных нормативов или любой другой точки зрения. Это была эпоха, в которой практические соображения уступали место вдохновенным мечтам. Автор популярного журнала «Сайенс энд инвеншн» уверенно предсказывал, что вскоре люди любого возраста будут путешествовать на моторизованных роликах, а известный архитектор Харви У. Корбетт утверждал, что небоскребы вскоре будут сооружаться высотой в несколько сотен этажей, и жители верхних этажей, проживающие над тучами, будут получать продукты по радио (правда, он так и не объяснил, как именно будет осуществляться передача материи по радио и почему он пришел к такому выводу). Родман Уонамейкер, владелец универмагов и спонсор полета Бэрда, профинансировал выставку в Нью-Йорке под названием «Титан-Сити», где город будущего изображался, как скопление величественных башен, соединенных между собой стеклянными пневматическими трубами, а люди перемещались между башнями либо по этим трубам, либо по самодвижущимся дорожкам. Каким бы ни представляли себе будущее разные мечтатели, все они соглашались с тем, что будущее это будет высокотехнологичным, причем Америка в нем будет играть ведущую роль.

Любопытно, что в своем настоящем американцы не были настолько уверены, как в своем будущем. Первая мировая война оставила после себя мир, который многие считали хрупким, испорченным и коррумпированным – даже те, кто, казалось бы, выигрывал от этой испорченности. Шел восьмой год Сухого закона, и всем было понятно, что эта затея закончилась полным провалом. Она превратила рядовых граждан в преступников и породила целый криминальный мир гангстеров с пистолетами-пулеметами Томпсона в руках. В 1927 году в Нью-Йорке было больше салунов, чем до принятия Сухого закона, и пьянство оставалось распространенным настолько широко, что говорили, будто мэр Берлина во время своего дружественного визита в Америку спросил мэра Нью-Йорка Джимми Уокера, когда же закон наконец вступит в действие. Страховая

компания Metropolitan в 1927 году сообщала, что по причинам, связанным с алкоголем, погибает больше людей, чем до закона.

Признаки морального разложения были заметны повсюду, даже на танцевальных площадках. В моду вошли танго, шимми и чарльстон с рваным ритмом и размашистыми движениями явно сексуального характера, что приводило в ужас представителей старшего поколения. Еще более откровенным был популярный танец «black bottom», подразумевавший прыжки вперед-назад и хлопки ниже спины – по той части тела, которой, по мнению строгих моралистов, вообще не должно было существовать, не говоря уже о том, чтобы выставять ее на всеобщее обозрение. Даже вальс содержал некоторые элементы, делавшие его похожим на музыкальную эротическую прелюдию. Но хуже всего был джаз, общепризнанный синоним разврата и, по мнению многих, прямая дорога к наркотикам и беспорядочным половым связям. «Заключают ли в себе синкопы джаза понятие Греха?» – вопрошала статья в женском журнале «Ледис хоум джорнал», и тут же отвечала: «Да, заключают». В редакторской колонке журнала «Нью-Йорк америкэн» джаз был назван «патологической, раздражающей нервы и пробуждающей половое влечение музыкой». Многие с неудовольствием признавали, что среди других стран по числу разводов Америка уступает только Советскому Союзу. (Вдобавок Невада в 1927 году приняла закон, согласно которому развестись мог кто угодно, прожив в этом штате всего три месяца, поэтому в последующие годы Невада стала весьма популярной среди сторонников быстрых разводов.)

Особенное возмущение моралистов вызывали девушки и молодые женщины, которые курили, выпивали, ярко красились, коротко стриглись и носили платья выше колена вызывающих расцветок. В среднем количество ткани, необходимое для пошива одного платья, по некоторым расчетам сократилось с двадцати ярдов в довоенную эпоху до всего лишь семи ярдов в послевоенную. За женщиной передовых взглядов и раскрепощенного образа жизни укоренилось название «флэппер» (flapper, буквально «хлопушка»); считается, что это слово британского происхождения, которое изначально, в девятнадцатом веке, обозначало проститутку. Утверждали также, что оно пошло от наименования неоперившегося птенца, который только «хлопает»

своими крылышками; любопытно, что в английском сленге сохранилось другое название проститутки – «птичка» (bird).

Кинематограф ловко эксплуатировал увлечения публики, а то и искусно подогревал их, снимая фильмы с весьма пикантным содержанием. На рекламном плакате к одной из таких лент зрителям обещали показать «джазовых красоток, ванны с шампанским, ночные кутежи, любовные ласки при свете зари, и все это заканчивается потрясающей кульминацией, от которой у вас отвиснет челюсть». В другом фильме фигурировали «объятия, игры, белые поцелуи, красные поцелуи, охочие до наслаждений дочери и жаждущие сенсаций мамы». Нетрудно было проследить связь между свободными нравами «современной женщины» и преступным умыслом Рут Снайдер. В газетах часто упоминали о том, что до убийства миссис Снайдер любила посещать именно такие «горячие» фильмы.

В отчаянии законодатели пытались насадить добродетель административным порядком. В Ошкоше, штат Висконсин, согласно местному закону танцорам запрещалось смотреть в глаза друг другу. В Юте законодательное собрание штата предложило отправлять женщин в тюрьму – именно сажать за решетку, а не отделываться штрафом, – если они выходили на улицу в платье выше колен на три дюйма. В Сиэтле некая общественная организация под названием «Лига чистых книг» даже попыталась запретить рассказы путешественника Ричарда Халлибертона на том основании, что они «пропагандируют бродяжничество». Правила и постановления о нормах морали появлялись по всей стране как грибы после дождя, и, как и в случае с самым сухим законом, повсюду игнорировались. Для настроенных консервативно членов общества это была эпоха отчаяния.

Поэтому когда на Лонг-Айленде совершил посадку «Дух Сент-Луиса» и из него вышел молодой человек, который, как казалось, служил самым воплощением добродетели, скромности и чести, то многие обыватели обратили на него взор, преисполненный надежды.

До той поры Линдберга считали «далеким и неопределенным соперником», как позже выразился Кларенс Чемберлин. Многие авиаторы даже не слышали о нем. Но он быстро стал фаворитом публики. Как писал репортер «Нью-Йорк таймс» всего через сутки после его появления: «Линдберг покорила сердца ньюйоркцев своей

застенчивой улыбкой, неукротимой отвагой и дерзким перелетом с тихоокеанского побережья». На аэродром стекались огромные толпы, чтобы хотя бы краем глаза посмотреть на человека, которого газеты называли (к его собственному раздражению) «Счастливым Линди». В воскресенье после его приземления у аэродрома Кертисса собралось около тридцати тысяч человек, которые наблюдали, как Линдберг разговаривает со своими механиками и осматривает самолет. Многие взобрались на крышу небольшой малярной мастерской рядом с ангаром, в котором стоял «Дух Сент-Луиса», в результате чего крыша сарая обрушилась; к счастью, никто серьезно не пострадал.

Что и говорить, романтики на двух главных аэродромах Лонг-Айленда – на аэродроме Рузвельта и аэродроме Кертисса с более скромными размерами – было маловато. Они располагались в скучной полуиндустриальной зоне, где заводы и склады чередовались с фермерскими хозяйствами и безликими пригородными застройками. Сами аэродромы выполняли исключительно утилитарную функцию. Их ангары и вспомогательные помещения были грубыми и неокрашенными. Самолеты парковались прямо на земляных площадках, покрытых кочками и бурыми лужами. За несколько дождливых недель тропинки вокруг зданий превратились в непролазное грязное месиво.

Правда, аэродром Рузвельта выглядел лучше, потому что Родман Уонамейкер не пожалел денег, чтобы разровнять и привести в порядок взлетную полосу после ужасной катастрофы с самолетом Рене Фонка восемью месяцами ранее^[3]. Это была единственная взлетная полоса во всем Нью-Йорке, с которой мог бы подняться в воздух самолет для перелета через Атлантику; и это могло стать проблемой для других пилотов, поскольку Уонамейкер арендовал аэродром исключительно для Бэрда. Но Бэрд настоял на том, чтобы им пользовались и другие. К чести Бэрда будет сказано, он вообще много помогал своим соперникам – например, делился с ними частными сообщениями о погоде. Он же первым поприветствовал Линдберга в его ангаре на аэродроме Кертисса и пожелал ему удачи. Правда, тогда считалось, что у Бэрда больше всего шансов на успех, а Линдберг просто никому не известный любитель, поэтому Бэрд мог позволить себе такую щедрость.

Несмотря на внимание, с каким публика встретила Линдберга, большинство других авиаторов и члены их экипажей оценивали шансы этого «высочки» весьма скромно. Бернт Балхен, один из представителей команды Бэрда, в своих мемуарах вспоминал, что они не считали Линдберга за своего. Президент Американского общества содействия авиации искренно признался, что не думает, будто Линдбергу что-то светит. Впрочем, как и остальным пилотам.

По сравнению с широкой кампанией Бэрда подготовка Линдберга и в самом деле не впечатляла. Бэрду помогало целых сорок человек – среди них механики, телеграфисты, даже повара, обслуживающие общий стол. У Линдберга же в Нью-Йорке поначалу вообще не было помощников. Его спонсоры отправили из Сент-Луиса молодого человека по имени Джордж Стамф, не имевшего никакого опыта в летном деле, в надежде, что он сможет хотя бы выполнять мелкие поручения. Компания Wright Corporation предоставила двух механиков (она в собственных же интересах предоставляла их всем экипажам, которые использовали их двигатели), а также выделила специалиста по связям с общественностью Ричарда Блайта. Но компания считала Линдберга настолько темной лошадкой, что им обоим пришлось делить один номер в отеле «Гарден-Сити». За исключением этого Линдбергу во всем остальном приходилось полагаться на свои собственные силы. Бэрд на свою подготовку по самым скромным оценкам потратил 500 000 долларов^[4]. Общие расходы Линдберга – на самолет, топливо, провизию, проживание и все остальное – не превысили 13 500 долларов.

Бэрд был слишком хорошо воспитан, чтобы произносить вслух то, что думал, но наверняка его поразил внешний вид Линдберга. Перед ним стоял, по сути, неопытный мальчишка. На его самолете не было радио, он был оборудован всего лишь одним двигателем (сам Бэрд настаивал на трех) и построен компанией, о которой никто ничего не знал. Линдберг не собирался брать с собой спасательную лодку и дополнительное снаряжение. Но, что самое удивительное, он намеревался вылететь в одиночку, а это означало, что он должен был на протяжении полутора суток управлять нестабильным самолетом при плохой погоде и затрудненной видимости, без ориентиров, да еще при помощи четырнадцати клапанов регулировать подачу топлива из пяти разных баков, соблюдая равновесие. Если ему нужно будет

определить свое местоположение, то ему придется расстилать карту на коленях, зажимая между ними рычаг, а ночью еще и светить на нее фонариком, держа его в зубах. Такой перелет – непростая задача даже для трех членов экипажа, не говоря уж об одном! Любой, кто был знаком с авиацией, понимал, что это настоящее сумасшествие.

Некоторые репортеры пытались отговорить Линдберга от его затеи, но безуспешно.

– Он отказывается прислушиваться к голосу разума! – пожаловался один из них Балхену. – Это просто упрямый болван.

Атмосфера на аэродромах, как позже вспоминал Линдберг в своей автобиографии «Дух Сент-Луиса», определенно накалялась. Прошло всего две недели с трагического крушения Дэвиса и Вустера в Виргинии, и менее недели с тех пор, как пропали Нунжессер и Коли. Майрон Херрик, посол США в Париже, публично заявил, что пока что не советует американским авиаторам прилетать во Францию. Но плохая погода и так заставляла всех сидеть на земле. Оставалось только ждать.

Помимо общих забот Линдберга тяготило внимание прессы. Журналисты засыпали его вопросами, не имеющими ни малейшего отношения к полету – есть ли у него девушка? Танцует ли он? Эти вопросы его смущали, и он находил их чересчур личными. Фотографы же недоумевали, почему он не хочет позировать для снимков во время отдыха или совместного времяпрепровождения с механиками или другими авиаторами. Они всего лишь хотели показать его обычным человеком. Однажды двое журналистов пробрались в его номер в отеле «Гарден-Сити», надеясь застать его за бритьем или за каким-нибудь повседневным занятием, которое покажет, что он нормальный парень, достойный симпатии.

14 мая из Детройта приехала мать Чарльза, чтобы пожелать ему удачного перелета. Сын и мать нехотя позировали для снимков и стояли рядом как незнакомцы, которых только что представили друг другу. Миссис Линдберг напрочь отказывалась целоваться или обниматься со своим сыном, объясняя, что они принадлежат к «сдержанной нордической расе», что в ее случае было неправдой. Она всего лишь слегка похлопала своего сына по плечу и сказала: «Удачи, Чарльз», а потом добавила: «И до свидания». Такая скромность

нисколько не смутила газету «Ивнинг график», и для своих читателей она напечатала «композографию», на которой головы Чарльза и его матери были приставлены к телам более эмоциональных моделей – правда, никакой редактор не смог изменить странное, почти отсутствующее выражение глаз матери и сына.

Газеты наперебой сообщали о готовности вылететь всех трех американских экипажей – Линдберга на «Духе Сент-Луиса», Бэрда на «Америке» и Чемберлина и Акосты на «Колумбии» Белланки, поэтому публика ожидала, что все они вылетят сразу же, как небо очистится и засияет солнце. Все надеялись на захватывающую гонку с тремя участниками. Но ни Линдберг, ни весь остальной мир не знали, что в двух других лагерях дела обстоят далеко не так гладко. Бэрд, похоже, не слишком горел желанием вылететь в Париж, что было довольно странно. Он бесконечно проверял и перепроверял все механизмы и детали самолета, к удивлению своей команды и к раздражению Тони Фоккера, беспокойного конструктора машины. «Мне казалось, он хватался за любой повод отложить полет, – вспоминал Фоккер в своей автобиографии четыре года спустя. – Я даже начал сомневаться в том, что Бэрд действительно хочет пересекать Атлантику». Ко всеобщему удивлению, Бэрд назначил официальное мероприятие – с речами и срывом покровов с самолета – на субботу 21 мая, а это означало, что он еще неделю останется на месте, даже если погода позволит подняться в небо раньше.

В лагере «Колумбии» дела обстояли еще хуже, и все из-за капризного и непостоянного нрава Чарльза А. Левина. Он был сыном утильщика и сам сколотил состояние после Первой мировой войны, скупая и продавая снарядные гильзы, ценившиеся из-за латуни. Когда он заинтересовался авиацией, то его даже прозвали «Летающим старьевщиком». В 1927 году его состояние оценивалось в 5 миллионов долларов, хотя многим, кто видел его скромный дом у гавани Бель-Харбор на полуострове Рокавей, в наименее престижном районе Лонг-Айленда, это казалось преувеличением.

Левин был лысым, сварливым, грузным мужчиной ростом около пяти футов шести дюймов. Он одевался как гангстер – двубортный костюм в полоску и широкополая шляпа. Глаза его вечно бегали из стороны в сторону, словно в поисках любой возможности поживиться.

Улыбка его смахивала, скорее, на гримасу. Удивительно, что он только незадолго до этого отметил свое тридцатилетие.

Двумя самыми главными недостатками Левина были патологическая неспособность вести честный разговор – иногда он, казалось, врал просто из-за любви ко лжи – и столь же патологическое неумение отличать легальную деятельность от нелегальной. Он часто обманывал своих деловых партнеров или бросал их в неподходящий момент. Как следствие, ему постоянно приходилось являться в суд. Именно темные махинации подвели его и на этот раз.

Все началось с того, что он невзлюбил своего главного пилота, Кларенса Чемберлина. Трудно сказать почему, поскольку Чемберлин был вполне приятным и достойным уважения человеком, да к тому же и первоклассным летчиком. Ему просто не доставало энтузиазма и огонька в глазах. Самой яркой его чертой была одежда. Он отдавал предпочтение галстукам кричащих расцветок, носкам с ромбиками и широченным галифе, но в остальных отношениях походил на усталого пенсионера.

Левина раздражала меланхоличность Чемберлина, и он хотел заменить его на другого пилота. «Он хотел избавиться от меня, потому что я не походил на «героя фильмов» и со мной не получилось бы хороших кадров в финале», – без особой обиды вспоминал Чемберлин в своей автобиографии.

Не обращая внимания на возражения Джузеппе Белланки, которому очень нравился Чемберлин, Левин выбрал на роль главного пилота Ллойда Бертро, более компанейского здоровяка. Надо сказать, что Бертро тоже был хорошим пилотом и к тому же бесстрашным. Еще в детстве, в Калифорнии, он соорудил свой первый планер и испытал его, прыгнув с утеса над морем. К счастью, испытание закончилось благополучно. Самым впечатляющим его трюком было бракосочетание в воздухе, за штурвалом самолета, с испуганным пастором и покорной невестой в роли пассажиров. Такие подвиги как раз и делали его привлекательным в глазах Левина.

Но с приходом Бертро в экипаже «Колумбии», если считать еще и Берта Акосту, стало три летчика, а это было больше, чем мог вместить аэроплан. Левин вызвал к себе Акосту с Чемберлином и сказал, что пока еще не решил, кого поставит вторым пилотом в помощь Бертро для перелета в Париж. Сделать выбор он намеревался с помощью

монетки утром перед полетом. Акоста долго смотрел на него в удивлении, а потом пересек поле и присоединился к команде Бэрда. Бертро же заявил, что ни в коем случае не потерпит рядом с собой Чемберлина и назначит своего собственного помощника. В ответ на это Белланка заявил, что не разрешит поднять свой самолет в воздух без Чемберлина на борту.

В 1927 году Джузеппе Белланке, невысокому (ростом всего лишь в пять футов и один дюйм), скромному и добродушному человеку, был сорок один год, то есть он был старше почти всех, кто принимал участие в подготовке к перелету через Атлантику. Он вырос на Сицилии, в семье мельника, и изучал инженерное дело в Миланском техническом институте, где увлекся авиацией. В 1911 году Белланка эмигрировал в Америку вместе со своей большой семьей – родителями и восемью братьями и сестрами, – которая поселилась в Бруклине. В подвале их нового дома он построил аэроплан. Потом он сам научился летать, начав с небольших отрывов от земли и постепенно увеличивая время полета.

Белланка был блестящим, новаторским конструктором. Он одним из первых в мире начал устанавливать на свои самолеты моторы с воздушным охлаждением, закрывать кабину (конечно, не для удобства пилота и пассажиров, а для повышения аэродинамики) и придавать всем внешним деталям обтекаемую форму. Подпорки в конструкции Белланки не просто поддерживали крылья, они способствовали вертикальной тяге, или, по меньшей мере, уменьшали силу сопротивления. Как следствие, самолет Белланки был, пожалуй, лучшим в мире для своего размера.

К сожалению, бизнесмен из Белланки был никудышный, и он постоянно испытывал недостаток средств. Какое-то время он работал на компанию «Райт корпорейшн», но потом компания решила свернуть конструкторскую деятельность и сосредоточиться на двигателях, и при этом – по всей видимости, к ужасу самого Белланки – продала столь обожаемый им самолет Чарльзу Левину. Поскольку этот самолет был единственным существующим созданием его гения, Белланке пришлось перейти к Левину вместе с самолетом. Так началась его непродолжительная и крайне неудачная связь с сомнительным дельцом.

Все члены команды Левина постоянно ссорились между собой. Левин настаивал на том, чтобы установить в самолете рацию, не для безопасности, а чтобы авиаторы могли отсылать сообщения проходящим судам, которые он потом мог бы продавать газетчикам. Для облегчения связи Левин предложил следовать маршрутом, обычным для морских сообщений, а не по дуге большого круга, что только добавляло риска. Белланка, обычно сдержанный, яростно сопротивлялся. Он утверждал, что рация увеличит нагрузку, повысит опасность пожара и может оказаться помехой для компаса. В любом случае летчики будут слишком заняты управлением, чтобы в красках описывать свои впечатления от полета для газет. По меньшей мере четырежды Левин приказывал механикам установить рацию, и каждый раз Белланка приказывал снять ее – каждый раз Левину это стоило 75 долларов, и каждый раз он впадал в бешенство.

Незадолго до запланированного дня вылета Левин ухудшил ситуацию, предоставив Бертро и Чемберлину контракты для подписи. Несколько недель он обещал им выплатить половину доходов от перелета и щедрую страховку на случай гибели, которую должны были получить их жены. Но в представленном им документе ничего этого не было. В нем было написано, что Левин получает все деньги и что в течение года, последующего за перелетом, они должны передать ему все права на управление всеми мероприятиями. Он собирался сам организовывать выступления, устраивать представления, договариваться о съемках в фильмах и всячески эксплуатировать их достижение. За это он обязался выплачивать им 150 долларов в неделю, а также неуказанные нерегулярные «премии» по своему усмотрению. Когда его спросили о страховке, Левин сказал, что подумает об этом после того, как Бертро и Чемберлин подпишут контракт. И в тот же самый день, когда он сообщил Бертро и Чемберлину, что забирает у них все деньги, он объявил журналистам, что «каждая монета из призовых денег достанется пилотам “Колумбии”».

Бертро, уставший от двуличия Левина и его бесконечных уверток, обратился к юристу Кларенсу Натту, и тот помог ему составить требование о запрете на любой вылет самолета от имени Левина, пока не будет решен вопрос страховки и более справедливых выплат. Судебное разбирательство было назначено на 20 мая (на дату, которая

окажется судьбоносной для всех участников трансатлантической гонки). Словно доказывая, что нет предела его непредсказуемости, Левин заявил, что готов выплатить Линдбергу 25 000 долларов, чтобы тот сопровождал его в Париж. Линдберг вежливо напомнил о том, что в его самолете нет места для пассажира.

В результате Линдберг оказался предоставленным сам себе, по крайней мере до конца недели, если только позволит погода. Постепенно и другие переставали сомневаться в его успехе. Проработав под началом Линдберга неделю, Эдвард Маллиган, один из приписанных к нему механиков, подбежал к коллеге и радостно крикнул: «Говорю тебе, Джо, этот парень победит! Точно победит!»

Между тем погода оставалась ужасной, не только в Нью-Йорке, но и по всей стране. В Вашингтоне 14 мая по кладбищу Проспект-Хилл прошел торнадо шириной в пятьдесят футов у основания, который потом пробежался по Род-Айленд-авеню, выворачивая с корнем деревья и вызывая ужас у наблюдателей, после чего исчез примерно через минуту после своего появления. На западе жителей заставляли врасплох неожиданно поздние снегопады. В Детройте из-за снега пришлось отложить игру между «Тиграми» и «Янкиз» (это был рекорд по дате отложенного из-за снега матча в высшей лиге). А в долине реки Миссисипи в среднем и южном ее течении продолжали идти дожди.

Из-за плохой погоды Франческо де Пинедо, возобновивший свой тур по Америке на новом самолете, прибыл из Мемфиса в Чикаго на пять часов позже. Этот тур становился все более и более неудобным для хозяев, поскольку постепенно принимал все более политическую окраску и в конце концов окончился насилием. Пинедо имел привычку делать совершенно неподобающие высказывания. Во время встречи с мэром Нью-Йорка Джимми Уокером он сказал: «Я считаю, что Нью-Йорк – лучший фашистский город во всем мире». Два дня спустя, когда Пинедо обращался к сторонникам фашизма в отделении Итальянского легиона на Второй авеню, здание окружили две тысячи антифашистских демонстрантов и принялись бросать в окна кирпичи. Находившиеся внутри выскочили и стали драться с демонстрантами. К тому времени, когда подъехала полиция, уже собралась толпа в десять тысяч человек. Полиция принялась наводить порядок дубинками, обрушивая их направо и налево. Тем временем Пинедо продолжал свою речь, словно не видя, что обращается к почти пустому залу. Количество пострадавших не уточнялось.

Чикаго был последней остановкой Пинедо в США из сорока четырех, после чего он направился обратно в Европу через Квебек и Ньюфаундленд. Он надеялся украсть победу у авиаторов с аэродрома имени Рузвельта, перелетев через Атлантику раньше их. На приз Ортейга он не претендовал, потому что собирался заправляться на

Азорских островах, но все равно, если бы он приземлился в Ле-Бурже, то это было бы огромным символическим триумфом фашизма – ему бы представился очередной шанс покрасоваться на публике, упершись руками в бока и снисходительно поглядывая на американских авиаторов.

К счастью для него, никаких антифашистских демонстраций в Чикаго не было, хотя, по иронии судьбы, Пинедо получил серьезные травмы, когда авиатора хлопали по плечу и обнимали его сторонники в черных рубашках, которых у чикагского яхт-клуба собралось несколько сотен.

Одним из тех, кто поджидал Пинедо на официальном приеме, был чикагский бизнесмен итальянского происхождения по имени Аль Капоне. Даже в Чикаго, самом коррупционном городе страны, было удивительно видеть самого известного бандита рядом с мэром, руководителями береговой охраны, судьями и другими должностными лицами. Капоне тогда впервые пригласили принять участие в официальной церемонии; можно сказать, что это вообще был первый раз, когда гангстер был приглашен в «общество». Так что для Капоне это был повод для гордости, хотя тогда он, скорее всего, и не подозревал, что на следующий же день в действие будет приведен механизм его будущего падения.

Человеком, посадившим самого известного в истории мафиози за решетку, была стройная, довольно привлекательная тридцатисемилетняя женщина по имени Мейбл Уокер Виллебрандт. Всего лишь немногим более десяти лет назад Мейбл была никому не известной домохозяйкой из Калифорнии, но когда семейная жизнь ей наскучила, она записалась на вечерние курсы Университета Южной Калифорнии и в 1916 году получила диплом юриста. В последующие пять лет она представляла интересы женщин, подвергшихся насилию, и проституток, что было довольно смело для любого адвоката 1910-х годов. (Также в ходе своей карьеры она развелась с мистером Виллебрандтом.) Неудивительно, что она стала известной личностью, и в 1921 году ее перевели в Вашингтон, где она заняла должность помощника главного прокурора в администрации Гардинга. Таким образом она стала самой высокопоставленной женщиной в федеральном правительстве. Ей поручили следить за выполнением Сухого закона и за сбором налогов и, тем самым, пусть и

неумышленно, дали ей в руки все рычаги для влияния на организованную преступность.

До той поры преступные банды казались полностью недостижимыми для правосудия. Бандитов не осуждали за убийство или другие серьезные преступления, потому что никто не осмеливался свидетельствовать против них. И их невозможно было привлечь по обвинению в занятии незаконной предпринимательской деятельностью, потому что они не указывали свои имена в договорах и других уличающих документах. Но Виллебрандт вдруг задумалась над тем, что гангстеры чрезвычайно богаты, и даже кичатся своим богатством, выставляя его напоказ, хотя никогда не заполняют налоговые декларации. Она решила подступить к ним именно с этой стороны. В настоящее время осуждение преступников за уклонение от налогов стало настолько обычной практикой, что трудно представить, насколько блестящей и оригинальной была эта мысль на тот момент, когда она впервые пришла в голову Виллебрандт. Многие юридические авторитеты считали, что это совершенное безумие.

Первой своей жертвой, ставшей своего рода образцом для испытаний, она выбрала бутлегера из Южной Калифорнии по имени Мэнли Салливан. Адвокаты Салливана утверждали, что преступники не могут подавать налоговую декларацию, не обвиняя самих себя в преступлениях, а это нарушение их прав по Пятой поправке (согласно которой обвиняемого нельзя заставлять свидетельствовать против себя). Кроме того, говорили адвокаты, взимая долю нелегальных доходов, правительство само становится соучастником преступления, а это противоречит его фидуциарным, присущим ему, обязанностям. Особенно яростным противником Виллебрандт был судья федерального апелляционного суда Мартин Томас Мэнтон. «Трудно представить себе, что Конгресс когда-либо подразумевал, что правительство будет получать часть доходов от успешно совершенного преступления, — писал он. — Невозможно помыслить, будто так и было задумано, что какой-то бутлегер будет объявлен налогоплательщиком, чтобы государство взимало с него деньги для своих государственных целей, точно так же, как оно взимает деньги с честного торговца-налогоплательщика».

Несмотря на возражения Мэнтон и других юристов, дело все же дошло до Верховного суда и получило официальное наименование

«Соединенные Штаты против Салливана, 274 U.S. 259». Разбирательство было назначено на 16 мая 1927 года, то есть на следующий день после того, как в Чикаго Аль Капоне встречался с Пинедо. Всего Верховный суд США выслушал более сорока дел Мейбл Уокер Виллебрандт, но ни одно из них не имело бы такой большой резонанс в том случае, если бы она его выиграла.

И она его выиграла.

По странной иронии судьбы – и в самом деле, трудно было бы найти более подходящего человека для такого поворота – через несколько лет Налоговое управление США обвинило этого самого судью Мэнтон в неуплате налогов, после того как он был признан виновным в присвоении 186 000 долларов, полученных им в виде взяток. Он провел восемнадцать месяцев в федеральной тюрьме.

Благодаря выигранному делу «Соединенные Штаты против Салливана», дни Аль Капоне были сочтены, хотя он этого еще и не осознавал. Газета «Нью-Йорк таймс», как и другие издания, едва удостоила это дело своим вниманием, упомянув его в заметке на тридцать первой странице, так же как уделила мало внимания другому разбирательству в Верховном суде, «Бак против Белла», проходившему в том же месяце (о котором подробнее будет сказано ниже). Вместо этого она снова дала краткий отчет по делу Рут Снайдер и Джадда Грея, которых утром 16 мая перевели из тюрьмы на Лонг-Айленде в камеру смертников в тюрьме Синг-Синг, в обстановке, похожей на сцены из немых фильмов про полицейских предыдущего десятилетия.

Толпа из десяти тысяч человек – многие вскарабкались на крыши зданий или на пожарные лестницы для лучшего обзора – собралась у здания тюрьмы в округе Куинс, чтобы посмотреть на процессию из четырнадцати автомобилей в сопровождении шести полицейских мотоциклов с колясками (в каждой сидел полицейский, вооруженный винтовкой). Двух самых известных преступников Америки вывезли из здания около десяти тридцати утра. В конвое присутствовали тюремные должностные лица, журналисты и два олдермена, Джеймс Мерта и Бернард Шварц, не имевшие никакого отношения к делу, но присоединившиеся за компанию. «Их сопровождали жены и дети, которым, похоже, нравилась эта прогулка», – писал корреспондент «Нью-Йорк таймс».

От тюрьмы процессия на большой скорости (которая в 1927 году примерно равнялась 40 милям в час) переехала мост Куинсборо, а затем пересекла Манхэттен в районе Центрального парка, хотя ей приходилось постоянно останавливаться из-за пробок.

Ни один другой город в мире не был настолько неподходящим для быстрого конвоя, как Нью-Йорк 1920-х годов. На его улицах насчитывалось больше автомобилей, чем во всей Германии, но по этим же улицам вместе с ними ездили пятьдесят тысяч запряженных лошадей. Стремительные автомобили, медленно плетущиеся повозки и беспечные пешеходы делали нью-йоркские улицы невероятно опасными. В 1927 году в дорожно-транспортных происшествиях погибли тысяча человек, что в четыре раза больше ежегодных жертв в наши дни. Только по вине таксистов в тот год в Манхэттене погибло семьдесят пять человек.

За три года до этого, в попытке улучшить ситуацию на дорогах, в Манхэттене были установлены светофоры, но пока что они не оказывали заметного влияния. Повсюду, где только можно, проводились улучшения дорог и тротуаров, лишь усиливая хаос. Тогда как раз отсекали по восемнадцать футов с каждой стороны бульвара вдоль Парк-авеню, чтобы расширить проезжую часть с Сорок шестой по Пятьдесят седьмую улицы, уменьшая таким образом этот самый «парк», по которому она и получила название. На западном берегу Манхэттена пробки и шум увеличивало строительство тоннеля Холланда, который должен был открыться осенью того года. Он был настоящим чудом своего времени – самый длинный подводный тоннель в мире, – но напряжение, связанное с решением вопроса о том, как прокопать и обеспечить вентиляцией трубу длиной в полторы мили на глубине в сотню футов, было настолько велико, что конструктор этого сооружения, Клиффорд М. Холланд, скончался в возрасте сорока одного года, не дожив до его завершения. Но по крайней мере, он обессмертил свое имя. Его преемник, Мильтон Х. Фриман, не продержался и четырех месяцев, скончавшись от сердечного приступа, однако в его честь ничего названо не было. В ходе строительства также скончались тринадцать рабочих. Для остальных же обитателей Нью-Йорка в 1927 году тоннель Холланда был всего лишь источником пробок и неразберихи на дорогах.

Так что организаторы автоколонны, перевозившей Грея и Снайдер, были настроены слишком оптимистично, если надеялись быстро проехать по загруженным улицам. Что еще хуже, каждый раз, как колонна замедляла ход или останавливалась, вокруг нее собирались толпы людей, надеявшихся разглядеть за стеклами скандально знаменитых убийц, а это еще сильнее замедляло продвижение. Вести о том, что конвой прибыл на ту или иную улицу, распространялись, как пожар в сухом лесу. «Автомобилисты останавливали свои машины, выходили из них и бежали по улице», – с удивлением отмечал корреспондент «Таймс».

Трогаясь с места, колонна создавала еще больше опасностей. Многие зеваки в возбуждении выбегали на проезжую часть, и мотоциклистам приходилось лавировать между ними. Некоторые автомобили колонны сами попали в незначительные дорожные происшествия, иногда сталкиваясь друг с другом. Возглавлявший мотоциклистов сержант Уильям Кэссиди упал с мотоцикла и ударился об автомобиль, в котором везли Рут Снайдер, отчего она в страхе вскрикнула. Сам сержант отделался незначительными царапинами и синяками. Автомобиль олдермена Мерта перегрелся и отказался ехать дальше, вероятно, к его собственному разочарованию и разочарованию его жены и детей. Наконец, Снайдер и Грея доставили в Синг-Синг, после чего они исчезли за воротами, как исчезли и с первых полос газет. Очередные громкие новости о них должны были выйти лишь в январе следующего года, то есть в месяц, на который была назначена казнь.

Через пару дней все другие события затмила самая громкая и шокирующая новость того лета. Утром 19 мая читатели «Нью-Йорк таймс» с потрясением взирали на заголовки:

МАНЬЯК ВЗРЫВАЕТ ШКОЛУ

ПОГИБЛО 44 ЧЕЛОВЕКА, В ОСНОВНОМ ДЕТИ

ОН ПРОТЕСТОВАЛ ПРОТИВ ВЫСОКИХ НАЛОГОВ

Этим маньяком был некий Эндрю Кехо, выпускник Мичиганского государственного университета, которого до того дня все его знакомые и соседи в городке Бат в штате Мичиган считали здравомыслящим и приятным человеком. У него была своя ферма по дороге в Лансинг, и еще он подрабатывал казначеем местного школьного совета. Он настолько не вызывал никаких подозрений, что за день до трагического события ему звонил один учитель с просьбой провести школьный пикник на принадлежащей ему земле. Тогда этот учитель еще не догадывался, что в тот самый момент Кехо уже убил или собирался убить свою жену. Впоследствии выяснилось, что Эндрю страдал расстройствами психики. Его состояние усугубили долги, из-за которых банк грозился лишить его права собственности на ферму. В случившемся Эндрю обвинил высокие местные налоги и школьную администрацию и решил расплатиться со своими предполагаемыми обидчиками самым ужасным образом.

Ранним утром 18 мая, пока большинство обитателей Бата спали, Эндрю Кехо несколько раз спустился в подвал школы с коробками с динамитом и пиротолом – военной взрывчаткой. Всего он разместил в подвале пятьсот фунтов взрывчатых веществ, соединив их шнуром и подведя этот шнур к своему автомобилю, припаркованному перед школой. На следующий день дети от дошкольников до двенадцатого класса, как обычно, пришли в школу. Правда, тогда началась выпускная неделя, и посещаемость была ниже обычного, потому что старшеклассникам разрешили отдохнуть.

В 9.40 раздался оглушительный взрыв, разрушивший северное крыло здания, в котором размещались третьи, четвертые, пятые и шестые классы. «Очевидцы говорят, что Кехо сидел в своем автомобиле перед школой и с восхищением наблюдал, как взлетают в воздух тела невинных жертв его дьявольского замысла», – сообщал репортер «Нью-Йорк таймс» в живописных, хотя и мрачных тонах. Под завалами оказались около девяноста детей, многие из них получили серьезные травмы.

Когда к месту трагедии устремился весь город, Кехо попытался сдетонировать вторую порцию взрывчатки в кузове своего автомобиля, но у него это не получилось. Директор Эмори Хайк вступил с Кехо в борьбу, намереваясь остановить его, но Кехо удалось вытащить пистолет и выстрелить в кузов, и в результате второго взрыва погибли

он сам, директор и посторонний человек. Многие получили ранения. Всего в тот день погибло сорок четыре человека: тридцать семь детей и семь взрослых. Три семьи потеряли по два ребенка. Пожарные и полицейские, разбиравшие завалы, с удивлением обнаружили еще несколько пачек неразорвавшейся взрывчатки под другим крылом. В противном случае счет жертвам шел бы на сотни.

По странному совпадению недалеко от Бата, на озере Раунд-лейк, располагался летний коттедж, в котором часто бывал сам Аль Капоне, скрываясь от преследований полиции. Капоне провел там все предыдущее лето. Но на момент бойни в школе он находился в Чикаго и приветствовал авиатора Франческо де Пинедо от лица американцев итальянского происхождения. Другой знаменитостью, имевшей отношение к этому месту, был Бейб Рут, которого в июне предыдущего года задержали в близлежащем городке Хоуэлл за незаконную рыбалку до начала сезона.

После страшной трагедии выяснилось, что ее жертвы были не первыми, кого погубил Кехо. Скорее всего, за несколько лет до этого он приложил руку к убийству своей мачехи. Несчастная женщина, вторая жена его отца, скончалась в страшных муках при взрыве плиты, обрызгавшись с головы до ног топливом на нефтяной основе. Единственным, кто мог умышленно вызвать взрыв плиты, был Эндрю Кехо, тогда еще несовершеннолетний подросток. Но его вина так и не была доказана.

«Бойня в Бате» стала самой массовой и жестокой расправой над школьниками в истории Соединенных Штатов, но мир быстро забыл о ней. Всего через два дня «Нью-Йорк таймс» почти полностью перестала ее освещать. Вместо этого внимание прессы и всего мира было поглощено историей молодого человека из Миннесоты и его героическим перелетом в Париж. В течение последующих шести недель (за исключением двух дней) передовые статьи в «Нью-Йорк таймс» посвящались исключительно авиации.

В тот вечер, когда Чарльз Линдберг в последний раз мог свободно перемещаться как обычный человек, он согласился с предложением Ричарда Блайта, специалиста Wright Corporation по связям с общественностью, посетить какое-нибудь представление.

Это был как нельзя более подходящий год для развлечений на Бродвее – пожалуй, самый лучший с точки зрения их количества, если не качества. В том году вниманию публики было представлено двести шестьдесят четыре постановки – больше, чем когда бы то ни было до этого или впоследствии. У Линдберга и Блайта был выбор из семидесяти пяти пьес, мюзиклов или представлений. Они решили пойти на «Рио-Риту», музыкальную комедию из двух актов. Неплохой выбор, поскольку она была не только настоящим хитом сезона, но и шла в роскошном новом театре Зигфельда на пересечении Шестой авеню с Пятьдесят четвертой улицей, который сам по себе был достоин посещения.

Открывшийся в марте театр впечатлял своей архитектурной роскошью и самой большой в мире картиной, написанной масляными красками, изображающей самых известных любовников в истории. Картина была крупнее фрески в Сикстинской капелле и, как выразился обозреватель из «Нью-Йоркер», удобнее для обозрения, поскольку для ее просмотра не надо было ложиться на спину. Обстановка в новом театре отличалась необыкновенным «шиком», вплоть до того, что кресла, как отмечали многие наблюдатели, были обиты не только спереди, но и сзади.

Достоин упоминания и крайне неправдоподобный сюжет «Рио-Риты». Действие мюзикла происходит в Мексике и в Техасе; в нем повествуется об американской певице ирландского происхождения по имени Рио-Рита и о техасском рейнджере, путешествующем инкогнито в поисках бандита по имени Кинкаджоу (который, предположительно, приходится братом Рио-Рите); также в нем фигурируют торгующий мылом двоеженец Чик Бин и некий персонаж, которого называют Дочерью Монтесумы. Все эти и другие лица постоянно попадают в забавные запутанные ситуации, прерываемые песнями, не имеющими

почти или совсем ничего общего с действием. Всего в постановке был занят 131 человек, а музыку играл оркестр в полном составе – иными словами, было на что посмотреть и что послушать^[5].

Что касается правдоподобности, то, похоже, в 1920-х годах публика на ней особенно и не настаивала. Так, например, в комедии «Кейти Дид», премьера которой состоялась неделей ранее в театре «Дейлиз» на 63-й улице, согласно сюжету, официантка влюбляется в «посудомойщика и бутлегера, который оказывается королем Суавии в изгнании». В «Стигме» Дороти Мэнли и Дональда Даффа речь шла об одинокой профессорской жене, которая влюбляется в симпатичного квартиранта (его играл сам Дафф), но теряет голову, когда обнаруживает, что от него забеременела их чернокожая служанка. В «Заколдованных» Уолтера Элвуда рассказывается о матери, которая подмешивает яд в кофе своим сыновьям, в странном убеждении, что это якобы отведит их от алкоголя; в результате один сын оказывается парализованным, а другой повреждается рассудком. В отчаянии мать посвящает себя миссионерской деятельности. Даже по невысоким стандартам 1927 года эта пьеса казалась настолько жалкой, что была закрыта через три дня.

Но репертуар театров не был ограничен одними мюзиклами и мелодрамами. В том же 1927 году Юджин О'Нил готовит к постановке свою самую длинную пьесу «Странная интерлюдия», которая должна была идти на сцене пять часов. Публика за это время узнает о сумасшествии, абортах, разбитых сердцах, незаконнорожденных детях и смертях персонажей. Первая часть спектакля шла с 17.15 до 19.00, потом был перерыв на ужин, а в 20.30 зрители возвращались на места, чтобы еще три часа выслушивать мрачные монологи актеров.

Что же до Линдберга, то получилось так, что они со спутниками (к ним с Блайтом присоединились еще один-два знакомых с аэродрома) вовсе не попали на представление. Когда они приехали на Манхэттен, Линдберг в последний раз решил узнать прогноз погоды. Моросил легкий дождь, и крыши небоскребов терялись в серой дымке, так что звонок был всего лишь формальностью, но, к своему удивлению, Линдберг узнал, что тучи над морем развеиваются и стоит ожидать ясной погоды. Они тут же вернулись на Лонг-Айленд, чтобы подготовиться к утреннему вылету.

А сделать им предстояло многое, в том числе отбуксировать самолет от аэродрома Кертисса до аэродрома Рузвельта. Линдберг возился с ним несколько часов, но поздно вечером механики посоветовали ему вернуться в отель «Гарден-Сити» и поспать. В холле отеля Линдберга поджидали журналисты, узнавшие о предстоявшем вылете и желавшие получить какие-нибудь известия для утренних выпусков. Своими вопросами они задержали Линдберга на полтора часа, и он лег спать после полуночи. Он уже дремал, когда дверь распахнулась и вошел Джордж Стампф – его помощник, которому было специально поручено стоять снаружи и никого не пускать. «Худышка, что я буду делать, когда ты улетишь?» – спросил он жалобным тоном, хотя знакомы они были не более недели. Линдберг терпеливо поговорил со Стампфом минуты две, потом отослал его, но был уже на взводе и не смог больше заснуть.

На аэродром Рузвельта он вернулся к трем часам ночи. По-прежнему немного моросило, но прогноз обещал к рассвету просветление. Почти всю ночь заняла заправка топлива – это был кропотливый процесс, потому что бензин приходилось процеживать через марлю, чтобы очистить его от загрязнений, – и проверка систем. Если Линдберг и нервничал, то нисколько этого не показывал. На протяжении всей окончательной подготовки он сохранял спокойствие и бодрость духа. В качестве съестных припасов он взял с собой бутерброды с курицей (хотя съел только один, уже пролетая над Францией) и кварту воды.

В восьмом часу худощавый Линдберг наконец втиснулся в кабину, мотор прерывисто зарычал, кашлянул, выпустил облачко белого дыма и ровно загудел. Через пару минут машина тронулась и вырулила на взлетную полосу.

За несколько дождливых недель взлетная полоса размякла и покрылась лужами. «Дух Сент-Луиса» ехал по ней, как по матрасу. Вдоль нее стояли почти все остальные авиаторы и члены экипажей. Фоккер подъехал на своем большом седане «Лансия» почти к самому краю поля, захватив с собой огнетушители. На насыпи за ним до сих пор были заметны следы взрыва и пожара, напоминание о гибели Фонка.

Самолет Линдберга постепенно набирал скорость, но казалось, что он «приклеился к земле», как позже вспоминал Фоккер. Пропеллер

был установлен под углом, чтобы обеспечивать максимальную эффективность топлива во время полета, но за счет снижения подъемной силы, и недостаток этот становился все более очевидным для всех наблюдателей по мере того, как самолет приближался к концу взлетной полосы. Сам же Линдберг, сидевший в кабине, быстро заметил еще один недостаток – поскольку обзор спереди для него был затруднен, он не понимал, движется ли он по прямой линии. Кроме того, до этого момента самолет никогда так не загружали, и мотор никогда еще не испытывал таких нагрузок.

«До конца оставалось пятьсот футов, а он все еще ехал по земле, – писал Фоккер в своих мемуарах. – Впереди стоял трактор, а поле окружали телефонные провода. Сердце у меня замерло». Как это было с Нунжессером и Коли в Ле-Бурже, самолет пару раз подпрыгнул, но снова опустился, словно не решаясь взлететь. Наконец, на третий раз он поднялся окончательно. Некоторые очевидцы вспоминали, что у них сложилось такое впечатление, как будто Линдберг заставил его взлететь усилием воли. Даже сам Линдберг назвал это чудом. «5000 фунтов, дрожащие под порывом ветра», – писал он о «Духе Сент-Луиса».

Самолет взлетал так тяжело, что, казалось, не успеет подняться над телефонными проводами. Причем пилот их не видел, и в случае столкновения он услышал бы только резкий звук их разрыва, но тогда было бы уже поздно. В возможном крушении шансов выжить у него не было бы никаких. Бернт Балхен, наблюдая за взлетом примерно с середины взлетной полосы, был уверен, что Линдберг не сумеет вовремя подняться, и даже закричал от радости, когда машина благополучно миновала провода. Он называл это мастерским взлетом. Чемберлин вспоминал: «Сердце у меня ушло в пятки. Это казалось невозможным. Для такого нужна была особая смелость». Фоккер предрек, что Линдберг долетит до Европы, но не сможет добраться до Парижа, потому что не сумеет прокладывать путь самостоятельно. Особенно восторженно о Линдберге отозвался Бэрд: «Его взлет был самым искусным маневром, какой когда-либо выполняли на моих глазах авиаторы, – сообщил он журналистам. – Это чудесный мальчик».

Главное, что запомнилось очевидцам потом, – это тишина. После того как «Дух Сент-Луиса» взмыл в небо, никто не кричал. Все думали

только о том, насколько близко Линдберг пролетел над проводами и что теперь он остался совсем один в хрупкой машине, обтянутой тканью. Официально вылет был зарегистрирован в 7.52. Зрители подождали, пока самолет не превратится в точку и не исчезнет в небе, а потом тихо разошлись, каждый думая о своем.

Взлетев с аэродрома Рузвельта, Линдберг повернул на север, прошел над особняками, выстроившимися вдоль северного берега Лонг-Айленда, а потом направился к серым водам пролива Лонг-Айленд, пролетев над Порт-Джефферсоном. В тридцати пяти милях виднелось побережье Коннектикута. Пожалуй, ничто лучше не свидетельствовало о безумии взятой Линдбергом на себя задачи, как расстилавшееся перед ним бескрайнее водное пространство, которое никогда еще не пересекал ни один самолет.

Путь Линдберга на протяжении почти всей пятницы проследить довольно легко. Пока «Дух Сент-Луиса» летел вдоль Коннектикута, Род-Айленда и Массачусетса, с земли более или менее регулярно поступали сообщения, подтверждающие его положение и свидетельствующие о том, что все вроде бы идет гладко. К полудню он пролетал над Новой Шотландией, а во второй половине дня – над островом Кейп-Бретон. Заседания Конгресса в Вашингтоне прерывались для регулярных сообщений о продвижении Линдберга. Повсюду возле редакций газет собирались толпы в ожидании очередных новостей. В это же время в Детройте мать Чарльза, как обычно, преподавала химию студентам Технической высшей школы Кэсса, но у нее не получалось сосредоточиться, потому что студенты и коллеги постоянно докладывали ей последние известия. Вскоре после 18.00 по восточному времени Линдберг миновал последний скалистый выступ Северной Америки – мыс Авалон на острове Ньюфаундленд.

Теперь ему предстояло лететь над безбрежным океаном, где никто с ним не свяжется целых шестнадцать часов – если все пойдет по плану. Если же нет, то след его потеряется навсегда.

Вечером того же дня все двадцать три тысячи зрителей, собравшиеся на стадионе «Янки-Стэдиум», следившие за боксерским поединком Джека Шарки и Джима Малоуни, склонили головы в минуту молитвы как раз перед тем, как Шарки отправил Малоуни в нокаут. Молитвы тогда возносили по всей Америке. Для многих

напряжение было непереносимым. Редакцию «Нью-Йорк таймс» осаждали десять тысяч человек, требовавшие последних новостей, хотя прекрасно понимали, что никаких новостей быть не может.

Но в Париже весть о том, что туда, возможно, прилетит Линдберг, поначалу не пробудила особого волнения. Майрон Херрик, посол США во Франции, проснувшись в субботу 21 мая, совершенно не подозревал, какие бурные ему предстоят выходные. Он планировал посетить корт клуба «Стад-Франсе» в Сент-Клоде, где в рамках состязания между американскими и французскими командами должен был пройти теннисный матч с участием Билла Тилдена и Фрэнсиса Т. Хантера, с одной стороны, и Жана Боротра и Жака Бруньона, с другой, – своего рода разогрев перед Кубком Дэвиса.

Херрик, состоятельный вдовец семидесяти с лишним лет, прежде был губернатором Огайо (президент Уоррен Гардинг был вице-губернатором под его началом), а в настоящее время на честь и на совесть выполнял обязанности посла. Выглядел он, как возрастной положительный герой популярных фильмов – седина в волосах, белоснежная улыбка, аккуратные усы – в общем, само очарование, растопляющее сердца. Свое состояние он приумножил, будучи юристом и банкиром в Кливленде. В Париже он снискал расположение местной публики своими манерами и своей щедростью. За два года он из своих личных средств потратил 400 000 долларов на различные развлечения и улучшения резиденции посла.

Матч в Сент-Клоде обещал быть прекрасным развлечением, поскольку в 1927 году теннисом интересовались всерьез, а Билл Тилден целых семь лет подряд удостаивался титула лучшего теннисиста мира, хотя до этого, как ни странно, не демонстрировал особых талантов.

Уильям Тилден родился в Филадельфии, в состоятельной и известной семье; его кузен Сэмюэл Тилден в 1876 году был кандидатом в президенты от Демократической партии, но его личная жизнь сложилась довольно трагически. Еще в юности он потерял родителей и всех братьев с сестрами. Главным спортсменом в семье считался старший брат Уильяма, Герберт-Мармадьюк, а сам Уильям даже не прошел в команду Пенсильванского университета. Но когда в 1915 году его брат скончался от пневмонии, Тилден решил стать великим теннисистом и целиком посвятил себя спорту, добившись

великолепных результатов с помощью тренера. Он без устали, снова и снова отбивал мячи от стенки, пока не научился безупречно отбивать их с любого положения на корте. А когда в возрасте двадцати семи лет он стал участвовать в соревнованиях, то тут же зарекомендовал себя лучшим игроком во всем мире. Никто не мог победить его ни на одном значительном турнире целых семь лет подряд. Он выиграл семь чемпионатов США на грунтовых кортах и пять турниров в парном разряде. В 1924 году он не проиграл ни одного матча, а летом 1925 года, в возрасте тридцати двух лет, выиграл пятьдесят семь матчей подряд – достижение, сравнимое с шестьюдесятью хоум-ранами [\[6\]](#) Бейба Рута или пятьюдесятью шестью последовательными хитами Джо Ди Маджо.

На корте Тилден отличался поистине балетной грацией. Он не столько бегал, сколько парил и, казалось, по какому-то волшебству всегда оказывался именно в том месте, где нужно. Часто казалось, что не он гоняется за мячом, а мяч гоняется за ним. Во время подачи его любимым трюком было взять пять мячей в одну руку, четыре подать подряд на вылет, а пятый небрежно отбросить в сторону, как уже ненужный. Другие игроки его ненавидели за манерность, но его мастерство придавало теннису популярность и увеличивало зрелищность этого вида спорта.

Любопытно, что карьера Тилдена едва не закончилась, не успев начаться. В сентябре 1920 года он шел к своему первому титулу чемпиона в одиночном разряде и играл матч в Форест-Хиллзе перед десятью тысячами зрителей, когда над стадионом пролетел самолет с фотографом на борту, который решил сделать снимки с воздуха. В самый ответственный момент мотор закашлялся и заглох. На трибунах воцарилась жуткая тишина. Несколько секунд Тилден, его соперник Билл Джонстон и все зрители наблюдали за тем, как самолет, по-прежнему не издавая ни звука, летит прямо к ним. К счастью, он упал на открытой площадке сразу за кортом. Пилот с фотографом погиб мгновенно. Тилден с Джонстоном неуверенно посмотрели на судью, который кивком разрешил им продолжить матч. Тилден выиграл подачу, после чего сет и матч со счетом 6:1, 1:6, 7:5, 5:7, 6:3. Так началась череда его выигрышей во всех значительных матчах, длившаяся пять лет.

Достижения Тилдена тем более примечательны, что на пике своей карьеры, в 1922 году, он получил травму, которая по всем меркам должна была положить конец его занятиям спортом. Играя в совершенно незначительном турнире в Бриджтоне, штат Нью-Джерси, он сделал резкий выпад, стараясь отбить мяч, и ударился средним пальцем правой руки об ограду. Рана сама по себе была пустяковая, но она загноилась, и через две недели верхнюю фалангу пальца пришлось ампутировать. В наше время на помощь ему пришли бы антибиотики, а в 1922 году Тилдену еще повезло, что он не потерял руку, а то и жизнь. (От подобного заражения через два года скончался сын Калвина Кулиджа.)

В 1920-х годах в теннисе царили более простодушные и невинные нравы. В 1927 году Анри Коше одержал победу над Жаном Боротра по прозвищу Скачущий Баск благодаря сомнительному удару, во время которого, по всей видимости, коснулся мяча дважды, что могло стоить ему очка. Судья спросил Анри, на самом ли деле он коснулся мяча дважды, на что тот с невинной улыбкой ребенка ответил: «Mais non». Вопрос был закрыт, и Коше выиграл матч и чемпионат только на том основании, что теннис считался благородным видом спорта, а благородные «джентльмены» не лгут, даже несмотря на то, что все прекрасно понимали, что Коше соврал.

Чтобы выиграть чемпионат в 1920-х годах, игрок должен был принять участие в пяти или шести матчах на протяжении нескольких дней, поэтому это был довольно требовательный вид спорта. И вместе с тем по-прежнему любительский. Участники не получали никаких денежных призов и сами оплачивали все расходы, поэтому теннисом могли заниматься только богатые люди. Тем же, кто не попадал в эту категорию (как, в какой-то мере, и сам Тилден, потерявший родителей), приходилось искать средства на стороне. На пике своей карьеры Тилден решил стать бродвейским импресарио. Он принялся сочинять пьесы, ставить их и даже играть в них главные роли, хотя успехом они не пользовались. В 1926 году он поставил спектакль «*That Smith Boy*», который оказался настолько неудачным, что владелец театра попросил больше не ставить его, хотя Тилден был готов покрыть все расходы. Последующие пьесы вышли не лучше, что только ухудшило его финансовое состояние. Интересно, что в этот

период он днем на корте играл на Открытом чемпионате США или на Кубке Дэвиса, а вечером бежал в театр, чтобы выступить на сцене.

Неудивительно, что время постепенно брало свое. Летом 1927 года он все еще считался великим теннисистом, но звание непобедимого уже утратил. Теперь четверо из лучших игроков в мире были французами – Коше, Боротра, Бруньон и Рене Лакост.

В то воскресенье на корте «Стад-Франсе» Тилден с Хантером выступили достойно против Боротра и Бруньона, но французы были моложе и сильнее и выиграли матч со счетом 4:6, 6:2, 6:2. Журналист из Ассошиэйтед Пресс назвал его «пожалуй, величайшим мужским парным матчем, который проводился во Франции». Но увы, Херрику не было суждено его досмотреть. Во время третьего сета ему передали телеграмму, в которой сообщалось, что Линдберга видели в небе над Ирландией и что вечером он должен прибыть в Париж. Позже Херрик вспоминал, что не придавал значения вылету Линдберга вплоть до того самого момента. Родман Уонамейкер настолько забросал Херрика своими телеграммами, что тому и в голову не приходило, что героем трансатлантического перелета может стать кто-то еще, кроме Бэрда. Посол тут же покинул стадион. Для него известие о возможной посадке Линдберга в Париже стало не радостной новостью, а источником очередной головной боли.

В 1927 году к американцам в Европе особенно теплых чувств не питали, а во Франции зачастую относились с неодобрением. Настойчивые требования полностью выплатить долг в 10 миллиардов долларов, которые американцы выделили ряду европейских стран в виде займа, казались самим европейцам чрезмерными и неуместными, тем более, что все эти деньги были потрачены на закупку американских товаров, а это означало, что американцы оказываются в двойном выигрыше. Война подорвала экономику европейских стран, и ее последствия ощущались до сих пор, тогда как экономика США находилась на подъеме. Но многие американцы не соглашались с европейцами. На их взгляд, долг оставался долгом, и нежелание европейцев выполнять обязательства они рассматривали как злоупотребление доверием. Для тех же американцев, кто был склонен к изоляции – а к ним, как мы увидим, принадлежал и Чарльз Линдберг, в последующем яркий выразитель такого рода мнений, – ситуация

служила очередным доказательством того, что американцы не должны впутываться в европейские дела. В очередном приступе изоляционизма Америка повысила и без того высокие тарифные барьеры, из-за чего многие европейские производители не могли достигнуть былого благополучия.

В результате в Европе росли антиамериканские настроения, особенно во Франции, где с трудом сводящие концы с концами местные жители с раздражением смотрели на американских туристов – молодых, шумных и развязных, живущих на широкую ногу, словно аристократы, разбрасывающие направо и налево обесцененные европейские деньги. За прошедший год количество франков по отношению к долларам почти утроилось, отчего для французов жизнь превращалась в борьбу за выживание, а для американских гостей – в веселый карнавал. Кроме того, французы не могли прийти в себя от трагедии с Нунжессером и Коли; многие считали, что их намеренно унизили, что американские метеорологи скрыли от них важные сводки. Как следствие, туристические автобусы с американцами иногда закидывали камнями, а в некоторых ресторанах американцев отказывались обслуживать. Атмосфера однозначно накалялась. У посла Херрика были все основания волноваться. Никто не мог предсказать, чем обернется посадка американского пилота во Франции.

Но, что примечательно, в конечном счете сотни тысяч человек побросали все свои дела и в воодушевлении устремились к Ле-Бурже.

Стоит отдельно задуматься о том, каким достижением был перелет Линдберга от Лонг-Айленда до аэродрома под Парижем в одиночку. В отсутствие точных навигационных приборов ему приходилось рассчитывать свое местоположение по компасу и скорости полета, а также принимать во внимание отклонение с предположительного маршрута. О том, насколько трудно ориентироваться в таких условиях, говорит хотя бы тот факт, что через месяц после этого полета экспедиция Бэрда – несмотря на то, что в ней был отдельный штурман и отдельный радист в помощь первому и второму пилотам, – отклонилась от места своего предполагаемого назначения на двести миль; они имели самое смутное представление о том, куда попали, и приняли огни маяка на побережье Нормандии за

огни Парижа. Линдберг же, напротив, пролетел точно над всеми целями – Новой Шотландией, Ньюфаундлендом, полуостровом Динглом, мысом Ла-Аг – и приземлился в Ле-Бурже, как и намеревался. И все это, делая расчеты на коленке, в хрупком аэроплане!

Одно это делает его неоспоримо лучшим пилотом своего времени, если не всей истории авиации. В том году он единственный приземлился там, где и пообещал. Все другие перелеты того года – а их было немало – либо отменялись, либо заканчивались аварийными посадками в море или вовсе оборачивались таинственным исчезновением пилотов. Похоже, сам Линдберг считал, что прилететь из Америки прямо в Ле-Бурже – совершенно нормально и обычно. Наверное, для него так и было.

На заключительной стадии полета, от Шербура до Парижа, Линдберг не имел ни малейшего представления о том, как его встретят. Он не подозревал о том, что его будут приветствовать с таким размахом, с каким до тех пор еще не приветствовали ни одного человека в мире.

Он не знал, сколько людей его ожидают. Он беспокоился о том, найдется ли кто-нибудь, говорящий на английском языке, и не будет ли у него неприятностей из-за того, что у него нет французской визы. Первым делом Линдберг намеревался проследить за тем, чтобы его самолет поставили на стоянку, а потом хотел отослать телеграмму своей матери с сообщением о том, что прилетел. Он предполагал, что какие-то журналисты захотят взять у него интервью, если, конечно, во Франции газетчики работают допоздна. Потом ему нужно было найти какую-нибудь гостиницу, а также приобрести одежду и личные вещи, потому что с собой он совсем ничего не взял, даже зубную щетку.

Но для начала нужно было найти аэродром Ле-Бурже, потому что на его карте он отмечен не был. Линдберг знал, что он находится в нескольких милях к северо-востоку от Парижа и что он большой. Покружив над Эйфелевой башней, пилот взял курс на северо-запад, где единственное похожее на аэродром место было окружено яркими огнями и походило на какой-то освещенный индустриальный комплекс с длинными щупальцами, протянувшимися во всех направлениях. Это совсем не походило на аэродром, каким он его представлял. Линдберг

еще не знал, что вся эта суматоха вызвана новостями о его прибытии; щупальцы света складывались из огней десятков тысяч автомобилей, устремившихся в Ле-Бурже и попавших в самую большую пробку в истории Парижа. Водители и пассажиры бросали свои машины и шли к аэродрому пешком.

В 22.22 по парижскому времени – ровно через 33 часа 30 минут и 29,8 секунды пребывания в воздухе, согласно официальным показаниям барографа, установленного на борту самолета американской Национальной ассоциацией аэронавтики, – «Дух Сент-Луиса» коснулся травянистой поверхности Ле-Бурже. И эта посадка радостным эхом отдалась по всей планете. Через несколько минут о благополучном приземлении Линдберга знали в Америке. В Ле-Бурже на летное поле устремились толпы людей – «бурлящая, кричащая человеческая масса... прорывающаяся со всех сторон света», согласно воспоминаниям одного очевидца. Восьмифутовый забор из металлической сетки был сметен в мгновение ока, как и несколько мотоциклов, оказавшихся на пути толпы. Среди приветствовавших доблестного летчика были танцовщица Айседора Дункан (скончавшаяся через четыре месяца в результате нелепого трагического случая, когда ее длинный шарф намотался на колесо автомобиля) и теннисист Жан Боротра, который вместе с Жаком Бруньоном ранее этим же днем в Сент-Клоде победил Билла Тилдена и Фрэнсиса Т. Хантера.

Для самого Линдберга вся эта ликующая толпа представляла, прежде всего, опасность, поскольку грозила разорвать его на клочки. Десятки рук вытащили его из кабины и понесли над головами, словно боевой трофеей. «Я лежал поверх толпы, в центре океана голов, который простирался во все стороны и терялся в темноте, насколько я мог видеть, – писал Линдберг. – Я как будто тонул в человеческом море». Кто-то сорвал кожаный летный шлем с его головы, а другие, вдохновленные этим примером, принялись срывать с него одежду. Но, что еще хуже, позади Линдберг услышал треск – это толпа забиралась в его драгоценный самолет. «Я услышал треск деревянной рейки за мной, когда кто-то залез на нос самолета, – писал он. – Потом треснула еще одна рейка, за ней другая, а затем послышался треск ткани». Охотники за сувенирами впали в настоящее безумие.

Он сам не помнит, каким чудом оказался стоящим на ногах, в стороне от пробегающей толпы. Внимание встречающих переключилось на другого несчастного американца, слегка похожего на Линдберга, и теперь толпа набросилась на свою новую жертву, несмотря на ее протестующие крики. Несколько минут спустя, к изумлению служащих, в кабинет коменданта аэропорта, разбив окно, влез некий покрытый с ног до головы грязью человек с безумным взглядом, без пальто, ремня и галстука, в одном ботинке и в разорванной рубашке; остатки другой одежды свисали с него клочками. Больше всего он походил на выжившего во время взрыва на шахте. Он объяснил дежурным, что его зовут Гарри Уилер и что он торговец мехами из Бронкса; он приехал в Париж за кроличьими шкурками, но, поддавшись всеобщему воодушевлению, вслед за парижанами поехал в Ле-Бурже, посмотреть на знаменитого летчика. Теперь же все, что ему хочется, – это вернуться домой.

Тем временем Линдберга спасли два французских авиатора, которые вывели его в зону для приема официальных делегаций. Там его встретили Майрон Херрик и его сын Пармли со своей женой Агнес. Они дали Линдбергу отдышаться и уверили его, что с самолетом будет все в порядке. Потом они несколько часов добирались по переполненным транспортом улицам до резиденции посла на авеню д'Иена в центре Парижа. Линдберг отказался от предложений пройти медицинский осмотр, но с удовольствием выпил стакан молока, немного перекусил и принял ванну.

К тому моменту Линдберг бодрствовал уже более шестидесяти часов, но согласился встретиться с собравшимися у резиденции журналистами. Пармли Херрик провел их внутрь. Несмотря на огромную усталость, Линдберг несколько минут вежливо отвечал на все вопросы. Он рассказал, как на протяжении тысячи миль боролся с наледью и снегом, то взлетая на десять тысяч футов, то опускаясь до десяти. Потом, облачившись в пижаму Пармли, он в 4.15 лег в постель.

Самый известный человек на планете закрыл глаза и проспал десять часов.

В Америке в это время был день. Вести об успешном перелете Линдберга разнеслись по всей стране за несколько минут. Повсюду гудели клаксоны и сирены, звонили церковные колокола – в общем, воцарилась радостная какофония, как будто закончилась война.

Газеты соревновались в красноречии, вдохновенно описывая достижение Линдберга. «Нью-Йорк ивнинг уорлд» назвала его «величайшим подвигом отдельного человека, вошедшим в список рекордов человеческой расы». Другая писала о «грандиознейшем событии с момента Воскрешения». Согласно «Норт Америкэн ревью», весь мир задрожал в «радостном возгласе, встречая явление первого гражданина мира, первого человека, который с полным правом может утверждать, что его адрес – планета Земля, первого посла с широкими полномочиями при дворе Творения». В общем, риторика зашкаливала; судя по эмоциям, наступило настоящее Второе пришествие.

«Нью-Йорк таймс» посвятила Линдбергу все четыре первые полосы, хотя все новости сводились, в основном, к тому, что он просто перелетел через океан. В первые четыре дня после перелета американские газеты опубликовали примерно 250 тысяч статей о Линдберге и о его полете общим объемом в 36 миллионов слов. Не догадываясь, какая слава его ждет, Линдберг заранее подписался на службу рассылки и распорядился отсылать вырезки всех статей о нем матери, и к концу первой недели, к ее ужасу, ей на грузовиках доставили несколько тонн газетных вырезок.

Всю страну охватило радостное безумие. Высказывались предложения освободить Линдберга от уплаты налогов до конца его жизни, назвать в его честь звезду или планету, назначить его пожизненным главой нового Министерства авиации, а также сделать 21 мая национальным праздником. Ему предоставили пожизненный пропуск на все игры высшей бейсбольной лиги. Жители Миннесоты предложили переименовать свой штат в «Линдбергию».

Президент Кулидж объявил 11 июня «Днем Линдберга» в США – высшая честь, какой когда-либо удостоивался отдельный гражданин

страны. Почтовое управление выпустило специальные марки для авиапочты – такой чести также впервые удостоился живой человек.

В честь Линдберга называли не только детей, но и парки, улицы, горы, больницы, зоопарки, реки, средние школы и мосты. В Чикаго собрались установить памятный маяк Линдберга высотой в 1328 футов с прожектором, свет которого можно было бы видеть за триста миль.

Всего на имя Линдберга отослали 3,5 миллиона писем – преимущественно женщины, – а также 15 тысяч посылок с подарками. Во многие почтовые отправления отправители вкладывали квитанции об оплате ответного послания, общей суммой примерно на 100 000 долларов – в безумной надежде, что он найдет время отвечать на все письма. Компания Western Union получила столько посланий, что ей пришлось выделить тридцать восемь служащих специально для того, чтобы разбирать всю корреспонденцию на имя Линдберга. В одном коллективном письме из Миннеаполиса насчитывалось 15 000 слов и 17 000 подписей, и длина этого свитка в развернутом виде составила 520 футов. Для тех же, кто был обделен воображением, Western Union выпустила несколько шаблонов благодарственных посланий, которыми воспользовались тысячи человек.

Молодой мультипликатор из Голливуда, Уолт Дисней, создал короткий ролик «Безумный самолет», в которой изображался мышонки в роли пилота. Изначально мышонка звали Освальд, но вскоре он обрел прославившее его в веках имя Микки. Роберт Рипли, автор колонок «Верите или нет от Рипли», печатаемых в разных газетах, получил двести гневных писем и телеграмм после того, как непредусмотрительно написал, что до Линдберга океан по воздуху уже пересекли шестьдесят семь человек. (Преимущественно на дирижаблях. Поздние, более точные подсчеты, увеличили это число примерно до 120 человек.)

Линдбергу и его полету были посвящены примерно 250 популярных песен. Самой известной стала «Счастливчик Линди» (сам он ненавидел такое обращение), и ее часто играли на различных мероприятиях, которые он посещал, – «к моему смущению и раздражению», как вспоминал он позже. Возник даже популярный танец «Линдберг-хоп», что довольно забавно, если учесть, что до тех пор Линдберг еще ни разу ни с кем не танцевал.

Тем временем не утихал ажиотаж и в Париже. Наутро после прилета Линдберга уборщики в Ле-Бурже собрали более тонны потерянных вещей, в том числе шесть вставных челюстей. Под благосклонным руководством Херрика Линдберг действовал, как и положено официальному представителю другой державы. Проснувшись и одевшись, он вышел на балкон посольства с французским флагом в руках, отчего многотысячная толпа, собравшаяся перед окнами, принялась бурно выражать свои эмоции. Затем они с Херриком посетили мать Нунжессера в ее крохотной квартире на шестом этаже дома по бульвару Дю Тампль у площади Республики. В этот же преисполненный многочисленными заботами день Линдберг позвонил домой по новой трансатлантической телефонной линии (став заодно и одним из первых частных лиц, воспользовавшихся этим новым каналом связи), а также посетил больных солдат в Доме инвалидов.

В последующие дни Линдберг посетил Елисейский дворец, где президент Гастон Думерг вручил ему орден Почетного легиона – президент Франции тогда впервые даровал высшую награду страны американцу. Также Линдберг выступил с речью перед Палатой депутатов, побывал на торжественном приеме в Аэроклубе Франции и на параде, на котором присутствовал миллион человек, и получил ключи от города в парижской мэрии. Всякий раз, когда ему приходилось выступать, он говорил скромно, но уверенно, и никогда не упускал возможность упомянуть достижения французской авиации или похвалить гостеприимство французов. Он ясно давал понять, что его достижения – всего лишь часть коллективных усилий. В восхищении Франция рукоплескала Линдбергу и называла его «le boy». Ни один иностранец еще не удостоивался во Франции таких почестей. Над Министерством иностранных дел на набережной д'Орсе был вывешен американский флаг – тогда звездно-полосатый стяг впервые развевался над этим почтенным зданием.

Во всей этой суматохе в глаза бросался, прежде всего, внешний вид Линдберга. Все, во что он одевался в Париже, было позаимствовано у других людей, и, вероятно, ни у кого не нашлось одежды впору такому высокому и худощавому парню, как он. Журналисты из тактичности старались не заострять на этом внимание,

но все замечали, что пиджаки ему малы, а брюки не достают до башмаков.

Прошло пять дней, и куда бы ни шел Линдберг, его по-прежнему сопровождали толпы. Он постоянно улыбался и махал рукой, но, по всей видимости, такая слава начинала его тяготить.

В четверг 26 мая Линдберг отправился в Ле-Бурже, чтобы проверить свой самолет. Машина была сильно повреждена во время бурной встречи после посадки, но ее усердно ремонтировали. Раз уж он оказался на аэродроме, Линдберг попросил разрешения прокатиться на французском истребителе «Ньюпор». Несмотря на то, что раньше он на подобном самолете никогда не летал, истребитель в его руках вытворял головокружительные фокусы: петли, бочки, развороты, пике и другие элементы воздушной акробатики. Официальные представители, должно быть, с замиранием сердца следили за этими проказами самого популярного на тот момент человека на Земле и не на шутку испугались за его жизнь. Они принялись скакать и размахивать руками, подавая ему знаки садиться. В конце концов покладистый Линдберг уступил их отчаянным требованиям. К тому же он сделал свое – в очередной раз доказал, что не только самый умелый, но и самый везучий пилот во всем мире.

Далее Линдберг планировал совершить тур по Европе – особенно он хотел посетить Швецию, родину своего отца, – а затем вернуться в Америку. Он еще не решил, как это сделать – совершить ли рискованный перелет обратно через Атлантику, несмотря на преобладающие встречные ветры, или продолжить движение на восток и пересечь Азию с Тихим океаном. Но Харрик посоветовал ему не экспериментировать. Президент Кулидж уже выслал военно-морской крейсер «Мемфис», чтобы привезти пилота домой, где его ждала торжественная встреча. Тем более, что сам президент торопился отправиться на отдых в Блэк-Хиллз.

Линдбергу разрешили совершить краткие визиты в Брюссель и Лондон, чтобы выполнить свои данные ранее обещания. В эти города он летал сам, на своем самолете. На аэродроме Кройдон в Лондоне его поджидали сто тысяч человек – их было так много, что полицейские не могли сдерживать всех, кто пытался выбежать на взлетно-посадочную полосу. Линдбергу при посадке пришлось дважды взлетать, чтобы не переехать чересчур смелых зевак – задача тем более сложная, что он

ничего не видел впереди себя. Когда самолет наконец-то приземлился, его снова окружила толпа. Полиции удалось вывезти пилота, положив его на заднее сиденье автомобиля и прикрыв пальто. Окружающим полицейские говорили, что везут в больницу получившую тяжелые травмы женщину.

В конце концов Линдберг оказался в Букингемском дворце, где его в очередной раз поставили в неловкое положение. На этот раз виновником оказался король, задавший ему нескромный вопрос о том, как же он мочился во время полета. Линдберг с запинкой объяснил, что у него с собой было ведро.

Король не удовлетворился таким скромным ответом и пожелал ознакомиться с подробностями процесса, спросив, сколько же раз ему пришлось воспользоваться этим ведром.

Линдберг, выросший в семье, где вопросы физиологических отправок никогда не поднимались, пришел в крайнее смущение, тем более, что такую щекотливую тему затронул сам король Англии.

— Дважды, — прошептал он хрипло с таким видом, будто вот-вот упадет в обморок.

— И где именно? — не унимался король.

— Один раз над Ньюфаундлендом и один раз над открытым океаном.

Король удовлетворенно кивнул.

Три дня спустя Линдберг поднялся на борт «Мемфиса» в Шербуре и обернулся, помахав толпе рукой. Многие бросали ему цветы. Французские газеты в очередной раз с теплотой написали об этом американце и пожелали ему счастливого пути.

После этого жизнь во Франции вернулась в привычное русло. Уже через день-другой в автобусы с американскими туристами по-прежнему швыряли камни, а в ресторанах на Елисейских полях посетители-американцы не осмеливались поднять глаза на официантов. Как оказалось, это была лишь прелюдия. Не успеет закончиться лето, как миллионы французов возненавидят американцев, как никогда в жизни — вплоть до того, что американцам будет небезопасно выходить на улицу. Для Америки лето 1927 года выдалось не только одним из самых славных, но и одним из самых беспокойных.

Июнь

Бейб

«Он был известнее президента. Однажды мы ехали на север и остановились в одном захолустном городишке в Иллинойсе, на полустанке. Было десять вечера, и дождь лил как из ведра. Поезд остановился лишь на десять минут, чтобы заправиться водой или что-то в этом роде. Во всем городишке не набралось бы и пяти тысяч человек, но, клянусь Богом, тысячи четыре из них окружили поезд, только чтобы краем глаза взглянуть на Бейба».

*Ричард Видмер, спортивный комментатор
«Нью-Йорк таймс»*

В конце девятнадцатого века Балтимор был шестым по величине городом Америки (с тех пор он скатился на двадцать шестое место) и одним из самых беспокойных. Самым же беспокойным местом Балтимора считался район у Внутренней гавани, которую без всякой иронии называли Городом Свиней.

Именно здесь 6 февраля 1895 года в обедневшей и лишившейся надежд семье родился Джордж Герман Рут. Шесть из его восьми братьев и сестер умерли в детстве. Родители тоже скончались довольно рано, мать от туберкулеза, а отец – в поножовщине возле салуна, которым владел. В общем, завидовать было нечему.

Свою автобиографию Рут начинает с фразы «Я был плохим ребенком», что верно только отчасти. Чуть дальше он добавляет: «Я едва знал своих родителей», что ближе к истине. В детстве Рут преимущественно сам занимался своим воспитанием. Его родители практически не уделяли ему никакого внимания. Младенцем он пролежал в холодной и тесной квартирке над салуном. Из-за болезни матери его отцу пришлось одному заправлять всеми делами, и работа занимала почти все его время. Пожалуй, ничто так не подтверждает небрежение, с каким к Руту относились в детстве, как тот факт, что он не знал своего точного возраста. Впервые он увидел свое свидетельство о рождении в тридцать девять лет, когда подал заявление на получение паспорта, и с удивлением узнал, что на год старше, чем считал. Со своей стороны, Рут тоже не был особенно внимательным сыном. В своей автобиографии он пишет, что его мать скончалась, когда ему было тринадцать. На самом деле тогда ему было шестнадцать лет, и даже ее имя он написал неправильно.

Салун, в котором рос Рут, давным-давно снесли. По любопытной случайности на этом месте сейчас находится бейсбольный стадион «Кэмден-Ярдз», домашняя площадка команды балтиморских «Ориолз», а ведь именно в этой команде Рут впервые стал профессиональным игроком и получил прозвище Бейб.

Весной 1902 года, когда младенец Чарльз Линдберг еще лежал в своей обитой плюшем кроватке в Миннесоте, отец отвел юного

Джорджа в Балтиморскую ремесленную школу Святой Марии для мальчиков, располагавшуюся в массивном угрюмом здании на Уилкенз-авеню в трех милях к западу от их квартала, – и оставил его там. В начале 1900-х годов школа Святой Марии была одним из почти тридцати заведений для сирот или беспризорных детей в Балтиморе. Ей предстояло стать новым домом Рута на последующие двенадцать лет.

Школа Святой Марии была довольно необычным приютом. Почти половина из 850 ее подопечных имели родственников, которые платили за их обучение. Детей в школу Святой Марии родители отсылали со всей Америки – часто она оказывалась последней надеждой, когда другие школы не могли ничем помочь.

Школой управляли братья-ксавериане – католическая мужская конгрегация, члены которой клялись соблюдать благочестие и обет безбрачия, но не являлись священниками, хотя и жили согласно монашеским правилам. Личного пространства у детей не было никакого, и все всё делали сообща – спали, мылись, обедали, учились. Кровати, письменные столы и душевые кабины располагались длинными рядами, как в каком-нибудь мрачном исправительном заведении Викторианской эпохи. Но по сути школа Святой Марии не была таким уж безнадежным местом, как можно было подумать. К детям здесь относились довольно хорошо, с достоинством, и за хорошее поведение раз в неделю даже выдавали на карманные расходы 25 центов. Мальчики получали неплохое начальное образование и профессиональные навыки. Рут учился на парикмахера и портного – много лет спустя он хвастался перед товарищами по команде, как аккуратно он может подшить рукав или подвернуть воротник.

У всех учеников в той или иной степени были проблемы с поведением, но братья-ксавериане считали, что это следствие неправильного воспитания или тяжелых условий в семье, а не порочности характера самого ребенка – довольно просвещенное мнение для того времени. Воспитатели были уверены, что если уважать детей и поощрять их хорошие поступки, то из них можно вырастить достойных членов общества, и почти всегда оказывались правы. Девяносто пяти процентам выпускников школ, которыми заведовали братья-ксавериане, удалось впоследствии наладить нормальную жизнь.

В детстве Рут был крупным не по годам парнем с приплюснутым носом, внешне нахальным и самоуверенным, но добродушным внутри. Он всегда был выше своих одноклассников, и иногда его принимали за взрослого; однажды на Рождество активисты благотворительного движения, раздававшие детям подарки, обошли его стороной, подумав, что это школьный работник. Когда ошибка выяснилась, Джорджу в качестве компенсации вручили огромную коробку с шоколадными конфетами, которые он тут же раздал всем присутствующим школьникам. Он никогда ничего себе не присваивал, хотя вряд ли у него было много вещей, которые он мог по праву назвать своими. Такой ребенок заслуживал более благополучного детства. С 1912 по 1914 год его ни разу никто не посетил.

Наставники в школе Святой Марии очень любили бейсбол. Всего в школе насчитывалось не меньше сорока четырех команд, и все они имели экипировку и форму. Лучшей подготовки к своей будущей карьере Рут не смог бы получить ни за какие деньги. Именно благодаря бейсболу он, по его собственному признанию, «познакомился с величайшим человеком, которого знал», – братом Маттиасом Бутийе. Это был потомок французских колонистов из Кейп-Бретона в Новой Шотландии, добродушный великан ростом в шесть футов шесть дюймов и весом в 250 фунтов. А заодно замечательный бейсболист и великолепный тренер, какой и требовался самому талантливому и усердному ученику из всех. В возрасте восьми лет Джордж Рут играл уже в одной команде с двенадцатилетними; в двенадцать – с шестнадцатилетними. К окончанию школы он мог занять на поле любую позицию и сыграть лучше других игроков, даже кетчеров, хотя и пользовался перчаткой для правой руки, поскольку в школе не было перчаток для левой. Среди отбивающих ему и вовсе не было равных. В соревнованиях между школами его процент сильных ударов составил 537. К тому времени он был ростом шесть футов два дюйма, весил почти двести фунтов и отличался невероятной силой.

В 1914 году, когда пошли слухи о выдающемся подростке из школы Святой Марии, посмотреть на него приехал представитель балтиморских «Ориолз», на тот момент команды младшей лиги из Международной лиги бейсбола. Когда Джордж подошел к базе, вербовщик с удивлением заметил, что игрок на правой стороне поля

покинул свое обычное место и побежал гораздо дальше, едва ли не до другого поля. Рут же все равно послал мяч высоко над головой игрока. Тогда он выполнил один из трех своих дальних ударов на тот день. Впрочем, на вербовщика особого впечатления сила Рута не произвела. Умение отбивать мяч как можно дальше в 1914 году было любопытным, но не слишком ценным талантом. Команде «Ориоулз» гораздо сильнее требовались питчеры, и потому Рута наняли как питчера^[7].

Так в начале мая 1914 года Джордж Герман Рут, которому едва исполнилось девятнадцать лет, попрощался с братом Маттиасом и со своими товарищами по школе Святой Марии, сел на поезд и отправился на юг, в Фэйетвилл в Северной Калифорнии, навстречу своей профессиональной карьере. Той весной он впервые сел на поезд, впервые покинул Мэриленд, впервые увидел небольшие города и сельскую местность, впервые остановился в гостинице и заказал блюдо в ресторане. Трудно было представить себе более неопытного новичка. Он даже не знал, что в бейсболе существовали две высшие лиги. Не случайно его новые товарищи дали ему прозвище Бейб («ребенок, младенец»). Рут и в самом деле был младенцем во всех смыслах слова, кроме физиологического. На первую свою зарплату он купил велосипед. В гостиницах, когда ему нечего было делать, он часами катался на лифтах. Он вырос в среде, где почти все было общим, и потому совершенно не стеснялся ходить по номеру голым, посещал уборную с открытой дверью и практически не имел представления о личной собственности. Его первый сосед по комнате, Эрни Шор, пришел в негодование, когда через несколько недель совместного проживания узнал, что Рут все это время пользовался его зубной щеткой.

Почти сразу же Рут прославился своим необычайным аппетитом. Его никогда не переставала восхищать возможность заказывать все, что угодно, в ресторанах отелей. В этом он тоже несколько не стеснялся. Один из его товарищей по команде, Ларри Гарднер, вспоминал, как однажды зашел в номер и увидел, что Рут лежит на полу и занимается любовью с проституткой. «Пока эта женщина обрабатывала его, он курил сигару и ел арахис», – говорил Гарднер с легким изумлением, что вполне понятно.

«Когда ему позволяли отдохнуть, это было все равно что выпустить из клетки дикого зверя», – вспоминал другой товарищ по команде. Ни тогда, ни позже Рут не отличался особой разборчивостью. Маршалл Хант из «Нью-Йорк дейли ньюс» однажды заметил, что женщины Рута внешне были такими, что «понравились бы только мужчине, который едва вышел из тюрьмы после пятнадцатилетнего заключения».

1914 год для «Ориоулз» выдался неудачным. Болельщики разочаровывались в них и один за другим переходили на сторону балтиморских «Террапинс» из новой Федеральной лиги (которая, впрочем, просуществовала недолго). Однажды за игрой «Ориоулз» наблюдали всего лишь семнадцать человек, тогда как через дорогу «Террапинс» собирали полные трибуны. Оказавшись в стесненных финансовых условиях, «Ориоулз» стали продавать своих игроков. В июле Рут, не успев как следует привыкнуть к своей первой команде, оказался в составе бостонских «Ред Сокс». Он поехал на север и сразу же по прибытии в Бостон, 11 июля, вышел на поле. Для него это была первая игра высшей лиги – и в какой он играл, и какую вообще видел в жизни. Он сделал восемь хитов и победил со счетом 4:3.

Через четыре месяца после того, как Бейб Рут покинул школу Святой Марии, едва ощутив вкус самостоятельной жизни, он стал бейсболистом высшей лиги. Летом Рут часто завтракал в кафе под названием «Лэндерс». Там он болтал с симпатичной официанткой Хелен Вудфорд. Однажды, если верить словам самого Рута, он спросил ее: «Как насчет того, чтобы выйти за меня замуж, милашка?» Подумав несколько минут, она согласилась, и осенью 1914 года они поженились. Ему было девятнадцать, ей, судя по всему, не более пятнадцати. Брак этот оказался весьма непрочным. В своей автобиографии Рут даже неправильно упомянул ее имя.

В наши дни трудно представить, насколько важную роль в повседневной жизни Америки играл бейсбол – как в культурном, так и в эмоциональном отношении. Всю нацию, казалось, охватило бейсбольное безумие. Бейсбол называли не иначе, как «Национальный Вид Спорта» – именно так, с больших букв. А что касается спортивных новостей, то тут бейсболу не было равных – почти круглый год никто ни о чем другом и не думал и ничем другим не интересовался.

Во время каждого крупного события, вроде ежегодного чемпионата «Мировая серия», во всех крупных городах устанавливались огромные табло, у которых собирались несметные толпы. Во многих городах антрепренеры нанимали театры или другие большие площадки (например, Мэдисон-сквер-гарден), чтобы показывать зрителям постановки игр. В одном из случаев на сцене установили большую диаграмму бейсбольного поля с яркими разноцветными огоньками, обозначающими мячи, удары, ауты; каждый удар сопровождался звуком колокольчиков, а перемещения игроков рисовали белыми линиями. Ведущий на сцене в красках (порой даже слишком бурно) описывал происходящее на поле, основываясь только на скудных телеграфных сообщениях; его помощники звонили в колокольчики и чертили на доске новые линии. В другом представлении были заняты мальчишки, которые бегали по сцене, изображая игроков, и отбивали воображаемыми битами воображаемые мячи, как того требовало развитие ситуации. Как сообщал один удивленный очевидец, никакие толпы на бейсбольных стадионах «не встречали так бурно каждый красивый эпизод игры, как эти миллионы, толпившиеся в различных театрах или на улицах перед редакциями газет».

В таком счастливом и возбужденном мире и оказался Бейб Рут. Если принять во внимание то, что он вытворял со своей битой, то удивительно, что он почти всю первую четверть своей карьеры провел питчером – и не просто питчером, а одним из самых лучших в бейсболе. В 1915 году, в первый полный сезон с «Ред Сокс», он выиграл 18 игр и проиграл 8, что было четвертым показателем в лиге. Он отправил в страйк-аут 122 бэттера (бьющих), отдал хитов меньше всех других игроков, кроме одного, и закончил год с весьма впечатляющим ERA (средним показателем «своих очков») – 2.44. На следующий год он установил рекорд в 23 против 12 и возглавил списки лиги по ERA, «шатаутам» (играм, закончившимся «всухую»), хитам на игру и проценту отбивания со стороны соперников. Он стал третьим по количеству побед, вторым по проценту побед и страйк-аутов^[8] и четвертым по законченным играм. Его рекорд в 9 шатаутов остается рекордом для левшей. В 1917 году он снова занял первые места почти во всех категориях для питчеров и закончил с показателем 24–13. Кстати, в том же году началась его серия из 29 2/3 последовательных

иннингов (период в бейсболе) без единого хита со стороны бэттера в «Мировой серии» – рекорд, который продержался сорок три года.

Сказать, что это невозможно для обычного человека, – значит не сказать ничего. Парни, только что окончившие школу, не попадают в команды высшей лиги и их не начинают бояться такие опытные отбивающие, как Тай Кобби или Джо Джексон. Даже самым талантливым молодым питчерам необходимо некоторое время, чтобы обрести уверенность в своих силах и настроиться на победу. Уолтер Джонсон за первые три года в высшей лиге установил рекорд в 32 победы и 48 проигрышей. Кристи Мэтьюсон выиграл 34 игры и проиграл 37 игр. Бейб Рут за тот же период выиграл 43 и проиграл 21. За все время, что он играл питчером, его соотношение побед и проигрышей составило 94–46, а ERA составил 2.28. Его выигрышный показатель⁶⁷¹ остается седьмым за все время. Его и сегодня с легкостью приняли бы в Национальный зал славы бейсбола в качестве питчера.

Проблема – хотя вряд ли это можно было назвать проблемой для любого человека до и после него – заключалась в том, что он еще был и безупречным отбивающим. В 1915 году, за свой первый полный сезон, он вышел на поле в качестве бэттера 92 раза и сделал четыре хоум-рана. Это было на три меньше, чем у Брагго Рота, лидера Американской лиги по хоум-ранам, хотя тот выходил на домашнюю базу в четыре раза чаще. 1918 год оказался худшим для хоум-ранов в высшей лиге. «Браунз» сделали пять, «Уайт Сокс» – восемь, а «Индианс» – девять. Бейб Рут же один сделал одиннадцать^[9]. На следующий год, несмотря на то, что Рут был питчером в 133 1/3 иннингах (в том числе в 12 полных играх), он сделал 29 хоум-ранов, почти удвоив рекорд Американской лиги, установленный Соксом Сейболдом из филаделфийских «Атлетикс» в 1902 году. Рут также возглавил зачет лиги по количеству ранов, отбитых ранов, совершенных ранов, общему количеству взятых баз, приведенным очкам, проценту попаданий на базу и проценту сильных ударов. За 111 игр на аутфилде он сделал 26 ассистов (передач) и допустил всего две ошибки. По проценту филдинга^[10].996 он далеко обошел всех других игроков лиги. Поразительные показатели для молодого бейсболиста, и это, конечно, было лишь начало.

Современному бейсболу присущ особый «вневременной» дух, который так нравится поклонникам этой игры. Любому зрителю, сидящий на трибунах во время матча высшей лиги, если его перенести в 1920-е годы, не увидел бы почти ничего непривычного. Игра на поле, крики толпы, расхаживающие между рядов торговцы – все это показалось бы ему до боли знакомым, тогда как многие другие особенности повседневной американской жизни обязательно вызвали бы удивление. (Тому же современному зрителю, например, доставило бы немалого труда завести автомобиль, позвонить по телефону, включить и настроить радио и даже перейти оживленный перекресток.) Но даже на стадионе ему, рано или поздно, кое-что показалось бы не таким, как в наши дни.

Прежде всего игры в целом проходили быстрее. Обычно матч начинался в три часа дня и редко продолжался после пяти. (Во многом это было связано с тем, что результаты матча публиковались в вечернем выпуске газет, а его еще нужно было сверстать.) Нередкими были игры продолжительностью в полтора часа, а встречались и более короткие. Так, например, 26 сентября 1926 года в Сент-Луисе «Браунз» победили «Янкиз» со счетом 6:1 всего лишь за один час двенадцать минут, после чего была проведена вторая встреча, в которой они выиграли со счетом 6:2 за пятьдесят пять минут. И это были полноценные матчи по девять иннингов. Как это им удалось, остается загадкой. В первой игре обе команды сообща сделали 25 хитов и 20 во второй, так что они вряд ли походили на классические дуэли питчера и бэттера. Тогда меньше тянули время.

При этом игры были еще и агрессивнее. Часто случались драки, как с участием болельщиков, так и с участием игроков. В 1924 году стычка между Бейбом Руттом и Таем Коббом в Детройте вылилась в потасовку на трибунах. Зрители вырывали скамейки и кидали их на поле, на которое выбежали по меньшей мере тысяча человек. Матч пришлось прервать. Игроки также не стеснялись набрасываться на болельщиков, если те кричали им что-то обидное. В 1920 году Рут запрыгнул на трибуны, чтобы поколотить мужчину, обозвавшего его «большим куском сыра», а когда тот вытащил нож, поспешил ретироваться на поле. Кобб однажды погнался за болельщиком, который изводил его весь день, и жестоко избил его. Другие болельщики гневно зашумели, что это ветеран войны, потерявший

руки, Кобб крикнул: «Да хоть бы и ноги!» и продолжил пинать его, пока его не оттащили полицейские. За эту выходку его арестовали на десять суток. Рут однажды в споре с судьей ударил того в челюсть, за что его приговорили к уплате штрафа в 100 долларов и отстранили от игры на десять дней – и это он еще хорошо отделался.

Жизнь игроков того времени была далека от комфорта, к которому привыкли современные звезды. Когда команда гостей приезжала в новый город, им приходилось самим нести все свои вещи от вокзала до гостиницы. Они часто играли в грязной форме, особенно в Чикаго, где владелец «Уайт Сокс» Чарльз Комиски взимал с членов своей команды плату за пользование прачечной.

Высшие лиги были немногочисленными – всего шестнадцать команд в десяти крупных городах. (В Бостоне, Чикаго, Сент-Луисе и Филадельфии было по две команды высших лиг; в Нью-Йорке – три.) Сент-Луис был самым западным городом с командой высшей лиги, Вашингтон – самым южным.

Стадионы и поля для бейсбола обладали своими особенностями, делавшими порой игру непредсказуемой. Например, поле на Поло-Граундс в Нью-Йорке так круто спускалось к дальнему забору, что со скамейки игроков были видны только головы и плечи аутфилдеров (игроков в обороне), которые словно паруса маячили на горизонте. На стадионе «Гриффит» в Вашингтоне внешняя часть поля шла криво между деревом и пятью домами, владельцы которых отказались их продать, когда стадион строили. Бэттерам еще нужно было думать, куда отбить мяч, чтобы он не отскочил от этих домов, а аутфилдеры из гостей не сразу понимали, где им становиться. В бостонском Фенвэй-парке левым аутфилдерам приходилось взбираться вверх по склону, чтобы поймать мячи у стены.

Возможно, самой бросающейся в глаза чертой спортивных сооружений в 1920-х было то, насколько плохо о них заботились. Внешние поля часто напоминали просто пастбища, на которых могли бы пастись коровы, а те участки, на которых часто стояли игроки, вроде зоны возле домашней базы, к концу сезона все больше вытаптывались. После дождя служители поливали зону инфилда (поля) бензином и поджигали его, чтобы высушить землю, что вряд ли способствовало созданию идеальной поверхности.

Средства безопасности практически отсутствовали. Шлемов для бэттеров не существовало. Стены аутфилда ничем не оббивались. Перчатки были примитивными и жесткими, так что случай, когда мяч ловили одной рукой, «легко становился сенсацией», как заметил историк Маршалл Смелсер. Стоек для бит почти не было, и на большинстве стадионов игроки раскладывали биты прямо перед скамейкой, что создавало опасность для кэтчеров или инфилдеров, которые бежали за мячом. Аутфилдеры нередко оставляли свои перчатки на поле, когда бита переходила к их команде. Короче говоря, всегда было обо что споткнуться, и игроки действительно спотыкались.

Болельщикам было труднее выяснить, что происходит на поле. На протяжении всех 1920-х годов на бейсбольных стадионах не было системы громкого оповещения. Обычно служитель с мегафоном выкрикивал только имена бэттеров. Оpoznать незнакомых игроков было трудно, потому что на форме не было номеров. Номера стали указывать только в 1929 году, когда их ввели команды «Янкиз» и «Индианс». «Янкиз» давали номера ведущим игрокам в том (примерном) порядке, в котором они выходили с битой, поэтому Рут получил номер 3, а Лу Гериг – номер 4. На табло не показывали количество хитов и ошибок, поэтому болельщикам приходилось самим запоминать очки, когда шла игра без хитов. Любой, кто следил за счетом и записывал его, становился комментатором для всех окружающих.

На поле игроки чаще наносили друг другу травмы. Тай Гобб, нрав которого граничил с психопатией, всегда проскальзывал на базу, задрав ноги в бутсах вверх, надеясь этим самым кого-нибудь поранить, но другие игроки тоже не слишком заботились о своих товарищах. Распространенной практикой было бросать мяч, специально целясь в отбивающего. Берли Граймз из «Бруклин Доджерс», обладавший скверным нравом, установил своего рода рекорд, швырнув однажды мяч в бэттера, дожидавшегося своей очереди в разминочном круге. Уошингтон Сенаторс, один из самых сильных питчеров того времени, никогда специально не целился в бэттеров, но во многих попадал случайно. Его бросок положил конец карьере Ли Тэнненхилла из «Уайт Сокс» – мяч сломал руку Тэнненхилла выше запястья, да так, что тот никогда больше не мог держать биту. Две недели спустя

Джонсон сломал мячом челюсть новичка-шортстопа по имени Джек Мартин. (Джонсон, по природе очень добрый человек, всегда сильно расстраивался, нанеся травму какому-нибудь игроку, вплоть до того, что обычно не мог продолжать игру.) Рут в своих автобиографических заметках пишет, что однажды со всей силы попал мячом прямо в лоб игроку по имени Макс Флэк. Тот тут же рухнул на землю, как подкошенный, но все обошлось. Рут упоминает об этом случае как о забавном эпизоде, из тех, что иногда случаются на поле.

Казалось бы, в таких обстоятельствах неминуемо должны были случаться и летальные исходы, но на самом деле за все время в ходе игры погиб только один бейсболист. Это произошло в августе 1920 года, и Бейб Рут принимал участие в том матче. Ближе к вечеру стало смеркаться и видимость ухудшилась. Питчер команды «Янкиз», Карл Мэйз, прославившийся своей агрессивностью вплоть до того, что к нему неодобрительно относились даже игроки его команды, бросил «инсайд-питч» шортстопу из команды «Индианз» Рэю Чапмену. Чапмен не увидел мяч, потому что тогда мячи редко меняли во время игры, и они покрывались грязью. Питчеры даже пользовались этим. Кроме того, Мэйз подавал мячи таким стилем, что за ними было сложно проследить. Мяч с глухим звуком врезался Чапмену прямо в висок и отскочил обратно к Мэйзу, который поймал его и бросил в игрока на первой базе, думая, что Чапмен его отбил битой. Но Чапмен уронил биту и пошел, веля, как пьяный, ко второй базе. Через несколько шагов ноги его подкосились, и он рухнул на землю. Его доставили в больницу Святого Лоренса, где он на следующий день скончался, не приходя в сознание.

В своей автобиографии Рут почти не упоминает об этом случае, за исключением того, что «Индианз» выдвинули требование, чтобы Мэйз в том году больше не играл против них. Чапмен до сих пор остается единственным бейсболистом высшей лиги, получившим смертельное ранение во время матча.

Но самой опасной частью бейсбольного стадиона были трибуны. В 1903 году на стадионе «Бейкер-Боул» произошел самый худший инцидент за всю историю бейсбола. Задняя стена большой трибуны, на которой сгрудились болельщики, вдруг обрушилась, и сотни людей полетели на улицу с тридцатифутовой высоты. Двенадцать человек погибло и двести получили ранения, многие из них тяжелые.

Любопытно, что едва ли не еще более худшей катастрофы удалось избежать на том же стадионе весной 1927 года, на той неделе, когда Чарльз Линдберг совершил перелет в Париж. 14 мая, на седьмом иннинге игры между «Филлиз» и «Кардиналз» на поле обрушился ливень – часть тех штормов, что мешали летчикам пересечь Атлантику и удерживали их на Лонг-Айленде. Сотни болельщиков, занимавших дешевые места на открытой трибуне, побежали под укрытие двухэтажной трибуны вдоль линии первой базы. В предыдущий иннинг «Филлиз» сделали целых восемь ранов подряд, и для филадельфийской команды это было такое необыкновенное достижение, что их поклонники принялись бурно выражать свой восторг. Топот их ног расшатал устаревшую конструкцию, и под дополнительным весом новых болельщиков она жалобно скрипнула и стала оседать. Удивительно, что никто из присутствовавших не погиб на месте происшествия – в последующей давке погиб только тридцатилетний корреспондент по имени Роберт Хаас. Пятьдесят человек получили достаточно тяжелые травмы, и их доставили в больницу, хотя через сутки почти все они, кроме двоих, были отпущены. Никогда в спортивной истории Америки не случалось более зрелищной и в то же время самой «щадящей» катастрофы.

Причина такого небрежения к состоянию бейсбольных площадок и стадионов была проста: недостаток финансирования. Хотя бейсбол и почитали как национальный вид спорта, но вкладывать в него средства никто не спешил. Одной из самых элементарных причин был тот факт, что матчи проводились днем, когда большинство людей работало. Кроме того, во многих городах – в Бостоне до 1929 года, в Питтсбурге и Филадельфии до 1933 года – не разрешалось проводить бейсбольные матчи и по воскресеньям, поэтому суббота оставалась единственным днем недели, когда команды надеялись привлечь большое число зрителей. Но даже самые известные команды часто играли перед полупустыми трибунами. «Янки-Стэдиум» поставил рекорд, когда в день открытия его посетило более 70 000 человек (включая тех, кто занимал стоячие места), но на следующий день пришло всего 12 500 человек. В целом средняя посещаемость матчей высшей лиги составила 4000 человек. Во времена Рута бейсбольные стадионы были довольно тихим и спокойным местом.

За исключением процентов за сдачу стадионов внаем и дохода от показательных и товарищеских игр, единственным источником прибыли для команд были билеты, но из этих денег им приходилось выделять средства на зарплату, на весенние тренировки, поездки, покупку формы и снаряжения, содержание клуба, премии вербовщикам и сооружение своего стадиона. Последняя графа расходов бывала непомерно большой. В 1913 году Чарльз Геркулес Эббетс, владелец «Додджерс», потратил на постройку «Эббетс-Филда» 750 000 долларов – что было сопоставимо со стоимостью постройки большого делового здания на Манхэттене, – а потом остаток жизни тщетно пытался привлечь в него народ. В тот день, когда Линдберг вылетел в Париж, например, стадион посетили лишь 4000 зрителей, что было обычно для «удачного периода». У некоторых же команд вообще не бывало «удачного периода», и посещаемость иногда составляла примерно 1500 зрителей.

Примечательно, что больше всех на бейсболе заработал английский предприниматель Гарри Стивенс, приехавший в Америку молодым человеком в самом начале столетия, влюбившийся в бейсбол и поставивший себе целью заработать на нем. Именно ему пришла в голову идея во время игры продавать болельщикам горячие закуски. Он экспериментировал с разными конструкциями горячих бутербродов и выяснил, что дольше всех тепло сохраняют сосиски в тесте. Он запатентовал права на «red hots» («красные горячие»), как он довольно оптимистично называл свою закуску, и почти сразу же начал получать неплохую прибыль, продавая их на стадионе «Поло-Граундс». Карикатурист Тед Дорган назвал эти закуски «хот-догами» («горячими собаками»), намекая, вероятно, на распространенные слухи по поводу их ингредиентов. Стивенсу понравилось это название, и в 1920-х годах «хот-доги» по всей стране уже неизменно ассоциировались с бейсбольными матчами; а сам он владел франшизами на всех трех нью-йоркских бейсбольных стадионах и на других стадионах вплоть до Чикаго. Он разбогател так, как большинству владельцев бейсбольных клубов и не снилось.

В отчаянии владельцы команд прибегали к средствам экономии, которые со стороны часто казались смешными. Большинство стадионов, например настаивали на том, чтобы зрители обязательно возвращали залетевшие на трибуны мячи. Некоторые хозяева команд,

например Барни Дрейфусс, владелец «Питтсбургских пиратов», благосклонно разрешали забирать их в качестве сувениров, но остальные яростно защищали то, что казалось им важным имущественным правом. Важный инцидент, положивший этому конец, произошел в 1923 году на стадионе «Бейкер-Боул» в Филадельфии, когда одиннадцатилетний мальчик Роберт Коттер поймал фол-бол (мяч, вылетевший за боковые линии) и отказался отдавать его. Когда выяснилось, что у Коттера не было билета и что он пробрался на стадион украдкой, менеджер «Филлиз» настоял на аресте мальчика и обвинил его в воровстве. Коттер провел ночь за решеткой и на следующий день предстал перед судьей. Судья, к восхищению всего города, постановил, что Коттер заслужил право оставить мяч себе, тем более что он так удачно его поймал. После этого стадионы один за другим отказывались от обязательного условия возвращать мячи.

Парадоксальным следствием всего этого стало то, что к тому времени, когда в игру вступил Бейб Рут, бейсбол был невероятно популярен, но на удивление неприбылен, и никакая другая команда не знала это на своем опыте так, как нью-йоркские «Янкиз». В 1914 году, когда Рут стал членом «Ред Сокс», было объявлено, что «Янкиз» выставятся на продажу и купить их может кто угодно. Предложение это было далеко не таким уж заманчивым. В команде не было ни одного по-настоящему талантливого или сколько-нибудь заметного игрока; у нее не было своего собственного стадиона, и она привлекала очень мало зрителей. Она проводила матчи на стадионе «Поло-Граундс», принадлежавшем «Джайентс». До недавних пор у них не было даже фиксированного названия, и в разные годы они играли под названиями «Хайлендерс», «Хиллтопперс» и даже «Америкенз».

Владельцы «Янкиз», Уильям С. Девери и Фрэнк Фаррелл, попросили владельца «Джайентс» Джона Макгроу найти им покупателя. Макгроу обратился к двум мужчинам, с которыми раньше никогда не встречался, но которые страстно увлекались бейсболом: нью-йоркскому магнату Джейкобу Руперту и бизнесмену из Огайо с необычным именем Тиллигаст Л'Омдье Хьюстон. Несмотря на такое экзотическое имя, Хьюстон в остальных отношениях был вполне заурядным человеком. Родился он в 1886 году, за год до Руперта, в семье среднего класса, вырос в Цинциннати, получил инженерное образование и сколотил состояние, помогая восстанавливать Кубу

после испано-американской войны. Он любил выпить, отличался неряшливостью, всегда пребывал в благодушном настроении и обожал бейсбол. Вот практически и все, что можно было о нем рассказать.

Руперт же обладал куда более сложным характером. Будучи наследником богатого владельца пивоварен, он вырос в особняке, стоявшем в анклав американских немцев Йорквилль в Верхнем Ист-Сайде на Манхэттене – в том же районе, откуда вышли Лу Гериг и братья Маркс, хотя и росшие в более скромных условиях. Неподалеку, на огромном участке между Девяностой и Девяносто третьей улицами, располагались крупнейшие в стране пивоварни Руперта, и произведенное ими пиво продавалось, помимо прочего, и на бейсбольных стадионах.

Сам Джейкоб Руперт был довольно необычным и нелюдимым человеком. Он жил один в своем большом наследственном доме вместе с пятью слугами. Четыре раза, с 1899 по 1907 год, его избирали конгрессменом от Демократической партии, но потом он, похоже, потерял интерес к политике. Говорил он с немецким акцентом, что странно, если учесть, что всю жизнь он прожил в Америке, как и его родители. Руперт коллекционировал нефрит, книги, керамику, собак, лошадей и произведения искусства; он также, как утверждалось, обладал «самой изысканной коллекцией обезьянок в Америке». Несмотря на то, что сам он предпочитал никуда не ездить, он интересовался географическими исследованиями и в 1933 году финансировал экспедицию Ричарда Бэрда в Антарктику. В качестве подтверждения его эксцентричности можно привести тот факт, что он содержал второй дом в Гаррисоне в штате Нью-Йорк, где в одной из комнат соорудил настоящее святилище своей матери и хранил там вещи, которые могли бы ей понадобиться, случись ей воскреснуть. В каком-то смысле это объясняет, почему он никогда не женился.

Таким образом, Руперта и Хьюстона объединяли только богатство и любовь к бейсболу. Несмотря на полное несходство, оба они в последний день 1914 года заплатили по 225 000 долларов, чтобы выкупить клуб «Янкиз», – по тем временам это была немалая сумма, тем более что Девери и Фаррелл за десять лет до этого купили команду всего за 18 000 долларов. Макгроу был в восторге, как и следовало ожидать. Для любого здравомыслящего наблюдателя со стороны Руперт и Хьюстон казались полными идиотами.

Как выяснилось, хуже времени для приобретения бейсбольного клуба выбрать было нельзя. В последующие годы высшие лиги бейсбола одолевали одни неприятности за другими. Сначала снизила доходы конкуренция со стороны Федеральной лиги. Посещаемость бейсбольных стадионов Американской и Национальной лиг за два года существования Федеральной лиги снизилась на четверть. Вступление США в Первую мировую войну еще более понизило посещаемость. В 1918 году разразилась эпидемия «испанского гриппа», погубившего десятки миллионов человек по всему миру; в результате многие опасались показываться в публичных местах. В то же время президент Вудро Вильсон заявил, что в 1918 году за весь сезон будет проведено не более 130 игр высших лиг, поскольку необходимо бросить все усилия на войну. Общая посещаемость в том году упала до трех миллионов – на 50 процентов по сравнению с десятью годами ранее. Наконец, в 1919 году Конгресс принял «акт Волстеда» и объявил о том, что с января 1920 года в силу вступает запрет на производство и продажу спиртных напитков. После того как на стадионах перестали продавать пиво, они лишились важного источника доходов.

Многие команды балансировали на грани выживания. Пожалуй, в самом затруднительном положении из всех владельцев команд оказался Гаррисон Герберт Фрейзи, владелец бостонских «Ред Сокс». Ранее он был театральным импресарио, но увлекался и бейсболом и в 1916 году вместе с партнером Хью Уордом приобрел «Ред Сокс», лучшую на тот момент команду. Вместе они заплатили миллион долларов – гораздо больше, чем могли себе позволить, – и вскоре едва находили средства для выплаты займа.

В первую неделю января 1920 года, опасаясь неминуемого банкротства, Фрейзи совершил то, что впоследствии стало предметом досужих рассуждений на оставшуюся часть столетия: продал Бейба Рута команде «Янкиз» за 100 000 долларов наличными и ссуду в 350 000 долларов. Помимо этого с 1918 по 1923 год он также продал «Янкиз» шестнадцать других игроков, что осталось менее замеченным в истории, но произвело не менее разрушительный эффект для его команды. Команде «Янкиз» достался даже его бывший главный управляющий Эд Барроу. В каком-то смысле франшиза «Ред Сокс» переехала в Нью-Йорк. В 1923 году Фрейзи окончательно расстался с

бейсбольным клубом. Любопытно, что в том же году Хьюстон продал свою долю Руперту.

Еще более незамеченным в истории осталось время, в какое была совершена эта сделка. Не случайно нью-йоркские «Янкиз» приобрели Бейба Рута в том же месяце, в каком начал действовать так называемый Сухой закон. Джейкоб Руперт вот-вот должен был потерять свои пивоварни и отчаянно нуждался в новом источнике дохода. Он собирался на своем опыте проверить, можно ли разбогатеть на бейсбольной команде, и поставил все на самого блестящего, своевольного, упрямого, недисциплинированного и, тем не менее, самого привлекательного для публики игрока, когда-либо надевавшего бейсбольную форму.

Как оказалось, дело того стоило.

До того, как пришел Бейб Рут и все изменил, хоум-ран в бейсболе был довольно редким событием. Джона Франклина Бейкера из филаделфийских «Атлетикс» прозвали «Хоум-раном» не за то, что он совершил много пробежек от дома до дома, а потому, что в «Мировой серии» 1911 года он выполнил два победоносных хоум-рана в двух последовательных играх. В остальное время он выполнял не так уж и много хоум-ранов – всего два за весь сезон 1910 года, например. Тем не менее он оставался одним из самых сильных отбивающих, и его прозвище никого не удивляло.

Период бейсбольной истории до 1920-х годов часто называют «эпохой слабого мяча». Эффектные отбивания и пробежки были редки; команды в основном пытались «по-научному» рассчитывать переходы с одной базы на другую, аккуратно выполняя синглы и используя все доступные стратегии: банты, уоки и другие средства продвинуться по базам. Некоторые команды даже делали ставку на «хит-бай-питч», то есть на удары мячом по хиттеру, который в результате получал право занять первую базу. Счет при этом, как правило, был небольшим, и команды шли почти вровень.

И тому были свои причины. Попасть по мячу битой трудно, а во времена Бейба Рута во многих отношениях это было еще труднее. Бейсбольный мяч, запущенный со скоростью 90 миль в час, попадает в перчатку кэтчера всего через четыре десятых секунды после того, как покидает руку питчера, и этого очень мало, чтобы бэттер принял обдуманное решение. Кроме того, чтобы бита встретила мяч перед площадкой кэтчера, бэттер должен начать замахиваться битой за две десятых секунды до этого, когда мяч находится на полпути к нему. А если мяч закручен, то ему еще только предстоит изменить свою траекторию. В половине случаев предсказать ее можно только за последние пятнадцать футов. Если это подача из разряда «фастбол», «чейндж-ап» или «катер», то мяч может еще сменить угол и высоту. Из-за сопротивления воздуха за все небольшое расстояние от питчера до бэттера он также теряет около 5 миль в час. В эпоху Бейба Рута еще одно преимущество питчеров заключалось в том, что их горка

располагалась на пятнадцать дюймов выше современной, а это тоже меняет траекторию мяча.

Получается, что за незначительные доли секунды, которые остаются бэттеру на размышление, он должен взвесить все возможные варианты, рассчитать место и время, когда мяч пересечет линию площадки, и сделать так, чтобы его бита попала именно в это место. Мельчайшая ошибка в расчетах, на что и надеется питчер, и результатом оказывается фол, легко ловимый защитой мяч или иная неудача. Сделать сингл и то уже достаточно трудно (вот почему даже лучшие отбивающие ошибаются в семи случаях из десяти), а чтобы отбить мяч далеко за пределы внутреннего поля – для этого требуются невероятные выдержка и уверенность в своих силах.

И у Бейба были все качества, чтобы стать величайшим хиттером. Он использовал внушительную биту весом в пятьдесят четыре унции, захватывая ее за самый конец у утолщения, что увеличивало скорость ее размаха. Сочетание силы и расчета времени приводило к тому, что на мяч действовала сила в восемь тысяч фунтов (ученые действительно измерили ее в своих лабораториях), и за одну тысячную долю секунды (длительность контакта) благодаря чудесным законам физики эта сила отсылала движущийся со скоростью 90 миль в час упругий сфероид в обратном направлении, но уже со скоростью 110 миль в час.

В результате мяч летел так, как будто им выстрелили из пушки. Это было завораживающее и редкое зрелище, но вот появился человек, который проделывал этот фокус регулярно. Хоум-раны Бейба были не только более частыми, они были и более величественными. Никто еще не видел, чтобы мячи летали так далеко и высоко.

«Во время тренировки в Кливленде игроки бросали все и смотрели, как он отбивает мяч, – почти семьдесят лет спустя писал в своих воспоминаниях для «Спортс иллюстрейтед» Уиллис Хадлин, на то время питчер «Индианз». – Он был единственным, ради которого игроки прерывали тренировку».

Никто другой не вносил в игру такого задора и накала. Когда на площадку выходил Бейб Рут, то замирал весь стадион. «Даже продавцы арахиса замолкали и оборачивались, чтобы посмотреть на поле», – писал один обозреватель. Когда бита оказывалась в руках Бейба Рута, то игра становилась поединком «между двумя, а не

состязанием восемнадцати человек», как выразился Маршалл Смелсер в биографии 1993 года.

В 1920 году, то есть в первый год, когда Рут играл за «Янкиз», он выполнил 54 хоум-рана. Его процент сильных ударов составил 37,6, и он возглавлял лигу в десяти показателях бэттеров. Почти невозможно представить, чтобы у кого-то другого выдался лучший год, причем и время для этого подошло как нельзя кстати. Тогда как раз разразился крупнейший скандал, связанный с тем, что во время «Мировой серии» 1919 года чикагские «Блэк Сокс» провели договорные матчи, и это почти полностью подорвало доверие болельщиков к бейсболу. Зрелищная игра Рута послужила великолепным отвлечением. Он не просто преобразил бейсбол, он, вероятно, даже спас его.

1921 год выдался для Рута еще более удачным, чем 1920-й, что, казалось бы, невозможно. Он сделал 59 хоум-ранов и еще больше ранов, дополнительных захватов баз и в целом взял баз больше, чем любой другой игрок до него. Он возглавлял список лиги по приведенным очкам и по взятым за боллы базам, стал третьим по проценту отбивания в 37,8 после Гарри Хейлманна и Тая Кобба (у которых эти показатели определенно были бы ниже на пару очков, если бы питчером против них выступал тоже Рут^[11]). Кроме того, Рут украл семнадцать баз и привел «Янкиз» к их первому чемпионату в составе лиги. Это был лучший сезон, о котором любой игрок осмелился бы мечтать.

Любопытно, что с наступлением нового десятилетия хоум-раны участились, и не только благодаря Бейбу Руту. Мячи вдруг стали вылетать за пределы поля по всей стране. С 1918 по 1922 год в Американской лиге количество хоум-ранов стало увеличиваться неожиданными темпами, как показывают следующие цифры:

1918 – 96

1919 – 240

1920 – 369

1921 – 477

1922 – 525

В целом для высших лиг число хоум-ранов возросло с 235 в 1918 году до более чем 1000 в 1922 году, то есть увеличилось в четыре раза всего за четыре года. Так что же произошло? На самом деле произошло многое.

Прежде всего, после гибели Рэя Чапмена судьям приказали следить за состоянием мяча и не допускать, чтобы он загрязнялся. Питчерам больше не позволяли обмазывать мяч грязью, из-за чего к последним иннингам он становился почти незаметным. В высших лигах также запретили пользоваться так называемым «спитболом» («жеванным шариком»). Под этим термином подразумевался мяч, который с одной стороны облепляли жиром, вазелином, жеваным табаком и еще по меньшей мере двумя десятками различных веществ, чтобы он летел по непредсказуемой траектории, подобно современному «наклболу»^[12], только с большей силой. У каждого «спитбольного питчера» были свои излюбленные субстанции. Эдди Сикотт из чикагских «Уайт Сокс» использовал парафин, хотя удивительно, как ему удавалось не получить отравление за девять иннингов. Домашние команды старались застать врасплох нападающих питчеров, заранее смазывая мячи горчичным маслом, красным перцем или каким-нибудь другим жгучим веществом, чтобы устроить питчеру неприятный сюрприз или хотя бы позабавиться.

По окончании сезона 1919 года было решено запретить «спитболы» для всех, кроме семнадцати питчеров, которые строили свою тактику только на них. Им позволили пользоваться «спитболами» до конца карьеры. Последним легальным «спитболером» был Берли Граймз, покинувший игру в 1934 году. Бейб Рут же считал, что без запрета «грязных» мячей никакой бэттер не станет рисковать делать достаточно сильный для хоум-рана замах.

Но больше всего изменился сам мяч, хотя сейчас трудно сказать, как именно это произошло и зачем его изменили.

Попытки изобрести более легкий, крепкий и упругий мяч предпринимались давно. Бен Шайб, совладелец филадельфийского клуба «Атлетикс» и производитель спортивного снаряжения, начинал свою карьеру в кожевенной промышленности и много времени посвятил разработке мячей. В 1909 году он изобрел мяч с пробковой сердцевинкой, которая была легче резиновой, а это означало, что мячам требовалось больше шнуровки и что их можно было плотнее натягивать. Все согласились с тем, что мячи Шайба заметно удобнее прежних. Удары стали более резкими и точными, особенно в последних иннингах игры, когда мяч пропитывался влагой. Потом, уже

после войны (хотя когда именно, тоже неизвестно), компаньон Шайба, А. Дж. Рич, стал импортировать из Австралии шерсть высшего качества, которая была более упругой и плотнее ложилась на сердцевину из пробки. Согласно общему мнению, именно так родился современный «рэббит-бол».

Любопытно, что сам Рич не соглашался с тем, что его мяч более подвижный и упругий. Он приводил данные Бюро стандартов США, согласно которым новые мячи отскакивали не лучше прежних. Большинство игроков, впрочем, с ним не соглашались. «Между тем мячом, с которым я начинал играть, и рэббит-болом, который нам дали несколько сезонов назад, огромная разница, – сообщил журналисту Уолтер Джонсон летом 1927 года. – Когда его отбивают, этот мяч летит с гораздо большей скоростью, чем старый».

Несмотря на то что общее количество хоум-ранов росло, никакой другой игрок и близко не смог сравняться с Рут. В 1920 году, когда Рут сделал 54 хоум-рана, никто не сделал и 20. В 1921 году он сделал 59 хоум-ранов, и это было на 11 больше, чем общее количество хоум-ранов двух других лучших хиттеров. К июлю 1921 года, когда шел только второй год, когда Рут играл постоянным бэттером, у него за плечами было уже 139 хоум-ранов, больше, чем у любого другого бейсболиста до этого. «Настолько впечатляюще его появление на площадке, настолько живописно и восхитительно драматично каждое его движение, что, с точки зрения наблюдателя, он побеждает даже тогда, когда проигрывает», – писал один журналист. Сенсацией были даже «поп-апы» Рута, то есть вертикально отбитые мячи; часто они взлетали настолько высоко, что ему удавалось свободно добежать до второй базы, прежде чем мяч оказывался в перчатке инфилдера.

За первый год пребывания Бейба Рута в составе нью-йоркских «Янкиз» ее посещаемость увеличилась более чем вдвое и достигла 1 289 000 человек, несмотря даже на то, что команда закончила сезон на третьем месте. С тех пор она никогда не опускалась ниже этого показателя. Джона Макгроу настолько оскорбили нападки Рута на «научный» бейсбол, и он настолько завидовал успеху «Янкиз», что перестал пускать их на «Поло-Граундс», и им пришлось подыскивать себе новый стадион. В 1922 году Джейкоб Руперт приступил к строительству стадиона «Янки-Стэдиум» – крупнейшего на то время. Он специально выбрал участок земли, с которого был виден

принадлежавший Макгроу «Поло-Граундс». В общей сложности на строительство было потрачено 2,5 миллиона долларов. С момента открытия его стали называть «Домом, который построил Рут».

Бейб Рут пользовался огромной популярностью, как никакой другой спортсмен до него. Весь он казался «крупнее жизни», как выразился писатель Пол Галлико: «Его туловище, его огромная голова, покрытая иссиня-черными волосами, его широкий нос, на который не поскупилась природа». Особой красотой он не отличался, но излучал особое обаяние. Как сказал его друг и товарищ по команде Уэйт Хойт: «В нем было нечто привлекательное. Если бы он никогда не играл в бейсбол и если бы вы никогда не слышали о нем, то все равно обернулись бы, пройди он мимо вас по Бродвею».

Трудно было придумать лучшее время для восхождения этой спортивной звезды. Оно идеально совпало с появлением газет-таблоидов, киножурналов, журналов для болельщиков и распространением радио, то есть всего того, благодаря чему существует современный «культ знаменитостей». Приехав в Нью-Йорк, Рут оказался в самом центре мира массовой информации. В газетах стали печатать ежедневные колонки «Что Бейб Рут делал сегодня». Удаление мозоли становилось национальной сенсацией. Но интерес к нему проявляли не только спортивные издания. Его фотографии появлялись на обложках десятков журналов, которые не имели никакого отношения к бейсболу, – от «Гардер эйдж» до «Популар сайенс». Статьи, полные обожания, посвятили ему как *Literary Digest*, так и «Нью-Йоркер» вскоре после своего основания. Ни один бейсболист до него не получал настолько широкого признания в мире, не связанном со спортом.

К нему стали относиться как к своего рода божеству. В 1921 году группа исследователей из Университета Колумбии подключила к нему провода и некий прибор под названием «хроноскоп Хиппа», чтобы провести ряд физиологических и психологических тестов, после чего объявила его «одним на миллион» благодаря великолепным рефлексам, превосходному зрению и «нервной стабильности». Он даже набрал на 10 очков выше среднего показателя в тесте на определение умственных способностей – об этом он сам охотно распространялся перед любым, кто желал слушать.

Люди любили его – это еще скромно сказано – и не без причины. Он был добродушен, щедр, особенно к детям, и на удивление прост в общении. Когда после изнуряющей церемонии на стадионе «Гриффит» в Вашингтоне его представили президенту Кулиджу, Рут вытер лицо платком и сказал: «Жарит, прямо как в аду, правда, президент?» Устроителей званого вечера он назвал «хозяин и хозяйница». Но в то же время он не был лишен чувства юмора. Однажды, когда дорожный полицейский крикнул Руту: «Эй, это улица с односторонним движением!», тот ответил: «Так я и еду только в одну сторону». Спортивный комментатор Ред Смит пришел к мнению, что Рут обладал превосходным умом, в котором проницательность объединялась с простотой, а невинность со способностью выносить здравые суждения. «В каком-то смысле это был великий ум», – настаивал Смит.

Те, кто был знаком с Рутом ближе, не совсем разделяли это мнение. Все же в его интеллектуальных способностях наблюдались кое-какие слабые места. Так, например, он никогда не запоминал имена. Когда его близкий друг, Уэйт Хойт, с которым они одиннадцать лет играли в одной команде, перешел в «Тайгерс», Рут сказал ему при прощании: «Береги себя, Уолтер». С заранее написанными для него фразами была та же беда. Когда он однажды должен был выступить на национальном радио, ему много раз повторяли одно и то же предложение: «Как некогда сказал герцог Веллингтон, Битва при Ватерлоо была выиграна на игровых площадках Итона». Но когда настало время произнести его вслух, Рут гордо оттарабанил: «Как некогда сказал Дюк Эллингтон, Битва при Ватерлоо была выиграна на игровых полях Элктона». Его расточительность вошла в легенды. Во время одной поездки он за три дня поменял двадцать две шелковые рубашки, а потом отдал их горничным. На Кубе он проиграл 26 000 долларов за один забег на скачках, а в общей сложности за несколько дней потратил 65 000 долларов. «Его начальству приходилось нанимать детективов, которые следовали за ним повсюду и защищали его самого от себя, а также от различных проходимцев, шантажистов, зазывал с ипподромов, букмекеров и коварных интриганок», – писал «Нью-Йоркер» в 1926 году. Несмотря на все богатство, у него иногда не хватало наличных, чтобы заплатить налоги, в том числе и в 1927 году, когда Руперт сделал его самым высокооплачиваемым

бейсболистом в истории. Всего за всю свою карьеру Бейб Рут, по некоторым оценкам, потерял или потратил более четверти миллиона долларов.

Его товарищи по команде по мере сил старались помогать ему, и по очереди просматривали груды писем и почтовых отправок, чтобы найти что-нибудь стоящее. «У Рута было 24 секретаря», – однажды сказал Хойт. Док Вудс, тренер команды, однажды нашел в выброшенных Рутон письмах чеки на 6000 долларов. Вудс также часто подделывал подпись Рута на бейсбольных мячах и на фотографиях – утверждалось даже, что за один год он подделал около десяти тысяч подписей.

Его неистощимый аппетит и сексуальное желание также были предметом постоянных удивлений. Маршалл Хант, спортивный редактор «Нью-Йорк дейли ньюс», рассказывал, как во время поездки они заезжали в ресторанчики у дороги, в которых продавались куриные обеды. «Бейб с удовольствием заказывал комплексный обед – курицу в тарелку и цыпочку в постель – и это повторялось неоднократно», – говорил Хант.

Иногда его несдержанность приводила к неожиданным последствиям. Фред Либ (спортивный комментатор «Нью-Йорк ивнинг телеграм») однажды стал свидетелем того, как в Шривпорте в Луизиане за Рутон по поезду гналась какая-то женщина (предположительно, жена законодателя штата) с ножом в руке. Руту удалось сбежать, прыгнув с поезда, а потом снова запрыгнув, когда тот тронулся. В другой раз он «почти голый» выбежал из гостиницы, когда за ним погнался рассерженный муж с ружьем. Когда его товарища по «Янкиз» Пинга Боуди спросили, каково это – жить в одном номере с Рутон, Боуди ответил: «Не знаю. Я живу с его чемоданом».

Со временем Рут все чаще за свой счет останавливался в более шикарных номерах и отелях, отдельно от других членов команды. Там он с радушием принимал любого, кто потрудился к нему зайти. Однажды вечером Уэйт Хойт насчитал в номере Рута 250 посетителей, причем со многими Рут даже не был знаком. Однажды на вечеринке в отеле «Бук-Кадиллак» в Детройте Рут встал на стул и прокричал: «Те женщины, которые не хотят сношаться, могут уходить прямо сейчас!»

Если с сексом не получалось, Рут набрасывался на еду. Маршалл Хант утверждал, что однажды видел, как Рут за один присест умял восемнадцать хот-догов. Несколько свидетелей вспоминали, как Рут заказал обед из двух порций каждого блюда – два бифштекса, два больших блюда жареной картошки, два салата, два куса яблочного пирога с мороженым – а через два часа вернулся и заказал все это по второму разу. В промежутке он съел восемь хот-догов и выпил шесть бутылок газировки. «Да, поесть он был любитель», – сказал его товарищ по команде Гарри Хупер Лоуренсу Риттеру, автору книги «Слава их времен» (*The Glory of Their Times*). Подсчитано, что за всю свою карьеру Рут набрал и сбросил около двух с половиной тонн.

По большей части все эти излишества сходили ему с рук, но если и бывали какие-то последствия, то поистине катастрофические. Особенно неудачным выдался 1922 год. Его пять раз отстраняли от игр за различные нарушения дисциплины, а всего он пропустил треть матчей в сезоне. Он постоянно ссорился со своим менеджером, многострадальным Миллером Хаггинсом. Однажды, когда Хаггинс распекал его и Боба Мьюзела за нарушения распорядка и недостаточное усердие, Рут поднял невысокого Хаггинса и повесил его вверх ногами над задней площадкой вагона, пока тот не взял свои слова обратно. После смерти Хаггинса одна из его сестер заявила, что Бейб Рут сократил жизнь ее брата лет на пять.

Зимой 1922 года на банкете, который был устроен в честь Бейба Рута, Джимми Уокер, будущий мэр Нью-Йорка и человек, имевший представление о том, что значит жить на «широкую ногу», публично обрушился на Рута с упреками, назвав его «великим спортсменом, но и одновременно великим дураком». Уокер говорил о том, что Рут своим безответственным поведением всех только подводит, и в первую очередь детей. «Повсюду, где есть свободные площадки, американские дети играют в бейсбол, в том числе и в больницах, где маленькие пациенты с физическими недостатками в самых своих заветных мечтах представляют, будто совершают немыслимые для себя движения. Для них ты – герой, они почитают тебя. И что же происходит? Ты устраиваешь шумные пирушки, кутишь ночи напролет, разрушаешь свое великолепное тело... Дети видят, как их кумир разваливается, а их мечты разбиваются вдребезги».

При этих словах Рут разрыдался – но худшее его ожидало впереди. Как только он покинул званый вечер, ему вручили повестку о явке в суд по обвинению, выдвинутому некоей Долорес Диксон из Бруклина, которая заявила о том, что он – отец ее будущего ребенка. Рут даже не мог вспомнить, встречался он когда-то с этой женщиной или нет. В конце концов выяснилось, что «Долорес Диксон» – это вымышленное имя и что женщина эта не смогла подтвердить ни дат, ни мест, которые совпали бы с поездками Рута. Иск был отклонен, но к тому времени Рут уже был выставлен полным глупцом.

В 1925 году ему снова крупно не повезло. Ко времени весенней тренировки он набрал сорок лишних фунтов и пытался вернуться в форму. В начале апреля, когда «Янки» играли серию товарищеских матчей, по пути домой Руту стало плохо. В Эшвиле у него начался жар, мысли его путались. В поезде он и вовсе потерял сознание. Поскольку об участии в следующем матче речь даже не шла, менеджер Миллер Хаггинс посоветовал ему ехать прямо в Нью-Йорк. На Центральном вокзале Рут снова упал и забился в конвульсиях. Его отвезли в больницу Святого Винсента.

Говорили, что Рут объелся хот-догами. Этот случай называли «кишечными коликами, о которых узнал весь мир». Медперсонал давал скудные сведения о состоянии Рута и о том, каким процедурам он подвергается, поэтому пошли слухи о том, что его лечат то ли от сифилиса, то ли от какого-то другого венерического заболевания. Но все данные, которыми мы располагаем сегодня, указывают на то, что он действительно страдал от сильных болей в животе. Он пролежал в постели целый месяц, а потом некоторое время был настолько слаб, что ему приходилось разъезжать в инвалидном кресле. Всего он провел в больнице семь недель. Когда он вернулся в «Янкиз», на его животе красовался шов, а сам он походил на привидение; за время болезни он потерял 76 фунтов и весил теперь 180 фунтов. Такая стройность не пошла ему на пользу, и он казался жалким подобием того добродушного здоровяка весом в 256 фунтов, которым он был всего лишь за два месяца до этого. Особенно похудели его ноги. Как выразился один очевидец, Рут походил на «мешок с овсом на двух зубочистках».

Но почти сразу же он вернулся к своим привычкам, и через месяц снова превратился в ненасытного обжору. В августе, во время матчей в

других городах, «Янкиз» показывали себя в худшем свете, и вклад Рута в общую игру был невелик. Несколько раз он даже подрался со своими товарищами. В Сент-Луисе, после того как Рут опять прокутил всю ночь до утра, Хаггинс оштрафовал его на 5000 долларов – очень большую сумму, вдвое превышающую годовую зарплату некоторых игроков, – и отстранил от игры на неопределенный срок. Рут был вне себя от злости, но в конце концов покаялся, и ему разрешили вернуться в строй. Он сделал десять хоум-ранов и за последние 29 игр сезона набрал процент сильных ударов.345, хотя было уже слишком поздно. «Янкиз» закончили сезон на предпоследнем месте, с рекордным счетом 69:85 и с посещаемостью, снизившейся до 700 000.

В 1926 году, как это часто случалось с Рут, он полностью восстановил силы – провел шесть недель в специальных тренировках, сбросил сорок фунтов и почти девять дюймов с объема талии. Этот сезон для него оказался удачным: он выбил 47 хоум-ранов, набрал процент сильных ударов.372 и совершил 146 ранов. Что самое главное, он не позволял себе срываться и старался соблюдать дисциплину. Но во время «Мировой серии», когда «Янкиз» играли с «Кардиналз», Рут закончил год на удивление плохой игрой. В девятом иннинге при двух аутах, когда «Янкиз» отставали на один ран, Рут переходил на базу и, ко всеобщему удивлению, попытался украсть вторую базу, но его тут же послали в аут с десяти футов. Игра закончилась, и «Кардиналз» победили в «Мировой серии». «Наверное, я поспешил», – признавался Рут. Почти все считали, что это была одна из самых глупых игр «Мировой серии», и она зачеркнула все достижения Рута того сезона.

Так что к началу 1927 года Руту опять было в чем раскаяться. Восстановить доверие оказалось нелегко. Ему исполнилось тридцать два года, он страдал от низкого давления, хронического несварения и периодических приступов одышки. Это был явно не мужчина в самом расцвете сил. Похоже было, что вряд ли его ожидает еще один удачный год. Но никто и не подозревал, что год этот выдастся не просто удачным, а одним из самых запоминающихся в истории бейсбола.

Летом 1927 года, когда у Бейба Рута выдавалась свободная минута, его можно было увидеть в ближайшем кинотеатре, на первых рядах перед экраном, на котором показывали фильм «Бейб возвращается домой». Лицо его неизменно расплывалось в довольной улыбке, ведь главную роль в этом фильме играл он сам, на пару со шведской актрисой Анной К. Нильссон.

Этот фильм был снят в январе предыдущего года всего за двадцать два дня на студии «Ферст нэшнл пикчерс» в Бербанке, штат Калифорния, и его вряд ли можно было назвать шедевром. До наших дней не сохранилось ни одной его копии, так что трудно сказать, каков был его сюжет, но, похоже, он был основан на событиях повседневной жизни Бейба Рута, за исключением сцен, когда он набивал брюхо, отчаянно ругался и валялся на полу с девицами. Успехом фильм не пользовался. Хитом того сезона был «Дон Жуан», в котором голливудский сердцеед Бэрримор поцеловал уступчивых дам не менее 143 раз. Все настолько увлеклись подсчетом поцелуев, что позже почти никто не помнил, что фильм этот прославился еще и тем, что первым был снабжен звуковой дорожкой. И хотя записаны в нем были только музыкальные фрагменты, а не реплики персонажей, он, тем не менее, опередил знаменитого «Певца джаза» на несколько месяцев.

На Манхэттене еще большим успехом пользовался не художественный фильм, а киножурнал, который показывали исключительно в новом «Рокси-театре» и в котором фигурировал взлет Чарльза Линдберга с аэродрома Рузвельта, перед тем как он взял курс в Париж. Этот фильм также сопровождался новинкой того времени – звуком. В проходах зала установили динамики, и оператор с хорошим чувством времени запускал отдельные звуковые дорожки, совпадающие с подвижными изображениями на экране. Конечно, даже для того времени это было не такое уж большое техническое достижение, но каждый сеанс привлекал шесть тысяч зрителей.

По сравнению с этим документальным фильмом «Бейб возвращается домой» опять же безнадежно проигрывал. И для его выхода нельзя было придумать менее подходящего времени, поскольку

на экранах он появился 22 мая, через день после прилета Линдберга в Париж, когда весь мир охватила новая мания. Но фильм все равно был настолько плох, что и при других обстоятельствах вряд ли удостоился бы особого внимания публики. Особенно это печалило актрису Нильссон, которую сейчас забыли, но которая некогда получала в неделю по тридцать тысяч писем от своих поклонников. В 1925 году она получила серьезную травму, упав с лошади, и целый год была прикована к постели. Предполагалось, что «Бейб возвращается домой» ознаменует и ее возвращение на большой экран, но, к сожалению, никому до него не было дела, кроме артиста, сыгравшего главную роль.

В то же самое время слава постепенно отворачивалась и от другой почти легенды, Франческо де Пинедо. Со своими двумя помощниками он добрался до Ньюфаундленда быстрее Линдберга, но там его задержало волнение на море, часто представлявшее собой серьезную опасность для авиаторов. 20 мая Линдберг буквально пролетел у них над головой. Пинедо смог вылететь три дня спустя, но из-за неполадок с двигателем упал в море, не долетев 360 миль до Азорских островов; в порт Фаяла его доставило на буксире проходящее мимо португальское рыболовное судно. К тому времени, как они добрались до земли, Линдберг уже был всемирным героем, и никто не интересовался итальянцем, которого тянули на веревке.

Пинедо не сдавался, но последние стадии его перелета были словно примечания, напечатанные мелким шрифтом на страницах совсем другой книги. 11 июня он достиг Лиссабона. 15 июня в газете «Таймс» была опубликована маленькая заметка, в которой говорилось о том, что по пути в Барселону под Мадридом Пинедо остановила плохая погода, и он был вынужден продолжить свое путешествие на поезде. И совсем почти никто не заметил, как он, наконец, прибыл в Остию под Римом.

Потом Линдберг отправился в Нью-Йорк по морю, и о нем не поступало никаких известий, кроме публикуемых ежедневно (и почти полностью выдуманных) заметок в «Нью-Йорк таймс», которые были к тому же невероятно скучными. Мир жаждал новых развлечений. К счастью, на аэродроме Рузвельта вновь наметилось какое-то оживление. После того, как Линдберг благополучно достиг

намеченной цели, никто не знал, что станет с оставшимися двумя командами – полетят ли они за ним вслед или просто разойдутся по домам. Чарльз Левин, после того как с него были сняты обвинения, заявил, что по-прежнему намеревается поднять в воздух свой самолет.

Ранним утром 4 июня «Колумбия» выкатилась на покрытую травой взлетно-посадочную полосу, а из ангара вышел Кларенс Чемберлин, облаченный в кожаную куртку, бриджи и носки с ромбиками, которые можно было разглядеть едва ли не с полумили. Он помахал рукой толпе и в гордом одиночестве поднялся в кабину самолета. По всей видимости, Левин считал, что если уж он упустил шанс добраться до Европы раньше Линдберга, то его аэроплан может долететь туда более эффектно. Многое в этом полете выглядело странным. В частности, они с Чемберлином отказывались отвечать на вопросы, куда именно направляется самолет. Никто также не знал, почему Чемберлин сел в самолет один, хотя там было еще одно место для штурмана и помощника пилота.

И тут произошло нечто неожиданное. Как только Чемберлин вывел самолет на взлетную прямую, к нему подбежал грузный лысый мужчина в деловом костюме и быстро забрался в кабину. Ко всеобщему удивлению, им оказался сам Чарльз Левин.

Жена Левина в замешательстве громко воскликнула: «О нет! Он что, тоже летит? Нет, нет!» Когда же стало ясно, что ее муж действительно летит, она упала в обморок, прямо в руки стоявшего позади мужчины. Позже Кларенс Чемберлин признался, что жена Левина обо всем знала заранее, просто играла на публику ради театрального эффекта.

Через несколько минут «Колумбия» взмыла в воздух и направилась в сторону Европы, хотя куда именно – об этом не знали даже два человека, сидевшие на ее борту. Они планировали долететь до Берлина, но были бы рады приземлиться практически где угодно.

Почти сразу же выяснилось, что от Левина на борту толку мало. У него не было опыта управления самолетом, и когда Чемберлин единственный раз позволил ему сесть за штурвал, он едва не послал машину в смертельное пикирование. Единственное, в чем он мог помочь – так это подавать Чемберлину различные вещи из-за сиденья и не давать пилоту уснуть. Выяснилось также, что прокладывать путь в Европу над океаном не так уж и просто, как могло показаться после перелета

Линдберга. К тому времени, когда они примерно через час полета достигли Ньюпорта на Род-Айленде, они успели сбиться с маршрута на четыре мили, а их индукционный компас не работал. Это был последний пункт, который они могли с уверенностью опознать. К счастью, Европа – достаточно большая цель, а Чемберлин был самым спокойным и уверенным в себе пилотом в мире. «Просто нужно держаться примерного направления, и все», – утверждал он.

На какое-то время, пусть и непродолжительное, Чемберлину удалось добиться примерно такой же славы, как и Линдбергу. Летом 1927 года ему было тридцать три года, а происходил он из городка Дэнисон в Айове, в чем-то похожего на Литл-Фолс Линдберга, только севернее и расположенного у оживленного шоссе Линкольна. Отец Чемберлина держал ювелирный магазин и ремонтную мастерскую, так что кое-какие средства у семьи имелись. В то же время в том же Дэнисоне росла девочка по имени Донна Мулленджер, которая позже прославится как актриса Донна Рид. Жители Дэнисона и поныне вспоминают ее с теплотой, тогда как о Чемберлине не помнит почти никто.

Мать Чемберлина была англичанкой, и по неизвестной причине, когда Кларенсу было десять лет, она переехала обратно в Англию вместе с сыном. Автобиография Чемберлина на удивление не содержит почти никаких подробностей – в ней он даже не упоминает имя своей первой жены, называя ее просто «миссис Чемберлин», и ничего не сообщает о своей жизни в Англии за исключением того, что ненавидел ее. Примерно через год мать с сыном вернулась в Дэнисон, и семейная жизнь пошла по прежнему пути.

По окончании средней школы Кларенс посещал Колледж штата Айовы, как он тогда назывался, где получил диплом инженера. Управлять самолетом он научился, проходя службу в войсках связи во время Первой мировой войны. Там он стал летным инструктором, и не только никогда не участвовал в сражениях, но даже не покидал Америку. Как и многие другие пилоты, после войны Чемберлин довольствовался любой работой. Какое-то время он занимался фотосъемкой с воздуха и сделал несколько известных фотографий, в том числе снимок торжественного открытия «Янки-Стэдиум» в 1923 году. Как и Линдберг, он пережил немало крушений – около десяти, по его собственному утверждению, – и однажды, в 1925 году, едва не

погиб. Его пассажир оказался не таким везучим. С пассажиром Чемберлин знаком не был – это был посторонний молодой человек, попросившийся прокатиться. Странно, что пилот так и не поинтересовался, кем был этот человек. В своей автобиографии Чемберлин только вспоминает, что потерял сознание, а позже узнал, что его «компаньон погиб». В этой катастрофе он получил серьезные травмы, и врачи говорили, что он не сможет больше ходить. Они ошибались. Упорства и живучести Чемберлину было не занимать.

Ранним утром 5 июня пассажиры лайнера «Мавритания», направлявшегося из Шербура в Нью-Йорк, с удивлением увидели над своими головами вынырнувший из облаков аэроплан, который сделал несколько кругов прямо над палубой. То, что это «Колумбия», стало понятно сразу. Большинство пассажиров, среди которых по случайности оказался и Реймонд Ортейг, возвращавшийся в Америку из своего летнего дома во Франции, чтобы вручить на следующей неделе Линдбергу свою премию, – предположили, что это своего рода приветствие со стороны авиаторов, потому что двое пилотов оживленно махали руками. На самом деле Чемберлин пытался выяснить, где они находятся, и разглядывал название лайнера, чтобы свериться с расписанием рейсов, напечатанным в газете «Нью-Йорк таймс». Зная, сколько корабль провел времени в море, он мог определить расстояние до берега. Так получилось, что он только что разминулся с «Мемфисом», на котором находился Чарльз Линдберг, а то бы мог обменяться приветствием и с ним. Определив, в каком направлении движется «Колумбия», Чемберлин поправил курс и вновь скрылся в облаках.

После этого много часов о них с Левином не было никаких известий, но утром 6 июня, проведя в воздухе почти двое суток, они оказались над полем где-то на северо-востоке Германии. Примечательно, что ни Чемберлин, ни Левин не взяли с собой карты Европы, поэтому не могли определить точное свое местонахождение. При этом они продержались в воздухе почти сорок три часа и пролетели 3905 миль, значительно побив рекорды Линдберга по протяженности и длительности полета. Первым, кто их встретил, стала жена фермера, рассердившаяся на них за то, что они приземлились прямо на их засеянное поле. Среди других встречавших по счастливой

случайности оказался авиационный механик, приехавший в гости к матери. Он неплохо знал английский язык и сообщил, что они находятся у Мансфельда в окрестностях Айслебена, в 110 милях от Берлина, и направляются не в ту сторону. Механик заказал доставку авиационного топлива (что сами они ни за что бы не сделали), но когда прибыла цистерна, то оказалось, что наконечник ее шланга слишком широкий, поэтому в бак самолета пришлось наливать бензин из чайника, позаимствованного у той же жены фермера, которая к тому времени, по всей видимости, немного успокоилась.

Когда самолет наконец-то заправили, авиаторы определили верное направление и вновь поднялись в воздух, но тут же снова потерялись. Все утро Чемберлин с Левином летали вслепую, споря друг с другом по поводу своего местонахождения, пока, наконец, им не пришлось сделать еще одну вынужденную посадку. Выяснилось, что они оставили Берлин в стороне и оказались у городка Коттбус почти на польской границе^[13].

Слишком устав для дальнейшего полета, авиаторы сняли номер в единственной гостинице Коттбуса и легли спать. Проснувшись, они обнаружили, что стали национальными героями Германии и что из столицы им навстречу вылетел флот военных самолетов. На следующее утро они с эскортом преодолели последний отрезок своего путешествия и были доставлены на берлинский аэродром Темпельхоф. Встречать их вышли более 150 000 человек, и еще 20 000, сбитые с толку ложными слухами, осадили аэропорт Варшавы, откуда ушли ни с чем.

Немцы устроили двум авиаторам такой же пышный прием, как и французы Линдбергу в Париже. Ни один человек не собирал таких восторженных толп до прихода к власти Адольфа Гитлера. В Америке же опять возник почти такой же ажиотаж, как и при известии о приземлении Линдберга. На протяжении трех дней нью-йоркская «Таймс» посвящала им статьи на восемь колонок, описывая буквально каждый их шаг. Публика тоже была в восторге. Когда жены Левина и Чемберлина приехали на пристань в Хобокене, чтобы отправиться на корабле в Германию, их в час ночи провожали шесть тысяч человек.

Впрочем, восторги вскоре несколько приутихли. Президент Кулидж отправил поздравительную телеграмму, но адресовал ее только Чемберлину. Его пренебрежительный жест был широко истолкован как

антисемитский. Манхэттенская еврейская газета «Дэй» писала: «Из Нью-Йорка вылетели два человека; два человека рисковали своими жизнями; два человека продемонстрировали героизм и установили рекорд, который оказался не под силу даже Линдбергу. Два человека вылетели, два человека прилетели, оба они американцы. Но президент Соединенных Штатов посылает поздравления только одному из них, и по странному совпадению, тот, кого он обошел своим вниманием, носит фамилию Левин».

Линдберг в своих ежедневных сообщениях, публикуемых в газете «Нью-Йорк таймс» и отсылаемых с борта «Мемфиса», также искренне поздравил Чемберлина, не упомянув имя Левина, хотя, по всей видимости, не из-за антисемитизма, а из-за того, что все еще сердился на Левина за случай, когда тот расстроил его сделку с Белланкой.

Немцы, по-видимому, тоже испытывали некоторое неудобство в связи с Левином. Один берлинский ресторан предлагал ростбиф «а-ля Чемберлин» с «коттбусским картофелем», а одна пивоварня попросила разрешения у Чемберлина назвать в его честь сорт пива, в то время как подобных предложений Левиному не поступало.

Левин же, со своей стороны, не делал ничего, чтобы расположить к себе жителей Германии. Он не посещал больниц, не встречался со вдовами, не расточал похвалу немецким авиаторам. У него даже не нашлось вежливых слов в адрес Линдберга; своим успехом тот, по мнению Левина, был обязан исключительно благоприятным погодным условиям, а не мастерству. «Линдбергу повезло, а нам нет, – говорил Левин журналистам. – Будь у нас хотя бы десятая доля удачи Линдберга, мы бы справились гораздо лучше его».

В этот самый момент, к замешательству германских и американских властей, объявился некий немецкий бизнесмен доктор Юлиус Пуппе, которого Левин некогда обманул в США на сделке в 5000 долларов; Пуппе предъявил документ и потребовал передать «Колумбию» в его собственность. Чемберлин же тем временем мило улыбался всем вокруг, но ничего не говорил. Создавалось впечатление, будто, опустившись на землю, он совсем перестал о чем-либо думать, что было недалеко от реальности.

Мир вскоре понял, что ничего особенно увлекательного от Чарльза Левина и тем более от Кларенса Чемберлина не добьешься, и потому быстро утратил к ним интерес.

Линдбергу, находящемуся на борту «Мемфиса», удавалось между тем подогревать интерес к своей персоне даже известиями вроде того, что его едва не смыло волной за борт через три дня после отправки из Шербура. Заголовок передовицы «Нью-Йорк таймс» гласил:

ЛИНДБЕРГ В ОПАСНОСТИ

ВОЛНА ЕДВА НЕ СМЫВАЕТ ЕГО С НОСА ЛАЙНЕРА

Далее говорилось о том, как столь любимый и почитаемый всеми герой отправился после обеда прогуляться по палубе и стоял на носу, как вдруг на палубу обрушилось несколько высоких волн, отрезав его от остальной части корабля. Линдбергу пришлось ухватиться за штормовой леер, чтобы удержаться на ногах и, возможно, не быть смытым за борт. Б. Ф. Махоуни, владелец «Райан-Эйрлайнз», также стоял на палубе, но по другую сторону перекатывавшихся волн. Линдберг прождал минут десять, пока волны успокоятся, а потом поспешил в более безопасное место. «Это было восхитительно», – вспоминал Линдберг впоследствии. Но членам экипажа этот случай, скорее всего, показался дурным предзнаменованием. Судно «Мемфис» было спущено на воду вместо прежнего «Мемфиса», который затонул при загадочных обстоятельствах в Карибском море в 1916 году и на котором погибло около сорока человек. Многие моряки были уверены, что «Мемфис» – это проклятое название.

Пока Линдберг был недоступен, Америка хваталась за любую возможность развлечься, даже самую непритязательную. В этом публике решил помочь некий Элвин Келли по прозвищу Кораблекрушение. 7 июня, в одиннадцать часов утра Келли взобрался на пятидесятифутовый флагшток, установленный на крыше отеля «Сент-Фрэнсис» в Ньюарке, штат Нью-Джерси. Там он просидел несколько дней, ничего не делая, но люди, тем не менее, устремились в Ньюарк, чтобы взглянуть на него своими глазами.

Келли вырос в «Адской кухне», самом опасном и неблагополучном районе Манхэттена. За семь месяцев до его

рождения, отец Келли, работавший на стройке, упал с большой высоты, когда его помощник потянул не за тот рычаг подъемного крана, и разбился насмерть. Мать его умерла при родах. Келли взял на воспитание тот самый помощник, который был виновен в гибели отца. В тринадцать лет подросток сбежал на море и следующие пятнадцать лет прослужил моряком. Свое прозвище, согласно журналу «Тайм», он получил после того, как пережил крушение «Титаника» в 1912 году, но, скорее всего, это был чистый вымысел журналиста. По всей видимости, прозвище это прилипло к нему в тот непродолжительный период, когда он выступал боксером под именем «Моряк Келли», но его так часто избивали (однажды он проиграл одиннадцать боев подряд), что все стали называть его «Моряком с кораблекрушения». Сам Келли утверждал, что пережил еще пять настоящих кораблекрушений, две авиакатастрофы, три автокатастрофы и крушение поезда, и все без единой царапины. После бокса он успел поработать верхолазом, исполнителем трюков на аэроплане и «человеком-мухой» (в обязанности которого входило забираться на высокие здания в рекламных целях). На флагшток он впервые забрался в 1924 году, после чего сделал это занятие своим бизнесом.

Обычно Келли сидел несколько дней или даже недель на крошечной площадке – обитом тканью диске размером с сиденье табурета, – прикрепленной к самой вершине флагштока на крыше высотного здания. Наиболее любопытные платили по 25 центов, чтобы пройти на крышу, где могли понаблюдать за Келли с относительно близкого расстояния и даже вступить с ним в беседу. Остальные толпились на улицах внизу, мешая транспорту, вытаптывая газоны и ломая ограды. Еду, бритвенные принадлежности, сигареты и другие необходимые вещи Келли поднимал к себе с помощью веревки. Чтобы не свалиться во сне, он привязывал себя за ноги к флагштоку и вставлял большие пальцы в специально просверленные дырки по краям сиденья. Обычно он дремал не более двадцати минут подряд, так что не успевал заснуть глубоким сном и полностью утратить контроль за своим телом. Время от времени, чтобы развлечь толпу и размять затекшие мышцы, он вставал на свою шаткую платформу. Действие это требовало изрядной ловкости и немалой смелости, особенно когда дул ветер. В остальное время он почти не шевелился. История умалчивает, как он удовлетворял другие физиологические

потребности. Отчасти загадку проясняет тот факт, что за два дня до «представления» и во время его он не ел ничего твердого, а только пил молоко, бульон и кофе. В день он выкуривал четыре пачки сигарет. В остальное время просто сидел. Сам себя он рекламировал, как «Самый везучий из живых дураков».

Можно сказать, что представление в Ньюарке стало пиком непродолжительной карьеры Келли-Кораблекрушения. После он еще не раз взбирался на флагштоки, и однажды даже просидел почти сорок пять дней, несмотря на мокрый снег, грозу и другие метеорологические беды. Но мир потерял интерес к нему, и «флагштоковый бизнес» заглох. Келли исчез из виду и объявился только в августе 1941 года, когда его арестовали за вождение автомобиля в пьяном виде в штате Коннектикут. Умер он в 1952 году на нью-йоркской улице от сердечного приступа, и к тому времени жил в бедности. При досмотре тела у него обнаружили вырезки с газетными статьями о его старых «подвигах». На момент смерти ему, по разным данным, было от пятидесяти девяти до шестидесяти семи лет.

Но даже в 1927 году интерес газет к чудаку из Ньюарка пропал через несколько дней, поскольку ничего любопытного, кроме того, что он продолжает сидеть, не было. К тому времени, как он спустился и поцеловал свою невесту, просидев на флагштоке двенадцать суток и двенадцать часов, публике уже надоело толпиться вокруг здания, а пресса едва обратила внимание на этот факт.

Кроме того, прямо в это же время разворачивалась другая, более захватывающая история. Чарльз Линдберг вернулся домой.

Чем большую известность обретал ее сын, тем яснее становилось, что его мать, Евангелина Лодж Линдберг, женщина со странностями. Когда ее пригласили приехать на восток страны, на встречу с сыном, она отклонила приглашение остановиться у мистера и миссис Кулидж, и вместо этого сняла номер в балтиморском отеле.

Служащие Белого дома не знали, куда подевалась миссис Линдберг, и, естественно, были встревожены. Потерять мать национального героя накануне его возвращения – это был бы величайший скандал! К счастью, одна газета выдала ее местонахождение, и служащие послали за ней автомобиль, на котором она нехотя согласилась вернуться в Вашингтон.

Кулиджи тогда жили не в Белом доме. Они переехали из него в марте, когда начался срочный ремонт крыши и третьего этажа. Президентская чета поселилась в доме, который называли «временным Белым домом», – в особняке по адресу Дюпонт-Серкл, 15, который им предоставила Сисси Паттерсон, известная журналистка из влиятельных издательских кругов «Чикаго трибюн» и «Нью-Йорк дейли ньюс».

Когда миссис Линдберг наконец-то приехала, ей представили другого гостя дома – «похожего на гнома человечка сорока пяти лет», вездесущего Дуайта Морроу. Похоже, миссис Линдберг понравилось находиться в обществе мистера Морроу – он славился своей благосклонностью – и это было как нельзя кстати, ведь не прошло и двух лет, как их дети сочетались браком.

Морроу сколотил почти баснословное состояние, будучи банкиром из фирмы J. P. Morgan & Co. В Энгелвуде, штат Нью-Джерси, у семейства Морроу был большой дом, который обслуживало тридцать два слуги, но который оно посещало преимущественно только по выходным. В будни они жили в просторных апартаментах на Манхэттене. Сплетням о рассеянности и забывчивости мистера Морроу не было числа, и их перепечатывали в таких журналах, как «Нью-Йоркер», в рубрике «Городские разговоры». Чаще всего вспоминали случай, когда Морроу принимал ванну, забыв снять

одежду. В другой раз он постучал по лысине посетителя трубкой, выбивая из нее пепел. Однажды знакомый встретил Морроу на Центральном вокзале; тот выглядел взволнованным и беспомощно обшаривал свои карманы. «Потеряли билет?» – спросил знакомый. «Хуже, – грустно ответил Морроу, – я не могу вспомнить, куда собирался поехать».

Из-за неспособности Морроу следить за своим внешним видом банку Моргана приходилось нанимать особого служащего для мужской комнаты, который присматривал только за тем, чтобы Морроу выходил из нее застегнутым как следует. Сказать по правде, главной причиной многих таких случаев становилась не столько забывчивость, сколько опьянение. Похоже, что он был безнадежным алкоголиком. И все же он обладал чрезвычайно острым умом, полностью затуманить который не могли никакие напитки. На протяжении многих лет он считался одним из самых надежных старших партнеров J. P. Morgan & Co. Йельский и Чикагский университеты предлагали стать ему их президентом.

Морроу и Кулидж дружили еще со школьных лет по Амхерсту. Морроу был, пожалуй, одним из немногих, кто в те годы верил в будущее величие Калвина Кулиджа. В 1920 году он основал комитет для выдвижения Кулиджа в президенты, который тогда был губернатором Массачусетса. В итоге Республиканская партия выбрала более харизматичного Уоррена Г. Гардинга, но постом вице-президента Кулидж во многом обязан именно закулисной поддержке Морроу. Благодарности Морроу так и не дождался. Когда через три года Гардинг скончался и президентом стал Кулидж, все ожидали, что он назначит Морроу государственным секретарем или министром финансов. Но до 1925 года Кулидж вообще не назначал Морроу на какой бы то ни было пост, а потом, словно чтобы отделаться, поставил его во главе комиссии по разработке правил безопасности коммерческой авиации.

Сейчас же ему предложили отправиться послом в Мексику – еще одно сомнительное предложение, поскольку в Мексике после революции были чрезвычайно сильны антиамериканские настроения. По всей стране рыскали бандиты, убивавшие иностранцев. Но Морроу ответил согласием.

Утро 11 июня – в тот самый «День Линдберга» – выдалось жарким и ясным. Лайнер «Мемфис» подошел к причалу Вашингтонской верфи в сопровождении четырех эсминцев, восьмидесяти восьми самолетов, двух гигантских дирижаблей (один из них был «Лос-Анджелес», последней задачей которого было прочесывать Северную Атлантику в поисках следов Нунжессера и Коли) и множества частных судов, которые из-за своих непредсказуемых маневров вносили в мероприятие элемент неожиданности и хаоса. На берегу царила праздничная атмосфера; играли оркестры, а толпа издавала радостные крики. Среди встречавших была и миссис Линдберг, но, к удивлению многих, отсутствовал президент. Сказать по правде, Калвин Кулидж не испытывал симпатии к морским мероприятиям и даже опасался их. Незадолго до этого он должен был осматривать военно-морской флот США с мостика президентской яхты «Мэйфлауэр» в Хэмптон-Роудсе, но еще до того, как яхта пришла в движение, президента охватил приступ морской болезни. Он отказался облачаться в униформу военно-морского флота, что было нарушением регламента и оскорблением флота. Всего через двадцать минут он спустился в каюту и завершил обзор, сидя в кресле перед иллюминатором. Линдберга же он предпочел дожидаться в городе.

Миссис Линдберг доставили на борт судна, и она встретилась с Чарльзом с глазу на глаз в каюте капитана. Затем оба вышли на палубу. Чарльз в синем костюме выглядел отдохнувшим после недели, проведенной в море. Толпа встретила его оглушительными воплями восхищения, и тут же был произведен салют из двадцати одного орудия – обычно такой чести удостоивались только главы государств. По всему городу загудели фабричные гудки и зазвенели церковные колокола.

Посреди всего этого гама радиокomentатор по имени Грэм Макнейми продолжал свою размеренную речь. Макнейми и сам был исторической личностью. Его речь передавали пятьдесят станций по всей стране, принадлежавшие недавно образованной Национальной широкораспространительной компании (National Broadcasting Company, NBC) – первой радиосети Америки (да и всего мира). Телефонные кабели компании AT&T длиной в двенадцать тысяч миль передавали сообщения с одного побережья США до другого. Утверждалось, что

включены были почти все радиоприемники, какие только имелись в стране. Ни один человек в истории еще не обращался к такому количеству людей одновременно, как Грэм Макнейми.

Голос Макнейми стал самым популярным и узнаваемым голосом Америки по чистой случайности. Он, как и Линдберг, родился и вырос в Миннесоте и поехал в Нью-Йорк, желая стать оперным певцом. В 1923 году он проходил по Бродвею мимо студии радиостанции WEAФ. Вспомнив о том, что радиостанции иногда устраивают прослушивание, он спросил, нельзя ли ему показаться кому-нибудь из начальства. Его принял руководитель радиостанции Сэмюэл Л. Росс, которому голос Макнейми – теплый и ясный – показался идеальным для радио, и он нанял его в качестве диктора, сообщавшего программу передач и читавшего новости; иногда ему случалось даже петь. Осенью того же года WEAФ получила права на освещение матчей в рамках «Мировой серии» между «Янкиз» и «Джайентс». Тогда радиослушатели впервые получили возможность следить за бейсбольной игрой такого уровня в прямом эфире. Главным комментатором был назначен У. О. Макгихан из компании Tribune, а Макнейми должен был ему помогать. Оказалось, что Макгихан не обладает талантом к комментированию. Он говорил все время ровным и скучным тоном, а во время пауз в игре замолкал и не делал никаких попыток оживить рассказ. Во время четвертого иннинга третьего матча он сказал, что больше не хочет работать, и ушел. У Макнейми не оставалось выбора, кроме как продолжить освещать игру самому, что для него было довольно непростой задачей, поскольку он не особенно разбирался в профессиональном бейсболе.

Но он был прирожденным комментатором. Он описывал болельщиков, погоду и гул возбужденных голосов на стадионе; он находил в толпе знаменитостей и описывал, как они одеты. Он делился своими ощущениями с радиослушателями, как будто они были его старые знакомые. Слушателям нравились его трансляции, хотя он не всегда понимал, что происходит на поле. Спортивный комментатор и журналист Ринг Ларднер однажды написал: «Не знаю даже, какую описывать игру – ту, которую я сам видел сегодня, или ту, о которой услышал от Грэма Макнейми, когда сидел рядом с ним на “Поло-Граундс”». Вскоре Макнейми стал самым узнаваемым голосом Америки, комментировавшим не только игры «Мировой серии», но и

все другие сколько-нибудь значащие события, такие как чемпионаты, политические съезды, Кубок Роуза и возвращение Чарльза Линдберга.

Во многих отношениях День Линдберга в Вашингтоне стал днем взросления радио. Сейчас трудно представить, какой новинкой было радио в 1920-х годах. Его воспринимали, как чудо. Ко времени полета Линдберга на покупку радиоприемников американцы тратили до одной трети всех денег, которые они расходовали на предметы домашнего обихода. Повсюду, как грибы, возникали радиостанции. За один день 1922 года число радиостанций в США увеличилось с 28 до 570. Основать радиостанцию мог кто угодно. Своя радиостанция была у птицефермы «Нашог» в Нью-Лебаноне, штат Огайо, как и у многих универмагов, банков, магазинов скобяных товаров, церквей, газет и школ. Но даже на крупных станциях постановки и передачи были, по сути, любительскими. Когда Норман Брокеншир, диктор WHN в Нью-Йорке, не знал, чем заполнить паузу, он говорил: «Дамы и господа, а теперь послушайте звуки города Нью-Йорк!» и высовывал руку с микрофоном из окна.

Новые технологии привлекали далеко не всех. Многие верили, что невидимые волны, витающие в воздухе, могут представлять опасность. Согласно одному слуху, радиоволны служили причиной гибели птиц, которые падали на землю и разбивались. Но в целом люди воспринимали радио с энтузиазмом. Возможность сидеть в комнате и слышать, что происходит сейчас в каком-нибудь далеком месте, казалась сродни телепортации. Когда авторы рекламы писали: «Радио преодолевает время и пространство!», они не столько преувеличивали, сколько констатировали факт. Для многих радиопередача о возвращении Линдберга в Америку стала почти таким же грандиозным событием, как и само возвращение.

«Вот он идет, этот парень! – воскликнул Макнейми, когда Линдберг показался на борту «Мемфиса». – Сейчас он стоит спокойно, как будто бы ничего не случилось... Выглядит весьма серьезным и ужасно привлекательным. Чертовски приятный парень!» Около тридцати миллионов радиослушателей, затаив дыхание, вслушивались в эти слова. По щекам самого Макнейми текли слезы, но они этого не видели.

Среди встречавших были министр ВМФ и министр обороны, ряд высших руководителей ВМФ, в том числе и командор Ричард И. Бэрд в

белоснежной форме. Казалось странным, что он до сих пор никуда не улетел. Многие задавались вопросом, собирается ли он вообще лететь в Европу. Правда, вряд ли Бэрд с Линдбергом могли бы обсудить этот вопрос сейчас, тем более что Линдберга посадили вместе с матерью в «Пирс-Эрроу» с открытым верхом и с эскортом повезли к монументу Вашингтона.

Неизвестно, сколько людей выстроились в тот день вдоль улиц Вашингтона, но, согласно всеобщему мнению, это было самое людное мероприятие за всю историю столицы. Пока кортеж двигался к Национальной аллее, Линдберг иногда махал рукой, но в основном просто смотрел на толпу. Многие люди на улицах плакали, «сами не зная почему», как утверждал Фицхью Грин, путешественник и писатель (редактор вышедшей в 1927 году книги Линдберга «Мы»). Все пространство вокруг монумента Вашингтона было заполнено людьми — целое море голов, — а на всех деревьях, словно рождественские украшения, расселись мальчишки. У подножия монумента была установлена платформа с навесом, на которой собрались президент Кулидж и все министры, за исключением одного — Герберта Гувера, который в этот момент находился в Галфпорте, штат Миссисипи, где по-прежнему помогал бороться с наводнением. Наводнение не утихало, но все, кого оно не затронуло напрямую, уже почти позабыли о нем. Даже умелые пропагандисты Гувера не могли удержать его в центре внимания, особенно сейчас, когда все передовицы были посвящены Линдбергу.

Когда Линдберг, наконец, взошел на платформу, он кивком поприветствовал собравшихся под громкие радостные крики толпы. Президент Кулидж произнес краткую приветственную речь, прикрепил Крест летных заслуг к лацкану авиатора и жестом предложил тому произнести свою речь. Линдберг склонился над микрофоном, потому что микрофон был установлен слишком низко для него, сказал, как сильно он рад присутствовать на этом мероприятии, поблагодарил всех в немногих словах и сделал шаг назад. Наступило неловкое молчание — всем вдруг показалось, что перед ними два самых молчаливых человека в Америке и что церемония, по сути, уже закончилась. Но тут вновь раздались ликующие крики толпы и все захлопали, да так, что «едва не отбили себе ладони». Многие плакали.

И с этого момента у Линдберга началась новая жизнь – жизнь публичного человека. С этих пор он с утра до ночи должен был присутствовать на разнообразных банкетах, выслушивать бесконечные речи и долго пожимать всем руки. Всего за тридцать шесть часов, проведенных им в Вашингтоне, полковник Линдберг (его заодно произвели в полковники) посетил три банкета, произнес несколько коротких речей, навестил больных солдат в госпитале Уолтера Рида, возложил венок на могилу Неизвестного солдата и побывал в Капитолии. Повсюду, куда бы он ни направился, собирались многочисленные толпы. Но это была лишь прелюдия к тому, что ожидало его в Нью-Йорке.

В 1920-х годах Америка стала нацией, устремившейся ввысь. К 1927 году в стране насчитывалось около пяти тысяч высотных зданий – больше, чем во всех других странах мира, вместе взятых. Даже в техасском городе Бомонт располагалось шесть зданий в десять и более этажей, что было больше, чем в Париже, Лондоне, Берлине и любом другом европейском городе. Компания Дж. Л. Хадсона в Детройте в 1927 году открыла крупнейший универмаг более чем в двадцать этажей, а в Кливленде была сооружена пятидесятидвухэтажная башня Терминала, второе по высоте здание мира. Власти Лос-Анджелеса приняли строгие ограничения по высоте застройки – и этим Лос-Анджелес во многом обязан тем, что занимает сейчас такую большую территорию, – но при этом утвердили план мэрии в двадцать восемь этажей, нарушавший эти ограничения. Казалось, что страна просто не может остановиться в своем движении вверх.

По мере того как росли здания, рос и поток рабочих в города. В 1927 году в центр Бостона ежедневно стекалось 825 000 человек – больше, чем все население города. Питтсбург принимал 355 000 рабочих ежедневно; Лос-Анджелес и Сан-Франциско – по 500 000 каждый, Чикаго и Филадельфия – по 750 000. Нью-Йорк и в этом установил рекорд – в него на работу ежедневно приезжали 3 миллиона человек.

В 1927 году Нью-Йорк опередил Лондон и стал самым населенным городом мира, но еще задолго до этого он был чемпионом по происхождению населявших его людей. Четверть из восьми миллионов его жителей родились за границей; в нем насчитывалось

больше иностранцев по происхождению, чем всего жителей в Филадельфии. Разумеется, приезжали в него и американцы. После окончания Первой мировой войны в него приехали двести тысяч чернокожих американцев с юга; десятки тысяч устремились сюда после Миссисипского наводнения.

Помимо того, что Нью-Йорк был центром различных сфер обслуживания – банковской, биржевой, издательской, рекламной, художественной, он еще был и крупнейшим промышленным центром страны. Здесь располагалось около тридцати тысяч заводов и фабрик. Город производил десятую часть всей американской продукции. Через порт Нью-Йорка отправлялось более 40 процентов товаров, предназначенных для продажи за рубежом, а также на его долю приходилась основная часть международного пассажирского потока. С причалов на западе Манхэттена ежедневно в море отправлялось порядка двенадцати тысяч пассажиров, и проводить их приходило около двадцати пяти тысяч человек. Улицы прилегающих кварталов были забиты транспортными пробками с восьми утра до второй половины дня.

Каждые четыре года население города увеличивалось на количество, равное количеству жителей Бостона или Сент-Луиса. Застройщики не поспевали за ростом населения. В один из моментов 1926 года здесь строилось или перестраивалось более тысячи офисных зданий. Чтобы уменьшить скученность, правительство города ввело новые строгие правила, разрешив строить высотные здания только на больших участках, дальше друг от друга и так, чтобы на улицах было больше света. В результате, как оказалось, темпы роста только увеличились, поскольку для того, чтобы принести выгоду, здания на больших участках должны были быть поистине огромными. Небоскребы стали постепенно захватывать северную часть Манхэттена. В 1927 году на долю Нью-Йорка приходилась половина небоскребов страны, и половина из них располагалась в Мидтауне^[14].

Большинство новых зданий создавали огромную нагрузку на инфраструктуру города. Когда в начале 1927 года по адресу Лексингтон-авеню, 420, выросло самое высокое офисное здание в мире, Грейбар-билдинг, в него одно ежедневно съезжались двенадцать тысяч офисных служащих. В одном квартале Манхэттена теперь могли находиться около пятидесяти тысяч человек. Все это делало Нью-Йорк

самым уплотненным городом планеты, обитать в котором и передвигаться по которому было нелегко. Но здесь же устраивались и самые великолепные зрелища, вроде торжественных процессий с серпантинами и конфетти, как та, которую городу вот-вот предстояло увидеть.

В понедельник 13 июня Чарльз Линдберг сам прилетел в Нью-Йорк на предоставленном ему самолете ВМФ и приземлился на Митчел-Филд на Лонг-Айленде, откуда его немедленно доставили на борт гидроплана, чтобы совершить небольшой перелет до центра города. Он не ожидал – да и никто бы на его месте не ожидал – увидеть такую необычайную толпу. Казалось, на улицы вышел весь крупнейший в мире город.

Гавань была усеяна многочисленными катерами и баржами; в самом Манхэттене от Центрального парка до южной его оконечности люди теснились на всех улицах и в переулках, выглядывали из всех окон и взбирались на все крыши. Никто не мог с точностью утверждать, сколько человек были свидетелями этой процессии. Согласно большинству оценок – от четырех до пяти миллионов. Это вполне могло быть самое многолюдное мероприятие в истории, посвященное одному человеку.

В гавани Линдберг пересел на яхту мэра (подарок городу от Родмана Уонамейкера), которая доставила его до Бэттери-парка, откуда и началась торжественная процессия. В парке планировалось устроить легкий фуршет, но толпа журналистов и фотографов, добравшихся туда первыми, уже опустошила все столы, так что Линдбергу пришлось приступить к праздничному мероприятию на пустой желудок.

В Бэттери-парке, по некоторым оценкам, его ожидали три тысячи человек. Там он сел на заднее сиденье «Паккарда» с открытым верхом рядом с мэром Джимми Уокером, на голове которого красовался цилиндр, казавшийся устаревшим даже для того времени. Линдберг, как всегда, был без головного убора. Автомобиль вырулил на Бродвей и поехал под дождем серпантина и конфетти. Временами этот дождь становился настолько плотным, что те, кто следил за движением главного автомобиля, теряли Линдберга и Уокера из виду. Торжество не имело себе равных. В день празднования окончания войны в 1918 году уборщики вывезли с улиц 155 тонн мусора. После парада в честь

Линдберга было вывезено 1800 тонн. Некоторые зрители в возбуждении выбрасывали весь бумажный мусор из корзин в офисах вместе с возможными тяжелыми предметами. На следующий день среди бумажных телеграфных лент были обнаружены телефонные книги и деловые справочники; просто удивительно, что никто не пострадал от них.

В рядах ликующей толпы стояла и никем не узнанная молодая женщина по имени Гертруда Эдерле, которую с полным правом можно назвать самым забытым человеком Америки. Она родилась в семье немецких эмигрантов – ее отец владел мясной лавкой на Амстердам-авеню – и увлекалась плаванием. В 1922 году она побила шесть национальных рекордов. Обладая невероятной силой, она могла без труда преодолевать большие дистанции. В августе 1926 года она не только стала первой женщиной, переплывшей Ла-Манш, но и сделала это быстрее всех мужчин. Этот факт настолько поразил ее соотечественников, что они тоже устроили ей торжественный прием с серпантином; некоторое время ее популярность была настолько высока, что за ней постоянно следовали любопытные зеваки.

На пике своей славы Эдерле получала коммерческие предложения стоимостью в 900 000 долларов, но ее менеджер считал, что она заслуживает большего, и не позволял ей их подписывать. К сожалению, мир решил, что вне своей любимой стихии Труди Эдерле не особенно интересна и привлекательна. Она была полновата и не блистала красотой. К тому же у нее были проблемы со слухом, из-за чего во время интервью она казалась раздражительной и нетерпеливой. Как только Эдерле вернулась домой, Ла-Манш переплыла еще одна американка – Милле Гейд, датского происхождения, и достижение Эдерле стало выглядеть не таким уж грандиозным. Мир быстро утратил интерес не только к Гертруде Эдерле, но и к Ла-Маншу вообще. В итоге на выступлениях сама Гертруда заработала только 19 793 доллара. Ко времени парада в честь Линдберга она получала 50 долларов в неделю, работая инструктором по плаванию, и могла ходить по городу, не опасаясь внимания посторонних. Когда же о ней вообще вспоминали, то только в качестве примера того, какая участь, вне сомнения, ожидает и Линдберга.

Процессия двигалась долго, почти весь день, с остановками у Ратуши Нью-Йорка, собора Святого Патрика и Центрального парка. Это был первый из четырех весьма напряженных дней для Линдберга. Далее его ожидали приемы, речи, собрания и еще парады, а также запоздалое посещение «Рио-Риты» в новом театре Зигфелда. На время пребывания в Нью-Йорке Линдбергу и его матери предоставили большие апартаменты в доме № 270 по Парк-авеню, владельцем которого был не кто иной, как Гарри Фрейзи – человек, который продал Бейба Рута «Янкиз». По случайному совпадению это здание было знакомо и Шарлю Нунжессеру, потому что в нем проживала его любовница Консуэло Хартмейкер, когда он ухаживал за ней. Именно в апартаментах Фрейзи миссис Линдберг нехотя согласилась принять журналистов, собравшихся на неформальную пресс-конференцию. Ее выступление можно было смело назвать мастер-классом по тому, как не следует отвечать на вопросы.

– Как вы думаете, чем ваш сын займется дальше? – спросил один из журналистов.

Миссис Линдберг сказала, что не имеет ни малейшего представления.

– Он привез какие-нибудь сувениры из Парижа? – спросил другой.

– Нет.

– А вы хотели бы когда-нибудь перелететь через Атлантику вместе со своим сыном?

– Он меня об этом не спрашивал.

– Какие у вас планы на ближайшие несколько дней?

– Это решает организационный комитет.

И так полчаса, пока у репортеров не закончились вопросы и не наступила неловкая тишина. Когда вошел помощник и сказал, что миссис Линдберг ожидают в другом месте, она заметно вздохнула от облегчения.

– Я и так наговорила слишком много, – призналась она.

Нельзя было не признать, что Линдберги обладают некими странностями в поведении, а когда они находятся вместе, то странности эти только усиливаются. Вечером после парада Чарльз и его мать в сопровождении мэра Уокера поехали в поместье мультимиллионера Кларенса Х. Маккея на Лонг-Айленд, где должен был проходить банкет с последующими танцами. Вскоре после ужина

Линдберг куда-то исчез. В панике Маккей приказал прочесать все поместье, не зная, что случилось с самым главным его гостем. Оказалось, что Линдберг с матерью поехали обратно на Манхэттен, не сказав ни слова ни хозяину, ни губернатору, ни мэру, ни кому бы то ни было из пятисот других гостей. Они также не сообщили мэру, что оставляют его без автомобиля.

Целых три дня статьи о Линдберге заполняли передовые полосы «Нью-Йорк таймс», как и несколько последующих полос. В день торжественной встречи о Линдберге говорилось на первых шестнадцати страницах газеты. Широкая публика настолько жадно интересовалась всем, что было связано с Линдбергом, что когда миссис Линдберг отправилась на вокзал Пенсильвания, чтобы сесть на поезд, следующий на Средний Запад, ее охраняли от толпы пятьсот полицейских.

Линдберг теперь был самым привлекательным из «живых объектов инвестиций» на планете. Его забрасывали разнообразными предложениями – снять фильм, написать книгу или статью в журнале, прорекламировать продукцию самого разного вида, появиться в постановке варьете, выступить с лекциями в разных уголках света. Как он сам вспоминал, ему пообещали 500 000 долларов и процент от прибыли, если он снимется в посвященном ему самому фильме, и 50 000 долларов за рекламу популярной марки сигарет. Другая компания предложила ему миллион долларов, если он найдет девушку своей мечты, женится на ней и увековечит эти события на пленке. Серьезные люди из Вашингтона советовали ему заняться политикой. Позже Линдберг писал: «Мне сказали, что если я займусь политической карьерой, то у меня будут неплохие шансы даже стать президентом».

Желающих воспользоваться его именем без разрешения или уведомления было настолько много, что ему пришлось обратиться в детективное агентство, которое пресекло бы все попытки подобного рода. «Нью-Йорк таймс» писала о некоем предпринимателе из Кливленда, который нашел железнодорожного механика по имени Чарльз Линдберг, ничего не знавшего об авиации, и сделал его номинальным главой компании «Корпорация аэронавтики Линдберга», планируя продать ее акции за 100 миллионов долларов доверчивой публике.

Кульминацией недели Линдберга стал званый ужин, устроенный в его честь городской администрацией Нью-Йорка в отеле «Коммодор». Согласно «Нью-Йорк таймс», на ужине присутствовало 3700 гостей – все мужчины, поскольку женщин не приглашали. Это был крупнейший званый ужин, который когда-либо организовывала нью-йоркская администрация. Все газеты наперебой восторгались числами, описывая угощения и сервировку: 300 галлонов черепашьего супа, 2000 фунтов рыбы, 1500 фунтов ветчины из Виргинии, 6000 фунтов кур, 125 галлонов горошка, 15 000 булочек, 2000 головок латука, 100 галлонов кофе, 800 кварт мороженого, 12 000 пирожных, 300 фунтов сливочного масла, 36 000 чашек и тарелок, 50 000 серебряных столовых приборов – хотя стоит признать, что в разных изданиях числа приводились разные. Начало ужина было намечено на семь часов вечера, но из-за того, что нужно было как-то рассадить по стульям такую массу народа, к еде все приступили только в девять часов. Речи начали произносить только в одиннадцать, на три часа позже запланированного времени.

Вечером 15 июня Линдбергу пришлось в очередной раз убедиться в том, насколько суматошной стала его жизнь. После долгого дня, полного речей и приемов, он наконец-то попал на представление «Рио-Риты», но зрители пришли в такой восторг, что для того, чтобы их утихомирить, пришлось вызвать полицию, и представление началось на час позже. Не успело оно закончиться, как Линдбергу нужно было выезжать на ужин в честь Нунжессера и Коли в расположенном неподалеку театре Рокси. Там он вежливо просидел еще час. А потом тихо выскользнул через черный ход и уехал на Митчел-Филд, где поверх фрака надел куртку летчика и улетел в Вашингтон.

В Вашингтоне он проследил за починкой «Духа Сент-Луиса», сел в знакомую кабину и вернулся на самолете в Нью-Йорк. В семь тридцать утра он приземлился на Митчел-Филд, довольный тем, что его любимая машина опять находится в его распоряжении. Быстро приняв душ и переодевшись, он вернулся в апартаменты Фрейзи, а оттуда, не сомкнув глаз, отправился на очередные торжества.

Как выяснилось, планы на этот новый день были составлены совершенно нереалистичные. Его повезли на долгую церемонию в Бруклин, во время которой он должен был выступить перед двумя тысячами человек в Проспект-парке. Затем был намечен официальный

обед в местном отделении организации «Рыцари Колумба». После этого предполагалось, что он поедет на стадион «Янки-Стэдиум», где проследит за игрой «Янкиз» с «Браунз» из Сент-Луиса, а потом вернется на Манхэттен, чтобы получить приз Ортейга в отеле «Бреворт», после чего будет присутствовать на еще одном званом ужине.

На «Янки-Стэдиум» специально для такого случая были заново покрашены три секции трибун; встречали его двенадцать тысяч болельщиков. Бейб Рут пообещал сделать хоум-ран в честь Линдберга, но к началу матча знаменитый авиатор так и не появился. Игроки и болельщики напрасно прождали почти полтора часа, но когда стало известно, что он все еще на Манхэттене, судья подал знак начинать игру без него.

Сезоны в бейсболе проходили неспешно, и на этой стадии никто еще не предполагал, что этот сезон окажется невероятно удачным не только для Бейба Рута, но и для «Янкиз» в целом. Перед началом сезона Рут признался журналисту, что не ожидает повторения своего рекорда по хоум-ранам 1921 года. «Для этого нужно рано начинать, и питчеры должны сыгаться с тобой, – сказал он. – Я не начинаю рано, и питчеры не так уж и часто подавали мне четыре сезона». Словно в доказательство этого, он покинул первый матч, пожаловавшись на головокружение, и весь первый месяц сезона ему не удавалось отбивать как следует. 21 мая, в тот день, когда Линдберг приземлился в Париже, у Рута за плечами насчитывалось всего 9 хоум-ранов за 32 игры.

А потом произошли два события: на экраны вышел фильм «Бейб возвращается домой», и Рут неожиданно ожил. Один бог ведает, как этот фильм расшевелил его, но именно в этот самый момент Рут сделал пять хоум-ранов за два дня, причем в одном случае, в Филадельфии, он послал мяч так далеко, что тот вылетел за пределы стадиона и попал в двухэтажный дом через улицу. 7 июня количество сделанных Рутон хоум-ранов выросло до 18, а это уже давало повод надеяться на рекорд. Два дня спустя, в игре против чикагской команды на «Янки-Стэдиум», Рут украл домашнюю базу, то есть сделал то, что обычно не делают тридцатидвухлетние мужчины с начинающим расти животиком. Сезон вдруг стал интересным.

Рут сдержал слово и выполнил хоум-ран в честь Линдберга в День Линдберга. Это произошло в конце первого иннинга в противостоянии с Томом Захари, который позже, в конце сезона, в игре против Рута сделает еще более зрелищный хоум-ран. Вслед за Рут на площадку вышел Лу Гериг и также выбил хоум-ран, примерно в том же направлении. К сожалению, Линдберг не стал свидетелем ни одного из них. «Я старался ради него, а он даже не объявился, – жаловался Рут впоследствии. – Он что, думает, что мы какая-то второстепенная лига?»

Но Линдберг не был виноват в том, что не успел на стадион. Его всюду задерживали люди, желавшие поговорить с ним, пожать ему руку и завладеть вниманием. Поэтому он освободился только после пяти часов, когда игра уже заканчивалась. Было решено, что заезжать на стадион все равно не имеет смысла, кортеж развернулся и поехал обратно в город, на вручение приза Ортейга из рук самого Реймонда Ортейга в отеле «Бреворт» в Гринвич-Виллидж. Там, как и везде, его поджидала толпа, и ему пришлось протискиваться в двери через море вытянутых рук.

К тому времени Линдберг уже имел довольно ошарашенный вид. Историк Хендрик Ван Лоон, встретившийся с ним посреди всей этой суматохи, высказывал серьезные опасения: «Никогда еще я не видел настолько безнадежно уставшего человека, как этот парень, мозг которого продолжал работать, тогда как тело его уже не поспевало. Еще три дня таких мучений, и жадные до сенсаций преследователи замучают его до смерти». В действительности Линдбергу пришлось терпеть все это больше трех дней, и каждый день был хуже предыдущего.

По крайней мере, ему повезло встретиться с Реймондом Ортейгом, поскольку Ортейг был приятным человеком, умевшим успокаивать людей и придавать им уверенность в себе. В детстве он был пастухом во Французских Пиренеях, но в 1882 году, в возрасте всего двенадцати лет, поехал вслед за дядей в Америку. Там он выучил английский язык, устроился на работу официантом в гостинице и принялся постепенно подниматься по карьерной лестнице – сначала стал метрдотелем, затем управляющим и, наконец, владельцем двух самых шикарных манхэттенских отелей, «Лафайета» и «Бреворта», расположенных в Гринвич-Виллидж. Для Ортейга Линдберг стал

настоящим спасителем. В свое время Ортейг предложил выплатить приз в порыве неожиданной щедрости, но сейчас этот приз стал для француза худшим кошмаром. В попытках получить этот приз погибли шесть человек, и пока Линдберг не приземлился в Париже, казалось, что этот список будет только пополняться. Критики уже называли добродушного Ортейга убийцей, что для него было невыносимо.

Поэтому он с радостью вручил Линдбергу чек на 25 000 долларов, хотя, наверное, ему и было немного жаль расставаться с такой суммой, потому что для 1927 года она была немалой, и он едва мог позволить себе такие крупные траты. К тому же дела его постепенно приходили в упадок по той же причине, по которой разорялись множество других предпринимателей. Причиной этой был Сухой закон.

Вечером 23 июня 1927 года Уилсон Б. Хикок, богатый сорокатрехлетний бизнесмен из Кливленда, штат Огайо (и по совпадению сосед Марона Херрика по пригородному району Кливленд-Хайтс), вернулся с деловой встречи в Нью-Йорке в отель «Рузвельт» и решил перед сном выпить спиртного.

Вскоре после этого Хикок почувствовал неприятное – у него пересохло во рту, заломило в груди и по всему телу пробежала острая боль. Можно представить, как у него выпал стакан из рук, как Хикок, шатаясь и опираясь о стену, подошел к двери, чтобы позвать на помощь, потому что ему становилось хуже с каждой секундой. Органы его отказывали один за другим, тело застывало в параличе – таковы были симптомы отравления стрихнином. До двери мистер Хикок так и не добрался и умер на пороге своего номера, полностью парализованный и не способный пошевелить даже пальцем.

Самое поразительное в смерти мистера Хикока было не то, что он отравился, а то, что его отравило его собственное правительство. Во многих отношениях во всей истории США не было более странного и удивительного десятилетия, чем 1920-е годы, и одним из самых странных явлений был так называемый Сухой закон. Его с полным правом можно назвать самым экстремальным, плохо продуманным, дорогостоящим и плохо исполняемым социальным экспериментом, проведенным в общем-то довольно рациональной нацией. Буквально одним махом была остановлена пятая по размеру отрасль промышленности страны. Ежегодно законное правительство лишалось около двух миллиардов долларов, которые перетекали в карманы сплотившихся в банды преступников. Этот закон превратил уголовников в уважаемых людей, и он нисколько не уменьшил потребление алкоголя в стране, а даже увеличил его.

Но самым нелепым проявлением закона было то, что правительство Соединенных Штатов разрешило вполне легально отравлять случайных граждан, чтобы другие оставались трезвыми. Случай с Уилсоном Хикокком неординарен только в том отношении, что состоятельные граждане редко становились жертвами, поскольку

старались приобретать спиртное у надежных поставщиков. Вот почему в ту эпоху процветали такие люди, как Аль Капоне: они удостоивались уважения хотя бы за то, что просто не убивали своих клиентов.

Смерть Хикока стала следствием того, что не были продуманы многие практические аспекты запрещения производства и распространения спиртных напитков. Алкоголь ведь использовали и для многих других целей, помимо выпивки. Спирт был (и во многих случаях остается до сих пор) важным ингредиентом растворителей, незамерзающих жидкостей и смазок, лосьонов, антисептиков, бальзамирующих составов и многого другого. Поэтому его необходимо было производить для вполне законных целей. Часть этого легально производимого алкоголя (на самом деле очень большая – шестьдесят миллионов галлонов в год по некоторым оценкам) неизбежно попадала в руки бутлегеров, то есть нелегальных его распространителей. Чтобы сделать промышленный спирт непригодным для употребления внутрь, правительство решило «денатурировать» его, то есть смешивать с ядовитыми добавками, вроде стрихнина или ртути. В результате люди, выпившие такой алкоголь, слепли, становились инвалидами или погибали. Денатурированный спирт, выражаясь словами одного не в меру воодушевленного проповедника запрета на спиртное, стал «новым национальным напитком Америки».

Что касается количества тех, кто погиб, выпив денатурат, то цифры сильно разнятся в разных источниках. Уэйверли Рут и Ричард де Рошмон в своей авторитетной книге «Еда в Америке» пишут, что только в 1927 году от спирта, сделанного ядовитым по приказу правительства, погибло 11 700 человек. Другие источники указывают значительно меньшие числа. Тем не менее, какими бы ни были точные показатели, в любом случае это один из самых странных эпизодов в американской истории, когда правительство разрешало поставлять собственным гражданам ядовитую смесь и обрекало их на смерть от того, что незадолго до этого считалось частью цивилизованного образа жизни и что считалось совершенно законным почти во всех остальных странах мира (и что было совершенно безвредным при умеренном употреблении).

Почти все обстоятельства, связанные с Сухим законом, кажутся либо совершенно бессмысленными и бестолковыми, либо каким-то фарсом. Обязанность за исполнение нового закона была возложена на

Министерство финансов США, но оно не обладало необходимыми фондами, штатом квалифицированных сотрудников или хотя бы достаточным рвением выполнять эту обязанность. На выделенные Конгрессом скудные средства так называемый «Департамент запрета» нанял всего 1520 агентов и поручил им невыполнимую задачу – остановить производство и потребление алкоголя среди 100 миллионов граждан (то есть на каждого агента приходилось около 75 000 человек) на площади в 3,5 миллиона квадратных миль, а также следить за контрабандистами на протяжении 18 700 миль сухопутных и морских границ^[15]. Федеральное правительство ожидало, что его поддержат местные органы управления, но штаты не спешили вносить свой вклад в общее дело. В 1927 году каждый штат в среднем тратил в восемь раз больше средств на исполнение законов, связанных с добычей рыбы и дичи, чем на исполнение Сухого закона.

Экономические потери были огромны. Только из-за непоступления налогов на спиртное федеральная казна ежегодно недосчитывалась 500 миллионов долларов – почти десятой части общенационального дохода. На уровне штатов потери бывали еще больше. До Сухого закона налоги на спиртное составляли почти половину доходов Нью-Йорка. Неудивительно, что штаты не находили средств в своих сокращенных бюджетах на исполнение закона, от которого они несли одни убытки.

Зато пышным цветом расцвели подпольные бары и салуны. Только в одном квартале в Мидлтауне на Манхэттене насчитывалось тридцать два заведения, где без труда можно было заказать выпивку. Алкоголь обычно даже не старались сильно прятать, так что иногда создавалось впечатление, что никакого Сухого закона нет. В Чикаго продолжало действовать около двадцати тысяч салунов; в некоторых районах бары работали круглосуточно, не скрываясь под посторонними вывесками. В Нью-Йорке число питейных заведений достигло тридцати двух тысяч, то есть их стало вдвое больше, чем до принятия закона.

И, конечно же, никто не следил за качеством распространяемой в этих местах алкогольной продукции. Один химик на государственной службе из Чикаго вылил незаконно распространяемый алкоголь в раковину и с изумлением наблюдал, как он с шипением растворяет фарфор. Желая из любопытства узнать, что же на самом деле

содержится в таких напитках, «Нью-Йорк телеграм» наняла химика, чтобы тот протестировал 341 образец напитков, купленных в подпольных салунах Нью-Йорка. В них обнаружили такие вещества, как керосин, никотин, бензин, бензол, формальдегид, йод, серная кислота и мыло. Примерно один из шести образцов представлял серьезную угрозу для здоровья.

Возникает вполне разумный вопрос – как до этого дошло дело? В некоторой степени ответ можно найти, если обратиться к личности внешне невзрачного невысокого мужчины с аккуратно подстриженными усами и в пенсне. Несмотря на заурядную внешность, Уэйн Бидвелл Уилер какое-то время был самым влиятельным человеком в Америке, на которого взирали со страхом, и заодно одним из главных злодеев под маской не в меру рьяной праведности – это, конечно, если не разделять его мнения, согласно которому за желание выпить нужно расплачиваться мучительной смертью.

Уэйн Бидвелл Уилер родился в 1869 году в семье фермера из Восточного Огайо. Там же, на ферме, ему однажды проткнул вилами ногу пьяный работник. И хотя в остальном Уилер, по всей видимости, никак не пострадал от невоздержанности в употреблении спиртных напитков, он, тем не менее, решил полностью искоренить алкоголь из жизни американцев и добивался этого с едва ли не религиозным рвением.

Получив юридическое образование, он стал суперинтендантом отделения Антисалунной лиги (АСЛ) в Огайо и быстро продемонстрировал склонность к политическим манипуляциям. В 1905 году он выступил против популярного губернатора Огайо – человека, избранного с самым большим перевесом голосов в истории штата, которого часто называли будущим кандидатом в президенты, но который, к сожалению, не поддерживал стремление АСЛ сделать штат Огайо «сухим». Этого человека звали Майрон Т. Херрик, и он вскоре на своем опыте узнал, что значит перейти дорогу Уэйну Бидвеллу Уилеру. Будучи мастером пропаганды, Уилер никогда не отходил в сторону от намеченной цели, а целью его было сместить любого политика, который не поддерживал запрет спиртного всем сердцем. Для этого он не гнушался любыми средствами и нанимал частных

детективов, чтобы отыскать компромат на недостойных, по его мнению, политиков. Шантаж для него был вполне приемлемым средством добиться желаемого результата.

Единственное, что имело для него значение, – это желание ввести Сухой закон во всей Америке. Если другие группы граждан и общественные организации ставили себе дополнительные задачи (вроде того, чтобы добиться запрета на табак, короткие юбки, джаз или даже регулировать деятельность почтовой службы и провести национализацию коммунальных служб), то Уилер сосредотачивался исключительно на одной цели. По его мнению, пьянство было основной причиной бедности, разводов, финансовых крахов и других зол современного общества.

По сравнению со сверхактивным Уилером мэр Херрик казался слишком слабым политиком, не заинтересованным в общественном благе. Он проиграл в борьбе и никогда больше не избирался ни на одну должность. После него восходящей звездой политики Огайо стал на удивление ничем не примечательный помощник губернатора, Уоррен Г. Хардинг. По всей Америке политики быстро учились поддерживать Уилера и Антисалунную лигу, потому что альтернатива у них была только одна: оставить всякую надежду на переизбрание.

«Уилеризм», как называли политику АСЛ, привел к тому, что во многих штатах торговля алкогольными напитками была запрещена еще задолго до Сухого закона. К 1917 году двадцать семь штатов были полностью «сухими», и еще в нескольких действовали строгие ограничения. Можно было проехать всю страну от Техаса до Дакоты и от Юты до Восточного побережья, не выезжая из «сухой» зоны. Легальная торговля была сосредоточена лишь в нескольких рассеянных центрах иммиграции, преимущественно в крупных городах и промышленных районах с многочисленным населением, заинтересованным в регулярном потреблении алкоголя. В них-то как раз употребление спиртных напитков было глубоко укорененной традицией, и у Антисалунной лиги не было почти никаких шансов изменить местное законодательство или законодательство штата. Но тут Уилеру повезло: началась Первая мировая война.

Поначалу большинство американцев довольствовались ролью удаленных наблюдателей за европейским конфликтом. Но потом Германия допустила ряд тактических ошибок, изменивших

общественное настроение. Во-первых, она начала бомбардировки гражданских целей. Все мы выросли в мире, в котором потери среди мирного населения во время войны – обычное явление, но в 1910-х годах намеренное истребление мирных жителей считалось варварством. Когда немцы в порядке эксперимента начали посылать самолеты к Парижу, чтобы они ежедневно в пять часов вечера сбрасывали по бомбе на город, президент Вудро Вильсон пришел в такую ярость, что отослал властям Германии личную ноту протеста.

Затем Германия объявила, что будет атаковать пассажирские суда. В мае 1915 года немецкая подводная лодка потопила пассажирский лайнер «Лузитания», когда тот находился в нейтральных водах у побережья Ирландии неподалеку от Кинсейла. Судно затонуло за 18 минут, забрав с собой 1200 человек. Треть из них были женщины и дети; 128 жертв были американцами, страна которых даже не находилась с Германией в состоянии войны. Возмущение не заставило себя ждать, но Германия еще и усугубила ситуацию тем, что объявила национальный праздник в честь этого убийства, что было почти невыносимо. Доктор Бернанд Дербург, глава германского Красного Креста в США, заявил, что все, кто находился на борту «Лузитании», получили то, что заслужили. Его выдворили из Америки, и ему еще повезло вернуться домой живым.

Другим так не повезло. В Сент-Луисе толпа схватила некоего немца, который якобы нелестно отзывался о своей новой стране, протащила его по улицам завязанным в американский флаг и повесила. Присяжные не сочли главарей расправы виновными на том основании, что это было «патриотическое убийство». Повсюду предпринимателям из немцев объявляли бойкот или забрасывали окна их предприятий кирпичами. Владельцы немецких фамилий решили на всякий случай сменить их на нечто менее германское. Одним из них был Альберт Шнейдер, который в следующее десятилетие станет известным убийцей Альбертом Снайдером. В ресторанах перестали подавать блюда с немецкими названиями или переименовывали их; «тушеная капуста по-немецки» превратилась в «капусту свободы». В некоторых поселениях принимались постановления, запрещающие исполнять музыку немецких композиторов. В Айове запретили разговаривать на любом другом языке, кроме английского, в школах, церквях и даже по телефону. Когда протестующие заявили, что имеют право слушать

церковную службу на своем родном языке, губернатор Уильям Л. Хардинг ответил: «Молиться на другом языке, кроме английского, все равно бессмысленно. Бог прислушивается к молитвам только на английском языке».

От внимания общественности не ускользнул тот факт, что большинство пивоварен принадлежит людям немецкого происхождения, которые, вероятно, симпатизируют своей исторической родине. Приверженцы трезвого образа жизни утверждали, что пить пиво – это предавать свою родину. «Мы сражаемся с тремя врагами – Германией, Австрией и пьянством» – таков был рекламный лозунг компании Kellogg's, производившей кукурузные хлопья, который она стала распространять сразу же после объявления войны. В каком-то смысле эти утверждения не были лишены оснований. Национальный германо-американский альянс – организация, получавшая основное финансирование от пивоваренных компаний, – как оказалось, не только лоббировала отказ от запрета на производство алкогольных напитков, но и действовала по поручению кайзера Вильгельма. Понятно, что эти факты вовсе не привлекли к ним сторонников.

Благодаря росту антигерманских настроений ширилось и движение за трезвость. Проект Восемнадцатой поправки, запрещавшей производство и распространение алкоголя, быстро находил приверженцев в законодательных собраниях всех штатов, тем более что Антисалунная лига принялась проталкивать его с удвоенной силой. 16 января 1919 года Небраска стала тридцать третьим штатом, ратифицировавшим проект этой поправки, и, таким образом, она набрала треть голосов, необходимых для ее вступления в силу через год.

Несмотря на то, что Восемнадцатая поправка запрещала производство и распространение «опьяняющих напитков», в ней ничего не говорилось о том, как исполнять на практике это предписание, как и не было определения того, что считать этими самыми «опьяняющими напитками». Поэтому потребовался дополнительный Акт Волстеда, объясняющий правила запрета. Этот акт назван по имени Эндрю Дж. Волстеда, уроженца Миннесоты, главной запоминающейся чертой которого были пышные усы, нависающие над верхней губой. Сам Волстед, хотя и не был пьющим,

никогда не добивался запрета на спиртное и не был активным проповедником трезвого образа жизни. Его фамилия оказалась связанной с законодательным актом только потому, что он был председателем Юридического комитета Палаты представителей Конгресса США и потому был обязан поставить свою подпись под официальным документом. И хотя эта фамилия часто упоминалась последующие десять лет, сам Волстед покинул свою должность после следующих выборов и вернулся домой в Гранит-Фолс в Миннесоте, где вел юридическую практику, а на досуге занимался любимым делом – читал «Записки Конгресса». Уэйн Уилер всегда заявлял о том, что сам лично разработал и сформулировал этот акт, но Волстед горячо опровергал эти заявления, хотя какая каждому из них была польза от того, что их признают автором плохо составленного законопроекта, не совсем понятно.

Акт Волстеда был предложен на рассмотрение Конгресса 19 мая 1919 года. Его основные цели, изложенные в преамбуле, казались не слишком настораживающими: «Запретить производство опьяняющих напитков и регулировать производство, распространение, использование и продажу жидкостей с высоким содержанием алкоголя в иных целях помимо производства напитков; обеспечить достаточное производство спирта для научных исследований и для его законного применения в производстве топлива, красок и в других сферах промышленности». Формулировка довольно неуклюжа, но ничего особенно тревожного здесь не заметно. Но, как всегда это бывает в юридических документах, самая важная информация пряталась в самом тексте закона, написанного мелким шрифтом. «Опьяняющими напитками» предлагалось считать жидкость с содержанием алкоголя выше 0,5 процента – примерно столько же его содержится, например, в кислой капусте. Многие из тех, кто поддержал проект Восемнадцатой поправки, считали, что она не затронет пиво и некрепленые вина, но только сейчас до них стал доходить весь истинный смысл будущего запрета.

Возможно, в этом и заключается главная особенность истории о том, как в Америке принимался Сухой закон – слишком многих он застал врасплох. Как писал историк Фредерик Льюис Аллен в своей книге «Только вчера»: «Страна приняла его не только охотно, но и не понимая, что он собой представляет».

Закон был настолько непроработанным, что даже те, кто поддерживал его в принципе, ужасались его практической реализации. Почти сразу же подскочил уровень преступности. Число убийств в стране увеличилось почти на треть. Особая опасность угрожала сотрудникам и агентам Департамента запрета. За первые два с половиной года было убито тридцать агентов во время выполнения служебных обязанностей. Небезопасно было и просто находиться рядом с ними, потому что они тоже, как и гангстеры, не церемонились в средствах. В одном только Чикаго за десятилетие агенты застрелили тридцать три невинных гражданских лица.

При этом, несмотря на повышенную опасность, сотрудникам Департамента запрета платили меньше, чем мусорщикам, а это неизбежно влекло за собой коррупцию. Обычным правилом стало конфисковать нелегальную алкогольную продукцию, а потом тут же продать ее обратно владельцу. Каждое питейное заведение в среднем платило 400 долларов в месяц полицейским и чиновникам, которые только в Нью-Йорке за год на взятках зарабатывали около 150 миллионов долларов. Говоря вкратце, Сухой закон позволил разбогатеть огромному количеству человек.

Соблазн заработать на сомнительных схемах охватывал не только американцев. Под давлением Соединенных Штатов Канада запретила своим пивоварням и винокуренным заводам продавать продукцию жителям США, но вечно изобретательные контрабандисты нашли для себя удобный плацдарм на небольших островах Сен-Пьер и Микелон к югу от Ньюфаундленда. По прихоти истории они оставались владениями Франции с 1763 года и потому находились вне юрисдикции США и Канады. Буквально за один день Сен-Пьер и Микелон стали крупнейшими в мире импортерами алкогольной продукции. Туда завезли три миллиона бутылок шампанского, а также большую партию высококачественных бренди, коньяка, кальвадоса и других спиртных напитков, что сделало их крупнейшим заморским рынком Франции.

Когда американские власти попросили объяснить, как четыреста тысяч жителей островов неожиданно стали ценителями алкоголя, губернатор островов невозмутимо ответил, что не заметил особого всплеска потребления, как и не заметил возникновения двух дюжин

больших новых складов по хранению этой продукции у главного порта на острове Сен-Пьер, но пообещал разобраться. Некоторое время спустя он признал тот факт, что запас алкоголя на островах Сен-Пьер и Микелон немного увеличился, но уверил, что весь он предназначен для продажи на Багамских островах, где употребление алкогольных напитков легально. Просто эта продукция временно хранится на Сен-Пьере.

Сухой закон также породил лицемерие в огромных масштабах. Летом 1926 года полковник Нед Грин, глава отделения Департамента запрета в Северной Калифорнии, был отстранен от должности, когда обнаружилось, что он проводил коктейльные вечеринки прямо в своей администрации в Сан-Франциско. «Меня давно нужно было отстранить», – признался он.

Не слишком усердно следили правительственные чиновники и за конфискованными партиями алкоголя. Летом 1920 года со склада в Чикаго бесследно исчезли 134 000 галлонов виски – 670 000 бутылок. Сторожа уверяли (правда, не очень убедительно), что ничего не слышали и не видели во время своей смены. Судя по национальным отчетам, к тому времени, когда в 1933 году Сухой закон был отменен, с правительственных складов пропало около 50 миллионов галлонов виски.

Обеспечивать исполнение постановлений, принятых в рамках Сухого закона, было почти невозможно, потому что они изобиловали различными ошибками и недочетами. Врачи могли легально выписывать своим пациентам алкоголь в лечебных целях, и они радостно ухватились за эту возможность, получая от этого занятия к концу 1920-х годов 40 миллионов в год. Как писал журнал «Нью-Йоркер», врачи часто просто давали пациентам незаполненные бланки рецептов. (На той неделе, когда Линдберг вылетел в Париж, уполномоченный по соблюдению Сухого закона Джеймс М. Доран подписал постановление об увеличении производства виски в медицинских целях на дополнительные три миллиона галлонов в год. Когда был задан вопрос, не слишком ли много производится виски для таких не очень обычных целей, представитель Министерства финансов ответил, что запасы быстро истощаются «из-за испарения».)

Религиозным организациям разрешалось делать запасы алкогольных напитков для ритуальных целей, и этот рынок сбыта тоже

оказался немаленьким. Один винодел из Калифорнии предлагал четырнадцать типов вина для причастия, в том числе портвейн и шерри. Вообще за четыре первых года действия Сухого закона площадь земель, отданных под виноградники, значительно увеличилось – с 100 000 акров до почти 700 000 акров, и вовсе не потому, что потребители вдруг стали есть больше винограда и изюма. Произошло это из-за прекращения импорта вина, в результате чего возрос спрос на домашний виноград.

Хотя производить вино для частного употребления запрещалось, владельцы виноградников часто рассылали пакеты с виноградным концентратом, из которого в домашних условиях можно было изготовить вино. На тот случай, если кто-то об этом не догадается, на упаковке крупными буквами было написано: «Внимание: Может забродить и превратиться в вино через 60 дней». К сожалению ценителей изысканных вин, владельцы виноградников повырубали почти все прежние виноградники и засадили их сортами, дающими наибольшее количество, а не качество. Для того, чтобы восстановить прежние культуры на виноградниках Калифорнии, потребовалось целое поколение.

Потеря прибыли от продажи алкогольных напитков сильно затронула многие рестораны. В Нью-Йорке закрылись такие известные и популярные рестораны, как Shanley's, Rector's, Sherry's и Browne's Chop House. Самый популярный, Demonico's, продержался до 1923 года и сдался как раз к своему столетнему юбилею. Алкогольные напитки можно было заказать, в основном, только в подпольных питейных заведениях, которые назывались «speakeasies» (этот термин появился еще в 1889 году и им описывали места, где «говорят тихо», чтобы не привлечь внимание полиции). Недостаток элегантности они старались компенсировать громкими названиями, вроде «Гиена-клуб», «Печь», «Ха-Ха!», «Евгенический клуб», «Отель Опилки» и *Club Pansy* (pansy – сленговое название гомосексуалиста). Те, кому при этом хотелось послушать музыку и потанцевать, стекались в Гарлем, в «Бамбуковый клуб», «Ленокс-Клуб», «Клэм-Хауз», «Маленький рай», «Цыплячий загон Тилли», «Хлопковый клуб» (знаменитый *Cotton Club*) и прославленный «Друл-Инн». Самым оживленным днем недели была суббота. Клиенты могли быть уверены – перед ними выступят самые лучшие и самые оригинальные исполнители: Дюк Эллингтон,

Кэб Кэллоуэй, Фэтс Уоллер, Юби Блейк, Бесси Смит, Билл Бейси (который позже станет «Каунтом Бейси»), Луи Армстронг и многие другие. Некоторые гарлемские клубы пускали исключительно белых клиентов. Чернокожими там были только официанты и исполнители. В наиболее популярных местах плата за вход достигала 20 долларов – примерно средняя недельная зарплата рабочего – а за пару порций спиртного приходилось платить примерно столько же.

Периодически наблюдались вялые попытки ограничить или запретить деятельность таких заведений, но иногда представители властей или другие лица принимались за них по-серьезному. В марте 1925 года ответственным за соблюдение Сухого закона в Нью-Йорке стал успешный юрист Эмори Бакнер, не на шутку испугавший всех любителей выпить.

Закон позволял ему закрывать все нарушавшие Акт Волстеда заведения на год без права обжалования в суде. Теперь вместо того, чтобы арестовывать некоторых особенно невезучих посетителей и официантов, которых можно было легко заменить, Бакнер наносил удары по самому чувствительному месту – кошельку владельцев этих баров и клубов. Он заявил, что планирует полностью закрыть на замок тысячу подобных заведений в Нью-Йорке, и начал с самых известных, таких как «Эль-Фей Клуб», владельцем которого был гангстер Ларри Флинн, а управляющей бывшая киноактриса Тексас Гуинэн, и «Сильвер Слиппер» Оуни Мэддена. Это была прямая атака на самых влиятельных и искушенных «выпивох» Нью-Йорка, так что неудивительно, что все они впали в панику.

К счастью для клубов, кризис быстро закончился. Уж слишком выгодными для многих были нарушения Сухого закона. По меньшей мере один из закрытых клубов, на парадной двери которого красовался замок, впускал посетителей через черный вход позади здания. Другие переехали в другие помещения и сменили названия. «Эль-Фей Клуб», например, поочередно становился «Дель-Фей Клубом», «Фейз-Фоллиз», «Клуб-Интимом», «Клуб-Эбби», «Салон-Роялем» и «Клубом Три Сотни», хотя всех их чаще всего называли по именам владельцев и управляющих – например, «Клуб Тексас Гуинэн». Что касается самой Тексас Гуинэн, родившейся в городе Уэйко в Техасе, то это была поистине легендарная личность. В 1927 году, несмотря на свои сорок три года, она все еще обладала вполне симпатичной внешностью

платиновой блондинки с белогубой улыбкой. Она не стеснялась оскорблять своих посетителей, особенно если те, на ее взгляд, не спешили тратить свои деньги, но этим-то она и привлекала. Ее обычным приветствием было: «Привет, сосунок!» Большинство ее клубов отличались небольшими размерами, и там всегда было тесно. Молоденькие танцовщицы часто выходили на сцену полностью обнаженными. Будущая актриса Руби Килер начала выступать у Тексас Гуинэн с четырнадцати лет, а три года спустя вышла замуж за Эла Джолсона, который, как и многие другие, не устоял перед ее изящной фигуркой и тонкими, но соблазнительными губами. Другая танцовщица Гуинэн, Руби Стивенс, позже прославилась как актриса, под именем Барбара Стэнвик.

Сама Тексас Гуинэн выступала в роли конферансье и ведущей. Ей нравились все эти девочки, но она не воспринимала их как действительно талантливых певиц и танцовщиц. «Ну, эта не такая уж и певица, – часто говорила Гуинэн, представляя очередную свою подопечную. – Петь она научилась на заочных курсах, пару уроков пропустила, но во всем шоу это главная звезда, так что похлопайте ради нее руками» («похлопать руками» – это была еще одна из характерных фразочек Гуинэн). Гуинэн настолько прославилась тем, что ее клубы постоянно закрывают на замок, что театральные менеджеры братья Шуберт приглашали ее принять участие в бродвейском эстрадном представлении «Амбарные замки 1927 года».

Поскольку клубы могли закрыть в любое время, на обстановку и декорации они тратились по минимуму. Клиенты не особенно возражали, ведь главным было для них получить свою порцию алкоголя. Более зависимые от обстановки, помещения и постоянных клиентов заведения, такие как отели, оказались в гораздо худшей ситуации. До Сухого закона ежедневная выручка бара отеля «Никербокер» (где, как иногда утверждается, появился на свет коктейль «Драй Мартини») составляла 4000 долларов, а такие потери пережить нелегко. Финансовое положение «Никербокера» резко ухудшилось. Некоторые отели пытались предлагать клиентам так называемые «наборы» из сельтерской воды, льда и горькой настойки, которые клиенты могли смешать со своим алкоголем, но и это нисколько не компенсировало утраченные доходы от алкогольных напитков. Другие продолжали продавать алкоголь тайком в надежде,

что власти этого не заметят. Но рано или поздно это всегда становилось известным.

В марте 1926 года Бакнер закрыл ресторан отеля «Бреворт» на шесть месяцев. Это означало потерю дохода не только от продажи алкогольных напитков, но и вообще от обедов и ужинов. Отель не мог подавать постояльцам даже завтраки, поэтому многие отказались от его услуг. В конце концов Реймонд Ортейг сдался и закрыл «Бреворт».

«Замочная политика» Бакнера постепенно распространилась на всю страну. Помимо всего прочего, в Калифорнии было «закрыто на замок» некое красное дерево, в стволе которого якобы располагалась перегонная установка (впрочем, возможно, это был просто рекламный трюк). В 1925 году власти закрыли максимальное число заведений по всей Америке – 4700.

Любопытно, что сам Бакнер не верил в эффективность Сухого закона и признавался, что следил за его исполнением не из моральных соображений, а только потому, что был представителем власти. «Я сам не очень заинтересован в нем, разве что с юридической точки зрения», – объяснял он. Бакнер не скрывал того факта, что часто употреблял спиртные напитки (до той поры, как был назначен прокурором округа). Согласно его мнению, этот закон был огромной ошибкой. «Он ухудшил криминальную ситуацию, из-за него люди стали больше лжесвидетельствовать, убивать, грабить и совершать другие преступления; он привел к моральному разложению среди чиновников. Все его возможные преимущества – ничто по сравнению с теми серьезными преступлениями, что свершаются ежедневно».

Почти все считали Сухой закон огромным провалом, и все же государство настаивало на его соблюдении целых тринадцать лет. Общее настроение как нельзя лучше передавало стихотворение Франклина Пирса Адамса, напечатанное в газете «Нью-Йорк уорлд»:

Сухой Закон – сплошной провал,
Но мы его поддержим.
И меньше пить никто не стал,
Но мы его поддержим.
Зачем он нужен – не поймешь,
Он порождает грязь и ложь,
Пусть нет в нем пользы ни на грош,

Но мы его поддержим.

В каком-то смысле именно потому, что закон не работал, Уилер и его приспешники активно проповедовали идею разбавлять промышленный спирт ядовитыми добавками. Для того чтобы сделать алкоголь непригодным для употребления вовнутрь, достаточно было бы мыла или других моющих средств, но активные сторонники «сухого» образа жизни считали это недостаточным. Уилер искренне верил в то, что употребляющие алкоголь люди получают по заслугам. Для него употребление алкоголя было «осознанным самоубийством». Преподобный Джон Роуч Стрейтон – тот самый, что желал скорейшей казни Рут Снайдер, – был еще более непреклонным. Когда Стрейтон узнал, что губернатор и генеральный прокурор Индианы позволили своим тяжело больным близким выпить немного виски по предписанию врачей, он заявил: «Лучше бы они позволили своим близким умереть и умерли сами, чем нарушать присягу, данную ими при вступлении в должность».

В июне 1927 года Сухой закон казался чем-то незыблемым и вечным. Но до переломного момента оставалось совсем немного времени. Даже сам Уэйн Уилер не знал, что лето 1927 года станет для него не только самым худшим, но и последним в его жизни.

Наградив Чарльза Линдберга Крестом летных заслуг 11 июня, Калвин Кулидж не захотел задерживаться в Вашингтоне. Как только появился удобный повод покинуть собрание, он вместе с миссис Кулидж отправился на вокзал Юнион-Стейшн, где их, а также небольшой отряд журналистов и сопровождавших президента лиц (всего семьдесят пять человек, а также две колли и ручной енот по имени Ребекка) ожидал специальный поезд. Этот поезд отправлялся в Южную Дакоту, где президент планировал провести долгий летний отпуск. Кулидж страдал от хронического несварения и астмы, и поэтому был рад покинуть душный Вашингтон. Администрация президента впервые переезжала в такое удаленное место.

Фактическим местопребыванием правительства США в следующие три месяца было здание школы в Рапид-Сити. Сами Кулиджи проживали в тридцати двух милях от нее, в резиденции под названием «Государственный охотничий дом» у подножия горы Харни в природоохранном парке Кастер. «Государственный охотничий дом», по сути, представлял собой небольшое строение, где были только гостиная и спальня с ванной по коридору. Но Кулиджи не жаловались. В те времена все было проще, чем сейчас.

Президенту Кулиджу нравилось смотреть на себя в кинохронике. Поскольку до охотничьего дома он добрался, когда уже было темно, то на следующее утро все сопровождающие (а их с местными чиновниками и группой поддержки набралось около двухсот человек) загрузили весь свой багаж обратно в автомобили, проехали двести ярдов и разыграли сцену прибытия перед камерами, запечатлевавшими «исторический момент».

Для Южной Дакоты визит президента стал очень важным событием. Руководство штата отчаянно пыталось сделать его привлекательным для туристов. Кому-то пришло в голову, что если все увидят, как президент доволен посещением местных водоемов, то к ним захотят приехать и другие рыбаки. Для успеха предприятия на рыбоводном заводе в Спирфише было выращено специально две тысячи форелей – крупных и хорошо откормленных. Их тайком

привезли и выпустили в небольшую спокойную реку неподалеку от резиденции Кулиджа, оградив это место растянутыми между берегами сетями. К сожалению хозяев, Кулидж заявил, что рыбалка его не интересует, но потом его все же удалось переубедить. Облаченный в деловой костюм, он взял в руки удочку и забросил крючок с наживкой в воду. Оголодавшая рыба тут же клюнула, и через мгновение Кулидж вытянул свой трофей. Улыбающегося до ушей президента едва удалось увести прочь от берега. После этого мистер и миссис Кулидж почти ежедневно съедали на обед свежепойманную форель, хотя многие утверждали, что рыба эта была невкусная. Правда, Кулиджу не хотелось дотрагиваться до червей, и вместо него наживку на крючок насаживали его охранники. Если не считать червей, то он был совершенно счастлив.

Пока Кулиджи отдыхали и наслаждались рыбалкой в Блэк-Хиллзе, Чарльз Линдберг продолжал принимать почести от своих поклонников, рвение которых с каждым днем только усиливалось. Альва Джонсон в своей опубликованной в «Нью-Йорк таймс» статье, которую он написал в Сент-Луисе, поражался тому, насколько невозмутимым оставался Линдберг во время парада и других празднеств, устроенных в его честь. «Полковник Линдберг ни разу не показал словами или жестом, что он понимает, в честь кого устроена эта демонстрация. Не улыбнулся и не помахал рукой. Ничто не заставило его признать, что все это великолепное зрелище и все эти оглушающие крики прославляют именно его». На следующий день Линдберг с удовольствием показал воздушные трюки в Форест-парке толпе из ста тысяч зрителей, но, когда приземлился, вновь стал очень серьезным. «Праздничный дух покинул его, едва он ступил на землю, – сообщал Джонсон. – Как только он оказался вне своей любимой стихии, к нему вернулось строгое и довольно мрачное расположение духа. На земле он чувствует себя не так уж непринужденно».

Дальше было только хуже. Из Сент-Луиса Линдберг полетел в Дэйтон в штате Огайо, чтобы посетить Орвилла Райта, одного из изобретателей аэроплана (другим был его покойный брат Уилбер). Власти города в спешке организовали парад и торжественный прием и страшно огорчились, когда Линдберг отказался присутствовать на

мероприятиях на том основании, что это частный визит. Многие разочарованные горожане даже отправились к дому Райта и потребовали, чтобы им показали их героя. Линдберг снова отказался, тогда толпа начала проявлять беспокойство и угрожать разнести дом Райта. Только после этого Линдберг вышел на балкон, поддавшись мольбам Райта, волновавшегося за свою собственность, и помахал толпе рукой.

Когда Линдберг вернулся в Нью-Йорк, прилетев на Митчел-Филд 24 июня, журналисты отмечали, что он выглядел довольно урюмым. «Полковник Линдберг показался гораздо более усталым по сравнению с тем днем, когда он улетал из Нью-Йорка неделю назад. Он не улыбнулся ни разу», – писал еще один журналист из «Таймс». Когда Линдберг сел в автомобиль, чтобы поехать на Манхэттен, к нему подбежала привлекательная девушка и попросила пожать ему руку. Реакция Линдберга поразила многих. «Он хмуро посмотрел на нее и сказал: «Никаких рукопожатий», – и быстро отдернул руку», – докладывал репортер «Таймс». Девушка была явно разочарована, да и сам Линдберг, похоже, был удивлен, но уже не мог ничего поделать с собой; у него просто не получалось сдерживаться и вести себя разумно.

Но мир отказывался видеть в нем какого-то другого человека помимо добродушного героя, так что пресса вскоре перестала писать о его недоброжелательном поведении и продолжила изображать его таким, каким его хотели видеть все.

В то время, когда Линдберг разочаровывал свою поклонницу на Митчел-Филд, командор Ричард Бэрд продолжал удивлять летное братство на аэродроме Рузвельта. На взлетной полосе он распорядился подготовить специальный земляной скат, чтобы «Америке» было легче взять разбег. Трижды самолет закатывали на этот скат, и трижды Бэрд оглядывал небо с серьезным видом и заявлял о том, что полет откладывается. Эти задержки «начинали уже казаться смешными», как говорил раздосадованный Тони Фоккер.

После того как Флойд Беннет окончательно покинул команду, Бэрд назначил главным пилотом Берта Акосту. Акоста, загорелый мужчина экзотического мексиканско-американо-индейского происхождения с раскованными манерами героя-любовника, был

закоренелым ловеласом. Его латиноамериканские черты и низкий чарующий голос «кружили головы представительницам прекрасного пола», как писал один обожавший его биограф. «В кинематографе он мог бы стать вторым Валентино». При этом Акоста был еще и одним из самых бесстрашных воздушных трюкачей. Его коронным номером было подобрать платок с земли концом крыла. Правда, такие навыки вряд ли оказались бы полезными для трансатлантического перелета.

В помощники Акосте Бэрд определил норвежца Бернта Балхена, хотя по спискам Балхен числился механиком и запасным пилотом, поскольку Родман Уонамейкер хотел, чтобы экспедиция была исключительно американской. Балхену разрешили стать членом экипажа только на том условии, что он подаст заявку на получение гражданства США. На пресс-конференции Бэрд сообщил, что Балхен является, в основном, пассажиром и лишь иногда сможет брать на себя управление, когда Бэрд будет занят другими делами. В действительности же Балхен находился за штурвалом на протяжении почти всего перелета.

На одном из первых испытательных полетов с Акостой обнаружилось отсутствие главного пилота. Когда «Америка» вошла в облака, Акоста весь напрягся и стал заметно волноваться. Через несколько минут самолет вошел в опасный штопор. Балхен схватил штурвал, который Акоста с видимым облегчением ему отдал. «Терпеть не могу тучи, – покраснев, признался Акоста. – Если будет большая облачность, я останусь на земле». Как выяснилось, Акоста не имел представления о том, как летать только по приборам. Самолет Бэрда долетел до Парижа единственно только потому, что управлял им Балхен, не потребовавший взамен никакой особой славы.

Четвертый член экипажа казался и вовсе невзрачным. Джордж Новилл, радист в отставке, в очках, не оставил заметного следа в истории. Отцом его был богатый производитель шляп из Кливленда (который был достаточно важной фигурой, чтобы удостоиться некролога в нью-йоркской «Таймс», тогда как его сын такой чести не удостоился). Если Новилл и произвел какое-то впечатление на своих товарищей, то никто из них не обмолвился на этот счет ни словом. В автобиографиях Бэрда и Балхена ему уделяется ничтожно малое внимание, а в других биографиях и вовсе не говорится; своих записей он тоже не оставил.

Что касается самого Бэрда, то это был довольно примечательный человек, хотя и такой, какого не разгадаешь с первого взгляда. Прирожденный искатель приключений, он пустился в свое первое кругосветное путешествие в двенадцать лет, уговорив родителей (по всей видимости, уж слишком снисходительных) отпустить его одного на Филиппины в гости к другу семьи, а потом вернувшись другим путем. Кругосветное плавание он закончил, когда ему было уже почти четырнадцать лет.

Бэрд был умным, красивым, довольно храбрым и безусловно щедрым, но также и патологически тщеславным, напыщенным и самолюбивым человеком. О себе он писал исключительно как о доблестном, спокойном и мудром. Кроме того, он, по всей видимости, неоднократно лгал.

9 мая 1926 года – ровно за год до того, как пропали Нунжессер и Коли, – Бэрд с Флойдом Беннетом совершили перелет от Шпицбергена до Северного полюса и обратно за пятнадцать с половиной часов, побив рекорд полета норвежского исследователя Арктики Руаля Амундсена на дирижабле (тогда дирижаблем управлял Умберто Нобиле, еще один итальянский пилот). Полет Бэрда сразу же назвали величайшим достижением, слава о котором останется в веках. Бэрда произвели в командоры, а по возвращении домой встретили с почестями и вручили медаль. В его честь называли детей и улицы. Один восхищенный поклонник даже написал биографию его собаки по кличке Иглу.

Но с самого же момента полета возникали сомнения в правдивости Бэрда. Знающие люди не могли понять, как Бэрду и Беннету удалось управиться за пятнадцать с половиной часов. На том же самолете часто летал Балхен, и ему никогда не удавалось приблизиться к крейсерской скорости в 65 узлов (74,8 мили в час). Для полета на Северный полюс требовалась скорость почти в три раза больше. Более того, самолет был оборудован огромными лыжами для посадки на снег, что замедляло скорость примерно на 5 миль в час. Когда Балхен сказал Беннету, что не понимает, как они добрались до Северного полюса и вернулись обратно за такое короткое время, Беннет ответил: «Мы и не добирались». Он признался Балхену, что вскоре после вылета у них произошла утечка масла, и они просто

летали кругами четырнадцать часов, даже не теряя из виду Шпицберген.

Слухи, что Бэрд по меньшей мере преувеличил ряд своих подвигов, ходили долгие годы, и подозрения усиливал отказ родственников пилота предоставить его записи для публикации. Записи стали доступными для изучения только в 1969 году, когда архив Бэрда приобрел Университет Огайо для основанного Центра полярных исследований имени Бэрда. В журнале полета было много помарок на тех страницах, на которых Бэрд указывал пройденное расстояние, и из-за этого многие высказали мнение, что он фальсифицировал данные. Согласно более мягкой версии, он просто допустил ошибки в расчетах и начал рассчитывать все заново. Никто из исследователей не был абсолютно уверен в своей правоте, но, согласно утверждению Алекса Спенсера, сотрудника Национального музея авиации и космонавтики в Вашингтоне, в настоящее время среди экспертов распространено мнение, что Бэрд и Беннет не долетели до полюса.

В 1959 году, спустя два года после смерти Бэрда, была издана автобиография Балхена, в которой поднимался ряд вопросов. Родственники Бэрда выразили свой громкий протест. Под их давлением издатели вырезали несколько отрывков и отозвали из продажи первые четыре тысячи экземпляров книги. Но полностью родственников Бэрда это не удовлетворило. К тому времени Балхен был уже гражданином США и уважаемым офицером ВВС США, но сенатор Гарри Бэрд, брат исследователя, как утверждается, сделал все возможное, чтобы Балхена не произвели в бригадные генералы и без лишнего шума освободили от его обязанностей. Балхен провел последние годы своей карьеры, изучая печатные материалы в библиотеке Пентагона.

В тот момент, когда некоторые уже не верили, что Бэрд вообще когда-нибудь вылетит в Европу, он решился на полет. Ранним утром 29 июня «Америку» закатали на вершину ската и приготовили к взлету на рассвете. Это был первый взлет большого самолета в трансатлантической гонке после того, как упал и сгорел самолет Рене Фонка. При этом самолет был перегружен больше предыдущего. Одно только радиооборудование весило восемьсот фунтов. Бэрд постарался предусмотреть все возможные случаи. Он даже взял с собой

воздушный змей, который можно было бы использовать в качестве антенны для радио и как парус в случае падения самолета в океан. Также он взял на борт две спасательные шлюпки, запасы еды и воды на три недели, мешок писем авиапочты и «освященный» флаг США, сшитый руками прапраправнучатой племянницы Бетси Росс^[16] в качестве подарка народу Франции. В последнюю минуту, слегка запаниковав, Бэрд решил уменьшить нагрузку и отказался от двух канистр бензина, фляжки с горячим чаем и четырех пар мокасин, а также снял брызговики с колес. Особой разницы заметно не было, но, к счастью, все обошлось. После довольно тяжелого разгона самолет все-таки поднялся в воздух, перелетел через провода у дальнего края взлетной полосы и устремился навстречу Европе.

Заявленной целью Бэрда был не первый перелет в Париж – он высокомерно заметил, что даже не претендовал на приз Ортейга, – а доказательство того, что в современном мире возможны безопасные и регулярные перелеты над Атлантикой с несколькими пассажирами на борту. Да, он доказал, что такие полеты действительно возможны, но только если пассажиры не возражают против возможной посадки на воду, не долетая до пункта назначения. Если бы Бэрд поставил себе целью доказать, насколько замечательным пилотом был Чарльз Линдберг по сравнению почти со всеми остальными, у него не получилось бы это лучше.

Несмотря на длительную подготовку, почти все в полете шло не по плану. Под главным баком с бензином в центре самолета было оставлено место, чтобы можно было проползать с одной половины на другую, но никто не додумался испытать этот проход в полном зимнем облачении. Бэрд застрял и десять минут пролежал под баком, потому что никто не слышал его криков из-за рева моторов. Новилл, разминая ноги в тесном пространстве, порвал провода, выключив тем самым радио и превратив себя в совершенно бесполезного члена экипажа. Где-то над Атлантикой Балхен попросил Акосту взять штурвал на минутку, пока он будет искать под сиденьем пакет с сэндвичами. За это время Акоста умудрился послать машину в штопор со скоростью 140 миль в час, на которой у него едва не оторвались крылья. Балхену пришлось вырвать штурвал и исправить ситуацию. «Лучше все время вести тебе», – тихо сказал ему Акоста, и Балхен провел за штурвалом почти весь полет. Как писал журнал «Тайм», Бэрд в один момент так

разозлился, что даже ударил Акосту по голове фонариком. Они собирались приземлиться у мыса Брей-Хед в Ирландии, но отклонились от курса настолько, что оказались над Брестом во Франции, более чем в двух тысячах миль от предполагаемого назначения.

Но в своей книге «В небо», опубликованной в следующем году, Бэрд ни о чем таком не писал. Согласно его словам, экипаж его самолета осуществил едва ли не один из самых героических подвигов в истории человечества. «Шли часы... было почти невозможно прокладывать курс. Мы не могли определить, в каком направлении дует ветер, куда нас сносит и какой участок воды или суши находится под нами». В заключение он делает вывод: «Я искренне считаю, что ни один из летчиков еще не испытывал ничего подобного». И это не упоминая о том, что по тому же самому маршруту пятью неделями ранее летел Чарльз Линдберг, совершенно один и в похожих погодных условиях, причем приземлился он там, где и собирался, и никогда ни на что не жаловался!

В отдельной статье, написанной для журнала «Нэшнл джиогрэфик» осенью 1927 года, Бэрд намекает на то, что якобы сознательно вылетел в плохую погоду. «Я не хотел дожидаться таких условий [то есть хорошей погоды], потому что трансатлантические перелеты будущего должны будут совершаться не только при идеальных условиях, — писал он. — Более того, мы могли получить гораздо больше научных и практических знаний при плохой погоде». В результате им пришлось, как он выразился, «вести самый суровый воздушный бой из всех, что когда-либо имели место». И он продолжал: «Я не говорил о своих опасениях своим товарищам. Им и без того приходилось несладко. Напряжение было ужасным. Только авиатор знает, что значит находиться 18 часов в воздухе, не видя земли или воды под собой. Сомневаюсь, что какой-либо другой самолет шел вслепую на протяжении такого длительного времени».

Его слова поразительным образом контрастируют с воспоминаниями Балхена, который сразу после перелета написал в «Нью-Йорк таймс»: «Самолет у нас был хороший. Моторы никогда не давали повода для беспокойства. Ни разу за весь полет мне не приходилось вылезать на крыло, чтобы прочистить мотор... По моему мнению, это был самый скучный и монотонный перелет, в каком я

когда-либо участвовал». В своей собственной книге Балхен писал, что полет проходил «в прекрасной и ясной звездной ночи». Это была одна из фраз, которую позже, под влиянием родственников Бэрда, ему пришлось исключить из своей книги.

Когда они достигли Франции в районе Бреста, Бэрд приказал Балхену следовать вдоль береговой линии к Гавру, а не лететь сразу в Париж, то есть идти странным обходным маршрутом. Как позже писал Балхен, под ними проходила прямая железная дорога в Париж, но Бэрд настоял на том, чтобы они сначала подлетели к устью Сены, а потом шли вдоль реки. Так их полет продлился на два часа больше, чтобы подлететь к городу, когда погода улучшится.

Как и в случае с Линдбергом, на аэродроме в Ле-Бурже собралась многотысячная толпа, но после полуночи, когда никто не прилетел и продолжал идти дождь, многие сдались и разошлись по домам. Среди присутствовавших были Кларенс Чемберлин и Чарльз Левин, которые прилетели в тот день в Париж в рамках своего тура по европейским столицам.

Бэрд писал: «Все французские авиаторы, ожидавшие нас в Ле-Бурже, согласились, что мы не только не должны были приземляться из-за плотной облачности, но и, вполне возможно, могли бы погубить нескольких наблюдателей». Однако это расходится с воспоминаниями Чемберлина. «Шел небольшой морозящий дождик, – писал он. – Было облачно, но облака нависали не слишком низко, для того чтобы самолет опустился и безопасно приземлился, как только покажутся огни Парижа». В своей книге Бэрд писал, что наблюдатели с земли слышали звук моторов. Чемберлин сказал, что они ничего не слышали.

«Моей главной задачей стало обеспечить безопасность товарищей и не погубить никого на земле, – продолжал Бэрд, стараясь изобразить свою неудачную попытку как акт героизма. – Единственное, что нам оставалось, – это вернуться к воде». Он приказал развернуть самолет к побережью Нормандии.

Там у них почти закончились запасы топлива. Было слишком рискованно приземляться на поле, поэтому они решили опуститься в море. Балхен совершил идеальную посадку примерно в двухстах ярдах от деревни Вер-сюр-Мер, и четверо членов экипажа вышли на берег, который семнадцать лет спустя прославится как один из береговых

плацдармов, на которых высаживались британские войска во время Второй мировой войны. В результате посадки отвалились колеса и их крепление, но в остальном самолет не пострадал.

Об этом эпизоде Бэрд писал следующее: «Я чувствовал свою исключительную ответственность за жизнь своих товарищей. Мне казалось, они не верили в то, что нам удастся безопасно приземлиться, но, тем не менее, смело смотрели в будущее... Они до последнего выполняли приказы. За штурвалом в то время оказался Балхен». На самом деле, такое высказывание граничило с вопиющей неблагодарностью. Балхен вел самолет много часов и, скорее всего, спас их жизни своей умелой посадкой.

Череда любопытных эпизодов на этом не закончилась. Слух всех четырех членов экипажа был нарушен из-за постоянного гудения моторов, и они не слышали друг друга. Акоста, судя почти по всем воспоминаниям, сломал ключицу, хотя позже сказал, что тогда не чувствовал никакой боли. Другим повезло, и они не получили никаких травм. Выбравшись на берег, они почти сразу же увидели на идущей вдоль берега дороге молодого человека на велосипеде, но тот испугался странных чужаков, выбравшихся из моря, и поспешил скрыться из виду. Дрожа от холода, они переходили от дома к дому, но не могли объяснить, кто они. Новилл, все еще страдая от временной глухоты, что-то кричал жителям деревни на плохом французском языке. Наконец они добрались до маяка на холме в полумиле от пляжа. Дочь смотрителя маяка, Марианна Лекоп, позже вспоминала, что ее семья проснулась от звука моторов самолета – довольно необычного звука для деревушки Вер-сюр-Мер. Она посмотрела в окно, но ничего не увидела. «Примерно в три часа мы проснулись снова от того, что в дверь громко стучали, – продолжала она. – Отец увидел у порога четырех человек. Один из них кричал по-французски: «Авиаторы! Америка!» Внутрь вошли четверо усталых мужчин. До этого они безуспешно стучались в еще несколько домов. Они были странно одетыми, полностью промокшими и грязными. Все это показалось нам очень подозрительным».

Месье Лекоп и его родные впустили авиаторов в дом, дали им одеяла и напоили горячими напитками. В изумлении они выслушали рассказ Новилла о перелете, но не могли ничего сообщить миру, потому что телефонная и телеграфная связь в деревне с шести вечера

до восьми утра не работала. Когда Бэрд с товарищами вернулись на пляж, было уже светло. Там они обнаружили, что местные жители вытащили их самолет на берег, что было неплохо, но тут же принялись его разбирать, очевидно, считая его своей законной добычей, подобно останкам кораблекрушения. Шестеро мужчин, пыхтя, взбирались вверх по берегу под тяжестью одного из огромных моторов. Бэрд убедил их вернуть мотор, но другие части самолета исчезли навсегда, в том числе и полоска ткани длиной в сорок футов, на которой было написано название самолета. Позже были сообщения о том, что эта полоска украшала стену казино в Довиле. Самолет так и не вернули в рабочее состояние. Все, что осталось от него сегодня, – это несколько кусков ткани за стеклом в музее Вер-сюр-Мера. Вывеска с названием тоже, похоже, исчезла навсегда.

Несмотря на все неудачи, экипажу Бэрда, когда он наконец-то добрался до Парижа (на поезде, на следующий день), устроили не менее грандиозный прием, чем Линдбергу. «Никогда раньше я не видел ничего подобного тому дикому ликованию в Париже, – писал Балхен в своих мемуарах. – Улицы у вокзала были заполнены народом, люди сгрудились вокруг машины, разбили окно и чуть не перевернули ее». Женщины пытались обнять их и поцеловать. Возможно, именно в этой давке Акоста и сломал ключицу – по крайней мере тогда он впервые ощутил боль. Автомобиль должен был отвезти их в отель «Континенталь», но он не заводился, и толпа стала толкать его, громко крича. «Женщины прыгали на подножки, простирали к нам руки и целовали, пока у нас не покраснели лица, – продолжал Балхен. – Жандармы в отчаянии размахивали руками, пытаясь контролировать движение, но потом расталкивали локтями толпу, подбирались к нам и сами просили автографы».

В Америке воцарилось почти то же воодушевление, с каким было встречено известие о перелете Линдберга, – по крайней мере оно превосходило радость, с какой встретили весть о перелете Чемберлина и Левина. В каждой подробности перелета газеты неизменно пытались увидеть что-то положительное. Например, тот факт, что самолет Бэрда провел в воздухе сорок три часа – почти на четверть дольше, чем самолет Линдберга, – трактовался как героическое достижение, а не как неудача и следствие отклонения от прямого пути. Бэрд сказал журналисту «Нью-Йорк таймс»: «Мы почти в полном порядке, как

могут быть в полном порядке четыре человека, прошедшие нелегкие сорок часов». Он признался, что на протяжении почти всего полета они точно не знали, где находятся, – в изданной в следующем году книге эти слова он предусмотрительно опустил.

Поскольку Бэрд был выше Линдберга званием, то ему устроили более торжественный официальный прием. На второй день пребывания в Париже Бэрд посетил Дом инвалидов. Один парализованный авиатор, капитан Лежандр, пришел в такое восхищение при виде Бэрда, что поднялся с кресла и впервые за девять лет пошел. Рука об руку они с Бэрдом подошли к могиле Наполеона, и при виде этого зрелища взрослые люди расплакались, как дети.

Похоже, Америка превращалась в страну богов.

Июль

Президент

«Этот человек не нравился мне с того дня, как Грейс вышла за него замуж, и то, что он стал президентом Соединенных Штатов, ничего не меняет».

Лемира Барретт Гудхью, теща Калвина Кулиджа

Для Уоррена Г. Гардинга лето 1927 года выдалось не самым удачным, что, впрочем, не слишком удивительно, если учесть, что к тому времени со дня его смерти прошло уже почти четыре года. Двадцать девятый президент США примечателен тем, что в истории бывало мало подобных случаев, когда общественное мнение о политическом деятеле такого масштаба так резко менялось в худшую сторону. Когда он неожиданно скончался 23 августа 1923 года – как утверждалось, от кровоизлияния в мозг (хотя некоторые говорили, что у него случился сердечный приступ; другие – что причиной было отравление трупным ядом), многие его еще любили и уважали. В 1920 году его избрали с самым большим отрывом в современной эпохе от других кандидатов. Посмотреть на поезд, в котором его отвозили в Вашингтон, пришли около трех миллионов человек. «Нью-Йорк таймс» назвала похоронную процессию «самой замечательной в истории Америки демонстрацией преданности, уважения и почтения». В действительности же на момент смерти президент Гардинг находился на грани разоблачения, как недалекий проходимец и плут.

Тремя годами ранее за пределами Конгресса о нем почти никто не слышал. Он был всего лишь младшим сенатором из Огайо – владельцем провинциальной газеты, с соответствующими манерами и воспитанием, и это был максимум, чего он мог бы достичь, полагаясь на свои таланты. Когда его выдвинули в кандидаты в президенты, это было одним из самых неожиданных событий тех лет. И произошло оно только потому, что в 1920 году делегаты съезда Республиканской партии в Чикаго зашли в тупик. Четыре дня подряд, в удушающей жаре, они не могли договориться, кого же выбрать из ничем не выдающихся кандидатов, и решили выбрать худшего. Единственное достоинство Гардинга заключалось только в его привлекательной внешности. По словам одного современника, он выглядел ровно так, «как должен выглядеть президент». Почти во всех других отношениях – по уму, характеру, предприимчивости – он далеко отставал даже от среднего уровня. Его грубые повадки в частной жизни порой изумляли. Журналист «Нью-Йорк таймс» Ричард Видмер рассказывал

другу, как однажды на его глазах во время беседы в Белом доме Гардинг встал с кресла и непринужденно помочился в камин. В качестве кандидата в вице-президенты партия выбрала почти такого же неизвестного и даже еще более малообещающего человека (но, по крайней мере, не такого грубого) – Калвина Кулиджа.

Администрация Гардинга, пожалуй, была самой ленивой и бездеятельной в современной истории. Гардинг сделал ряд безупречных назначений – главой Министерства торговли стал Герберт Гувер, Министерства сельского хозяйства – Генри К. Уоллес, Государственного департамента – Чарльз Эванс Хьюз; но в целом он выбирал руководителей, совершенно не сообразуясь с их личными или профессиональными качествами. Главой Совета управляющих Федеральной резервной системы он назначил Дэниела Р. Криссинджера, своего знакомого и соседа по городу Мэриону в штате Огайо, вершиной предыдущей карьеры которого был пост директора местной компании по производству паровых экскаваторов. Главным военным советником Гардинг назначил Ору Болдинджера, своего знакомого, бывшего некогда газетчиком. Главой Службы общественного здравоохранения США он назначил свою сестру, а ее мужа – суперинтендантом федеральных тюрем; ранее супруги были миссионерами Адвентистов седьмого дня в Бирме.

Но самым странным из всех было назначение Чарльза Форбса, с которым Гардинг познакомился во время поездки на Гавайи и о котором практически ничего не знал, на должность главы Бюро ветеранов. За два года Форбс умудрился растратить, украсть или иными способами присвоить 200 миллионов долларов. Другие назначения Гардинга также нанесли огромный ущерб министерствам юстиции, внутренних дел и ВМФ, а также оставшемуся с Первой мировой войны Ведомству по надзору за иностранной собственностью. Министр внутренних дел Альберт Фолл продал «в кредит» двум сомнительным «нефтепромышленникам» нефтяные участки общей стоимостью 400 000 долларов. Один из участков располагался близ Каспера в Вайоминге и официально назывался «Нефтяной резерв ВМФ Номер 3», а неофициально – «Типот-Доум» («Купол-Чайник»), и поэтому скандал с его продажей получил название «Скандал Типот-Доум». В целом же некомпетентность Гардинга и многочисленные злоупотребления его администрации

обошлись стране в 2 миллиарда долларов – более чем внушительную сумму, особенно если учесть, что Гардинг был президентом всего двадцать девять месяцев.

Смерть Гардинга пришлась как нельзя кстати ввиду надвигающихся разоблачений и скандалов, поэтому ходили слухи о том, что его отравила жена, желавшая сохранить его репутацию. Ее поведение после его смерти было по меньшей мере странным: она тут же распорядилась уничтожить все его бумаги и не позволила сделать посмертную маску. Кроме того, она настояла на том, чтобы не производили вскрытие, поэтому точная причина его смерти так и не была установлена. Наверняка было известно только то, что президенту нездоровилось с тех пор, как он приехал в Калифорнию из отпуска на Аляске. Но ему уже, по некоторым сообщениям, становилось лучше, как неожиданно 2 августа в 19.35, во время разговора с женой в их общем номере в «Палас-Отеле», он неожиданно вздрогнул и замолчал. Через мгновение он был уже мертв.

В ночь, когда Калвин Кулидж стал президентом, он гостил у отца в Вермонте. Было уже за полночь, и они с женой крепко спали, когда о смерти Гардинга сообщили из ближайшей лавки – единственного дома, где был телефон. При свете керосиновой лампы – в сельском доме Кулиджей не было ни электричества, ни водопровода – отец Калвина, нотариус, принял президентскую присягу своего сына.

Надо сказать, что внешне Калвин Кулидж не слишком походил на настоящего лидера государства. У него было худое лицо, готовое вот-вот принять сердитое или обиженное выражение; по словам Элис Рузвельт Лонгворт, он выглядел так, как будто его только что «оторвали от соски с маринадом». Если у Уоррена Г. Гардинга имелось очарование, но отсутствовал ум, то ум у Кулиджа был, а вот очарования – увы. Он был наименее общительным, наименее веселым и наименее «эффектным» из всех современных президентов. И все же американцы со временем стали уважать и даже обожать его. На протяжении всего своего срока он практически ничем не занимался и старался ни во что не вмешиваться – в этом, по сути, и заключалась вся его президентская политика, – но ему удалось задать настроение для целой нации почти на все десятилетие, что получалось далеко не у

всех президентов. Если и называть 1920-е годы десятилетием какого-то человека, то это было десятилетие Кулиджа.

Калвин Кулидж родился четвертого июля 1872 года в Плимут-Нотче – небольшой деревушке, в которой проживало десятка два человек, расположенной в долине посреди Зеленых Гор в штате Вермонт. Это поселение находилось в дюжине миль от Ладлоу, ближайшего центра цивилизации. «Местность эта была удивительна своей природной красотой, которую, как мне кажется, местные жители мало ценили», – писал Кулидж впоследствии. Он родился в доме, где размещалась лавка и почтовое отделение, принадлежавшие его отцу; позже семья переехала в дом через дорогу – в котором Кулидж и находился той ночью, когда стал президентом.

Семья его была относительно богатой. Отец Кулиджа также владел кузницей и небольшой фермой, на которой производил кленовый сироп и сыр. Но случались в ней и свои горести. Мать Калвина умерла от туберкулеза, когда мальчику было всего двенадцать лет, и это событие оставило в его душе незаживающую рану. В своей автобиографии он описывает его простыми, но очень трогательными словами:

«Когда она узнала, что конец ее близок, то позвала нас, детей, к себе. Мы встали на колени у ее кровати, чтобы принять последнее благословение. Через час она скончалась. Ей тогда было тридцать девять лет, а мне двенадцать. Мы похоронили ее в снежную мартовскую бурю. Так я пережил величайшее несчастье, какое только может случиться с ребенком. С тех пор жизнь моя изменилась навсегда».

И это не было преувеличением. Сорок лет спустя, уже находясь в Белом доме, Кулидж, как утверждал его охранник полковник И. У. Старлинг, «обращался к ней, разговаривал с ней и рассказывал ей о каждой проблеме». Кулидж так же рано потерял свою единственную сестру Эбби, которая через пять лет после смерти матери, почти в тот же день, умерла от острого аппендицита.

Осенью 1891 года Кулидж поступил в Амхерстский колледж – на то время заведение с примерно 350 учащимися, располагавшееся в Центральном Массачусетсе. На фоне остальных молодых людей он резко выделялся своими рыжими волосами и густыми веснушками на

лице. Стеснительный юноша не стал членом ни одного студенческого братства, что довольно необычно для человека его уровня. Единственным его другом был Дуайт Морроу, с другими же он не разговаривал совершенно. «За день он ни разу не раскрывал рта, и из его уст не вылетало ни слова, за исключением тех случаев, когда он ел или докладывал о своем присутствии в классе», – годы спустя вспоминал писатель Брюс Бартон, также выпускник Амхерста.

Со временем Кулидж все-таки немного освоился среди других студентов, и ему даже предложили вступить в братство, но социальные навыки никогда не были его сильной стороной. Окончив Амхерст, он обосновался на другом берегу реки Коннектикут, в городке Нортхемптон, где изучал право в конторе Хаммонда и Филда, партнерами которых были выпускники Амхерста. В 1899 году он неожиданно принял участие в выборах в местный городской совет и выиграл их. Это стало началом его политической карьеры. В 1905 году, несмотря на возражения со стороны будущей тещи, он женился на учительнице школы для глухонемых Грейс Гудхью. С ней он познакомился в том же Нортхемптоне, хотя родилась она тоже в Вермонте. По характеру они отличались тем, что Грейс любила общество, тогда как Кулидж предпочитал одиночество. Она стала ему надежной опорой и часто выступала вместо самого Кулиджа на различных мероприятиях. Он же обожал ее и называл «мамулей».

Обретя семейную поддержку, Кулидж начал постепенно взбираться по политической лестнице. Сначала он стал мэром Нортхемптона, затем членом законодательного собрания Массачусетса, потом – вице-губернатором, а под конец, в 1918 году, и самым губернатором штата. На всех должностях он зарекомендовал себя с самой положительной стороны благодаря усердию, бережливости и скромности. Жителям Новой Англии нравились такие качества в политике. О его умении довольствоваться малым в личной жизни ходили легенды. В 1906 году он вместе с Грейс переехал в скромный съемный дом на две семьи на Массасойт-стрит в Нортхемптоне, и оставался там до конца своей жизни.

В 1919 году в Бостоне прошла известная забастовка полицейских. Местные сотрудники службы правопорядка получали едва ли не по 20 долларов в неделю, и им еще самим нужно было покупать себе форму. Их положение было действительно незавидным, но их забастовка

буквально передала Бостон в руки преступников, что широкой общественности, разумеется, вовсе не понравилось. Двое суток по улицам расхаживали бандиты, нападали на беззащитных граждан и грабили их. Для воров, хулиганов и громил эти дни стали настоящим праздником. Когда попытки властей навести порядок провалились, в дело вмешался губернатор Кулидж. На этот раз он проявил несвойственную для себя строгость, вызвал государственную охрану штата, уволил всех забастовщиков и нанял новых полицейских. «Никто и никогда не имеет права бастовать, когда на кон поставлена общественная безопасность», – заявил он; насколько известно, это было единственное его громкое обращение к публике. Благодаря этим действиям он стал известным по всей стране, и в следующем году кандидат в президенты Гардинг включил его в свой список в качестве вице-президента.

Но надо сказать, что в роли вице-президента он ни на кого, даже в администрации, не производил особого впечатления. Теодор Рузвельт-младший, в то время помощник министра ВМФ, рассказывал, что много раз посещал совещания кабинета вместе с Кулиджем, но не мог припомнить, чтобы тот что-то сказал хотя бы раз.

Когда после смерти Гардинга в августе 1923 года американский народ вдруг обнаружил, что обязанности президента стал выполнять какой-то непонятный Кулидж, многих это встревожило. Некоторые даже разволновались не на шутку. Освальд Гаррисон Виллард, редактор журнала «Нэйшн», писал: «Сомневаюсь, что этот пост когда-либо доставался человеку настолько холодному, настолько ограниченному, настолько реакционному, настолько не вдохновляющему и настолько непросвещенному, и менее всех что-то сделавшему, чтобы его заслужить – то есть такому, как Калвин Кулидж». Но вскоре общественное мнение стало склоняться на сторону Кулиджа, иногда даже вопреки ему самому. Народу понравились его небольшие чудачества, и о них даже ходили добродушные шутки. Самой яркой чертой его характера была немногословность. Широко известна история (хотя и неподтвержденная) о том, как одна из женщин, сидевших рядом с ним на званом обеде, сказала ему:

– Мистер президент, моя подруга поспорила со мной, что мне не удастся вытянуть из вас и трех слов за весь вечер.

– Вы проиграли, – якобы ответил президент.

Достоверно известно, впрочем, что однажды президент со своей супругой просидели на стадионе, наблюдая за игрой вашингтонской бейсбольной команды «Сенаторс» с самого начала до конца матча, и за все это время Кулидж только однажды обратился к жене с вопросом о том, который час. Она ответила: «Четыре часа, двадцать четыре минуты», и на этом их разговор закончился. Во время еще одного официального обеда к нему обратилась некая женщина, пожелавшая разговаривать с ним, и спросила, не устал ли он присутствовать на многочисленных обедах. Кулидж пожал плечами, ответил: «Ну, мне все равно надо же где-то есть» и снова переключился на еду. Неудивительно, что его прозвали «Молчаливым Кэлом».

Но в некоторых обстоятельствах Кулидж мог становиться и более общительным – «почти болтливым», как писал один из его биографов. Дважды в неделю он проводил пресс-конференцию, на которой свободно беседовал с журналистами, порой даже очень оживленно, хотя все его комментарии не записывались, а вопросы должны были подаваться заранее личному секретарю с необычным именем К. Баском Слемп.

В частной жизни его чудачества были даже еще более странными. Например, во время завтрака ему нравилось, чтобы слуга растирал ему голову вазелином. Еще он отличался мнительностью и был закоренелым ипохондриком. Часто он бросал все дела, чтобы проверить пульс. Врач Белого дома ежедневно проверял его самочувствие. Те, кто работали с Кулиджем, привыкли, что он часто впадает в состояние «чистейшего упрямства», как выражался его многострадальный помощник Уилсон Браун. В этом состоянии он обладал способностью превращать жизнь людей в ад и едва ли не находил в этом удовольствие. Однажды во время поездки во Флориду государственный секретарь Фрэнк Б. Келлог просил Брауна выяснить, в чем нужно выйти на парад, который должен был состояться на Палм-Бич вечером того же дня. Сам Келлог боялся спрашивать Кулиджа, потому что слишком хорошо знал нрав президента. Браун отправился выполнять просьбу, о чем позже написал в своих воспоминаниях:

«Миссис Кулидж я застал за вязанием, а президент скрывался за газетой. Когда я передал ему вопрос Келлога о том, должны ли члены

делегации выехать в город во фраках и цилиндрах или же в соломенных шляпах и летних костюмах, он ответил, не отрывая взгляда от газеты: «Пусть сам решает». «Калвин, – обратилась к нему миссис Кулидж, – так с государственными секретарями не разговаривают». Мистер Кулидж нехотя отложил газету, посмотрел на меня и сказал: «А вы как думаете, в чем я должен выехать?» Я посоветовал ему облачиться в летний костюм и надеть соломенную шляпу. «Ну тогда скажите Келлогу, чтобы надел цилиндр», – отрезал Кулидж».

Никому другому не удавалось так мало делать на посту президента. Калвин Кулидж не занимался ровным счетом ничем, помимо своих самых необходимых обязанностей. В остальном он предавался «мрачному, целеустремленному, активному бездействию», как выразился журналист Уолтер Липманн. Он даже отказался открывать Национальную неделю образования в 1927 году на том основании, что ее не обязательно открывать президенту. В недавнее время было высказано мнение, что президент на самом деле был более благоразумным и энергичным, чем принято считать. Возможно, так и было. Во всяком случае, годы его президентства пришлось на расцвет экономики, и он не мешал ей процветать.

Сознательное отстранение от деятельности вряд ли можно назвать такой уж хорошей политикой, но в большинстве случаев оно срабатывало. Поскольку рынки постоянно были на подъеме, ему и не нужно было ничего делать, разве что не вставать им поперек пути. Под снисходительным присмотром Кулиджа фондовый рынок на Уолл-стрит вырос почти в два с половиной раза. Неудивительно, что экономический успех способствовал популярности Кулиджа. Как в 1927 году писал газетчик Генри Л. Стоппард: «Он придает всей нации глубокую уверенность в том, что все в стране будет хорошо, покуда в Белом доме находится он». Та эпоха даже получила название «Процветание Кулиджа», как будто бы это был его личный дар нации.

Кроме того, Кулидж был человеком непогрешимым и абсолютно честным. Эти качества казались тем более достойными по мере того, как становились явными грехи предыдущей администрации Гардинга. На протяжении почти всего десятилетия огромное внимание было приковано к «Скандалу Типот-Доум» и другим аферам; по крайней

мере в 1927 году они были у всех на слуху. 6 июля Альберт Фолл и один из мошенников-«нефтепромышленников», Эдвард Л. Дохени, наконец-то предстали перед судом в Вашингтоне по обвинению во взяточничестве.

В ходе процесса Дохени оправдали. Его партнер Гарри Синклер в 1927 году тоже предстал перед судом, и его тоже могли бы оправдать, если бы он не поступил совершенно по-идиотски и не нанял двенадцать детективов из агентства Уильяма Бернса, чтобы подкупить каждого из присяжных, шантажировать их или иным образом повлиять на их решение. По обвинению в коррупции Синклера оправдали, но он получил шесть с половиной месяцев тюремного заключения за попытку подкупа и шантажа присяжных. Также его приговорили на три месяца за неуважение к суду за отказ отвечать на вопросы сенатского комитета, расследующего скандал с продажей нефтяных участков. Но если бы кто-нибудь захотел сделать Синклера примером того, как мошенник и обманщик никогда не добивается благополучия, то пример бы этот был крайне неудачным. После недолгого тюремного заключения он превратил свою компанию «Синклер-Ойл» в одну из крупнейших нефтяных компаний и сколотил огромное состояние, поставляя химические продукты войскам во время Второй мировой войны. Кроме того он стал владельцем бейсбольной команды «Браунз» из Сент-Луиса и, согласно восторженной статье в «Американском словаре национальных биографий», «одним из самых уважаемых деловых лидеров Соединенных Штатов». На момент его смерти в 1956 году общая стоимость его компаний составляла 700 миллионов долларов.

Министр ВМФ Эдвин Денби, также замешанный в «Скандале Типот-Доум», был вынужден уйти в отставку, но никаких обвинений ему не предъявили. Фолл, министр внутренних дел, был признан виновным по обвинению в коррупции и посажен за решетку на девять месяцев. Таким образом, он стал первым членом кабинета министров, обвиненным в серьезном уголовном преступлении. В тюрьме оказался и полковник Томас У. Миллер, который получал взятки в бытность свою руководителем Ведомства по надзору за иностранной собственностью. Генеральный прокурор Гарри М. Догерти ушел в отставку из-за подозрений в том, что он брал «откаты» с бизнеса. Многие считали, что и он окажется за решеткой, но на суде 1927 года

его оправдали. Близкого знакомого Догерти, Джесса Смита, нашли мертвым с огнестрельным ранением и сочли его смерть самоубийством, хотя высказывались предположения о том, что его убили.

Чарльзу Форбсу, при котором из Бюро ветеранов пропали 200 миллионов долларов, часть которых оказалась в его собственных карманах, присудили выплатить штраф в 10 000 долларов и дали два года тюрьмы. Летом 1927 года он находился в Ливенворте, но его должны были выпустить в ноябре досрочно, после года и восьми месяцев заключения.

В автобиографии Кулиджа обо всем этом рассказывается на удивление скромно. Он вообще не упоминает о «Скандале Типот-Доум», а о последних днях Гардинга пишет следующее:

«Не знаю, что было причиной ухудшения его здоровья. Я знаю только, что бремя, которое несет на себе президент, невероятно тяжело. Как выяснилось позже, он узнал, что некоторые из тех, кому он доверял, предали его, и ему пришлось призвать их к ответу. Известно, что от этого факта он сильно огорчился и, возможно, не в силах был перенести эту боль. Я никогда больше его не видел. В июле он уехал на Аляску, а оттуда – в вечность».

Хотя имя самого Гардинга в коррупционных скандалах не фигурировало (его единственное преступление, по сути, заключалось в его глупости), репутация его была подорвана. Летом 1927-го казалось, что она не сможет упасть еще ниже. Но она упала еще ниже.

В июле некая молодая женщина Нэн Бриттон из близкого окружения бывшего президента опубликовала книгу, полную пикантных подробностей, под названием «Президентская дочь». Содержание этой книги многим показалось просто возмутительным и безнравственным, но оторваться от нее было невозможно. Речь в ней шла о школьнице из городка Мэрион в штате Огайо, мисс Бриттон, влюбившейся в знакомого своего отца – красивого и статного мистера Гардинга, владельца «Мэрион-Стар». Мистер Гардинг был на тридцать один год старше Бриттон и к тому же был вовлечен в связь с женой своего лучшего друга (он был еще тот ловелас, этот мистер Гардинг), поэтому вряд ли бы он ответил взаимностью на любовь школьницы или даже обратил бы на нее внимание.

Но потом мисс Бриттон сделала то, чему Уоррену Гардингу всегда было трудно сопротивляться: превратилась из подростка в молодую женщину. Встретив ее снова несколько лет спустя, он едва ли не потерял рассудок. А мисс Бриттон только того и ждала. Между ними установились страстные романтические отношения. К тому времени Гардинг был уже успешным политиком, и мисс Бриттон часто сопровождала его в различных поездках под видом племянницы. 22 октября 1919 года в Эшбери-Парк, в Нью-Джерси, у нее родилась дочь, которую она назвала Элизабет Энн. Тогда Бриттон было двадцать три года, а ему пятьдесят четыре. Гардинг поступил благородно и поддерживал Бриттон, регулярно выплачивая ей суммы от 100 до 150 долларов. По мере того как его политическая карьера шла вверх, он продолжал встречаться с Бриттон, но никогда не видел своей дочери. После его смерти выплаты прекратились. Когда родственники Гардинга отказались предоставить мисс Бриттон финансовую поддержку, она решила рассказать обо всем в книге.

Ни одно из ведущих издательств не опубликовало бы такую книгу, поэтому Бриттон решила выпустить ее, основав собственную компанию «Элизабет Энн Гилд». Как утверждала сама Бриттон, после этого она получала анонимные угрозы, ее телефонный кабель перерезали, а грузовик, в котором перевозили печатные формы для книги, подожгли. В 1927 году репутация Гардинга и так была хуже некуда, но когда вышла в свет «Президентская дочь», она буквально достигла дна. Вся читающая публика с каким-то болезненным наслаждением узнавала, каким же он был беспринципным негодяем.

Самой большой популярностью пользовались те отрывки, в которых описывались тайные встречи любовников в Белом доме. Бриттон не скупилась на искренность и откровения. Она во всех скабрёзных подробностях расписывала, как президент, охваченный страстью, набросился на нее и затолкал в «какую-то каморку, в которой мы могли наслаждаться поцелуями в уединении. Это была небольшая кладовка в передней; скорее всего, место для хранения шляп и плащей, но полностью пустая почти каждый раз, как мы там встречались, а мы там во время моих посещений Белого дома уединялись очень часто; там, на площади не более пяти квадратных метров президент Соединенных Штатов и его возлюбленная предавались утехам». Также

они встречались в квартирах, которые предоставляли в их распоряжение приятели Гардинга.

В целом книга Бриттон представляла собой смесь невероятных выдумок (вроде того, что Гардинг писал ей любовные письма на шестьдесят страниц) и довольно точных описаний интерьера Белого дома (особенно когда речь шла о первом этаже и подсобных помещениях).

Книгу сочли настолько скандальной, что по ней почти не было обзоров и рецензий. Многие книжные магазины продавали ее только по предварительной записи. Но даже при этом за первые полгода было продано пятьдесят тысяч экземпляров по цене 5 долларов каждый, что на то время было достаточно большой суммой для книги (половина дневного жалования Линдберга в бытность его пилотом авиапочты, например). Одну из немногочисленных рецензий, да и то через три месяца после выхода книги, напечатал журнал «Нью-Йоркер». Автор статьи, Дороти Паркер, назвала ее «наиболее поразительной работой из всех, что когда-либо попадали в эти трепетные руки... Ибо когда мисс Бриттон доходит до разоблачений, Бог мой, как же она разоблачает!»

Книга не могла выйти в худший момент для репутации Гардинга. В его родном городе был возведен мемориал в виде огромной ротонды, торжественное открытие которой было намечено на 4 июля. Традиции и этикет требовали присутствия на ней Калвина Кулиджа, действующего президента той же партии, но из-за скандала, связанного с именем Гардинга, он отказался присутствовать. Церемонию много раз переносили на неопределенный срок, что можно было счесть серьезным оскорблением для родственников Гардинга. (В конце концов церемонию открытия мемориала провел Герберт Гувер, о котором говорили, что он готов присутствовать даже на торжественном открытии ящика стола.)

На 4 июля, то есть на День независимости, который, по случайности, был и его днем рождения, Кулидж решил остаться в Южной Дакоте, где ему жилось легко и спокойно. В знак благодарности за такую рекламу своего штата власти Южной Дакоты подарили ему на день рождения ковбойский костюм и коня по кличке Кит, которого описывали как «своенравного», но который, по сути, был необъезженным. Президент был плохим наездником, поэтому он

благоразумно предпочел держаться от этого подарка подальше, но другой подарок – огромная шляпа, ярко-красная рубаша, синий шейный платок, широченные ковбойские «чапы» и сапоги со шпорами – пришлись ему по вкусу. Он тут же удалился, чтобы переодеться, и через несколько минут вышел в полном облачении американского пастуха. Он выглядел нелепо, но принялся гордо позировать перед фотографами, едва поверившими в свою удачу. «Это была одна из самых забавных сцен в истории Америки», – написал Роберт Бенчли в журнале «Нью-Йоркер» на той же неделе.

Кулиджу понравилась ковбойская форма, и оставшуюся часть лета он облачался в нее при первой же возможности. Как вспоминали его помощники, он часто переодевался вечером, после того как заканчивал исполнять формальные обязанности, чтобы провести несколько часов в роли беззаботного ковбоя.

Пока президент Кулидж наслаждался безмятежным отдыхом в Блэк-Хиллзе, далеко на восточном конце страны четыре банкира из разных стран на негласной встрече заложили основу грядущего кризиса фондового рынка и последующей Великой депрессии. Конечно, в их намерения это не входило, но в итоге эффект от их соглашений был именно такой.

Этими банкирами были Бенджамин Стронг, управляющий Федеральным резервным банком Нью-Йорка; сэр Монтегю Норман, управляющий Банком Англии; Ялмар Шахт, глава Рейхсбанка; и Шарль Рист, заместитель управляющего Банк-де-Франс. Для встречи такого уровня это было довольно неожиданное сочетание любопытных личностей. Одного называли чудаком, другой находился при смерти, третий впоследствии стал активным сторонником нацистов, а четвертый был более или менее обычным человеком, но это в сложившихся обстоятельствах значения не имело.

Встреча проходила в особняке Огдена Ливингстона Миллза на Лонг-Айленде, богатого республиканца, которого незадолго до этого в выборах губернатора штата Нью-Йорк победил (точнее, полностью разгромил) Эл Смит. В качестве утешения Миллзу предложили пост заместителя министра финансов в Вашингтоне. Впоследствии он сменил Эндрю Меллона на посту министра финансов – по иронии судьбы как раз в то время, когда нужно будет расхлебывать последствия благих намерений его нынешних гостей.

Банкиры, наверное, чувствовали себя в своей среде, потому что особняк Миллза напоминал скорее какой-нибудь центральный банк, а не уютный жилой дом. Он располагался в дорогом районе на Золотом Берегу, в окружении парков, на северо-западе Лонг-Айленда, где по соседству с ним на низких холмах и вдоль изрезанных берегов округов Нассау и Саффолк стояло еще около шести сотен больших особняков. Загородные резиденции здесь имелись почти у всех представителей самых богатых семейств Америки: Вандербильтов, Дюпонов, Асторов, Уитни, Морганов, Херстов, Фриков. Некоторые из них походили на настоящие дворцы. Банкир Отто Кан владел замком из 170 помещений,

в обеденном зале которого могли разместиться две сотни гостей. Рядом с замком находились гольф-поле из восемнадцати лунок и частный зоопарк. Словно желая компенсировать незнатность своего происхождения, Кан приказал возвести даже небольшую гору. Другие обитатели Золотого Берега строили целые деревни, чтобы улучшить вид из окон своих резиденций; кое-где на общественных дорогах устанавливались ограды и ворота, чтобы случайные прохожие не заходили, куда им не следует.

От особняка Миллза было миль десять до аэродрома Рузвельта, и он находился как раз на пути всех трансатлантических перелетов. За два дня до приезда банкиров над ним пролетал командор Бэрд со своим экипажем на борту «Америки». Новостями о «приводнении» Бэрда в Вер-сюр-Мере и о его торжественном приеме в Париже на протяжении нескольких дней были заполнены все газеты, что банкирам было только на руку. Они не хотели привлекать к себе внимание.

Руководил собранием Бенджамин Стронг, высокий, красивый мужчина пятидесяти пяти лет, жизнь которого, тем не менее, была «омрачена тайными печальями и плохим здоровьем», как выразился историк Джон Брукс. Летом 1927 года у него был усталый и слегка изможденный вид человека, который давно борется с болезнью и проигрывает в этой борьбе. Он постепенно угасал от туберкулеза.

Личная и профессиональная жизнь Стронга представляла собой разительный контраст. Он родился в 1872 году в старинной, но обедневшей семье в сельской части штата Нью-Йорк. Он не мог позволить себе получить образование в колледже и поэтому пошел работать в банк на Манхэттене. Благодаря своему покладистому характеру и прирожденному умению руководить, он быстро поднимался по карьерной лестнице, но это его продвижение значительно ускорилось после 1898 года, когда он с женой переехал в Энгелвуд в штате Нью-Джерси и свел знакомство с ведущими финансистами из компании J. P. Morgan & Co., в частности с Генри Дэвисоном, Томасом Ламонтом и (позже) с Дуайтом Морроу. При содействии новых знакомых Стронг был назначен директором «Банкерс-Траст-Компани», затем выбран ее президентом, а под конец стал главой Федерального резервного банка Нью-Йорка после его основания в 1913 году.

В личной жизни, напротив, Стронга преследовали одни беды и несчастья. Его жена, страдавшая от хронической депрессии, покончила жизнь самоубийством в 1905 году, оставив его одного с четырьмя маленькими детьми, один из которых в следующем году умер от скарлатины. Два года спустя Стронг женился повторно, но и этот брак оказался неудачным: вторая жена бросила его в 1916 году, забрав с собой двоих детей от этого брака. В то же время у него обнаружился туберкулез, и ему пришлось часто проводить время в целебном климате Колорадо. Там он познакомился с молодой женщиной, также страдавшей от туберкулеза, которая потом покончила с собой, выпив жидкость для чистки обуви. Как видно, человек этот был явно создан не для счастья в личной жизни. Летом 1927 года он только что вернулся к делам после шестимесячного отпуска.

По крайней мере он мог надеяться на дружескую поддержку со стороны Монтегю Нормана из Банка Англии. Между ними установилась такая близкая дружеская связь, что они часто отдыхали вместе, обычно на острове Мэн или на юге Франции. Как друг Норман был довольно странным, но еще более необычным из него получился глава центрального банка. Это был «загадочный одинокий мужчина» хрупкого сложения и со «склонностью к невротическим проявлениям, которому было почти невозможно угодить», как писали о нем биографы. В 1927 году в журнале «Тайм» его описывали как «человека с воинственной бородкой» и любовью к широкополым шляпам и плащам, которые делали его похожим на смесь шпиона из Балканских стран и второстепенного сказочного чародея. Он отличался антисемитскими взглядами, что тоже было довольно странно, поскольку, как говорилось, он происходил из евреев-сефардов Южной Европы.

Помимо других причуд Норман любил путешествовать переодетым, даже когда для этого не было никаких причин. Обычно в таких случаях он называл себя «профессором Кларенсом Скиннером», к явному неудовольствию настоящего профессора Скиннера. В периоды «недомоганий», по его собственному выражению, он по несколько дней и даже недель не вылезал из постели. С 1911 по 1913 год он и вовсе не работал, потому что швейцарский психиатр Карл Юнг диагностировал у него последнюю стадию сифилиса (ошибочно) и дал ему несколько месяцев жизни. Скорее всего, у него была лишь

мягкая форма биполярного расстройства. Во времена эмоционального подъема уверенность его в себе не знала границ. «У меня нет причин действовать, – однажды он поправил знакомого. – У меня есть инстинкты».

Норман жил один (ему помогали несколько слуг) в особняке в лондонском Голландском парке; несколько лет его соседом был Герберт Гувер. Норман почти никогда не давал интервью и не выступал с речами; редко он выходил и в свет. В своем доме он устраивал небольшие концерты для себя самого. Он происходил из довольно влиятельной семьи: брат стал председателем Британской широковещательной корпорации, а отец – партнером в «Мартинс-банке», одном из крупнейших банков Великобритании; оба его деда были директорами Банка Англии, и один позже служил губернатором.

Сам Норман в молодости не подавал особых надежд. Он неплохо справлялся с делами в банке, но часто надолго уезжал или впадал в депрессию. В один из самых долгих своих «рабочих периодов» он четыре года прослужил в нью-йоркском торговом банке. Во время Англо-бурской войны он поступил на военную службу капитаном и, к удивлению всех, кто его знал, отличился до такой степени, что получил орден «За выдающиеся заслуги», высшую награду для офицера (но затем снова пал духом и подал в отставку, скорее всего из-за недомогания). В 1915 году в возрасте сорока четырех лет Норман поступил на службу в Банк Англии, и снова настолько проявил себя, благодаря интеллекту и вниманию к деталям, что через пять лет стал его управляющим.

Можно с полной уверенностью утверждать, что у Банка Англии никогда не было настолько эксцентричного управляющего. Когда на него нападало плохое настроение, он часто бросал все дела и уезжал – однажды, например, на целых три месяца уехал в Южную Африку – ничего не объясняя и не прощаясь; в то время как его подчиненные продолжали работать, как будто их начальник никуда не отлучался. Часто он ездил со своей матерью в Швейцарию или во Францию, где посещал одну из многочисленных клиник под руководством чрезвычайно обаятельного француза Эмиля Куэ, психолога и фармацевта из Нанси. В 1920-х годах Куэ прославился, разработав методику личностного роста, которую он назвал «самовнушением». Система Куэ, которую он изложил в небольшой книге «Сознательное

самовнушение, как путь к господству над собой», основывалась на простой идее: нужно как можно чаще внушать себе положительные мысли и повторять фразу «Каждый день и во всех отношениях я становлюсь лучше и лучше».

В книге Куэ насчитывалось всего девяносто две страницы, и большую часть занимали благодарственные отзывы его восхищенных пациентов. Последователи Куэ, счет которым вдруг пошел уже на миллионы, заявляли, что благодаря методике самовнушения можно вылечить практически любое заболевание: брайтову болезнь, синусит, неврастению, опухоль мозга, даже нимфоманию и косолапость. Один восторженный клиент признавался в том, что избавился от мучившей всю его жизнь неспособности переваривать клубнику. Другой пациент благодарил своего кумира за избавление от kleптомании. К середине 1920-х годов клиники Куэ действовали по всей Европе и Северной Америке.

К сожалению, летом 1926 года Эмиль Куэ скончался от неожиданного сердечного приступа. Его смерть доказывала, что если «положительное мышление» и эффективно, то только до определенной степени. Движение постепенно утратило популярность, и Норман вернулся в состояние своей обычной ипохондрии, с которым, впрочем, уже успел свыкнуться. Помимо популярного метода психотерапии Норман увлекался спиритизмом и оккультизмом. Однажды он пытался убедить коллегу в том, что умеет проходить сквозь стены. Как ни странно, все эти чудачества только укрепляли его репутацию финансового гения.

Третьим членом этой группы был Ялмар Хорас Грили Шахт, президент Рейхсбанка Германии, который своим удивительным именем был обязан тому факту, что его отец в молодости провел несколько лет в Америке и увлекся там статьями воинствующего журналиста Хораса Грили. Позже Ялмар Шахт стал активным сторонником Адольфа Гитлера (вплоть до того, что отрастил себе усы в его стиле) и министром экономики при нацистах. По словам одного современника, «доктор Шахт придал легитимность гитлеровским головорезам».

В 1927 году он считался национальным героем, остановившим величайший экономический кризис в истории Германии. Четырьмя годами ранее, в январе 1923 года, французы, возмущенные тем, что

Германия не выплачивает полагающиеся им репарации, захватили Рурскую область, промышленный центр страны. В результате в Германии началась головокружительная гиперинфляция. Марка, которая до войны стоила 4 доллара, упала до 600 000 за доллар. Летом обменный курс составлял уже 630 миллиардов за доллар, и цены удваивались каждый день, а порой и каждый час. Для совершения самых простых сделок люди возили бумажные деньги в тачках и детских колясках. Отослать письмо стоило 10 миллиардов марок. Поездка на трамвае, которая в 1914 году стоила 1 марку, теперь стоила 15 миллиардов. Пенсии утратили всякий смысл. На накопленные за всю жизнь сбережения можно было купить разве что чашку кофе. Всего за десять лет цены повысились в 1 422 900 000 000 раз.

В последнюю неделю ноября 1923 года Германия заменила обесценившуюся рейхсмарку новой валютой – «рентной маркой». Этот шаг чудесным образом произвел желаемый эффект, и инфляция вернулась к более контролируемым и не таким ужасным темпам. По случайному совпадению в тот день, когда произошли эти перемены, скончался Рудольф Хавенштайн, глава Рейхсбанка. Его преемником стал Ялмар Шахт. Из-за этого вся слава по стабилизации экономики Германии досталась ему, и с тех пор его славили как финансового гения.

Оккупация Рура, ставшая причиной политической и экономической нестабильности в Германии, послужила также и одной из причин последующего прихода к власти Адольфа Гитлера. Некоторые историки высказывали мнение, что нацисты не пришли бы к власти, если бы их не поддержал Ялмар Шахт, установивший полный контроль над экономикой Германии. По окончании Второй мировой войны Шахт предстал перед Нюрнбергским трибуналом. В свою защиту он утверждал, что был против преследования евреев и никогда не был членом нацистской партии. Он поддерживал идею лишения евреев прав, но не считал, что их нужно уничтожать, что по тем временам в Германии делало его едва ли не весьма просвещенным человеком. Его оправдали, и он дожил до 1970 года. С Норманом он тоже состоял в приятельских отношениях, и они плыли в Америку вместе под вымышленными именами на борту «Мавритании».

Четвертым из банкиров был уроженец Швейцарии Шарль Рист, экономист и бывший профессор права в Сорбонне, а на тот момент

заместитель управляющего Банк-де-Франс. Сам управляющий, Эмиль Моро, не говорил по-английски, и потому послал вместо себя Риста. Серьезный Рист выглядел весьма респектабельно, но по сравнению с другими казался посторонним. Он приступил к работе в банке только за год до этого, и остальные не слишком хорошо его знали.

Каждый на этой встрече представлял свою нацию, у каждого были свои интересы и свои предубеждения. Для французов год выдался ужасным. Они чувствовали себя обедневшими и обделенными, да к тому же исчезновение Нунжессера и Коли тоже стало большим психологическим ударом. На официальном уровне Банк-де-Франс относился к Норману с подозрением; предполагалось, что он готов не задумываясь продать всю остальную Европу, лишь бы сохранить статус Лондона как мировой финансовой столицы. В Великобритании же только что прошла общая забастовка, немало стоившая стране, и англичане были озабочены тем, что теряют свои позиции в мире. Лично Норман был в ярости, что французы по-тихому совершают набеги на золотой запас Великобритании, и чтобы показать свое неудовольствие, какое-то время отказывался обращаться к французам по-французски. Германия была попросту опустошена. Она была вынуждена не только выплачивать огромные репарации, но и лишена почти всех способов зарабатывать валюту. Союзники, например, присвоили себе большую часть ее морских судов. Сейчас почти забыт тот факт, что многие океанские лайнеры двадцатых годов на самом деле были немецкими судами под новыми названиями. «Беренгария», например, флагман компании «Кунарда», изначально была немецким «Императором». «Маджестик» компании «Уайт Стар Лайн» раньше был «Бисмарком». Американский «Левиафан», на котором собирались отправиться домой командор Бэрд и члены его экипажа, некогда рассекал моря под гордым названием «Фатерлянд».

По сравнению с европейскими странами дела в Америке шли благополучно, возможно, даже чересчур. Экономика была на подъеме, и, казалось, расти она будет бесконечно. На протяжении четырех лет инфляция составляла ноль процентов. Средний экономический рост в год был равен 3,3 процента. Согласно данным Министерства финансов, опубликованным за день до встречи банкиров на Лонг-Айленде, за предыдущий отчетный год профицит бюджета США

составил 630 миллионов долларов, а государственный долг сократился на 1 миллиард долларов. Лучшей экономической ситуации и представить было невозможно.

На фондовом рынке люди делали состояния практически из ничего. Фрэнсис Скотт Фицджеральд в рассказе «Мой невозвратный город» писал о том, что его парикмахер ушел на покой, заработав биржевой игрой полмиллиона долларов – почти в четыреста раз больше своей годовой зарплаты. Для многих игра на бирже стала своего рода наркотиком. Уоррен Гардинг и сам занимался ею, будучи президентом (хотя, разумеется, для президента это было вовсе не обязательно). Можно было покупать акции исключительно с маржой, для этого не нужен был никакой стартовый капитал. К примеру, можно было купить акций на 100 долларов с предоплатой в 10 долларов, заняв их у своего брокера, который, в свою очередь, занимал деньги в банке. Для банков были созданы самые благоприятные условия. Они брали деньги из Федерального резерва по ставке в 4–5 процентов и давали брокерам по ставке в 10–12 процентов. Как выразился один писатель, банки оказались «в положении, когда им неплохо платили просто за то, что они существуют».

Покуда акции росли в цене, то есть на протяжении почти всех 1920-х годов, система работала прекрасно. При этом любому мало-мальски грамотному экономисту было ясно, что между ценой большинства акций и ценой компаний, которыми они были выпущены, не было никакого прямого соответствия. Если общий национальный продукт (измеряемый валовым внутренним продуктом) вырос за десятилетие на 60 процентов, то акции поднялись в цене на 400 процентов. Цены на акции были очевидно раздутыми и не имели ничего общего с увеличением доходов или увеличением производства; они держались на таком высоком уровне только благодаря желанию новых покупателей платить за них все больше и больше.

Большинство мелких инвесторов и не знали, что против них ведется крупная игра. Многие ведущие бизнесмены страны входили в синдикаты, внутри которых манипулировали ценами так, чтобы получить быструю прибыль за счет ничего не подозревавших вкладчиков. Джон Брукс в своей ставшей классической книге «Однажды в Голконде» описывал экономические махинации таких светил, как Уолтер Дж. Крайслер из корпорации «Крайслер», Джон

Джейкоб Раскоб, председатель национального комитета Демократической партии, и Лизетт Сарнов, жена Дэвида Сарнова, главы Радиовещательной корпорации Америки (RCA). Некий брокер по их указке через определенные интервалы скупал крупные партии акций RCA, в результате чего их цена поднялась с 90 до 109 долларов. Подъем акций привлекал других инвесторов. Затем брокер продал все бумаги, и его клиенты получили прибыль почти в 5 миллионов долларов меньше чем за месяц. После этого цена на акции упала до 87 долларов, и все другие инвесторы понесли большие потери. Конечно, такие махинации – не повод для гордости, но в них не было и ничего противозаконного. С их помощью Раскоб заработал большую часть своего капитала, как и Джозеф П. Кеннеди, отец президента Джона Ф. Кеннеди.

В 1929 году Раскоб дал интервью журналу «Ледис хоум», которое было опубликовано под заголовком «Каждый должен быть богатым». В нем он утверждал, что обязанность каждого человека – разбогатеть посредством игры на фондовой бирже. Но к тому времени он уже распродал большинство своих акций, предвидя падение рынка. Лицемерие в 1920-х годах процветало, но немногие умели его различать.

Кредитные операции получили широкое распространение не только на растущем фондовом рынке, но и во всех других сферах жизни. Благодаря новой финансовой идее американцы вдруг получили возможность приобретать вещи, о которых раньше даже не думали, и притом сразу. Это называлось «оплата в рассрочку», и идея эта не только изменила привычки американцев, но и само их мышление.

Идея была необычайно проста. Допустим, радио стоит 100 долларов. Покупатель покупает его за 10 долларов, и каждые десять месяцев платит еще по 10 долларов. Продавец заключает договор с финансовой компанией на 83 доллара с 10-процентной переплатой, и всего отдает ей 93 доллара. Через десять месяцев финансовая компания отдает продавцу на 10 долларов больше за то, что он перевел ей все ежемесячные платежи. В результате к концу периода выплаты продавец получает 103 доллара, финансовая компания получает 7 долларов, а покупатель получает товар, о котором он раньше только мечтал. Как писал Луис Хаймен в своей истории потребительского кредита в Америке «Нация должников», система эта настолько

завораживала, что каждый при ней чувствовал себя довольным. Потребители приобретали пылесосы компании «Репаблик файненс компани» (RFC) по процентной ставке всего в 1,05 доллара ежемесячно в течение пяти месяцев, что казалось сущим пустяком, но RFC и ее акционеры получали по такой схеме 62 процента всей прибыли. На такой математической основе и был построен весь новый мир.

«Покупай сейчас, плати позже» – таков был популярный девиз, и люди вскоре привыкли покупать в кредит все, что угодно – одежду, мебель, бытовые приборы, ванны, кухонные шкафы и, прежде всего, автомобили. Благодаря кредитам в домах американцев появились блестящие новые приборы, а дороги заполнялись новыми автомобилями. Кредиты превратили Америку в потребительский рай, которым она остается и поныне.

Все это поставило Америку в особое положение. На момент совещания банкиров на Лонг-Айленде она была самой быстро развивающейся в экономическом отношении страной, но и наименее опытной. Ее собственному аналогу Центрального банка, Федеральному резерву, насчитывалось всего тринадцать лет; и эта структура была настолько неуклюжей, что почти не годилась на решительные действия. Отчасти своей неуклюжестью Федеральный резерв был обязан отцу самого известного авиатора Америки, который в свое время входил в Комитет по банкам и промышленности при палате представителей. Как и многие выходцы из сельских областей Среднего Запада, Линдберг-старший испытывал стойкую неприязнь к банкирам с Востока США – он бы ужаснулся при мысли, что его сын однажды женится на дочери партнера Моргана – и желал, чтобы функции Центрального банка были распределены по нескольким финансовым институтам, а не сосредоточены в одном банке на Восточном побережье. По этим причинам он и его коллеги из Конгресса решили не создавать один центральный банк, как в других странах, а создать сеть из двенадцати независимых региональных банков, мягкий контроль над которыми осуществлял бы Совет управляющих Федеральной резервной системы (ФРС).

Это была довольно странная идея, которая остается таковой и поныне. Хотя все двенадцать банков сообща образуют некое подобие

центрального банка и действуют от имени правительства, в то же время они остаются отдельными частными и коммерческими организациями с участием акционеров. С точки зрения правительства, их основная функция заключается в том, чтобы контролировать денежную массу в обращении, и это они делают, регулируя ставку рефинансирования, то есть процентную ставку, по которой резервные банки предоставляют деньги коммерческим банкам. Ставка рефинансирования – это основная ставка, на которую ориентируются ставки всех остальных банков.

В теории все двенадцать региональных отделений Федерального резерва равны между собой, но на практике ведущим игроком оказался Федеральный резервный банк Нью-Йорка под управлением Бенджамина Стронга. Как написал о Стронге Аллан Х. Мелцер в своей истории Федерального резерва: «Он считал, что из двенадцати резервных банков на одиннадцать больше, чем нужно». Под управлением Стронга нью-йоркский резервный банк всюду пользовался своими преимуществами, а именно тем, что он был самым крупным из резервных банков, удобно расположенным в финансовой столице страны. Совет управляющих ФРС в Вашингтоне состоял преимущественно из некомпетентных в финансовом отношении лиц, назначенных президентом Гардингом. Кроме того, что самое важное, Стронг получил исключительное право представлять Соединенные Штаты в сделках с другими странами. Фактически Федеральный резервный банк Нью-Йорка и был центральным банком страны, а ведь именно этого и пытался избежать конгрессмен Ч. О. Линдберг.

Банкиры встречались пять дней в обстановке секретности и не делали никаких публичных заявлений. Они бы даже не признались на публике, что встречались, и это довольно странно, если учесть, что они принимали решения, которые должны были определить направление мировой экономики в последующие годы. Что именно они обсуждали, неизвестно, поскольку записей не сохранилось, но большинство стоявших перед ними проблем сводилось к одному: к золоту.

Международная банковская система в то время продолжала придерживаться почтенного, но устаревшего механизма под названием «золотой стандарт». Золотой стандарт – это довольно простая и

понятная система. При ней любое количество денег, имеющих в обращении, поддерживается количеством золота, имеющегося в резерве. Когда в Америке действовал золотой стандарт, банкноту в 10 долларов можно было в любой момент обменять на количество золота, стоимостью в 10 долларов, и наоборот. Другими словами, именно золото придавало стоимость бумажным листам под названием «деньги». Золотому стандарту присущи некоторые ограничения – в частности, количество денег в обращении не может превышать количество добытого золота, но у него же есть и ряд преимуществ, которые привлекают банкиров. Он делал инфляцию почти невозможной, потому что правительство не могло просто так напечатать деньги. Обменный курс валют при этом мало зависел от политиков с их узкими и краткосрочными интересами. Золотой стандарт поддерживал стабильность цен и, по большей части, приводил в действие механизм международной торговли. И, что самое главное, золотой стандарт имел большое психологическое влияние. Он работал. Работал в течение долгого времени.

Но проблема заключалась в том, что в 1920-х годах он работал уже не так эффективно, как раньше. Почти половина всего золота в мире сосредоточилась в Соединенных Штатах, преимущественно за стальной девятидюймовой дверью пятиэтажного подземного хранилища под Федеральным резервным банком Нью-Йорка в Нижнем Манхэттене. Казалось бы, неплохо иметь половину всего золота в мире, но в действительности это означало, что другие страны не могли себе позволить приобретать продукцию страны, потому что им не хватало золота для оплаты этой продукции. В интересах международной торговли и оздоровления мировой экономики золото должно было циркулировать, а вместо этого оно стабильно накапливалось в стране, которая и без того находилась в гораздо лучшем положении, чем все европейские страны, вместе взятые.

Само благоразумие, если не упоминать об элементарном приличии, требовало, чтобы Америка помогла своим европейским друзьям. В американских же интересах было стимулировать международную торговлю. Поэтому Стронг решил понизить ставку рефинансирования с 4,0 до 3,5 процента, чтобы владельцы золота переводили свои сбережения в Европу, где они могли бы получить больше прибыли по более высоким ставкам. Такой шаг укрепил бы

европейские резервы, помог бы стабилизировать европейские валюты и увеличил бы международную торговлю в целом. Стронг считал, что американская экономия может спокойно вынести такое небольшое уменьшение ставки, но, как оказалось, он ошибался.

Четыре банкира закончили совещание 7 июля и немедленно отправились в Вашингтон, чтобы объявить отдельным членам Совета управляющих ФРС о своем решении. Со стороны Стронга было чрезвычайно дерзко указывать Федеральному резерву, что ему делать, и четыре резервных банка – банки Чикаго, Сан-Франциско, Миннеаполиса и Филадельфии – отказались подчиниться, отчасти из чувства противоречия, но отчасти и из убеждения, что было бы безумием поощрять кредитование на и без того раздутом рынке. Но Совет управляющих ФРС, как ни странно, принял аргументы Стронга и заставил непослушные банки исполнить его решение.

Понижение ставки рефинансирования привело к непредсказуемым последствиям и «стало искрой, которая подожгла лес», по выражению писателя и экономиста Лаяквата Ахамеда. В результате возник Большой рыночный пузырь 1928 года. В течение следующего года акции подскочили в цене более чем вдвое, а общий объем кредитов, выданных брокерами инвесторам, повысился более чем на 1 миллиард и составил головокружительную сумму в 4,5 миллиарда долларов. Финансовая лихорадка подогревалась совершенно абсурдным убеждением, что фондовый рынок будет расти бесконечно.

Но за пределами банковской системы немногие тогда распознали знак надвигающейся бури. Среди политиков обеспокоился и даже пришел в ярость только Герберт Гувер. Он обозвал Стронга «духовным приложением к Европе» (а позже обвинил его в «преступлении, которое хуже убийства»); в письме к Совету управляющих ФРС он предсказал, что необдуманное понижение ставки приближает депрессию. В отдельном обращении к Кулиджу он призвал президента вмешаться. Кулидж проигнорировал его предупреждения, поскольку считал, что на рынке все хорошо, и верил министру финансов Эндрю Меллону, который незадолго до этого заявил: «На фондовом рынке, по моему мнению, царит порядок, и я не вижу никаких признаков чрезмерной спекуляции». Кроме того, Федеральный резерв был отдельной независимой организацией, которая не обязана была

подчиняться президенту. Как обычно, Кулидж предпочел уклониться от ответственности и вместо этого вернулся к приятному времяпрепровождению за ловлей форели. Разбираться с Великой депрессией предстояло другому президенту.

Наконец-то облака над страной развеялись и установилась теплая летняя погода. К началу долгих выходных в честь Четвертого июля температура в Нью-Йорке поднялась до 80 градусов по Фаренгейту. Это было наступление первой волны летней жары.

Жара преобразила городскую жизнь. Она дала общую тему для разговоров между незнакомцами. На какое-то время у всех стало о чем поговорить. К жителям большого города вернулось почти позабытое чувство общности. Люди сидели на ступенях. Парикмахеры выставляли кресла наружу и брили своих клиентов в тени деревьев или навесов. Повсюду были широко распахнуты окна – в конторах, квартирах, отелях, библиотеках, больницах, школах, так что шум города тоже проникал повсюду. Гул автомобилей на дальних улицах, крики играющих детей, перебранка в соседнем доме – все это и множество других звуков сопровождало человека во время работы, во время чтения и во время бесплодных попыток уснуть. Сегодня мы устремляемся внутрь домов, чтобы избежать городской суеты. В 1920-х годах суета устремлялась внутрь вместе с вами.

Поскольку Четвертое июля приходилось на понедельник, многим рабочим предоставили три выходных, что было удивительным новшеством в ту эпоху, когда люди еще не до конца привыкли, что вообще бывают выходные. Средняя рабочая неделя в Америке сократилась с шестидесяти часов в начале десятилетия до сорока восьми часов в 1927 году, поэтому у людей появилось больше свободного времени, но возможность провести три дня без работы выпадала настолько редко, что казалась едва ли не чудом. Почти все пытались максимально воспользоваться свободным временем. В пятницу все билеты на поезда были распроданы на несколько дней вперед. По сообщению журнала «Тайм» во время выходных по поводу Четвертого июля из Нью-Йорка собирались выехать или въехать в него два миллиона человек. Пенсильванская железная дорога выделила дополнительные 235 поездов; железнодорожные компании Нью-Йорка, Нью-Хейвена и Хартфорда тоже пообещали выделить

дополнительные пригородные поезда для тех, кто отправлялся на Кейп-Код и Мэн.

3 июля Кони-Айленд посетили миллион человек, что до сих пор остается рекордом. Рокавей и Стейтен-Айленд приняли, пожалуй, на полмиллиона больше, хотя власти Стейтен-Айленда сообщали, что местные жители садились на поезда, отправлявшиеся в Нью-Джерси. Толпы осаждали Эсбери-парк, Лонг-Бич и Атлантик-Сити. Бордуок в Атлантик-Сити был заполнен с раннего утра до позднего вечера в субботу, воскресенье и понедельник.

Те же, кому не удалось выбраться из города, делали все возможное, чтобы оставаться в прохладе. Многие отправлялись в кинотеатры с кондиционированием, хотя тогда такого слова еще не существовало. Впервые оно было упомянуто в следующем месяце в связи с установкой оборудования для охлаждения воздуха в Рено, штат Невада, в редакции «Ивнинг газетт». А до той поры говорили просто «охлаждение воздуха».

Более экономные покупали билет в троллейбус на Бродвее, где за пять центов можно было кататься сколько угодно. Сотни человек так и поступали. Ночью многие выносили матрасы на пожарные лестницы или на крыши домов и спали там. Огромные толпы стекались в Центральный парк с одеялами и подушками, чтобы переночевать под звездами. Драматург Артур Миллер, который тогда был одиннадцатилетним мальчишкой, росшим на 110-й улице, через много лет вспоминал то необычайное впечатление от летних ночей в парке: «Вместе с парой других мальчишек мы отправлялись в парк и гуляли там, встречая по пути людей, расположившихся поодиночке и семьями; они спали на траве, поставив рядом с собой огромные будильники, которые, отмечая секунды, тикали вразнобой и создавали тихую какофонию с синкопированным ритмом. В темноте плакали младенцы, мужчины шептали что-то низкими голосами, а какая-то женщина время от времени громко смеялась у озера».

Те, кто не мог заснуть, отправлялись на долгие ночные прогулки пешком или в автомобиле. Ночью 3 июля десять человек из пансиона в Саут-Орандж, штат Нью-Джерси – шесть взрослых и четыре ребенка – сели в автомобиль и поехали, «чтобы проветриться», по словам владельца этого автомобиля, Джеймса Дечикко. Одна из пассажирок, миссис Кэтрин Дамиано, училась управлять машиной и попросилась

сесть за руль, чтобы попрактиковаться. Дечикко согласился. К несчастью, под управлением миссис Дамиано автомобиль заглох прямо на железнодорожных путях и с ним столкнулся поезд Пенсильванских железных дорог, один из тех, что спешили в город, чтобы увезти его жителей подальше от городской суеты. Миссис Дамиано и все четыре ее ребенка погибли на месте. Двое других взрослых также впоследствии скончались. Еще двое получили серьезные травмы. Целым и невредимым остался один мистер Дечикко, которому удалось вовремя выпрыгнуть из машины. Семь смертей на одну автомобильную катастрофу – это, по всей видимости, был рекорд. Несчастный муж миссис Дамиано работал в ночную смену и только утром узнал, что потерял всю свою семью.

Все это происходило, когда, как следует иметь в виду, температура ночью держалась на семидесяти с лишним градусах по Фаренгейту. До конца месяца температуре и влажности предстояло еще сильнее повыситься по всей стране, вызвав много летальных случаев.

Теплая погода и праздничное настроение привлекли огромные толпы на «Янки-Стэдиум», где в понедельник четвертого июля проходил двойной матч между «Янкиз» и вашингтонскими «Сенаторс». На стадионе собрались семьдесят четыре тысячи зрителей, что больше, чем на любой другой игре в том сезоне, и еще большему количеству не досталось билетов.

Из-за той же плохой погоды, которая весной мешала авиаторам вылететь с аэродрома Рузвельта, один за другим откладывались матчи бейсбольных высших лиг. В 1927 году «Янкиз» сыграли 18 двойных матчей – причем четыре только в одном июле – но ни один из них не был настолько примечательным и важным, как матч четвертого июля. В июне у них началась хорошая полоса; месяц они закончили со счетом 21:6 и лидировали в своей лиге с 9½ матчей, но «Сенаторс» шли за ними по пятам. Они неплохо отбивали мяч – пять их лидеров из отбивающих превысили показатель 300 – и выиграли десять подач подряд, благодаря чему заняли второе место после «Уайт Сокс». В Нью-Йорк они прибыли в приподнятом настроении, уверенные в том, что их ожидает решающий матч. Он и оказался решающим, но только не для них.

«Янкиз» разбили их в пух и прах. В той двойной игре они выиграли с поразительным счетом 12:1 и 21:1. Со стороны могло показаться, что это просто тренировка подач: 9 даблов, 4 трипла и 5 хоум-ранов – всего 37 хитов и 69 взятых баз в общем счете. Процент отбивания команды составил 46,8. Все, кроме одного, игроки «Янкиз», в том числе и питчеры, заработали по меньшей мере по одному хиту, а шестеро – четыре и более. Даже редко выходящий на подачи новичок Джулиан Вера, сыгравший только 43 игры за два коротких сезона высшей лиги, сделал хоум-ран с двумя раннерами на базах – единственный в своей карьере. Единственным игроком, который не сделал хит, был Уилси Мур, которого многие считали худшим хиттером. Вторую игру он закончил с личным счетом 0:4, но компенсировал это тем, что подавал девять иннингов подряд, отбил десять подач и отдал один ран. Такую же уверенную игру продемонстрировал и Джордж Пипграсс, который отдал один ран за девять хитов в первой игре, но на площадке хиттера сыграл со счетом 2:4. В общем, этот день для игроков в белой форме с синими полосками выдался замечательным.

«Никогда еще претенденты на вымпел не проигрывали с таким треском», – писал обозреватель «Нью-Йорк уорлд». «Хотелось бы, чтобы сезон уже закончился», – сказал ведущий игрок «Сенаторс» Джо Джадж. В каком-то смысле он и закончился. Благодаря двум победам «Янкиз» обеспечили себе лидерство с 11 ½ победами. На следующий день они снова одержали победу над «Сенаторами», а потом еще в шести из семи оставшихся играх. Ни одна другая команда уже не подходила к ним на угрожающее расстояние.

Для многих это стало неожиданностью. Почти все предсказывали, что вымпел Американской лиги в 1927 году достанется команде «Атлетикс» из Филадельфии. Согласно всеобщему мнению, лучшие дни «Янкиз» уже миновали. Руту исполнилось тридцать два года, и у него уже росло брюшко; все ведущие питчеры были и того старше. Датчу Рутеру и Хербу Пенноку исполнилось тридцать три, Бобу Шоуки и Урбану Шокеру – тридцать шесть. Средний возраст команды превышал двадцать восемь лет. Только пятеро игроков родились в двадцатом веке. Шокер находился в таком плохом состоянии, что под конец следующего сезона умер.

И все же в 1927 году «Янкиз» показали себя одной из величайших команд всех времен – возможно, даже самой великой. Семь ее членов (включая менеджера Миллера Хаггинса) были включены в Бейсбольный зал славы, что необычайно много для одной команды. Редко, когда подбиралась настолько слаженная группа игроков.

Как правило, сравнивать спортивные достижения различных эпох бесполезно и даже бессмысленно, но если и можно назвать команду с лучшими показателями за все время, то это, безусловно, «Янкиз» 1927 года, члены которой были выдающимися игроками, и как спортсмены, и как люди. Среди прочих более всего достойны упоминания следующие игроки:

Уэйт Хойт, питчер по прозвищу Школьник, получивший его за то, что начал играть в высшей лиге, когда ему было еще семнадцать лет. В 1927 году он играл свой десятый сезон за высшую лигу, и это был один из лучших его сезонов. Закончил он его со счетом 22:7 и стал одним из лидеров лиги по пяти категориям для питчеров: по числу побед, по проценту побед, по показателю пропущенных ранов (ERA), завершенным играм и по иннингам, в которых подавал.

Личная жизнь Хойта также весьма любопытна. Он родился в семье известного актера водевиля, и сам был талантливым певцом и исполнителем – по крайней мере, достаточно хорошим, чтобы зарабатывать на жизнь выступлениями на сцене. Тесть Хойта владел похоронным бюро в Нью-Джерси, и Хойт помогал ему доставлять тела умерших из моргов на Манхэттене для подготовки к похоронам. Иногда он даже оставлял катафалк у ворот стадиона «Янки-Стэдиум» и завершал доставку уже после игры. В период между сезонами Хойт готовился сам стать мастером похоронных дел.

Урбан Шокер, также питчер, родившийся во франкоканадской семье в Кливленде и при рождении получивший имя Юрбен Жак Шоккор. Он отличался пристрастием к алкоголю, но эта черта была общей для многих игроков того времени. Из-за полученной в юные годы травмы один палец на его рабочей руке был постоянно согнут, но он же делал его захват необычным и позволял удачно кидать мяч с подкруткой. Он также был одним из семнадцати питчеров, которым разрешили пользоваться «спитболом» после 1919 года. Его зарплата

была третьей по величине после Рута и Пеннока и составляла 13 500 долларов.

В высших лигах Шокер был питчером тринадцать лет и не пропустил ни одного сезона. В 1927 году он установил рекорд в 18 побед и 6 поражений. В лиге он находился на втором месте по проценту побед, вторым по количеству уоков на подачи и третьим по ERA. Самое поразительное, что таких показателей он добился, по сути, уже умирая. Из-за болезни сердца ему приходилось спать сидя. (В некоторых книгах говорится, что стоя, но это маловероятно.) На фотографиях 1927 года он выглядит лет на десять старше своего настоящего возраста, осунувшимся и серым. В начале осени болезнь его подточила так, что он не мог принимать регулярное участие в играх. Через год он скончался.

Херб Пеннок, питчер-левша, родился в Филадельфии, в богатой квакерской семье, и товарищи по команде прозвали его «сквайром из Кеннет-Сквера». Между сезонами он охотился на лис, выращивал хризантемы и коллекционировал антиквариат. В бейсболе он провел двадцать два года, но в 1927 году его карьера близилась к закату. После игры его рука так немела, что он порой не мог даже ею причесаться. В 1927 году его зарплата была второй по величине и составляла 17 500 долларов. Позже его включили в Бейсбольный зал славы.

Уилси Мур, питчер, был, пожалуй, самым жизнерадостным и веселым членом команды, недавно вошедшим в ее состав. Считалось, что ему тридцать лет, хотя, возможно, было и больше: никто не знал его настоящего возраста, и сам он никому об этом не рассказывал. Родился он в деревушке Холлис в Оклахоме и несколько лет провел питчером в различных командах младших лиг. В 1925 году он повредил запястье, но эта травма, как ни странно, только улучшила его подачу. Иногда его ставили первым (как, например, четвертого июля), но по большей части он был «пожарным», то есть запасным питчером, которого выводили на поле в опасных ситуациях, и когда на базах были игроки. Товарищи прозвали его «доктором», потому что он специализировался на «играх с больным мячом», как объяснил один журналист. В 1927 году он продемонстрировал отличную игру с ERA 2.28 в 213 иннингах. Другого такого сезона у него уже не выдалось.

Тони Лаццери, второй базовый игрок и иногда шортстоп, играл всего лишь второй сезон, но его уже считали неплохим полевым игроком высшей лиги. Весил он всего 165 фунтов, но удар у него был чрезвычайно сильным. Прежде чем перейти к «Янкиз» в 1926 году, в 1925 году, играя за команду Солт-Лейк-Сити из Лиги Тихоокеанского побережья, он выбил 60 хоум-ранов и набрал 222 приведенных очка.

Особым героем Лаццери стал для американцев итальянского происхождения. В 1927 году итальянец-бейсболист считался очень большой редкостью. В глазах широкой публики итальянцы были в основном либо гангстерами, вроде Аль Капоне, либо анархистами, вроде Сакко и Ванцетти. Неудивительно, что итальянца, отличившегося в самом американском виде спорта, его соплеменники воспринимали едва ли не как бога. Мало кто знал, что он страдал от эпилепсии – и это в те времена, когда эпилептиков часто держали взаперти в лечебных учреждениях – но за все четырнадцать лет игры в высших лигах с ним ни разу не случилось эпилептического припадка на поле. Впоследствии его также включили в Бейсбольный зал славы.

Боб Мьюзел, левый полевой игрок по прозвищу Тихий Боб, славился тем, что иногда целыми днями не произносил ни слова, держался в стороне от своих товарищей и никогда не отвечал на радостные приветствия болельщиков; казалось, что его не трогали ни похвалы, ни упреки. 1927 год и для него выдался очень хорошим, с процентом отбитых ударов 337, с 174 хитами и 103 приведенными очками. С Бейбом Рутон они неплохо ладили, в основном потому, что Мьюзелу нравилось посещать вечеринки. Только он молчал и на вечеринках.

Эрл Комбс, центральный полевой игрок, отличался покладистым нравом, и все его любили. Прежде чем стать профессиональным бейсболистом, он работал сельским учителем в Кентукки. Он не курил, не пил, не ругался и почти все свободное время читал Библию. Возможно, он был самым уважаемым игроком как среди членов команды, так и среди болельщиков, не только надежным центральным игроком, но и одним из ведущих хиттеров всех времен. 1927 год стал лучшим в его карьере: он возглавил список лиги по синглам, триплам и

общим хитам; отбил он всего 356 процентов подач. 231 хит сделали его рекордсменом «Янкиз», и он стал одним из членов команды, включенных в Бейсбольный зал славы.

Бенни Бенгофф, запасной кетчер, появлялся всего в 31 игре, но также был довольно популярным членом команды. Он родился в Англии, в Ливерпуле, но вырос в Ниагара-Фоллсе в штате Нью-Йорк. До того, как стать бейсболистом, он готовился к карьере священника. Бенгофф был полностью лысым, причем облысел он при странных обстоятельствах – однажды лег спать с волосами, а проснулся уже без волос. В шутку он иногда проводил рукой по голове, словно приглаживая локоны. Особенно он нравился Бейбу Руту.

Достоин упоминания также и Эдди Беннет, «бэтбой» команды, то есть тот ее член, который подносил биты игрокам. Он был горбуном, и игроки перед матчами дотрагивались до его горба на удачу. Считалось, что он вообще приносит удачу любой команде благодаря своим сверхъестественным способностям. В 1919 году, когда он был бэтбоем «Уайт Сокс», они завоевали вымпел лиги. В 1920 году он перешел к «Доджерсам», и они тоже получили вымпел. В 1927 году он был одним из самых почитаемых персонажей в бейсболе. Судя по некоторым отзывам, он был не столько бэтбоем, сколько «тренером на скамейке», то есть неофициальным помощником менеджера.

Ну и, наконец, главными героями команды были Бейб Рут и Лу Гериг, самая замечательная пара во всей истории бейсбола. Геригу удалось то, что с тех пор не удалось повторить ни одному человеку – выбить столько же хоум-ранов, сколько выбил и Бейб Рут. Вместе в 1927 году они сделали четверть всех хоум-ранов Американской лиги.

Если на то пошло, то Гериг обладал всеми качествами настоящего героя, красивого, приятного в общении, с подкупающей улыбкой, темно-синими глазами и ямочкой на подбородке; он был необыкновенно талантлив, и его тело было словно высечено из гранита. Но при всем этом он страдал от почти полного отсутствия воли и от патологической робости, особенно в отношениях с женщинами. В возрасте двадцати трех лет он все еще жил с родителями, и у него не было подруги. В интервью одному журналу он признался, что иногда курил и пил пиво, но никто никогда не видел,

чтобы он делал это на самом деле. Его товарищи по команде Бенни Бенгофф и Марк Кениг пригласили его однажды к себе, чтобы познакомиться с девушками. Гериг пришел в костюме, аккуратно выглаженном матерью, и весь вечер тихо просидел на диване, боясь заговорить.

Как и Линдберг, Гериг чурался общества, но если Линдберг был самодостаточен, то Гериг казался неестественно одиноким. Иногда он один гулял в парке развлечений и катался на аттракционах несколько часов подряд. Он уделял мало внимания своему внешнему виду и даже в очень холодную погоду ходил без пальто. Он не хотел, чтобы ему уделяли слишком много внимания, и поэтому Джейкоб Руперт мог платить ему не больше, чем запасным игрокам. Гериг всегда соглашался с любой суммой, которую ему выделял Руперт, а сам Руперт не особенно беспокоился по этому поводу.

Гериг родился в 1903 году в штате Нью-Йорк, в Йорквилле, в семье бедных немецких иммигрантов. На момент рождения, судя по некоторым рассказам, он весил добрых четырнадцать фунтов. (Его мать была довольно дородной женщиной.) В детстве он разговаривал на немецком языке. Отец его редко работал, и, судя по всему, был алкоголиком. У миссис Гериг было еще трое детей, но все они рано умерли, так что Лу остался единственным, поэтому она еще больше привязалась к нему.

Гериг тоже души не чаял в своей матери. Если другие бейсболисты иногда приводили на тренировки своих подружек, то Гериг приходил с матерью. Во время поездок он каждый день писал ей письма. Перед отъездом они целовались и обнимались минут по десять, отчего другим становилось неловко. Во время показательного тура в Японию Гериг почти все свободное время ходил по магазинам и потратил почти все заработанные деньги на подарки матери.

Гериг отличался завидным телосложением и был прирожденным спортсменом. Участь в старших классах, он отбивал бейсбольный мяч сильнее любого другого старшеклассника. Когда команду их школы пригласили в Чикаго сыграть в Кабс-парке, то на девятом иннинге Гериг отбил такой хоум-ран, что мяч перелетел через стену парка и приземлился на Шеффилд-авеню. Таким ударом мог бы гордиться любой игрок высшей лиги. Геригу же на тот момент было всего семнадцать лет.

Той же осенью он записался в Колумбийский университет, где его мать работала уборщицей и поваром в доме братства «Сигма-Ню». Особой успеваемостью он не отличался, и даже завалил экзамен по немецкому, который был его родным языком. Экзамен по английскому он тоже завалил, правда, тригонометрию сдал. Но его неуспеваемость объяснялась скорее плотным графиком, а не недостатком ума и сообразительности. Каждый день ему приходилось вставать на рассвете, убирать в столовой и ехать полтора часа на автобусе. После этого он несколько часов проводил на занятиях, за которыми следовали тренировки по бейсболу или футболу, в зависимости от сезона. После душа и быстрого ужина он возвращался в столовую, чтобы прибрать столы и помыть посуду.

В 1923 году он записался в команду «Янкиз» и через два года стал ее полноценным членом. 1 июня 1925 года он вышел на замену игрока Уолли Пиппа и с тех пор на протяжении четырнадцати лет не пропустил ни одной игры вплоть до мая 1939 года. Всего он принял участие в 2130 последовательных матчах, и этот рекорд продержался шестьдесят четыре года.

Тай Кобб из детройтских «Тайгерс», самый непредсказуемый и неуравновешенный бейсболист, с первой же встречи невзлюбил Герига за его робость, спокойствие и прежде всего за то, что тот всегда пытался сделать сильный удар. С тех пор всякий раз, проходя мимо, Кобб старался как-нибудь оскорбить Герига. Если Гериг стоял на базе рядом с ним, то Кобб подбирался поближе и командовал: «Держи ногу на мешке, Сосиска-Шницель! Куда пошел, тупоголовый немец?» Когда Гериг играл на первой базе, то Кобб сыпал ругательствами в его адрес, сидя на скамейке. Как-то раз Гериг не вытерпел и подбежал к скамейке «Тайгерс», размахивая кулаками; Кобб предусмотрительно спрятался за какого-то игрока повыше, Гериг ударил его головой и тот упал на землю. На Кобба это произвело такое впечатление, что он больше Герига не оскорблял.

Теперь, когда пошел третий год игры Герига в высшей лиге, стало ясно, что он вполне может превзойти результаты Рута 1921 года. Еще больше была вероятность, что он побьет рекорд Рута по количеству сделанных хоум-ранов. За последние 20 игр – то есть с того самого дня, когда Линдберг так и не доехал до стадиона «Янки-Стэдиум» – Рут выбил 5 хоум-ранов, что было более или менее нормально для

него. Гериг в тот же период выбил 14 хоум-ранов, в том числе три в одном матче в бостонском Фенвей-парке, что никто никогда раньше не делал. Если бы он продолжил играть в таком темпе, то за полный сезон сделал бы более сотни хоум-ранов.

Четвертого июля, в двойном матче против вашингтонской команды, Гериг выбил еще 2 хоум-рана, включая «гранд-слэм». Под конец дня за его плечами было уже 28 хоум-ранов, тогда как у Рута – 26. Никто еще так близко не подбирался к рекорду Рута. Началась первая в истории бейсбола великая гонка за хоум-ранами, и дух соперничества так и витал в воздухе.

Но несмотря на то, что Рута и Герига считали соперниками и что характеры их были полностью противоположными, сами они оставались хорошими друзьями. Гериг часто приглашал Рута к себе в дом, где миссис Гериг потчевала его разными блюдами и, согласно некоторым биографиям, разговаривала с ним по-немецки. (На самом деле, как вспоминала сестра Герига, Бейб совсем не говорил по-немецки.) «Я полюбил этого немца, как брата», – писал Рут с искренней теплотой в своей биографии. Он, как и множество болельщиков, восхищался достижениями Герига, а Гериг, со своей стороны, был рад, что играет в той же команде, что и Рут. Особенно его умиляло великодушие Рута. «Просто невозможно завидовать такому бескорыстному человеку, как Рут», – говорил он журналистам.

Но теплые отношения между ними длились недолго. В 1930-х годах Гериг столь же искренне возненавидел Рута – и слухи о том, что Рут переспал с его женой, по всей видимости, объясняли почему.

На западе страны самой хорошей новостью стало улучшение погоды, потому что воды Миссисипи наконец-то принялись, хотя и медленно, но отступать. В начале июля вода все еще покрывала полтора миллиона акров, но худшее уже было позади, и Герберт Гувер наконец-то получил возможность переложить свои повседневные обязанности на плечи других.

Для Герберта Гувера ликвидация последствий наводнения стала личным триумфом. Особенно он гордился тем, что справился в условиях полного отсутствия финансирования со стороны федерального правительства. Все средства поступали в форме пожертвований от частных граждан и общественных организаций,

вроде Красного Креста и Фонда Рокфеллера. «Таково было время, когда граждане ожидали помощи в беде друг от друга, и им даже в голову не приходило, что о них должно заботиться федеральное правительство», – в слегка ностальгических тонах писал Гувер в своих мемуарах тридцать лет спустя. Помощь, оказываемая тем, кто пытался встать на ноги, по сути была совершенно неадекватной. Благодаря усилиям Гувера был создан займовый фонд помощи жертвам наводнения на 13 миллионов долларов. Казалось бы, сумма довольно значительная, но на каждого человека приходилось всего по 20 долларов, и к тому же это была только ссуда, едва ли полезная для человека, который потерял все имущество.

Великое миссисипское наводнение 1927 года имело два важных последствия. Во-первых, оно ускорило переезд темнокожего населения с Юга – так называемую Великую миграцию. С 1920 по 1930 год в поисках более высокооплачиваемой работы и личных свобод на север переехали 1,3 миллиона чернокожих южан. Это переселение за десятилетие изменило лицо Америки. До Великой миграции за пределами южных штатов проживали только 10 процентов всех чернокожих; после нее – половина.

Другим важным последствием наводнения было то, что федеральное правительство наконец-то осознало, что бывают такие масштабные события, с которыми Штаты не в состоянии справиться одни. Несмотря на трогательные воспоминания Гувера о том, что помощь оказывалась только частными людьми и общественными организациями, правительство было вынуждено вмешаться. В 1928 году Калвин Кулидж нехотя подписал Акт о контроле над наводнениями, согласно которому для предотвращения подобных катастроф в будущем выделялись 325 миллионов долларов. По мнению многих, это было рождение Большого Правительства в Америке. Кулиджу настолько не по нраву была эта идея, что он отказался провести какую бы то ни было церемонию в честь принятия акта. Он просто поставил свою подпись под ним и отправился на обед.

Между тем в зоне наводнения далеко не все с радостью встретили известие о том, что вода отступает. В Морган-Сити, штат Луизиана, жене известного местного бизнесмена Аде Б. Лебеф пришлось долго объяснять полиции, каким образом распухшее тело ее мужа со следами огнестрельных ранений было найдено в прибрежном иле через девять

дней после того, как она сообщила о его исчезновении. В ходе допроса миссис Лебеф призналась, что вступила в заговор с другим известным жителем Морган-Сити, врачом и хирургом Томасом Э. Дреером, по совпадению лучшим другом ее мужа. Коварный Дреер пригласил мистера Лебефа на рыбалку, застрелил его, положил груз в его одежду и выкинул тело за борт.

Год тысяча девятьсот двадцать седьмой, можно сказать, был богат на глупые убийства, и это убийство стало одним из них. Доктору Дрееру почему-то не пришло в голову, что после того как вода схлынет, тело окажется на земле. Доктора Дреера и миссис Лебеф судили, признали виновными и повесили рядом друг с другом.

Для Чарльза Линдберга начало июля тоже выдалось довольно неудачным. Он вежливо отказывался от самых безумных и назойливых предложений о коммерческом сотрудничестве, но на два предложения он все же согласился, и теперь настала пора исполнять обязательства. По одному из них Линдберг должен был провести трехмесячное турне по Америке на «Духе Сент-Луиса». Идея состояла в том, чтобы посетить каждый из сорока восьми штатов, отчасти чтобы удовлетворить жажду публики посмотреть своими глазами национального героя, но также и в целях рекламы авиации. Фонд развития аэронавтики Дэниела Гугенхайма выделил ему 2500 долларов в неделю, довольно щедрую сумму. Детали турне регулировало Министерство торговли во главе с вездесущим Гербертом Гувером. Начало турне было намечено на 20 июля.

Одновременно с этим Линдберг подписал контракт с издательством G. P. Putnam's Sons на написание краткой автобиографии. Издательство назначило фактического писателя, Карлайла Макдональда из «Нью-Йорк таймс», который уже сделал черновой набросок, но Линдбергу не понравился его простоватый тон, и он настоял на том, чтобы писать книгу самому. Разумеется, издателей это немало беспокоило, потому что до конца срока оставалось три недели, и к тому же за это время Линдберг должен был еще слетать в Канаду, чтобы присутствовать на торжествах в честь шестидесятилетнего юбилея независимости страны в качестве гостя премьер-министра.

Посещение Канады ознаменовалось трагическим событием. Четвертого июля, когда вся остальная Америка праздновала, Линдберг поднялся в воздух с аэродрома Селфридж-Филд в Мичигане и полетел в Канаду в сопровождении эскадрильи военных самолетов. Согласно плану, в Оттаве Линдберг должен был приземлиться первым, пока два других самолета кружили над ним. Один из самолетов сопровождения вдруг стал крениться и пошел в пике. Лейтенант Дж. Тэд Джонсон выпрыгнул из падающего самолета, но ему не хватило высоты, чтобы открыть парашют. Он ударился о землю с глухим стуком неподалеку от того места, где высадился Линдберг, и тут же скончался. Этот трагический инцидент испортил день многим очевидцам, но Линдберг воспринял его со спокойствием. В его мире смерть была обычным несчастьем.

Сразу же после Оттавы Линдберг вернулся на Лонг-Айленд и переехал в Фалез, в шато во французском стиле на принадлежащем семейству Гугенхаймов участке, расположенном в районе Сэндс-Пойнт на Золотом Берегу, милях в десяти от особняка Миллза, где в то время встречались Бенджамин Стронг и его коллеги-банкиры. Этот район Золотого Берега отличался более богемной атмосферой и был популярен среди бродвейских импресарио, актеров, художников и музыкантов. Здесь находились дома Флоренца Зигфельда, Эда Винна, Лесли Говарда, П. Г. Вудхауза, Эдди Кантора, Джорджа М. Коэна, Скотта и Зельды Фицджеральд, а также людей с более сомнительной репутацией, таких как мафиози Арнольд Ротштейн. Это был мир, описанный в опубликованном двумя годами ранее романе «Великий Гэтсби». Сэндс-Пойнт, где Гугенхаймы владели тремя просторными особняками, и был Ист-Эггом романа.

Работая в комнате, окна которой выходили на море, Линдберг писал страницу за страницей историю своей жизни, руководствуясь черновиком Карлайла Макдональда в качестве плана. Менее чем за три недели он закончил рукопись в сорок тысяч слов — довольно впечатляющее творение, хотя бы по объему, если не по литературным достоинствам. Книгу под названием «Мы» критики встретили холодно. В ней Линдберг, как было сказано ранее, лишь вкратце упоминал о своем детстве, а историческому полету посвятил всего семь страниц. Остальное место занимали описания того, как он летал по стране и доставлял авиапочту. «В роли автора Линдберг — самый

первый в мире авиатор», – сухо заметил один литературный критик. Но публике не было дела до литературных красот. «Мы» вышла в свет 27 июля и тут же попала в список бестселлеров. За первых два месяца было продано 190 000 ее экземпляров. Люди жадно бросались на все, что было связано с именем Линдберга.

Внимание публики, которое Линдбергу успело надоест, не ослабевало. В дальнейшем оно доставит ему еще немало хлопот, а временами будет даже опасным.

Для человека, изменившего мир, Генри Форд вращался в очень тесном кругу. Всю жизнь он провел, не удаляясь и на дюжину миль от места своего рождения, а родился он на ферме Дирборн в штате Мичиган, неподалеку от Детройта. Он мало видал «большой свет», который его почти не заботил.

Форд не отличался и широким кругозором, он получил поверхностное образование, и в некоторых отношениях его можно было даже назвать безграмотным. У него были свои убеждения, но сомнительного свойства, благодаря которым он, как писал «Нью-Йоркер», казался «слегка неуравновешенным». Он не любил банкиров, врачей, спиртные напитки, табак, праздность любого рода, пастеризованное молоко, Уолл-стрит, толстяков, войну, книги, компанию J. P. Morgan & Co., высшую меру наказания, высокие здания, выпускников колледжа, католиков и евреев. Особенно он не любил евреев. Однажды он нанял знатока иврита, чтобы тот перевел Талмуд так, чтобы в переводе подчеркивалась изворотливость и жадность евреев.

Его невежественность порой изумляла. Он искренне полагал, что земля не сможет выдержать вес небоскребов, и верил, что крупные города со временем рухнут под своей тяжестью, как в своего рода библейской катастрофе. Инженеры объясняли ему, что если небоскреб, допустим, весит шестьдесят тысяч тонн, то земля и камни, выкопанные из фундамента для него, весят около сотни тысяч тонн, поэтому небоскреб меньше давит на землю под собой, но Форд стоял на своем. Факты и логические рассуждения редко могли поколебать его уверенность в своей правоте.

Ограниченность его знаний сильнее всего проявилась в 1919 году, когда он предъявил иск к газете «Чикаго трибюн», обвинив ее в клевете за то, что она назвала его «невежественным идеалистом» и «анархистом»^[17]. Целых восемь дней газета развлекала нацию, публикуя его рассуждения и ответы на вопросы об истории своей страны:

АДВОКАТ: Вы слышали о Бенедикте Арнольде?

ФОРД: Я слышал это имя.

АДВОКАТ: Кем он был?

ФОРД: Я забыл, кем он был. По-моему, писателем.

Как выяснилось, Форд действительно почти ни о чем ничего не знал. Он не мог сказать, когда шла Война за независимость США («В 1812 году, мне кажется, хотя я не уверен») или почему она началась. Когда его спросили о политике, он признался, что не слишком интересуется этой темой и голосовал только один раз в жизни. Он утверждал, что это было сразу после того, как ему исполнился двадцать один год, и что голосовал он за Джеймса Гарфилда. Один из проницательных юристов заметил, что Гарфилд скончался после покушения за три года до того, как Форд достиг возраста избирателя.

И так продолжалось день за днем. Публика пришла в такое восхищение от удивительного невежества Форда, что один предприимчивый делец продавал печатные копии очередных показаний Форда прямо у здания суда по 25 центов и на вырученные деньги купил дом. (В конечном счете суд принял решение в пользу Форда, но присяжные – двенадцать хозяйственных мичиганских фермеров, полагавших, что могли бы и с большей пользой распорядиться этим временем, – присудили выплатить ему всего лишь 6 центов. Газета так их и не выплатила.)

Был ли Форд действительно недалекого ума или просто невнимательным – вопрос этот почти целое столетие неизменно порождал жаркие споры среди историков. Джон Кеннет Гэлбрейт нисколько не сомневался в его прирожденной глупости. Он писал, что жизнь и карьера Форда были «отмечены тупостью и скудоумием, приведшими к множеству ужасных ошибок». Аллан Невинс и Фрэнк Эрнст Хилл в общем-то благосклонной биографии 1957 года называли его «профаном за пределами своей области, но профаном чутким и принципиальным». Таково было мнение тех, кто знал его достаточно хорошо или относился к нему с уважением. Одним словом, он не отличался выдающимся умом или проницательностью.

И все же он оставил незабываемый след в истории. Когда он выпустил свою первую модель автомобиля Ford A, у американцев уже

был выбор среди 2200 различных моделей. Все они в какой-то степени были игрушками богачей. Форд превратил автомобиль в универсальное средство передвижения, доступное почти каждому, и благодаря такому новому подходу не только добился успеха, но и преобразил весь мир. Всего лишь через десятилетие более пятидесяти его заводов, расположенных на пяти континентах, и двести тысяч рабочих выпускали более половины всех автомобилей в мире, а сам он стал самым успешным предпринимателем в истории. По некоторым оценкам, его состояние достигло двух миллиардов долларов. Усовершенствовав массовое производство и сделав автомобиль финансово доступным, он полностью изменил ход и ритм современной жизни. Сейчас мы живем в мире, построенном, по большому счету, на идеях Генри Форда. Но летом 1927 года его промышленная империя слегка пошатнулась.

Генри Форд родился в июле 1863 года, в том же месяце, когда произошла Битва при Геттисберге, и умер в 1947 году, уже в атомную эпоху, не дожив до своего восьмидесят четвертого дня рождения. Одним из самых ранних его воспоминаний было нежелание становиться фермером, «потому что там приходилось много работать». Первую половину своей долгой жизни он был не более чем удачливым механиком. Оставив школу в шестнадцать лет, он работал в различных мастерских Детройта, а позже стал главным инженером в «Осветительной компании Эдисона» (Edison Illuminating Company). В 1890-х годах он поставил себе целью сконструировать свой собственный автомобиль. Как писал в «Нью-Йоркер» Моррис Марки, однажды Форд присутствовал на автомобильных гонках и был свидетелем катастрофы, в которой погиб французский шофер. Пока другие окружали бездыханного водителя, Форд побежал к автомобилю, который оказался в лучшем состоянии, чем можно было подумать. Он забрал с собой шасси и выяснил, что детали сделаны из ванадиевой стали — крепкого, но легкого материала. С тех пор ванадиевая сталь стала основным материалом для всех его моделей. Правда эта история или нет, но известно, что Форд не приступал к производству своего автомобиля до тех пор, пока не продумал его конструкцию во всех подробностях. Свою компанию «Форд мотор» он

основал в 1903 году, когда ему было сорок лет, а когда пять лет спустя в свет вышла его первая модель Т, ему было уже сорок пять ^[18].

Модель Т не слишком-то походила на идеальный автомобиль, как и сам Форд мало походил на великого героя. Многие в ней почти намеренно было оставлено простым и даже примитивным. Несколько лет на нее не устанавливали спидометр и измеритель топлива. Водителям, желавшим проверить уровень бензина, приходилось останавливать машину, выходить наружу, поднимать свое сиденье и опускать щуп в специальное отверстие. Определять уровень масла было еще сложнее. Владелец автомобиля или его сговорчивый путник должен был пролезть под автомобилем, открыть плоскогубцами два краника и на основании того, насколько быстро капало масло, вычислить, сколько его еще осталось. Для переключения скоростей использовалась весьма специфичная «планетарная» коробка передач. Чтобы освоить две передние скорости и одну заднюю, требовалось немало практики. Фары, питаемые с помощью магнето, на небольшой скорости светили тускло и были бесполезными, а на высокой скорости перегревались и иногда взрывались. Передние и задние шины были разных размеров, поэтому требовалось возить с собой два запасных набора. Электрические стартеры стали стандартными только в 1926 году, когда другие производители давно уже включали их в свои модели.

Но все же Модель Т произвела большое впечатление и стала источником множества добродушных шуток. Говорили, что у одного фермера ураган снес и покорежил жестяную крышу сарая, и тогда он отослал ее на завод Форда, чтобы специалисты посоветовали ему, как ее исправить. Ответное послание гласило: «Ваш автомобиль попал в худшую из известных нам аварий, но мы его починим». Несмотря на все свои недостатки Модель Т практически невозможно было сломать насовсем, она легко чинилась и была достаточно сильной, чтобы ездить и в слякоть и в снег – и это в те времена, когда большинство сельских дорог были грунтовыми. Еще она славилась тем, что ее можно было приспособить для самых разных целей. Многие фермеры с ее помощью вспахивали поля, пилили бревна, откачивали воду, бурили скважины и выполняли другие полезные задачи.

Стоит упомянуть еще один любопытный факт. Сейчас нечасто вспоминают, что Модель Т была первой популярной моделью, в

которой сиденье водителя располагалось слева. Раньше почти все производители устанавливали сиденье и руль справа, с внутренней стороны дороги, чтобы водитель мог сойти сразу на тротуар или на траву, а не на грязную и мокрую дорогу. Форд решил, что лучше будет проявить такую заботу о даме водителя, и установил сиденья так, как было удобнее пассажиру. Так и водителю стало удобнее смотреть на дорогу или иногда останавливаться и разговаривать с другими водителями прямо через окно. Пусть Форд и не был великим философом, но он понимал человеческую природу. В любом случае расположение сидений в Модели Т стало таким популярным, что постепенно его переняли все производители автомобилей.

Модель Т сразу ждал большой успех. За первый полный год Форд выпустил 10 607 экземпляров Модели Т – больше, чем любой другой производитель до него, но предложение все еще не могло удовлетворить спрос. С каждым годом производство удваивалось (более или менее), пока в 1913–1914 годах не достигло 250 000, а в 1920–1921 годах – более миллиона с четвертью.

Известна приписываемая Форду фраза, что цвет Модели Т может быть любым при условии, что он черный. Но это только отчасти правда. Ранние образцы бывали разных цветов, в зависимости от типа модели и цели, для какой приобретался автомобиль. Прогулочные были серого цвета, туристические красного, а городские зеленого. Примечательно, что моделей черного цвета поначалу вообще не было. Он стал стандартным цветом в 1914 году, потому что только эмаль черного цвета высыхала достаточно быстро, чтобы не задерживать внедренное Фордом конвейерное производство. В 1924 году стали доступными синие, зеленые и красные модели.

Кстати говоря, конвейерная сборка стала той особенностью, благодаря которой Форд далеко обогнал всех своих конкурентов. Этот метод постепенно совершенствовался с 1906 по 1914 год, но не в рамках одного последовательного плана, а как ряд попыток удовлетворить растущий спрос. Основной принцип конвейерной сборки – или «прогрессивной сборки», как ее называли поначалу, – был позаимствован из чикагских скотобоен, где таким образом обрабатывались туши животных (как часто писали, там по сути происходила «разборка»). Этот принцип и раньше использовался в некоторых компаниях – например, так в компании «Вестингауз»

(Westinghouse) собирали пневматические тормоза – но никакой другой промышленник не применял его с таким размахом, как Форд. Рабочим на заводах Форда запрещалось разговаривать, напевать под нос, свистеть, сидеть, облакачиваться о стену и делать паузы для размышлений – то есть, иными словами, вести себя как обычные люди, а не как сборочные роботы. За всю смену им давали только получасовой перерыв, чтобы сходить в туалет, пообедать и удовлетворить другие личные потребности. Все в производстве было ориентировано на конвейер.

Генри Форд всегда с удовольствием принимал похвалу в свой адрес по поводу того, что это он изобрел конвейерную сборку, но, похоже, он был слишком высокого мнения о себе. «У Генри Форда не было никаких особых идей о массовом производстве, – вспоминал однажды его коллега Чарльз Соренсен. – Напротив, он постепенно вошел в это производство, как и все мы».

Благодаря слаженности процесса время, необходимое для сборки автомобиля «Форд», уменьшилось с двенадцати часов в 1908 году (что по меркам того времени уже было неплохим достижением) до примерно полутора часов в 1913 году, когда открылся завод в Хайленд-парке. На пике производства новый легковой автомобиль, грузовик или трактор сходили с конвейеров Форда в Америке каждые десять секунд. К 1913 году объем продаж достиг почти 100 миллионов долларов, а прибыль – 27 миллионов долларов. По мере увеличения эффективности производства падали цены: с 850 долларов в 1908 году до 500 долларов в 1913-м и 390 долларов в 1914-м; в 1927 году они остановились на границе окупаемости в 260 долларов.

В 1914 году Форд не только ввел восьмичасовой рабочий день и сорокавосьмичасовую рабочую неделю, но и удвоил среднюю зарплату до 5 долларов в день, что тогда казалось едва ли не революционной щедростью. В действительности повышение зарплат объяснялось большой текучестью рабочей силы – в 1913 году она достигла ужасающих 370 процентов. В то же время Форд распорядился создать печально знаменитый «Общественный департамент», в штате которого насчитывалось около двухсот наблюдателей, следивших за рабочими в повседневной жизни – за тем, как рабочие питались, соблюдали гигиену, посещали церковь, распоряжались личными средствами,

отдыхали и придерживались норм морали. Среди рабочих Форда было много иммигрантов – иногда до двух третей всей рабочей силы – и Форд искренне хотел улучшить условия их жизни, так что вмешательство с его стороны в их частные дела не было таким уж плохим делом. Тем не менее в деятельности Форда почти не было ничего такого, что не имело бы свою обратную сторону, и «Общественный департамент» уж слишком походил на некую тоталитарную структуру. От рабочих требовалось, чтобы они регулярно проводили уборку в своих домах и дворах, спали в кроватях, как это делают типичные американцы, откладывали свои сбережения, изменили свое сексуальное поведение и оставили все другие привычки, «портящие физическое состояние и оскорбляющие нравственность». Рабочие иностранного происхождения, желавшие добиться повышения, должны были получить американское гражданство и посещать языковые занятия.

При этом нужно отметить, что Форд довольно часто нанимал на работу людей с физическими недостатками – например, в 1919 году нанял одного человека без рук, четырех без ног, четырех слепых, тридцать семь глухих и шестьдесят страдающих от эпилепсии (в то время, когда эту болезнь считали чем-то ужасным). Он также нанял от четырехсот до шестисот бывших заключенных и брал чернокожих мужчин, хотя ставил их на самую грязную и тяжелую работу. (Что касается чернокожих женщин, то в 1927 году их вообще никто не нанимал.)

Споры о том, кому Форд обязан своим успехом, начались с тех пор, как Форд добился успеха. Многие высказывали предположение, что настоящим «мозгом» был партнер Форда, уроженец Канады Джеймс Казенс. Казенс начал карьеру служащим на угольном складе, но довольно рано перешел к Форду, где продемонстрировал необычайные деловые способности. Казенс заведовал финансами, продажами, сетью сбыта и рекламой, благодаря чему Форд мог сосредоточить свое внимание исключительно на производстве. Согласно этой точке зрения Форд дал компании свое имя и политику, а Казенс превратил ее в глобального гиганта.

Форд и Казенс часто спорили, иногда даже сильно ссорились, и успех только усугубил их разногласия. Однажды Форду не захотелось платить Казенсу 150 000 долларов в год и он сделал все возможное,

чтобы тот ушел. В 1915 году Казенс продал свою часть акций, подался в политику и впоследствии стал сенатором от штата Мичиган. В сенате он яростно обличал Эндрю Меллона за то, что тот потворствует богачам (и в этом заключалась ирония, поскольку Казенса считали самым богатым конгрессменом).

Многие в компании Форда огорчились уходу Казенса. «Было распространено мнение, что Форд был отличным механиком, но плохим бизнесменом, и потому уход Казенса породил страх за будущее компании», – вспоминал один из сотрудников Эдвин Дж. Пипп в 1926 году. В компании действительно наблюдался некоторый упадок, но невозможно сказать, до какой степени на это повлияло решение Казенса. Можно только утверждать, что все успешные инновации, определившие развитие компании на годы вперед, были внедрены во время Казенса, и ни одно – после. По крайней мере, до нововведения лета 1927 года, и то успех его был сомнителен.

К концу 1920-х годов автомобилем владел каждый шестой американец, что приближалось к одному автомобилю на семью. Многие уже не могли помыслить себе жизни без личной машины. Социологи Роберт и Хелен Линд в своем классическом исследовании американского провинциального среднего класса «Мидлтаун», опубликованном в 1929 году, с удивлением обнаружили, что в неназванном среднестатистическом городке (который на самом деле был Манси в штате Индиана) больше людей владели автомобилями, чем ванными. В ответ на вопрос, почему так получилось, одна женщина простодушно ответила: «Потому что в город в ванне не поедешь».

К сожалению, все больше американцев отдавали предпочтение не «Форду», а другим маркам. Другие производители уделяли все больше внимания качеству, удобству и внешнему виду. Компания «Дженерал моторс» (GM) в обязательном порядке устанавливала на свои автомобили спидометры и амортизаторы – то, на что Форд шел неохотно. У GM был больше ассортимент, и почти каждый покупатель мог выбрать автомобиль себе по вкусу и по средствам, от «Шевроле» в самой базовой категории до «Кадиллака» в наивысшей. («Кадиллак» находился в такой сверхвысшей категории, что ему был посвящен отдельный выставочный зал на Манхэттене с рекламным лозунгом

«Продаж нет и не будет». Посетители могли восхищаться новыми моделями, но чтобы купить их, нужно было отправляться в другие места.)

Под умелым руководством Альфреда Слоуна-младшего, «Дженерал моторс» постоянно совершенствовала свои модели и пересматривала их позиционирование, добавляла новые цвета и детали, чтобы подогревать внимание публики. В конце 1920-х GM переходила к системе ежегодного обновления модельного ряда – к практике, которая по сути была ненужной, но оказалась на удивление эффективной с точки зрения маркетинга. На пятки ей наступала корпорация «Крайслер», основанная на базе старой компании «Максвелл мотор» и названная по имени Уолтера Крайслера, ее активного руководителя. В конце 1920-х дела Крайслера шли настолько хорошо, что он позволил себе возвести великолепный памятник в свою честь – семидесятисемизэтажный небоскреб Крайслер-билдинг, который стал высочайшим зданием в мире. (Но в этом статусе он продержался недолго. Одиннадцать месяцев спустя был возведен еще более высокий небоскреб Эмпайр-стейт-билдинг.)

В условиях растущей конкуренции компания «Форд» выглядела все более старомодной и неуклюжей. Последним по-настоящему удачным годом для нее был 1923 год. Начиная с этого года до конца 1926-го производство компании снизилось на четыреста тысяч автомобилей. За тот же период производство «Шевроле» увеличилось примерно на то же количество, и за этим успехом стоял Уильям Кнудсен, бывший блестящий инженер Форда, вынужденный перейти в «Дженерал моторс» из-за слишком авторитарных методов управления Генри Форда.

Примечательно, что пока дела компании постепенно шли под уклон, сам Генри Форд все чаще занимался делами, не имеющими прямого отношения к популярным автомобилям. У него возникла идея найти промышленное применение сельскохозяйственной продукции. В частности, он верил в поистине безграничные возможности сои. Он носил одежду, сотканную из волокон сои, и конструировал автомобиль из пластмассы, созданной на основе сои. (До производства дело так и не дошло, потому что не удалось избавиться от неприятного запаха.) Он угощал гостей блюдами, состоящими преимущественно из сои:

«ананасовые кольца с соевым сыром, соевый хлеб с соевым маслом, яблочный пирог с корочкой из сои, кофе из поджаренных соевых бобов и мороженое из соевого молока», как писал его биограф Грег Грэндин. Форд настолько восхищался Эдселем Раддименом, главой исследовательского отдела, занимавшегося изысканиями в области применения сои, что назвал в его честь своего единственного ребенка.

Для пропаганды своих убеждений Форд купил разорившуюся еженедельную газету «Дирборн индепендент» и превратил ее в журнал общего направления. Этот журнал прославился на удивление скучными статьями и странными взглядами его авторов. Его печатали в производственном помещении, и один остряк назвал его «лучшим еженедельником, когда-либо издававшимся тракторным заводом». Форд участвовал в его издании необычайно активно. В частности, он намеревался и там внедрить конвейерный метод. Согласно его идее, статьи должны были писать не отдельные авторы, а целый коллектив авторов, каждый из которых приносил бы в статью что-то свое: один поставлял бы факты, другой сочинял шутки, третий писал бы нравоучения и так далее. От этой идеи его отговорили, но он все равно вмешивался в редакционную политику до такой степени, что литературный уровень «Дирборн индепендент» всегда оставался ужасным. Форд терял на этом журнале сотни тысяч долларов в год, и потерял бы еще больше, если бы не обязал своих дилеров продавать копии этих журналов клиентам. Но вряд ли многие клиенты дочитывали до конца такие длинные статьи, как «Французы, с которыми я встречался» А. М. Сомервилля Стори (такого же малоизвестного писателя тогда, как и сейчас), или «Американский торговый флот должен быть построен как деловое предприятие, а не получать субсидии от правительства» У. К. Куолинга, одного из управляющих компании «Форд».

Но самую скандальную славу «Индепендент» завоевал в результате того, что регулярно выступал с обвинениями в адрес евреев. Он обвинял их в том, что они управляют фондовыми рынками, устраивают заговор с целью свержения христианства, используют Голливуд как средство защиты еврейских интересов, с коварными целями насаждают среди масс джаз («музыку слабоумных», как называл ее «Индепендент»), пропагандируют короткие юбки и чулки без подтяжек и, помимо всего прочего, подтасовали результаты

«Мировой серии» 1919 года. Точность и достоверность фактов журнал не заботили. Статья 1921 года под заголовком «Как евреи привели в упадок бейсбол» критиковала владельца «Ред Сокс» Гарри Фрейзи на том основании, что он еврей, тогда как на самом деле он был пресвитерианцем.

Основная масса этих статей была опубликована в книге под названием «Международное еврейство», которой особенно восхищались в нацистской Германии, где ее переиздавали не менее двадцати девяти раз. Отдельно Форд прославился тем, что был единственным американцем, удостоившимся положительного отзыва в мемуарах Гитлера «Майн кампф» 1925 года. Говорили, что портрет Форда висит у Гитлера на стене кабинета.

Антисемитизм Форда был своеобразным. Прежде всего, никаких личных претензий к евреям он не испытывал. Насколько можно судить, он не имел ничего против евреев, как отдельных людей. Он совершенно спокойно позволял заниматься дизайном своих заводов Альберту Кану, еврейскому иммигранту, с которым поддерживал хорошие отношения тридцать пять лет. Когда рабби Лео Франклин, старый знакомый и сосед Форда, разорвал с ним отношения после очередной оскорбительной статьи в «Индепендент», Форд искренне удивился. «Что случилось, доктор Франклин? Неужели между нами что-то произошло?» – недоумевал он.

Неприязнь к евреям у Форда была основана на убеждении, что существует таинственный заговор евреев, пытающихся править миром. Что послужило источником такого убеждения, остается неизвестным. «Я уверен, что если бы мистера Форда вызвали для дачи показаний и от этого зависела бы его жизнь, то он и тогда бы не смог сказать, когда и каким образом ему пришли в голову мысли против евреев», – писал Эдвин Пипп, первый редактор «Индепендент», который предпочел уйти, но не печатать те статьи, которые требовал от него Форд.

В конечном счете антисемитизм Форда в 1927 году вышел ему боком. В одной из публикаций «Индепендент» оскорбил юриста Аарона Шапиро, назвав его членом «банды еврейских банкиров, юристов, рекламных агентов и перекупщиков», обманывающих американских фермеров с целью установить контроль над американским рынком пшеницы. Шапиро возбудил дело о клевете,

потребовав миллион долларов компенсации. Это разбирательство омрачило Форду почти всю первую половину года.

Форд должен был явиться на судебное заседания 1 апреля, но за день до этого он попал в странную аварию. Как он сам рассказывал полицейским, он ехал домой с работы, когда двое мужчин в «Студебеккере» вынудили его свернуть на обочину. Автомобиль Форда скатился с крутой насыпи и врезался в дерево на берегу реки Руж. Возможно, дерево как раз и спасло ему жизнь, потому что вода в реке сильно поднялась из-за недавних дождей – тех же самых, что вызвали наводнение в бассейне Миссисипи дальше к югу. Форд дошел домой пешком, окровавленный и с затуманенным рассудком, с рассеченной бровью и с серьезной раной на голове. Этих таинственных незнакомцев так и не нашли.

Ходили слухи, что Форд инсценировал аварию, чтобы не приходить в суд, поскольку раны были слишком серьезными. Согласно другой теории, незнакомцы на «Студебеккере», раздосадованные тем, что они никак не могут обогнать Форда – а он, кстати говоря, был ужасным водителем, поскольку всегда ездил медленно и посередине дороги, – случайно столкнули его автомобиль или заставили его свернуть под угрозой столкновения. В любом случае судебное разбирательство было отложено.

Когда было назначено новое слушание, Форд решил не бороться. Вместо этого после долгих раздумий он опубликовал написанное в искреннем тоне письмо с извинениями Шапиро лично (с приложением чека на 140 000 для покрытия расходов) и евреям в целом, а также пообещал никогда больше не допускать подобных нападок. Письмо было датировано 30 июня, но стало достоянием публики только 8 июля.

В этом письме Форд утверждал, что не знал о самых оскорбительных статьях в адрес евреев, которые печатались в «Индепендент». «Если бы я знал хотя бы в общих чертах, о чем там написано, не говоря уже о подробностях, я бы без всякого сомнения запретил их публикацию, – выражался он явно не своим привычным слогом. – Я был искренне возмущен, ознакомившись с подборкой «Дирборн Индепендент» и с отрывками из «Международного еврейства». Разумеется, все эти извинения звучали слишком натянуто, потому что антисемитские статьи печатались в рубрике, которую Форд

подписывал лично, и многие высказывания в адрес евреев он произносил сам в интервью другим изданиям. Джозеф Палма, официальный представитель Форда, который участвовал в составлении этого письма, впоследствии признавался, что Форд на самом деле его даже не читал, а только вкратце ознакомился с его содержанием.

В любом случае «Индепендент» прекратил свои злобные нападки. Популярность журнала резко упала, его перестали покупать, и Форд был вынужден сократить цену экземпляра до пяти центов. Но это не помогло, и в конце 1927 года журнал был закрыт. Всего за восемь лет Форд потратил на это издание почти 5 миллионов долларов.

Форд сдержал слово и никогда больше публично не обвинял евреев во всех грехах. Но это не значит, что он отказался от своих убеждений. Через десять лет, на свой семьдесят пятый день рождения, он принял орден Германского орла – одну из высших наград нацистской Германии, которых удостоивались иностранцы. Орден был доставлен с личным поздравлением Адольфа Гитлера. Такой высокой почести со стороны нацистов удостоился только еще один известный американец той эпохи (также открыто восхищавшийся ими) – Чарльз Линдберг.

Но этому эпизоду только предстояло случиться в будущем. Пока же в 1927 году, разобравшись с неприятным делом Шапиро, Генри Форд смог уделить внимание гораздо более занимавшим его вопросам. Одним из них был безумный план по выращиванию каучуконосных деревьев в Южной Америке. Другим был план по спасению бизнеса.

В 1871 году предприимчивый двадцатипятилетний англичанин Генри Уикем отправился на север Бразилии в район экватора вместе со своей большой семьей: женой, матерью, братом, сестрой, женихом сестры, невестой брата и матерью невесты брата. Его сопровождали еще два столь же предприимчивых помощника. Вся эта разношерстная компания обосновалась в Сантарене, у слияния рек Амазонки и Тапажос, в надежде разбогатеть как плантаторы. Затея обернулась провалом. Неурожай следовал за неурожаем, тропическая лихорадка унесла жизни трех человек в первый год и двух во второй. В 1875 году в живых остались только Уикем с женой. Другие выжившие вернулись в Англию.

В попытке получить хотя бы какую-то прибыль от своего путешествия Уикем отправился в джунгли вверх по реке и усердно собрал семьдесят тысяч семян бразильского каучуконосного дерева *Nevea brasiliensis*. Спрос на каучук в мире возрастал, и благодаря этому возрастало благосостояние Манауса, Пары и других портов Амазонки. Бразилия строго охраняла свои каучуковые богатства, поэтому Уикем собирал семена тайком, с определенным риском для себя. Эти семена он привез в Англию и продал за хорошую сумму Королевским ботаническим садам Кью.

На полученные деньги Уикем поехал в австралийский Квинсленд, где основал табачную плантацию. Затея окончилась неудачей. Потом он поехал в Центральную Америку, в Британский Гондурас, выращивать бананы. Здесь его тоже ждал провал. Не сдаваясь, Уикем снова пересек Тихий океан, обосновался в Британской Новой Гвинее (ныне Папуа – Новая Гвинея) и арендовал на двадцать пять лет участок земли на островах Конфликт, где собирал губки, выращивал устрицы и делал копру из кокосовых орехов. В этом он наконец-то добился некоторого успеха, но его жена не вынесла одинокой жизни вдали от цивилизации. Она уплыла на Бермуды и больше никогда с ним не встречалась^[19].

Тем временем семена гевеи, которые Уикем в свое время привез в Англию, произвели настоящую революцию в производстве каучука.

Ботанические сады Кью отослали их в несколько британских колоний, и выяснилось, что гевея прекрасно произрастает в богатой почве и во влажной атмосфере Юго-Западной Азии – даже лучше, чем в своих родных джунглях. В Бразилии плотность посадок составляла всего три-четыре дерева на гектар, поэтому рабочим приходилось часто переходить с места на место для получения достаточного количества латекса. В Сингапуре, в Малайзии и на Суматре гевея произрастала густыми рощами. Там у нее не было естественных врагов, так что никакие насекомые и никакие грибки не препятствовали ее росту, и величественные деревья достигали высоты в сотню футов. Бразилия осталась далеко позади. Если некогда она обладала монополией на производство первоклассного каучука, то в 1920-х годах она производила менее 3 процентов всего каучука в мире.

Примерно четыре пятых каучука потребляли Соединенные Штаты – в основном, их автомобильная промышленность. (Шины автомобилей того времени приходилось менять в среднем через каждые две-три тысячи миль, поэтому спрос на резину, которая делалась из каучука, был стабильно высоким.) В начале 1920-х годов, когда ходили слухи о том, что Великобритания готовится ввести высокий налог на каучук, чтобы оплатить свои военные долги, американское Министерство торговли под неустанным руководством Герберта Гувера разрабатывало планы производства своего собственного натурального каучука или изобретения его синтетических аналогов. Но ни один из планов не сработал. Гевея в США росла плохо, а что касается синтетического каучука, то даже Томас Эдисон не смог изобрести искусственный аналог, который хотя бы наполовину был таким же эффективным, как природный каучук.

Генри Форд воспринял это как личный вызов. Ему была ненавистна сама мысль о зависимости от иностранных поставщиков, которые могли в любой момент поднять цены или воспользоваться другим преимуществом, поэтому он делал все возможное, чтобы контролировать все звенья своей цепочки снабжения. Поэтому он скупал железные и угольные шахты, леса и лесопилки, железнодорожные компании Детройта и Толидо, а также владел целым флотом торговых судов. Решив производить свои собственные ветровые стекла, он стал вторым по величине производителем стекла в мире. Форду принадлежали четыреста тысяч акров лесов на севере

штата Мичиган, и утверждалось, что на лесопилках Форда любое дерево обрабатывается все целиком, кроме тени. Кора, опилки, живица – всему этому находилось коммерческое применение. (Один из продуктов этого производства известен нам и поныне – брикеты древесного угля Kingsford.) Форд и помыслить не мог, что его производство остановится из-за прихоти иностранцев, решивших ограничить его доступ к какой-либо необходимой продукции, а в 1920-х годах он был крупнейшим потребителем каучука и резины. Поэтому летом 1927 года он пустился в самую грандиозную и рискованную авантюру в своей жизни, обернувшуюся провалом, – запустил проект «Фордландия».

План его состоял в том, чтобы построить образцовое американское поселение в джунглях Бразилии, которое станет крупнейшей каучуковой плантацией в мире. Потерявшие монополию бразильцы находились в настолько отчаянном положении, что охотно предоставляли Форду все, о чем он просил. Они продали ему два с половиной миллиона акров тропических лесов Амазонии (площадь размером примерно со штат Коннектикут) за смешные 125 000 долларов и освободили его от таможенных пошлин на ввозимые продукты и на экспортируемый латекс. Ему также разрешили строить свои собственные аэропорты, школы, банки, больницы и железные дороги. В конечном счете Форд создал нечто вроде автономного государства внутри Бразилии. Его компании даже разрешили построить дамбу на реке Тапажос, если это сделает землю более плодородной.

Для руководства всем предприятием Форд послал в Бразилию тридцатисемилетнего младшего управляющего по имени Уиллис Блейкли, снабдив его подробными указаниями и правом поступать по собственному разумению. Он должен был построить целый город с центральной площадью, деловым кварталом, больницей, кинотеатром, танцевальным залом, полем для гольфа и всем другим, что требуется для образцового поселения. Вокруг центра должны были располагаться жилые кварталы выкрашенных в белый цвет домиков с газонами, клумбами и огородами. На сделанном художником эскизе показан уютный идиллический городок с асфальтированными улицами и автомобилями марки «Форд», несмотря на тот факт, что этим автомобилям некуда было бы ездить за пределами самого городка.

Генри Форд лично работал почти над всеми деталями этого плана. Часы должны были показывать время в Мичигане; магазины должны были соблюдать Сухой закон, даже несмотря на то, что в Бразилии не было запретов на спиртное. «Фордландия» должна была стать воплощением американских законов, американской культуры и американских ценностей – форпостом протестантских идеалов посреди диких и беспощадных джунглей.

Вокруг этого городка должны были располагаться крупнейшие сельскохозяйственные территории планеты. От Блейкли ожидалось, что он не только организует добычу и производство каучука, но и найдет промышленное применение всем без исключения дарам джунглей. В «Фордландии» предполагалось производить красители, удобрения, лекарства и другие полезные продукты из листьев, коры и сока разнообразных растений.

Но Блейкли не обладал ни достаточными познаниями, ни опытом, чтобы воплотить в жизнь великие замыслы Форда. По сути, он был всего лишь малообразованным грубияном. Еще задолго до того, как он достиг своего места назначения, он доказал, что ему чужды ценности образцовой цивилизованной жизни. Временно обосновавшись в портовом городе Белен, в шести днях пути до предполагаемого места «Фордландии», он снял в гостинице «Отель-Гранде» номер, выходящий на центральную площадь. Там он пугал местных жителей, расхаживая голым и занимаясь любовью со своей женой при распахнутых настежь окнах. Он часто напивался, вступал в ссоры и вел себя крайне грубо, настроив против себя почти всех официальных лиц, которые могли бы помочь ему в предприятии, и почти всех бизнесменов, которые должны были поставлять ему материалы.

С помощью американских и бразильских распорядителей, Блейкли нанял три тысячи рабочих для очистки джунглей и постройки лагеря, но почти ничего у него не вышло, как было задумано. Расчистка джунглей обернулась настоящим кошмаром. Пилы, разработанные для мягкой древесины мичиганских лесов, оказались бесполезными для твердых, как железо, бразильских пород. В засушливый сезон уровень воды в Тапажосе упал до сорока футов, и на протяжении большей части года она была непригодна для судоходства и доставок по воде. То же оборудование, которое иногда доставлялось на плантации, оказывалось либо непригодным, либо

несвоевременным. Например, в одном ящике, присланном из Детройта, находились машины для производства мороженого. В другой раз в джунгли доставили паровой локомотив для узкоколейной железной дороги и несколько сотен футов рельсов. Блейкли не смог построить нормальные склады, и припасы постепенно портились на берегу реки. Мешки с цементом впитывали влагу из воздуха и становились твердыми, как камень. Механизмы и инструменты ржавели и становились бесполезными. Все, что можно было поднять и унести, растащили.

Вдобавок ко всему, Блейкли обнаружил, что местные производители каучука опасаются конкуренции и потому отказываются продавать ему семена гевеи. Их пришлось импортировать из Юго-Восточной Азии. Несмотря на то, что семена были местные – как выяснилось, Генри Уикем собирал их неподалеку, на противоположном от плантаций Форда берегу реки, – деревья плохо росли на только что расчищенных участках. Блейкли не понимал, что *Hevea brasiliensis* – это дерево джунглей и что ему необходима защита от палящих лучей солнца. В процессе эволюции оно приспособилось жить отдельно, но у него не было механизмов защиты от напастей, которые поджидали его в скученных условиях. Когда деревья сажали слишком близко друг к другу, они начинали притягивать к себе вредных насекомых.

Расчистка джунглей привела к тому, что прямые солнечные лучи стали падать и на водоемы, из-за чего сильно расплодились водоросли, в которых размножались улитки. На улитках паразитировали маленькие черви, переносчики шистосомоза – паразитарного заболевания, характеризующегося болями в желудке, высокой температурой и диареей. До прибытия в этот регион специалистов Форда о шистосомозе здесь не знали, после же неудачной постройки «Фордландии» заболевание стало распространенным. Также процветали малярия, желтая лихорадка, элѐфантиаз и анкилостомоз.

Опасность подстерегала повсюду. Река изобиловала маленькими рыбками кандиру (ванделлия), которые заплывают в отверстия на теле человека (в частности, в половой член – самая распространенная страшилка), растопыривают колючие выросты, цепляются за плоть и уже не могут выплыть обратно. На суше личинки слепней *Dermatobia hominis* вгрызались в кожу и откладывали яйца; жертвы узнавали о

заражении, когда видели, как что-то копошится под их кожей, или когда нарывы лопались и из них выбирались личинки.

За пределами лагеря в кустах и траве таились гадюки и ягуары. Местные жители были настроены крайне враждебно. В этом же районе двумя годами ранее пропал английский исследователь Перси Фосетт вместе со своим сыном и другим молодым англичанином, пытаясь обнаружить некий затерянный город Z. У Фосетта была теория – скорее даже навязчивая идея – о том, что некогда в тропических лесах существовала великая цивилизация светлокожих людей, оставивших после себя великолепный город, который он неизвестно почему называл «городом Z». Никаких свидетельств существования этого города у Фосетта не было, он действовал по интуиции. Возможно, у него было легкое расстройство психики, но путешественником он был опытным – странствовал по бассейну реки Амазонки с 1906 года и знал, как тут выживать. То, что он со своими двумя спутниками бесследно исчез, многое говорит о сложных условиях жизни в этой части света.

Согласно одной из теорий, Фосетта со спутниками ошибочно приняли за членов другой экспедиции, возглавляемой американцем Александром Гамильтоном Райсом, который исследовал эту местность приблизительно в то же время (к крайнему негодованию Фосетта). Райс был сказочно богат благодаря женитьбе на состоятельной вдове Элинор Уайденер (на деньги которой была основана библиотека Уайденер в Гарварде). Благодаря жене Райс мог приобретать для своих путешествий современное оборудование. В экспедиции 1925 года был даже аэроплан – это была одна из первых экспедиций с поддержкой с воздуха. Райс использовал аэроплан, в основном, для разведки, но также бросал с него бомбы на племена, которые казались ему слишком дикими и непокорными. Туземцы, понятно, стали враждебно воспринимать всех белых людей, забредавших в их джунгли, и этот факт, возможно, объясняет трагическое исчезновение Фосетта.

* * *

Принимая во внимание, что под началом Уиллиса Блейкли было три тысячи рабочих, сделал он на удивление мало. Был выровнен и

покрыт асфальтом небольшой участок дороги, построены клиника, столовая и дома для жителей, грубоватые и неудобные. Из Америки поставлялись готовые фрагменты домов для руководящего персонала, но их проектировали архитекторы из Мичигана, которые ничего не знали о джунглях. Все они были покрыты металлической крышей вместо традиционной соломенной, и под палящим солнцем превращались в настоящие печи. Никто в «Фордландии» не чувствовал себя комфортно.

Блейкли показал себя полностью несостоятельным, и на смену ему прислали Эйнара Оксхолма, норвежского капитана, который, по выражению одного бесстрастного современника, был большим человеком с маленьким мозгом. Как и Блейкли, Оксхолм не имел ни малейшего представления о ботанике, агрономии, тропических лесах, каучуке – то есть не знал ничего, что помогло бы ему основать процветающую плантацию. Как человек, он был лучше Блейкли, но как специалист такой же никудышный, и потому управляющий из него получился тоже плохой.

За то время, что он руководил проектом, от лихорадки умерли четыре его ребенка. Служанка Оксхолма однажды пошла купаться в реку и прибежала с откусанной кайманом рукой. Несчастная скончалась от потери крови.

Дисциплина продолжала падать. Рабочие были недовольны оплатой и непонятной им американской едой, которую подавали в столовой, вроде овсяных хлопьев и желе (к счастью для них, Форд хотя бы решил не истязать их своей соевой диетой). Особенно болезненным вопросом был финансовый. Изначально многие рабочие подумали, что им будут платить 5 долларов в день, как и рабочим заводов Форда в Америке. Но вместо этого им платили 35 центов в день, и из этой скромной суммы еще вычиталось за еду, независимо от того, питался ли на самом деле работник в столовой или нет. Вызывали негодование и ограничения личной свободы – в частности, запрет на спиртное (притом что рабочие видели, как начальство на верандах своих домов по вечерам потягивает коктейли). Однажды ночью недовольство переросло в бунт, когда рабочие бегали по лагерю с мачете, деревянными клиньями и другими опасными орудиями. Многие плантаторы уплыли на лодках или скрывались в джунглях, пока бунт не затих.

В конечном счете Форд назначил руководителем уроженца Шотландии Арчибальда Джонстона, довольно умного и способного человека, осуществившего ряд запоздалых улучшений. Были наконец построены магазины, школы и хорошие дома, налажено снабжение чистой водой. Ему и плантаторам под его началом удалось даже вырастить семьсот тысяч каучуковых деревьев, но при условии, что их постоянно окуривали смесью против насекомых и болезней. Но даже при этом рабочим приходилось удалять гусениц со стволов вручную. Расходы на выращивание деревьев превышали все мыслимые доходы. Из-за наступившей Великой депрессии спрос на каучук значительно снизился, как снизились и цены на него; во время Второй мировой войны начало развиваться производство синтетического каучука. В 1945 году, после двадцати лет бесплодных попыток, Форд отказался от своей амазонской мечты и передал свои владения в джунглях бразильскому правительству. Многие рабочие не знали, что американцы собираются уезжать, вплоть до дня их отъезда. Любопытно, что потом эти земли достались американской компании «Каргилл», которая сегодня в больших объемах выращивает сою – тот самый сельскохозяйственный продукт, который Форд ценил выше всего.

Если в Амазонии дела у Форда шли плохо, то в Детройте они и вовсе были хуже некуда. Несколько лет сын и наследник Форда, Эдсел Форд, настаивал на том, что Модель Т нужно заменить чем-то более новым и стильным, но его отец отвергал одно предложение за другим, скорее из подсознательного нежелания прислушиваться к нему. И в самом деле, в своей жизни Форд приложил немало усилий, чтобы унижить своего сына. Хотя в 1919 году Генри Форд и назначил Эдсела президентом компании, когда тому было всего двадцать пять лет, на публике он почти не задумываясь принижал его достижения и критиковал его решения. Однажды, когда Эдсел распорядился установить новые коксовые печи на заводе у реки Руж, Генри подождал, пока работа будет закончена, и приказал их разобрать.

Но теперь, когда объем продаж сокращался, Генри нехотя был вынужден признать тот факт, что лучшие дни Модели Т остались в прошлом. 26 мая, когда весь мир был охвачен ликованием в честь Линдберга, компания Ford Motor объявила, что выпустила

пятнадцатимиллионную Модель Т (на самом деле всего их было выпущено по меньшей мере 15 348 781, если не больше – никто точно не подсчитывал) и прекратила ее производство, чтобы сосредоточиться на разработке новой модели. Некоторое время крупнейшая в мире компания по производству автомобилей ничего не продавала. Шестьдесят тысяч рабочих Форда в Детройте вдруг временно лишились работы. Незанятыми оказались и десятки тысяч рабочих на конвейерных линиях в Америке и в других странах. Большинство просидело без работы по меньшей мере полгода, многие значительно дольше. Приостановка производства сказалась и на продавцах, особенно на тех, кто владел дорогими выставочными залами в крупных городах и кому нужно было оплачивать дорогую аренду. Многие так и не оправились от этого потрясения.

Работа над новой моделью проходила в обстановке строгой секретности. Неизвестным было даже ее название. Многие считали, что ее назовут «Эдисон» в честь прославленного изобретателя и близкого друга Генри Форда. Только несколько лиц в компании знали, что новую модель решено назвать «Модель А». Ходило много самых разных слухов и о том, что происходит внутри завода. Говорили, что Генри Форд не выходит наружу и ночует на раскладной кровати у себя в кабинете или в мастерской. (На самом деле это было не так.) Но разработка новой модели действительно потребовала огромного объема работ. Пожалуй, это был самый крупномасштабный проект по обновлению продукции даже по современным меркам. Новая модель должна была состоять из 5580 отдельных деталей, почти все из которых тоже были новыми, и нужно было проектировать не только их, но и машины по их изготовлению. Некоторые из них были поистине гигантскими. Два механических прессы высотой с трехэтажный дом весили 240 тонн каждый.

Примечательно, что компания провела все работы по проектированию и дизайну самостоятельно, без помощи экспертов со стороны, потому что Генри Форд не любил экспертов и отказывался с ними сотрудничать. Как он писал в 1924 году в своей книге «Моя жизнь, мои достижения»: «Я никогда не нанимал серьезных экспертов. Если бы я хотел победить конкурентов в нечестной борьбе, я бы подослал им экспертов». Позже он добавил: «Мы, к сожалению, убедились в том, что как только человек начинает думать о себе, как об

эксперте, нужно немедленно от него избавляться – потому что никто не считает себя экспертом, если он действительно разбирается в своей работе».

В результате у Форда не оказалось ни одного высокообразованного специалиста в области инженерного дела или проектирования. У компании не было даже своего испытательного полигона, и образцы, к недовольству полиции, тестировали на общественных дорогах. Главный испытатель Форда, Рей Далингер, был человеком немногословным. Для любого автомобиля у него было только два отзыва: «чертовски хорош» и «чертовски плох». «От него невозможно было добиться подробностей и узнать, что неправильно и что нужно улучшить», – сокрушался один из инженеров. У компании, правда, имелась модная исследовательская лаборатория, спроектированная Альбертом Каном, но Генри Форд отказывался инвестировать разработки точных инструментов и приборов. По большей части лаборанты были заняты экспериментами над соевыми бобами и другими пищевыми продуктами.

Нежелание Форда привлекать специалистов обрекло «Фордландию» на провал и оно же обрекало на провал Модель А. Несколько лет Модель Т критиковали за ненадежные тормоза. Во многих штатах вводились ежегодные технические осмотры, и среди сотрудников Форда существовали опасения, что Модель Т не пройдет эти осмотры. Говорили, что Германия собирается запретить эксплуатацию Модели Т как раз из-за тормозов. По этой причине Лоуренс Шелдрик, ведущий инженер Форда, постарался разработать новые тормоза для Модели А. Генри Форд не терпел, когда посторонние говорили, что ему делать, и некоторое время из принципа противился идее новых тормозов, что задерживало разработку новой модели.

Как позже вспоминал Чарльз Э. Соренсен, многострадальный партнер Форда, ни один бизнесмен в здравом уме не остановил бы производство Модели Т, не убедившись в том, что новая модель готова к производству. Разработка новой модели «на лету» обошлась компании в лишние 100–200 миллионов долларов. Во сколько ей обошлось упрямство Форда, подсчитать не представляется возможным.

26 июля, за четыре дня до шестьдесят четвертого дня рождения Генри Форда, «Дженерал моторс» объявила, что в первое полугодие заработала 129 миллионов долларов. Таких денег за полгода не зарабатывал еще ни один производитель, и это было еще до закрытия заводов Форда. Теперь, в отсутствие конкуренции, объем их продаж должен был увеличиться. Многие в автомобильной промышленности задавались вопросом, сможет ли компания Форда оправиться от такого длительного периода бездействия.

Остальные же сгорали от любопытства, какой окажется новая модель Генри Форда. Мир не знал, что точно так же сгорают от любопытства и многие сотрудники его компании.

До 1920-х годов Флорида была известна разве что тем, что там выращивают цитрусовые и добывают скипидар. Некоторые богачи проводили там зиму, но по большому счету никто не воспринимал ее как место отдыха. Но потом широкие массы открыли для себя привлекательный климат Флориды, ее приятные пляжи, и она вдруг превратилась в место, куда устремились все. В 1925 году Флорида отменила налог с дохода и налог с наследства, что сделало ее еще более привлекательной. Люди стекались в этот штат огромными толпами и скупали недвижимость, в результате чего началась настоящая лихорадка.

Участок земли в Майами, который до бума недвижимости стоил 800 долларов, теперь продавался за 15 000. Недвижимость иногда меняла владельцев по два-три раза за день, и вошедшие в раж покупатели старались сбывать ее по еще более высокой цене. Некоторые наиболее энергичные спекулянты покупали даже участки под водой, надеясь на то, что вскоре их каким-то чудом осушат. (Надо сказать, что иногда это действительно случалось.) В газете «Майами геральд» печаталось столько объявлений о продаже земли и домов, что ее воскресный выпуск занимал 504 страницы.

Одним из тех, кого бум недвижимости привлек во Флориду, был владелец «Янкиз» Джейкоб Руперт. Он приобрел десять тысяч акров в Тампа-Бей, собираясь построить здесь курортный район со скромным названием «Руперт-Бич» и сравнимый по размаху с Корал-Гейблс или Палм-Бич. В ходе исполнения задуманного он перенес весенние тренировки 1925 года в Сент-Питерсберг. Условия там поначалу были не сказать, чтобы слишком удобные. На одной тренировке Бейб Рут не мог занять свое место на поле, пока зритель не прогнал обратно в болото аллигатора, выползшего на неогороженную площадку. Руперт придумал для своего участка броский лозунг: «Где каждый вздох прибавляет здоровье, а каждое мгновение – удовольствие», и пообещал, что это будет прекрасное место для инвестиций на берегу Мексиканского залива. Весной 1926 года «Руперт-Бич» рекламировал участки для застройки по 5000 долларов – «на данный момент».

Затем произошла катастрофа. 18 и 19 сентября 1926 года на Флориду обрушился сильнейший за двадцать лет ураган, опустошивший весь Майами-Бич и многие районы за его пределами. Погибло более четырехсот человек, восемнадцать тысяч остались без крова. По всей Флориде недвижимость резко упала в цене, даже в местах, не затронутых ураганом. Многие инвесторы разорились. Чистый капитал Карла Фишера, бизнесмена из Индианы, благодаря которому, в основном, и начался бум, сократился с 500 миллионов долларов до менее чем 50 000. Не повезло и Джейкобу Руперту. Когда шторм закончился, у него осталось только «десять тысяч акров аллигаторов и чаек», как выразился один современник. «Руперт-Бич» так и не был построен.

Из-за урагана в 1927 году Руперт в финансовых отношениях предпочитал соблюдать осторожность и обратил внимание на новую страсть американцев, обещавшую высокий доход: бокс.

В каком-то смысле бокс был феноменом 1920-х годов. Люди и до этого, на протяжении более чем двухсот лет, колотили друг друга на специально огороженной площадке, но в 1920-х годах этот вид спорта шагнул на новую ступень благодаря трем факторам: новообретенной респектабельности, широкой популярности и Джеку Демпси. Вместе они превратили бокс в невероятно увлекательное и при этом прибыльное занятие. Именно поэтому он и привлек внимание таких людей, как Джейкоб Руперт.

В качестве начала современной истории бокса можно указать разные фигуры и события, но логично рассматривать ее с Джесса Уилларда. Джесс родился и вырос в Канзасе и остался бы там навсегда, если бы на этого гигантского фермера, с легкостью перебрасывавшего пятисотфунтовые кипы сена, словно они были подушками, не обратил внимание некий промоутер, убедивший его попробовать себя в боксерских поединках. Это произошло примерно в 1910 году. Уиллард, ростом шесть футов и шесть дюймов и весом 225 фунтов, определенно был рожден для бокса. Удары у него отличались совершенно убойной силой. В пятом раунде боя против многообещающего молодого боксера Джона Янга по прозвищу «Бык» он ударил его в челюсть так, что челюсть проломила череп и вошла в мозг незадачливого парня, отчего тот скончался на месте. Уиллард проложил себе путь среди многочисленных противников до самой

вершины и стал чемпионом мира в тяжелом весе, победив великого (но слишком несдержанного на язык, да к тому же и чернокожего) Джека Джонсона в серии из двадцати шести матчей в Гаване.

Победа Уилларда сыграла решающую, если не исключительную роль для развития бокса: она дала этому виду спорта белого чемпиона в тяжелом весе, а по тем временам, каким бы это ни казалось постыдным сегодня, это было необходимым условием для популярности. До той поры бокс оставался практически единственным видом деятельности в Америке, в котором чернокожие могли на равных соперничать с белыми. Сейчас этот факт кажется даже немного забавным, но до 1920-х годов бокс в какой-то степени считался недостойным и вульгарным занятием именно потому, что он не был расистским. И своим превращением в уважаемый вид развлечения в 1920-х годах он во многом обязан тем, что в нем, как и в других видах спорта, стали доминировать белые. Чернокожие спортсмены не становились чемпионами в тяжелом весе целое поколение.

Теперь, когда Уилларду противостояли только белые боксеры, он стал казаться непобедимым. Но потом он встретился с Джеком Демпси. Их поединок, происходивший 4 июля 1919 года в Толидо, штат Огайо, привлек необычайное внимание. Демпси был молодым и горячим боксером с запада. Уиллард однажды убил человека на ринге. Естественно, публика не могла противиться такому соблазну.

Толидо был выбран не потому, что это было популярное место проведения боксерских матчей, а потому, что они в нем считались легальными, а таких мест в 1919 году было не так уж и много. В большинстве городов и штатов – в том же Нью-Йорке – бокс был полностью запрещен, а где он не был запрещен, его обставляли ограничениями, делавшими его смешным и нелепым. Если где-то и допускались матчи за призы, то их рекламировали как «показательные бои» или «иллюстрированные лекции по кулачному бою», а участников иногда даже называли «профессорами». На «показательных» боях запрещалось отправлять противника в нокдаун или объявлять победителя. Как следствие, профессиональный бокс оставался маргинальным видом спорта, и профессиональные матчи проходили в маргинальных местах (конечно, это нисколько не умаляет достоинства самого города Толидо).

В Толидо не было стадиона, способного вместить девяносто тысяч человек, поэтому был наспех построен такой стадион, который использовали только один раз, а потом снесли. Чтобы в него не проникли безбилетники, промоутер Текс Рикард предложил соорудить его с одним входом и одним выходом. Если бы в нем возник пожар, то последствия были бы катастрофическими, но какому-то чиновнику, к счастью, пришла мысль запретить курение во время состязания.

Уильям вышел на бой, преисполненный уверенности в своих силах. Демпси выглядел слишком худощавым и стройным для тяжеловеса и вовсе не походил на «гору мышц». Уиллард был на голову выше его и на шестьдесят фунтов тяжелее. «Для меня это будет самый легкий матч», – уверял Уиллард журналистов и в порыве бахвальства, неприятного даже для того времени, добавил: «Сейчас я нахожусь в лучшей форме, чем когда вернул звание чемпиона белой расе». Чтобы показать свою уверенность, он потребовал, чтобы его освободили от ответственности на тот случай, если он убьет соперника.

Но, несмотря на кажущуюся худощавость, Демпси был на удивление крепким, словно сделанным из железа – говорили, что ударить его – это все равно что ударить дерево, и он налетал на противника, как сорвавшийся с цепи бульдог, осыпая его градом безжалостных ударов. Он только что выиграл двенадцать боев подряд, девять с нокаутом в первом раунде, и один – в первые четырнадцать секунд. В общем, Демпси был необычайно разрушительным боксером, и он собирался в очередной раз доказать это.

Сразу же после начала поединка он выскочил из своего угла и нанес такой сильный удар по челюсти Уилларда, что сломал ее в тринадцати местах, после чего последовал хук, от которого на брезент посыпалось шесть зубов Уилларда. В первом раунде Демпси уложил своего противника семь раз и не унимался следующие два раунда, сломав Уилларду скулу и по меньшей мере два ребра. В отчаянии Уиллард отказался подниматься и выходить на четвертый раунд. Всю последующую жизнь он утверждал, что бинты под перчатками Демпси были пропитаны цементом. Вполне возможно, ему действительно так казалось.

В том поединке Демпси получил приз в 27 500 долларов. Через два года он будет сражаться уже почти за миллион долларов, а его

аудиторией будет весь мир. Бокс изменился навсегда.

Деймон Раньон прозвал Демпси «Манасским костоломом» (или «кувалдой», «Manassa Mauler» – *англ.*), но это прозвище было верно лишь отчасти. Демпси не бил противника, как кувалда, он наносил частые и точные удары, а в Манассе, небольшом сельскохозяйственном поселении в Южном Колорадо неподалеку от мексиканской границы, он прожил всего первые десять лет своей жизни. В дальнейшем он постоянно переезжал – в Денвер, а потом в маленькие городки в Колорадо, Юте и Западной Виргинии – вместе с алкоголиком отцом, который никак не мог удержаться на одной работе.

При рождении в июне 1895 года (через четыре месяца после Бейба Рута) его нарекли именем Уильям Харрисон Демпси, но родные называли его просто Харри. Семья его примечательна тем, что в ней смешались самые разные национальности: индейцы чероки, евреи, шотландцы и ирландцы. Демпси был девятым из тринадцати детей, и, несмотря на бедность, жили они дружно и сплоченно, что еще аукнется ему летом 1927 года. В юности он зарабатывал на жизнь тем, что заходил в бары и предлагал любому сразиться с ним за призовой фонд, на который скидывались все присутствующие. Благодаря таким «тренировкам» мастерство его росло. От этого оставался только один шаг до профессионального бокса. Профессионально он начал выступать в 1914 году под именем «Малыш Блэки». Примерно тогда же он познакомился со своей будущей женой Мэксин Кейтс, женщиной на пятнадцать лет старше его, пианисткой в салунах, иногда занимавшейся проституцией. Но в браке они прожили недолго и расстались через несколько месяцев. (Она погибла в 1924 году ужасной смертью – сгорела в пожаре, который охватил бордель в Хуаресе в Мексике.)

Бойцом Демпси был инстинктивно безжалостным и беспощадным. «На ринге казалось, что ему нравится избивать людей», – писал его биограф Роджер Кан. Однажды, в приступе плохого настроения, он послал в нокаут всех своих партнеров по спаррингу. В другой раз он предложил встретиться с ним писателю Полу Галлико, на то время спортивному редактору из «Нью-Йорк дейли ньюс», чтобы тот просто попробовал, что значит выйти на бой с чемпионом, но ударил редактора так сильно, что едва не отправил его на тот свет. Очнувшись, Галлико ничего не помнил, но после писал,

что ему показалось, будто на него обрушилось здание. Присутствовавший при этом спортивный комментатор Грэнтланд Райс писал: «Под конец голова молодого мистера Галлико висела едва ли не на лоскутке». Когда при подобных обстоятельствах Эл Джолстон решил в шутку побоксировать с Демпси перед фотоаппаратами, Демпси раздробил Джолстону подбородок.

Но как только поединок заканчивался, Демпси часто предлагал сопернику свою помощь и поднимал на ноги человека, которого только что уложил. Внешне он выглядел настоящим злодеем, с «тюремной» стрижкой и стальным взглядом, но в частной жизни был приятным собеседником, немного даже скромным и на удивление задумчивым.

Ничто в том бою против Уилларда в Толидо не пробуждало дух предпринимательства так, как осознание того факта, что Текс Рикард потратил на сооружение временного стадиона 100 000 долларов и все равно получил прибыль. Девять тысяч посетителей превзошли любые толпы, когда-либо посещавшие спортивные состязания на планете. Бокс вдруг показался слишком прибыльным делом, чтобы отдавать его на откуп каким-то второстепенным городам на западе, особенно когда в Нью-Йорке 250 дней в году простаивали такие прекрасные сооружения, как «Янки-Стэдиум» и «Поло-Граундс». Почти сразу же сенатор штата Нью-Йорк (и впоследствии мэр Нью-Йорка) Джимми Уокер предложил объявить боксерские поединки полностью легальными в штате. За ним последовали и другие штаты.

Но в некоторых районах боксу все еще сопротивлялись. Многие приходили в ужас от его жестокости и грубости. Другие возмущались тем, что это был предлог для игры на деньги. Преподобный Джон Роуч Стрейтон видел главную угрозу морали в том, что представительницам слабого пола разрешают смотреть «на практически обнаженных мужчин, которые колотят друг друга, обливаясь потом и кровью, ради потакания своим животным страстям».

Как оказалось, многие женщины к этому охотно стремились; особенно им нравилось смотреть на полуобнаженного французского боксера Жоржа Карпантье – красавчика по всеобщему мнению. «Красоту его профиля оценил бы даже Микеланджело», – писала одна сраженная наповал современница, и ее мнение повторяли во всех женских журналах страны. Женщины просто восхищались им. Когда позже в поединке Жоржа Карпантье победил Джин Тинни, некая

возмущенная блондинка выскочила на ринг и попыталась выцарапать победителю глаза.

Надо сказать, что боксером Карпантье был не таким уж великим и иногда прибегал к помощи различных уловок. Не всегда все шло так, как было задумано. В 1922 году в Париже сенегальский боксер по прозвищу «Боевой Сики» (Баттлинг Сики) за щедрое вознаграждение согласился поддаться Карпантье. Но во время боя он забыл о договоренности и в шестом раунде отправил недоумевающего француза в нокаут. Для Сики это была наивысшая точка в общем-то не слишком удовлетворительной карьере. Он больше не выиграл ни в одном значительном матче, а в 1925 году его при загадочных обстоятельствах застрелили на одной из манхэттенских улиц. Убийцу так и не поймали.

Карпантье согласился выйти на бой против Демпси почти исключительно по трем причинам: он выглядел сильным, от него были без ума женщины и он был героем войны (летчиком, получившим награду во время Первой мировой войны, что ставило его в один ряд с его приятелем Шарлем Нунжессером). Этот поединок привлек еще больше внимания, чем предыдущий. Журналисты стекались со всех стран мира. «Нью-Йорк америкэн» нанял в комментаторы Джорджа Бернарда Шоу. Литератор Г. Л. Менкен с удовлетворением заметил в своем эссе, что это поединок между белыми мужчинами.

Говорили, что Карпантье придумал секретный удар, который свалит с ног Демпси. Деймон Раньон сказал, что лучше бы ему попрактиковаться в десятисекундном отдыхе на полу, поскольку такая возможность во время боя будет предоставляться ему часто. До матча Текс Рикард умолял Демпси: «Только не убивай этого сукина сына, Джек». Вряд ли Рикарда так уж сильно заботила жизнь Карпантье; он просто опасался, что смерть перечеркнет все планы по превращению бокса в прибыльный и уважаемый вид спорта. «Сегодня здесь собрались лучшие люди мира, – сказал он. – Если ты его убьешь, то, считай, все пропало. Бокс умрет».

Карпантье не пришлось долго ждать, чтобы понять, насколько сильно он уступает по мастерству своему сопернику. Первым же ударом Демпси сломал ему нос. Вскоре после этого Карпантье постарался нанести Демпси свой самый лучший удар в лицо. Демпси едва поморщился, а Карпантье сломал большой палец в двух местах.

Демпси полностью разгромил француза за четыре раунда и оставил лежать без сознания в центре ринга. С начала до конца поединок длился двадцать семь минут. Выручка от проданных билетов составила 1 626 580 долларов, что в четыре раза больше выручки, полученной от боя Демпси с Уиллардом двумя годами ранее.

После этого матча Демпси столкнулся с той проблемой, что теперь никто не рвался выйти с ним на ринг. Вполне возможно, что энтузиазм, связанный с боксом, заглох бы, если бы не своевременное появление в Америке аргентинского гиганта по имени Луис Анхель Фирпо с причудливым, но довольно точным прозвищем «дикий бык из пампасов». Бедный парень из Буэнос-Айреса приехал в США в 1922 году с одним чемоданом из фанеры, в котором лежали только запасной воротничок и пара боксерских трусов.

Особым стилем он не отличался – «наносит удары, как будто швыряет камни», писал один наблюдатель, – но был огромным и мощным, благодаря чему отправлял своих противников в нокаут одного за другим. К тому времени, когда он встретился с Демпси на стадионе «Поло-Граундс» в сентябре 1923 года, он выиграл двенадцать боев подряд и девять посредством нокаутов. Как и Демпси, Фирпо предпочитал оставаться на одном месте и осыпать соперника градом сильных ударов. Публике не терпелось увидеть, что сделает с ним Демпси. Ожидания ее оправдались – мир еще не видел такого интенсивного боя.

Первым же ударом Фирпо заставил Демпси упасть на колени, отчего восемьдесят тысяч ртов беспокойно вздохнули. Демпси ответил на это тем, что отправил Фирпо в нокдаун семь раз в первом раунде, но каждый раз Фирпо вставал и продолжал бой. После седьмого нокдауна он собрался и мощным правым хуком отправил Демпси за пределы ринга. Демпси перелетел через канаты и упал на зрителей. Его мгновенно подняла и поставила на ноги такая масса рук, что «казалось, будто толпа делает ему массаж», – вспоминал впоследствии Фирпо. Среди тех, кто с энтузиазмом бросился на помощь, был и Бейб Рут с сияющей улыбкой. За такую помощь Демпси могли бы дисквалифицировать, но рефери дал сигнал к продолжению боя.

В первую минуту второго раунда Демпси нанес Фирпо два мощных удара в голову, отчего тот упал и больше не поднимался. Большинство обозревателей заявили, что это был самый

захватывающий поединок в их жизни. Грэнтланд Райс считал, что это был вообще самый потрясающий поединок за всю историю.

А потом Демпси перестал выходить на ринг. Бои сначала переносились, а потом и вовсе отменялись. С сентября 1923 по сентябрь 1926 года Демпси не провел ни одного матча. Он обосновался в Лос-Анджелесе, снялся в паре фильмов, сделал операцию по исправлению носа, женился на второстепенной киноактрисе Этель Тейлор (и переспал с некоторыми другими) и подружился с Чарли Чаплином и Дугласом Фэрбенксом.

Брат Демпси, Джонни, мечтавший стать голливудской звездой, к тому времени уже проживал в Лос-Анджелесе, где завел знакомство с некоторыми влиятельными лицами, в частности с Уоллесом Ридом, одним из самых популярных актеров того времени и любимцем женщин. Внешне Рид выглядел как парень, которому любая мать не задумываясь бы отдала руку своей дочери, но его личная жизнь была не такой уж благополучной и к тому же он страдал от наркотической зависимости. Он научил получать удовольствие от кокаина и героина и Джонни Демпси. В 1923 году, в возрасте тридцати одного года Рид скончался от своего пагубного пристрастия, но к тому времени Джонни тоже успел стать закоренелым наркоманом. Проблемы Джонни и его ухудшающееся состояние стали источником постоянных беспокойств и тревог для его брата Джека.

В 1926 году в Филадельфии проходила всемирная ярмарка под названием «Полуторастолетняя выставка» в честь 150-летия подписания Декларации независимости. Она не заладилась с самого начала. Прежде всего, для ярмарки было выбрано совершенно неподходящее место, труднодоступное и болотистое. Планы на ярмарку строились грандиозные, но финансирование было скудным. Власти штата Пенсильвания вообще отказались выделять на нее какие бы то ни было средства.

Строительство затягивалось настолько, что ко времени открытия ярмарки 31 мая 1926 года не был готов почти ни один павильон. Президент Кулидж отказался посещать ярмарку и отправил на нее государственного секретаря Фрэнка Б. Келлога и своего вездесущего министра коммерции Герберта Гувера. Их глазам предстали строительные леса вокруг главного экспоната выставки,

восьмидесятифутового «Колокола Свободы». Работы в павильоне Нью-Йорка даже не начинались. Главным же долгостроям оказался павильон Аргентины, открывшийся 30 октября, то есть на момент закрытия самой выставки.

Почти все лето и осень шли дожди, что не способствовало притоку на ярмарку публики. За все время произошло только одно по-настоящему успешное мероприятие. Вечером 23 сентября на редко используемом стадионе Джек Демпси выступил против восходящей звезды бокса, молодого Джина Танни. Это был первый матч Демпси почти за три года.

Понятно, что после такого перерыва интерес к матчу был велик. Один репортер, восхищаясь предстоящим поединком, в порыве вдохновения назвал его «величайшим боем с Силурийского периода». Билеты на него приобрели 120 тысяч человек, но, по некоторым оценкам, посетили около 135 тысяч. Танни был неплохим боксером, но удары у него были довольно легкие, и, согласно всеобщему мнению, Демпси должен был быстро разделаться с ним. Но настоящим мастером себя показал Танни; он наносил быстрый и точный удар, а потом ловко отскакивал от опасной правой руки Демпси. Весь вечер Демпси старался поймать его, пока тот отвечал резкими и изматывающими ударами. К седьмому раунду Демпси уже представлял собой распухшее месиво, один его глаз полностью заплыл, другой превратился в щелку. В общем итоге ему удалось нанести Танни только один удачный удар. Танни же с легкостью победил по очкам.

На следующий вечер, когда Демпси, весь в синяках и с распухшим лицом, приехал домой, его жена спросила, что случилось. Говорят, что Демпси ответил: «Я забыл, как уклоняться, дорогая».

Публика была сильно разочарована, но поражение Демпси стало предлогом для величайшего в истории бокса матча-реванша. Для извлечения максимальной прибыли и для подогрева интереса было решено провести ряд отборочных матчей. Первый отборочный матч проходил между Джеком Шарки и Джимом Малоуни. (Этот матч уже упоминался выше в связи с тем, что его прервали, чтобы двадцать тысяч человек помолились за Чарльза Линдберга, который тогда находился над Атлантикой.) Шарки, легко одержавший победу в этом бою, должен был встретиться на следующем отборочном матче со стареющим, но все еще грозным Джеком Демпси 22 июня на том же

стадионе «Янки-Стэдиум» (и это, разумеется, очень даже нравилось Джейкобу Руперту).

В начале июля 1927 года произошло много событий: Ричард Бэрд со своей командой совершил посадку на воду у побережья Франции, Нью-Йорк накрыло первой теплой волной, Калвин Кулидж отпраздновал свой пятьдесят первый день рождения в ковбойском наряде, Чарльз Линдберг вылетел из Оттавы, помощники Генри Форда составили текст его извинения перед евреями и ведущие банкиры мира провели тайную встречу на Лонг-Айленде. Но больше всего страну заботил вопрос о том, удастся ли Джеку Демпси подтвердить свой титул чемпиона. Десятки журналистов отсылали ежедневные репортажи из его тренировочного лагеря у озера Сарагота в штате Нью-Йорк; публика с интересом читала, насколько грозный у него вид, как решительно он настроен на победу и какие у него сильные удары, которых не видели уже несколько лет.

Но тут произошла трагедия в его семье, о которой ему сообщили 2 июля приехавшие в лагерь полицейские. Брат Демпси, Джонни, в последнее время все чаще впадал в приступы ярости и набрасывался на свою молодую жену Эдну с кулаками, из-за чего она сбежала на восток вместе с их малолетним ребенком. Джонни Демпси выследил Эдну, ворвался в пансион в Скенектади, где она временно остановилась, всего в двадцати милях от тренировочного лагеря, и застрелил ее, после чего застрелился сам. Ребенка он не тронул.

Для Джека Демпси это стало большим ударом. Полицейские отвезли его в Скенектади на опознание трупов, а когда он вернулся в лагерь, то заперся в своей хижине и никому не открывал дверь. Через два дня, ко всеобщему облегчению, он вышел и, хоть и с мрачным видом, продолжил тренировки.

В Париже члены экипажа Бэрда, покончив с официальными формальностями, проводили последнюю ночь в городе, причем немного оживленнее, чем это делал Линдберг. Берт Акоста, или «смуглый щеголь Акоста», как его называл журнал «Тайм», отвел Джорджа Новиля в одно из самых злачных ночных заведений на Монмартре, где играл джаз и царило безудержное веселье. Бернта Балхена пригласила к себе шумная компания скандинавов, гостивших

в Париже. Сам Бэрд отклонил все приглашения и предпочел лечь спать пораньше.

В это же время в Париже находились Чарльз Левин и Кларенс Чемберлин, но они, судя по всему, тоже не были настроены праздновать. Левин, запоздало осознав, насколько важно было произвести о себе благоприятное впечатление, пожертвовал 100 000 франков, или 4000 долларов, Французскому аэроклубу на постройку клубного здания в Ле-Бурже. Он также посетил мадам Нунжессер, которая начинала производить впечатление слегка сумасшедшей. Она до сих пор отказывалась признавать гибель своего сына и была уверена, что ее Чарльз вместе со своим товарищем плавают на спасательном плоту где-то в Северной Атлантике и питаются рыбой, которую ловят в ожидании проходящего мимо судна.

Левин предложил всем американским авиаторам возвращаться домой вместе на двух самолетах, но его предложение было отклонено, отчасти из-за того, что самолет Бэрда был сильно поврежден (он так никогда больше и не поднялся в воздух), отчасти из-за того, что лететь при встречном ветре было крайне рискованно, и отчасти из-за того, что никто не хотел иметь дело с Левином. Чемберлин решил, что с него хватит Европы (и, вероятно, Левина), и он сказал, что поплывет на «Левиафане» вместе с командой Бэрда. Левин пообещал заплатить Чемберлину 25 000 долларов за совместный полет, но в конечном счете заплатил менее половины этой суммы.

Через неделю после прилета во Францию экипаж Бэрда вернулся в Нормандию, в Ле-Туке, где отобедал с принцем Уэльским, а после поехал в Шербур, чтобы сесть на лайнер. В «Нью-Йорк таймс» вышел репортаж с заголовком в три строки и в пять тысяч слов объемом только о том, как они собирались в путь, как будто бы это тоже было великим достижением.

Затем в мире авиации наступило затишье. Пока команда Бэрда находилась в море, Линдберг сидел в доме на Лонг-Айленде и писал книгу «Мы», а Левин тратил время практически впустую и только иногда выступал с незначительными заявлениями. 12 июля впервые за шесть недель газета «Таймс» вышла без единой статьи об авиации. Но на первой странице была опубликована небольшая заметка, которая достойна упоминания.

Как сообщало агентство Ассошиэйтед Пресс, с аэродрома у озера Манитоба в Канаде вылетел самолет с целью произвести воздушную разведку для канадского правительства. На борту самолета присутствовали пилот, фотограф и геодезист. Погода стояла хорошая. Несколько свидетелей сообщили о том, что самолет поднялся примерно на две тысячи футов, как обычно, и вошел в облачную грядку. Когда же он вышел из облаков, то наблюдатели с ужасом увидели, как все три человека выпрыгнули из самолета и полетели к земле, навстречу неминуемой гибели. Что заставило их совершить этот роковой поступок, так и осталось неизвестным.

Главной новостью середины июля была новая волна жары, установившаяся на территории почти всей страны. 13 июля в четыре часа дня температура в Нью-Йорке поднялась до 91 градуса по Фаренгейту, а в других местах и до 100 градусов. К субботе 16 июля, как сообщалось, из-за жары в городе скончалось двадцать три человека, а всего на Восточном побережье – по меньшей мере шестьдесят. С полдюжины утонули, пытаясь найти прохладу в воде. Одним из тех, кому повезло избежать гибели, оказался восьмилетний мальчик по имени Лео Брозовски, которого нашли плывущим на камере покрышки в пяти милях от берега в Нижнем Нью-Йоркском заливе, на полпути от Стейтен-Айленда до Кинсберга в Нью-Джерси. Он провел на воде по меньшей мере пять часов, был полностью одет, вплоть до башмаков на ногах, и не мог объяснить, как оказался так далеко от берега. Врачи сказали, что он истощен, но жизни его ничто не угрожает.

16 июля после полудня начали сгущаться тучи; температура упала, но гроза принесла очередные бедствия. Из-за молний было отключено электричество в нескольких районах; молнии убили пару, укрывавшуюся от грозы под деревом на Стейтен-Айленде, и полицейского на улице в Бруклине. Железнодорожные пути, ведущие в Кони-Айленд, были затоплены, и пригородные поезда застряли вместе с людьми, возвращавшимися домой с пляжей. В Бруклине один двадцатисемилетний мужчина умудрился утонуть прямо в подвале своего дома, когда вода поднялась до шести футов над поверхностью земли.

Но самое худшее бедствие из-за аномальной жары произошло не на Восточном побережье, а на озере Мичиган у Чикаго. Примерно

семьдесят пять человек, преимущественно женщины и дети, поднялись на борт прогулочного баркаса, чтобы немного проветриться и освежиться. Когда пошел ливень, пассажиры побежали на один борт, чтобы укрыться под навесом, но из-за этого баркас накренился и перевернулся. Всего утонули двадцать семь человек. Среди тех, кто бросился на помощь, был Джонни Вайсмюллер, еще не прославившийся как Тарзан из фильма, но уже завоевавший три золотые медали по плаванию на Олимпийских играх в Париже 1924 года. Он как раз оказался на пляже поблизости от перевернувшегося баркаса и, как сообщалось, доставил на берег много как выживших, так и утонувших.

«Левиафан» прибыл в Нью-Йорк 18 июля, в дождь и туман. Команду Бэрда и Кларенса Чемберлина доставили на яхту мэра «Маком», где они, к своему удивлению, встретили Чарльза Линдберга. Бэрд был явно растроган тем, что Линдберг приехал встретить их, но при этом он явно с облегчением узнал о том, что Линдберг не собирается присоединяться к ним на берегу. В конце концов, это был их день, и Бэрду не хотелось, чтобы другой известный авиатор отвлекал от них внимание. Линдберг же был рад, что внимание толпы хотя бы в этот день достанется кому-то другому.

По меркам Линдберга, можно было сказать, что встреча тогда выдалась не слишком торжественной, хотя виной тому могла быть и погода, а не только определенная усталость со стороны публики. Бэрда с товарищами и Чемберлином усадили в автомобиль с открытым верхом, чтобы проехать по Бродвею. К сожалению, едва они выехали, как небеса разверзлись, и тысячи зрителей побежали в укрытия. Бэрд с авиаторами промокли так, как будто бы добирались до берега вплавь. Для праздничной церемонии был установлен большой помост, но около сотни стульев для почетных гостей так и остались пустыми, а толпа не спешила выслушивать торжественные речи под проливным дождем.

Многих в то время занимала только одна мысль – прекратится ли дождь к началу поединка между Демпси и Шарки. К счастью, он прекратился. Несмотря на периодические раскаты грома, дождь больше не шел, и вторая половина дня 20 июля выдалась относительно прохладной и сухой. На стадионе «Янки-Стэдиум» собрались

восемьдесят пять тысяч человек (больше, чем когда-либо посещали любой бейсбольный матч; для боксерского поединка пришлось установить несколько тысяч дополнительных сидений прямо на поле, несмотря на то, что вид оттуда был плохой); выручка от проданных билетов составила 1,25 миллиона долларов – рекорд для матча не за звание чемпиона. Среди зрителей были мэр Нью-Йорка Джимми Уокер, Франклин Делано Рузвельт, звезда вестернов Том Микс, издатель Бернар Макфадден и махараджа княжества Рутлам (или некто старательно выдававший себя за махараджу). Ричард Бэрд и Кларенс Чемберлин в толпе остались почти незамеченными.

Букмекеры ставили на Шарки в пропорции 6:5 – в основном, потому что ему было двадцать пять лет и он считался восходящей звездой, тогда как Демпси было тридцать два, и его слава, можно сказать, уже клонилась к закату. Джек Шарки родился в Бостоне, в семье иммигрантов из Литвы, подаривших ему недюжинную силу и с трудом произносимую фамилию. В официальных записях ее писали по-разному: Зухауской, Зукаускас, Коккоски или Кукохсай, но потом он решил взять себе более привычный для уха американцев псевдоним. Имя «Джек» он выбрал в честь своего героя, Джека Демпси.

Поединок вряд ли можно было назвать увлекательным. Демпси держался гораздо менее агрессивно, чем раньше. Шарки легко выполнял свои осторожные атаки и уверенно лидировал в первых шести раундах. В седьмом же раунде он не выдержал и поступил, как самый неумелый боксер. Рассердившись на то, что Демпси постоянно атакует его ниже пояса, он повернулся к рефери, чтобы пожаловаться, и тут Демпси ударил его в подбородок и свалил с ног. На фотографиях видно, как Шарки падает, словно плащ с вешалки. Демпси был объявлен победителем. Теперь ему предстояло встретиться с Джином Тинни в матче-реванше 22 сентября в Чикаго – на величайшем и самом неоднозначном матче в истории.

Восхищенный небывалой выручкой Джейкоб Руперт объявил, что намерен увеличить вместимость стадиона «Янки-Стэдиум» и возвести дополнительные трибуны вдоль левого края поля, благодаря чему боксерские матчи могли бы посещать девяносто тысяч зрителей. Спортивные обозреватели отнеслись к этому заявлению критически и писали о том, что многие зрители на минувшем матче сидели так далеко, что с тем же успехом могли бы смотреть на ринг в

перевернутую подзорную трубу. Как ехидно заметил один журналист, после окончания поединка пятьсот человек выбежали со стадиона, чтобы «купить экстренный выпуск и узнать исход матча».

На следующий день Шарки лег в больницу из-за множественных внутренних кровотечений. К счастью, он быстро поправился, но все равно это было очередное напоминание о том, что Демпси еще рано списывать со счетов и что удары у него еще достаточно мощные.

На следующий после матча между Демпси и Шарки день Чарльз Линдберг начал свой национальный тур и прибыл в Бостон, причем довольно необычным образом. Долетев до только что открывшегося Бостонского аэропорта (на его месте сейчас находится аэропорт Логан), он пересек Бостонскую гавань, держась чуть выше воды, и в последний момент взмыл в воздух, завис на несколько мгновений, грациозно перевернулся на бок, сделал дугу и приземлился точно перед ангаром — и это на самолете, у которого не было тормозов и переднего обзора. Восхищенные крики толпы можно было слышать в парке Бостон-Коммон в трех милях от аэропорта.

В центре Бостона собралась огромная толпа — «величайшее скопление людей, когда-либо стекавшихся в центр города, чтобы поприветствовать отдельного человека или почетных гостей», как писал один комментатор. Несмотря на то что собравшиеся были настроены благожелательно, в такой массе народа стихийно возникла давка. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» сообщал о том, что когда по улице поехала колонна с автомобилем Линдберга, «стоявшие в центре люди оказались сдавленными со всех сторон... многие женщины и дети упали в обморок, и от более серьезных травм их спасло только то, что тела других людей поддерживали их в вертикальном положении; их не растоптали только благодаря такой тесноте».

Двух солдат и полицейского, которые пытались помочь одной женщине, самих унесла толпа, словно волна во время прилива. Другие старались не попасть под колеса медленно передвигающегося кортежа. Можно назвать чудом тот факт, что никого не задавили и никто не задохнулся. Тем не менее один мужчина скончался от сердечного приступа, и более чем сотне человек пришлось оказать первую медицинскую помощь на полевых станциях в парке. Четырнадцать

человек были доставлены в больницу, и, как писал корреспондент «Таймс», «они вернулись домой с синяками и в порванной одежде».

Такие встречи ожидали Линдберга почти повсюду. Со всех сторон его теперь окружала толпа, возбужденная, страстно желавшая прикоснуться к обожаемому герою или хотя бы взглянуть на него краешком глаза. Постепенно он начал понимать, что обратного пути к безвестности не будет. Такой теперь была его жизнь.

Казалось, уже никакое событие не сможет отвлечь от Линдберга назойливое внимание публики. Но как раз тогда, когда его приветствовала восторженная толпа, в расположенной неподалеку тюрьме (заклученные могли даже слышать приветственные крики) сидели два скромных итальянских анархиста, ожидавшие казни за убийства, которые, по мнению многих миллионов человек по всему миру, они не совершали.

Их звали Никола Сакко и Бартоломео Ванцетти, и им предстояло стать героями очередного громкого скандала.

Август Анархисты

«Я никогда не знал, никогда не слышал и никогда не читал о чем-то настолько жестоком, как этот суд».

*Никола Сакко. Последняя речь после
вынесения приговора о смертной казни*

Солнечным и прохладным апрельским днем 1920 года, около 3 часов пополудни, двое служащих обувной фабрики Слейтера и Моррилла в Саут-Брейнтри в штате Массачусетс шли по пыльной петляющей дороге, направляясь из здания управления фабрики на Железнодорожной авеню в отдельное здание, находившееся в двухстах ярдах на Перл-стрит. Фредерик Парментер был кассиром, Алессандро Берарделли был его охранником. Они несли 15 776 долларов 51 цент наличными в двух металлических чемоданах – недельную зарплату пятисот служащих фабрики. Их путь проходил мимо здания другой фабрики, Райса и Хатчинза, занимавшей пятиэтажное здание, мрачно нависавшее прямо над дорогой.

Едва Парментер и Берарделли миновали фабрику Райса и Хатчинза, как к ним подошли двое мужчин и потребовали отдать чемоданы. Не успел Берарделли ответить, как один из грабителей трижды выстрелил в него. Берарделли упал на колени и руки, закашлялся кровью, с хрипом втягивая в себя воздух. Затем стрелявший повернулся к застывшему в ужасе Парментеру и выстрелил в него. Получив серьезное ранение, Парментер упал на чемодан и попытался проползти по направлению к улице, инстинктивно стремясь убежать. Один из грабителей – из показаний свидетелей неясно, кто из двоих (а возможно, и некий третий вооруженный человек) – шагнул вслед за Парментером и хладнокровно выстрелил ему в спину. Потом человек с оружием – опять же, свидетели не уточняли, кто именно – повернулся к Берарделли и прикончил его двумя выстрелами.

Тут к нападавшим подъехал автомобиль синего цвета, в котором сидели два или более сообщников, и нападавшие вскочили в него; после чего машина проехала железнодорожный переезд. Сидевшие в ней время от времени стреляли по сторонам. Весь инцидент занял не более минуты. Доказательством того, насколько быстрым и шокирующим было это ограбление, служил тот факт, что свидетели не могли прийти к общему мнению даже относительно того, сколько было нападавших и кто конкретно из них стрелял.

Никто тогда не подозревал, что это хладнокровное, но вполне обыкновенное убийство, совершенное на окраине Саут-Брейнтри, привлечет внимание всего мира и станет самым громким убийством 1920-х годов. В наши дни мало что осталось от сцены того преступления. Фабрики давно снесены, как и небольшие ресторанчики и лавки вдоль улицы. Брейнтри давно уже превратился из фабричного города в тихий пригород в двенадцати милях к югу от Бостона. Перл-стрит теперь шоссе в несколько рядов со светофорами на каждом перекрестке. На месте, где стреляли в Парментера и Берарделли, стоит местный торговый центр «Перл-Плаза», а по соседству с ним – супермаркет «Шоу» и склад «Макс». Возле моста через железную дорогу, которого не было в 1927 году, расположен небольшой памятник в честь двух жертв преступления, сооруженный в 2010 году на его девяностолетие.

Берарделли скончался на месте. Ему было сорок пять лет, и он был родом, как и двое осужденных за его убийство, из Италии. Он проработал на фабрике Слейтера и Моррилла около года и оставил после себя жену с двумя детьми. Парментер умер в больнице Куинси на следующее утро. Это был регулярно посещавший церковь тихий мужчина, которого многие рабочие считали своим товарищем. Он также оставил жену с двумя детьми. Это все, что известно о жертвах.

Автомобиль, угнанный «Бьюик», через два дня нашли в местечке под названием Мэнли-Вудс. Полиция тогда искала исполнителей похожего, но неудавшегося ограбления в Бриджуотере, происшедшего за день до Рождества. Начальник полицейского участка в Бриджуотере, «шеф» Майкл И. Стюарт, по неким причинам, которые не были изложены в документах следствия, решил, что в обоих случаях виноваты итальянские анархисты. Выяснилось, что рядом с тем местом, где была брошена машина, проживает человек радикальных взглядов по имени Ферручо Коаччи, и поэтому он стал главным подозреваемым. Как насмешливо писал позже «Нью-Йоркер», шеф Стюарт, очевидно, решил, что «после ограбления и убийства убийца, что вполне логично, решил оставить автомобиль практически перед своей дверью».

Хотя Стюарт и считался начальником отделения полиции, имевшим в своем распоряжении некий «контингент», на деле этот контингент составлял только его работавший на полставки помощник.

Сам Стюарт никогда специально не учился расследовать убийства, и у него почти не было опыта расследования серьезных преступлений. Именно поэтому, скорее всего, он так рьяно и взялся за это дело. В конце концов, такой случай выпадает только раз в жизни.

Коаччи быстро был вычеркнут из списка подозреваемых: он уехал обратно в Италию. В том доме теперь проживал некий Марио Буда, и Стюарт, следуя своей неподражаемой логике, перенес подозрения на него. Узнав, что Буда оставил машину на починку в гараже Элм-Сквер в Западном Бриджуотере, Стюарт приказал владельцу гаража позвонить сразу же, как к нему зайдет Буда.

Звонок раздался три недели спустя, вечером. Владелец гаража сказал Стюарту, что к нему заходили Буда и еще трое мужчин, но они тут же ушли, потому что автомобиль еще не был готов. Буда и один мужчина уехали на мотоцикле с коляской, а двое других ушли пешком и, скорее всего, собирались поехать на трамвае в Броктон. Стюарт позвонил в броктонский участок, и когда трамвай остановился в Броктоне, в него вошел полицейский, осмотрел немногочисленных пассажиров и задержал двоих итальянцев, которые выглядели слегка беспокойными: Бартоломео Ванцетти и Николу Сакко. У них обнаружили два заряженных пистолета и много патронов, в том числе и для другого оружия. Еще у них с собой была анархистская литература.

Для шефа Стюарта этого было достаточно. Хотя никто из задержанных ранее никогда не привлекался по подозрению в совершении преступления и хотя у Стюарта не было никаких доказательств, что кто-то из них был в Саут-Брейнтри на момент ограбления, он обвинил их в убийстве.

Та эпоха была не слишком хорошим временем для иностранцев или людей радикальных взглядов, а сочетание этих качеств было и вовсе опасным. Америка тогда как раз переживала «Великую красную угрозу». В 1917 и 1918 годах Конгресс принял ряд печально знаменитых законов, в частности закон «О шпионаже» и закон «О подстрекательстве к мятежу». Они предусматривали суровое наказание для тех, кто почти в любой форме высказывал неуважение к американскому правительству, включая его символы – флаг, военную форму, исторические документы и все, что могло быть сочтено

отражением величия и славы Соединенных Штатов Америки. Законы эти исполнялись с невиданным рвением. «Граждан сажали в тюрьму за то, что они критиковали Красный Крест за своим обеденным столом», – писал один комментатор. Одному священнику из Вермонта дали пятнадцать лет за то, что он раздал полдюжины пацифистских листовок. В Индиане присяжные всего за две минуты оправдали человека, убившего иммигранта за то, что тот плохо отзывался об Америке.

Удивительно, но стало опаснее призывать к противозаконным действиям, чем совершать их. Уклонявшегося от призыва на военную службу могли посадить в тюрьму на один год, а того, кто призывал других к уклонению, – на двадцать лет. В первые пятнадцать месяцев по закону «О шпионаже» было осуждено более тысячи человек. Трудно было даже понять, что может послужить причиной ареста. Некого Роберта Голдштейна, снявшего фильм о Войне за независимость США, осудили за то, что он изобразил англичан в плохом свете. Судья счел, что такое изображение может быть «допустимым или даже похвальным» при обычных обстоятельствах, но в «чрезвычайное для государства» время Голдштейн не имел права «ниспровергать цели и принципы нации». За то, что режиссер показал оскорбительным образом армию союзного государства, какой она была 150 лет назад, его осудили на двенадцать лет тюремного заключения.

Хотя законы о шпионаже и о подстрекательстве к мятежу принимались, как исключительно законы военного времени, после окончания войны ситуация только ухудшилась. Возвращение домой двух миллионов солдат и сокращение военного производства привели к серьезной рецессии. В двух десятках городов, куда в поисках работы устремились чернокожие американцы, конфликты на расовой почве переросли в столкновения. В Чикаго, где чернокожее население за десятилетие удвоилось, один чернокожий юноша заснул на плоту, и его отнесло течением к пляжу для белых. Там его забили до смерти; в последующих столкновениях погибли еще тридцать восемь человек и несколько районов были сильно разрушены.

Промышленный сектор сотрясали забастовки. Бастовали портовые грузчики, ткачи, производители сигар, строители, сталелитейщики, телефонные операторы, лифтеры и проходчики

метро, шахтеры и даже бродвейские артисты. Однажды в 1919 году в общей сложности бастовали два миллиона человек.

Во всех бедствиях винили иностранных агентов и радикальные организации, вроде «Индустриальных рабочих мира» (Industrial Workers of the World, IWW), членов которой называли «вобблис» (по неизвестным причинам). В Бостоне и Кливленде полиция помогала возмущенным толпам разгонять демонстрантов на Первое мая; затем в Бостоне полицейские сами объявили забастовку (благодаря которой Калвин Кулидж значительно повысил свой авторитет). В штате Вашингтон толпа вытащила на улицу члена IWW Уэсли Эвереста, избивала его и отрезала половые органы, после чего его сбросили на веревке с моста и застрелили. Его гибель назвали самоубийством, и никаких обвинений никому предъявлено не было.

На пике всех этих волнений некий злоумышленник — предположительно иностранец — начал рассылать бомбы известным людям. Служанка сенатора Томаса Р. Хардвика, главы сенатского Комитета по иммиграции, приняла небольшую посылку в коричневой бумаге, доставленную в дом сенатора в Атланте, принесла ее на кухню, и эта посылка взорвалась, оторвав ей руки. На следующий день почтальон из Нью-Йорка прочитал описание этой посылки в газетах и вспомнил, что в его отделении лежат шестнадцать похожих пакетов, отправку которых задержали из-за неполной оплаты. Он побежал на работу и увидел, что пакеты до сих пор лежат там. Все они были адресованы влиятельным личностям: Джону Д. Рокфеллеру, Дж. П. Моргану, генеральному прокурору А. Митчеллу Палмеру, председателю Верховного суда Кенсо Маунтину Лэндису, а также нескольким губернаторам и конгрессменам. На всех посылках в качестве обратного адреса был указан универмаг «Гимбел-Бразерс» на пересечении Тридцать второй улицы и Бродвея на Манхэттене. Впоследствии выяснилось, что было отправлено еще несколько подобных посылок. Одна из них вернулась в универмаг, потому что ее доставка не была оплачена полностью. Любопытно, что служащий универмага открыл ее, обнаружил бутылку с кислотой, таймер и взрывчатку, а затем упаковал обратно, добавил необходимые марки и снова отправил по адресу назначения. В общей сложности обнаружили тридцать шесть бомб. За исключением служанки никто не пострадал, и никого по этому делу не арестовали.

Но на этом история с бомбами не закончилась. Всего лишь месяц спустя, тихим спокойным вечером в богатом районе Вашингтона генеральный прокурор А. Митчелл Палмер и его жена готовились ко сну в своем доме номер 2132 R по Северо-западной улице, как вдруг услышали глухой звук с нижнего этажа – «как будто кто-то кинул в дверь что-то тяжелое», – вспоминал впоследствии Палмер. Через мгновение вечернюю тишину разорвал оглушительный взрыв, выбивший окна в доме Палмеров и разрушивший его переднюю стену, что сделало его похожим на открытый кукольный домик. В соседних домах люди попадали с кроватей, и стекла были выбиты во всем квартале.

Спотыкаясь среди обломков и дыма, Палмеры – супруги чудом остались живы – спустились на первый этаж, где их глазам предстала ужасная сцена разрушения. Обломки были разбросаны повсюду – на улице, на соседней лужайке, на крышах домов, многие из них еще дымились. Кое-где, словно ни в чем не бывало, лежали нетронутые листовки.

Одним из первых место происшествия посетил заместитель министра ВМФ Франклин Делано Рузвельт, живший почти напротив. Он только что вышел из автомобиля, вернувшись после поездки в центр города. Если бы он приехал минутой раньше, то, возможно, погиб бы во время взрыва, и тогда история США была бы совсем иной. Рузвельт увидел, как супруги Палмер ошарашенно бродят среди обломков, покрытые белой штукатуркой. Генеральный прокурор бормотал что-то невнятное.

Сразу же стало понятно, что неведомый бомбист подорвался на своем же адском механизме. Двоюродная сестра Рузвельта, Алиса Лонгворт, также присутствовавшая на месте происшествия, вспоминала, что «было трудно не наступить на части человеческого тела». Одна из ног бомбиста лежала на крыльце дома через улицу. Другая валялась в пятидесяти ярдах от нее. Большой кусок туловища с одеждой свисал с карниза дома на соседней улице. Другой неопределенный кусок плоти пробил окно в доме напротив и упал у кровати Хелмара Бюру, полномочного представителя Норвегии. Большая часть скальпа была обнаружена в двух кварталах, на Южной улице. Для того чтобы попасть туда, голова террориста должна была

пролететь по траектории в 100 футов высотой и 250 футов длиной. А это говорило о том, что бомба действительно была очень мощная.

Кусков тела было обнаружено много, и возникло подозрение о том, что либо бомбистов было двое, либо взрыв задел еще и невинного прохожего. В любом случае бомба взорвалась прежде времени. Согласно предварительным выводам, террорист невольно привел бомбу в действие, устанавливая ее на крыльце Палмеров.

До наступления утра пришло еще много сообщений о взрывах похожей мощности в разных местах – Бостоне, Нью-Йорке, Филадельфии, Питтсбурге, Кливленде, Нью-Джерси и в Ньютонвилле, штат Массачусетс. По счастливой случайности погиб только ночной сторож в Нью-Йорке, но само доказательство того, что террористы способны организовать одновременную атаку сразу в нескольких городах Соединенных Штатов, посеяло панику в сердцах многих американцев. Некоторые взрывы казались абсолютно нелогичными, будучи совершенными в, казалось бы, случайных местах. Возможно, бомбы были доставлены туда по ошибке. В Филадельфии одна из бомб взорвала дом ювелира, который не имел никакого отношения к правительству или политике. Несколько других повредили католическую церковь. Почему террористы выбрали в качестве мишени католическую церковь, так и осталось невыясненным.

По запоминающемуся галстуку в горошек детективы установили личность бомбиста в Вашингтоне – Карло Вальдиночи. Это была большая утрата для анархистского движения. Несмотря на юный возраст (ему было всего двадцать четыре года), Вальдиночи стал легендой революционного движения. Федеральные агенты проследили за ним до Западной Виргинии, где он скрылся из-под наблюдения, что только прибавило ему популярности среди заговорщиков. Вальдиночи находился в бегах с 1917 года, после печально известного взрыва в Янгстауне, штат Огайо. Тогда бомба тоже не взорвалась, как было задумано, и полицейские, во что трудно поверить, принесли ее в участок и положили на стол в главном помещении, чтобы тщательнее осмотреть. Едва они склонились над ней, как она взорвалась, убив десять полицейских и одну женщину, которая пришла сообщить об ограблении. Террористов тогда не поймали, и это дело осталось нераскрытым. Дела радикалов тогда вообще редко раскрывали.

Взрыв оказал невероятное воздействие на убеждения А. Митчелла Палмера. Демократ из Пенсильвании с худым лицом занимал должность генерального прокурора всего три месяца, но уже стал мишенью двух бомб – бомбы «Гимбела», которая до него так и не добралась, и этой бомбы, которая, к сожалению, добралась. Из-за нее он охотно прислушался к молодому советнику из Министерства юстиции, который разработал целую теорию о склонности иммигрантов к преступлениям и о их связи с Коммунистическим интернационалом, который якобы планирует государственный переворот. Этого молодого человека звали Дж. Эдгар Гувер, и он убедил Палмера в том, что заговорщиков очень много и что они собираются нанести мощный удар по политикам в самое ближайшее время.

Гувер только что окончил юридическую академию и был назначен в до тех пор незначительный Отдел по делам радикалов Службы регистрации иностранцев. Он собрал досье более чем на двести тысяч отдельных лиц и организаций, многие из которых были связаны между собой. Сорок переводчиков работали над публикациями различных радикальных группировок, которых неутомимый Гувер насчитал более шести сотен.

В 1920 году Палмер надеялся стать кандидатом в президенты от своей партии. Желая продемонстрировать свои способности, он сделал ставку на расследование деятельности радикальных группировок. В серии вдохновенных выступлений он предупредил общество о пламени революции, которое вот-вот охватит всю страну, «сжигая алтари в церквях, перескакивая на колокольни школ, забираясь в священные уголки американских домов, оскверняя брачные обеты безнравственными законами и разрушая основы общества». Палмер утверждал, что около пяти миллионов коммунистов и их сообщников планируют свергнуть законное правительство Америки и захватить в ней власть. Будучи родом из семьи квакеров, он получил прозвище «Боевой квакер». Именно он породил в обществе панику, которую позже прозвали «Великая красная угроза».

При поддержке Дж. Эдгара Гувера Палмер подготовил рейды на места сборов радикальных организаций. Первый рейд был намечен на 7 ноября 1919 года, в день второй годовщины революции в России. Федеральные агенты и полицейские ворвались в клубы и кафе в

двенадцати городах, переворачивая мебель и задерживая всех подряд. В Нью-Йорке полицейские ворвались на собрание Союза русских рабочих, избивая всех, кто осмелился протестовать или хотя бы подавал голос в знак возмущения. Этот Союз представлял собой по сути всего лишь клуб по интересам, члены которого проводили вместе свободное время, играя в шахматы и улучшая свой английский; он никогда не был связан с радикальным движением. В Хартфорде, штат Коннектикут, полицейские арестовали большое количество подозреваемых – точное их число неизвестно – а затем арестовали и всех, кто пришел поинтересоваться их судьбой. В Детройте среди восьми тысяч задержанных были музыканты из целого оркестра и все посетители ресторана. Их держали в коридоре без окон, не давая воды, не позволяя выйти в туалет или полежать, чтобы отдохнуть. В конце концов всех отпустили, не предъявив никому никаких обвинений.

Палмер был доволен тем резонансом, который произвели его облавы, и провел их с еще большим размахом в следующем году. На этот раз были арестованы от шести до десяти тысяч человек (в разных публикациях называются разные цифры) в семидесяти восьми городах и двадцати трех штатах. И, опять же, эти рейды сопровождалась бессмысленными разрушениями имущества, арестами без предъявления обвинений и избиениями невинных граждан. «Великая красная угроза» оказалась не такой уж великой. В общей сложности власти конфисковали только три пистолета и никакой взрывчатки. Никакого общенационального заговора раскрыто не было. Палмер не задержал никаких бомбистов и не раскрыл никаких планов заговорщиков по свержению правительства, на чем его политические перспективы и закончились. На съезде Демократической партии в 1920 году делегаты выбрали Джеймса М. Кокса, губернатора Огайо, который на президентских выборах составил конкуренцию другому уроженцу Огайо, Уоррену Г. Гардингу. Но, несмотря на неудачи, облавы Палмера оказали большое влияние на умы простых американцев по всей стране. Скорее всего, именно поэтому «шеф» Стюарт из Бриджуотера пришел к мысли, что в совершенных на его участке преступлениях виноваты иностранцы-анархисты. И именно поэтому у Сакко и Ванцетти не оставалось никаких шансов.

С 1905 по 1914 год в Соединенные Штаты приехало около десяти миллионов человек, преимущественно из стран Южной и Восточной Европы – притом что в стране до этого проживало восемьдесят три миллиона. Иммигранты коренным образом изменили облик городской Америки. В 1910 году на долю иммигрантов и детей иммигрантов приходилось около трех четвертей населения Нью-Йорка, Чикаго, Детройта, Кливленда и Бостона.

Сакко и Ванцетти принадлежали к тем 130 тысячам итальянцам, которые приехали в Америку в одном только 1908 году. Сакко приехал из Торремаджоре на юге Италии, и ему тогда было всего шестнадцать лет. Ванцетти прибыл из более процветающего Пьемонта неподалеку от Франции, и был на три года старше. Оба обосновались в Новой Англии, хотя познакомились друг с другом только в 1917 году.

Сакко был невысоким, худощавым симпатичным человеком, гладко выбритым («как римская монета», по словам одного современника). По воспоминаниям знакомых, он походил на молодого Аль Пачино – приятный собеседник с тихим голосом. Он не употреблял спиртного и не играл в азартные игры. Устроившись на работу на обувную фабрику, он вскоре стал опытным мастером, получающим хорошую зарплату. Через четыре года после переезда в Америку он женился. Ко времени ареста ему было тридцать лет, и он считался добропорядочным гражданином, меньше всего подходящим для роли анархиста.

Ванцетти был совсем другим человеком. В Италии он учился на кондитера (это была довольно респектабельная профессия), но в Америке ему пришлось стать разнорабочим с низким жалованьем, словно для иллюстрации недостатков капитализма. Он часто оставался совсем без работы и иногда даже голодал. Впрочем, весной 1919 года его предпринимательская жилка взяла верх, и он купил тележку для продажи рыбы, с ножами, весами и колокольчиком для привлечения покупателей. С этой тележкой он расхаживал по Плимуту в штате Массачусетс и неплохо зарабатывал. Ко времени ареста ему было тридцать три года, и его дела шли в гору.

По природе Ванцетти был интеллектуалом. Он много читал и вел тихий, замкнутый образ жизни. С женщинами он не знакомился. По характеру был меланхоликом с грустной и скромной улыбкой. В глазах его «таилась нежность», как вспоминал один его знакомый. Его

отличительной внешней чертой после 1917 года были густые, свисающие по бокам усы. Но, несмотря на внешне кроткий нрав, он был заклятым врагом государства. Один его коллега назвал Ванцетти «воплощением анархизма».

Сакко и Ванцетти не были близкими друзьями. Они жили в тридцати милях друг от друга – Сакко в Стаутоне близ Бриджуотера, а Ванцетти в Плимуте – и были знакомы не более трех лет, прежде чем их вместе обвинили в убийствах, совершенных в Саут-Брейнтри.

После ареста дела их сразу пошли неудачно. Они не могли внятно объяснить, почему так вооружились для посещения ремонтной мастерской. Они заявляли, что не знают Буду и другого человека, как и не знают никого, кто владел бы мотоциклом, хотя полицейские быстро доказали обратное. Они отрицали свою принадлежность к движению анархистов и предлагали довольно неубедительные объяснения того, зачем им понадобилось посетить Западный Бриджуотер. С самого начала у полиции были подозрения, что они собирались там распространять незаконные материалы – возможно, взрывчатку или анархистскую литературу – и не хотели «подставяться».

Полицейские также задержали Буду и четвертого мужчину по имени Рикардо Орчиани, но их быстро допросили ипустили: Орчиани доказал, что в момент совершения обоих преступлений находился на работе, а невысокий и полный Буда не походил ни на одно описание подозреваемых. Таким образом Сакко и Ванцетти стали единственными подозреваемыми, хотя никто из них раньше не имел дела с полицией и не принадлежал ни к одной криминальной группировке. Единственное, что полиция могла им предъявить в качестве обвинения, – это то, что они были вооружены на момент задержания и лгали при даче показаний.

Почти все говорило о том, что они не совершали преступления. Они отличались скромным нравом. Ничто в их характере не говорило о том, что они способны на убийство. Никто из них никогда не повышал голос. На угнанной машине не было обнаружено их отпечатков пальцев, как и не было обнаружено никаких других улик против них.

Трое свидетелей, когда им показали фотографии, опознали одного из стрелявших как Антони Пальмизано, но выяснилось, что Пальмизано находился за решеткой еще с января. По меньшей мере два свидетеля сказали, что главным среди грабителей был мужчина с

тонкими усами, тогда как у Сакко вообще не было усов, а усы Ванцетти были густыми и нависавшими над губами, что сразу бросалось в глаза. При опознании Сакко и Ванцетти показывали свидетелям по отдельности, а не вместе с другими людьми, как это было принято и как требовали правила; при этом свидетелям давали понять, что это главные подозреваемые. Но даже и тогда женщина, выступавшая на суде как главный свидетель, не опознала их, когда они стояли прямо перед ней.

Поначалу никто не придавал особого значения этой истории. Журналист из Нью-Йорка, когда его послали в Массачусетс описать дело, докладывал своему редактору: «Ничего тут нет, просто пара итальяшек за решеткой». Весной 1920 года мысли бостонцев были заняты тем, как «Ред Сокс» справятся в своем первом сезоне без Бейба Рута.

Ванцетти, к его удивлению, обвинили не только в убийстве в Саут-Брейнтри, но и в попытке ограбления, совершенной в канун Рождества 1919 года у обувной фабрики в Бриджуотере. Сакко в этом не обвинили, потому что он предъявил учетную карточку, на которой было указано, что он тогда находился на работе. У Ванцетти тоже было свое алиби. Тридцать человек подтвердили, что они видели его или разговаривали с ним в тот день, когда он, как обычно, стоял за своей тележкой с рыбой. Многие итальянцы на Рождество традиционно готовят угрей, и люди вспоминали, что покупали угрей у Ванцетти как раз перед Рождеством. Доказательства же против Ванцетти были весьма шаткими. Один из свидетелей, подросток четырнадцати лет, когда его спросили, как он понял, что один из грабителей был иностранцем, сказал: «Я понял это по тому, как он бежал».

Присяжные тоже обвинили его, невзирая ни на какие доводы, придерживаясь того мнения, что «все итальяшки держатся вместе», как позже горестно заметил сам Ванцетти. Если бы в пользу Ванцетти выступил какой-нибудь священник-протестант или директор школы, то его бы, возможно, и оправдали, но такие люди не покупают угрей на Рождество.

В связи с судебным разбирательством часто вспоминают фразу, которую якобы произнес ведущий процесс судья Уэбстер Тэйер: «Этот человек, который, возможно, и не совершил приписываемого ему

преступления, тем не менее, виновен с моральной точки зрения, поскольку придерживается идеалов, родственных с таким преступлением». В действительности в протоколах заседания нет такой фразы, как и нет никаких других доказательств, что Тэйер произносил эту фразу. Впрочем, это и не доказывает, что Тэйер испытывал симпатию к Ванцетти. Он приговорил его к тюремному заключению от двенадцати до пятнадцати лет, что довольно строго для человека, которого никогда ранее не осуждали. Но многие наблюдатели считали, что это заседание всего лишь пародия на судопроизводство и что вердикт на втором заседании будет еще строже.

В начале двадцатого века для многих иммигрантов из Италии пребывание в США оказывалось настоящим шоком. Как писали историки Леонард Диннерштейн и Дэвид М. Реймер, большинство иммигрантов «не были готовы к той холодности, с которой их встречали многие американцы». Им часто отказывали в работе и в возможности получить образование только из-за их национальности. Им даже запрещалось посещать некоторые районы. Итальянцам, селившимся на Юге, иногда предписывалось отдавать детей в школы для чернокожих. Поначалу было неясно, разрешать ли им пользоваться фонтанчиками для питья и уборными, предназначенными для белых.

Конечно, подобные предубеждения существовали и в отношении представителей других национальностей – греков, турок, славян и евреев, не говоря уже об азиатах и о чернокожих американцах (сталкивавшихся с куда более серьезными ограничениями), но итальянцев считали более вспыльчивыми, беспокойными и склонными к совершению преступлений. В любых проблемах главными виновными всегда считали итальянцев. Согласно распространенному мнению, если итальянец не был фашистом или большевиком, то уж точно был анархистом, коммунистом или хотя бы гангстером.

Даже газета «Нью-Йорк таймс» заявляла в редакторской колонке: «возможно, было бы напрасно надеяться на то, что их [итальянцев] можно цивилизовать или держать в подчинении каким-то иным образом, кроме суровой руки закона». Социолог из Висконсинского университета И. А. Росс утверждал, что преступность в Италии снизилась только потому, что «все преступники переехали сюда»^[20]. На таком предубеждении надеялись сыграть Рут Снайдер и Джадд

Грей, описавшие пару воображаемых итальянских анархистов, которые якобы убили мужа Рут.

Для итальянцев-рабочих надежда ассимилироваться в американском обществе была почти несбыточной. Они жили отдельно от других американцев. Показателем их обособленности служит тот факт, что Сакко и Ванцетти с трудом объяснялись на английском языке. Протоколы заседаний говорят о том, что они не всегда понимали вопросов, с которыми к ним обращались, или высказываний других участников процесса; когда же понимали, то не всегда могли выразить то, что хотели сказать. Как выразился один очевидец, они не то чтобы говорили по-английски с итальянским акцентом, сколько говорили по-итальянски, используя английские слова. Вот образец речи Сакко, с которой он выступил, когда его попросили объяснить, как он может быть анархистом и при этом утверждать, что любит Америку:

«Когда я приехал в эту страну, я увидел, что здесь не так, как я думал раньше, но все было по-другому, потому что я работал в Италии не так тяжело, как работал в этой стране. Я также мог бы жить свободно там. Работа на тех же условиях, но не такая тяжелая, примерно семь или восемь часов в день, еда лучше. Я хочу сказать по-настоящему. Конечно, здесь тоже хорошая еда, потому что страна больше, для тех, у кого есть деньги, чтобы тратить, но не для рабочих и не для рабочего класса, и в Италии у рабочих больше возможностей есть овощи, более свежие, и я приехал в эту страну».

Плохое владение английским считалось доказательством того, что итальянцы ленивы и безнадежно отсталые в умственном отношении. Многие американцы были искренне убеждены (впрочем, надо заметить, не без оснований), что их страна, открывшая двери нуждающимся из европейских стран и предоставившая им возможность зажить лучшей жизнью, получила только проблемы в виде забастовок, взрывов и усилившейся преступности. Сакко и Ванцетти стали символом такой неблагодарности. Согласно распространенному в то время мнению, если они и были невиновны в преступлении, совершенном в Саут-Брейнтри, то все равно заслуживали наказания. Даже старшина присяжных заседателей на

ранней стадии процесса якобы сказал: «К черту, все равно их надо повесить!»

Пять дней спустя после предъявления обвинений Сакко и Ванцетти, перед штаб-квартирой фирмы «Джи Пи Морган энд компани» на углу Бродвея и Уолл-стрит на Манхэттене остановилась конная повозка. Ее владелец, как предполагалось, привязал лошадь и быстро удалился; через несколько секунд район сотряс такой мощный взрыв, что окна вылетели даже на тридцать седьмом этаже здания в квартале от него. Тридцать человек погибли мгновенно, несколько сотен получили травмы. Жар от взрыва был настолько велик, что многие жертвы, помимо других травм, получили сильные ожоги. Одному служащему в «Джи Пи Морган энд компани» осколком стекла из окна отрезало голову, но никто из старших управляющих, которые, предположительно, и были целями атаки, не погиб. Сам Дж. П. Морган в это время находился за границей. Его партнеры, в том числе и будущий зять Линдберга Дуайт Морроу, проводили совещание в помещении, окна которого выходили на другую сторону здания, поэтому взрыв их не затронул.

К концу дня количество жертв достигло 38 человек погибших и 143 получивших серьезные травмы. Среди тех, кому повезло, оказался и Джозеф П. Кеннеди, отец будущего президента. Он находился достаточно близко к взрыву, чтобы упасть на тротуар, но далеко, чтобы получить травмы. Морган открыл свою фирму на следующий же день, чем гордился. За информацию о террористах была предложена награда в сто тысяч долларов, но никто так и не описал предполагаемого преступника и не сообщил о других подробностях. Детективы и федеральные агенты опросили всех кузнецов к востоку от Чикаго и посетили более четырехсот конюшен в надежде опознать лошадь, повозку или подковы лошади. Бомба была начинена шрапнелью, сделанной из противовесов для оконной рамы, поэтому они опросили и всех производителей и продавцов противовесов Америки, чтобы выяснить, откуда взялись эти металлические шарики. Следователи над этим делом работали целых три года, но так ничего и не выяснили. Обвинений никому предъявлено не было.

Историк Пол Эврич в своей книге «Сакко и Ванцетти», изданной в 1991 году и представляющей собой, пожалуй, наиболее полное

описание того громкого дела, утверждал, что у него были веские (но не указанные) доказательства, что взрыв на Манхэттене был делом рук Марио Буды, того самого, который виделся с Сакко и Ванцетти в день их ареста. Тогда нью-йоркские полицейские еще ничего не знали о Буде, и он не числился в списках подозреваемых и не был допрошен. Был ли он действительно виновен или нет, но сразу после взрыва он слишком поспешно вернулся в Неаполь.

Позже выяснилось, что Никола Сакко был близко знаком с Карло Вальдиночи и что сестра Вальдиночи после гибели своего брата при взрыве у дома Палмера в Вашингтоне переехала в дом, в котором жил Сакко. Похоже, что Сакко и Ванцетти не были настолько уж невиновны, как было принято считать впоследствии.

Судебное заседание по обвинению Сакко и Ванцетти в грабеже и убийстве в Саут-Брейнтри началось 31 мая 1921 года, и на нем снова председательствовал судья Уэбстер Тэйер. Это был невысокий человек шестидесяти с лишним лет, пяти футов и двух дюймов ростом, с крючковатым носом, с худым и бледным лицом. В молодости он, правда, был неплохим спортсменом и даже едва не стал профессиональным бейсболистом. Судья Тэйер отличался раздражительностью и сварливостью – по всей видимости, его дурной нрав был следствием того факта, что он был сыном мясника в том штате, где превыше всего ценилось происхождение.

Судебное разбирательство длилось почти семь недель; были выслушаны 160 свидетелей и заполнены более двух тысяч страниц показаний. Согласно версии обвинения, ограбления и убийства совершили Сакко и еще один неустановленный человек. Никаких попыток установить личность второго преступника сделано не было; никто не интересовался и другими участниками ограбления. Странно, что обвинение сосредоточилось исключительно на Сакко и Ванцетти. Что касается Ванцетти, то в самом неправдоподобном сценарии ему назначалась разве что роль пассажира в автомобиле, где его якобы видел только один из свидетелей. Сорок четыре других свидетеля поклялись, что в тот день видели его в другом месте – чаще всего говорили, что он продавал рыбу в Плимуте – или утверждали, что не видели его среди других преступников.

Большинство улик против обвиняемых были по меньшей мере сомнительны. Льюис Пелсер, рабочий фабрики, заявил, что видел, как Сакко стреляет в Берарделли, но изначально он сообщил полицейским, что спрятался под стол сразу же, как услышал выстрелы, и ничего не видел. Три его коллеги сказали, что он не выглядывал в окно.

Мэри Сплейн, главная свидетельница, сказала, что посмотрела в окно, когда машина с грабителями уже уезжала. Она смотрела в него не более трех секунд, с расстояния от шестидесяти до восьмидесяти футов, и при этом смогла припомнить шестнадцать подробностей облика Сакко, в том числе форму бровей и длину волос у шеи. Она даже уверенно подтвердила рост Сакко, несмотря на то, что видела его только сидящим в движущемся автомобиле. За тринадцать месяцев до суда она не смогла опознать Сакко с близкого расстояния. Сакко некоторое время работал на фабрике Райса и Хатчинсона, о чем вспомнили некоторые рабочие, но никто из них, за исключением Мэри Сплейн, не утверждал, что он находился среди грабителей.

Только один свидетель заявил, что Ванцетти находился на месте преступления, и то как пассажир автомобиля. Никто не заявил, что он стрелял или каким бы то ни было образом принимал участие в ограблении.

В своей заключительной речи судья Уэбстер Тэйер особый упор сделал на том, что на юридическом языке именуется «осознанием вины» – на подозрительно уклончивом поведении Сакко и Ванцетти при ответах на вопросы. Невинным людям, заметил Тэйер, не нужно придумывать ответы. Следовательно, они виновны. Присяжные согласились. Через пять с половиной часов совещания 14 июля 1921 года они объявили Сакко и Ванцетти виновными. Их приговорили к казни на электрическом стуле.

Стоит сказать, что государство не спешило казнить их. Они могли подавать апелляции на протяжении шести лет. Защитники Сакко и Ванцетти подали семь заявлений о пересмотре дела на том основании, что судья Тэйер действовал предвзято и что суд был нечестным. Позже они подали еще две апелляции в Высший суд Массачусетса. Но все они были отклонены. В 1925 году некий Селестино Мадейрас, уроженец Азорских островов, осужденный на смертную казнь по другому преступлению, дал признание: «Настоящим признаю, что был

на месте преступления у обувной фабрики в Саут-Брейнтри и что Сакко и Ванцетти там не были», – написал он. На допросе он не смог дать четких показаний и вспомнить подробности убийства и ограбления в Саут-Брейнтри – например, он даже не помнил дату ограбления – и судья Тэйер отверг его признание как не заслуживающее доверия, каким оно и было в действительности. Тэйер сам выступил с заявлением на двадцать пять тысяч слов, в котором объяснял, почему он отверг все требования пересмотра своего решения.

Первые признаки недовольства решением американского суда поступили не из самой Америки, а из Франции. 20 октября 1921 года послу США Майрону Херрику прислали бомбу в подарочном пакете. По невероятно счастливой случайности пакет попал в руки человека, который сразу узнал в нем бомбу и понял, что нужно делать. Этим человеком был слуга Херрика Лоуренс Блэнчард, англичанин, который работал с бомбами во время Первой мировой войны и которому жужжание в пакете показалось похожим на звук взведенной ручной гранаты Миллса. Он швырнул пакет в ванную комнату, и тут же последовал взрыв. Ванная была разнесена полностью, осколок шрапнели попал Блэнчарду в ногу, но в остальном его не задело. Если бы пакет открыл сам Херрик, то Линдберга в Париже в 1927 году приветствовал бы совсем другой посол.

Несколько дней спустя еще одна бомба (предположительно, случайно активированная), подосланная в знак поддержки Сакко и Ванцетти, убила двадцать человек. В последующие две недели взорвались бомбы у американских посольств или консульств в Лиссабоне, Рио-де-Жанейро, Цюрихе и Марселе.

Первыми в Америке выразили протест писатели и интеллектуалы – в частности Эптон Синклер и Джон Дос Пассос, автор рассказов Кэтрин Энн Портер, поэтесса Эдна Сент-Винсент Миллей, критик Льюис Мамфорд, журналист Хейвуд Браун и несколько членов «Алгонкинского круглого стола», включая Дороти Паркер и Роберта Бенчли. Большинство из них в то или иное время задерживались и обвинялись в «бродяжничестве и праздншатании», как это называлось в бостонских судах. Бенчли к тому же поклялся, что сам слышал, как Тэйер хвастался в гольф-клубе в Вустере, штат

Массачусетс, что «как следует разберется с этими ублюдками», что еще больше взволновало либеральную публику.

Из-за рубежа поступали петиции с требованием пересмотреть дело. Одна собрала почти 500 000 подписей, другая более 150 000. По всему миру в честь двоих итальянцев называли улицы и кафе. В Аргентине название «Сакко и Ванцетти» получила марка сигарет и популярное танго.

Протесты интеллигенции и иностранцев порождали ответные протесты в некоторых районах. В Бостоне прошла демонстрация рабочих, преимущественно ирландцев, призывавших к скорейшей казни двух итальянцев. Как вспоминал писатель Фрэнсис Рассел, детство которого прошло в Бостоне того времени, общество было настроено, в основном, против Сакко и Ванцетти. В частности, на их вине настаивали представители среднего класса и республиканцы. Сенатор Уильям Бора из Айдахо, председатель Комитета по иностранным связям, сказал, что «было бы национальным унижением, постыдным и трусливым компромиссом для национальной чести обращать какое бы то ни было внимание на иностранные протесты», которые он называл «дерзкими и намеренными».

Критической точкой стало расследование дела со стороны будущего судьи Верховного суда Феликса Франкфуртера, на тот момент профессора права в Гарварде. Он тщательно проанализировал материалы дела и пришел к мнению, что Сакко и Ванцетти засудили. Свои соображения он изложил в статье, опубликованной в журнале «Атлантик монтли»: «С чувством глубокого сожаления, но без малейшего страха оттого, что мне будут предъявлены опровержения, я заявляю, что решение судьи Тэйера в современную эпоху не имеет равных себе по несоответствию между тем, о чем говорят факты, и тем, о чем говорится в судебном решении. Его документ на 25 тысяч слов можно назвать сплошной мешаниной из ложных цитат, недоговорок и искажений смысла... Решение суда буквально испещрено очевидными ошибками и в целом пропитано духом, чуждым юридическому высказыванию».

Франкфуртер систематически и убедительно разоблачал несправедливый приговор Сакко и Ванцетти, но в бостонских влиятельных кругах его мнение не приветствовалось. Многие выпускники Гарварда потребовали его уволить. Коллеги и старые

знакомые сторонились его. Когда он заходил в какое-нибудь помещение или в ресторан, посетители спешили выйти. Утверждалось, что из-за его статьи Гарвард недополучил миллион долларов пожертвований.

Но в других местах возмущение несправедливым приговором только нарастало. Среди тех, кто требовал пересмотра дела, была и вдова Алессандро Берарделли. Редакция консервативной газеты «Бостон геральд», которая до этого поддерживала решение суда, прочитав документ Тэйера, изменила свое мнение.

Никто не придавал этому делу такого большого значения, как губернатор Массачусетса Алван Т. Фуллер, по всей видимости, глубоко порядочный человек. Он начал свою карьеру продавцом велосипедов, затем переехал в Париж и привез в США два из самых первых автомобилей, когда-либо импортированных в Северную Америку. В конечном счете он стал единственным дистрибьютором компании «Паккард» в Новой Англии и заработал на этом миллионы. Он проживал в особняке под Бостоном и коллекционировал работы английских живописцев, в частности Гейнсборо и Ромни. За четырнадцать лет, что он был избранным чиновником, он ни разу ни от кого не принял деньги.

10 мая 1927 года, как раз тогда, когда пропали Нунжессер и Коли, Фуллеру была послана бомба, но, к счастью, ее перехватили и обезвредили. В том же месяце Фуллер назначил комиссию из трех уважаемых человек – президента Гарвардского университета Эббота Лоуренса Лоуэлла, президента Массачусетского технологического института Сэмюэла Страттона и судьи в отставке Роберта Гранта, – чтобы они вынесли формальное решение о том, виновны ли Сакко и Ванцетти или нет. Все они были далеко не молоды: Гранту было семьдесят пять лет, Лоуэллу семьдесят один год, а Страттону шестьдесят шесть.

В то же время Фуллер проводил свое собственное расследование. Он прочитал все судебные протоколы вплоть до последнего слова и приказал доставить к себе в дом все физические улики – пистолеты, пули, предметы одежды. Он лично опросил всех оставшихся в живых свидетелей (после смерти одного их оставалось одиннадцать), а также свидетелей по обоим судебным процессам. Иногда он по двенадцать-

четырнадцать часов в день не занимался ничем иным, кроме как изучением обстоятельств дела Сакко и Ванцетти.

Он дважды поговорил с Сакко и Ванцетти и даже со злополучным Селестино Мадейросом, а также с членами их семей. Особенно ему понравился Ванцетти. В тюрьме Ванцетти изучал английский язык на курсах по переписке, и его словарь с грамматикой значительно улучшились. В последние годы он даже написал немало прочувственных писем с ясно сформулированными мыслями, и поразил всех своими восприятием и умом. Адвокат Ванцетти, Фред Мур, сказал, что никогда не встречал человека такой «великолепной учтивости». Губернатор Фуллер после первой их встречи воскликнул: «Какой привлекательный человек!»

В июле, в день посещения Бостона Линдбергом, Фуллер сначала отправился в тюрьму, чтобы в очередной раз побеседовать с заключенными. Там он провел по пятнадцать минут с Сакко и Мадейросом и целый час с Ванцетти. Всем было ясно, что Фуллер настроен против казни этих людей, особенно Ванцетти.

Примерно в то же время комиссия Лоуэлла, как ее прозвали, обнародовала свой вердикт. Она пришла к заключению, что Сакко несомненно виновен, а Ванцетти предположительно виновен, и что для отсрочки приведения в исполнение приговора нет оснований. Это заявление крайне возмутило либералов. Хейвуд Браун назвал его «узаконенным убийством» и написал: «Не каждому заключенному предоставляется случай быть убитым руками президента Гарвардского университета».

Таков был итог дела Сакко и Ванцетти. 3 августа Фуллер с сожалением сообщил о том, что оснований для помилования не имеется и что казнь должна свершиться. Сакко и Ванцетти должны были посадить на электрический стул на следующей неделе.

Тогда эта новость не произвела такого большого ажиотажа, как можно было ожидать – в основном потому, что президент Кулидж в далекой Дакоте смутил всю нацию своим собственным неожиданным заявлением.

День 2 августа в Южной Дакоте выдался холодным и дождливым. Человек тридцать из президентского пресс-кортежа с удивлением получили приглашения приехать в школу Рапид-Сити, чтобы в полдень выслушать специальное заявление. Когда их завели в один из классов, они еще больше удивились, увидев за учительским столом президента Кулиджа. Это была четвертая годовщина смерти Уоррена Гардинга и, соответственно, вступления Кулиджа в его нынешнюю должность. На лице его отражалось какое-то загадочное удовольствие.

Журналистов попросили выстроиться в очередь. Каждый подходил к столу, и Кулидж вручал ему полоску бумаги два на девять дюймов, на которой было написано: «В тысяча девятьсот двадцать восьмом я предпочитаю не участвовать в президентских выборах». И все. Это решение застало всех врасплох. «Словно гром среди ясного неба – слишком бледное сравнение для того впечатления, которое произвела шифровка Кулиджа», – писал Роберт Бенчли в «Нью-Йоркер». Даже первая леди страны, Грейс Кулидж, казалось, ничего не знала о решении своего мужа и узнала о нем только от присутствовавших на той встрече.

Кулидж произнес только пару фраз: «Все собрались?» перед началом и «Нет», когда его спросили, собирается ли он прокомментировать свое заявление. Затем журналисты побежали сообщать о нем всему миру. Послание занимало либо десять, либо двенадцать слов, в зависимости от того, как передавать числительное года – в этом согласия не было – но из офиса «Вестерн-Юнион» в Рапид-Сити корреспонденты отправляли в свои газеты и редакции сообщения в несколько сотен тысяч слов.

Вопрос, почему Кулидж решил отказаться от участия в выборах, был одним из самых обсуждаемых в течение последующих восьми лет. Возможно, причин тому было несколько. Как самому Кулиджу, так и его супруге не нравился Вашингтон, особенно душным летом, по каковой причине он и предпочел провести лето 1927 года в длительном отпуске. К тому же у него не было особой программы. Вряд ли он оставил какой-то иной след в мире помимо того, что уже сделал за

четыре года на посту президента. Кроме того, у Кулиджа были некоторые предвидения насчет будущего экономики. «Папочка говорит, что будет депрессия», – однажды сказала Грейс своей знакомой после того, как ее супруг сделал свое заявление.

Но есть еще одна причина, которую в то время не упоминали, хотя она может оказаться самой важной. Кулидж страдал от хронической депрессии в результате семейной трагедии, в которой винил себя самого. Тремя годами ранее, в последний день июля 1924 года два его сына-подростка, Джон и Калвин-младший, играли в теннис на корте Белого дома. На ногах у Калвина-младшего были кеды без носков, и он натер себе ногу. Произошло заражение, волдырь воспалился, через несколько дней у мальчика поднялась температура, и он впал в горячечный бред. 3 июля, за день до дня рождения Калвина-старшего, его поспешно доставили в центральную больницу Уолтера Рида.

В письме к своему отцу Кулидж писал: «Калвин очень болен... Он натер себе ногу до волдырей, и в кровь попала инфекция. Палец выглядит нормальным, но яд распространился по всему организму... Конечно, в его распоряжении все, чем может похвастаться современная медицина, но он еще может долго проболеть, с язвами, а может и поправиться через несколько дней». Три дня спустя мальчик умер.

Кулидж тогда занимал должность президента всего немногим более одиннадцати месяцев, и был выдвинут в кандидаты в президенты на свой собственный срок двумя неделями ранее. Супруги были вне себя от горя. Казалось, президент оставил все мысли о политических делах. «Когда он (сын) ушел, с ним ушли и все величие и вся слава президентства», – писал Кулидж позднее.

Кулидж был убежден в том, что трагедия произошла исключительно из-за того, что он стал президентом. В своей автобиографии он писал: «Если бы я не был президентом, то он не натер бы себе ногу до крови, играя в теннис на Саут-Граундс, из-за чего произошло заражение крови... Я не знал, что мне придется заплатить такую цену за проживание в Белом доме». Особенно трогает последнее предложение в автобиографии: «Быть президентом – это стоит очень дорого».

Представителей прессы больше всего занимал не сам факт нежелания идти на президентские выборы, сколько странная

формулировка «я предпочитаю не участвовать в президентских выборах», а не более прямое высказывание «я не желаю» или «я решил не участвовать». Многие воспринимали ее не как окончательную, а как, скорее, принятое нехотя решение пойти на выборы, если такова будет воля народа. Юморист Уилл Роджерс вкратце выразил эти предположения в своей популярной газетной рубрике: «Мне кажется, заявление мистера Кулиджа – самое удачное из всех высказываний, какие когда-либо делали кандидаты. Он потратил много времени, выбирая в словаре слово «предпочитаю» вместо «я не буду». Не требуется особых познаний в политике, чтобы понять, что человек может получить гораздо больше голосов, если он вынужден подчиниться требованиям большинства, нежели действуя по своей собственной воле. Мистер Кулидж – самый проницательный политик из всех, кто когда-либо получал государственное жалованье».

Больше всех заявление Кулиджа обнадежило Герберта Гувера, который ясно видел себя преемником Кулиджа, даже если вся остальная страна этого еще не видела или пока что не признавала. Гувер тогда отдыхал в лесах Северной Калифорнии, и его, как и всех, тоже озадачила формулировка Кулиджа. «В Новой Англии слово «предпочитать» имеет различные значения, – размышлял он позже. – Я решил ничего не говорить, пока не посоветуюсь с самим президентом». Как следует из мемуаров Гувера 1952 года, он подождал, пока они оба вернутся в Вашингтон в сентябре, хотя в других источниках утверждается, что они встретились раньше. При встрече Гувер, стремившийся прежде всего к ясности и, возможно, к одобрению его кандидатуры, спросил, следует ли ему, по мнению Кулиджа, участвовать в выборах, на что тот ответил: «Почему бы и нет?»

Если Кулидж лелеял тайные надежды на то, что представители его партии будут его уговаривать, то этого так и не произошло; если это его озаботило, то он не подал и виду. Все, что можно было утверждать наверняка, так это то, что он отказался поддерживать Гувера или любого другого кандидата на том основании, что люди должны сами сделать свой выбор. Сразу же после этого заявления он стал выглядеть гораздо более спокойным и даже добродушным, чем до этого.

Через несколько дней он благосклонно разрешил индейцам сиу провозгласить его почетным вождем по имени Уомбли Тохаха

(«Ведущий за собой орел»). На этой церемонии он предстал в огромном головном уборе из перьев, в котором гордо позировал перед фотографами. Он выглядел смешно, но, вместе с тем, и немного очаровательно. Нация пришла в восхищение.

Настроение Кулиджа поднялось настолько высоко, что пять дней спустя он с удовольствием проехал двадцать три мили по дикой местности, чтобы одобрить, казалось бы, безрассудную идею, предложенную одним из самых безумных фантазеров двадцатого столетия. Идея заключалась в том, чтобы высечь на горе Рашмор портреты президентов, а фантазера звали Гутзон Борглум.

Гора Рашмор представляла собой гранитную скалу вдали от проезжих дорог, и до 1885 года никто ее даже не замечал, пока некий Чарльз Рашмор из Нью-Йорка не проехал мимо нее на лошади и дал ей свое имя. Идея о том, что на скале можно создать некую скульптурную композицию, впервые пришла в голову историку Доану Робинсону, который надеялся с ее помощью привлечь туристов. Как довольно напыщенно писал журнал «Тайм», она могла бы стать «крупнейшим скульптурным произведением искусства за всю христианскую эпоху». Идея была, мягко говоря, весьма причудливой. Проект никто не финансировал, ни частные лица, ни государственные организации. Не было такого человека, который мог бы на практике осуществить такой грандиозный замысел в скале, к которой все равно не вели дороги, и потому никто бы не спешил к ней полюбоваться такой диковинкой.

Потом мастер с необходимыми навыками и опытом все-таки нашелся, но он был самым эксцентричным, беспокойным и своенравным человеком, который когда-либо брал в руки отбойный молоток. Оказалось, что как раз такой и был необходим для осуществления проекта.

Летом 1927 года Гутзону Борглуму был шестьдесят один год. Почти ко всем фактам его биографии следует относиться с осторожностью, поскольку он любил выдумывать их и изменять их до неузнаваемости. Время от времени он приписывал себе новый год или месяц рождения, как и приписывал себе произведения других. В посвященной ему статье в справочнике «Кто есть кто» он сам себя назвал авиационным инженером, хотя никогда им не был. Он родился в 1867 году в штате Айдахо на берегу Большого Медвежьего озера, но

иногда утверждал, без всяких доказательств, что родился в Калифорнии. Своей матерью он в разные годы называл двух разных женщин, хотя неясно, кто из них была настоящей. Его отец, мормон датского происхождения, женился на двух сестрах; одна из них родила Гутзона, но потом ушла из семьи, а другая воспитала его как собственного сына. По натуре он был чрезвычайно вспыльчив и сварлив. «Моя жизнь – это война одного человека», – любил повторять он.

Борглум рос преимущественно в Небраске. В молодости он работал машинистом и учеником литографа, но потом решил заниматься искусством. Он брал уроки у одной женщины из Лос-Анджелеса по имени Лиза Путнэм и потом даже женился на ней, хотя она была старше его на восемнадцать лет. Вместе они переехали в Париж, где Борглум обучался скульптуре (одним из его учителей был Огюст Роден). В Европе Борглум прожил одиннадцать лет, после чего бросил жену и вернулся в Соединенные Штаты, где быстро прославился как скульптор.

Во время Первой мировой войны у Борглума вдруг проснулся интерес к авиации, точнее, к недостаткам этой отрасли промышленности. Без всякого официального разрешения он посетил с инспекцией несколько заводов и действительно выявил ряд значительных недостатков. Президент Вудро Вильсон попросил его написать отчет, и благодаря этому Борглум обеспечил себе кабинет в здании Военного министерства в Вашингтоне. Но через некоторое время он всем настолько надоел, что Вильсону пришлось его уволить, даже несмотря на то, что у него не было официальной должности.

После окончания войны Борглум убедил общество «Объединенные дочери Конфедерации» поручить ему создать барельеф на высоте четырехсот футов и в четверть мили длиной на Каменной горе близ Атланты, который прославлял бы героизм и храбрость военных Конфедерации. Каменная гора вошла в историю благодаря нескольким известным фактам. Именно здесь в 1915 году был возрожден Ку-клукс-клан, членом которого некоторое время был и сам Борглум. При фанатичной поддержке «Объединенных дочерей» Борглум выполнил большую часть подготовительных работ, но затем поссорился с ними и уехал в 1925 году, оставив после себя кипу любопытных набросков и неоплаченные счета. «Дочери» обвинили его

в причинении умышленного ущерба и в незаконном присвоении имущества, но к тому времени Борглум находился уже в Южной Дакоте, где Доан Робинсон пригласил его посмотреть на гору Рашмор.

Для Борглума это была любовь с первого взгляда. Гора Рашмор отличалась благородным профилем и прочной поверхностью. По оценкам геологов, она должна разрушаться со скоростью не более дюйма за сто тысяч лет. На самом деле их оценки оказались лишь отчасти верными; Борглуму пришлось немало поломать голову, чтобы воплотить свои мечты, но все-таки ему это удалось.

Бюджет проекта был оценен в 400 тысяч долларов, из них Борглуму причиталось 78 тысяч. Кроме самой скульптуры Борглум планировал создать монументальный «Зал записей», высеченный в скале за головами президентов, в который можно было бы попасть по величественной лестнице. Там должны были размещаться Декларация независимости и Конституция США.

Высекать фигуры в скале — скорее задача инженеров и пиротехников, нежели скульптора с резцом. Многие детали были созданы в результате точно рассчитанных взрывов. Даже отделочные работы велись с помощью отбойных молотков. Размах работ поражает даже сейчас. Каждое из четырех лиц, приветствующих посетителей, в высоту превышает шестьдесят футов. Каждый рот восемнадцати футов длиной, а каждый нос — двенадцати футов. В каждой глазнице свободно разместился бы автомобиль.

Интерес к проекту подогревался тем, что любой неверно спланированный взрыв превратил кого-нибудь из президентов в безносого сфинкса; прессу также весьма интересовала личность самого Борглума, который казался немного сумасшедшим. Иногда действительно случались ошибки. В носу Джефферсона возникла опасная трещина, поэтому его лицо пришлось повернуть немного под другим углом и углубить на несколько футов в скалу. Одной из самых больших проблем было найти достаточно большие участки ровного камня для лиц. Как раз по этой причине все четыре лица смотрят в разные стороны, а Джефферсон при этом, как кажется, немного лукаво выглядывает из-за плеча Вашингтона. Чтобы создать большую часть лица Вашингтона, пришлось углубиться футов на тридцать от изначальной поверхности, и вдвое больше для лица Джефферсона. Всего Борглум и его работники в процессе создания этой

величественной композиции удалили четыреста тысяч тонн горных пород.

Но самой большой проблемой оставалось финансирование. Прижимистое законодательное собрание Южной Дакоты не выделило ни цента. Частные пожертвования были немногим более щедрыми. Как следствие, работы часто приостанавливались. В конце концов большинство расходов оплатило федеральное правительство, но даже в таком случае скульптуры были полностью закончены только через четырнадцать лет, то есть за срок, вдвое больший, чем можно было рассчитывать, исходя только из объема работ. Среди жертвователей был и Чарльз Рашмор, ныне преуспевающий юрист из Нью-Йорка, отославший 5 тысяч долларов.

В качестве персонажей Борглум выбрал Вашингтона, Джефферсона, Линкольна и, ко всеобщему удивлению, Теодора Рузвельта – похоже, не за его величие, а за то, что они с Борглумом когда-то были приятелями.

В день торжественного открытия проекта все это было в будущем. К горе проводили дорогу, но она была еще не закончена, и президенту с сопровождающими лицами (их было примерно полторы тысячи) пришлось две мили взбираться вверх по тропе. Президент Кулидж проделал этот путь верхом на лошади. Он был облачен в деловой костюм, но на голове его красовалась ковбойская шляпа, а на ногах – ковбойские сапоги. На месте Кулидж всех удивил тем, что выпил воды из общего ковша. Инженеры заложили взрывчатку у деревьев вдоль тропы и приветствовали президента салютом из двадцати одного залпа. Были произнесены речи, был поднят флаг, а затем Борглума на веревке спустили с вершины горы, и он просверлил отбойным молотком несколько отверстий в скале. Ничего особо примечательного он не создал, но это было символическое начало работ, и все остались довольны.

Борглум и Кулидж неплохо ладили друг с другом. Борглум собирался сделать под головами президентов еще и большой, как он выражался, «Антаблемент», в виде надписи в пять тысяч слов, в которой излагалась бы история Соединенных Штатов такими большими буквами, что их можно было бы прочесть с трех миль. На церемонии Борглум в порыве великодушия предложил составить эту

надпись Кулиджу, который отнесся к его предложению с несвойственным для себя энтузиазмом.

В последующие месяцы Кулидж посвятил много времени этой задаче, но все, что ему удалось составить, никуда не годилось. Текст, скорее, напоминал наброски или словарные статьи, но никак не законченный документ. Вот что Кулидж писал, например, о конституции: «Конституция – документ, подтверждающий вечный союз свободных людей суверенных штатов, избирающих правительство с ограниченными полномочиями под управлением независимых президента, Конгресса и суда, призванных обеспечить безопасность всем гражданам в их стремлении к свободе, равенству и верховенству закона». От идеи «Антаблемента» быстро отказались, к явному разочарованию Кулиджа. Но летом 1927 года этого никто еще не предвидел, и президент с Борглумом расстались друзьями.

В Охотничьем доме на рабочем столе Кулиджа поджидало письмо с предложением помиловать Сакко и Ванцетти. Кулидж его проигнорировал.

Тем временем турне Чарльза Линдберга продолжалось. 10 августа он прилетел в Детройт, где Генри и Эдсел Форды на некоторое время отвлеклись от конструирования и испытания новой Модели А, чтобы совершить полет на «Духе Сент-Луиса» – редко кому выпадала такая честь. Несмотря на то, что компания «Форд» производила самолеты, ни Генри, ни Эдсел до этого не поднимались в воздух. В самолете не было пассажирских сидений, и им, как и другим пассажирам, пришлось сидеть на подлокотниках, более или менее скрючившись. После приземления Генри хвастался тем, что немного «подержался за рукоятку», и выглядел чрезвычайно довольным. Когда журналисты спросили Эдсела, как идет работа над секретным новым автомобилем, он сказал, что дела идут неплохо и что автомобиль совсем скоро будет выпущен. Неизвестно, был ли он настроен оптимистично или просто не желал раскрывать секреты; в любом случае он ошибался. В производство новая марка была выпущена лишь через несколько месяцев.

Почти весь день в Детройте Линдберг провел с матерью, после чего продолжил свой путь на запад через Мичиган и далее, 13 августа, через Иллинойс. Среди тех, кто мог наблюдать за самолетом и,

возможно, даже присутствовать среди встречающих в Бентон-Харборе, где Линдберг ненадолго остановился, были идейный предводитель Антисалунной лиги Уэйн Б. Уилер и его жена с тестем. В то время они как раз отдыхали на даче Уилера у озера Мичиган в районе мыса Литл-Сейбл.

Достоверно известно лишь то, что миссис Уилер решила тем вечером приготовить ужин и включила керосиновую плиту, которая вдруг взорвалась и облила ее горящим керосином с ног до головы. Ее престарелый отец, которому исполнился восемьдесят один год, тут же прибежал из соседней комнаты; при виде охваченной пламени дочери у него случился сердечный приступ, отчего он умер на месте. Уэйн Уилер отдыхал наверху и прибежал на несколько секунд позже. Он набросил на жену одеяло, потушил пламя и вызвал «Скорую помощь», но ожоги были слишком серьезными, и ночью его жена скончалась в больнице. Такого удара Уилер не мог пережить. Три недели спустя у него самого случился сердечный приступ, от которого он умер.

После смерти Уилера антиалкогольное движение потеряло свой накал и своего главного вдохновителя. Через три года дела Антисалунной лиги шли настолько плохо, что ее офису в Вашингтоне в целях экономии пришлось даже отменить подписку на газеты. Через шесть лет отменили Сухой закон.

18 августа в Кливленде, штат Огайо, произошло еще одно важное событие того времени – пожалуй, самое важное в символическом и практическом смыслах. Была установлена последняя деталь стального каркаса башни огромного Терминала, ничего подобного которому раньше не строили. Помимо железнодорожного вокзала этот комплекс включал в себя гостиницу, почтовое отделение, универмаг, магазины, рестораны и офисное здание в пятьдесят два этажа, самое высокое здание, построенное в Америке в том году (и второе в мире по высоте до сооружения Крайслер-билдинга). Все части проекта сообщались и были связаны между собой, что было новинкой.

Здание «Юнион-Терминал» примечательно не только своей конструкцией и высотой, но и личностями, стоявшими за его сооружением. Главами построившей его компании были братья Орис и Мантис ван Сверингены, самые необычные и самые позабытые деловые титаны 1910-х и 1920-х годов. Они родились в Кливленде, в

семье среднего достатка (их отец работал бухгалтером) и начали карьеру как мелкие застройщики, но потом стали заниматься и другими видами деятельности. К 1920-м годам они были уже одними из самых богатых людей Америки. И заодно самыми чудаковатыми.

Никто не знал, откуда у них такие имена. Похоже, родителям просто понравилось, как звучат эти слова. Бледные, невысокие братья всегда держались вместе. Как выразился их биограф, «они почти полностью зависели друг от друга». Жили они в огромном особняке с пятьюдесятью четырьмя комнатами, но спали на поставленных рядом друг с другом двойных кроватях в главной спальне. Они не курили, не пили, рано ложились спать и отличались патологической застенчивостью. Они избегали светских мероприятий и отказывались фотографироваться. Они никогда не называли свои проекты своими именами, и не явились на торжественное открытие «Юнион-Терминала» 18 августа, как не явились и на последующий торжественный ужин.

Орис был на три года старше Мантиса, но его с полным правом можно было назвать младшим партнером. Почти всем в его жизни распоряжался Мантис – упаковывал его чемоданы, следил за карманными деньгами, планировал деловые встречи. Орис много спал – иногда по двенадцать часов в сутки. Мантис иногда выезжал верхом, но в остальном у него не было никаких особых увлечений. Братья никогда не выезжали на отдых.

Их поместье Дейзи-Хилл занимало площадь в 477 акров. В дом было проведено восемнадцать телефонных линий, чтобы братья следили за жизнью своей деловой империи. Среди других комнат были две столовые, в которых никогда не обедал никто из посторонних, гимнастический зал, который никто не посещал, и двадцать три спальни, в которых никогда не останавливались гости. У братьев не было близких знакомых, хотя Мантис позже сблизился с некоей вдовой по имени Мэри Сноу, но предпочитал держать эту связь в тайне от Ориса. На лужайке иногда проходили матчи поло и показательные полеты. Согласно их биографу, Герберту Х. Харвуду-младшему, на этой лужайке однажды приземлился Чарльз Линдберг, который совершил полет с Мантисом на борту, пока Орис внизу в страхе наблюдал за ними, но Харвуд не уточнил, в каком году это было. Во всяком случае, не в тысяча девятьсот двадцать седьмом.

Покупку акций в кредит придумал не Мантис, но он активно пользовался этим финансовым средством и стал одним из главных его проповедников. Братья много занимали, чтобы купить различные предприятия, а затем под залог этих предприятий приобретали другие. Их деловая империя представляла собой запутанную сеть связанных между собою холдингов, и в конце 1920-х насчитывала 275 отдельных дочерних компаний. Их было так много, что у братьев, по всей видимости, закончилась фантазия в попытках придумать им названия. Так, например, они владели строительной компанией «Кливленд-Терминалс», строительной компанией «Терминал» и гостиничным бизнесом «Терминал-ОТЕЛЬ». Они приобрели железнодорожную компанию «Никел Плейт» за восемь с половиной миллионов долларов, но из собственных средств потратили только 355 тысяч – остальные они взяли в кредит в кливлендском банке «Гардиан Банк» (который потом разорился и не получил от них ни цента). Этот колосс они создали при личных вложениях менее 20 миллионов, почти все из которых были взяты в кредит. Никто не пользовался кредитом лучше братьев ван Сверинген.

Настоящей страстью Мантиса были железные дороги. Железнодорожная сеть тогда была крайне раздробленной: в 1920 году в Америке насчитывалось почти 1100 различных железнодорожных компаний. Многие ветки шли из ниоткуда в никуда либо потому, что города или предприятия не развивались, как ожидалось, либо их владельцам не хватило средств дотянуть рельсы до крупных центров. Ветка «Лейк Эри энд Вестерн» шла от Сандаски в Огайо до Пеории в Иллинойсе; «Пер Маркетт» петляла на Среднем Западе, словно в поисках чего-то потерянного. Эти заброшенные линии – «сироты», как их называли в этом бизнесе, – можно было относительно легко скупить, чем ван Сверингены охотно и занимались. Им нравилось покупать железные дороги. Когда Ориса спросили, кто его любимые авторы, он ответил: «Рэнд и Макнелли» (издатели карт, путеводителей и атласов).

За восемь лет ван Сверингены создали третью по величине железнодорожную империю в своей стране. В 1927 году они контролировали почти тридцать тысяч миль железных дорог – примерно 11 процентов всех железных дорог США, простиравшихся от побережья Атлантического океана до Солт-Лейк-Сити. По пути они

скупили склады, паромы и курорт-отель Гринбрайер в Западной Виргинии. Одно время на них работали сто тысяч служащих, а общие активы оценивались от 2 до 3 миллиардов долларов. Их личное благосостояние превысило 100 миллионов долларов, тогда как за десять лет до этого они начинали практически с нуля.

Создавая свою империю, они меняли мир – почти незаметно, но основательно. В местечке под названием Терки-Ридж под Кливлендом они построили новый городок и назвали его Шейкер-Хайтс. Это был первое спальное поселение в Америке, по образцу которого впоследствии стали сооружаться почти все спальные районы и пригороды. «Юнион-Терминал» стал прообразом современных американских торговых центров.

К сожалению, вся их империя походила на перевернутую пирамиду. Стоило убрать камень из основания, как посыпалось все здание. Тогда они об этом еще не догадывались, но завершение постройки здания «Юнион-Терминал» 18 августа стало наивысшей точкой в их карьере и началом ее заката.

Перед ударами Великой депрессии братья оказались совершенно незащищенными. Почти все их деньги были вложены в железные дороги или в недвижимость – в два самых уязвимых сектора экономики, и их активы были чрезмерно раздуты. Акции железнодорожной компании Missouri Pacific они покупали по 101 доллару, а в начале 1920-х они упали до 1,5 доллара. Братья не смогли расплатиться по долгам и по кредитам. После банкротства «Миссури пасифик» и «Чикаго энд эстерн Иллинойс» вся их империя рухнула.

Братьев ван Сверинген можно назвать самым воплощением безрассудности и авантюризма 1920-х годов. Мантис не выдержал крушения и в 1935 году, в возрасте пятидесяти четырех лет скончался от сердечного приступа. Орис сидел рядом с ним последние полтора часа его жизни. Мантис находился в сознании, но они не обменялись ни словом. Личное состояние его на тот момент оценивалось в 3067 долларов 85 центов, половина из которых приходилась на семь лошадей. Не в силах пережить утрату брата, Орис умер через одиннадцать месяцев и десять дней также от сердечного приступа. Его личное состояние было еще меньше.

Их похоронили в общей могиле на кливлендском кладбище Лейк-Вью. На надгробии указаны их имена, даты рождения и смерти, а ниже

высечено единственное слово: «Братья».

Удачные перелеты через Атлантику на «Америке», «Колумбии» и «Духе Сент-Луиса» пробудили самые радужные, пусть и не всегда реалистичные, надежды на будущее авиации.

Почти сразу же появились планы коммерческого использования последних достижений. В Париже Чарльз Левин вкратце упомянул о возможности регулярных пассажирских перевозок между Америкой и Европой и сказал, что сам готов инвестировать 2 миллиона долларов в такое предприятие. Каким образом он собирался перевозить пассажиров в обоих направлениях, если еще ни один самолет успешно не долетел из Европы до Америки, осталось неясным. Об этой схеме, как и о многих других схемах Левина, быстро забыли.

Эдвард Р. Армстронг, инженер канадского происхождения, решил подойти к проблеме с иной стороны. Вместо того чтобы увеличивать дальность полета и грузоподъемность самолетов, он решил расставить в океане восемь посадочных площадок с интервалом в 350 миль. Эти «морские аэродромы» (seadromes) 1100 футов в длину и весом в 50 000 тонн должны были удерживаться на месте якорями и стальными кабелями. На них можно было бы разместить рестораны, сувенирные лавки, залы отдыха и смотровые площадки, а на некоторых даже гостиницы. Стоимость каждой платформы составила бы 6 миллионов. По расчетам Армстронга, перелет из Нью-Йорка в Лондон в таком случае занял бы около тридцати часов.

В 1927 году Армстронг основал свою компанию (Armstrong Seadrome Development Company) и постепенно начал привлекать финансовую поддержку. 22 октября 1929 года он заявил, что планирует начать работы через два месяца. К сожалению, в эту же неделю произошел крах на фондовом рынке, и его финансирование развалилось. Армстронг еще несколько лет пытался осуществить свой проект, сокращая количество платформ сначала до пяти, а потом до трех, по мере того как развивалась авиация. В конечном счете такие платформы, естественно, оказались ненужными, и его мечта так и не воплотилась в реальность, хотя сам принцип лег в основу нефтедобывающих платформ. Армстронг умер в 1955 году.

В 1920-х годах из Европы в Америку и обратно по морю ежегодно плавало два миллиона человек, так что потенциальный рынок был значительным. С современной перспективы морские путешествия кажутся высококлассным и романтическим видом отдыха, но они занимали слишком много времени, были неудобными в плохую погоду и иногда очень опасными. До изобретения радара немалую опасность представлял даже обычный туман. Критические ситуации возникали очень часто. «Случаев, когда корабли лишь чудом не столкнулись, было гораздо больше, чем становилось известным пассажирам», — пишет Джон Мэстон-Грэм в своей книге «Единственный способ пересечь». Но и известных случаев было более чем достаточно. Тем же летом, 15 июля, когда «Левиафан», на борту которого находились Бэрд с товарищами, подходил к берегам Америки, лайнер «Веендам» компании «Холланд Америка» близ Нантакета в 4.40 утра задел — скорее даже процарапал — норвежское грузовое судно «Сагаланд». «Сагаланд» быстро затонул, один член его экипажа погиб. «Веендам» избежал серьезных повреждений, и никто на его борту, судя по сообщениям, не пострадал. Тем не менее это было серьезное напоминание о том, насколько опасны морские путешествия, если даже суда сталкиваются при ясной погоде.

По всем этим причинам перспектива сокращения времени, необходимого для пересечения океана, хотя бы на сутки, казалась весьма заманчивой, и это объясняет, почему Кларенс Чемберлин принял приглашение компании «Юнайтед стейтс лайнз» и 1 августа вновь взобрался на борт «Левиафана», чтобы взлететь на аэроплане с его верхней палубы, где была сооружена шаткая платформа длиной в 114 футов. Хватит ли ее для разгона и взлета, точно не знал никто. До этого еще ни один самолет не взлетал с корабля на море, и сам Чемберлин считал, что шансы его не слишком велики. Вскоре после отплытия кто-то спросил его, умеет ли он плавать. Чемберлин усмехнулся и признался, что не умеет.

К счастью, плавать ему не пришлось. Во время затишья между дождями Чемберлин поднялся на борт биплана «Фоккер», разогнался по скрипящей платформе и набрал достаточную скорость, чтобы остаться в воздухе, когда корабль уже был позади. Он сделал круг над лайнером, помахал рукой и направился в Тетерборо в Нью-Джерси, куда доставил девятьсот писем и немного застенчиво попозировал для

фотографов. Вдохновившись примером Чемберлина, владельцы нового пассажирского лайнера «Иль-де-Франс», спущенного на воду в том году, установили на него катапульту, с помощью которой можно было бы поднять в воздух шестиместный самолет с более короткой платформы, и на несколько лет самые богатые и отважные пассажиры получили возможность достичь берега на день раньше своих оставшихся на борту спутников.

В начале августа закончилась вторая неделя большого турне Чарльза Линдберга по Америке. До сих пор у него была лишь одна неудача, но довольно серьезная. После посещения Бостона он полетел в Портленд, штат Мэн, но не смог приземлиться из-за тумана. Линдберг летал кругами два часа, но когда кончилось топливо, ему пришлось искать подходящее место. Отделившись от самолета сопровождения, он спустился к Олд-Орчард-Бич. К счастью, некий Гарри Джоунс предлагал туристам полеты и поблизости имелась взлетно-посадочная полоса. Возможно, кто-то рассказал об этом Линдбергу заранее, на случай экстренной посадки. У Джоунса был и ангар с инструментами, которые он с удовольствием предоставил Линдбергу.

Весть о том, что тут приземлился знаменитый летчик, сразу же разнеслась по всему городку. Люди пробирались в ангар, чтобы посмотреть на него за работой. «Он ни разу не взглянул на толпу, и даже ничем не показал, что видит посторонних», – писала молодая женщина по имени Элиза Уайт, свидетельница того события. К тому времени, когда Линдберг закончил ремонтировать свой самолет, толпа была уже такой большой, что ему пришлось воспользоваться мегафоном, чтобы обратиться к ней и попросить расступиться. Вместо этого люди стали подходить еще ближе, желая посмотреть на самолет, и тогда он «в раздражении отбросил мегафон», – вспоминала слегка удивленно Уайт. Это был не тот Чарльз Линдберг, о котором они читали.

Нетрудно понять раздражение Линдберга. Его самолет был чувствительным механизмом, который легко мог испортить любой бездумный зевака, и это было предметом его постоянных забот. Линдберг испытывал ужас всякий раз, как видел, что кто-то посторонний опирается о корпус или трогает движущиеся детали. На

этот раз он поспешил сбежать, быстро забрался в кабину и повернул на пляж, надеясь, что толпа расступится, когда он подъедет поближе. К счастью, люди успели расступиться. «Он мягко двигался по песку, а потом очень быстро, не проехав и ста ярдов, взлетел в воздух, – писала Уайт. – Самолет поднял нос, накренился и развернулся низко над пляжем, а потом взмыл, словно птица с серебристыми крыльями, прямо в синее небо». Через полчаса он был в Портленде, где ему пришлось встретиться с очередным скоплением людей, единственной целью которых было подобраться поближе к нему и к его столь любимому самолету.

Невозможно представить себе, что тем летом значило быть Чарльзом Линдбергом. С самого утра, стоило ему покинуть свою комнату, как к нему постоянно кто-то обращался, кто-то его касался и кто-то ему надоедал. Каждый человек на Земле, который мог подойти достаточно близко, пытался пожать ему руку или похлопать по спине. Личной жизни у него не оставалось никакой. Отправленные в прачечную рубашки не возвращались. На кухнях шла настоящая драка за оставленные им кости и использованные салфетки. Он не мог просто так прогуляться в парке и зайти в банк или аптеку. За ним следовали даже в уборную. Выписанные им чеки люди предпочитали не обналичивать, а вставлять в рамки и любоваться ими. Не было никакой надежды, что когда-либо жизнь снова вернется в нормальное русло. Как обнаружил Линдберг, идти к славе было гораздо интереснее, чем быть знаменитым.

Его турне состояло из шестидесяти девяти остановок с ночевкой и тринадцати коротких остановок, во время которых у него хватало времени только на то, чтобы поприветствовать официальных лиц и сказать несколько слов. Иногда он останавливался в небольших городках по пути, но только если местные жители соглашались нанести название их города на крышах домов для удобства других авиаторов. Над теми же поселениями, в которых Линдберг не мог приземлиться, он разбрасывал листовки следующего содержания:

«Приветствую вас! Из-за ограниченного графика и напряженного тура по Соединенным Штатам, который я в настоящее время совершаю в целях привлечения общественного внимания к авиации, «Дух Сент-Луиса» не может приземлиться в вашем городе. Но это

сообщение посылается вам с воздуха, чтобы выразить нашу искреннюю благодарность за ваш интерес к туру и к развитию коммерческой авиации в Соединенных Штатах».

Далее содержался призыв к каждому гражданину содействовать «основанию аэропортов и других подобных удобств», имеющих огромное общенациональное значение, которые позволят Соединенным Штатам занять «достойное место» в роли мирового лидера коммерческой авиации.

С самого начала все торжественные встречи отличались крайней неорганизованностью. Возбужденные зеваки и даже члены официальных комитетов подбегали прямо к самолету, пока он еще выруливал после посадки. Линдберга это сильно раздражало. Однажды он был свидетелем, как пропеллер разрубил человека пополам. Поскольку смотреть прямо вперед у него возможности не было, всякую посадку приходилось совершать вслепую. По меньшей мере дважды – в Канзас-Сити и в Портленде, штат Орегон – из-за толпы на взлетно-посадочной полосе ему приходилось садиться на фермерские поля. В других местах его встречали залпами орудий, оставлявшими клубы дыма в воздухе, еще более затруднявшими видимость. В целом опасностей в турне по Америке было гораздо больше, чем во время полета в Париж.

Чтобы не отставать от графика, Линдбергу приходилось спешить, и во время торжественных процессий автомобиль, в котором он сидел, передвигался с большой скоростью, что расстраивало зрителей и лишний раз тревожило Линдберга, потому что зрители нередко бросались под колеса, желая рассмотреть его поближе.

Типичным днем Линдберга во время турне было посещение города Спрингфилда в Иллинойсе 15 августа. Он прилетел немногим после полудня, проделав путь из Чикаго с остановками в Музхарте, Авроре, Джолиет и Пеории. За один час сорок пять минут, что Линдберг пробыл в Спрингфилде, он успел следующее: произнес краткую речь на летном поле; пожал руки сотне официальных лиц; поприветствовал солдат 106-го кавалерийского полка Иллинойса; сел в автомобиль с открытым верхом и проехал пять миль мимо пяти тысяч восхищенных зрителей, размахивавших флагами; положил венок к могиле Авраама Линкольна; посетил местный арсенал, где ему

подарили золотые часы и где ему пришлось выслушать целый ряд пышных и пустопорожних речей. Вот лишь один пример тех цветистых восхвалений, которые расточал ему мэр города Дж. Эмиль Смит:

«И пока он плыл сквозь серебро летней зари, звезды с тихим восхищением наблюдали за столь храбро оседлавшим воздух человеческим сыном, товарищем туч, ветров и пенных волн. И когда он приблизился к своей цели, солнце, море и огромное бескрайнее пространство громко объявили его победителем и пропели ему: «Прекрасное свершение!»

Спрингфилд отличался от других городов лишь тем, что он был знаком Линдбергу – он когда-то здесь уже выступал, показывая воздушные трюки, и пятнадцать месяцев назад выбрал это же самое летное поле.

В заключение мэр заявил, что поле собираются назвать в честь героя «Поле Линдберга». Чарльз, вероятно, оценил иронию, поскольку всего лишь за год до этого жители города подавляющим большинством голосов выступили против финансирования постройки нового хорошего аэродрома, а это поле у них существовало только потому, что деньги на него выделила местная торговая палата.

После церемоний Линдберг поспешил обратно к своему самолету, чтобы полететь в Сент-Луис, где его ждали еще больше церемоний, больше толп и еще один вечерний банкет. Летчик находился в таком постоянном напряжении, что единственным местом, где он мог отдохнуть, была кабина пилота. Иногда он даже специально выбирал маршрут подлиннее, чтобы как можно дольше побыть одному. При любой возможности – над озером, например, или над ровным полем – он часто держался лишь в пятнадцати футах над поверхностью, отчего возрастало ощущение скорости, но одновременно и увеличивался риск ошибки. Во время турне ему позволили отдохнуть от всех церемоний два дня, но все равно он провел их вдали от дома и в компании малознакомых людей.

Единственным американским летчиком в Европе теперь оставался Чарльз Левин, который, казалось, вовсе не спешил вернуться домой.

Время от времени он давал о себе знать то тут, то там до самого конца лета. В Италии он встретился с папой и назвал Муссолини величайшим государственным деятелем в мире. По возвращении в Париж он снова попал в газеты, устроив драку со своим соотечественником-американцем у Парижской оперы. «Я никогда раньше не видел этого человека, но он меня оскорбил, и я ударил его», – объяснил Левин и многозначительно добавил: «Раньше я был боксером». Причина такого эмоционального взрыва так и не выяснилась, но ходили слухи, что виной ему была женщина.

Левин также заявил, что собирается полететь обратно с Морисом Друэном, одним из двух французских пилотов, чей рекорд по продолжительности пребывания в воздухе в апреле на самолете Левина побили Чемберлин и Акоста. Заявление это было любопытно тем, что Друэн не говорил по-английски, а Левин не говорил по-французски. Левин несколько дней менял дату вылета, но каждый раз откладывал его. Затем, в конце августа, он неожиданно вывел свой самолет из ангара в Ле-Бурже и поднялся в воздух. Через несколько часов служащие аэродрома Кройдон в Лондоне с удивлением увидели приближавшийся к ним и странно виляющий аэроплан. «Колумбия» была известным самолетом, и ее сразу узнали, но было очевидно, что за ее штурвалом сидит либо неумелый, либо выведенный из строя пилот. Его появление вызвало небольшую суматоху, поскольку Кройдон был оживленным аэропортом, из которого вылетали регулярные рейсы в Париж и в другие города, а средства контроля за самолетами у диспетчеров были ограниченными. «Колумбия» сделала четыре круга над полем и едва не врезалась в диспетчерскую вышку.

Наконец она приземлилась под опасным углом и так коснулась земли, что тут же еще раз подпрыгнула, прежде чем окончательно приземлиться и сбавить скорость. Когда самолет остановился, из него выбрался улыбающийся Чарльз Левин, который только что совершил свой первый одиночный полет. Позже выяснилось, что он пролетел 130 лишних миль. Левин сказал, что решил полететь один просто потому, что ему так захотелось, но потом в Лондоне узнали, что Левин поспешил покинуть Париж, получив от Друэна официальную жалобу о том, что тот задолжал ему 80 000 франков жалованья. Управляющий ангаром в Ле-Бурже также сообщил, что ему не заплатили. Ничего не

подозревающая жена Левина осталась в Париже. (Их брак не продлился долго и распался, едва закончилось лето.)

Чтобы избежать ареста, Левину пришлось дать официальное обязательство больше никогда и ни при каких обстоятельствах не подниматься в воздух над территорией Великобритании. Но его было не так-то просто смутить, и несколько дней спустя он заявил о своем очередном плане дальнего перелета, на этот раз с аэродрома в Линкольншире со старшим пилотом компании «Империял эйруэйз» капитаном Уолтером Хинчлиффом. В последующие дни Левин часто противоречил сам себе, утверждая, что они то полетят в Америку через Атлантический океан, то полетят на восток, в Азию, а оттуда пересекут Тихий океан. В конце концов никуда они так и не вылетели, и газеты утратили к ним интерес.

Друзню в конечном счете удалось вернуть часть денег, но наслаждаться ими ему пришлось недолго. В следующем году он погиб при испытаниях в Орли. Хинчлиффу повезло не больше. Он исчез примерно в то же время, пытаясь перелететь через океан с одной знакомой.

После того как была покорена Атлантика, внимание публики захватил Тихий океан, а именно 2400 миль водной глади между Гавайскими островами и Калифорнией. Сразу же после перелета Линдберга Джеймс Д. Доул, уроженец Массачусетса, сколотивший состояние на выращивании и продаже консервированных ананасов на Гавайях, объявил, что выплатит приз в размере 35 000 долларов тому, кто пересечет это расстояние. Так началась «Тихоокеанская гонка Доула» – гонка в прямом смысле слова, потому что ее участники должны были вылететь одновременно (или почти одновременно, насколько это возможно) с муниципального летного поля в Окленде, штат Калифорния. Гонка была намечена на август, но уже 29 июля два армейских летчика успешно долетели на «Фоккере» из Окленда в Оаху за двадцать шесть часов. Это было невероятное достижение, настоящий подвиг в авиации, и оба пилота, лейтенант Лестер Дж. Мейтленд и лейтенант Альберт Ф. Хегенбергер, действительно заслужили славу. К сожалению, их перелет пришелся как раз на то время, когда командор Бэрд со своим экипажем опустился в воду у Вер-сюр-Мера, и внимание прессы было занято совсем другим. Две недели спустя после полета Мейтленда и Хегенбергера из Окленда на

Гавайи вылетели еще два пилота, Эрнст Смит и Эмори Бронте, но у них кончилось топливо и их самолет упал на дерево на острове Молокаи. Они побили рекорд Мейтленда и Хегенбергера на четырнадцать минут. Получилось так, что 16 августа, то есть в день, на который была назначена «Гонка Доула», соревнующимся уже нечего было доказывать.

Три участника погибли в катастрофах еще до того, как долетели до Окленда. Еще одна катастрофа произошла в море неподалеку от аэродрома Окленда; два пилота отделались легкими повреждениями, но самолет был потерян. Другой самолет не допустили к гонке после того, как выяснилось, что его пилот не имеет ни малейшего представления о том, сколько топлива ему понадобится, чтобы долететь до Гавайев, и что у него нет подходящего топливного бака. Было ясно, что некоторые из претендентов сами представляют для себя главную опасность.

К назначенной дате число самолетов, участвовавших в гонке, сократилось до восьми, а четыре сошли с дистанции сразу после старта или через небольшое время после старта. Из четырех оставшихся самолетов до Гавайев добрались только два, а два пропали в пути. На борту одного из пропавших находилась двадцатидвухлетняя учительница из Флинта в штате Мичиган по имени Милдред Доран, которая не умела управлять самолетом, а просто сопровождала пилота, чтобы привлечь внимание публики и прессы. Когда поступили сообщения о том, что пропали шесть человек, включая Доран, на их поиски из Окленда вылетел пилот Уильям Эрвин, но он тоже пропал. Были объявлены поиски – самая масштабная морская поисковая операция на то время, как утверждалось, включающая тридцать девять военных кораблей и девятнадцать гражданских судов, но никого так и не нашли. Руководство ВМФ с некоторым неодобрением заявило, что за всю операцию сожгло 383 550 галлонов горючего. В целом в «Гонках Доула» погибло десять человек. Затею подвергли острой критике. Бэрд назвал ее «поспешной и плохо спланированной», и многие согласились с ним.

Несмотря на катастрофичную «Гонку Доула», люди по всей стране вдруг стали отправляться в дальние рискованные перелеты. Пол Редферн, сын декана колледжа Бенедикта, учебного заведения для чернокожих студентов в Колумбии, штат Южная Каролина, заявил, что

готов пролететь 4600 миль из Брансуика в штате Джорджия до Рио-де-Жанейро в Бразилии на аэроплане «Стинсон Детройтер». Редферн меньше всего подходил на роль героя. Он, правда, всю жизнь увлекался самолетами – вплоть до того, что часто носил авиаторский шлем с очками в повседневной жизни, – но по образованию был музыкантом. Весь его опыт заключался в выполнении развлекательных полетов на сельских ярмарках, где он заодно подрабатывал, сообщая властям о нелегальных винокурнях. Он был одного возраста с Линдбергом, маленьким и невысоким (весил он всего 108 фунтов), с вечно беспокойным лицом, но ему было о чем беспокоиться. Он собирался пролететь 4600 миль – что гораздо дальше любого перелета до той поры – над океаном и джунглями, над территорией, для которой еще не составлялись надежные карты и прогнозы погоды.

Он подготовился на совесть: взял с собой рыболовные снасти, винтовку с патронами, хинин, москитную сетку, хирургический набор, сапоги, и все, что могло бы пригодиться ему на случай крушения в джунглях. В качестве рациона на ближайшее время он взял двадцать сэндвичей, две кварты кофе, фунт молочного шоколада и два галлона воды. Вылетел он 25 августа.

По оценкам экспертов в области авиации, которых процитировало агентство Ассошиэйтед Пресс, Редферн мог долететь до Рио за шестьдесят часов. Но он заплутал, едва только достиг Карибских островов, и сбросил записку на норвежское грузовое судно «Кристиан Крог», в которой просил указать ему направление. Записка упала в море, но за ней нырнул норвежский моряк. Записка гласила: «Разверните корабль носом к ближайшей земле, и махните флагом по одному разу на каждые сто миль до нее. Благодарю вас, Редферн».

Судно выполнило его просьбу, и Редферн, помахав в ответ рукой, полетел дальше. Тогда его видели в последний раз, хотя несколько лет спустя миссионеры и другие посетители Нидерландской Гвианы передавали слухи о некоем белом человеке, живущем среди индейцев. Согласно этим сообщениям, индейцы относились к нему, как к божеству, потому что он упал с неба. Белый человек, как утверждалось, взял себе жену и счастливо жил среди местных жителей. В поисках Редферна в джунгли отправились несколько экспедиций, в ходе которых погибли по меньшей мере два человека, но его так и не нашли. В 1938 году по требованию жены Редферна – то

есть его настоящей жены в Америке – суд Детройта объявил Редферна официально скончавшимся.

Не менее невероятным, но на удивление более удачливым, был полет Эдварда Ф. Шлее, бизнесмена из Детройта, и добродушного толстяка Уильяма С. Брока, бывшего пилота авиапочты. Они заявили о том, что намерены побить рекорд путешествия вокруг света за двадцать восемь дней, четырнадцать часов и тридцать шесть минут, установленный в предыдущем году двумя другими жителями Детройта, которые пользовались аэропланами, поездами и кораблями. На этот раз путешествие планировалось совершить исключительно по воздуху.

Шлее, сын немецких иммигрантов, одно время работал инженером у Форда, но в 1922 году открыл свою бензоколонку. Затем открыл другую, а через пять лет их у него было уже более сотни. Также он владел небольшой авиакомпанией «Канадиан америкэн эйруэйз», для которой и нанял Уильяма Брока. Летом 1927 года Шлее было тридцать девять лет, а Броклу тридцать один год. Брок к тому времени уже попал в газеты, доставив из Детройта в Блэк-Хиллз новую собаку супруге президента, Грейс Кулидж, после того как ее старая собака сбежала.

Ни у Брока, ни у Шлее не было опыта долгих перелетов, но они поставили себе цель облететь земной шар за пятнадцать дней. Самолет у них был модели «Стинсон Детройтер» с двигателем «Уайт Уирлвинд». Они вылетели через день после Редферна, и в следующие две с половиной недели регулярно изумляли мир – в основном тем, что им удавалось оставаться в живых и как-то продвигаться вперед, несмотря на отсутствие опыта. Они успешно перелетели Атлантику, что само по себе было большим достижением, но заблудились и не имели ни малейшего представления о том, где находятся. Пролетая над многолюдным пляжем, они сбросили записку, в которой просили указать, где находятся. Один мужчина палкой на песке начертил название «СИТОН» и указал на развевающийся поблизости британский флаг. Установив свое местонахождение, они продолжили свой путь до Лондона, где их ждал торжественный прием. Из Кройдона они вылетели через несколько часов, после того как туда прилетел (скорее, сбежал) из Парижа Левин. Доблестные

путешественники постепенно пролетели по всей Европе до Константинополя, а оттуда до Калькутты, Рангуна, Ханоя, Гонконга и Шанхая, пока их окончательно не остановил тайфун на острове Кюсю. Всего они проделали 12 795 миль за девятнадцать дней, но до дома им оставалось еще 9850 миль. Из-за плохой погоды и пугающего обширного пространства Тихого океана они решили отменить полет и вернуться домой морским путем, где их все равно встретили как героев. Путешествие забрало у них больше сил, чем они сами осознавали. На банкете в Детройте Шлее поднялся с места, чтобы выступить с речью, произнес пять слов и тут же рухнул под грузом переживаний и физического напряжения.

После этого везение оставило Шлее. Летом 1929 года он едва не погиб, попав под вращающийся пропеллер, ударивший его по голове и оторвавший руку у плеча. Через три месяца он потерял все во время биржевого краха на Уолл-стрит. В 1931 году его самолет «Гордость Детройта» был продан на аукционе по приказу управления шерифа, чтобы оплатить долги. Этот самолет всего за 700 долларов купил некий Флойд М. Финни. Шлее умер в 1969 году «в неизвестной бедности». У Брока дела тоже шли не так уж хорошо. В 1932 году он умер от рака.

И все же люди продолжали летать. В Великобритании свои силы в трансатлантических полетах решила попробовать шестидесятидвухлетняя княгиня Энн Левенштайн-Верхайм-Фройденберг, дочь графа Мексборо. Юность она провела в Лондоне под именем Энн Сэвиль, но впоследствии, в довольно позднем возрасте в тридцать один год, вышла замуж за немецкого князя Людвига Карла цу Левенштайн-Верхайм-Фройденберга, который скончался через два года после свадьбы. Унаследованное состояние княгиня тратила на свою страсть – авиацию. В 1912 году она стала первой женщиной, перелетевшей через Ла-Манш, хотя и в качестве пассажира. Когда в 1927 году энергичный капитан Лесли Гамильтон выразил желание перелететь Атлантику с востока на запад, она предложила финансировать перелет при условии, что он возьмет ее с собой. Вместе со вторым пилотом, полковником Фредериком Минчином, они вылетели с летного поля близ Солсбери в Уилтшире. На княгине была изысканная шляпка и шуба из меха оцелота, словно они собирались на коктейльную вечеринку в «Савой». Их самолет

видели в небе над Ирландией и с корабля на полпути через Атлантику, но до Америки они не долетели, и никаких их следов впоследствии обнаружено не было.

Примерно в то же время из Олд-Орчард-Бич на острове Мэн, с того же самого пляжа, где незадолго до этого совершил незапланированную посадку Линдберг на своем «Духе Сент-Луиса», вылетел самолет «Старая Слава», владельцем которого был Уильям Рэндольф Херст. Этот самолет держал курс на Рим, и за штурвалом его сидел Ллойд Бертро, тот самый, который в мае подал иск против Чарльза Левина, обвинив того в невыплате причитающейся ему суммы по контракту и в непредоставлении страховки. Сопровождали Бертро второй пилот Джеймс Девитт Хилл и пассажир Филипп Э. Пейн, редактор издания «Дейли миррор», которое также принадлежало Херсту. Всего через три часа после вылета они послали сигнал SOS, и с тех пор их больше не видели. Через несколько часов два канадских летчика, капитан Терренс Талли и лейтенант Джеймс Медкалф, вылетели из Ньюфаундленда, намереваясь достичь Лондона на самолете «Сэр Джон Карлинг». О них тоже больше никто ничего не слышал.

Г. Л. Менкен назвал Голливуд «подлинной прямой кишкой цивилизации», но для большинства людей это было по-настоящему волшебное место. В 1927 году на холмах у города все еще красовался знак «HOLLYWOODLAND», возведенный в 1923 году для рекламы новых жилых кварталов, и не имеющий ничего общего с киноиндустрией. Каждая из огромных букв, высотой более сорока футов, в те дни еще мигала электрическими лампочками. (Буквы LAND демонтировали в 1949 году.)

В 1927 году Лос-Анджелес был самым быстро развивающимся городом США, и при этом самым богатым, если сравнивать по доходу на душу населения. За десятилетие население большого Лос-Анджелеса, включая пригороды Беверли-Хиллз и Санта-Монику, увеличилось более чем вдвое, примерно до 2,5 миллиона человек, и благосостояние этих счастливых горожан было на 60 процентов выше, чем в среднем по Америке – во многом благодаря самой прославленной отрасли индустрии Южной Калифорнии, то есть кинематографу.

К 1927 году в Голливуде снималось примерно восемьсот полнометражных художественных фильмов в год, на долю которых приходилось 80 процентов всей кинопродукции мира, и еще около двадцати тысяч короткометражек. Киноиндустрия стала четвертой по величине отраслью американской промышленности, в которой было занято больше человек, чем на заводах Форда и «Дженерал моторс», вместе взятых. Она приносила дохода более 750 миллионов долларов в год, что было больше доходов от всех спортивных состязаний и развлечений. Двадцать тысяч кинотеатров продавали сто миллионов билетов в неделю. Каждый день кинотеатры посещала одна шестая часть всего населения США.

Почти невозможно представить, что такая крупная и популярная отрасль испытывала трудности, но это было действительно так. Проблема заключалась в быстром обороте продукции, из-за чего большую прибыль давали только отдельные фильмы. Иногда программы кинотеатров менялись по три и даже по четыре раза в

неделю, поэтому наблюдалась постоянная потребность в новых фильмах. Некоторые студии выпускали по четыре фильма в неделю, что, разумеется, было несовместимо с качеством. Когда кто-то указал главе студии MGM Ирвингу Тальбергу, что сцена на пляже в фильме про Париж выглядит нелепо, потому что Париж не стоит на берегу моря, Тальберг с удивлением посмотрел на собеседника и сказал: «Но мы не можем снимать только для тех немногих, кто знает Париж».

Если широкая публика и не уделяла особого внимания точности фильмов, то к обстановке, в которой их смотрели, она становилась все более и более требовательной. С каждым годом возводились все более крупные и роскошные кинотеатры в надежде привлечь состоятельную публику, готовую расстаться с большой суммой денег. Большие кинотеатры начали строить еще с 1915 года (словно указывая на то, что пока Европа воюет, Америка смотрит кино), но золотой век «кинодворцов» приходится на 1920-е годы. Размах сооружений был поистине эпическим, с вмещающими по несколько тысяч человек залами, обставленными так, как будто это были настоящие классические театры. Говорили, что многие посещают театры «Лоуэс», только чтобы восхититься тамошними уборными.

Архитекторы охотно заимствовали стили предыдущих эпох: персидский, мавританский, барокко, стиль итальянского ренессанса, центральноамериканских индейцев, позолоченный французский. Особенно популярными после открытия гробницы фараона Тутанхамона в 1922 году стали древнеегипетские мотивы. Утверждали, что облицованное мрамором фойе кинотеатра «Тиволи» в Чикаго является почти точной копией королевской часовни в Версале, за исключением разве что запаха попкорна.

Почти сразу же стало понятно, что одними фильмами такие просторные кинотеатры не заполнить. Их владельцы пытались привлечь публику дополнительными музыкальными представлениями, выступлениями комиков, фокусников и танцоров, а также лотереей «Скрино». Некоторые крупные кинотеатры только на оркестры тратили до 2800 долларов в неделю. Постепенно кино становилось лишь одним пунктом из такого своеобразного развлекательного «набора».

В 1927 году некий Гарольд Э. Франклин, занятый в киноиндустрии, выпустил книгу со скучным, но вызывающим

беспокойство названием «Управление кинематографическим театром», в которой с хирургической точностью разбирались все аспекты невеселой экономической деятельности кинотеатров. Аренда типичного нового «кинодворца» забирала примерно треть валового дохода, а половина из оставшегося приходилась на рекламу. 15 процентов прибыли шло на оплату оркестров, еще 7 процентов – на оплату «живых» артистов. После вычетов на зарплату кассирам, служащим и уборщикам и после уплаты налогов на недвижимость оставалась поистине ничтожная сумма.

Но, несмотря на экономические риски (или даже экономическое безумие), владельцы кинотеатров убеждали себя, что нужно следовать этим курсом и дальше. Только в первую половину 1927 года были открыты «Китайский театр» в Лос-Анджелесе, где зрители наслаждались фильмами, сидя в подобии буддийской пагоды; «Норшор-Театр» в Чикаго на 3600 мест с богатым интерьером в стиле рококо; столь же пышно украшенный «Прокторс» на 86-й улице в Нью-Йорке на 3100 мест; и самый великолепный из них, прославленный «Рокси» на пересечении 50-й улицы и Седьмой авеню в Нью-Йорке. Все в нем не имело равных: и зал на 6200 мест, и гримерные на 300 артистов, и оркестр из 118 музыкантов, способный исполнить любую симфонию, и такой огромный орган, что для игры на нем во время антрактов требовались три человека. За кулисами постоянно были наготове 14 роялей «Стейнвей». Воздух в зале охлаждали и проветривали установленные в подвале гигантские машины, а в фонтанчиках для питья текла охлажденная вода, что было новинкой для того времени. «Рокси» хвастался даже тем, что в нем имелась своя «больница», где, как гордо заявлялось, «при необходимости можно проводить даже основные операции». Сооружение это было настолько внушительным, что даже журнал «Сайентифик америкэн» послал в него своего корреспондента, чтобы тот написал о нем большую статью. В журнале «Нью-Йоркер» была напечатана карикатура, на которой девочка в благоговейном восторге обращается к своей матери: «Мама, а правда здесь живет Бог?»

По некоторым оценкам, строительство кинотеатра «Рокси» обошлось в сумму от 7 до 10 миллионов долларов. Деньги предоставил продюсер Герберт Льюбин, практически обанкротившийся на этом проекте, но идея принадлежала Сэмюэлю

Лайонелу Ротафелю, которого все называли «Рокси». Ротафель родился и вырос в Миннесоте, в Стиллуотере, в двадцати милях от Сент-Пола, в семье сапожника. В юности он готовился к карьере профессионального бейсболиста, но неожиданно (здесь не обошлось без романтического знакомства) увлекся кинотеатрами. Он быстро прославился как удачливый руководитель, умеющий выпутываться из самых сложных ситуаций. Именно он, Рокси, придумал сочетать показы фильмов с живыми представлениями. При этом, что самое любопытное, сам он фильмы смотреть не любил. Он жил в отдельной квартире в возвышавшейся над кинотеатром пятиэтажной ротонде.

Открытие кинотеатра «Рокси» стало таким большим событием, что свои поздравления в этой связи послали даже президент Кулидж и вице-президент Чарльз Доуз (хотя Кулидж, в свойственной ему манере, похвалил Ротафеля за оборудование, которое тот подарил больнице Уолтера Рида в Вашингтоне, и ни словом не обмолвился о кинотеатре).

Новый «Рокси» в первую же неделю принес 127 000 долларов выручки, но долго так продолжаться не могло. Летом 1927 года журнал «Нью-Йоркер» в рубрике «Городские разговоры» писал, что только три нью-йоркских кинотеатра – «Парамаунт», «Рокси» и «Капитолий» – вместе ежедневно предлагают семьдесят тысяч билетов^[21].

Пока кинотеатры пытались привлечь публику всеми доступными им средствами, на другом конце кинопроизводства дела тоже шли не очень уж гладко. В ноябре предыдущего года прошла забастовка «технических» рабочих – маляров, плотников, электриков и т. д., – из-за чего пришлось принять так называемое «Базовое соглашение киностудий», предоставившее этим рабочим ряд прав и привилегий. Сейчас же студии опасались такой же крупной забастовки со стороны актеров и сценаристов. По этой причине тридцать шесть представителей «творческих профессий» киноиндустрии в январе 1927 года провели совещание в лос-анджелесском отеле «Амбассадор», на котором договорились о создании своего рода клуба с целью поддержки (в основном, защиты) интересов студий. Придуманное ими название этой организации, «Международная академия кинематографических искусств и наук», многое говорит о том, насколько важной они считали свою деятельность; популярное развлечение в их глазах возвышалось до статуса великого искусства, сравнимого с литературой, и до академического научного направления.

Во вторую неделю мая, когда весь мир волновался по поводу пропавших летчиков Нунжессера и Коли, в лос-анджелесском отеле «Билтмор» состоялось торжественное открытие Академии и банкет. (Идея проводить церемонию награждения родилась немного позже, на собрании в честь второй годовщины в 1929 году.)

Затем представителям студий пришлось испытать некоторое разочарование. 9 июля Федеральная торговая комиссия США предписала немедленно прекратить практику заключения контрактов на продажу фильмов «с нагрузкой», по которым кинотеатры были вынуждены приобретать всю продукцию киностудий, а не только те фильмы, которые хотели. «Контракты с нагрузкой» были для Голливуда источником больших денежных поступлений на протяжении многих лет; согласно им прокатчики получали до пятидесяти фильмов среднего и даже ужасного качества вместе с двумя-тремя действительно стоящими. Предписание Федеральной торговой комиссии создало атмосферу неопределенности, казалось, огромной и процветающей отрасли грозил катастрофический спад.

Чтобы вернуть производителям фильмов надежду на будущее, требовалось нечто радикальное. И как раз в это критическое время небольшая и почти неизвестная до той поры лос-анджелесская студия «Уорнер бразерс» («Уорнер бразерс») вышла на сцену с захватывающей воображение новинкой – звуковым фильмом «Певец джаза».

Грустная ирония заключается в том, что немое кино было вытеснено звуковым как раз в момент своего наивысшего расцвета, так что лучшие немые фильмы стали заодно и последними. Это верно и в отношении посвященного Чарльзу Линдбергу фильма «Крылья», первый показ которого состоялся 12 августа в нью-йоркском кинотеатре «Критерион».

Автором сценария был Монк Сондерс, талантливый молодой человек из Миннесоты, лауреат стипендии Родса, одаренный писатель, а также любитель женщин и алкоголя. В начале 1920-х Сондерс познакомился с продюсером Джессом Ласки и женой Ласки, Бесси. Симпатичный Сондерс настолько очаровал Ласки, что тот приобрел у него права на незаконченный роман о воздушных боях во время Первой мировой войны, дал ему 39 000 долларов на завершение

замысла и предложил написать сценарий фильма. Если бы Ласки знал, что Сондерс встречается с его женой, вряд ли бы он так расщедрился.

Ласки выбрал и режиссера будущего фильма; этот выбор был неожиданным, но вполне оправданным. Тридцатилетний Уильям Уэллман не имел вообще никакого опыта работы над большими фильмами, а при бюджете в 2 миллиона долларов «Крылья» были самым большим фильмом из всех, что компания «Парамаунт» снимала до тех пор. Если известные режиссеры, вроде Эрнста Любича, получали до 175 000 за картину, то зарплата Уэллмана составляла 250 долларов в неделю. Но он обладал преимуществом, которого не было ни у одного голливудского режиссера: во время Первой мировой войны он служил летчиком-истребителем и превосходно ощущал красоту и очарование полета, а также знал, каким опасным и ужасным может быть сражение в воздухе. Никакой другой режиссер до той поры еще не пользовался своими техническими навыками в такой степени.

Уэллману уже было чем похвастаться в жизни. Он родился в Бруклине, штат Массачусетс, в благополучной семье, но после того как его исключили из школы, успел побывать профессиональным хоккеистом, добровольцем французского Иностранного легиона и членом прославленной эскадрильи Лафайета, получившим французскую и американскую награды. После войны он сдружился с Дугласом Фэрбенксом, который устроил его актером в студию «Голдвин». Уэллману совершенно не понравилось быть актером, и он переключился на работу за кадром. Он прославился как «режиссер по контракту», снимавший низкобюджетные вестерны и другие фильмы категории В. Из-за своего вспыльчивого темперамента он часто терял работу и один раз даже дал пощечину актрисе. В общем, это был странный выбор для такой картины эпического размаха. Ко всеобщему удивлению, он снял один из самых умных, трогательных и захватывающих фильмов в истории кинематографа.

Все в этом фильме было настоящим. Все, что пилоты видели в реальной жизни, видели и зрители на экране. Когда в кадре за окном самолета пролетали облака или взрывались дирижабли, это были настоящие облака и настоящие дирижабли, снимаемые в реальном времени. Уэллман установил камеры в кабине пилота, чтобы зрители могли посмотреть на мир глазами летчика, и снаружи кабины, направив их внутрь, чтобы зрители следили за реакцией самого

пилота. Ричард Арлен и Бадди Роджерс, главные актеры, работали со своими собственными операторами, активируя камеры с помощью кнопки дистанционного управления.

Съемки велись в районе Сан-Антонио в Техасе. Размах их потрясал. На тexasской равнине удалось воспроизвести целые поля сражений. В некоторых сценах участвовали пять тысяч человек массовки и шестьдесят самолетов, что требовало невероятной подготовки. Армия предоставила своих лучших авиаторов с базы Селфридж-Филд в Мичигане – тех самых, которые только что сопровождали Линдберга во время его полета в Оттаву. В опасных сценах были задействованы исполнители воздушных трюков. Уэллман был очень требовательным к пилотам. Один пилот погиб, другой сломал шею, и несколько получили серьезные травмы. Некоторые из самых опасных трюков Уэллман выполнял сам. Все это придало воздушным сценам необычайный реализм, от которого буквально захватывало дух. Уэллману удалось запечатлеть такие детали, которые раньше никогда не попадали на пленку – движущиеся по равнине тени от самолетов, ощущение полета через дымку, величественное падение бомб и последующие взрывы.

Даже наземные сцены были весьма продуманными и оригинальными, что отличало «Крылья» от других фильмов. Чтобы передать впечатление от посещения парижского ночного клуба, Уэллман использовал камеру на движущемся штативе, которая перемещалась на высоте столов, между стаканами с напитками и посетителями, и постепенно подходила к Арлену и Роджерсу. Это очень впечатляющий эпизод даже по современным меркам, а уж в 1927 году он был и вовсе революционным открытием. «“Крылья” поистине прекрасны», – простодушно писала Пенелопа Гиллиат в журнале «Нью-Йоркер» в 1971 году. В 1929 году «Крылья» получили первый приз на первой церемонии награждения Академии киноискусства. Но Уэллмана даже не пригласили на эту церемонию.

Несмотря на потрясающие сцены воздушных боев и увлекательный сюжет, повествующий о дружбе и разочаровании, многие зрители шли смотреть «Крылья», только чтобы в очередной раз полюбоваться на очаровательную актрису Клару Боу.

В 1927 году Кларе Боу было всего двадцать два года, но она уже считалась ветераном Голливуда. Еще в юном возрасте ей пришлось пережить немало испытаний. Родилась она в Бруклине, в районе Бэй-Ридж, и воспитывала ее мать-алкоголичка, часто впадавшая в приступы ярости. Однажды Клара проснулась оттого, что мать приставила к ее горлу нож. (В конце концов миссис Боу поместили в приют для душевнобольных.)

Боу приехала в Голливуд в 1923 году, выиграв конкурс фотографий, и быстро стала звездой. Девушку обожали все, кому приходилось работать с ней. Сама она трудилась усердно, часто по пятнадцать часов в день, и, закончив съемки на одной площадке, нередко отправлялась на другую. Только в 1925 году она снялась в пятнадцати фильмах, а за период с 1925 по 1929 год – в тридцати пяти. Одно время она снималась сразу в трех фильмах. Отличительной чертой ее таланта, как актрисы и как человека, можно назвать способность передавать целый спектр эмоций, от скромной невинности до бесстыдной похоти и обратно, за несколько мгновений. «Она танцевала, даже когда ее ноги не двигались, – однажды сказал о ней киномагнат Адольф Цукор. – У нее всегда что-нибудь находилось в движении, хотя бы ее великолепные глаза. В любой компании она становилась центром внимания благодаря своему стихийному магнетизму и своей животной энергии».

Личная жизнь ее была не настолько удачливой. Она постоянно переходила от одной связи к другой. Если верить Уэллману, то во время съемок «Крыльев» у нее было сразу несколько романов (не обязательно подразумевающих интимные отношения, хотя и это не исключается) с Бадди Роджерсом, Ричардом Арленом, неким каскадером, двумя пилотами и «одним пыхтящим художником». За четыре года она была помолвлена с пятью мужчинами, и в тот же период встречалась с многочисленными другими мужчинами. Однажды, как вспоминал ее ухажер Роджер Кан, он пришел домой и услышал, как кто-то прячется в ванной. «Выходи, чтобы я выбил тебе зубы, поганый ты сукин сын!» – крикнул он. Дверь открылась, и из-за нее робко вышел Джек Демпси. Лето 1927 года Клара Боу провела, по большей части, в компании Гэри Купера, не отходя от него ни на шаг. Они познакомились как раз во время съемок «Крыльев», где он играл небольшую роль пилота, которому суждено было погибнуть.

Поначалу Боу на афишах указывали под псевдонимом «Бруклинский Костер», затем как «Самая горячая джаз-детка в фильмах», а под конец «Девушка Это», и последнее прозвище за ней закрепилось. «Это» – так назывался сначала рассказ, опубликованный в двух частях, а затем и роман английской писательницы Элинор Глин, которая прославилась произведениями пикантного характера, в которых главные герои все время обвиваются вокруг друг друга («она обвилась вокруг него, словно змея»), и еще тем, что некоторое время была любовницей лорда Керзона, бывшего вице-короля Индии. Как объясняла сама Глин: «*Это* – качество, которым обладают немногие люди и благодаря которому, словно магнетической силой, притягивают к себе всех вокруг. Когда у вас есть *Это*, то вы завоевываете всех мужчин, если вы женщина, и всех женщин, если вы мужчина». Когда один журналист попросил Глин назвать примеры индивидов, обладавших таким качеством, она упомянула Рудольфа Валентино, Джона Гилберта и «Чудесного Коня» Рекса. Позже она включила в этот список и швейцара в отеле «Амбассадор» в Лос-Анджелесе.

Роман «Это» повествует об отношениях двух главных героев, Авы и Ларри, которые буквально с ног до головы пропитаны «Этим». Они смотрят друг на друга «горящими глазами», окидывают друг друга «огненными взорами», а после «вибрируют от страсти». Как выразилась Дороти Паркер в опубликованной в журнале «Нью-Йоркер» рецензии на книгу, «на протяжении почти трех сотен страниц герои постоянно вибрируют, словно паровые катера».

Фильм «Это» вышел совсем другим. Хотя имя Глин и было указано на афише, в действительности его сюжет не имел ничего общего с сюжетом книги. От первоначального замысла Глин осталось одно только название. В фильме Боу играла роль Бетти Лу, добродушной и энергичной продавщицы универмага, решившей завоевать сердце владельца универмага, красавца Сайруса Уолтхема.

Фильм стал настоящим хитом 1927 года. Благодаря ему, а также «Крыльям», Боу стала общепризнанной голливудской звездой первой величины, получавшей по сорок тысяч писем в неделю. Летом 1927 года казалось, что карьера ее находится на подъеме, хотя на самом деле она близилась к концу. Несмотря на всю красоту и все очарование Боу, многих, кому доводилось общаться с нею, раздражал ее грубоватый бруклинский акцент, звучавший, словно скрип гвоздя по грифельной

доске. В новом мире звукового кино у нее не оставалось ни малейшего шанса.

Если вспомнить, что технологии создания движущихся изображений и записи звука появились почти одновременно в конце XIX века, кажется удивительным, что они так долго существовали отдельно друг от друга. Проблема носила двойной характер. Во-первых, она заключалась в том, что на то время не существовало способов воспроизведения четкого и естественного звука в большом зале с большим количеством людей, что стало особенно актуальным в 1920-х годах. Во-вторых, никак не удавалось разработать надежные способы синхронизации звука с изображением. Задача по созданию механизма, благодаря которому слова точно совпадали бы с движением губ персонажей, долгое время казалась неосуществимой. Как показали события, легче оказалось перелететь через Атлантику, чем сделать звуковой фильм.

Если у звукового фильма и есть отец, то им с полным правом можно назвать Ли Де Фореста, гениального, но несколько неорганизованного изобретателя разнообразных электрических устройств. (Всего он получил 216 патентов.) В 1907 году, исследуя способы усиления телефонного сигнала, Де Форест изобрел то, что впоследствии называли «термионным триодом-детектором». В патенте эта деталь была описана, как «система усиления слабого электрического тока», и она сыграла решающую роль в развитии радиосвязи, а также в воспроизведении звука, но над всем этим работали уже другие люди. К сожалению, самого Де Фореста постоянно отвлекали многочисленные деловые проблемы. Несколько основанных им компаний обанкротились, дважды он оказывался жертвой мошенничества со стороны своих кредиторов и постоянно судился из-за денег или из-за патентов. В результате у него не оставалось времени, чтобы развивать свои идеи.

Тем временем другие преисполненные надежд изобретатели один за другим демонстрировали различные системы одновременного воспроизведения изображения и звука – «Синематофон», «Камерафон», «Синхроскоп», – но все они отличались друг от друга, по большей части, лишь названием. Либо воспроизводимый ими звук был слишком тихим или искаженным, либо система требовала

небывалой реакции и точности со стороны киномеханика. Заставить работать в унисон проектор и звуковую систему было практически невозможно. Киномеханики к тому же часто вырезали из пленки испорченные кадры, а это означало, что синхронизация звука собьется в любом случае. Даже если пленка была в идеальном состоянии, она могла соскочить с проектора или проигрываться не совсем с равномерной скоростью. Все это крайне затрудняло синхронизацию.

Де Форест предложил записывать звуковую дорожку непосредственно на пленку. Это означало, что даже если некоторые части пленки испортятся, звук и изображения останутся синхронизированными. Потерпев неудачу в поисках финансовой поддержки в Америке, он в начале 1920-х годов переехал в Берлин, где разработал систему под названием «Фонофильм». Первый фильм, созданный по его технологии, он снял в 1921 году, а в 1923 году организовал показ таких фильмов в Америке. На экране зрители видели произносящего речь Калвина Кулиджа, поющего Эдди Кантора, вещавшего с важным видом Джорджа Бернарда Шоу и Девульфа Хоппера, читающего стихотворение «Кейси с битой». Эти короткометражки можно считать первыми звуковыми фильмами в истории кино. Но ни одна голливудская студия не высказала свой интерес к ним и не предложила финансирование. Качество звука по-прежнему не было идеальным, и для фильмов, в которых говорило сразу несколько человек, систему необходимо было совершенствовать.

Де Форест не мог воспользоваться изобретенным им же триодным детектором по той причине, что правом на патент уже обладала компания «Вестерн электрик», дочерняя фирма AT&T. «Вестерн электрик» разрабатывала систему громкоговорящей связи для передачи сообщений большому количеству людей или для оповещений во время бейсбольных матчей. Но в 1920-х годах какому-то неизвестному инженеру компании пришла мысль, что триодный детектор можно использовать и для воспроизведения звука в кинотеатрах. В итоге разработанную компанией «Вестерн электроник» систему в 1925 году приобрела кинокомпания «Уорнер бразерс», назвав ее «Витафон». Ко времени выхода на экраны «Певца джаза» ее уже несколько раз использовали в кинотеатрах. На том же торжественном открытии кинотеатра «Рокси» в марте 1927 года благодаря системе «Витафон» были продемонстрированы отрывки из

оперы «Кармен» в исполнении Джованни Мартинелли. «Его голос доносился с экрана в превосходной синхронизации с движениями губ, – восхищался критик Мордонт Холл из газеты «Таймс». – Песня раздавалась по всему огромному театру, как будто бы он сам стоял на сцене».

Несмотря на хвалебные отзывы Холла, технология «Витафон» к тому времени была уже устарелой. Звук в этой системе записывался на пластинку и воспроизводился на фонографе, который приводился в действие тем же мотором, который приводил в действие и проектор, благодаря чему осуществлялась синхронизация. Пока и пленка и пластинка двигались одновременно с определенной начальной точки, все было хорошо, но на практике этот процесс был сопряжен с многочисленными трудностями. В чем «Витафону» не было равных – так это в передаче яркого, глубокого и богатого звука достаточной амплитуды, чтобы заполнить им крупнейшее для показа кинофильмов помещение, что публика сочла настоящим чудом.

Вскоре на смену «Витафону» пришли другие, более совершенные системы, которые все были основаны на первоначальной идее Де Фореста о записи звука непосредственно на пленке. Если бы Де Форест не распылял свои усилия, он бы умер гораздо более богатым человеком.

«Певец джаза» вовсе не был первым звуковым фильмом. Он даже не был первым фильмом со звучащими репликами, но на волне всеобщего восхищения об этом все забыли. Для большинства людей «Певец джаза» стал фильмом, который доказал, что звуковое кино действительно возможно.

Изначально «Певец джаза» был бродвейской пьесой, написанной Сэмюэлом Рафаэльсоном и называвшейся «День искупления». Компания «Уорнер бразерс» решила сделать его звуковым фильмом, после того как сниматься в нем согласился Эл Джолсон, один из самых известных популярных артистов того времени.

Джолсон был сыном раввина из Литвы и в детстве носил имя Аса Йоэлсон. В 1885 или в 1886 году (он сам точно не знал) его семья переехала в США, когда ему было года четыре. В возрасте девяти лет он сбежал из дома и подрабатывал в разных местах, в том числе в цирке. В конце концов его нашли в баре в Балтиморе и отправили в

Балтиморскую ремесленную школу Святой Марии для мальчиков, в ту самую, которая через десятилетие станет временным пристанищем для Бейба Рута. В отличие от Рута Джолсон пробыл там недолго.

В общении Джолсон не был таким уж приятным человеком. В качестве шутки он мог, например, помочиться на человека, что до некоторой степени объясняет, почему у него было четыре жены и совсем не было друзей. Но он обладал замечательным голосом и, по всеобщему мнению, необыкновенным умением держаться на сцене, благодаря чему и стал самым знаменитым шоуменом Америки. В компании «Уорнер бразерс» прекрасно понимали, что им повезло заполучить себе такого человека.

Часто писали о том, что «Уорнер бразерс» перед съемками «Певца джаза» якобы находилась на грани банкротства и что Элу Джолсону пришлось ссудить ей деньги, чтобы она приобрела звукозаписывающее оборудование, но, похоже, все это далеко от истины. Компания действительно была небольшой студией, но вовсе не нуждалась в финансовой помощи. В 1927 году у нее даже снималась крупнейшая голливудская звезда после Клары Боу – пес Рин Тин Тин. Фильмы с участием этой немецкой овчарки выходили на экран один за другим – только в 1927 году их вышло шесть – и, согласно одному опросу, ее называли самым популярным актером Америки. Как писала Сьюзан Орлеан, автор биографии Рин Тин Тина, в Академии киноискусства за него даже проголосовали, как за лучшего актера, но потом передумали, поняв, что такой выбор дает нелестное представление о людях-актерах, и награда досталась Эмилю Яннингсу.

При этом, что самое забавное, Рин Тин Тин скорее всего не был каким-то отдельным псом, и его роль исполняли несколько собак. В 1965 году Джек Уорнер признался журналисту, что его студия, опасаясь потери настоящего Рин Тин Тина, приобрела восемнадцать похожих овчарок и меняла их на съемочных площадках. Также многие из тех, кто работал с настоящим Рин Тин Тином, утверждали, что это было едва ли не самое злобное животное, с каким им доводилось иметь дело. В любом случае, был ли Рин Тин Тин одним псом или несколькими, он приносил компании «Уорнер бразерс» неплохие деньги.

Съемки «Певца джаза» шли четыре месяца. Звуковую часть фильма сделали за две недели с 17 по 30 августа. Она заняла так мало

времени, потому что, по существу, материала для записи было немного. Всего в фильме произносят 354 слова, и почти все они исходят из уст Джолсона. Его реплики, мягко говоря, не блещут продуманностью и остроумием. Вот пример одного из его высказываний: «Мама, дорогая, если я добьюсь успеха в этом представлении, мы уедем отсюда. О да, мы переедем в Бронкс. Там много зеленой травы и много знакомых тебе людей. Там живут Гинсберги, Гуттенберги и Голдберги. Да, целая куча «бергов», всех я даже не припомню». (Неизвестно даже, придумывал ли Джолсон свои слова сам на ходу или их писали заранее.)

Пока Джолсон был занят в съемках, проходивших в Лос-Анджелесе, в четырехстах милях севернее, в Сакраменто, Бастер Китон снимал сцену, которую смело можно назвать наилучшей во всем немом кинематографе и уж точно одной из самых совершенных комических сцен, не говоря уже о том, что и самой опасной. Это была сцена из фильма «Пароходный Билл», в которой передняя стена дома падает прямо на Китона, но он остается невредимым, потому что стоял на том самом месте, куда угодило открытое окно. Для большего напряжения – а сцена действительно заставляет понервничать – оконный проем был всего лишь на два дюйма шире плеч Китона. Если бы стена немного покосилась во время падения или место было бы рассчитано неправильно, то Китон бы погиб. Тот факт, что актеры постоянно рисковали своими жизнями ради удачной шутки, пожалуй, как нельзя лучше характеризует немое кино и тех, кто в нем снимался. В «говорящих картинах» такого уже не было.

«Пароходный Билл» стал одним из лучших фильмов Китона, но в прокате он провалился. К тому времени, как он вышел на экраны, люди уже теряли интерес к немым фильмам. В то время, когда Китон снимал «Пароходный Билл», он зарабатывал более 200 000 долларов в год. В 1934 году он был банкротом.

Звуковое кино стало спасением Голливуда, но это спасение досталось ему дорогой ценой – ценой беспокойства звезд и продюсеров, больших затрат на новое оборудование для студий и кинотеатров, потери работы для тысяч музыкантов, в услугах которых больше не нуждались. Самым большим страхом для индустрии было опасение, что звуковое кино представляет собой лишь преходящее

увлечение, притом что в его производство и прокат вкладывались огромные деньги. Каждому кинотеатру в стране, который собирался показывать звуковые фильмы, приходилось тратить от 10 до 25 тысяч долларов на оборудование. Полное звуковое оборудование для студий стоило минимум полмиллиона долларов, и это если еще повезет, потому что спрос на него был такой большой, что предложение за ним не поспевало. Один продюсер, отчаявшийся из-за того, что не может приобрести необходимое оборудование, серьезно подумывал о том, чтобы снимать фильм как обычно, в Калифорнии, а звук записывать по телефонной линии из Нью-Джерси. К счастью, ему повезло найти нужную технику, иначе вся его затея неминуемо обернулась бы крахом.

Но получить оборудование было всего лишь первым шагом. Студии быстро обнаружили, что им требуются новые, более тихие площадки для съемок. «Когда снимается сцена, плотники должны переставать стучать своими молотками, а маляры прекращать петь», — писал один наблюдатель. Грузовики не должны были сигналить и даже заводить двигатели. Нельзя было хлопать дверями. Если кто-то за кадром чихал, приходилось переснимать всю сцену. Поначалу звуковые фильмы снимали ночью, чтобы свести к минимуму посторонние шумы.

Другой проблемой стала потеря иностранных рынков. Более трети всех доходов Голливуд получал из-за рубежа. Чтобы продать немой фильм за границу, достаточно было вставить в пленку кадры с текстом на другом языке, но до тех пор, пока не были изобретены технологии дублирования и показа субтитров, звуковые фильмы можно было показывать только на том языке, на котором говорили зрители. Одним из возможных решений было снимать несколько версий фильма в одних и тех же декорациях, но с разными актерами, говорящими на разных языках.

Но все эти проблемы, конечно же, решались, и звуковое кино вскоре обрело такой успех, о котором незадолго до этого никто даже не осмеливался мечтать. В 1930 году уже практически каждый театр Америки имел звуковое оборудование. Посещаемость увеличилась с 60 миллионов человек в 1927 году до 110 миллионов в 1930-м. Стоимость «Уорнер бразерс» возросла с 16 миллионов долларов до 200 миллионов, а число контролируемых компанией театров — с одного до семисот.

Звуковые фильмы поначалу называли «говорящими», хотя иногда и «картинами с диалогами». Какое-то время было не вполне ясно, что имеется в виду под «звуковым фильмом». В конечном счете было достигнуто соглашение: если в фильме имеется записанная музыка, но нет диалогов, то это «фильм со звуком». Если в нем имеются дополнительные звуковые эффекты, то это «фильм со звуком и эффектами». Если в нем имелась любая записанная речь, то это была «говорящая картина». Если же в нем наличествовал весь спектр речи и звуков, то это был «полностью говорящий фильм». Первым «полностью говорящим фильмом» стал фильм «Огни Нью-Йорка» 1928 года, но качество его звука было настолько неважным, что он заодно сопровождался и титрами.

Летом 1927 года журнал «Вэрайети» писал, что в Голливуде актерами или представителями творческих профессий задействованы четыреста иностранцев и что более половины главных ролей исполняют актеры, родившиеся за рубежом. Пола Негри, Вильма Банки, Ли де Путти, Эмиль Яннингс, Йозеф Шильдкраут, Конрад Фейдт и многие другие актеры из Германии или стран Центральной Европы, были звездами первой величины, но только до тех пор, пока зрители не услышали их акцента. На студиях «Юниверсал» и «Парамаунт» главными были звезды и режиссеры из немцев. По поводу студии «Юниверсал» даже в шутку говорили, что ее официальный язык немецкий (и это была лишь отчасти шутка).

Некоторым европейским актерам – Петеру Лорре, Марлен Дитрих, Грете Гарбо – удалось приспособиться к новым условиям, и даже достичь популярности, но большинство актеров с иностранным акцентом потеряли работу. Яннингс, первый лауреат премии Академии киноискусства, вернулся в Европу, и во время войны снимал пропагандистские фильмы для нацистов. Европейцы продолжали успешно работать за кадром, но на экране отныне показывали почти исключительно американцев.

В Америке это прошло почти незамеченным, но на мир оказало огромное влияние. Кинозрители в разных странах впервые слышали американские голоса, американские слова, американские интонации и американское произношение. Испанские конкистадоры, придворные королевы Елизаветы, библейские персонажи – все они вдруг заговорили с американским акцентом, и не в отдельных фильмах, а

почти во всей кинопродукции. Психологический эффект, особенно в отношении молодежи, был поистине огромным. Вместе с американской речью усваивался американский образ мыслей, американские привычки, американский юмор и американские способы выражения эмоций. Так получилось, что случайно и почти незаметно Америка стала овладевать всем миром.

Роберт Дж. Эллиотт с рождения не питал склонности к убийству, но, пожалуй, и к своему собственному удивлению, он стал одним из главных экспертов в этой области. Аккуратно подстриженного седого мужчину с трубкой и глубокомысленным выражением лица вполне можно было принять за какого-нибудь профессора колледжа. По крайней мере ума для этого у него хватало. Но вместо того чтобы стать профессором, он в 1926 году, в возрасте пятидесяти трех лет, стал главным палачом Америки.

Эллиотт вырос в благополучной семье на большой ферме в штате Нью-Йорк и изучал математику с физикой в Брокпортском училище (ныне Университет штата Нью-Йорк в Брокпорте), но увлекался электромеханикой и потому стал инженером-электриком. В конце девятнадцатого века линии электропередачи считались еще новой чудесной технологией. Эллиотт помогал сооружать муниципальные электростанции в штате Нью-Йорк и по всей Новой Англии, но в какое-то время заинтересовался применением электричества для казни преступников. Тогда это тоже было в новинку, но эта технология развивалась не так быстро, как передача электроэнергии на расстояние.

Поначалу казалось, что казнь с помощью электричества – быстрый и гуманный способ казни, но на практике она оказывалась не такой уж быстрой и не такой уж гуманной. Если напряжение было слишком низким или подавалось в течение слишком короткого времени, то жертва часто теряла сознание, но не умирала. Если подавалось слишком высокое напряжение, то глазам экзекуторов представала и вовсе неприглядная картина. Иногда от этого взрывались кровяные сосуды, и однажды даже взорвался глаз жертвы. По меньшей мере один раз жертва медленно поджарилась живьем. Запах горящей плоти был «непереносимым», как вспоминал один из присутствовавших на казни. Казнь на электрическом стуле, если она преследовала цель стать гуманным средством казни, должна была стать настоящей наукой, требующей тщательного расчета и внимания к мелочам. Тут-то на сцене и появился Роберт Эллиотт.

Однажды его вызвали на казнь в штате Нью-Йорк в качестве консультанта. Прочитав о том, как страдают жертвы и как часто происходят сбои, Эллиотт понял, что секрет удачной казни заключается в том, чтобы подавать напряжение постепенно и продуманно на протяжении всего процесса, почти аналогично тому, как действует анестезиолог, контролирующий подачу газа пациенту на хирургическом столе, сначала усыпляя его, а потом погружая в более глубокое состояние.

Первые две свои казни он провел в январе 1926 года, и они настолько впечатлили наблюдателей, что вскоре его стали приглашать во все восточные штаты. Не то чтобы Эллиотт находил удовольствие в том, чтобы убивать людей – скорее, наоборот, – но просто он обладал способностью, более или менее уникальной, делать это, можно сказать, милосердно. В 1927 году он отправлял на тот свет около трех человек в месяц и за каждого получал по 150 долларов. Это был неофициальный главный палач Нью-Йорка и Новой Англии.

Из-за недостатка специального оборудования Эллиотту приходилось мастерить свое собственное. На голову каждой жертвы надевали шлем, который Эллиотт соорудил из кожаного футбольного шлема, купленного в магазине спортивных товаров. Никола Сакко и Бартоломео Ванцетти собирались встретить смерть в несколько нелепом, но оттого не менее мрачном образе Реда Гранджа.

Несмотря на шумиху в прессе и протесты деятелей культуры, порицающих несправедливость приговора по делу Сакко и Ванцетти, многие американцы, судя по всему, считали, что оба они скорее виновны, а большинству до них не было никакого дела. Как писал Фрэнсис Расселл, в 1926 году большинство даже не знало, живы ли Сакко и Ванцетти или уже нет. Журналист Хейвуд Броун был уверен, что среднему человеку «совершенно наплевать на этот вопрос». Он сокрушался, что его собственная газета «Уорлд» уделяет гораздо больше внимания делу Снайдер и Грея, чем Сакко и Ванцетти. Даже те, кто поддерживал Сакко и Ванцетти, не всегда делали это от чистого сердца. Кэтрин Энн Портер была шокирована, когда на одном из протестов в разговоре с коммунисткой Розой Барон она выразила надежду на помилование, а Барон сухо ответила: «Помиловать? Зачем? Живые они для нас бесполезны».

Удивительно, но летом 1927 года Сакко и Ванцетти были не самыми известными заключенными тюрьмы Чарльзтауна. Эта сомнительная честь принадлежала другому их соотечественнику и иммигранту, имя которого нечасто упоминалось в новостях, но, что любопытно, осталось в памяти американцев лучше, чем имена Сакко и Ванцетти. Это был Чарльз (Карло) Понци, который за восемь лет до того разработал мошенническую схему быстрого обогащения, за что и угодил за решетку. С тех пор финансовые пирамиды подобного рода принято называть «схемой Понци». Это был юркий, щегольски одетый человек немногим более пяти футов ростом. Родился он в Италии, в Парме, и в 1903 году, в возрасте двадцати трех лет, переехал в Соединенные Штаты, где сменил ряд работ, от посыльного в конторе до оптового торговца овощами. В 1919 году, проживая в Бостоне, он разработал схему получения дохода с использованием международных почтовых купонов, саму по себе совершенно легальную. Эти купоны были введены как средство оплаты международных почтовых отправок и имели целью облегчить корреспонденцию между деловыми партнерами в разных странах. Понци понял, что если приобрести купоны в Европе на обесцененную европейскую валюту, а потом поменять их на почтовые марки США, которые стоили дороже, то можно получить за эти марки полновесные американские доллары. За каждый доллар инвестиций, согласно его расчетам, можно было получить до 3,5 доллара.

Понци запустил свою схему осенью 1919 года, пообещав инвесторам 50 процентов выручки за каждые девяносто дней. Весной следующего года – примерно в то время, когда после убийства Фредерика Парментера и Алессандро Берарделли в Саут-Брейнтри были арестованы Сакко и Ванцетти, – у Понци уже не было отбоя от воодушевленных клиентов. У его конторы в бостонском Норт-Энде собирались тысячи людей, желавших сделать свой вклад. Часто они приносили все свои сбережения, скопленные за всю жизнь. Деньги поступали так быстро, что Понци не успевал класть их в банк. Ими заполнялись коробки из-под обуви и ящики стола. В апреле он получил 120 тысяч долларов, в мае у него уже было 440 тысяч, в июне – два с половиной миллиона, а в июле – шесть миллионов долларов, по большей части мелкими купюрами.

Проблема в схеме Понци заключалась в том, что отдельные купоны стоили недорого – обычно 5 центов, – поэтому для получения сколько-нибудь приемлемого дохода необходимо было обменивать поистине невероятное количество купонов. Но Понци даже и не собирався их менять. Гораздо проще было выплачивать проценты старым вкладчикам из тех денег, что приносили новые вкладчики. Пока денежный поток не прекращался, схема работала отлично, но не нужно быть финансовым гением, чтобы догадаться, что бесконечно так продолжаться не могло. Понци же почему-то считал, что могло. Он открыл филиалы по всей Новой Англии, чтобы принимать еще больше денег, и при этом попытался расширить и разнообразить свой бизнес. К моменту краха он вел переговоры о покупке пароходной линии, банка и кинотеатров, и все исходя из иллюзий, что действует совершенно законно и повторяет достижения таких магнатов, как Джон Д. Рокфеллер. Следует отметить, что сам он лично получил не такую уж и большую выгоду от всего мероприятия. На собранные средства он купил себе неплохой дом и новый автомобиль, но в остальном самой большой его тратой были 100 тысяч долларов, пожертвованные сиротскому приюту.

В солидности планов Понци зародились сомнения, когда один журналист поинтересовался в отделе обмена купонов почтовой службы, как они справляются с таким наплывом купонов, и узнал, что никакого наплыва нет. Выяснилось, что Понци обменял почтовых купонов всего на 30 долларов. Все остальные деньги он брал у одних инвесторов и раздавал другим. По некоторым расчетам, в общей сложности он задолжал около 10 миллионов долларов – более 100 миллионов по современным меркам. В его схему сделали вклады около сорока тысяч человек.

С самого начала до конца пирамида Понци продержалась всего восемь месяцев. Понци осудили за мошенничество и приговорили к заключению в федеральной тюрьме на три с половиной года. После освобождения ему предъявили дополнительные обвинения в Массачусетсе, но он скрылся во Флориде, все еще находясь на свободе под залогом. Во Флориде тогда как раз начался бум недвижимости, и неутомимый Понци разработал очередную мошенническую схему. Он продавал участки земли, но не говорил инвесторам, что эти участки

находятся под водой. Летом 1927 года он находился в тюрьме Чарльзтауна и ожидал депортации.

Если большинство американцев были равнодушны к судьбе Сакко и Ванцетти, то небольшое их количество постарались показать всему миру, что им не все равно. Вечером 5 августа на двух станциях нью-йоркского метро, в церкви в Филадельфии и в доме мэра Балтимора раздались взрывы. В метро один человек погиб, несколько получили серьезные ранения. Взрыв в Балтиморе встретили с недоумением, поскольку Сакко и Ванцетти не имели никакого отношения к этому городу, а мэр Балтимора, Уильям Ф. Броунинг, никогда ничего не говорил по поводу этого дела.

Как всегда, у полиции не было никаких догадок в отношении причастных к этим взрывам. Какое-то время подозреваемым в Нью-Йорке был некий помощник дантиста, которого задержали только за то, что он подглядывал через дверь собора Святого Павла в Нью-Йорке – подглядывал, как было заявлено, «подозрительным образом». При обыске у него обнаружили анархистские листовки. Его арестовали и задержали без права освобождения под залог. Дальнейшая его судьба неизвестна, но в совершении взрывов его не обвиняли. В этом вообще никого не обвинили.

Казнь Сакко и Ванцетти была назначена на ночь 10 августа, на тот день, когда президент Кулидж должен был посетить торжественное открытие постройки монумента на горе Рашмор. На улицах вокруг тюрьмы собралась возмущенная толпа, среди которой пыталась поддерживать порядок конная полиция. «Воздух, казалось, был наэлектризован», – вспоминал Роберт Дж. Эллиотт, прибыв туда ранним вечером. На стенах тюрьмы были расставлены пулеметы, и пулеметчикам приказали стрелять в толпу, если она пойдет на штурм. Внутри тюрьмы Сакко, Ванцетти и третьего приговоренного к казни, Селестино Мадейроса (тому молодому человеку, который в 1925 году признался в ограблении в Саут-Брейнтри, но показания которого судья Тэйер отклонил) накормили последним ужином; после чего предложили им исповедаться. Дело Мадейроса не имело ничего общего с делом Сакко и Ванцетти; его осудили на смерть за убийство банковского служащего в другом ограблении.

Примерно в одиннадцать часов вечера свидетели собрались в помещении для казни, и Эллиотт подготовил свое оборудование. Но за тридцать шесть минут до назначенного времени от губернатора Массачусетса Алвана Фуллера поступило требование отсрочки; он, наконец, выделил стороне защиты (которая на тот момент состояла только из одного уставшего адвоката Фреда Мура) двенадцать дней на подготовку к повторному пересмотру дела или на предъявление дополнительных улик. По соображениям удобства Мадейросу, который никак не был связан с этим делом, тоже предоставили отсрочку.

После этого взорвалось еще несколько бомб. В частности, 16 августа был взорван дом одного из присяжных в Ист-Милтоне, штат Массачусетс. К счастью, никто не погиб. На другом конце страны, в Сакраменто, штат Калифорния, взрывом бомбы снесло крышу театра. Почему был выбран именно Сакраменто и почему театр, осталось неизвестным.

Фреду Муру больше не удалось привлечь на помощь Сакко и Ванцетти ни одного защитника. Судья Верховного суда Луис Д. Брандейс, наиболее подходящий кандидат для защиты, был вынужден отказаться из-за «личных отношений с одним из заинтересованных лиц» – дело было в том, что его жена подружилась с женой Сакко Розой. Председатель Верховного суда Уильям Говард Тафт отказался возвращаться из своего летнего дома в Канаде и выносить постановление. Судья Харлан Фиск Стоун тоже не пожелал прерывать свой отдых на побережье штата Мэн.

Вечером 22 августа жена Сакко и сестра Ванцетти посетили здание законодательного органа Массачусетса и обратились с просьбой о помиловании к губернатору Фуллеру. Фуллер провел с женщинами полтора часа, но не отменил своего решения. «Мои обязанности обозначены законом. Извините меня», – сказал он грустно. Согласно требованиям законодательства казнь должна была осуществиться в намеченное время – после полуночи.

И опять вокруг тюрьмы собралась толпа, хотя на этот раз менее многочисленная и более спокойная. Снова были проведены все необходимые процедуры. Свидетели собрались в помещении для казни. Эллиотт подготовил оборудование. Часы медленно тикали и отмечали минуту за минутой. Наконец, наступил назначенный час. Первым в комнату завели Мадейроса, который шел словно в ступоре –

в Чарльзтаунской тюрьме соблюдалась традиция подавать на последнем ужине все, что пожелает приговоренный к смертной казни, а Мадейрос воспользовался этим и наелся от души. Эллиотт выполнил свою работу, как всегда, быстро и четко. Мадейроса усадили на электрический стул в 00.02, а через семь минут было объявлено, что он мертв.

Следующим шел Сакко. Он отказался от последней исповеди и прошел семнадцать шагов от камеры до помещения для казни сам. Лицо его было заметно бледным. Когда его пристегивали к стулу, он крикнул по-итальянски: «Да здравствует анархия!», а затем добавил на английском: «Прощайте, моя жена, мой ребенок и мои друзья!» (На самом деле у Сакко было двое детей; и это ошибочное высказывание приписали его волнению.) В этот момент случилась небольшая задержка, потому что нигде не могли найти кожаный шлем. Пока Эллиотт и наблюдатели искали его, Сакко продолжал нервно прощаться с друзьями и родственниками. Наконец шлем нашли под телом Мадейроса на носилках в коридоре и поспешно натянули на голову Сакко.

«Доброго вечера, джентльмены», – произнес Сакко слегка испуганным тоном, но потом тихо и уверенно добавил: «Прощай, мама». После этого рычаг был опущен. Его смерть зарегистрировали в 00.19.02.

Ванцетти, последняя жертва, тоже отказался от исповеди. Ему нужно было сделать на четыре шага больше, и он прошел это расстояние спокойно и с достоинством, пожал руки сопровождающим охранникам, а потом повернулся к начальнику тюрьмы Уильяму Хендри и тоже пожал ему руку. «Хочу поблагодарить вас за все, что вы сделали для меня», – сказал Ванцетти. Хендри был слишком взволнован, чтобы ответить. Затем Ванцетти повернулся к свидетелям и чистым голосом, на хорошем английском языке сказал: «Хочу сказать вам, что я невиновен и никогда не совершал ни одного преступления, хотя иногда грешил. Благодарю вас за все, что вы сделали для меня. Я невиновен не только в этом преступлении, но и вообще ни в каком. Я невиновный человек». Потом он добавил: «Я хочу простить некоторых людей за то, что они сейчас со мной делают». Он уверенно сел на стул, после чего его пристегнули и надели на голову шлем. Через мгновение рычаг опустили. «В помещении воцарилась полная тишина, слышен

был только треск электрического тока», – писал Эллиотт в своих мемуарах 1940 года «Исполнитель Смерти». Смерть Ванцетти была зарегистрирована в 12.26.55, менее чем через восемь минут после смерти Сакко.

Реакция на казнь в Америке была на удивление спокойной. Собравшаяся в Нью-Йорке толпа выслушала известия «в скорбном молчании», как было написано в заметке «Таймс». В Бостоне было пугающе тихо. Люди ночью подождали официального заявления, а затем разошлись по домам. Для большинства продолжать протесты казалось бессмысленным. Войска и полиция оставались в боевой готовности. На следующий день город вернулся к обычной жизни.

Но в других странах реакция была гораздо более бурной. По всему миру ширились протесты: в Буэнос-Айресе, Мехико, Сиднее, Берлине, Гамбурге, Женеве, Лейпциге и Копенгагене. Многие демонстрации перерастали в столкновения с полицией. В Германии погибли девять человек. В Лондоне в стычке между протестующими и полицейскими в Гайд-парке сорок человек получили ранения, некоторым потребовалась госпитализация. В Гаване у посольства США взорвалась бомба. В Женеве протестующие осадили Дворец Лиги Наций, хотя США даже не были ее членом, а также разбивали стекла в магазинах и отелях. В последующей перестрелке погиб один человек. В Берлине мэру Нью-Йорка Джимми Уокеру, находящемуся в Германии с дружественным визитом, угрожали физической расправой коммунисты города. На протяжении нескольких дней было опасно быть американцем во всех странах, кроме США.

Особенно пришли в негодование французы. Парижане, которые недавно радушно приветствовали Линдберга, Бэрда, Чемберлина и Левина, теперь избивали любого американца, попавшегося им на глаза. Если американцев не попадалось, то толпа набрасывалась на чрезмерно богатых соотечественников. На посетителей многих придорожных кафе нападали только потому, что они выглядели слишком «буржуазно». В нескольких кафе произошли крупные драки между посетителями и протестующими. Повсюду в городе толпа нападала на все, имеющее какое-либо отношение к Америке – на кинотеатры, где показывали американские фильмы, на американские отели, на магазины, продававшие американские товары. Как писал

журналист лондонской «Таймс», по неизвестной причине протестующие особенно выделяли обувные магазины. К разочарованию многих, толпа разорила могилу Неизвестного солдата. Около двухсот полицейских, пытавшихся утихомирить толпу, получили ранения. Некоторых пырнули ножом.

Журнал «Тайм» позволил себе высказать своеобразные антропологические наблюдения: «В Южной Америке праздных и легких на подъем обитателей Парагвая и Аргентины уговорили прекратить всю работу... Швейцарские радикалы были комично жестоки; британцы – рассеянны, немцы глупы, французы истерично жестоки».

В день казни чета Кулиджей отправилась на поезде на запад, в Вайоминг и Йеллоустонский национальный парк, где провела несколько дней, наслаждаясь красотами природы, гейзерами и медведями, которым в те дни позволяли попрошайничать у дороги. Президент даже немного порыбачил. По поводу казни Сакко и Ванцетти, как и по другим поводам, он ничего не сказал.

Были ли Сакко и Ванцетти невиновны? Сейчас, когда прошло много времени, ничего нельзя утверждать наверняка, но есть основания подозревать, что они были не такими уж невинными жертвами, как их принято изображать. Прежде всего, они были близкими знакомыми Карло Вальдиночи, самого печально известного бомбиста. Сами они называли себя учениками Луиджи Галлеани, самого воинственного и неумолимого антиамериканского радикала, примечательного во многих отношениях. В Италии за радикальную деятельность его посадили за решетку, но ему удалось бежать – как говорили, соблазнив жену начальника тюрьмы – и обосноваться в Америке, где он тут же начал выступать с призывами свержения правительства. Галлеани издавал радикальный журнал под названием *Cronaca Sovversiva* («Хроника свержения»), насчитывавший небольшую, но преданную группу поддержки из четырех-пяти тысяч читателей. Время от времени там печатался и Барт Ванцетти. Считалось, что за всеми самыми громкими взрывами той эпохи стояли именно «галлеанисты». Ходили слухи, что Ванцетти мастерил бомбы, даже если не доставлял их сам. Историк Пол Эврич утверждает, что Ванцетти «вероятно, был причастен» к взрыву 1917 года в Янгстауне,

штат Огайо, из-за которого погибли десять полицейских, и уж почти точно был членом небольшого круга, ответственного за эти взрывы.

Многие люди, занимавшиеся расследованием громкого дела, и тогда, и позже, приходили к мнению, что Сакко и Ванцетти определенно были в чем-то виновны. Писатель Эптон Синклер, симпатизировавший обоим, впоследствии считал, что они уж точно не остались в стороне от взрывов бомб. К тому же выводу пришла и Кэтрин Энн Портер после длительного общения с представителями анархического движения. Согласно некоторым сообщениям, адвокат Ванцетти, Фред Мур, полагал, что Сакко был виновен в убийстве в Саут-Брейнтри, а Ванцетти, предположительно, был в нем замешан. Этот взгляд разделял и их друг-анархист Карло Треска, знавший их хорошо. Фрэнсис Расселл, автор двух посвященных судебному процессу книг, долго верил в их невиновность, но в конечном счете поменял мнение. Из частных документов президента Гарвардского университета, Эббота Лоуренса Лоуэлла, опубликованных в 1977 году, следует, что он тоже надеялся доказать невиновность обоих мужчин, но убедился в их виновности благодаря уликам. Беспристрастный анализ записей показывает, что присяжные в обоих разбирательствах не были настолько уж предвзятыми, а судья Тэйер, каких бы взглядов он ни придерживался за стенами суда, вел дело честно.

В своей книге 1991 года историк Пол Эврич задает риторический вопрос о том, мог ли Ванцетти быть замешан в ограблении в Саут-Брейнтри, и пишет: «Хотя улики далеко не удовлетворительны, ответ – почти определенно да. То же касается и Сакко». Даже если они и не были причастны к тому преступлению, то, по мнению Эврича, были совершенно точно причастны к другим, включая взрывы, из-за которых Палмер в 1919 году совершил известные рейды. В этом историк, как он сам выразился, «практически уверен».

Баллистические испытания в 1920-х годах были несовершенны, и им нельзя было доверять, но более тщательные испытания, проведенные уже в наши дни, показали, что пуля, убившая Алессандро Берарделли, действительно была выпущена из пистолета Сакко – если только вещественные улики не были подделаны хитрым образом в результате заговора.

Последнее слово можно, пожалуй, оставить за тем же Эвричем. В 1991 году он писал: «С сожалением приходится признать, что до сих

пор живы люди — среди них вдова Сакко, — которые могли бы при желании хотя бы частично приоткрыть завесу тайны над истиной». Но сейчас в живых не осталось никого.

Став известным, Бейб Рут обнаружил, что быть знаменитым приятно не всегда. Он, например, больше не мог просто так взять и пойти куда-нибудь в общественное место без того, чтобы к нему постоянно не приставали, а иногда даже и угрожали. В 1921 году он сидел в одном подпольном заведении в Нью-Джерси, когда некий пьяный посетитель начал с ним спорить, а потом предложил выяснить отношения на улице. Гарри Хупер, другой бейсболист и товарищ Рута, вышел из туалета и увидел, что Рута нет. Выйдя из бара, он увидел, как какой-то незнакомец приставляет к виску Рута пистолет. К счастью, Хупер вовремя напугал незнакомца, и тот скрылся в ночи. После этого Рут предпочитал наслаждаться напитками в своей резиденции.

В 1927 году резиденцией его был отель «Ансония», огромный и вычурный дворец в стиле боз-ар между Семьдесят третьей и Семьдесят четвертой улицами. Это был так называемый «апартаментный отель», новая и популярная в 1920-х годах концепция объединения уюта квартир и удобств отеля: горничные, консьержи, ежедневно сменяемые полотенца. Судя по разным отзывам в фойе «Ансонии» располагался фонтан с живым тюленем, а на крыше находилась «ферма», где выращивали коров и куриц, чтобы те давали молоко и яйца на завтрак постояльцам. Также в отеле было три ресторана, в том числе один на 550 мест, а в подвале – самый большой бассейн из тех, что находились внутри зданий. Пневматические трубы доставляли письма со стойки регистрации прямо в номера.

Толстые стены «Ансонии» служили хорошей защитой от шума, и потому этот отель привлекал музыкантов – среди его постояльцев были Энрико Карузо и Артуро Тосканини, – но он также был популярен и среди писателей, театральных деятелей, бейсболистов и всех тех, кто в силу своей профессии был склонен переезжать с места на место. Некоторое время здесь жил Теодор Драйзер. Импресарио Флоренц Зигфельд снимал здесь два номера – один на тринадцать комнат, где жил вместе с женой, и один номер поменьше этажом выше, где жила его любовница.

С «Ансонией» связан и один из самых мрачных эпизодов в истории бейсбола. Именно здесь 21 сентября 1919 года группа азартных игроков, предположительно возглавляемых мафиози Арнольдом Ротштейном (хотя он всегда отрицал это), встретилась с некоторыми недовольными своими зарплатами бейсболистами из чикагской команды «Уайт Сокс», и все они договорились подтасовать результаты «Мировой серии» игр. В то время Рут еще здесь не проживал. Он переехал в отель только в 1926 году и остановился в апартаментах из восьми, одиннадцати или двенадцати комнат, в зависимости от того, какому из его биографов верить. В любом случае это было жилище высочайшего комфорта.

В 1927 году Рут был самым высокооплачиваемым бейсболистом и гордился этим. До начала сезона он заключил очень выгодный контракт с Джейкобом Рупертом, который поначалу отказывался подписывать его из-за возраста Рута, из-за его проблем с желудком, а также из-за личных финансовых потерь после осеннего урагана во Флориде. Но в конечном счете Руперт сдался и дал Руту подписать контракт на три года, согласно которому тот получал 70 000 долларов в год, хотя и сделал при этом вид, что смертельно оскорблен. В газетах поднялась шумиха по этому поводу. Журналисты вычислили, что на свое жалованье Рут может приобретать по одному новому автомобилю каждую неделю или по одному новому дому каждый месяц. По меркам бейсбола зарплата Рута была действительно огромной – почти половина всех зарплат «Янкиз», и больше зарплат других пяти самых высокооплачиваемых игроков, вместе взятых. Правда, это скорее говорит не о баснословных заработках Рута, а о том, что бейсболистам тогда вообще платили не очень много.

По сравнению с другими знаменитостями, особенно голливудскими звездами, заработок бейсболистов был довольно скромным. Рут получал всего лишь 1350 долларов в неделю, тогда как Клара Боу и Бастер Китон по 4 и 5 тысяч соответственно. Том Микс получал 15 тысяч, Дуглас Фэрбенкс – 20 тысяч, а Гарольд Ллойд – целых 30 тысяч. Но все это меркло по сравнению с тем, что «зарабатывали» гангстеры вроде Арнольда Ротштейна и Уэкси Гордона, которые, судя по слухам, получали по 200 тысяч в месяц. Вряд ли Руту было известно, что больше его получает даже радиоведущий Грэм Макнейми. Было бы неверно утверждать, что Руту

платили слишком много, и уж совершенно точно он заслужил каждый цент.

Большая часть денег на его счет поступала не от игр. Зимой 1926/27 года он заработал по некоторым оценкам до четверти миллиона долларов на газетных статьях, которые не писал, на рекламе продукции, о которой, скорее всего, не знал, от непродолжительных, но крайне прибыльных показов водевиля и от своего любимого фильма «Бейб возвращается домой». Несмотря на это, ему пришлось занимать у Руперта полторы тысячи долларов, чтобы оплатить налоги за 1927 год. Деньги у Рута никогда не задерживались.

8 августа «Янкиз» отправились в свое самое длительное турне сезона и посетили Филадельфию, Вашингтон, Чикаго, Кливленд, Детройт и Сент-Луис, останавливаясь в каждом городе на три-четыре дня. Вернувшись в Нью-Йорк, они провели матч с «Ред Сокс», после чего еще на шесть дней поехали в Филадельфию и Бостон. В этот период Руперт умудрился выкроить время и для товарищеского матча с командой младшей лиги в Индианаполисе 15 августа. Товарищеские матчи были особенно прибыльными для Рута, и он старался принять в них участие при любой возможности. Всего за тридцать дней «Янкиз» преодолели 3700 миль, сыграли 27 матчей и совершили с десятков железнодорожных поездок, некоторые из них были очень долгими.

Бейбу Руту нравилось ездить на поезде. Во время поездки можно было посмотреть на окружающий мир и познакомиться с новыми людьми. К тому же эти поездки предоставляли ему передышку и позволяли отвлечься от проблем в личной жизни, которых становилось все больше. Рут влюбился в модель и актрису Клэр Меритт Ходжсон. Ходжсон была родом из Джорджии и имела за плечами, мягко говоря, богатый жизненный опыт. В первый раз замуж она вышла в четырнадцать лет, в шестнадцать стала матерью, в двадцать три – вдовой; после отправилась на север в поисках славы и удачи; прославилась она прежде всего тем, что успешно привлекала в свои сети бейсболистов. Среди ее поклонников самым известным был Тай Кобб. Рут тоже оказался бессильным перед ее чарами, и вскоре они уже жили вместе. Когда и каким образом он сообщил об этом своей жене, которая все еще проживала в их сельском доме в Массачусетсе, остается неизвестным; по всей видимости, это произошло после

неудачной «Мировой серии» 1926 года, после которой их никогда не видели на публике вместе. Говоря вкратце, личная жизнь его стала совсем запутанной. Как писал Ли Монтвилль: «Теперь у него была жена, постоянная любовница, ферма, апартаменты, квартира любовницы, приемная дочь и приемная семья». Конечно, его должна была радовать любая возможность провести время вдалеке от них.

Миллер Хаггинс, менеджер «Янкиз», тоже любил ездить в поездах, хотя и совсем по другим причинам. Не то чтобы ему нравилось находиться рядом со своими игроками или чтобы они испытывали к нему дружеские чувства – скорее, даже напротив, – но поездки давали ему возможность заниматься любимым делом – посещать роллердромы и смотреть, как люди катаются на роликовых коньках. Сам он не катался, но мечтал о своем собственном роллердроме. Насколько было известно, наблюдать за катающимися на роликах людьми было его единственным развлечением.

Хаггинс был вообще причудливым человеком. Невысокий рост – в разных источниках он указывается разным, но немногим более пяти футов и четырех-пяти дюймов – и худое телосложение делали его похожим на мальчишку, так что его иногда даже принимали за помощника, подающего бейсболистам биты. Он вырос в Цинциннати, в семье иммигрантов из Англии, и в 1927 году ему исполнилось сорок шесть лет. Его отец был прекрасным игроком в крикет. Хаггинс изучал право в Университете Цинциннати, где одним из его преподавателей был Уильям Говард Тафт, тот самый председатель Верховного суда, отказавшийся вмешаться в дело Сакко и Ванцетти.

К гордости родителей, Хаггинс в 1902 году получил профессию юриста, но, к их же разочарованию, отказался заниматься юридической практикой. Вместо этого он занялся профессиональным бейсболом, что по тем временам считалось ненамного лучше, чем работать в борделе, или, по крайней мере, так казалось его родителям. Последующие лет десять Хаггинс выступал инфилдером за «Ред Сокс» из Цинциннати и «Кардиналз» из Сент-Луиса. Звезд с неба он не хватал, но играл прилично. Затем он стал играющим менеджером, а потом и главным менеджером «Кардиналз». Сделанное ему в 1917 году приглашение перейти в «Янкиз» он воспринял с сомнением. «Янкиз» тогда считалась средней командой, и для него такой переход походил на понижение. Но с ними он выиграл вымпелы в 1921, 1922, 1923 и

1926 годах, а летом 1927-го готовился выиграть еще один. Игроки команды относились к нему не слишком доброжелательно, особенно Рут, который постоянно ссорился с ним и называл «Блохой»; несмотря на это Хаггинс обращался с ними неплохо и доверял им принимать свои решения на поле, в отличие от Джона Макгроу из «Джайентс», который называл своих игроков «неспособными думать». Что касается Рута, то терпение Хаггинса иногда достигало едва ли не пределов святости.

В Нью-Йорке Хаггинс жил в одной квартире с сестрой и теткой неподалеку от стадиона «Янки-Стэдиум». Он никогда не женился, и так никогда и не исполнил свою мечту о том, чтобы владеть роллердромом. В августе 1927 года ему вообще оставалось всего два года до смерти, но тогда об этом никто, конечно же, не знал.

Самые бедные игроки команды — то есть почти все — с удовольствием отправлялись в турне, потому что тогда почти все их расходы оплачивались и еще они получали по 4 доллара в сутки, которые могли свободно тратить или оставлять в качестве сбережений. За сезон, благодаря поездкам, можно было поднакопить неплохую сумму, а это было как нельзя кстати для таких игроков, как Джули Вера, который получал 2400 долларов в год.

В 1920-х годах у поездов были не номера, а названия, что придавало им дополнительную романтичность: «Бродвей Лимитед», «Бар-Харбор Экспресс», «Санта-Фе де Люкс», «Эмпайр-Стейт Экспресс», «Тексас Спешл», «Санрайз Спешл», «Сансет Лимитед». После перелета Линдберга железнодорожная компания Пенсильвании запустила поезд между Сент-Луисом и Восточным побережьем, назвав его «Духом Сент-Луиса». Но, надо сказать, иногда эти названия были гораздо более романтичными, чем поездки. Ветка «Синик Лимитед» (Scenic — «живописный», англ.) от Сент-Луиса до Пуэбло в Колорадо проходила в основном по Северному Канзасу, через места, которые даже жители Канзаса вряд ли могли назвать особенно живописными. Некоторые названия совсем сбивали с толку. Поезд «Нью-Йорк, Чикаго и Сент-Луис» вообще не заходил ни в Нью-Йорк, ни в Сент-Луис, а скромно курсировал между Чикаго и Буффало. Точно так же и «Атлантик Лимитед» никогда не подъезжал к побережью

Атлантического океана, а ходил между Северной Миннесотой и Мичиганом.

Некоторые поезда печально славились отсутствием комфорта – поезд «Золотое побережье» в Калифорнии, например, называли «Золотая жарница», но большинство старались предлагать определенный набор услуг. Были и вовсе роскошные поезда. Самым шикарным из них был «Двадцатый век Лимитед», оставлявший Центральный вокзал Нью-Йорка в шесть вечера и направлявшийся в Чикаго. В поезде были мужская и женская парикмахерские, горячие ванны, прачечные, смотровой вагон с письменными столами и соответствующими канцелярскими принадлежностями и даже стенографистка, если кому-то не хотелось писать репортажи самому. Всего поезд проходил 960 миль за восемнадцать часов, но после нескольких аварий, в том числе и катастрофы 1916 года, в которой погибло двадцать шесть человек, он стал передвигаться осторожнее и весь путь проходил за двадцать часов. Даже тогда поезд «Двадцатый век» оставался самым быстрым и комфортабельным видом путешествий не только в Америке, но и во всем мире.

В железнодорожном сообщении того времени больше всего поражал огромный выбор самых разных предложений. Хотя братья ван Сверинген и постарались объединить эту отрасль, она оставалась в высшей степени фрагментированной. В 1927 году клиент мог приобрести билеты на один из двадцати тысяч регулярных поездов, принадлежавших 1085 отдельным компаниям. Разные компании использовали разные станции, разные железнодорожные пути и разные системы продажи билетов; часто они никак не были связаны между собой. Один только Кливленд обслуживали семь разных железнодорожных компаний.

Поезда шли так, как того требовали потребности компаний, а это далеко не всегда означало самый короткий или быстрый маршрут. Поезд «Лейк Шор Лимитед» из Нью-Йорка в Чикаго первые 150 миль ехал на север, к границе с Канадой, и только потом, словно одумавшись, сворачивал круто влево, по направлению к Олбани. Поезда дальнего следования часто разделялись или сливались по дороге и вагоны перемещались из одного поезда в другой. «Суони Ривер Спешл» выезжал днем из Сент-Питерсберга во Флориде, направляясь в Чикаго, но на разных остановках от него отсоединялись

и вновь подсоединялись вагоны, пассажиры которых ехали в Буффало, Кливленд, Детройт или Канзас-Сити. Потом он ждал в Олбани, когда к нему подцепят вагоны из Бостона и штата Мэн, а потом он возвращался в Буффало, чтобы забрать вагоны из Торонто. В Кливленде некоторые вагоны вновь отцеплялись, чтобы доехать в Цинциннати и Сент-Луис, а основной поезд продолжал путь на запад, в Чикаго. Перспектива проснуться в Денвере или Мемфисе, а не в ожидаемых Омахе или Милуоки, вносила некоторую неопределенность и интригу в жизнь пассажиров поездов дальнего следования; кроме того, постоянные перестановки по ночам не давали как следует выспаться. Романтика поездов не всегда была очевидна тем, кто был вынужден ею наслаждаться.

Чтобы как-то развлечь пассажиров и заодно обеспечить дополнительный доход, почти все поезда уделяли много внимания питанию. Хотя на кухне в поезде едва хватало места, чтобы перевернуть блины на сковородке, повара умудрялись готовить сложные и самые разнообразные блюда. В поездах компании «Юнион Пасифик» пассажиры-гурманы на один лишь завтрак могли выбирать из почти сорока блюд: филе, бифштекс с косточкой, телячья отбивная, баранья котлета, оладьи, жареная макрель, молодой цыпленок, картофельное пюре, пирог из кукурузной муки, свиная грудинка, ветчина, сосиски или колбаски из фарша, приготовленные разным образом яйца. Столь же богатым был выбор и на обед, и на ужин. Пассажиры, следующие на ночном «Миднайт Лимитед» из Чикаго в Сент-Луис и обратно, могли даже насладиться богатым «полуночным ланчем» под стук колес.

«Янкиз» ездили в отдельных вагонах в конце поезда, отчасти, чтобы их не беспокоили поклонники, но, скорее, чтобы они сами не беспокоили обычных пассажиров, потому что бейсболисты почти всегда были самыми шумными в любом поезде. В 1920-х годах в поездах не было систем охлаждения, и в жаркую погоду игроки обычно раздевались до трусов. У Рута и Хаггинса были отдельные купе. Остальные ехали в обычных спальнях вагонов с перегородками и полками на двух уровнях. Когда команду сопровождал Руперт, для него к поезду прицепляли еще один отдельный вагон. Во время поездок всегда хватало времени на разговоры, карточные игры и шутки. Рут часто играл в бридж и покер, в котором бесконечно

повышал ставки. Более серьезные игроки читали или писали письма. Бенни Бенгофф упражнялся в игре на саксофоне.

В дороге бейсболисты делились на две большие группы. Была группа Рута, Боба Мьюзела, Уэйта Хойта и Бенгоффа, с одной стороны, и более тихая группа, которую иногда называли «съемочной группой». В нее входили Эрл Комбс, Уилси Мур, Седрик Дерст, Бен Пашал, Херб Пеннок и Лу Гериг.

К шумным игрокам часто присоединялся журналист «Таймс» Ричардс Видмер. Обычно бейсболисты не слишком ладили с газетчиками, но для Видмера они всегда делали исключение, потому что он был молод, привлекателен, спортивен, почти как они сами, и к тому же обладал большим опытом за плечами. Видмер родился в семье бригадного генерала, немало поездил вместе с семьей и был вхож в высшие круги. Именно Видмер наблюдал за тем, как президент Гардинг мочился в камин Белого дома. Во время Первой мировой войны он выучился на пилота, женился на дочери раджи Саравака, одного из богатейших людей Востока, и, прежде чем заняться журналистикой, успел побывать профессиональным игроком в гольф и бейсболистом. Пользуясь огромным успехом у женщин, он стал прототипом главного героя популярного романа «Молодой человек с Манхэттена» Кэтрин Браш, которая одно время была его любовницей.

Видмер, пожалуй, был еще и худшим спортивным обозревателем за всю историю журналистики. В интервью, которое он дал через много лет после ухода на покой, Видмер с улыбкой вспоминал, как часто появлялся на стадионе только во время третьего или четвертого иннинга, а порой и на пятом или шестом. Его репортажи были написаны ужасным языком и полны неточностей. Вот, например, как он описывал игру, в которой Гериг выполнил два хоум-рана, а Рут ни одного: «Пока Рут и другие Янки после пятичасовой игры покидали поле в состоянии разной степени подавленности, дамочка по имени Лу радостно пританцовывала, задорно взбрыкивая пятками и насвистывая веселую мелодию». Лу ни разу в жизни не позволяла себе ничего похожего на «радостное пританцовывание» и «взбрыкивание пятками». Под пером Видмера мощный удар Рута, благодаря которому он выбивал хоум-ран, превращался в «предусмотрительный шлепок», а летящий мяч был не летящим мячом, а «оживленным куском кожи». «Тигры» превращались в «Кошек джунглей», левая рука в

«подветренную турель». «Янкиз» всегда были «Хагменами» (в честь Миллера Хаггинса). Когда Рут выполнил свой четырехсотый хоум-ран, Видмер написал трогательную статью о том, как билетер пытался отнять мяч у мальчика на открытых трибунах, но мальчик не сдавался, потому что хотел отдать мяч самому Бейбу, и когда Рут узнал об этом, то пригласил его в раздевалку. Там он снисходительно принял отслуживший свое мяч и взамен подарил мальчику дюжину новеньких мячей с автографами. «Эта история эксклюзивная, потому что я сам ее придумал», – признавался Видмер годы спустя.

Как и многие другие спортивные комментаторы, Видмер никогда не упоминал ничего, что могло бы выставить игроков в неприглядном свете, а в случае с Бейбом Рутон это означало, что приходилось многое опускать. Кроме нежелания ставить под угрозу дружеские отношения, в этом был и свой практический резон. Команды высших лиг оплачивали расходы путешествовавших с ними комментаторов, и это в очень большой степени влияло на их лояльность. Они были своего рода «пиар-менеджерами» команды.

Летом 1927 года ни одна из команд гостей не была настолько популярна, как «Янкиз». Во второй половине дня в пятницу на стадионе в Чикаго посмотреть на игру «Янкиз» с «Уайт Сокс» собрались двадцать тысяч человек, что в десять раз больше зрителей состоявшегося три дня спустя матча с «Атлетикс», занимавшими четвертое место. В Кливленде «Янкиз» собрали двадцать одну тысячу зрителей, в Детройте – двадцать две, и даже в Сент-Луисе, где у них было мало поклонников, – восемь тысяч; и все это в выходные дни. Под конец тура, в День труда, в бостонском Фенвей-парке собралось, по некоторым оценкам, до семидесяти тысяч человек, что было больше вместимости стадиона. Бостонцев не смутило, что их родную команду «Ред Сокс» от первого места отделяло 49 игр.

Все болельщики во всех городах хотели прежде всего посмотреть своими глазами на знаменитого Бейба Рута, а в идеальном случае стать свидетелями, как отбитый им мяч устремляется за пределы поля. Состязание между Рутон и Лу Геригом за лидерство по количеству хоум-ранов, еще больше разогревало и без того накаленную атмосферу до того, что болельщики в волнении мяли свои шляпы, не замечая этого. В середине августа Гериг обгонял Рута со счетом 38 против 36, что было довольно неожиданно. Но вскоре, во время матчей в Чикаго

16 и 17 августа, Рут сравнивал счет. 19 августа Гериг снова обогнал его на одно очко в игре против «Уайт Сокс», но на следующий день в Кливленде Рут сделал свой ход и сравнивал счет до 39 очков.

Многие болельщики уже были на грани сердечного приступа. 22 августа Рут выбил свой сороковой хоум-ран; два дня спустя Гериг сравнивал счет. 27 и 28 августа в Сент-Луисе Рут выбил сорок первый и сорок второй хоум-раны. Два дня спустя, в игре против «Ред Сокс» в Нью-Йорке, Рут выполнил последний хоум-ран месяца вообще для всех игроков. Под конец августа в копилке Рута было 43 хоум-рана, а у Герига – 41. Их общее количество составило 84, благодаря чему команда далеко обгоняла «Ред Сокс» с 28 и «Индианс» с 26. Ни одна команда ни в одном сезоне до «Янкиз» не выбивала так много хоум-ранов, а ведь сезон еще не закончился.

При этом Рут, конечно, и близко не подошел к своему рекорду 1921 года в 59 хоум-ранов, но у него оставались все шансы выбить 50 – дойти до этой важной вехи раньше удавалось лишь трижды, как ему, так и вообще всем игрокам. При должном усердии добраться до заветной полусотни мог бы и Гериг. Сентябрь обещал быть весьма жарким месяцем для бейсбола, хотя насколько жарким он выдастся на самом деле, предсказать тогда не мог никто.

Пока «Янкиз» переезжали из одного города Среднего Запада в другой, Чарльз Линдберг облетал примерно ту же территорию по воздуху. Из Детройта он направился в Чикаго, затем в Сент-Луис, Канзас-Сити, Уичиту и Сент-Джозеф в штате Миссури, после чего полетел обратно на север, в Молайн, округ Милуоки, и посетил Мэдисон, прежде чем вернуться в Миннесоту, где его ожидал торжественный прием. Но, к сожалению, не все получилось так, как было запланировано. Сначала пришло известие о гибели в авиакатастрофе в Миссури Джорджа Стампфа, его доброжелательного, но не очень полезного помощника на аэродроме Рузвельта перед полетом в Париж. Стампф летел в качестве пассажира с военным летчиком Хатчинсоном, который показывал каким-то людям курорт на озере неподалеку от Сент-Луиса. Самолет случайно задел за флагшток и упал. Хатчинсона выбросило из кабины, и он отделался легкими ранами. Стампфа же задушили провода, обвившиеся вокруг его шеи.

В Миннеаполисе и Сент-Поле во время «парада» Линдберг промчался на автомобиле перед зрителями на такой скорости, что для большинства он показался лишь смазанным пятном. Люди, простоявшие несколько часов с детьми, были разочарованы. «Лучше бы вовсе не было никакого парада, чем такой, во время которого героя не было видно, как следует», – сетовал редактор *Minneapolis Tribune* в передовице.

Газеты начали печатать статьи о том, что вслед за Линдбергом из города в город переезжают воры-карманники и грабители, желающие воспользоваться общей суматохой. Во время торжественной процессии Линдберга в Чикаго некий вооруженный мужчина зашел в ювелирный магазин на Стейт-стрит и без особого труда вынес денег и украшений на 85 тысяч долларов. После стало известно о том, что охотники на сувениры забрались в дом семейства Линдбергов в Литл-Фолсе, опустевший после смерти К. А. Линдберга, и похитили книги, фотографии и другие уникальные личные вещи. Возможно, по этой причине на всем пути к родному дому у Линдберга было такое мрачное выражение лица, хотя он мог просто устать. В любом случае он вежливо, но без всяких эмоций выслушал шестичасовые речи и похвалы официальных лиц, в том числе и шведского консула в Миннеаполисе, с заметным облегчением вернулся в свой самолет, поднялся в воздух и направился на запад, в Фарго. Его тур был выполнен всего на треть. Неудивительно, что он выглядел немного ошарашенным.

Но этот тур произвел гораздо больший эффект, чем он, возможно, осознавал. Газеты тщательно фиксировали время его перелетов между городами: от Грэнд-Рэпидс до Чикаго за 2 часа 15 минут; от Мэдисона до Миннеаполиса за 4 часа; от Сент-Луиса до Канзас-Сити за 3 часа 45 минут. Для тех, кто был вынужден ездить между указанными городами, эти цифры казались настоящим волшебством. Более того, Линдберг повторял их день за днем, пунктуально, без сбоев, без всякой спешки и лишней суматохи, как будто перемещаться по воздуху для него было самым естественным занятием. На публику это оказало огромное влияние. К концу лета Америка была страной, готовой к воздушным перелетам, тогда как месяца за четыре до этого самолеты считались всего лишь развлечением для сельских ярмарок, и, казалось, Соединенные Штаты никогда не догонят в этом отношении Европу.

Понимал это Линдберг или нет, но его тур по Америке сделал гораздо больше для развития авиации, чем смелый перелет через Атлантику из Нью-Йорка в Париж.

Но ирония заключалась в том, что к тому времени, когда Америка была готова как следует освоить воздушное пространство, Чарльз Линдберг уже перестал быть героем.

Сентябрь

Конец лета

«Несколько евреев добавляют стране силу и характер. Слишком много создают хаос. А у нас их становится слишком много».

Чарльз Линдберг

Из всех наименований 1920-х годов – «Эпоха джаза», «Ревущие двадцатые», «Век шумихи», «Эра чудесной ерунды» – этому десятилетию как нельзя лучше подошло бы никогда не используемое, но передающее всю его суть название «Век ненависти». Возможно, не было в истории страны другой эпохи, когда бы одни люди испытывали к другим ненависть и отвращение по самым разным причинам и поводам.

Повсеместно были распространены предвзятость во мнениях и стереотипы. Гарольд Росс запрещал использовать в журнале «Нью-Йоркер» выражение «туалетная бумага» (из-за того, что оно вызывало у него тошноту), но не имел ничего против слов «ниггер» или «черномазый». За неделю до полета Линдберга в Париж «Нью-Йоркер» напечатал карикатуру под названием «Ниггеры для меня все выглядят одинаково».

Джордж С. Кауфман в юности лишился работы в вашингтонской газете, когда однажды вечером в редакцию зашел ее владелец и спросил: «Что этот еврей делает в отделе новостей?» Берт Уильямсу, чернокожему комику, которого У. К. Филдс называл «самым смешным человеком, которого я когда-либо видел», любимцу миллионов и достаточно богатому, чтобы снимать шикарные апартаменты на Манхэттене, позволяли там жить при условии, что он будет пользоваться только черным ходом и грузовым лифтом. В Верховном суде судья Джеймс К. Макрейнольдс был так сильно настроен против евреев, что отказывался разговаривать со своим коллегой, судьей Луисом Брандейсом, и во время выступлений Брандейса делал вид, что изучает бумаги или читает газету. Точно так же грубо он вел себя с помощником генерального прокурора при президенте Гардинге Мейбл Уокер Виллебрандт только потому, что она была женщиной.

Ничто не передает лучше дух ненависти той эпохи, чем возрождение Ку-клукс-клана. До недавних пор казалось, что это символ давно прошедшей эпохи, однако в 1920-х годах он вдруг ожил и вышел на общенациональную сцену с задором, какой не был свойственен ему и в период после Гражданской войны. «Клан»

ненавидел всех, но играл на местных предрассудках и делал это с такой хитрой избирательностью, что на Среднем Западе его главной мишенью были католики и евреи, на Дальнем Западе – азиаты и католики, на Востоке – евреи и выходцы из стран Южной Европы, и только чернокожих преследовали повсюду. На пике расцвета Клан насчитывал около пяти миллионов членов (некоторые источники утверждают, что восемь миллионов), и к нему принадлежали или были открыто связаны с ним семьдесят пять конгрессменов. Некоторые города избрали мэров из членов Ку-клукс-клана. Оклахома и Орегон – губернаторов. В Орегоне Клан едва не добился закрытия католической школы, и во многих местах католикам запрещали работать в школах и больницах; предприятия и заведения, владельцами которых были католики, подвергались бойкоту.

Для многих Ку-клукс-клан стал не только общественной, но и политической организацией. В Детройте у здания мэрии на Рождество стекались тысячи радостных граждан с детьми, чтобы посмотреть на Санта-Клауса в наряде Ку-клукс-клана в свете пылающих крестов. В Индиане на собрании Ку-клукс-клана в лесу – «Клонклейте», как его называли, – проходили выступления акробатов в белых балахонах и канатоходцев, также во всех регалиях Клана, с крестом в одной руке и американским флагом в другой.

Особенно Клан процветал в Индиане, где его местным отделением руководил Дэвид К. Стивенсон, грузный мужчина, не закончивший даже среднюю школу. Штат мог похвастаться 350 тысячами членов; в некоторых местах добровольные пожертвования в фонд Клана делали около половины белого населения. Под влиянием риторики Стивенсона местные жители прониклись особой ненавистью к католикам. Многие верили, что католики отравили президента Гардинга и что священники из Университета Нотр-Дам в Саут-Бенде делают запасы оружия, готовясь к католическому восстанию. В 1923 году распространился самый неправдоподобный слух о том, что римский папа собирается перенести свой престол из Ватикана в Индиану. Согласно некоторым сообщениям, когда жители городка Северный Манчестер узнали о том, что папа якобы едет на одном из поездов, то в этот поезд набилось около полутора тысяч человек с целью распознать среди пассажиров папу. Не обнаружив никого похожего на понтифика, толпа обратила свой гнев на

несчастливого странствующего продавца корсетов, которого выволокли из вагона навстречу неминуемой казни, но ему, к счастью, удалось убедить своих преследователей в том, что он в любом случае не смог бы осуществить вооруженный переворот, имея в своем распоряжении одни лишь корсеты.

Причиной упадка Ку-клукс-клана стал тот же самый Стивенсон. В марте 1925 года он назначил свидание некоей симпатичной молодой женщине по имени Мэдж Оберхольцер. Ее родные обеспокоились, когда она не вернулась домой ни тем, ни следующим вечером. Наконец Стивенсон привез ее в ужасном состоянии, избитую, с содранной кожей на грудях и гениталиях. Врач и родные выяснили, что Стивенсон напился, силой завел Мэдж в гостиницу и там изнасиловал ее. Не в силах выдержать такое унижение, Мэдж проглотила смертельную дозу хлористой ртути. К тому времени, когда она вернулась домой, доктора уже ничего не могли поделать. Она умирала две недели.

Стивенсон был уверен, что он, как глава Ку-клукс-клана в Индиане, избежит судебного преследования, и искренне изумился, когда его обвинили в похищении, изнасиловании и в убийстве второй степени и приговорили к пожизненному заключению. В отместку он опубликовал документы о коррупции в Индиане на самом высоком уровне. В результате за взятки арестовали мэра Индианаполиса и местного главу Республиканской партии. Губернатору удалось избежать ареста благодаря формальной уловке. Был распущен и оштрафован весь городской совет Индианаполиса, один высокопоставленный судья лишился должности. Вся эта история произвела настолько отталкивающее впечатление, что интерес к Ку-клукс-клану постепенно угас, и он вновь удалился на задворки общественной жизни. Никогда больше он уже не становился общенациональной силой.

Любопытно, что Ку-клукс-клан в тот период был далеко не самым громким и опасным рупором предвзятости и расизма. Такая сомнительная честь, как ни странно это признавать, принадлежала академическому ученому сообществу. С самого начала столетия многие влиятельные и образованные американцы придерживались мнения, граничившего с одержимостью, что стране грозит опасность

от стремительно размножающихся «неполноценных» людей и что с этим нужно что-то делать.

Известный нью-йоркский врач Уильям Робинсон, выражая мнение этой части научного сообщества, заявил, что неполноценные люди «прежде всего, не имеют права рождаться, но раз уж они родились, то не имеют права на размножение и умножение своего числа». У. Дункан Макким, также врач и автор книги «Наследственность и прогресс человечества», писал, что «самым простым, милосердным и гуманным средством предотвращения размножения тех, кого мы считаем недостойными такой привилегии, будет мягкая, безболезненная смерть».

С точки зрения большинства проблема была двоякой. В Америке появлялось много «дефективных» лиц из-за беспорядочного и ничем не ограниченного размножения, и, в то же время, из-за ничем не ограниченной иммиграции в страну прибывали огромные количества неполноценных представителей более «низко развитых» наций.

Почти у каждого представителя этой научной среды была своя раса, против которой они были особенно настроены. Писатель Мэдисон Грант презирал евреев за их «карликовое телосложение, особый психический склад и исключительную озабоченность своими интересами». Фрэнк Дж. Лоэш, член президентского совета по реформе законодательства в области преступлений, считал, что положение усугубляют как евреи, так и итальянцы, причем «евреи влияют на мозги, а итальянцы на тело». Чарльз Б. Давенпорт, один из самых известных ученых того времени, подвергал сомнению умственные и физические достоинства более широкого круга поляков, ирландцев, итальянцев, сербов, греков и евреев. Он считал, что они обладают менее развитыми умственными способностями и более склонны к совершению преступлений по сравнению с людьми «англосаксонского и тевтонского происхождения». Согласно мнению Давенпорта, эти люди в силу своей наследственности никогда не смогут избавиться от своих дурных привычек и достичь интеллектуальных высот, постоянно доставляя проблемы более развитым представителям человечества. Они меняют лицо Америки, делая ее «более темнокожей, невысокого роста и более склонной к воровству, похищению людей, разбойным нападениям, убийствам, изнасилованиям и безнравственному поведению». Мэдисон Грант

прямо писал, что происходящее в Америке напоминает «расовое самоубийство».

Все эти взгляды легли в основу нового научного направления – евгеники, которую можно вкратце описать как науку об улучшении человеческой породы и выращивании расы сверхлюдей. Во многих других странах евгеника преследовала относительно безобидные цели способствовать рождению более здоровых, сильных и умных людей – но в Америке она приняла более грубую форму. Она способствовала появлению и распространению опасного мнения о том, что можно регулировать процесс размножения на уровне государства. Как утверждал представитель Американского евгенического общества: «Американцы уделяют больше внимания разведению скота и лошадей, нежели улучшению природы собственных детей». Евгеника оправдывала депортацию, сегрегацию, ограничение гражданских свобод и стерилизацию десятков тысяч невинных людей. Она привела к значительному сокращению иммиграции и к ее полному прекращению из некоторых стран. В конечном счете она лишила Чарльза Линдберга образа национального героя, хотя этот пилот не сделал ничего предосудительного.

Библией «негативной евгеники» стала популярная, но крайне сомнительная книга «Конец великой расы» Мэдисона Гранта, адвоката (по образованию, хотя адвокатом он никогда не работал) и натуралиста (по роду деятельности, хотя на натуралиста он никогда не учился). Впервые она была опубликована в 1916 году. Грант считал само собой разумеющимся, что все великие достижения человечества были созданы представителями так называемой «нордической расы», к которой он приписывал жителей Северной Европы, за исключением ирландцев. Европа, согласно его взглядам, делилась на три части: нордическую, альпийскую и средиземноморскую, причем чем ближе к югу, тем более «дегенеративными» становились ее жители.

Одна из очевидных нестыковок теории Гранта заключалась в том, что ему приходилось объяснять, каким образом «недоразвитые» люди создали Афины времен Платона и Сократа, Римскую империю, культуру итальянского Возрождения и многочисленные шедевры древности и Средневековья. Грант объяснял это тем, что правящими классами в Древней Греции и в Древнем Риме были представители «нордических ахейцев», которые по своему происхождению были

вовсе не «средиземноморцами», а северными европейцами, мигрировавшими на юг. Все великие деятели эпохи Возрождения, утверждал Грант, были тоже «нордического типа... преимущественно готской и ломбардской крови». Все другие жители тех стран, в том числе и настоящие итальянцы, были глупыми, невысокими и беспринципными, и в силу своей генетики обречены были оставаться такими и впредь.

Грант верил, что дегенеративные гены, внедряемые в общую популяцию, не теряют со временем свою силу и всегда продолжают портить целое. «Потомок всех трех европейских рас и еврея будет евреем», – делал Грант неумолимый вывод.

Хотя положения и выводы Гранта не соответствовали принципам генетики даже того времени, когда эта наука только развивалась, они нашли большое количество сторонников и пришлись по вкусу широкой публике. Его книгу расхваливали в «Американском историческом обозрении», «Йельском обозрении» и «Анналах Американской академии политических и социальных наук». Введение к книге написал Генри Фэрфилд Осборн, глава Американского музея естественной истории в Нью-Йорке и ведущий антрополог страны.

Среди других, кто целиком или частично поддерживал взгляды Гранта, были экономист из Йельского университета Ирвинг Фишер, невропатолог из Гарварда Э. Э. Саутхард, Э. Лоуренс Лоуэлл из Гарварда – тот самый, комитет которого приговорил Сакко и Ванцетти к смерти, а также проповедница контроля над рождаемостью Маргарет Сэнджер и Герберт Гувер, на протяжении всей жизни питавший неприязнь к людям с темной кожей. В 1909 году в инструкции своим служащим он посоветовал не нанимать на работу чернокожих и азиатов с «низкими интеллектуальными способностями» и с патологическим «отсутствием координации и неспособностью проявлять инициативу». На основании своего опыта Гувер пришел к мнению, что «один белый человек стоит двух-трех цветных, даже в самых простых видах шахтерских работ, таких как копанье лопатой или перевозка вагонеток». Если Гувер и изменил свое мнение в последующие годы, то он ничего об этом не сообщал. В 1921 году он был спонсором конференции по евгенике, проводимой Американским музеем естественной истории и вдохновленной «Концом великой расы».

Какое-то время казалось, что ничто не помешает распространению в Америке принципов негативной евгеники. На выставке 1926 года в честь столетия США в Филадельфии Американское евгеническое общество установило механический счетчик, показывавший, что в Америке каждые сорок восемь секунд появляется на свет ребенок представителей «неполноценных рас», тогда как ребенок «развитых рас» рождается только каждые семь с половиной минут. Этот счетчик был призван обратить внимание общественности на то, как быстро страна погружается в пучину «неполноценности». И он действительно был одним из самых популярных экспонатов выставки.

Штаб-квартирой евгенического движения в Америке стало Бюро евгенических записей (Eugenic Record Office, ERO), открывшееся в 1909 году в Колд-Спринг-Харборе на северном берегу Лонг-Айленда и получавшее финансовую поддержку различных богатых людей, желавших, по всей видимости, видеть вокруг себя только самых совершенных представителей человеческой породы, и, вероятно, считавших себя таковыми. (Бюро примыкало к поместью семейства Тиффани, владельцев известного ювелирного дома.) Первым его директором стал Чарльз Давенпорт, получивший в Гарварде биологическое образование. Давенпорт считал, что принципы евгеники могут объяснить самые разные явления и аспекты человеческой жизни: ожирение, преступность, склонность ко лжи и предательству и даже любовь к морю. Под руководством Давенпорта ERO провело ряд исследований пагубных последствий межрасового скрещивания. Как объяснял сам Давенпорт: «У мулатов часто наблюдаются непомерные амбиции и стремление к преуспеванию в сочетании с низким интеллектом, и потому гибрид часто испытывает недовольство собственной судьбой и отличается непокорством... Гибриды – это обладатели плохо сочетающихся между собою свойств, неудовлетворенные, беспокойные и бесполезные люди». Давенпорт ратовал не только за стерилизацию неполноценных и дефективных, но и за их кастрацию, чтобы у них вообще не появлялось желания размножаться – так можно было дополнительно подстраховаться от их распространения.

Впрочем, идеи Давенпорта казались даже относительно умеренными по сравнению с идеями его ставленника Гарри Х.

Лафлина, которого с полным правом можно назвать самым одиозным представителем научных кругов Америки двадцатого века. Лафлин родился в 1880 году в Оскалузе, штат Айова, и получил образование в Педагогическом училище Северного Миссури. Некоторое время он работал преподавателем и школьным администратором, но после увлекся селекцией и поступил в Принстонский университет, где изучал биологию. В 1910 году он познакомился с Давенпортом, которому понравился пыл молодого человека и его преданность идеям евгенического очищения расы, и поэтому он поставил во главе ERO именно его.

Жизненный принцип Лафлина был прост: «Очищать расу любой ценой». Как писал журналист Эдвин Блэк в своей изданной в 2003 году книге «Война со слабыми», план Лафлина включал в себя три пункта: «стерилизацию, содержание под стражей и жесткие ограничения иммиграции». Ради осуществления этих целей Лафлин создал печально известный «Комитет по изучению и регистрации наилучших медицинских средств по ликвидации дефективных зародышевых плазм в американской популяции», который сам возложил на себя задачу по окончательному и бесповоротному искоренению всего дефективного населения в Америке. Во главе комитета Лафлина стоял Дэвид Старр Джордан, президент Стэнфордского университета, а членами были ученые и представители лучших американских университетов – Гарвардского, Принстонского, Йельского и Чикагского помимо прочих.

В комитет входил и блестящий, но эксцентричный французский врач Алексис Каррель, член Рокфеллеровского института в Нью-Йорке. Своеобразные взгляды Карреля на евгенику – по сути, граничившие с безумием – повлияли и на взгляды Чарльза Линдберга, хотя и в умеренной степени.

Лафлин тем временем безуданно пытался искоренить все причины распространения «неполноценных генов», в чем бы они ни проявлялись. Комитет палаты представителей по иммиграции и натурализации назначил его экспертным советником и поручил определить степень дегенеративности различных этнических групп. Чтобы убедить членов комитета в необходимости самых решительных мер, Лафлин развесил по стенам кабинета фотографии слабоумных из

числа недавних иммигрантов и сделал надпись: «Носители зародышевых плазм будущей американской популяции».

Конгресс оказался бессильным перед авторитетом Лафлина и силой его пропаганды, и в 1921 году принял Акт об ограничении иммиграции Диллингема, за которым в 1924 году последовал Акт о национальном происхождении. Эти законы фактически положили конец иммиграционной политике открытых дверей. В 1927 году с острова Эллис депортировали больше людей, чем приезжало.

Такие меры более или менее решили проблему неполноценности среди иммигрантов, но оставалось еще и большое количество неполноценных граждан внутри страны. Лафлин и его коллеги взялись за решение этого вопроса с едва ли не меньшим усердием. Они проводили исследования среди больших групп населения, неизменно приходя к весьма неутешительным выводам. Судя по их докладам, почти 80 процентов всех заключенных и половина обслуживающего персонала были слабоумными. В одном только Нью-Йорке насчитывалось не менее двухсот тысяч человек с ограниченными умственными способностями. В общем же предполагалось, что около трети населения Америки отставало в развитии.

По мнению Лафлина, решение заключалось в широкомасштабной стерилизации. Он ратовал за стерилизацию не только умственно отсталых и сумасшедших, но также сирот, бродяг, нищих, глухих и слепых – «самой бесполезной десятой части нашего нынешнего населения», как он выражался без всякого намека на сострадание.

В 1927 году внимание общественности к вопросу о том, до какой степени государство может осуществлять стерилизацию своих граждан, привлекло так называемое дело «Бак против Белла». Дело это касалось некоей семнадцатилетней Кэрри Бак, которая была сочтена слабоумной и при этом родила внебрачного ребенка. Впоследствии ее отправили в Виргинскую колонию для эпилептиков и слабоумных в Линчберге. В 1924 году начальник колонии, доктор Джон Х. Белл выбрал ее для стерилизации, отсюда и название дела.

Особое обстоятельство заключалось в том, что слабоумной сочли не только Кэрри Бак, но и ее мать и дочь. Получалось три поколения «неполноценных». Утверждалось, что в этой семье рождаются только умственно отсталые люди, и потому их всех нужно стерилизовать, чтобы они не давали потомства ради их собственного же блага и блага

общества. При этом доказательств умственного отставания было представлено не так уж и много. Лафлин, главный свидетель, выступил против Бак, даже не встретившись с ними и никого не осмотрев. Он заявил, что Кэрри Бак происходит из «ленивого, невежественного и бесполезного класса» южан, и ее стоит лишить права на размножение, даже исходя из одной лишь принадлежности к такому классу.

Дочь Кэрри, Вивиан Бак, признали слабоумной только со слов одной женщины, социального работника, которая осмотрела девочку всего один раз и решила, что «с ней что-то не так». Правда, при этом она добавила: «Должна сказать, что, возможно, на мое мнение повлиял факт знакомства с ее матерью». Девочке тогда только исполнилось полгода, и никаких тестов определения интеллекта таких маленьких детей не существовало. Позже выяснилось, что Вивиан росла вполне нормальным ребенком и, пожалуй, даже демонстрировала способности выше среднего уровня. Она скончалась в восемь лет от кишечного расстройства, но в школе училась неплохо и однажды вошла в список отличников. Кэрри Бак тоже не казалась такой уж слабоумной. Она каждый день читала газеты и даже увлеклась тогдашней новинкой – кроссвордами. Один ученый, который позже беседовал с Бак, назвал ее «не слишком интеллектуальной, но вовсе не умалишенной и не умственно отсталой».

Тем не менее, после того как Кэрри Бак и ее мать прошли стэнфордский вариант теста Бине-Симона, который впоследствии лег в основу современного теста на определение коэффициента интеллекта (любопытно, что этот тест первоначально был призван определять, не насколько люди умны, а насколько они глупы), было признано, что умственное развитие самой Кэрри находится на уровне девятилетнего ребенка, а умственное развитие ее матери – на уровне восьмилетнего ребенка. Официально они обе попадали под определение «слабоумных».

Дело попало на рассмотрение Верховного суда весной 1927 года. При большинстве в восемь голосов против одного суд постановил провести стерилизацию Кэрри Бак. Заключение большинства написал Оливер Уэнделл Холмс-младший – довольно старый человек: он воевал пехотинцем в Гражданской войне.

Согласно Холмсу, дело было предельно ясным: «Кэрри Бак – слабоумная белая женщина. Она дочь слабоумной матери,

находящейся в том же заведении, и мать внебрачного слабоумного ребенка». Он соглашался с Лафлином в том, что стерилизация необходима, чтобы «мы не погрязли в некомпетентности», и добавил: «Будет лучше для всего мира, если общество не будет дожидаться, пока потомство слабоумных совершит преступления, или пока оно не умрет от голода в силу своего неразумия, а предотвратит размножение тех, кого сочтет недостойным. Тот же самый принцип, согласно которому проводится обязательная вакцинация, предписывает и перевязывать фаллопиевы трубы».

Под конец он произнес фразу, которую с тех пор часто цитируют: «Трех поколений имбецилов с нас достаточно».

Против общего мнения выступил только один судья Пирс Батлер, хотя письменного заключения он не составил. Все другие судьи поддержали Холмса, в том числе председатель Верховного суда и бывший президент США Уильям Говард Тафт и либерал Луис Д. Брандейс.

В силу этого постановления штаты получали право совершать хирургические операции без согласия граждан – такого раньше не было ни в одной развитой стране мира. И при этом дело это осталось почти без внимания. Газета «Нью-Йорк таймс» упоминала о нем вкратце на девятнадцатой странице. Местное издание «Ньюс лидер», выходившее в Ричмонде, штат Виргиния, вообще о нем не упоминало.

Постепенно ученое сообщество приходило к мысли о недопустимости негативной евгеники. Многие серьезные генетики, такие как Томас Хант Морган из Колумбийского университета, не имели с ней ничего общего, а летом 1927 года Гарвард тихо отклонил предложение спонсоров создать кафедру негативной евгеники.

Но, казалось, ничто не могло остановить Гарри Х. Лафлина. Его очередной мишенью стали эпилептики, что было довольно странно при выяснившихся впоследствии обстоятельствах. Он настаивал на том, что их следует либо стерилизовать, либо каким-то образом сдерживать от вступления в брак и рождения детей. Странность заключалась в том, что, как сейчас известно, Лафлин сам втайне страдал от эпилепсии. Иногда у него случались припадки прямо в Колд-Спринг-Харборе, и его коллеги замалчивали эти случаи, несмотря на то, что на публике сурово порицали всех остальных больных.

В 1930-х годах Лафлин окончательно испортил себе репутацию тем, что нашел поддержку у только что пришедших к власти в Германии нацистов, некоторые из них посещали Колд-Спринг-Харбор, чтобы перенять опыт и наработки американских коллег. В 1936 году Гейдельбергский университет присвоил Лафлину почетную степень за его вклад в дело очищения расы. В следующем году Лафлин и Колд-Спринг-Харбор стали американскими прокатчиками нацистского документального фильма «Наследственные больные», доказывавшего, что сохранять жизнь умственно отсталым людям – это всего лишь глупая сентиментальность.

Для многих это было уже слишком. Выступая на Конгрессе американских евреев в Нью-Йорке, главный оратор, Бернард С. Дойч, отозвался о Лафлине в самых резких тонах: «Теория «очищения расы» доктора Лафлина – столь же опасна и фальшива, как и проповедуемые нацистами теории о превосходстве арийской расы, с которыми у нее имеется много подозрительных сходств». Институт Карнеги, главный спонсор Бюро евгенических записей, поручил Герберту Спенсеру Дженнингсу, авторитетному генетику из Университета Джонса Хопкинса, проверить работы Лафлина. Дженнингс выяснил, что Лафлин часто фальсифицировал данные и подтасовывал их в пользу своей расистской теории; в общей сложности он занимался научной фальсификацией более четверти века. Его вынудили уйти из ERO, которое в 1938 году окончательно закрылось. Лафлин переехал в Миссури, к тому времени его репутации уже был нанесен непоправимый урон.

Всего усилиями Лафлина были стерилизованы как минимум шестьдесят тысяч человек. На пике евгенического движения в 1930-х годах законы о стерилизации приняли тридцать штатов, хотя применяли их только в Виргинии и Калифорнии. Стоит отметить, что на бумаге они и сегодня сохраняются в двадцати штатах.

В конце сентября 1927-го вышло постановление о стерилизации Кэрри Бак, и эту процедуру совершили в следующем месяце. Стерилизации подверглась и ее сестра, не имевшая тогда об этом никакого представления. Ей сказали, что проводят операцию по удалению аппендикса.

Весной 1927 года, незадолго до того, как внимание всего мира привлекло судебное разбирательство по делу Снайдер – Грея, на первой странице «Нью-Йорк таймс» была опубликована одна интересная статья. О ее важности свидетельствовали аж целых семь заголовков:

***ИСПЫТАНИЯ ТЕЛЕВИДЕНИЯ – УДАЛЕННЫЕ
ОРАТОРЫ ПРЕДСТАЮТ ПЕРЕД НАМИ И ГОВОРЯТ,
КАК БУДТО БЫ ОНИ НАХОДЯТСЯ ЗДЕСЬ***

СЛОВНО ОЖИВШАЯ ФОТОГРАФИЯ

***ЛИЦО ГУВЕРА, ГОВОРИВШЕГО В ВАШИНГТОНЕ,
БЫЛО ЯСНО ВИДИМО***

ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ

***ИЗОБРАЖЕНИЯ ПЕРЕДАЮТСЯ ПО ПРОВОДАМ,
РАДИО СИНХРОНИЗИРУЕТСЯ С ГОЛОСОМ
ГОВОРЯЩЕГО***

КОММЕРЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ПОД СОМНЕНИЕМ

***НО ГЛАВА AT&T ВИДИТ В ЭТОМ НОВЫЙ ШАГ НА
ПУТИ ПОКОРЕНИЯ ПРИРОДЫ ПОСЛЕ ДОЛГИХ ЛЕТ
ИССЛЕДОВАНИЙ***

В статье описывалось, как журналисты и официальные представители, собравшиеся в Телефонной лаборатории Белла AT&T

на Бетьюн-стрит на Манхэттене, к своему изумлению, стали свидетелями появления живого изображения министра торговли на стеклянном экране размером с липкий листок для заметок.

«Казалось, двести с лишним миль, отделявшие оратора от своей аудитории, просто исчезли», – восхищался неназванный журналист. Собравшиеся даже слышали речь Гувера. «Человеческий гений преодолел такую помеху, как расстояние», – важно сообщил министр торговли.

«Вместе с каждым слышимым слогом на экране двигались губы говорящего, и менялось выражение его лица, – объяснял читателям репортер «Таймс». – Как будто фотография вдруг ожила и стала говорить, улыбаться, кивать головой и смотреть по сторонам».

Мистера Гувера сменил комик А. Долан, который сначала рассказал пару анекдотов с ирландским акцентом, а потом быстро переоделся за кадром и позабавил присутствовавших «рядом шуток уже на негритянском диалекте». Это выступление тоже сочли в высшей степени поразительным.

Впрочем, похоже, что журналисты, скорее, поддались эмоциям момента, поскольку оборудование AT&T не позволяло передавать по-настоящему четкое изображение. Руководство компании это понимало и потому отказалось от дальнейших разработок в этом направлении, предоставив возможность развивать телевидение другим желающим. А в них недостатка не было.

О передаче изображения на расстояние задумывались уже достаточно давно. Еще в 1880 году французский инженер Морис Лебланк предложил передавать изображение по частям, потому что глаз способен «запоминать» изображение на десятую долю секунды, и несколько следующих друг за другом образов воспринимаются как один. Поэтому мы и в кино видим не тысячи отдельных кадров, а одну последовательность движений. Это значительно упрощало задачу по передаче.

Четыре года спустя Пауль Нипков из Германии изобрел вращающийся диск для сканирования изображений; на этом диске на равных интервалах друг от друга был расположен ряд отверстий, проникая через которые лучи света попадали на фотоприемник. Это было довольно сложное устройство, и Нипкову не удалось воплотить его на практике, но его диск стал стандартом почти для всех

последующих попыток создания телевидения. Сам термин «телевидение» придумал русский инженер Константин Перский для Всемирной выставки 1900 года в Париже, хотя для первых телевизионных систем использовались и другие названия: «икonosкоп», «радиовизор», «электрический глаз» и даже «электрический телескоп».

В 1920-х годах ближе всех к созданию надежной системы телевидения подошлись две группы исследователей из Лабораторий Белла и компании «Дженерал электрикс» в США, Чарльз Фрэнсис Дженкинс из Балтимора и Джон Лоуги Бэрд из Великобритании.

Несмотря на весь энтузиазм, никто толком не знал, для чего именно может пригодиться телевидение. Согласно общему мнению, оно должно было выполнять преимущественно практические задачи. Журнал «Сайентифик америкэн» в статье «Движущиеся картинки по радио» предлагал использовать телевидение для борьбы с преступностью. «Изображение подозреваемого для опознания может появиться одновременно в тысяче отделений полиции», – писал автор статьи. Руководство AT&T воспринимало его не как средство развлечения, а как, скорее, способ смотреть друг на друга во время телефонных разговоров.

И только Чарльз Дженкинс ясно понимал, какие возможности открываются перед телевидением. «Новая машина появится у камина... с фотопьесами, операми и прямыми показами мировых событий», – предсказывал он. Сейчас о Дженкинсе мало вспоминают – о нем даже нет статьи в «Американском словаре национальных биографий», но он был весьма плодовитым изобретателем. Всего он получил более четырехсот патентов, некоторые на довольно успешные изобретения, которыми мы пользуемся до сих пор. Если вы когда-нибудь пили напиток из конического бумажного стаканчика, то вы точно пользовались одним из изобретений Дженкинса. Но его так называемый «радиовизор», как он его называл, так и не заработал. Даже если бы дело и дошло до практического использования, то он передавал бы только сорок восемь строк изображения, и все предметы выглядели бы только размытыми тенями. Это все равно, что стараться разглядеть что-то через морозное стекло.

Но для 1920-х годов и такая перспектива была неплохой. Хотя Дженкинсу и не удалось создать продукт, пригодный для продажи, и

он довольствовался одной лишь надеждой (в конечном счете нереализуемой) создать когда-нибудь что-то привлекательное для коммерческого применения, он, тем не менее, основал корпорацию, которая вскоре стоила уже 10 миллионов долларов.

Примерно так же оптимистично настроен был и шотландец Джон Лоуги Бэрд, работавший в Лондоне. На чердаке в Сохо он создал целую кучу в основном бесполезных изобретений, вроде надуваемых сапог и безопасной бритвы из стекла (чтобы не ржавела). Его личная жизнь также была несколько необычной, поскольку за внимание одной женщины он боролся с другим мужчиной; после она вышла замуж за соперника, но окончательно так и не смогла сделать выбор между ними. В результате они, по британской традиции обсудив вопрос за чаем, договорились встречаться по очереди.

Бэрд был неутомимым и неунывающим изобретателем, хотя ему постоянно не хватало денег. Большинство своих рабочих моделей он смастерил из различных частей, собранных на свалках. Свой первый диск Нипкова он сделал из коробки для дамской шляпки, а линзы для него – из велосипедных фар. Задумавшись, не лучше ли будет разрешение картинки, если пропускать лучи света через настоящий глаз, Бэрд обратился за помощью к одному доктору из Офтальмологической больницы Чаринг-Кросс. Доктор решил, что перед ним его дипломированный анатом, и выдал ему настоящий глаз. Бэрд отвез его на автобусе домой, где выяснилось, что без притока крови к оптическому нерву глаз бесполезен. Тем не менее он попытался вставить глаз в свое устройство, но неудачно, и раздавил его. Бэрда стошнило, и он выбросил глаз в корзину для мусора.

И все же в 1925 году Бэрду удалось впервые в истории передать узнаваемое изображение человеческого лица. Бэрд умел привлечь внимание публики – один из работающих телеприемников он установил в витрине универмага Селфриджа, из-за чего образовалась огромная толпа, остановившая движение транспорта. Благодаря такой рекламе он находил себе спонсоров. В 1927 году Бэрд возглавлял компанию, в которой насчитывалось почти двести служащих. Управляющий из него вышел не слишком хороший, и он ненавидел выступать перед советом директоров. Особенно ему не нравился некий сэр Эдвард Мэнвилл, тучный председатель совета, на кандидатуре которого настояли основные инвесторы. Бэрд распорядился

установить очень узкую дверь в лабораторию; во время своего первого визита Мэнвилл едва не застрял в ней, и его пришлось толкать в спину. Как гордо вспоминал Бэрд, Мэнвилл «потерял несколько пуговиц жилета, уронил сигару и растоптал ее». После этого дородный председатель никогда больше не посещал лабораторию.

К своему разочарованию, Бэрд понял, что возможности системы Нипкова ограничены — для передачи и получения сигнала требовалась пара больших и очень шумных в работе дисков, а изображение при этом получалось очень маленькое. Для картинки в четыре квадратных дюйма требовались вращающиеся диски шести футов в диаметре, а далеко не все люди согласились бы установить в своем доме такое устройство. Оно было не только шумное и громоздкое, но и опасное, как выяснил один посетивший лабораторию Бэрда ученый, когда он наклонился слишком близко и его длинная седая борода запуталась в механизме.

Механическое телевидение с вращающимися дисками, как выяснили Бэрд и другие изобретатели, не могло дать изображение достаточно высокой четкости, чтобы оно было коммерчески привлекательным. На практике не удавалось передавать более шестидесяти строк, а экран был размером не больше подставки под стакан. Тем не менее Бэрд не унывал, и летом 1927 года создал наилучшую модель, какую только позволяла создать его система.

8 сентября, менее чем через пять месяцев после демонстрации телевидения в лабораториях Белла, на которой к собравшимся обратился сам Герберт Гувер, «Нью-Йорк таймс» опубликовала заметку о еще одной демонстрации, на этот раз состоявшейся в Англии. В ней говорилось, что Бэрд использовал свою механическую систему для передачи живого изображения более чем на двести миль, из Лидса в Лондон. Изображение было четким, но, к сожалению, очень маленьким, примерно два с половиной дюйма на три. Когда его увеличили при помощи специальных линз, оно потеряло четкость.

Ни Бэрд, ни журналисты из «Нью-Йорк таймс», да и никто во всем мире тогда еще не знал, что по-настоящему телевидение родилось за день до этого в далекой Калифорнии, когда некий молодой человек с причудливым именем Фило Фарнсуорт (величайший изобретатель, о котором многие никогда не слышали) использовал для передачи

изображения катодную трубку и электронный луч, тем самым открыв дорогу для широкого распространения телевидения.

Фарнсуорт, «забытый отец телевидения», родился в 1906 году в деревянной хижине в штате Юта. Его родители, благочестивые мормоны, вскоре после этого переехали на ферму в Айдахо, и именно там, посреди идиллических пейзажей долины Снейк-Ривер, прошло детство Фило. Он рос любознательным ребенком и с жадностью поглощал все, что было связано с наукой и техникой. Летом 1921 года пятнадцатилетний Фило вспахивал поле отца, и вдруг его озарило. До этого он прочитал работу Эйнштейна про фотоэлектрический эффект, и ему пришло в голову, что пучки электронов можно направлять на экран в противоположных направлениях по очереди, точно так же, как проводят борозды в поле. За несколько месяцев он придумал потенциально рабочий способ передачи изображений с помощью электронных лучей. Составив схему, он показал ее своему школьному учителю химии, Джастину Толману. К счастью для Фарнсуорта, эта схема настолько впечатлила Толмана, что он ее сохранил. Позже с ее помощью был доказан приоритет Фарнсуорта в изобретении системы электронного телевидения.

Денег на разработку телевидения у него все равно не было, и Фарнсуорту пока что пришлось отказаться от реализации своей идеи. Он закончил школу, женился и поступил в Университет Бригама Янга в Прово, штат Юта. Однажды Фарнсуорту посчастливилось разговориться с двумя молодыми бизнесменами из Сан-Франциско, которых настолько восхитили его идеи, что они предложили инвестировать в проект шесть тысяч долларов – почти все, что у них было, – и помочь ему взять кредит в банке. На эти деньги Фарнсуорт оборудовал небольшую лабораторию на Грин-стрит в Сан-Франциско. Тогда ему едва исполнилось двадцать лет, и, как оказалось, по закону он даже не имел права подписывать договор о кредите.

В январе 1927 года Фарнсуорт подал материалы на получение своего первого патента в области телевидения. Сегодня просто невозможно представить, насколько сложно в то время было собрать работающий телевизор – запчасти к нему не продавались в ближайших магазинах, а большинства из них вообще не существовало, поэтому почти все, от лампы накаливания до мерно гудящей лучевой трубки приходилось разрабатывать и создавать самим. Фарнсуорт и его

немногочисленный коллектив работали не покладая рук, и в первых числах сентября уже были готовы впервые в истории передать изображение с помощью электронного аппарата. Изображение представляло собой всего лишь простую горизонтальную линию, и Фарнсуорт отослал ее всего лишь в соседнюю комнату, так что в этой демонстрации не было ничего романтического и захватывающего, в отличие от демонстрации AT&T. Но в отличие от изобретений конкурентов, за этим аппаратом было будущее.

В основе системы Фарнсуорта лежала так называемая «диссекторная камера», которая позволяла ему воспроизводить изображения на экране линия за линией, и при этом так быстро, что глазу казалось, будто это единое движущееся изображение. Даже в самых первых моделях Фарнсуорта было 150 строк, благодаря чему никакая механическая модель не могла сравниться с ними по четкости.

Широкая публика оставалась в неведении относительно изобретения Фарнсуорта, но разбиравшиеся в электронике люди быстро узнали о нем и приезжали подивиться на его работу. Одним из посетителей был физик Эрнест Лоуренс, которого особенно поразила часть устройства Фарнсуорта под названием «мультипактор», концентрирующая электронные пучки и направлявшая их порциями, что увеличивало их интенсивность. Вернувшись в Беркли, Лоуренс сконструировал первый в мире ускоритель частиц.

В конечном счете Фарнсуорт получил 165 патентов, в том числе и патенты на все важные приборы и процессы современного телевидения, от сканирования и фокусирования движущегося изображения до его передачи на дальние расстояния. Единственное, что у него не получилось, – добиться успешной коммерческой реализации проекта.

И тут на сцене появился Давид Сарнов.

Главным делом всей жизни Сарнова было радио. Что касается технических подробностей телевидения, то в них он не разбирался – как не разбирался и в радио, – но обладал двумя качествами, которых определенно не было у Фарнсуорта: коммерческой хваткой и умением видеть перспективу. Ему впервые в мире удалось превратить телевидение из любопытного лабораторного эксперимента в явление, изменившее всю повседневную жизнь человечества.

Сарнов родился в бедной деревушке на территории современной Беларуси, но в 1900 году, когда ему было девять лет, его родители эмигрировали в Америку и поселились в Нижнем Ист-Сайде Нью-Йорка. Его в полном смысле можно было назвать «деревенщиной»; до переезда он даже никогда не видел мощеных улиц, а тут неожиданно оказался в самом быстро развивающемся городе планеты. Сарнов выучил английский, бросил школу в четырнадцать лет и принялся покорять мир. Поначалу он работал подручным в телеграфной компании «Америкэн Маркони», а потом там же стал оператором беспроводной связи. Впоследствии он не раз утверждал, что был первым человеком, который получил сигнал бедствия с тонущего «Титаника» и передал его другим операторам. Согласно его версии событий – а его версии всегда имели довольно слабое отношение к реальности – он, сидя в офисе, расположенном в универмаге Уонамейкера, на протяжении трех суток едва ли не лично руководил всей операцией по спасению.

В 1919 году на базе «Америкэн Маркони» была создана новая компания, получившая название «Радиокорпорация Америки» (Radio Corporation of America, RCA). Сарнов – молодой, энергичный, предприимчивый по натуре человек – быстро стал ее главой. Благодаря ему радио стало популярным и прибыльным видом связи, о чем многие в 1920 году даже не мечтали. Радио тогда было причудливой новинкой, но радиоприемники стоили дорого, и люди не были уверены в том, что затраты будут оправданы, особенно если слушать приходилось только передачи местного банка, агентства по продаже недвижимости или птицефермы.

Производителям радиоприемников не было дела до того, что будут слушать их клиенты, и будут ли слушать вообще. Сарнов, похоже, первым и единственным задумался о том, чтобы привлекать клиентов радиопередачами. Он понял, что если нечего слушать, то люди и не будут покупать приемники. Чтобы добиться успеха, радио должно превратиться в источник развлечения, причем на организованной и профессиональной основе. В качестве демонстрации потенциала радио он организовал трансляцию боксерского поединка между Демпси и Карпантье, который состоялся 2 июля 1921 года. Замысел Сарнова заключался в том, что если люди поймут, что можно слушать репортаж о событиях в то же самое время, когда они

происходят, то к радиоприемникам стекутся целые толпы. Для этого он установил громкоговорители в местах скопления народа, где их можно было слушать бесплатно. На одной только Таймс-сквер собралось десять тысяч человек. Получилось так, что из-за технической ошибки прямая трансляция оказалась невозможной, и подробности поединка передавали по телеграфу в студию на Манхэттене, где диктор на основе полученных скудных данных и с помощью своего воображения воссоздавал ход боя. Публика узнавала о матче из вторых уст, но это было не важно. Люди думали, что действительно слушают очевидца, и многим это казалось настоящим чудом.

Так радио начало свое победоносное шествие. На момент поединка между Демпси и Карпантье один радиоприемник приходился на пятьсот семей. Через пять лет он уже был в каждой двадцатой семье, а к концу десятилетия – почти во всех семьях. Никогда еще ни один потребительский товар до той поры не получал такого широкого и быстрого признания.

В целях улучшения стандартов радиовещания и обеспечения лидирующего положения RCA в этой области Сарнов уговорил ее владельцев заключить договор с компаниями «Вестингауз» (Westinghouse) и «Дженерал электрик» о создании общей радиосети – Национальной широковещательной компании (National Broadcasting Company, NBC). Репортажи NBC о величайших событиях – в том числе и освещение прибытия Линдберга в Нью-Йорк в июне 1927 года – имели такой впечатляющий успех, что вскоре была основана и вторая сеть, «Коламбия бродкастинг систем» (CBS), начавшая вещание в сентябре 1927 года. Ее главным учредителем была «Фонографическая корпорация Колумбия» (Columbia Phonograph Company), желавшая увеличить продажи своих пластинок.

Радиовещание оказалось делом довольно хлопотным и дорогим. Среди всех других видов развлечения оно было единственным, которое не брало плату за содержание. Как только человек покупал радио, он мог слушать сколько угодно программ, и бесплатно. Кроме того, эти программы представляли собой крайне недолговечный продукт. Фильмы можно было показывать снова и снова, как и спектакли в театрах, но радиопьеса или концерт звучали непродолжительное время, после чего заканчивались навсегда. Даже если бы их удалось записать на пластинку, мало кому захотелось бы

слушать одни и те же передачи изо дня в день, поэтому радиоккомпаниям приходилось постоянно создавать новый материал, часто с очень высокими затратами. Управляющие NBC с ужасом узнали, что их две регулярные оперные программы стоили сети шесть тысяч долларов в неделю. В таких условиях было настолько трудно получить прибыль, что даже некоторые представители самих компаний сомневались, имеет ли радио коммерческое будущее.

Странно, но самое очевидное решение – брать плату за рекламу – пробивало себе дорогу довольно долго. Поначалу в программах, если они вообще имели коммерческое содержание, только упоминались названия спонсоров, без всякого описания товара и призывов его купить. Коммерческому радио также приходилось противостоять сопротивлению Герберта Гувера, который, будучи министром торговли, заведовал и радиоэфиром. Гувер считал, что радио должно преследовать высокие и благородные цели. «Если речь президента станут вставлять, как мясо в сэндвиче, между двумя рекламами какого-нибудь медицинского средства, то никакого радио не будет», – заявил он, угрожая отобрать лицензии на вещание у самых злостных нарушителей. К счастью, летом 1927 года Гувер был слишком занят другими делами – сначала наводнением в долине Миссисипи, затем предстоящими президентскими выборами – чтобы обращать пристальное внимание на радиопередачи.

Сарнов не преминул этим воспользоваться. Выяснилось, как он и ожидал, что слушатели вовсе не против рекламы. Уже на второй год вещания NBC за размещение рекламы получала более 10 миллионов долларов. К началу 1930-х годов рынок радиорекламы стоил уже более 40 миллионов долларов в год, и это с учетом спада во время Великой депрессии. Объем рекламы в газетах упал на треть, а в журналах – почти наполовину. За десять лет после рождения радиовещания закрылось почти 250 ежедневных газет. Радио теперь слушали почти в каждом доме, и во многом именно благодаря Давиду Сарнову, которого с полным правом можно назвать отцом радиоиндустрии. В 1929 году, до краха на фондовом рынке, акции RCA стоили на 10 000 процентов дороже, чем за пять лет до этого.

Занимаясь радиовещанием, Сарнов открыл для себя телевидение. В 1929 году на конференции радиоинженеров в Рочестере, штат Нью-Йорк, он стал свидетелем презентации некоего изобретателя по имени

Владимир Зворыкин. Как и его бывший соотечественник, авиаконструктор Игорь Сикорский, Зворыкин родился в России, в состоятельной семье, но после революции переехал в Америку. Несмотря на то что поначалу Зворыкин почти не говорил по-английски, он получил работу в компании «Вестингауз» в Питтсбурге и произвел такое огромное впечатление на директоров, что ему выделили отдельную лабораторию.

Относительно будущего телевидения он придерживался примерно тех же взглядов, что и Фарнсуорт. На конференции в Рочестере он так увлеченно говорил о телевидении, что заинтересовал Сарнова, который сразу же понял, что в этом техническом средстве заключен еще больший развлекательно-коммерческий потенциал, чем в радио. Глава RCA почти тут же принялся за дело с таким же энтузиазмом, что и сам изобретатель.

Зворыкин заверил Сарнова, что сможет создать рабочую систему за два года и сто тысяч долларов. Сарнов взял его к себе и предоставил все, что было необходимо для работ. В конечном же счете эти разработки обошлись RCA в 50 миллионов долларов – необычайно высокую сумму для такого рискованного проекта. Что еще хуже, Сарнов выяснил, что большинство важных патентов в этой области принадлежит некоему молодому человеку из Сан-Франциско со странным именем Фило Фарнсуорт.

У Фарнсуорта дела шли далеко не отлично. Оказалось, что передать четкое изображение линии – это одно дело, а разработать полностью рабочую систему и создать вещательную сеть – совсем другое. Даже по самым скромным оценкам для этого требовались миллионы долларов, каких у Фарнсуорта, разумеется, не было. Зворыкин, узнав о достижениях молодого человека, посетил его лабораторию. Решив, что RCA хочет получить лицензию на его изобретения, Фарнсуорт с удовольствием показал Зворыкину свои изобретения, включая «диссектор изображений», лежащий в основе всей его системы. Благодаря этому в RCA быстро разработали свой диссектор. Сарнов как бы между прочим сообщил Фарнсуорту, что RCA не нуждается в его патентах – что было неправдой, – но из щедрости готово предложить 100 000 долларов за все: патенты, диаграммы, рабочие модели и все содержимое лаборатории.

Фарнсуорт считал это предложение оскорблением, каким оно и было в действительности, и отказался.

В отчаянных поисках средств Фарнсуорт продал лабораторию филаделфийской компании по производству аккумуляторов, известной под названием «Фило», и переехал на восток. Когда умер его сын, Фарнсуорт попросил руководство отпустить его на некоторое время в Юту, чтобы похоронить мальчика на семейном участке. В просьбе ему отказали, и вскоре Фарнсуорт уволился. Тем временем руководство «Фило» пришло к мысли, что некоторых сотрудников пытаются подкупить или шантажом выманить у них некоторые торговые тайны. Оно подало иск против руководства RCA, обвинив их в предложении сотрудникам «Фило» «отравленных напитков в отелях, ресторанах и ночных клубах». Дело удалось решить без судебного разбирательства.

Из-за всего этого Фарнсуорт оказался на грани нервного срыва и у него развилась паранойя. Из уверенного в себе и улыбающегося молодого человека он всего за год-другой превратился в исхудалого мужчину с изнуренным видом и потухшим взором. Он поссорился со всеми своими основными инвесторами и отказывался сотрудничать с посторонними людьми. В конце концов он подал в суд на RCA за нарушение его патентных прав.

Сарнов не любил оказываться вторым и был готов на все, чтобы подавить своих конкурентов. Когда в 1920-х годах инженер-электрик Эдвин Армстронг запатентовал частотную модуляцию, которая позволяла передавать более четкий радиосигнал по сравнению с амплитудной модуляцией, Сарнов сделал все, что было в его силах, чтобы Федеральная комиссия связи запретила использование частот, подходящих для ЧМ-радио. Подав иск, Армстронг ощутил на себе весь гнев RCA. Адвокаты RCA таскали его по судам много лет. Эта битва стоила Армстронгу здоровья и всего финансового состояния. В 1954 году, отчаявшись и находясь в тяжелой депрессии, он покончил жизнь самоубийством.

Теперь же RCA вступила в похожую битву с Фарнсуортом. Корпорация утверждала, что Фарнсуорт не мог изобрести электронное телевидение в 1922 году, потому что в то время был пятнадцатилетним школьником. Вряд ли ему пришла бы в голову идея, много лет ускользавшая от обладателей самых ярких умов в науке и технике. К

счастьем для Фарнсуорта, его старый учитель химии, Джастин Томас, предъявил суду первоначальный набросок устройства. В 1935 году суд постановил, что Фарнсуорт «без всяких сомнений является “изобретателем телевидения”», и это было поразительной победой гения-одиночки.

RCA проигнорировала решение суда. На Всемирной выставке 1939 года в Нью-Йорке она показала работающий образец телевизора, собранный почти целиком на основе запатентованных идей Фарнсуорта, которые она использовала без разрешения и за которые так и не заплатила. Через несколько лет продолжительных тяжб RCA наконец согласилась выплатить Фарнсуорту миллион долларов и пообещала проценты с продаж каждого телевизора. Но срок действия большинства самых главных патентов Фарнсуорта истек в конце 1940-х годов, когда телевизоры только начинали входить в дома рядовых американцев, и он получил гораздо меньше, чем заслуживал.

В 1950 году Сарнов добился у Американской ассоциации производителей радио и телевидения обещания называть его «отцом телевидения», а Владимира Зворыкина – «изобретателем телевидения». Имя Фарнсуорта было вычеркнуто из всех официальных докладов.

Фарнсуорт вернулся в Мэн и постепенно спился. Он умер в мае 1971 года, в депрессии, всеми позабытый, в возрасте шестидесяти четырех лет. В некрологе, опубликованном в газете «Нью-Йорк таймс», о нем говорилось не как об изобретателе телевидения, а как о «первопроходце в области телевидения». Сарнов скончался в том же году, в почтенном возрасте восьмидесяти лет.

После телевизора Владимир Зворыкин принял участие в разработке электронного микроскопа. Он пережил Сарнова и Фарнсуорта на одиннадцать лет и умер в 1982 году, незадолго до своего девяносто третьего дня рождения. В интервью 1974 года он утверждал, что никогда не смотрел телевизор, потому что это глупое занятие, и сказал, что его величайшим вкладом в технологию телевидения было изобретение выключателя.

На самом деле выключатель тоже изобрел Фило Фарнсуорт, и его описание входило в один из его первых патентов.

Если нам дать лист бумаги, ручку и несколько минут на размышления, то большинство из нас составит довольно внушительный список известных литераторов 1920-х годов: Фрэнсис Скотт Фицджеральд, Эрнест Хемингуэй, Уильям Фолкнер, Джеймс Джойс, Вирджиния Вульф, Т. С. Элиот, Гертруда Стайн, Дороти Паркер, Эзра Паунд и т. д.

Но вряд ли многие включают в этот список имя Гарольда Белла Райта, хотя в двадцатых годах Райт был гораздо популярнее всех упомянутых выше и за всю жизнь продал гораздо больше книг. Когда в 1925 году в чикагском издательстве вышел в свет его первый роман «Сын своего отца», то его тираж занял двадцать семь товарных вагонов. В честь его книги 1911 года «Победа Барбары Уорт» поклонники называли отель, дорогу и школу. Произведения Райта были сентиментальны, а их сюжеты предсказуемыми. Они неизменно повествовали о человеке, пережившем немало испытаний на своем веку, но обретшем счастье и успех благодаря упорному труду и христианскому братству. Публика была в восторге.

Почти то же самое можно сказать и о других популярных писателях той эпохи, ныне забытых. Космо Гамильтон, Артур Сомерс Роучи, Конингсби Доусон, Т. С. Стриблинг, Херви Аллен, Фрэнсис Старк Янг, Германн Кейсерлинг, Уорвик Дипинг, Тайра Сэмтер Уинслоу, Кнут Гамсун, Джулия Петеркин, Джин Стрэттон-Портер, Зона Гейл и Мазо де ле Роше. Их книги выходили огромными тиражами и продавались гораздо лучше произведений писателей той эпохи, которые считаются знаменитыми сегодня.

Но никто, даже Гарольд Белл Уайт на вершине своей славы, не мог сравниться по известности с двумя другими американскими авторами, книги которых успешно продавались на протяжении нескольких десятилетий. Это были Зейн Грей и Эдгар Райс Берроуз. В какой-то степени их можно назвать самыми популярными писателями планеты двадцатого века.

У них было много общего. Оба родились на Среднем Западе, оба начали заниматься литературной деятельностью относительно поздно

– Грей в тридцать лет, Берроуз в тридцать шесть – успеха добились еще позднее, и, почти по любым меркам, были довольно ужасными писателями. Удивительно не то, что их так долго читали, а что их вообще читали. Критик Бертон Раскоу писал о Грее: «Трудно представить себе другого писателя, обладающего такими незначительными заслугами как в области стиля, так и в области содержания, и при этом сохраняющего интерес публики». Берроуза критики пощадили, в основном, только потому, что считали его, как автора «дешевого чтива», недостойным даже презрительного упоминания. Но публика жадно поглощала все их произведения. Никто точно не знал, сколько они выпустили книг в общей сложности: по некоторым очень приблизительным оценкам – от двадцати пяти до шестидесяти миллионов экземпляров каждый, если учитывать переводы, посмертные издания и публикации в журналах. В любом случае для обоих это было поразительное количество.

С точки зрения личных качеств Грей был любопытнее своего коллеги. При жизни газеты и журналы изображали его как скромного дантиста из Огайо, который в свое свободное время сочинял приключенческие истории, одна из которых, «Всадники полынных прерий» (*Riders of the Purple Sage*), в 1912 году заинтересовала широкий круг читателей и завоевала их признание. После этого на протяжении тридцати лет из-под его пера выходил один бестселлер за другим – в основном, повести и романы в жанре «вестерн». Именно он изобрел или, по крайней мере, сделал популярными многие штампы этого жанра: коварный злодей; добропорядочный хозяин ранчо, против которого строят козни; его красавица-дочь; храбрый и немногословный ковбой, «сердце которого не принадлежит ни единому существу женского пола, за исключением его кобылы с теплым носом», как забавно выразился один из его подражателей.

Но у Грея была своя тайна. В личной жизни он отличался особой страстью к противоположному полу и часто совершал долгие поездки на природу с молодыми и не скованными условностями женщинами – в том числе и с двумя племянницами своей жены, подругами семейства. Иногда в этих поездках его сопровождали до четырех женщин, и он спал с каждой из них. Случалось и так, что он приводил кое-кого из своих тайных знакомых и домой. Как писал его биограф Томас Х. Поли: «Имеется огромный, практически неразобранный

архив фотографий обнаженных женщин, на которых они и сам Грей с ними принимают различные сексуальные позы, и он вступает с ними в связь... К этим фотографиям прилагаются десять небольших записных книжек, в которых особым шифром записаны колоритные подробности его сексуальных походов».

Между этими похождениями Грей вел самый обычный образ жизни вместе со своей женой, женщиной стоического темперамента, в городке Лакауаксен, штат Пенсильвания, а позже в Алтадене, штат Калифорния, сочиняя по две-три книги в год. Всего он написал девяносто пять книг, и после неожиданной смерти в 1939 году от сердечного приступа оставил столько рукописей, что издательство «Харпер и братья» ежегодно публиковало по одной новой книге Зейна Грея еще четырнадцать лет. На пике своей славы он зарабатывал 500 000 долларов в год. В 1927 году он заработал «всего» 325 000 долларов. Для сравнения – Фрэнсис Скотт Фицджеральд в свой самый удачный год заработал 37 599 долларов.

У Эдгара Райса Берроуза жизнь была, конечно, поскромнее, чем у Грея, – как и у большинства людей – но книги он писал куда более «смачные». Он родился на три года позже Грея, в 1875 году, в Чикаго, в состоятельной семье, но с ранних лет пытался сам найти место в жизни. Молодым человеком он отправился на Запад, где работал продавцом, ковбоем на ранчо, железнодорожным полицейским и даже золотодобытчиком – и все безуспешно, пока не решил взяться за сочинительство. В 1912 году, в возрасте тридцати семи лет, он написал свой первый бестселлер, «Тарзан, приемыш обезьян».

Несмотря на то, что Берроуз заимствовал образы и сюжеты из самых дешевых журнальных повестей, стиль его произведений отличался некоторой вычурностью, не свойственной этому жанру. Вот как начинается «Тарзан, приемыш обезьян»:

«Я был в гостях у одного приятеля и слышал от него эту историю.

Он рассказал мне ее просто так, безо всякого повода. Мог бы и не рассказывать. Начал он ее под влиянием винных паров, а потом, когда я сказал, что не верю ни одному его слову, это удивило его, и он, подстрекаемый моим недоверием, счел себя вынужденным рассказать все до конца».

Пусть это и не Толстой, но язык книги не похож на простые фразы из немногосложных слов, описывающих непосредственное действие, какими начинались дешевые «макулатурные» издания того времени, предназначенные для того, чтобы их прочитать в минуты скуки и тут же забыть. За всю свою сочинительскую карьеру, которая продлилась почти сорок лет, Берроуз написал около восьмидесяти книг, в том числе двадцать шесть романов про Тарзана, много фантастики и несколько вестернов. Отличительными признаками почти всех его произведений были увлекательное действие, полуобнаженные героини и непоколебимая преданность идеалам евгеники. Сам Тарзан мог бы с успехом стать официальным лицом евгенического движения. История Тарзана, как уже, вероятно, известно многим читателям, – это история отпрыска английского аристократического семейства, который теряет родителей в джунглях Африки и которого воспитывают обезьяны. К счастью, благодаря своему англосаксонскому происхождению бледнокожий мальчик обладает физической силой, смелостью, решительностью и добродушной натурой; он достаточно умен, чтобы решить любую проблему. Он даже сам научился читать – что весьма удивительно, если учесть, что он ни разу не слышал человеческую речь и не знал, что такое книга до того, как увидел ее. Но благодаря расовому превосходству это не составило для него труда.

По всей видимости, Берроуза часто посещали мысли о создании расы сверхсуществ и о поддержании чистоты такой расы. Почти во всех его книгах о других планетах затрагиваются темы выведения расы господ на Марсе и Венере^[22]. В «Затерянных на Венере» он с восхищением описывает общество, в котором «не позволяют выжить ни одному уродливому ребенку» и в котором «физически, морально или умственно неполноценным жителям не дозволяется воспроизводить себе подобных». В статье, посвященной уже реальному миру и опубликованной в журнале «Лос-Анджелес экзэминер», он рассуждает о том, что мир был бы гораздо лучше, если бы в нем регулярно устраняли «моральных имбецилов». Одну из своих книг Берроуз даже озаглавил «Мост и ребенок из Оскалузы». В Оскалузе родился Гарри Х. Лафлин.

Со временем стиль Берроуза становился все неряшливее. Он повторял одни и те же сюжеты и часто не обращал внимания на

повторы в тексте. Его единственный роман 1927 года «Военный вождь» начинается так:

«Полностью обнаженный, за исключением набедренной повязки, грубых сандалий, куска шкуры и головного убора из перьев, дикий воин подпрыгивал и танцевал под удары барабанов».

Через четыре абзаца читаем:

«Полностью обнаженный, за исключением набедренной повязки, грубых сандалий, куска шкуры и головного убора из перьев, дикий воин бесшумно двигался среди стволов гигантских деревьев».

Иногда из-под его пера выходила и вовсе, казалось бы, бессмыслица. Вот марсианский воин «джеддак» нашептывает любовное признание некоей «Тувии, деве Марса» в романе с тем же названием, опубликованном в 1920 году:

«О Тувия из Птарса! Ты остаешься холодной даже к пылким порывам моей всепожирающей любви! Твое сердце тверже и холоднее, чем твердый и холодный эрсайт, из которого сделана трижды счастливая скамья, поддерживающая твою божественную и неувядаемую форму!»

Такие описания экзотических, если не сказать странных, предметов и сцен занимали довольно много места в повествовании. Но поклонникам было все равно, они охотно покупали книги своего кумира и после того, как он в марте 1950 года, в возрасте семидесяти пяти лет, скончался от сердечного приступа.

Что касается более серьезных писателей, то среди них летом 1927 года большими продажами мог похвастаться разве что Синклер Льюис. Его роман «Элмер Гентри» был признан лучшим образцом художественной литературы года. Это была сатира на евангелистов-проповедников, которую сурово порицали по всей стране, в первую очередь те же самые евангелисты-проповедники. Яростный фундаменталист Билли Сандей, ознакомившись с романом, призвал Господа «поразить Льюиса насмерть», что звучало не очень-то по-

христиански. Преподобный С. С. Спаркс из Сок-Сентра в Миннесоте, родного города Льюиса, в своих проповедях противопоставлял Льюиса безгрешному Линдбергу, утверждая, что Льюис обладает «умершим умом – умершим для доброты, чистоты и праведности», в то время как Линдберг «чист умом и душой».

«Элмер Гентри» был запрещен в некоторых городах, в том числе и в Бостоне, где его продажа была объявлена уголовным преступлением, а не просто мелким правонарушением, что говорило о том, насколько неприемлемым считалось содержание романа. Конечно же, запреты только повысили привлекательность книги для тех, кто мог ее приобрести. В первый же день было продано 100 тысяч экземпляров, а к концу лета число продаж поднялось к 250 тысячам – на такие цифры не рассчитывали даже Грей с Берроузом.

«Элмер Гентри» был пятой успешно принятой критиками и публикой книгой Льюиса, что делало его едва ли не самым признанным писателем того времени. Другими его удачными романами были «Главная улица» (1920), «Бэббит» (1922), «Мартин Эрроусмит» (1925) и «Капкан» (1926). В 1930 году он первым из американцев удостоился Нобелевской премии по литературе. Но далеко не все были его поклонниками. Эрнест Хемингуэй в письме своему издателю признавался: «Если бы я писал так неряшливо и небрежно, как этот веснушчатый прыщ, я бы выдавал по пять тысяч слов в день круглый год». Но на 1927 год, хотя Льюис этого еще и не знал, в каком-то смысле пришелся пик его карьеры. Его более поздние романы не пользовались популярностью, и он постепенно спился, вплоть до того, что его во время приступов белой горячки приходилось держать в смиренной рубашке.

Хемингуэй же в 1927 году не написал ни одного романа. Он был занят своими личными делами – развелся со своей первой женой и женился на второй в Париже, в начале лета, как раз перед тем, как туда прилетел Линдберг. Но при этом ему удалось выпустить сборник рассказов «Мужчины без женщин». Дороти Паркер в опубликованной в журнале «Нью-Йоркер» статье назвала их «поистине великолепным произведением», добавив: «Я даже не знаю, где можно найти более восхитительный сборник рассказов». Но среди публики он не произвел такого ажиотажа, как первый роман Хемингуэя «И восходит солнце», вышедший годом раньше. Так же хорошо, хотя и без особого

коммерческого успеха, были приняты романы «Мост короля Людовика Святого» молодого писателя Торнтона Уайлдера и «Москиты» Уильяма Фолкнера, также новичка в литературе.

Другой литературный гигант того времени – по крайней мере, для нас, если не для современников, – Фрэнсис Скотт Фицджеральд, в 1927 году вообще не написал ни одного произведения. Вместо этого он совершил свою первую поездку в Голливуд, увлекшись предложением написать сценарий для фильма «Помада». Ему пообещали 3500 долларов аванса и еще 12 тысяч после сдачи работы, но его сценарий кинематографистам не понравился, и основную часть суммы писатель так и не получил. В Голливуде Фицджеральд заодно снялся в пробе на роль, но и в этом амплуа его ожидала неудача. В итоге поездка в Калифорнию принесла ему одни убытки. В 1927 году его слава быстро меркла. Опубликованный двумя годами ранее роман «Великий Гэтсби» коммерческим успехом не пользовался. Его нераспроданные партии хранились на складе издательства «Чарльз Скрибнер и сыновья» и пролежали там до 1940 года, когда Фицджеральд умер, позабытый и разочаровавшийся. Его заново открыли лишь в 1950-х годах.

Тем не менее в 1927 году издательская деятельность находилась на подъеме и была обязана этим одному давнему предубеждению. Раньше двери издательств были закрыты для евреев (которые могли надеяться разве что на должность рассыльного или мелкого служащего). Все владельцы старых издательских домов – «Харпер и братья», «Скрибнеры», «Даблди», «Хьютон Миффлин», «Патнам» – были в основном протестантами и издавали, как правило, литературу консервативного направления. Ситуация начала меняться в 1915 году, когда молодой еврей Альфред А. Кнопф, сын рекламного служащего, основал издательство, которое и по сей день носит его имя. Именно Кнопф познакомил американцев с работами Зигмунда Фрейда, Франца Кафки, Жан-Поля Сартра, Альбера Камю, Андре Жида, Д. Г. Лоуренса, Э. М. Форстера, Томаса Манна и многих других. Преобладание иностранных имен объяснялось тем простым фактом, что большинство американских литературных агентов не согласились бы иметь дело с издателями-евреями.

Благодаря этим публикациям новым издателям удалось понемногу преодолеть консерватизм «белых протестантов англосаксонского происхождения». Семейная фирма «Чарльз Скрибнер и сыновья»,

основанная в 1846 году, хвасталась тем, что за долгие годы ни разу не напечатала ни одного слова, от которого могла бы покраснеть невинная девушка. Теперь же им приходилось приспосабливаться к новым нравам. В начале 1927 года Максвелл Перкинс, самый прославленный редактор «Скрибнеров», работал над упомянутым выше сборником рассказов Хемингуэя и счел нужным предупредить Чарльза Скрибнера II, главу издательства, что книга содержит некоторые слова, которые могут его шокировать. Перкинс был настолько старомодного воспитания, что не мог произнести эти слова и написал их на листе бумаги. Одно слово он не смог даже написать. (Этот список не сохранился, и неизвестно, остались ли какие-нибудь из этих слов в окончательной редакции.)

Но какой бы деликатностью ни отличалось издательство «Скрибнеров», это не помешало ему выпустить в 1927 году одну из самых расистских книг десятилетия, «Перековка Америки» Лотропа Стоддарда. Ранее Стоддард опубликовал в этом же издательстве свою книгу «Подъем цветного прилива против владычества белого мира», название которой недвусмысленно указывает на его взгляды. В «Перековке Америки» Стоддард утверждал, что необходимо создать «двухрасовое общество», под которым он подразумевал не гармоничное сосуществование, а, наоборот, четкое разделение белых и черных; в таком обществе представители разных рас не должны были встречаться друг с другом от колыбели до могилы, чтобы не создавать риска смешения крови в ущерб каждой расе. Книга получила ряд одобрительных отзывов.

Пока Кнопф старался занять свою нишу, печатая зарубежных авторов, другая еврейская фирма добилась успеха, открывая – иногда повторно – американских писателей. Эта фирма была названа «Бони и Лайврайт» в честь братьев Альберта и Чарльза Бони и Хораса Лайврайта; некоторое время она была самым интересным и динамично развивающимся издательством Америки. Братья Бони в прошлом владели книжным магазином «Вашингтон-сквер» на Макдугал-стрит, который часто посещали люди левых взглядов, а Лайврайт был торговцем долговыми обязательствами. Опыта в издательском деле у них не было, но, несмотря на это, фирме удалось прославиться.

Трое владельцев постоянно ссорились, и в начале 1920-х оба Бони покинули бизнес, оставив главой издательства Лайврайта. За три года,

с 1925 по 1927-й, он выпустил, пожалуй, самую замечательную подборку книг, какая когда-либо выходила за такое короткое время в одном издательстве: «Американская трагедия» Теодора Драйзера, «Темный смех» Шервуда Андерсона, «В наше время» Эрнеста Хемингуэя (который позже ушел к «Скрибнерам»), «Солдатская награда» Уильяма Фолкнера, «Достаточно веревки» Дороти Паркер, «Хрустальная чаша» Гертруды Аттертон, «Моя жизнь» Айседоры Дункан, «Образование и хорошая жизнь» Бертрана Рассела, «Наполеон» Эмиля Людвиг, «Семья Тибо» Роже Мартен дю Гара, «Золотой день» Льюиса Мамфорда, три пьесы Юджина О'Нила, сборники поэзии Т. С. Элиота, Эзры Паунда, Э. Э. Каммингса, Эдгара Ли Мастерса и Робинсона Джефферса, а также веселая повесть голливудского сценариста Аниты Лус «Джентльмены предпочитают блондинок». Последнее произведение написано в виде дневника авантюристки, охотницы за богачами Лорели Ли, и не относится к разряду «великой литературы», но продавалось оно очень хорошо. Говорят, что под его очарование попал даже Джеймс Джойс.

Если издатель из Лайврайта получился великолепный, то бизнесмен из него был никакой. Он раздавал авансы направо и налево, нанимал больше сотрудников, чем было нужно, и платил им больше, чем следовало. Из-за непродуманных финансовых решений в 1927 году «Бони и Лайврайт» получило доход только в 1203 доллара, и над ним нависла угроза закрытия.

Лайврайт усугубил положение неразумными инвестициями, преимущественно в фондовый рынок и в бродвейские постановки. В том же 1927 году с неожиданной стороны пришло и его временное спасение. Из Лондона он привез пьесу «Дракула», которая пользовалась там большим успехом. Для американской постановки он выбрал малоизвестного актера венгерского происхождения по имени Бела Лугоши. Хотя Лугоши и прожил к тому времени в Америке шесть лет, он почти не говорил по-английски и заучивал свои реплики на слух, что придавало им весьма занятную интонацию. Актерскую карьеру Лугоши начал с романтических ролей, но в 1926 году он сыграл роль злодея в небольшом фильме с запоминающимся названием «Дьявол в сыре». Видимо, благодаря этому он и получил роль Дракулы. Впервые постановка «Дракулы» была представлена публике 19 сентября в Театре Шуберта в Нью-Хэйвене, штат

Коннектикут. После двух недель удачных предварительных показов, «полноценная премьера» прошла в нью-йоркском театре «Фултон» 5 октября – как раз на сорок пятый день рождения Лугоши. Пожалуй, один из самых лучших рекламных трюков Лайврайта, которые ему когда-либо приходили в голову, заключался в том, чтобы на каждом спектакле присутствовала медсестра, которая должна была оказывать помощь тем, кому станет плохо. Это должно было убедить зрителей в том, что пьеса действительно очень страшная. Трюк сработал блестяще. Пьеса «Дракула» пользовалась огромным успехом; целый год она шла в Нью-Йорке, а после еще два года в разных театрах страны, позволив Лайврайту получить столь необходимые ему средства.

Она также прославила Белу Лугоши, который всю оставшуюся жизнь играл Дракулу. В 1931 году он снялся в первом фильме, посвященном этому знаменитому вампиру, а после и в многочисленных продолжениях. Почти тридцать лет, в течение которых он сменил пять жен и пристрастился к наркотикам, Лугоши нигде больше не снимался. Он настолько вжился в роль, что в 1956 году его хоронили одетым, как граф Дракула.

Для самого же Хораса Лайврайта Дракула оказался лишь временным подспорьем, а не решением финансовых проблем. Его издательство разорилось в 1933 году, но к тому времени успело сделать свое дело. Благодаря почти исключительно Кнопфу и Лайврайту в конце 1920-х годов издательский рынок Америки стал гораздо более смелым и космополитичным, чем за десять лет до этого.

После не слишком громкого начала сезона к осени оживился и Бродвей. В сентябре проходили репетиции двух пьес, достойных упоминания. Первая из них – мюзикл «Забавная мордашка» на музыку и слова Джорджа и Айры Гершвинов, в котором участвовали Фред и Адель Астер и Бетти Комптон, любовница мэра Джимми Уокера. Мюзикл пользовался огромным успехом и был показан 250 раз. Среди его известных номеров: «Моя единственная» (*My One and Only*) и «Это чудесно» (*'S Wonderful*). На волне всеобщего энтузиазма в постановку была введена и роль «похожего на Линдберга авиатора». (Фильм 1957 года сильно отличается от этого мюзикла, и никакого авиатора в нем нет. В нем также сохранились только четыре изначальные песни.)

Но более заметное влияние на театральную жизнь оказал мюзикл «Плавучий театр» (*Show Boat*), посвященный жизни на Миссисипи. Как заметил один театральный историк: «История американского музыкального театра, говоря вкратце, делится на две эры – до «Плавучего театра» и после».

«Плавучий театр» был поставлен по вышедшему годом ранее одноименному роману Эдны Фербер, которая только незадолго до этого прославилась, как писательница, хотя в 1927 году ей исполнилось сорок два года. Она родилась в Эпплтоуне, штат Висконсин, в семье еврея-лавочника. Невысокая пухлая женщина, она никогда не выходила замуж и никогда ни с кем не вступала в романтические отношения, отличаясь острым языком. Однажды писатель Майкл Арлен, известный своей манерностью, увидев ее в двубортном пиджаке, сказал: «А ты, Эдна, выглядишь, почти как мужчина», на что Фербер ответила: «То же самое можно сказать и о тебе, Майкл». Благодаря своему остроумию она стала членом «Алгонкинского круглого стола» – неформального клуба, собиравшегося по выходным в отеле «Алгонкин» – и стала сотрудничать с Джорджем С. Кауфманом, вместе с которым они написали ряд комедий.

Но какой бы одаренной Фербер ни была в области комедий, серьезная литература ей не давалась. Джон Лар назвал роман «Плавучий театр» «уморительной антологией дурного стиля». В качестве примера склонности Фарбер писать, «словно подросток на таблетках для похудения», Лар приводит следующий отрывок: «Сама Миссисипи была темно-рыжим тигром, взбешенным, яростным, кровожадным, бьющим длинным хвостом, царапающим жестокими когтями и погружающим свои клыки глубоко в берег, чтобы поглотить одним махом землю, дома, деревья, скот, даже людей». Но тогда была другая эпоха и многие считали книгу очаровательной. Среди них был и композитор Джером Керн, который едва уговорил Фербер сделать на ее основе мюзикл. Фербер сомневалась в успехе затеи, но разрешила ему попробовать. В результате получилось то, что историк театра Джеральд М. Бордман назвал «пожалуй, самым удачным и оказавшим самое большое влияние бродвейским мюзиклом за все время».

Керн родился в Нью-Йорке в 1885 году (в тот же год, что и Эдна Фербер) в семье преуспевающего бизнесмена и получил хорошее

образование. В Нью-Йоркском музыкальном колледже он изучал теорию музыки и композиции, но первые шаги в своей карьере он сделал в коммерческой музыкальной индустрии – на «Улице жестяных сковородок». Его специальностью было переделывать песни для импортируемых пьес – «интерполяции», как они тогда назывались; позже он стал писать и свои собственные сочинения. Любопытно, что Керн мог так никогда и не прославиться. В мае 1915 года он купил билет на «Лузитанию», которой суждено было выйти в свой последний путь, но проспал отправление.

Для Бродвея двадцатые годы были необычайно плодотворной порой. В год в среднем выходило около пятидесяти новых мюзиклов. Керн тоже отличался плодотворностью. В одном только 1917 году он написал музыку для пяти новых пьес и несколько отдельных песен. Вместе с тем он строил и более обширные планы. В том же году он писал: «На мой взгляд, музыкальные номера должны передавать действие пьесы и отражать характеры персонажей, которые их исполняют». Сейчас это кажется само собой разумеющимся, но для того времени было настоящим революционным открытием, и эта концепция в полной мере проявилась как раз в «Плавучем театре».

Керну было просто необходимо сочинить настоящий хит. В 1927 году он уже потерпел одну неудачу. Мюзикл «Счастливчик», вышедший 22 мая, получил неоднозначные отзывы и закрылся через два месяца (как раз в тот день, когда Линдберг приземлился в Париже). Во всей пьесе была только одна примечательная песня, «Весна здесь», но Керн ее не опубликовал, и сейчас она считается утраченной. Из последних его произведений хитом можно было назвать только «Солнечный». Другие, в основном, разочаровывали. «Дорогой сэр» закрылся через пятнадцать представлений. Так что от успеха «Плавучего театра» зависело многое.

Сюжет музыкальной пьесы был довольно сложным, он охватывал сорок лет и затрагивал крайне щекотливые расовые темы – вряд ли его можно было назвать подходящим для развлекательного представления. Репетиции «Плавучего театра» начались на второй неделе сентября, почти за три месяца до его запланированной премьеры на Бродвее, что было больше обычных сроков для мюзиклов; но того требовал сам размах пьесы. Над музыкой работал Керн, слова песен и диалоги писал Оскар Хаммерстайн, хореографией заведовал Сэмми Ли, а декорации

придумывал Джозеф Урбан. Премьера состоялась 15 ноября в Национальном театре Вашингтона, после чего мюзикл был показан в Филадельфии и, наконец, 27 декабря – в новом театре Зигфельда. Для этого пришлось потесниться «Рио-Рите», которую так и не досмотрел Чарльз Линдберг. Повсюду «Плавучий театр» пользовался ошеломительным успехом.

Как писал Лар в 1993 году: «До тех пор на американской сцене не ставилось ничего подобного». Постановка «Плавучего театра» ознаменовала собой рождение нового жанра мюзикла, в котором сюжет, песни, танцы и декорации составляют единое целое, как и задумывал Керн еще в 1917 году.

«Плавучий театр» был рискованной постановкой во многих смыслах. Прежде всего это касалось изображения отношений между белыми и черными, в том числе и смешанных браков; в пьесе просматривалась симпатия к тяжелой участи чернокожего населения Юга. Всего в ней было задействовано девяносто шесть певцов, в равной степени белых и чернокожих; она стала первой пьесой в истории американского театра, в которой чернокожие и белые пели вместе на одной сцене. Всего за три года до этого, когда стало известно, что в пьесе Юджина О'Нила «Крылья даны всем детям человеческим» черные дети как ни в чем не бывало играют наравне с белыми, прокурор округа Манхэттен приказал полицейским остановить ее показ. Так что уже в одном этом отношении «Плавучий театр» был необычен для того времени. Он был призван не только развлекать, но и привлекать внимание публики к серьезным вопросам.

Шесть песен пьесы известны и поныне: «Ol' Man River», «Can't Help Lovin' Dat Man», «Bill», «Make-Believe», «Why Do I Love» и «You Are Love». Песня «Ol' Man River» получилась на удивление похожей на уже существующую песню «Long-Haired Mamma», опубликованную годом ранее. По крайней мере, к такому мнению пришел ее автор, композитор Мори Мэдисон, подавший на Керна в суд. Дело удалось решить во внесудебном порядке.

Благодаря своему сюжету пьеса сразу же стала однозначным хитом. В ней речь шла не только о межрасовых браках, но и об азартных играх и о разводах. Шла она очень долго и заканчивалась не ранее половины двенадцатого ночи, но зрители стекались толпами.

Некоторые из них были растроганы до слез. Всего за первую неделю прибыль составила 50 тысяч долларов.

Для Эдны Фербер эта неделя тоже выдалась запоминающейся. На следующий вечер после премьеры «Плавучего театра» состоялась премьера комедии «Королевское семейство», которую она написала в сотрудничестве с Джорджем С. Кауфманом. Это была забавная и хорошо поставленная пародия на актерскую династию Бэрриморов. Она тоже стала хитом и шла десять месяцев. Бэрриморы, обладавшие завышенным самомнением и вспыльчивым нравом, несомненно, были достойны пародии. Однажды Джон Бэрримор выбежал со сцены за кулисы, чтобы ударить электрика, который, по его мнению, неправильно направлял на него свет; а когда какой-нибудь зритель в зале кашлял во время его высокопарных монологов, он останавливался и обращался к аудитории: «Может, кто-нибудь бросит этому тюленю рыбу?» Этель Бэрримор сделала все возможное, чтобы отменить показ «Королевского семейства», но это у нее не получилось.

Несмотря на постоянные споры и разногласия, Фербер и Кауфман вместе написали три замечательные комедии – «Королевское семейство», «Обед в восемь» и «Служебный вход» – прежде чем разругаться навсегда. Когда Кауфман лежал при смерти, Фербер пришла навестить его, надеясь на примирение. Когда она уже собиралась уходить, Кауфман окликнул ее и спросил: «Эдна, так ты собираешься пойти на похороны?»

– Какие похороны? – спросила она.

– Твои. Ты мертва, Эдна, мертва! – закричал Кауфман и рухнул обратно на подушки. Больше с ней он не разговаривал.

Вместе с «Плавучим театром» в ту неделю на Бродвее состоялись премьеры восемнадцати пьес – одиннадцать из них на следующий день после Рождества, что стало рекордом для Бродвея. Казалось, театральная жизнь достигла наивысшей точки своего расцвета. Но в действительности это были последние дни былого величия. «Говорящим картинам» вскоре предстояло изменить индустрию развлечений самым коренным образом – не только из-за того, что они переманили у театров публику, но и из-за того, что лишили театр самых талантливых исполнителей и авторов. Звуковому кино требовались актеры, умеющие говорить, а также писатели, умеющие сочинять хорошие диалоги. Вскоре начался «великий исход». Спенсер

Трейси, Кларк Гейбл, Хамфри Богарт, Фредрик Марч, Бетт Дэвис, У. К. Филдс, Джеймс Кэгни, Клодетт Колбер, Эдвард Г. Робинсон, Лесли Говард, Бэзил Рэтбоун, Клод Рейнс, Кэри Грант, Пол Муни, Полетт Годдар и многие другие актеры, выступавшие в 1927 году на Бродвее, через некоторое время оказались в Голливуде. Американский театр был обречен.

Когда в 1929 году «Плавучий театр» отправился на гастроли, он уже не пользовался большим успехом. Все уже ходили в кино.

Из всех людей, добившихся известности в Америке в 1920-х годах, никто не отличался таким воинственным настроем, такой непокорной шевелюрой и таким запоминающимся именем, как Кенсо Маунтин Лэндис.

Кенсо был невысоким и худым – весом не более 130 фунтов и ростом не более пяти с половиной футов – но при этом обладал весьма внушительной внешностью. Летом 1927 года ему было шестьдесят семь лет и он выглядел, как седовласый мыслитель с морщинами на суровом лице. Радикальный журналист Джон Рид сравнил его лицо с «лицом Эндрю Джексона через три года после смерти».

Лэндис родился в Миллвиле, штат Огайо, и своим необычным именем был обязан одному любопытному обстоятельству. Его отец, военный хирург армии северян во время Гражданской войны, потерял ногу у горы Кеннсо в Джорджии, и, что довольно странно, решил запечатлеть этот факт в имени своего сына (впрочем, слегка изменив написание).

Лэндис получил юридическое образование в Чикаго и, по счастливой благосклонности судьбы, устроился на работу личным помощником Уолтера К. Грешама, государственного секретаря США при президенте Гровере Кливленде. В качестве награды за усердную службу на благо нации в 1905 году Лэндиса назначили федеральным судьей Иллинойса. На этом посту он прославился рядом громких и неоднозначных судебных постановлений.

Общественную известность он приобрел, когда после затопления лайнера «Лузитания» обвинил кайзера Германии Вильгельма в убийстве (на том основании, что среди погибших был житель штата Иллинойс). В своем самом громком деле он потребовал у компании «Стандард Ойл» 29 миллионов долларов – необычайно смелую по тем временам сумму – за нарушение антимонопольного законодательства. Впрочем, апелляционный суд отклонил решение Лэндиса, что случалось довольно часто. Судебные решения Лэндиса отменялись по апелляции гораздо чаще, чем решения любого другого федерального судьи.

Но это его не останавливало. Всюду, где возникал призрак судебного разбирательства, появлялся и Лэндис. Он председательствовал на ранних стадиях разбирательства по громкому делу между Генри Фордом и «Чикаго трибюн». (Позже разбирательство перенесли в Мичиган, вне его юрисдикции.) Во время Первой мировой войны и после нее Лэндис прославился тем, что преследовал радикалов. Он приговорил Виктора Бергера, конгрессмена-социалиста из Висконсина, к двадцати годам тюремного заключения за то, что тот критиковал войну в журнальной статье. Позже Лэндис сказал, что предпочел бы поставить Бергера к стенке перед взводом стрелков. Это решение впоследствии тоже отменили.

Лэндис также проводил групповое разбирательство по делам 101 «уоббли», которых обвиняли в совершении 17 022 преступлений. Несмотря на запутанность дела, под руководством Лэндиса совещание жюри заняло не более часа, и все обвиняемые были признаны виновными. Лэндис приговорил их в общей сложности к более чем восьми годам тюремного заключения и к выплате штрафа в 2,5 миллиона долларов, что было достаточно, чтобы покончить с «Индустриальными рабочими мира», как влиятельной организацией.

В тот же период Лэндис занимался делом о нарушении антимонопольного законодательства между ранее существовавшими высшими бейсбольными лигами и только что появившейся Федеральной лигой. На протяжении многих лет Американская и Национальная лиги пользовались преимуществами монополистов и навязывали игрокам контракты, запрещавшие переход в другие клубы. Но вот появилась Федеральная лига и принялась предлагать им более высокие зарплаты и возможность самим выбирать команду. Лэндис поддерживал владельцев Американской и Национальной лиг тем, что откладывал судебное решение так долго, что владельцы Федеральной лиги успели разориться и распустили свою лигу.

После роспуска Федеральной лиги владельцы бейсбольных команд могли вернуться к своей привычной практике и держать игроков на коротком поводке. Они отказались от всех соглашений, принятых за время существования Федеральной лиги, прекратили иметь дело с недавно образованным профсоюзом игроков и повсеместно урезали зарплаты. Все это, естественно, привело к недовольству среди игроков, особенно в чикагской команде «Уайт

Сокс», владелец которой, Чарльз Комиски, славился своей скупостью и даже брал с игроков плату за стирку униформы. Комиски пообещал инфилдеру Биллу Ханнефилду выплатить премию в тысячу долларов, если Ханнефилд сохранит форму, чтобы сыграть в ста играх; но когда Ханнефилд сыграл свою девяносто девятую игру, Комиски отправил его на скамейку запасных.

В 1919 году семь членов «Уайт Сокс», почти все лучшие игроки – Чик Гэндил, Хэппи Фелш, Суэд Рисберг, Лефти Уильямс, Эдди Сикотте, Фред Макмаллин и великий Джо Джексон «Разутый» – за относительно умеренную плату договорились проиграть в «Мировой серии» против «Ред Сокс» из Цинциннати. Надо сказать, что заговорщики особым умом не блистали. Рисберг окончил только три класса и считался едва ли не психопатом; он угрожал убить всякого, кто расскажет о сделке, и его угрозы воспринимали серьезно. Джексон вообще никогда не ходил в школу и не умел писать и читать. Некоторые из заговорщиков, похоже, не совсем понимали, что от них требуется. Джексон в серии выбил со счетом 375 и установил рекорд в восемь хитов – один из них он сделал неожиданно в десятом иннинге при ничейном счете. Гэндил выиграл одну игру, сделав четыре страйка подряд и автоматически заняв базу. В конце концов «Уайт Сокс» все-таки проиграли со счетом 5:3, но, по всей видимости, не без труда. Ходили слухи, что игроки «Ред Сокс» участвовали в отдельном заговоре и что они тоже хотели проиграть.

О заговоре знал едва ли не каждый из тех, кто в силу своих профессиональных занятий имел отношение к бейсболу. Когда разразился скандал, владельцы высших лиг предложили (скорее умоляли) Лэндиса выступить в роли мирового судьи и первого так называемого «комиссара по бейсболу», то есть официального лица, уполномоченного решать вопросы бейсбола. Лэндис согласился, но с условием, что за ним останется окончательное слово и что владельцы команд не будут подвергать сомнениям его решения. Свой офис он разместил в чикагском небоскребе Пиплз-Гэз-Билдинг за дверью с табличкой, на которой было написано единственное слово: «Бейсбол».

Семь заговорщиков и еще один игрок, Бак Уивер, который не принимал участия в заговоре, но знал о нем, предстали перед судом летом 1921 года. Сейчас редко вспоминают о том, что присяжные признали всех восьмерых невиновными, после чего отправились в

ресторан отметить это дело. Одна из причин, по которой их оправдали, заключалась в том, что никаких запретов на договорные игры в бейсболе тогда не было, поэтому единственное, в чем их могли обвинить, — это в мошенничестве и в нанесении ущерба бизнесу Комински, но присяжные решили, что это не доказано. Впрочем, это не помешало Лэндису запретить им всем играть в бейсбол пожизненно.

Комиссар Лэндис поначалу сохранял за собой и должность федерального судьи, хотя это было незаконно. По вполне понятным причинам федеральным судьям запрещалось получать деньги для защиты частных интересов. В конечном счете Лэндису пришлось оставить должность, и, возможно, этот факт в очень большой степени повлиял на историю, поскольку Лэндис был и яростным сторонником Сухого закона. В начале 1920-х он присуждал до двух лет тюрьмы тем, кого признавали виновными в распространении даже ничтожно малого количества алкоголя. В свой последний день в должности федерального судьи, в начале 1922 года, он приговорил владельца маленького салуна в Чикаго к году тюрьмы и к штрафу в тысячу долларов за то, что тот продал две рюмки виски. Останься Лэндис судьей, возможно, Чикаго и не стал бы самым комфортным в мире городом для гангстеров. Таким образом, Кенсо Маунтин Лэндис не только оставил свой след в истории бейсбола, но и в каком-то смысле, пусть и неосознанно, повлиял на судьбу Аль Капоне.

В 1927 году Чикаго был вторым по величине городом Америки и четвертым в мире. За пределами Америки его обгоняли только Лондон и Париж. Выражаясь словами автора статьи в «Чикаго трибюн», город также славился «полоумным шутовством, варварской преступностью, безудержным взяточничеством и удрученным гражданским сознанием».

Автор статьи, правда, не написал, что немалая доля упомянутого полоумного шутовства приходилась на долю самого владельца издания, Роберта Резерфорда Маккормика.

Маккормик родился в 1880 году, в семье, на долю которой в равной степени выпали богатство и несчастье. Отец его был родственником Сайруса Маккормика, изобретателя механической молотилки, и, как следствие, имел отношение к процветающей

компании «Интернэшнл харвестер»; со стороны матери он был наследником прежнего владельца «Чикаго трибюн». Его мать хотела девочку – она называла своего сына Робертой и одевала его, как девочку, пока он не пошел в школу. То ли по этой причине, то ли по другой, но у Роберта не было связей с женщинами до тридцати с лишним лет, хотя впоследствии он поспешил наверстать это упущение, отличаясь безудержностью вплоть до того, что похитил свою первую жену у своего двоюродного брата.

Маккормик испытывал юношескую страсть ко всему, что связано с войной, и когда его произвели в полковники Национальной гвардии Иллинойса, ликованию его не было границ, хотя он ничем не заслужил этого назначения, кроме разве что своего богатства. Всю оставшуюся жизнь он настаивал на том, чтобы к нему обращались «полковник». Когда умерла его жена, он похоронил ее со всеми воинскими почестями, что выглядело довольно странно, поскольку она нисколько не заслуживала таких почестей (и вряд ли к ним стремилась). Во время Первой мировой войны Маккормик недолгое время служил во Франции. Там он принял участие в сражении при Кантиньи, и этот эпизод ему настолько запомнился, что по возвращении к гражданской жизни он так назвал свое поместье под Уитоном в штате Иллинойс – Кантиньи.

В 1910 году, вместе с другим двоюродным братом Джозефом Медиллом Паттерсоном, Маккормик стал управлять газетой «Чикаго трибюн». Несмотря на то, что Паттерсон был убежденным социалистом, а сам Маккормик едва ли не склонялся к фашизму, сотрудничество их складывалось на удивление хорошо. За первые десять лет их совместной деятельности тираж газеты удвоился. В 1919 году братья основали таблоид «Нью-Йорк дейли ньюс», и, что любопытно, первые шесть лет они руководили им из Чикаго. В конечном итоге Паттерсон переехал в Нью-Йорк и сосредоточился на делах «Дейли ньюс», оставив «Чикаго трибюн» на попечение Маккормика.

Под руководством Маккормика газета достигла настоящего процветания. В 1927 году она выходила тиражом в 815 000 экземпляров, что почти вдвое больше современного. Кроме газеты, компания владела бумажными фабриками, судами, дамбами, доками, примерно семью тысячами акров леса и одной из первых и самых

успешных радиостанций страны, WGN (сокращенно от «World's Greatest Newspaper» – «величайшая газета в мире»). Она также инвестировала в недвижимость и в банки.

Со временем Маккормик становился все более чудаковатым и непредсказуемым. Однажды Маккормику чем-то не угодил президент контролируемого им банка «Лейк-Шор Бэнк», и Маккормик, сместив его с должности, назначил его заведующим овощной лавкой возле поместья. Любое упоминание в «Трибюн» имени журналиста и издателя Генри Люса, которого Маккормик ненавидел, должно было сопровождаться словами «Генри Люс, родившийся в Китае, но не китаец». Однажды ему вдруг взбрело в голову, что мужчины в Висконсинском университете носят кружевное белье, и он отправил журналиста специально для расследования этого факта. (Как раз в это время там учился Чарльз Линдберг.) По неизвестным причинам Маккормик в своем поместье Кантиньи придерживался восточного времени, но не сообщал об этом приглашенным, поэтому гости обычно приезжали на обед, когда блюда уже убирали со стола^[23].

Помимо Генри Люса, Маккормик ненавидел Генри Форда, иммигрантов и Сухой закон. Но более всего он ненавидел мэра Чикаго, Уильяма Хейла Томпсона.

Томпсон был самым настоящим олухом, с головы до ног, но его сторонники никогда не считали это недостатком. «Самое худшее, что можно сказать о Билле, – это то, что он глуп», – воодушевленно отзывался один из них. Томпсона поддерживали, потому что он никогда не вставал на пути коррупции и не мешал зарабатывать деньги. Он родился за два года до Великого пожара в Чикаго 1881 года в богатой семье. Его отец сколотил состояние, скупая сгоревшую недвижимость у разорившихся владельцев и перепродавая ее с большой выгодой под новую застройку. В юности Томпсон был крупным малым, ростом шести футов четыре дюйма, и все называли его «Большой Билл», но интеллектом он не блистал. Бросив школу, он отправился на запад, подрабатывая наемным работником на ранчо и ковбоем, но в 1899 году, после смерти отца, вернулся в Чикаго и занялся семейным бизнесом. Несмотря на отсутствие ума и талантов, в 1915-м его избрали мэром, и на протяжении последующих восьми лет он спокойно занимал этот пост, пока город погружался в пучину беззакония и коррупции.

Что касается организованной преступности, то Чикаго для нее был тем же, чем Питтсбург для сталелитейной промышленности или Голливуд для киноиндустрии. Именно в Чикаго она достигла небывалых высот и обрела свой ореол романтичности. На похоронах гангстера по имени Энтони Д'Андреа, убитого в 1921 году, присутствовало восемь тысяч человек. Процессия растянулась на две с половиной мили. Среди почетных гостей, несших гроб, были двадцать один судья, девять адвокатов и главный прокурор штата Иллинойс.

Гангстеры в городе пользовались почти полной неприкосновенностью. Однажды в дом одного влиятельного лица по имени Пэтси Лолордо ворвались неизвестные, пристрелив его на диване и оставив отпечатки пальцев по всей комнате. Жена Лолордо знала их и сказала, что готова дать показания. Полицейские же, приехавшие на место преступления, с сожалением заявили, что не смогли собрать достаточно улик, и расследование убийства было закрыто. В 1927 году в штате Иллинойс ни одному гангстеру не был вынесен ни один обвинительный приговор.

В таком городе шеф полиции, Джордж Шиппи, мог выстрелить в совершенно невиновного человека, подошедшего к его крыльцу с пакетом в руке, и убить его, а потом заявить, что он показался ему подозрительным и похожим на еврея и террориста, который собирался взорвать бомбу. Выяснилось, что это был всего лишь посыльный, выполнявший свою работу, но Шиппи даже не предъявили обвинение.

Томпсон ушел в отставку в 1923 году, но его почитатели, опасаясь того, что Эмори Бакнер делал в Нью-Йорке – закрытия питейных и развлекательных учреждений на замок и тому подобного, – убедили Томпсона выдвинуть свою кандидатуру на новый срок в 1927 году. Выборы по меркам Чикаго прошли мирно: прогремело всего два взрыва и прошло две перестрелки, двоих сотрудников избирательной комиссии похитили и избили, и было замечено двенадцать случаев запугивания избирателей. Аль Капоне пожертвовал на избирательную кампанию Томпсона 260 тысяч долларов. Утверждается, что он или кто-то из его приспешников придумал лозунг «Голосуй рано, голосуй часто» и, похоже, многие воспользовались его советом. Согласно официальным подсчетам, в городе, где было официально зарегистрировано около миллиона избирателей, свои голоса отдали свыше миллиона.

Томпсон принимал участие в кампании с новой предвыборной платформой. Он обещал добиваться отмены Сухого закона, не допустить вхождения Америки в Лигу Наций и покончить с преступностью в Чикаго. Для выполнения первых двух обещаний у него не было полномочий; выполнять третье он и не собирался. Также по каким-то непонятным причинам он утверждал, что британский король Георг V собирается аннексировать Чикаго, и обещал в случае своего переизбрания «дать ему по морде». После переизбрания Томпсон первым делом поспешил удалить из школ и библиотек все «предательские сочинения». Он назначил владельца театра и бывшего расклейщика афиш Спорта Херманна ответственным за очистку государственных учреждений от работ, не являющихся «стопроцентно американскими». Херманн учредил организацию под названием «Лига патриотов», которая должна была решать, от каких книг следует избавляться, но впоследствии в ответ на настойчивые расспросы он признался, что не прочитал ни одной книги, которую его организация приговорила к сожжению – вполне вероятно, что он вообще не прочитал за всю жизнь ни одной книги. Он также признался, что не помнит имен тех, кто давал ему советы. Словно для того, чтобы не упустить ни одного шанса выставить себя на посмешище, Херманн заявил, что костер из книг должен будет зажечь палач округа Кука («cook» – «повар», *англ.*).

Как ни странно, все эти действия пользовались достаточно широкой поддержкой. Владелец газеты «Геральд энд экзаминаер», Уильям Рэндольф Херст, поддержал кампанию Томпсона и выразил надежду, что и другие города поспешат очистить свои библиотечные полки. Ку-клукс-клан, естественно, не остался в стороне и предложил провести еще одну кампанию по очищению города от книг, авторы которых симпатизируют евреям или католикам. Глава муниципальной справочной библиотеки заявил, что лично, по своей собственной инициативе, уничтожил все книги и памфлеты, показавшиеся ему сомнительными. «Теперь у меня первая полностью американская библиотека», – гордо утверждал он.

В такой обстановке Аль Капоне казался на удивление здравомыслящим и едва ли не добропорядочным человеком. Ему нравилось настаивать на том, что он всего лишь бизнесмен. «Я зарабатываю деньги, удовлетворяя общественный спрос», – сказал он

на пресс-конференции 1927 года. (Примечателен сам факт, что Аль Капоне проводил пресс-конференции.) «Девяносто пять процентов населения округа Кука употребляют спиртные напитки и играют в азартные игры, и мое нарушение состоит лишь в том, что я предоставляю им возможность таких развлечений. Кто бы что ни говорил, мои напитки всегда были качественными, а игры честными». Пусть Аль Капоне и подходил к делу несколько с иной стороны, но его история – это одна из типичных для Америки «историй большого успеха».

Альфонсо Капоне родился в Бруклине в январе 1899 года. Его отец, по профессии парикмахер, эмигрировал из Италии и в конечном счете открыл в Америке свою собственную парикмахерскую, чем могли похвастаться далеко не все иммигранты. Он так и не выучил английский язык, но был добропорядочным гражданином и, насколько известно, никогда не нарушал закон.

Альфонсо был его пятым сыном и первым, родившимся в Америке. Старший брат Альфонсо, Винченцо, сбежал на запад в 1908 году в возрасте шестнадцати лет. Через год семейство Капоне получило от него письмо, отосланное из Канзаса, и больше никаких вестей от него не поступало. Как сейчас известно, Винченцо впоследствии стал «агентом Сухого закона» под именем Ричард Харт и по прозвищу «Два пистолета». Эту фамилию он взял в честь игравшего ковбоев артиста Уильяма С. Харта и одевался соответствующим образом – шляпа «стетсон» на голове, жестяная звезда на груди и две кобуры за поясом с заряженными револьверами. Летом 1927 года, по странной прихоти судьбы, он находился в Южной Дакоте и работал личным охранником президента Кулиджа.

Юный Аль пошел по совсем другой дорожке. После того как его выгнали из школы за то, что он ударил учительницу (как он никогда не забывал уточнить, она сама первая его ударила), он стал подручным бруклинского рэкетира по имени Джонни Торрио. Сдержанный и осмотрительный Торрио сделал организованную преступность в полном смысле организованной. Особенно ему удавалось подчинять себе отдельные сферы торговли или бизнеса. Так, например, ему должны были платить определенную сумму все продавцы мороженого, получая в обмен монополию на торговлю в отдельном районе, что

позволяло им поднимать цены. Любой, кто покушался на монополию, рано или поздно узнавал, что его контору взорвали или определили на снос; часто недовольные оказывались со сломанными ногами или другими частями тела. На пике своей карьеры Торрио контролировал около двух сотен различных предприятий, в основном в сфере обслуживания и мелкой торговли. Даже чистильщики обуви должны были платить ему 15 долларов в качестве первого взноса и по 2 доллара каждый месяц.

В 1920 году по не вполне понятным причинам Торрио решил оставить Бруклин и начать все сначала в Чикаго. Первым делом он постарался разобраться с гангстером по имени «Большой Джим» Колоссимо (который, по некоторым сообщениям, был дядей Торрио, а по другим – просто товарищем) и захватить его бизнес. Некоторое время дела у него шли хорошо, но потом возникли споры с другими гангстерами из-за сферы влияния. В 1925 году, в один морозный январский день, Торрио помогал своей жене донести покупки до автомобиля, когда к нему подошли два члена банды соперников и выстрелили в него пять раз с близкого расстояния. Торрио выжил, но решил, что с него достаточно. Он передал руководство над всеми своими операциями в Чикаго Аль Капоне и ушел на покой. Так началась самая знаменитая эпоха беззакония в истории Америки.

Первое, что всегда поражало в Аль Капоне, – это его возраст и его невысокий рост. На момент передачи власти со стороны Торрио ему было всего двадцать пять лет (столько же было Линдбергу, когда он прилетел в Париж), а вся его карьера в роли главаря мафии продлилась с весны 1925 года по конец 1927 года. Еще в 1926 году чикагские газеты иногда ошибочно называли его «Капони» или «Капрони». Летом 1926 года один журналист из «Чикаго трибюн» назвал его «Лицом со шрамом», и так родилась легенда.

Другой журналист, из журнала «Тайм», в красках описывая внешность Капоне, упомянул «отметину на одной из смуглых щек» («Тайм», как видно, все никак не мог насытиться словом «смуглый») – «напоминание о лезвии неаполитанской каморры». На самом деле Капоне получил этот шрам в одном из баров на Кони-Айленде, когда пьяный наклонился к посетительнице и сказал: «Дорогуша, у тебя замечательная задница, и это комплимент». К сожалению для него, девушка пришла в бар с братом, который, желая отстоять честь сестры,

схватился за нож и полоснул им по лицу Капоне, оставив два отчетливых шрама на левой щеке и один побледнее на шее. Капоне они не нравились, и он всегда старался их скрыть вплоть до того, что пудрился тальком.

Никто не сомневается, что Капоне был способен на насилие, но, пожалуй, стоит заметить, что знаменитый и часто упоминаемый случай, когда он на одном обеде забил до смерти бейсбольной битой двух гостей, – полнейшая выдумка. Впервые этот эпизод описывается в книге «Наследие Аль Капоне» Джорджа Марри, вышедшей в 1975 году. За предыдущие полстолетия никто о нем ни разу не упомянул, а ведь вряд ли другие гости могли бы забыть о таком поразительном убийстве. Капоне часто приписывали фразу: «Доброе слово и пистолет способны сделать больше, чем просто доброе слово», но, похоже, это тоже вымысел.

Пусть в Чикаго двадцатых годов и царила преступность, но по убийствам он занимал далеко не самое первое место. Со средним показателем 13,3 убийства на сто тысяч человек он, конечно, обгонял Нью-Йорк (6,1), Лос-Анджелес (4,7) и Бостон (всего 3,9), но уж, несомненно, жить в нем было не так уж опасно, как в Детройте (16,8) или в любом крупном городе на Юге. В Новом Орлеане этот показатель составлял 25,9 на сто тысяч, в Литл-Роке – 37,9, в Майами – 40, в Атланте – 43,4, а в Шарлотте – 55,5. Всех далеко позади оставлял Мемфис с показателем 69,3. Для сравнения, средний показатель в современной Америке, о чем вам, вероятно, будет приятно узнать, составляет всего 6 убийств на тысячу человек.

Что действительно правда – так это особая привязанность гангстеров к пистолету-пулемету Томпсона, или к «томми-гану», как его ласково называли. Это оружие названо в честь генерала Джона Толивера Томпсона, руководителя арсеналов США, который разрабатывал его на протяжении всей Первой мировой войны. Его идея заключалась в том, чтобы создать переносной пулемет, достаточно легкий для использования одним солдатом. Пистолет-пулемет Томпсона оказался на удивление смертоносным оружием. Он делал до тысячи выстрелов в минуту и пробивал даже бронированные автомобили. На одной демонстрации он пробил стальную пластину толщиной в четверть дюйма и свалил дерево толщиной почти в два фута. К сожалению, к тому моменту, как он был готов к массовому

производству, война закончилась, и армии он оказался не нужен. Полицией он тоже был не востребован из-за большого разброса и невозможности вести прицельную стрельбу. Но это же делало его идеальным для организованных преступников, основной целью которых было наводить ужас на всех, кто видит человека с оружием в руках. В Иллинойсе не было ограничений на продажу пистолетов-пулеметов Томпсона, и приобрести их можно было в магазинах хозяйственных или спортивных товаров, и даже в аптеках. Просто удивительно, что показатель убийств в Чикаго оставался таким невысоким.

Другой особенностью Чикаго во времена Сухого закона, отличавшей его от других крупных городов, было широкое распространение пива. Продажа пива подразумевала широкомасштабную коррупцию. Пивоварню просто так не спрятать, поэтому производство и продажа пива без привлечения внимания властей требовали больших взяток, и вряд ли бы во всем городе нашелся хотя бы один человек в форме, который не получал свою выгоду от таких подпольных операций. Ежедневно штаб-квартиру Аль Капоне в отеле «Метрополь» посещало большое количество полицейских и чиновников, получавших свои вознаграждения и инструкции. Полиция Чикаго, по сути, стала его личной армией. Одному богу известно, как бы со всем этим разбирался Кенсо Маунтин Лэндис, останься он на должности федерального судьи.

Для некоторых граждан Сухой закон стал величайшим подарком, который когда-либо предоставляло им правительство. Себестоимость бочонка пива составляла 4 доллара, а продавали его за 55 долларов. Себестоимость ящика крепких напитков составляла 20 долларов, а приносил он 90 долларов, причем не облагаемых налогами. По некоторым оценкам, в 1927 году выручка организации Капоне – которая, как ни странно, не имела названия – составила 105 миллионов долларов. Масштаб его операций позволяет по праву назвать его одним из самых удачливых бизнесменов в истории Америки.

Многие, похоже, не имели ничего против того, чтобы считать его значимой общественной фигурой. Когда в 1927 году студентам из Северо-Западной школы журналистики Медилла в Чикаго (названной в честь деда Роберта Маккормика) предложили составить список десяти самых выдающихся людей мира, они выбрали Чарльза

Линдберга, Ричарда Бэрда, Бенито Муссолини, Генри Форда, Герберта Гувера, Альберта Эйнштейна, Махатму Ганди, Джорджа Бернарда Шоу, игрока в гольф Бобби Джонса и Аль Капоне.

Для самого Аль Капоне 1927-й выдался на удивление замечательным годом. Деньги текли рекой, банды Чикаго в основном соблюдали перемирие, и никто не сомневался в его могуществе. Когда началась нанеся большой ущерб забастовка разносчиков газет, владельцы газет обратились за помощью в первую очередь к Аль Капоне, а не к «Большому Биллу» Томпсону. После того как Аль Капоне договорился с бастующими, владельцы газет пригласили его на встречу под председательством Роберта Маккормика, на которой выразили ему свою благодарность.

«Маккормик хотел мне заплатить, но я посоветовал ему отдать эти деньги в больницу», – вспоминал позже Аль Капоне. В изложении Маккормика было все совсем по-другому. «Я прибыл на встречу издателей поздно. Вошел Капоне со своими головорезами. Я приказал их выставить», – писал он кратко в своих воспоминаниях. Как бы то ни было, но забастовка прекратилась, и с тех пор газеты старались упоминать имя Аль Капоне только в положительном тоне.

В 1927 году Аль Капоне, без сомнения, был самым известным гангстером мира. Через пару недель на стадионе «Солджер-Филд» в Чикаго собралось около 150 тысяч человек, чтобы посмотреть на матч-реванш между Демпси и Тинни. Посмотреть этот матч пришли многие знаменитости, но все вытягивали шеи в поисках Аль Капоне. Казалось, ничто не могло свергнуть с пьедестала этого молодого человека. Никто не предвидел, что скоро он покинет Чикаго, а его империя рассыплется в прах.

Этот год выдался необыкновенно удачным и для Лу Герига, который, как всегда, сохранял внешне спокойствие. К началу второй недели сентября у него в активе было 45 хоум-ранов, 161 приведенное очко и средний показатель отбиваний.³⁸⁹ Как пишет Джонатан Эйг, автор его биографии «Самый счастливый человек», Гериг мог бы остановиться и на этом, за месяц до окончания сезона, и все равно этот сезон вышел бы для него одним из самых лучших. По сути, он почти и остановился.

У его матери воспалился зуб, и ей необходима была операция. Гериг не находил себе места от беспокойства. «Я так волнуюсь за маму, что ничего не вижу вокруг», – признался он товарищу по команде.

«Все его мысли были заняты только матерью, – писал позже спортивный комментатор Фред Либ. – Как только заканчивалась игра, он тут же устремлялся в больницу и сидел возле ее кровати». В том сезоне Гериг сделал еще два хоум-рана, но игра для него отошла на второй план. Он не мог думать ни о чем другом, кроме как о своей дорогой матери.

Тем временем Бейб Рут принялся отбивать одни мячи за другими, словно на тренировке по гольфу. Со 2 по 29 сентября он выполнил 17 хоум-ранов, чего раньше никому не удавалось сделать за один месяц.

Казалось, «Янкиз» уже просто не могут ошибаться. 10 сентября они одержали двадцать первую победу подряд над командой из Сент-Луиса, что тоже было рекордом для сезона. 16 сентября Уилси Мур – настолько плохой отбивающий, что игроки специально выходили из раздевалки, а торговцы отворачивались от покупателей, чтобы посмотреть, как он впустую размахивает битой, – каким-то чудесным образом вдруг научился попадать по мячу и однажды запустил его через правую стену поля, сделав хоум-ран, отчего у Бейба Рута чуть не случился сердечный приступ. Однажды Мур отбил семь подач подряд, доведя свой счет до 18:7 в игре, в которой «Янкиз» победили «Уайт Сокс» со счетом 7:2.

В общем запале «Янкиз» как-то незаметно завоевали вымпел. Они занимали первое место каждый день сезона – тоже впервые в истории. Их положение было настолько прочным, что они могли бы проиграть все 15 оставшихся игр, а их конкуренты выиграть 17 игр, и все равно «Янкиз» остались бы на вершине. В действительности они выиграли 12 из оставшихся 15 игр, даже несмотря на то, что им это было не нужно. Они просто не могли сдержаться.

Рут волшебным образом сохранял невозмутимость. 16 сентября его вызвали в суд на Манхэттене и предъявили обвинение в нападении на инвалида. Предполагаемая жертва, Бернард Неймеер, заявил, что вечером 4 июля он прогуливался у отеля «Ансония», когда к нему подошел мужчина в сопровождении двух женщин, сделал ему замечание за неподобающее высказывание и ударил в лицо. Неймеер утверждал, что не узнал нападавшего, но один из очевидцев сказал, что это был Бейб Рут. Рут в свою защиту сказал, что он в это время обедал с друзьями и предъявил двух свидетелей. На суде Неймеер вел себя немного странно, словно слегка сумасшедший. Журнал «Тайм» писал, что он «вскакивал с места и размахивал блокнотом, в который время от времени что-то записывал по мере слушания дела. Охранник часто просил его вести себя потише». Судья отклонил иск под всеобщие аплодисменты. Рут раздал автографы, а потом отправился на стадион, где сделал очередной, пятьдесят третий хоум-ран.

Два дня спустя, в двойной игре с «Уайт Сокс», в пятом иннинге он выбил пятьдесят четвертый хоум-ран. Еще через три дня, 21 сентября, Рут вышел на площадку в конце девятого иннинга в игре против «Тигров» из Детройта. На базах никого не было, и «Тигры» лидировали со счетом 6:0, так что Сэму Гибсону, подающему, не обязательно было стараться сделать результативный бросок. Он и не постарался, но Рут все же отбил мяч, который улетел на трибуны с правой стороны и принес ему пятьдесят пятый хоум-ран. Новый рекорд казался уже не таким уж невероятным.

На следующий день Рут выбил один из самых великолепных хоум-ранов за весь сезон. В конце девятого иннинга, когда Марк Кениг стоял на третьей базе и «Янкиз» отставали со счетом 7:6, Рут встал на площадку и отбил мяч на открытые трибуны с правой стороны поля, что принесло команде победу со счетом 8:7. Пока Рут неспешно пробегал через базы вместе с битой, как он это часто делал, чтобы

никто не постарался присвоить ее себе, к нему подбежал мальчишка лет десяти, вцепился в биту обеими руками, и Руту пришлось буквально нести его за собой и на скамейку. У прохода его окружили многочисленные ликующие поклонники, и он скрылся из виду. Это была сто пятая победа «Янкиз» в сезоне и рекорд Американской лиги по числу побед в сезоне.

Но за пределами стадиона «Янки-Стэдиум» она осталась почти незамеченной. В другом крупном городе страны, в Чикаго, в это время готовились к проведению куда более громкого матча.

Это был поединок между Демпси и Танни. Чикаго охватило еще большее возбуждение, чем во время визита Линдберга. Люди устремлялись в город многотысячными толпами. Невозможно было найти свободные номера в гостинице, не говоря уже о том, чтобы заказать столик в ресторане. Чартерные поезда прибывали со всех направлений – из Акрона, Питтсбурга, Атланты, с Дальнего Запада. За три дня в город прибыло более сотни дополнительных составов. Регулярные поезда удлиняли, иногда значительно. «Двадцатый век лимитед» в день поединка был в три раза длиннее обычного. Из известных персон приехали Эл Джолсон, Чарли Чаплин, Дуглас Фэрбенкс, Гарольд Ллойд, Флоренц Зигфельд, Глория Суонсон, Уолтер Крайслер, Тай Кобб, девять сенаторов, десять губернаторов штатов, а также многочисленные мэры городов и влиятельные бизнесмены. Дэвид Сарнов приехал, чтобы лично проверить оборудование для радиопередачи. В качестве личных гостей Джина Танни приехали маркиз Дуглас и Клайдесдейл, английский авиатор, который впоследствии первым пролетел над Эверестом, и английский писатель Сомерсет Моэм.

Общественное мнение было, безусловно, на стороне Демпси. Танни обладал всеми положительными характеристиками – порядочностью, сообразительностью, вежливостью, внешней привлекательностью – но ему, как и Лу Геригу, не доставало какого-то неуловимого фактора, чтобы стать всеобщим любимцем. Джин Танни родился и вырос в Гринвич-Виллидж, в бедной семье ирландских иммигрантов. Когда он решил заняться профессиональным боксом, он весил всего 140 фунтов. Но и позже, при весе в 190 фунтов, ему не хватало силы удара, которую он компенсировал ловкими ложными

маневрами и выпадами. Как объяснял сам Танни, он, в отличие от Демпси-бойца, был настоящим боксером, то есть подходил к бою обдуманно. Он выигрывал благодаря тому, что продумывал комбинации лучше своих соперников и старался их вымотать. Стратегия почти всегда срабатывала. В шестидесяти шести профессиональных боях Танни проиграл лишь однажды – Гарри Грэбу в 1922 году. И никто ни разу не посылал его в нокаут.

Танни нравилось изображать из себя интеллектуала и джентльмена. Он не пил, не ругался и отказывался рекламировать сигареты, хотя получал внушительные суммы за рекламу других товаров, в том числе автомобилей, шляп, обуви, пижам и тростей. Он испытывал почти непреодолимую страсть к показухе и часто появлялся на публике с книгой в руке. Когда его спрашивали, что это за книга, он как бы невзначай отвечал: «Ах, всего лишь копия «Рубаи», которую я привык носить с собой». За это многие его недолюбливали и даже ненавидели. Типичный поклонник бокса, как писал Пол Галлико в «Дейли ньюс», «мечтал увидеть, как кто-нибудь врежет этому франту-книгочею, чтобы он сразу отправился к своему Шекспиру».

Одним из серьезных опасений в связи с проведением поединка в Чикаго была дурная криминальная репутация города. Давним почитателем Демпси был Аль Капоне, также ненавидевший Танни за манерность. Перед поединком Аль Капоне пустил слух, что на этот раз уж точно проследит, чтобы Демпси не проиграл. Пришедший в ужас Демпси упросил Аль Капоне не вмешиваться. «Буду ли это я или Танни, но пусть чемпион определится в честной спортивной борьбе», – объяснил он. На следующий день он получил триста роз и записку: «Демпси, во имя честной спортивной борьбы». Говорили, что Аль Капоне поставил 50 тысяч долларов на победу Демпси и купил сотню лучших мест на стадионе по 40 долларов каждое.

В день поединка Танни и Демпси совершили утреннюю пробежку и отправились отдыхать перед боем. Танни провел время в библиотеке, изучая редкие рукописи вместе со своим новым приятелем Сомерсетом Моэмом. О том, как провел время Демпси, не сообщалось, но, скорее всего, он провел его за менее интеллектуальным занятием.

Ранним вечером, по мере того как заполнялся стадион «Солджер-Филд», атмосфера постепенно накалялась. Занимавшие свои места зрители пытались разглядеть у ринга каких-нибудь знаменитостей,

хотя на самых дальних местах, удаленных на семьсот футов, едва был виден сам ринг, не говоря уже о том, кто находился возле него.

Напряженную атмосферу немного оживило появление Аль Капоне в плаще и фетровой шляпе, окруженного кольцом коренастых телохранителей. «Прорвать такую живую крепость могла разве что полевая пушка», – писал позже корреспондент «Нью-Йоркер». Знаменитого гангстера сопровождал его почетный гость, Дэймон Раньон.

Всего на стадионе собралось 150 тысяч человек, что вдвое больше вместимости «Янки-Стэдиум». За порядком следили шесть тысяч помощников с повязками на руках, на которых было написано «Показательный боксерский матч между Танни и Демпси», на чем настоял Танни. Никогда еще на спортивное зрелище не собиралось так много людей.

В центре стадиона, словно небольшой освещенный плот посреди темного человеческого моря, возвышался ринг. Освещали его сорок четыре прожектора мощностью в тысячу ватт. Ринг представлял собой огороженную квадратную площадку с максимально разрешенной длиной стороны в двадцать метров, что давало Танни больше места для маневров. У всех в памяти был бой Демпси с Фирпо, когда Демпси стоял над упавшим соперником и осыпал его градом ударов всякий раз, как тот едва вставал на ноги. Поэтому сторона Танни настояла на том, чтобы строго соблюдалось правило отхода боксера в нейтральный угол после выполнения нокдауна. Именно это правило и стало причиной последующих споров по поводу исторического поединка.

Национальная широковещательная компания подготовила восемьдесят две станции, чтобы осуществлять вещание на всю страну. У репортажа о том матче было столько слушателей, сколько не собирало ни одно историческое событие. Репортаж о возвращении Линдберга в США в июне слушали тридцать миллионов человек. На этот раз их количество возросло до пятидесяти миллионов. Вел репортаж, естественно, Грэм Макнейми, к мягкому и теплому голосу которого уже успела привыкнуть половина страны.

Одной из особенностей того поединка было позднее время его начала – 9.45 вечера в Чикаго и 10.45 по восточному времени. Но подготовка заняла еще пятнадцать минут, после чего, наконец, под

восхищенные крики толпы на ярко освещенный ринг вышли два бойца в халатах. Выглядели они спокойными и сосредоточенными.

Рефери Дейв Барри произнес обычную речь перед началом, после чего боксеры разошлись по углам, прозвучал удар колокола, и начался самый ожидаемый бой в Америке того времени – возможно, даже самый ожидаемый бой в истории. Демпси уверенно размахивался и ударял так сильно, что Макнейми говорил, будто видит, как дрожит ринг. Но Танни, подтанцовывая, ловко уклонялся, так что удары Демпси, по большей части, проходили мимо цели.

В то же время Танни старался наносить и ответные удары – парируя, ударяя и снова отклоняясь. Стратегия возымела суммарный эффект; лицо Демпси все больше распухало с каждым раундом, а позже едва ли не с каждым ударом. Над глазом красовалась рваная рана, изо рта сочилась кровь. Но все же он продолжал наносить удары – «без устали, упорно, яростно, жестоко, отчаянно», выражаясь словами репортера из «Нью-Йорк таймс» Джеймса П. Доусона.

Танни вроде бы находился уже на пути к победе, как в седьмом раунде Демпси набросился на него с градом ударов, заставивших Танни сесть на брезент и ухватиться рукой за канат (при этом все 150 тысяч зрителей в волнении встали со своих мест). Еще бы один-два удара, и он полностью бы отключился. «Мне тогда почему-то показалось, что брезент – это самое удобное место», – шутил позже Танни перед журналистами, но в тот момент он находился в самом рискованном положении, и пятьдесят миллионов американцев прекрасно это понимали. Позже утверждалось, что во время седьмого раунда от сердечного приступа умерло по меньшей мере десять радиослушателей, хотя неясно, как и откуда были взяты эти цифры.

Демпси, воодушевившись, не удалился в нейтральный угол, как предписывали правила, но стоял рядом, готовый ударить Танни, как только тот поднимется. Судье Барри пришлось приказать Демпси отойти на нейтральную территорию, и только после этого он начал отсчет. Эта задержка дала Танни несколько драгоценных секунд на то, чтобы прийти в себя. Сколько именно – по этому поводу высказывались различные предположения, но в среднем около пяти-шести. На счет «девять» Танни на удивление ловко вскочил на ноги и ринулся в бой. На самом же деле он плохо понимал, что происходит.

«Я ничего не помнил... мне только после рассказали, что случилось», – признался он много лет спустя.

Демпси упустил свой шанс. Усталость взяла свое, и бывший чемпион лишился сил и воли к победе. В следующем раунде уже Танни сбил его с ног неожиданным хуком. Демпси тут же вскочил, но на протяжении всего оставшегося боя доминировал уже Танни, одержавший безусловную победу согласно общему решению.

Поклонники Демпси всегда считали, что их героя обманули. Сам Демпси тоже придерживался такого же мнения. «Намеренно или нет, но меня лишили звания чемпиона, – сказал он журналистам в раздевалке сразу же после поединка. – Я не ищу оправданий, но в глубине души знаю, что отправил Танни в нокаут, и более того, преследовал его по всему рингу, так что должен был выиграть хотя бы по очкам».

Как пишет Роджер Кан в биографии Демпси «Пламя чистого огня» 1999 года, рефери отчего-то не настаивал на правиле нейтрального угла, когда упал Демпси. Кан утверждает, что его «охватила ярость», когда он впервые просмотрел кинохронику двух ключевых моментов боя. «Два нокдауна в соседних раундах, и два разных отношения к правилам. Разгадка, мне кажется, очевидна. На киноленте, снятой в Чикаго в 1927 году, я увидел нечестного судью».

Сейчас, когда эта кинохроника доступна в Интернете и просмотреть ее может любой, действия судьи не кажутся такими уж предвзятыми. Когда в седьмом раунде упал Танни, Барри отстранил Демпси, приказав ему отойти в угол, а затем повернулся и начал отсчет, не дожидаясь, пока Демпси отойдет. Судья действовал довольно быстро и решительно. Когда в другом раунде упал Демпси, Барри не стал отсылать Танни в угол, потому что Демпси тут же вскочил, будто подпрыгнув на батуте. Судья даже не успел сделать шаг вперед или поднять руку.

Конечно, Джеку Демпси не повезло, что судья не начал отсчет сразу, как упал его противник, но в этом во многом виноват он сам. Танни предпочел рассуждать о поединке в целом. «Мы сражались двадцать раундов, и, как мне кажется, я одержал верх над ним в девятнадцати», – говорил он журналистам.

За этот бой Танни получил 990 тысяч долларов. Кто-то подсчитал, что 7700 долларов он получил только за то, что лежал во время

«долгого счета». Демпси заработал менее 450 тысяч. Танни был готов повторить поединок, но Демпси отклонил его предложение. Он больше никогда не выходил на ринг. Танни же впоследствии провел только один бой, отклонив предложение очевидного лидера, Джека Шарки, и согласившись на встречу с новозеландским боксером Томом Хини на стадионе «Янки-Стэдиум». Танни одержал победу в одиннадцати раундах и заработал 500 тысяч долларов, но этот поединок запомнился прежде всего тем, что на него была продана лишь половина билетов. Без Демпси бокс уже был не тот. Промоутеры потеряли на этом матче более 150 тысяч долларов.

В начале сентября из Южной Америки пришли любопытные вести. Сообщил их французский инженер Рожер Куртевиль, путешествовавший на автомобиле из Рио-де-Жанейро в Лиму – это была первая попытка пересечь южноамериканский континент на автомобиле, сама по себе достойная отдельного упоминания. Во время своей поездки, в отдаленном уголке штата Мату-Гросу, он якобы повстречал английского исследователя Перси Фосетта, который пропал во время поисков затерянного «города Z» неподалеку от злополучной «Фордландии». На тот момент Куртевиль не знал, кто такой Фосетт, поэтому он и не сообщил сразу о своей встрече.

Позже, в статье для газеты «Нью-Йорк таймс», он писал, что буквально застыл на месте при виде седоволосого белого человека примерно шестидесяти лет, сидящего у обочины безлюдной дороги. «На нем были шорты, рубашка цвета хаки и старые башмаки с толстыми подошвами, привязанные к ногам растительными волокнами, – вспоминал Куртевиль. – Руки его дрожали, как от лихорадки». На ногах не было носков, и вокруг оголенных участков тела вились полчища moskitov. Куртевиль заговорил с ним по португальски, но, не получив ответа, обратился на английском языке. Путешественник спросил, почему он не отгоняет насекомых и позволяет им свободно кусать себя.

«Они голодны, бедные дьяволята», – ответил человек с явным британским акцентом. На этом, что примечательно, их общение и закончилось.

«Незнакомец, как это свойственно англичанам, был сдержан и уклонялся от разговора о себе и о своих делах», – продолжал

Куртевиль свои воспоминания.

Странно, что Куртевиль, пусть и разочарованный реакцией незнакомца, не попытался выяснить его имя, предложить ему помощь или хотя бы поинтересоваться, что он тут делает, а просто сел в машину и поехал дальше. Об этом случае он рассказал только одному чиновнику в Лиме несколько месяцев спустя. Чиновника же рассказ Куртевиля сразу заинтересовал, потому что Фосетт был самым известным пропавшим человеком в Южной Америке.

После выяснилось, что человек, которого повстречал Куртевиль, не мог быть Фосеттом, потому что Фосетт был лыс, а у этого человека были длинные волосы. Но все равно остается загадкой, кто это был и как он туда попал. Никто в тот период не слышал об англичанине, который пошел в джунгли и не вернулся.

Пусть незнакомец и не был Фосеттом, но рассказ Куртевиля вновь пробудил интерес к пропавшему исследователю. Американский путешественник английского происхождения Джордж Миллер Дайотт заявил о своих планах снарядить поисковую экспедицию в район площадью в пятьдесят тысяч квадратных миль, сплошь покрытый джунглями. В компании десяти мулов, шестидесяти четырех волов и небольшой армии носильщиков и проводников Дайотт провел в джунглях несколько месяцев и едва не погиб сам, но не нашел ни Фосетта, ни загадочного англичанина Куртевиля, да и вообще никого постороннего. Потом в отдельную экспедицию отправились один швейцарец и журналист из Юнайтед Пресс Интернэшнл, но больше их не видели. Жена Фосетта в Англии обратилась ко всем с просьбой не отправляться больше на поиски. Она заявила репортерам, что находится в телепатической связи с мужем, что с ним все в порядке и что он вернется, когда будет готов. Но он так и не вернулся.

2 сентября, по пути в Шайенн в Вайоминге, Чарльз Линдберг пролетел над средней школой Рэпид-Сити и Государственным охотничьим домом, где Кулиджи устроили себе летнюю резиденцию. Президент Кулидж вышел из дома и помахал платком. Линдберг сбросил специально подготовленные послания в обоих местах. Послание у охотничьего дома так и не нашли.

Ответственные за проведение турне, видя ужасное состояние Линдберга, установили правило, согласно которому он должен был

встречаться с публикой не более четырех с половиной часов в день – два с половиной часа процессий и речей днем и два часа банкетов вечером. Весь график пришлось сжать.

Газеты продолжали публиковать новости о продвижении Линдберга по стране, но, скорее, уже из чувства долга, чем из энтузиазма. Лишь изредка происходило что-то выбивающееся из обыденности. В городе Абилин, штат Техас, местные власти установили в автомобиль для процессии трон. Смущенный таким проявлением любезности Линдберг отказался садиться на трон, и трон пришлось снять. В основном, интерес к Линдбергу теперь заключался именно в таких деталях.

По окончании матча между Демпси и Танни внимание спортивных болельщиков вновь приковал бейсбол и вопрос, сумеет ли Бейб Рут побить свой собственный рекорд по количеству хоум-ранов. А подобрался он к нему совсем близко. Две игры, 24 и 25 сентября, он закончил без хоум-ранов, и это означало, что установить рекорд он должен всего за четыре игры.

В первую из них, 27 сентября, Рут выполнил свой пятьдесят седьмой хоум-ран – шикарный гранд-слэм (с четырьмя игроками на базах). Подавал мяч Лефти Гроув из Филадельфии, и это был один из шести хоум-ранов, отбитых у него за весь сезон. Гранд-слэмы у Рута случались нечасто: это был его первый за сезон и только шестой за всю карьеру.

28 сентября «Янкиз» отдыхали, и отдых явно пошел Руту на пользу, потому что в первый же выход на площадку, в начале серии из трех игр против вашингтонских «Сенаторов», он выбил свой пятьдесят восьмой хоум-ран у Хораса Лайсенби. Тот год для новичка Лайсенби выдался замечательным и, как оказалось, единственным достойным. Как и у Лефти Гроува, у него отбили только шесть хоум-ранов за весь сезон. И два из них – Бейб Рут.

Теперь Руту оставалось сделать только один хоум-ран, чтобы повторить свой рекорд. В конце пятого иннинга он вышел на площадку при двух игроках на базах и двух аутах. Менеджер «Сенаторов», Баки Харрис, подал знак выйти питчеру-правше Полу Хопкинсу.

Выбор этот был неожиданным, и, несомненно, многие болельщики принялись спрашивать соседей или заглянули в

программку, желая узнать, кто это такой. Хопкинс только что окончил Университет Колгейта и никогда еще не подавал в высших лигах. Так что сейчас ему предстояло выйти первый раз, причем против Бейба Рута, и в ситуации, когда все базы заняты, а Бейб Рут готовится повторить свой рекорд.

Как и следовало ожидать, Хопкинс подавал осторожно, доведя счет до 3:2, а затем постарался бросить медленный крученный мяч. Это была поразительная подача. «Мяч летел так медленно, что Рут замахнулся, потом засомневался, отвел биту назад, снова размахнулся и со всей силы врезал прямо по мячу, – вспоминал Хопкинс семьдесят лет спустя в возрасте девяноста четырех лет в интервью журналу «Спортс иллюстрейтед». – Вот это у него был глаз! Он ударил в нужное мгновение, вложив в свой удар всю силу. Я до сих пор вспоминаю треск биты». Это был пятьдесят девятый хоум-ран Рута и повторение рекорда, о котором еще месяц назад даже было трудно мечтать.

Мяч пролетел над головой правого инфилдера, тридцатисемилетнего Сэма Райса, о котором сейчас мало вспоминают, но который в свое время считался очень хорошим игроком, хотя и загадочным, поскольку появился в высшей лиге буквально из ниоткуда.

За пятнадцать лет до этого Райс был многообещающим молодым бейсболистом, игравшим свой первый профессиональный сезон в младшей лиге в Гейлсберге, штат Иллинойс. Пока он уехал на сезонные соревнования, его жена вместе с двумя маленькими детьми решила пожить на ферме с родителями под Донованом в штате Индиана. В конце апреля в том районе прошел сильный ураган, погубивший семьдесят пять человек. Среди жертв были жена, дети, мать и две сестры Райса. Отец Райса получил серьезные травмы, и его обнаружили, когда он в шоке бродил по дороге с одним из мертвых детей на руках; через девять дней он скончался в больнице. Так одним махом Райс потерял всю семью. В горе он принялся странствовать по всей Америке, занимаясь случайными заработками. В конце концов он записался во флот. На флоте он играл в команде моряков, и его заметил Кларк Гриффин, владелец вашингтонских «Сенаторов». Гриффин пригласил Райса на испытание и, впечатленный, тут же предложил подписать контракт. Так Райс начал играть за «Сенаторов» и в

тридцать с лишним лет стал одним из лучших бейсболистов. Никто не знал о его личной трагедии. Ее подробности выяснились только в 1963 году, когда его включили в Бейсбольный зал славы.

После хоум-рана Рута Хопкинс выбил в аут Лу Герига и закончил иннинг, а потом сел на скамейку и разрыдался, поддавшись эмоциям. Это было одно из одиннадцати его выступлений в играх высшей лиги. Из-за травмы он пропустил весь сезон 1928 года, а после сезона 1929 года ушел из спорта, не одержав ни одной победы и с одним поражением. Вернувшись домой в Коннектикут, он стал удачным банкиром и дожил до девяноста девяти лет.

Последний день сентября в Нью-Йорке выдался душным. Температура поднялась выше 80 градусов по Фаренгейту, и в воздухе висела дымка. В предпоследней игре сезона Рут вышел на базу, готовясь отбить подачу Тома Закари, тридцатиоднолетнего питчера-левши. Закари родился и вырос на табачной ферме в Северной Каролине, в семье квакеров, но, несмотря на благочестие, он не останавливался перед мелкими хитростями. Одним из его трюков было замазывать грязью площадку питчера так, чтобы можно было пододвинуться ближе к дому – как утверждалось, иногда на целых два фута. В 1927 году он играл свой десятый сезон. Всего за год у него отбили шесть хоум-ранов, три из них – Рут.

Это был четвертый за день выход Рута на домашнюю базу. Один раз он автоматически прошел на базу, дважды выбил один ран, и даже близко не приблизился к хоум-рану. Счет был равный, 2:2, с одним аутом, и только один игрок, Марк Кениг, сделал трипл.

«Все знали, что он готовится установить рекорд, поэтому было понятно, что со мной он церемониться не станет», – говорил Закари в беседе с журналистом в 1961 году. Закари замахнулся, кинул взгляд на раннера и бросил быстрый мяч, который засчитали болом. Закари снова замахнулся и бросил мяч, на этот раз высоко и в сторону – этот точно был болом, и Рут даже не попытался его отбить. В третий раз Закари решил бросить низкий крученный – «насколько это у меня могло получиться», вспоминал он потом. Рут отбил мяч едва ли не так, как это делают при игре в гольф, и послал его высоко, по направлению к правому шесту на границе поля. Восемь тысяч болельщиков на стадионе «Янки-Стэдиум» с замиранием сердца следили за тем, как

мяч поднимается все выше и выше, а затем падает у открытых трибун, всего лишь в нескольких дюймах за пределами поля. Закари в отчаянии отбросил свою перчатку, а толпа заревела от восторга.

Рут пробежал по базам в своей манере – на цыпочках, делая вид, что собирается разогнаться, – а потом подошел к скамейке, чтобы принять аплодисменты, несколько раз по-военному приложив руку к голове. В тот день он отбил все четыре рана. На следующий день «Таймс» опубликовала счет: «Рут 4, Сенаторы 2».

Менее известен тот факт, что матч, в который Рут выбил свой шестидесятый хоум-ран, был последним матчем высшей лиги для Уолтера Джонсона, величайшего питчера той эпохи. Никто не посылал мяч быстрее и сильнее. Джимми Дайкс, тогда игравший за «Атлетикс», много лет спустя вспоминал, как его новичком послали отбивать против Джонсона. Первые две подачи он даже не заметил, а только услышал, как мяч стучит о перчатку кэтчера. После третьей подачи судья сказал ему перейти на третью базу.

– Зачем? – спросил Дайкс.

– Тебя ударили, – объяснил судья.

– Правда? – переспросил Дайкс.

Судья показал на его бейсболку, Дайкс протянул руку и обнаружил, что козырек повернут в сторону мячом. Он бросил битку и побежал к первой базе.

За двадцать один год, что Джонсон был питчером, у него выбили только девяносто семь хоум-ранов. Когда у него в 1920 году выбил хоум-ран Рут, то это было в первый раз почти за два года. В 1927 году Джонсон сломал ногу во время весенней тренировки, когда в него угодил отбитый мяч, и полностью он так и не восстановился. Близился его сороковой день рождения, и он решил уйти из большого спорта. В конце девятого иннинга, когда его выставили отбивать на замену Закари, он вышел на поле в последний раз. Джонсон отбил флай на правую половину поля. Мяч поймал Рут, закончив тем самым игру. Заодно на этом закончилась и карьера Джонсона.

В раздевалке Рут, естественно, от души радовался своему рекорду. «Пусть только какой-нибудь сукин сын попробует это повторить!» – повторял он. Его товарищи, конечно, разделяли радость, но как-то не в полную силу. «Не было такого уж безудержного веселья, как можно было себе представить», – вспоминал много лет спустя Пит Шии,

менеджер команды по снаряжению. Никто не сомневался, что Рут не остановится на шестидесяти. Он вполне мог сделать еще один хоум-ран и на другой день, а в следующие сезоны установить еще более невероятные рекорды. В конце концов, именно он первым выбил 30, 40, 50 и 60 хоум-ранов. Кто мешал ему выбить семьдесят в 1928 году?

На самом деле этому рекорду суждено было продержаться очень долго. В последней игре сезона Рут, словно устав, показал счет 0:3. Когда он в последний раз вышел с битой, его отправили в аут. Лу Гериг, тем не менее, выбил хоум-ран, сорок седьмой за сезон. Если кому-то казалось, что он тоже сдал после бурного начала, то стоит заметить, что он занимал второе место, оставляя всех, кроме Рута, далеко позади.

Рут же, со своими шестью десятками хоум-ранов, в одиночку оставлял позади все другие команды высших лиг, за исключением «Кардиналз», «Кабз» и «Джайентс». Ему удалось сделать хоум-раны на всех стадионах Американской лиги, причем в гостях больше, чем дома (соотношение было 32 к 28). Он отбил хоум-раны у тридцати трех разных питчеров. По меньшей мере два хоум-рана были самыми долгими для тех стадионов, на которых они были выполнены. В среднем Рут выполнял по хоум-рану каждый 11,8 раза, когда выходил отбивать. Он выбил по меньшей мере 6 хоум-ранов у каждой команды Американской лиги. При этом его средний показатель отбиваний составлял 356, он набрал 158 ранов, 164 приведенных очка, 138 уоксов, 7 похищений баз и 14 сэкрифайс-бантов. Трудно было представить себе более результативный год.

Рут и Гериг разделяли между собой первые и вторые места по хоум-ранам, приведенным очкам, проценту сильных ударов, количеству набранных очков, количеству взятых баз, экстрахитам и пробежкам. Комбс и Гериг были первым и вторым по общему количеству хитов и триплов. Четыре игрока – Рут, Гериг, Лаццери и Мьюзел – каждый набрали более ста приведенных очков. Комбс также занимал третье место по набранным очкам и общему количеству баз, а Лаццери был третьим по хоум-ранам. Команда «Янкиз» занимала первое место в Американской лиге по проценту отбивания и среднему количеству набранных очков. Всего в среднем игроки команды набрали по 6,3 очка за игру и почти 11 хитов. 911 очков – это было больше любого счета любой команды Американской лиги во все

предыдущие сезоны. Рекордным было и количество побед – 110. За весь сезон из игры был удален только один игрок, и команда ни разу не вступала в драку. Никогда еще на бейсбольные стадионы не выходила настолько слаженная и дисциплинированная команда.

Рекорд Бейба Рута по хоум-ранам был побит только в 1961 году, когда Роджер Марис, также из «Янкиз», набрал 61, хотя тогда сезон длился на 10 игр дольше, и Марис выходил отбивающим на 50 раз больше, чем Рут в 1927 году. В 1990-х годах бейсболисты вдруг продемонстрировали невиданные ранее силы – у некоторых даже значительно увеличились мышцы – и принялись отбивать один хоум-ран за другим, оставив рекорды Рута и Мариса далеко позади. Впоследствии выяснилось, что среди нового поколения игроков очень большое количество – от 5 до 7 процентов, согласно проведенным в случайном порядке тестам, – принимали анаболические стероиды, но это всплыло уже только в 2003 году. Вопрос о допинге в спорте выходит далеко за пределы данной книги; заметим только, что многие современные игроки даже со стероидами не могут отбить столько хоум-ранов, сколько отбивал Бейб Рут, поглощавший одни лишь хот-доги.

Точно нельзя сказать, когда лето 1927 года закончилось с климатической точки зрения. Еще в октябре стояли вполне летние дни, и температура в Нью-Йорке достигала 85 градусов, а на Восточном побережье порой превышала и 90 градусов по Фаренгейту. Осень наступала постепенно, как это обычно бывает с временами года.

В рамках «Мировой серии» «Янкиз» встретились с «Пиратами» из Питтсбурга и легко победили их в четырех играх, подтвердив свое звание лучшей команды.

Калвин и Грейс Кулидж вернулись в Вашингтон и обосновались в только что отремонтированном Белом доме. Президент хранил обещание не выдвигаться на второй срок. Герберту Гуверу не удалось получить от Кулиджа никаких гарантий, но Гувер ни от кого не скрывал, что собирается стать его преемником. В ноябре в Новой Англии случилось серьезное наводнение, в котором погибли более сотни человек. Кулидж отказался посетить место событий и вместо себя послал Гувера.

«Певец джаза» продолжал собирать толпы в нью-йоркских кинотеатрах, даже несмотря на стоимость билета в 10 долларов. Сэмюэл Рафаэльсон, написавший пьесу, по которой был снят фильм, считал его ужасным. «Редко мне доводилось видеть фильм хуже», – говорил он, но большинство с ним не соглашалось. Актриса Мэй Макавой, сыгравшая в нем роль, позже вспоминала, что во время показа фильма в кинотеатре вставала со своего места и смотрела на лица зрителей. Когда Эл Джолсон выдавал свои реплики с экрана, на лицах людей отражалось такое восхищение, что казалось, «будто они слышат голос самого Господа Бога». За год проката фильм принес прибыль в 1,5 миллиона.

Тоннель Холланда после пяти с половиной лет строительства наконец-то открылся, а на горе Рашмор начались серьезные работы. В Англии американку Дороти Кочрейн Логан приговорили к штрафу в 5000 долларов за мошенничество. Она утверждала, что переплыла Ла-Манш, хотя в действительности большую часть пути проделала на спасательном судне. Дело над ней стало концом всем попыткам переплыть Ла-Манш, да и всем трюкам в целом. В Детройте Генри Форд снова начал нанимать рабочих на свои фабрики, готовясь к выпуску Модели А.

Чарльз Линдберг наконец-то закончил свое длительное турне. За последний месяц он посетил Оклахому, Арканзас, Теннесси, Алабаму, Миссисипи, Луизиану, Джорджию, Флориду, Южную Каролину, Северную Каролину, Виргинию, округ Колумбию, Мэриленд, Нью-Джерси, Делавэр и Пенсильванию. 23 октября он приземлился на Митчел-Филд на Лонг-Айленде. За три месяца он преодолел 22 350 миль, посетил 82 города, произнес 147 речей, проехал 1285 миль во время процессий, и на него посмотрели, по некоторым оценкам, около 30 миллионов человек, то есть четверть населения Америки. В последний раз он участвовал в официальном мероприятии на Манхэттене, на обеде в честь Реймонда Ортейга.

А потом – что могло показаться чудом – он оказался свободен. Целых пять месяцев к нему было приковано внимание всего мира, и, наконец-то, все закончилось. За исключением того, что по-настоящему закончиться ничего не могло. Линдберг вынужден был нести бремя славы до конца своих дней. Он не знал, что делать ему дальше. Ему

нужно было теперь как-то заполнять свое время, и с этой проблемой ему приходилось справляться всю оставшуюся жизнь.

27 октября он неожиданно появился на аэродроме Кертисса, заявив, что «маловато летал в последнее время», что звучало странно, поскольку он только что закончил перелет в 22 350 миль. «Дух Сент-Луиса» был на ремонте после длительного тура, поэтому Линдберг попросил разрешения поуправлять другим самолетом. Сотрудники аэродрома с удовольствием предоставили ему самолет, и Линдберг, довольный, около часа в одиночестве нарезал круги над городом.

По приземлении с ним произошел один из самых неприятных инцидентов того лета. На аэродром прибыла компания из двадцати девушек-хористок, чтобы сфотографироваться на фоне самолетов. Их визит не имел ничего общего с Линдбергом, но они, естественно, обрадовались, узнав, что совсем рядом с ними, всего лишь за стеной ангара, находится известнейший человек мира, да к тому же холостяк, так что они буквально осадили здание, стуча в двери, вглядываясь в пыльные окна и призывая его выйти громкими криками. Если бы Линдберг вышел, они, несомненно, набросились бы на него, не оставив на нем живого места. Вид у Линдберга был такой, что он вот-вот умрет. Видя его раздражение, начальник ангара вывел его через заднюю дверь и усадил в автомобиль. Линдберг вздохнул с облегчением и со всей силы нажал на газ, едва избежав нападения двадцати возбужденных молодых женщин.

Пусть Линдберг за это лето встречался с президентами и королями, пусть он обращался с речами к огромному множеству людей, пусть ему устраивали такие торжественные приемы, которых никогда еще не удостоивался ни один человек, но в глубине души он оставался застенчивым парнем.

Вполне резонно задать вопрос: почему перелет Чарльза Линдберга через Атлантику в Париж в 1927 году произвел такой ажиотаж во всем мире? Во-первых, во многом тому способствовала и сама личность Линдберга, совершившего перелет в одиночку – его привлекательная внешность и лицо подростка, его скромное поведение после полета. К этому можно добавить осознание того факта, что океан наконец-то можно пересечь по воздуху. Сама мысль о том, что можно сесть в аэроплан в Нью-Йорке и через несколько часов

оказаться в Париже, в Лос-Анджелесе или в Гаване, в то время казалась на грани научной фантастики.

Американцы также испытали новое для себя чувство превосходства в какой-то области. Сейчас это трудно представить, но американцы 1920-х годов выросли в мире, в котором почти все серьезные события происходили в Европе. И вдруг Америка стала лидировать почти во всем – в популярной культуре, в экономике и банковском секторе, в военной мощи, в технологии и изобретениях. Центр гравитации планеты постепенно перемещался в Западное полушарие, и перелет Чарльза Линдберга стал кульминацией этого явления.

Но это, конечно, не объясняет, почему сотни тысяч парижан толпами стекались в Ле-Бурже, чтобы своими глазами увидеть приземлившийся «Дух Сент-Луиса», почему четыре миллиона человек вышли на улицы Нью-Йорка, почему в честь Линдберга называли горы, маяки и бульвары. По какой-то не до конца понятной причине его перелет пробудил в людях необычайное ощущение восторга, нашедшее себе выход в невиданных ранее масштабах. С тех пор Чарльз Линдберг неизменно служил мерилom этого восторга. С его перелетом сравнивалось каждое значительное событие, а это, конечно, было почти невыносимым бременем.

С лета 1927 года прошло почти девяносто лет, и память о нем постепенно стерлась. На Лонг-Айленде уже нет тех аэродромов. Аэропорт Рузвельта закрыли в 1951 году. Сегодня на его месте располагается торговый центр площадью в 110 акров, крупнейший в штате Нью-Йорк. То место, с которого взлетали Линдберг и другие авиаторы, отмечено табличкой под эскалатором рядом с витринами магазина Disney. Рядом с автомобильной стоянкой находится одинокая статуя «Дух», сооруженная в честь перелета.

Редко кто сейчас вспоминает хотя бы имена людей, к которым было приковано всеобщее внимание летом 1927 года – Ричарда Бэрда, Сакко и Ванцетти, Джина Танни, даже самого Чарльза Линдберга. Другие и вовсе канули в безвестность. Поэтому, наверное, стоит еще раз оглянуться назад и перечислить основные события того лета. Бейб Рут установил рекорд в шестьдесят хоум-ранов. Федеральный резерв совершил ошибку, которая позднее привела к краху фондовой биржи.

Аль Капоне последний год наслаждался своей славой. На экраны вышел звуковой фильм «Певец джаза». Родилось телевидение. Радио вошло в каждый дом. Были казнены Сакко и Ванцетти. Президент Кулидж отказался баллотироваться на второй срок. Начались работы на горе Рашмор. Произошло самое обширное наводнение на реке Миссисипи. Безумец в Мичигане взорвал школу, погубив сорок пять человек в самом ужасном школьном теракте в истории Америки. Форд прекратил производство Модели А и пообещал не оскорблять евреев. А парень из Миннесоты перелетел через океан и привлек к себе внимание всего мира, пробудив невиданный ажиотаж.

Одним словом, лето выдалось нескучным.

Эпилог

«Страна может взирать на настоящее с удовлетворением и смотреть в будущее с оптимизмом».

Калвин Кулидж в своей последней речи, адресованной Конгрессу в декабре 1928 года

30 апреля 1928 года, почти через год после своего первого испытательного полета на «Духе Сент-Луиса», Чарльз Линдберг передал свой драгоценный самолет – свой корабль, как он его называл, – Смитсоновскому институту в Вашингтоне. За год самолет совершил 175 полетов и провел в воздухе 489 часов 28 минут. Его выставили в здании Искусств и промышленности на Национальной аллее 13 мая, за неделю до первой годовщины исторического перелета. Линдберг настаивал на том, чтобы «Дух Сент-Луиса» нигде больше не выставляли. С тех пор он никогда не покидал пределы Смитсоновского музея.

«Не знаю, почему он так на этом настаивал. Не представляю, чтобы кто-нибудь об этом его просил», – сказал Алекс М. Спенсер, жизнерадостный куратор музея, во время нашей беседы с ним в 2011 году.

Мы со Спенсером стояли на балконе, выходящем на просторный холл Смитсоновского Национального музея авиации и космонавтики. Прямо под нами, застыв в воображаемом полете, находился «Дух Сент-Луиса», подвешенный к потолку на тонких тросах. Он выглядел маленьким и на удивление хрупким. Поражало отсутствие у него переднего обзора. Трудно было представить, как в нем, сгорбившись, размещался Линдберг, не говоря уже о пассажирах, вроде Генри Форда. Наверное, им приходилось почти вплотную прижиматься друг к другу. С близкого расстояния также было заметно, что самолет покрыт тканью, что делало его еще более хрупким. Неудивительно, что Линдберг так сердился, когда посторонние прикасались к его драгоценной машине.

Я приехал в музей, чтобы спросить Спенсера, повлиял ли перелет Линдберга на историю авиации, и если да, то в какой степени. «О да, очень повлиял!» – воскликнул Спенсер и провел меня в соседнюю галерею под названием «Америка в воздухе». Эта галерея представляет собой кубической формы зал, заполненный разнообразными старыми самолетами. На несведущий взгляд кажется, что между ними нет никакой связи, но на самом деле все они были отобраны для выставки неспроста. «Если рассматривать их в том порядке, в каком они были выставлены, то они расскажут весьма занимательную историю», – сказал Спенсер.

Первым делом он указал на трехмоторный «Форд» 1928 года, похожий на коробку серого цвета, сделанную из алюминиевых листов. Он походил на самодельную конструкцию, словно сооруженную в гараже каким-то умельцем, не до конца еще усвоившим принципы аэродинамики. Наверное, это отчасти объясняет, почему Генри Форд отказывался подниматься на борт своих собственных самолетов.

«Сравните его со следующим», – сказал Спенсер и подвел меня к «Боингу 247-D». «Боинг» был крупнее и явно изящнее. Все его поверхности имели обтекаемую форму, крылья были лишены проводов и подпорок, двигатели были скрыты в крыльях, а не просто подвешены к ним. Он, несомненно, производил впечатление самолета уже из совсем другой эпохи, в которой большое внимание уделялось стилю.

«А потом появился вот этот», – гордо произнес Спенсер, указывая на шедевр своей коллекции, «Дуглас DC-3», сконструированный в 1935 году и запущенный в производство в 1936-м. Это был первый настоящий авиалайнер в современном смысле слова с 21 посадочным местом, способный преодолеть 1500 миль со скоростью почти 200 миль в час. Пассажиры садились на борт DC-3 в четыре часа утра в Нью-Йорке и прилетали в Лос-Анджелес еще до завтрака. Так началась эра современной авиации.

«И все это произошло менее чем за десять лет, – сказал Спенсер, оглядывая другие сокровища вокруг нас. – Вот как повлиял перелет Линдберга».

«Но рано или поздно это все равно бы случилось?» – спросил я.

«Конечно, – согласился Спенсер. – Но не так быстро, и уж без такого безусловного превосходства Америки».

По некоторым оценкам, после перелета Линдберга в авиационную промышленность Америки было вложено около 100 миллионов долларов. В середине 1920-х в небольшую авиационную фирму «Боинг» в Сиэтле поступало так мало заказов, что ей иногда приходилось браться за производство мебели. Через год после перелета Линдберга на ней была занята уже тысяча рабочих. Для 1930-х годов авиация стала тем же, чем радио для 1920-х. Сам Линдберг неустанно занимался пропагандой авиации. Едва закончился его общенациональный тур, как Дуайн Морроу, только что назначенный послом в Мексике, пригласил его посетить с дружественным визитом эту страну. Мексика тогда находилась на грани революции, и предложение, надо сказать, было довольно рискованным. Незадолго до этого на поезд между Мехико и Лос-Анджелесом напали бандиты, убившие несколько пассажиров, в том числе и молодую американскую учительницу Флоренс Андерсон. Морроу с супругой передвигались по стране в бронированных автомобилях. Казалось, вряд ли кто-то в Мексике обрадуется дружественному визиту американского летчика.

Но Линдберг принял приглашение и тут же принялся составлять план тура по Центральной Америке и Карибским островам, еще более дерзкий и временами более опасный, чем тур по Америке. Примечательно, что финансировал его Линдберг сам.

13 декабря, всего через шесть недель после окончания тура по США, Линдберг вылетел из Боллинг-Филда в Вашингтоне и направился в Мехико. Расстояние между этими столицами равно всего двум третям расстояния до Парижа, но перелет от этого был не менее героическим. Линдбергу не удалось найти подробную карту Мексики и он пользовался маленькой картой, похожей на страницу, вырванную из школьного учебника географии. Пока путь шел вдоль побережья Мексиканского залива, ориентироваться было легко, но когда он свернул у Тампико, то руководствоваться приходилось одним лишь чутьем. Единственный город, мимо которого пролетел Линдберг, не был отмечен на карте, а ведущие в разных направлениях железнодорожные пути тоже не особенно помогали. Через некоторое время летчик заметил одинокую гору, принял ее за Толуку и решил, что пролетел мимо цели. К тому времени, как он вернулся и приземлился на аэродроме Вальбуэна, он провел в воздухе 27 часов 15 минут и опаздывал на несколько часов.

Самолет коснулся земли в 14.30, и тут же к нему в едином порыве устремилась стопятидесятитысячная толпа, поднявшая самолет и затащившая его в ангар на руках. Дуайт Морроу, стоявший на трибуне вместе с президентом Мексики Плутарко Кальесом с восьми часов утра, наверное, на тот момент был самым довольным человеком в Западном полушарии.

Следующие два месяца Линдберг летал по Центральной Америке, часто при самых неблагоприятных погодных условиях или приземляясь на мало приспособленных для этого площадках. Повсюду его встречали, как героя. В его честь называли школы, реки и коктейли, не говоря уже о детях. Он посетил Гватемалу, Белиз, Сальвадор, Гондурас, Никарагуа, Коста-Рику, Панаму, Колумбию, Венесуэлу, Виргинские острова, Пуэрто-Рико, Доминиканскую Республику, Гаити, Кубу и зону Панамского канала, но Рождество встретил в Мексике, вместе с семейством Морроу. Там он познакомился с Энн Морроу, дочерью посла. Она тогда заканчивала колледж Смит в Нортгемптоне (в том городе, где жил Кулидж). Это была застенчивая, на удивление сдержанная, миловидная и умная девушка. Линдберг просто не мог сопротивляться ее чарам. Впервые в жизни у него появилась подружка. Вскоре состоялась помолвка, а через полгода они поженились.

По возвращении в США Линдберг почти сразу же снова отправился совершать героические поступки. На востоке Канады, на удаленном клочке земли под названием Гринли-Айленд у побережья Лабрадора, сел самолет, на котором из Ирландии в Канаду летели два немца и один ирландец. Это был первый успешный перелет через Атлантику в обратном направлении, но теперь летчики оказались отрезанными от земли. На помощь им вылетели Флойд Беннет и Бернт Балхен. Беннет был тем самым летчиком, что едва не погиб при первом полете «Америки» Ричарда Бэрда годом ранее. То ли ему поразительно не везло, то ли он еще полностью не поправился, но, прибыв в Канаду, он слег с воспалением легких. Узнав об этом, Линдберг попросил Рокфеллеровский институт дать ему сыворотку и тут же полетел в Канаду, несмотря на снежную бурю. К сожалению, сыворотка оказалась не того типа, и Беннет скончался в возрасте тридцати семи лет.

В Рокфеллеровском институте Линдберг познакомился с Алексисом Каррелем, который стал его другом и оказал большое влияние на его взгляды. «Никто во взрослом возрасте не повлиял на Чарльза Линдберга так, как Алексис Каррель», – писал Э. Скотт Берг в своей прославленной биографии Линдберга 1998 года. Каррель родился во Франции, в Лионе, окончил там медицинский факультет университета и стал одним из самых выдающихся хирургов того времени. Еще будучи студентом, он прославился своей необычайной ловкостью – например тем, что мог связать две нитки всего двумя пальцами или сделать пятьсот швов на клочке сигаретной бумаги. Это были не просто фокусы; такое мастерство позволило Каррелю разработать новые методы сшивания кровеносных сосудов. Их внутренняя поверхность оставалась ровной, и они не закупоривались, благодаря чему удалось спасти бесчисленное количество жизней. В 1906 году он стал членом совета Рокфеллеровского института, а шесть лет спустя был удостоен Нобелевской премии по медицине. За свою долгую карьеру Каррель также стал первым, кто выполнил операцию коронарного шунтирования (на собаке) и заложил основы для последующих исследований в области трансплантации органов и тканей.

Вместе с тем Каррель исповедовал весьма своеобразные взгляды и был приверженцем многочисленных предрассудков. Он считал, что солнечный свет оказывает неблагоприятное влияние на организм, и утверждал, что именно поэтому в тропических широтах, где солнце светит ярче всего, проживают самые отсталые народы. Он настаивал на том, чтобы в операционной все его помощники носили черные халаты и пользовались черными повязками. Он отказывался иметь дело с теми, кто не нравился ему с первого взгляда. Особенно печально прославился Каррель своими радикальными взглядами на евгенику. Он полагал, что людей с недостатками в физическом или умственном развитии «следует подвергать евгенической утилизации в газовых камерах». Такие люди, согласно его мнению, должны пожертвовать собой ради блага всего остального человечества. «В умах современного человека должна укорениться идея жертвенности, как проявления высшей социальной необходимости», – писал Каррель.

Свои взгляды, пусть и несколько непоследовательные, но в высшей степени откровенные, он изложил в книге 1935 года «Человек

— это неизвестное», пользовавшейся популярностью в то время. «Почему мы сохраняем тех, кто не приносит никакой пользы, а один лишь вред? Тех, кто убивает, грабит с применением автоматических пистолетов или автоматов, похищает детей, лишает бедняков всех их сбережений, дурачит публику в важных вопросах, исходя из гуманности и экономических соображений следует подвергать эвтаназии в небольших учреждениях при помощи соответствующих газов. Такому же обращению ради всеобщего блага следует подвергать психически неполноценных, совершивших преступление».

Каррель считал, что решить многие проблемы человечества поможет «Высший совет врачей» (в качестве председателя которого он предлагал свою собственную кандидатуру). Главной целью такого совета должно было стать сохранение власти на Земле в руках «доминантной белой расы».

Как ни удивительно, но у идей Карреля поначалу находились довольно многочисленные поклонники. Послушать его лекцию в Нью-Йоркской академии медицины собралось пять тысяч человек, и все они сгрудились в аудитории, рассчитанной на семьсот слушателей. В особое восхищение пришел Линдберг. «Казалось, что нет пределов глубине и широте его мыслей», — восторгался он.

С подачи Карреля Линдберг заинтересовался созданием механизма, который бы позволял искусственным образом осуществлять жизнеобеспечение органов во время операций, и даже разработал инструмент под названием «перфузионная помпа» — «спиральную стеклянную трубу, похожую на кипятильник», как описывал его журнал «Тайм». По сути, это был усовершенствованный фильтр. На публике Каррель с удовольствием подтверждал, что помпа действительно была создана при участии Линдберга и что она представляет революционное достижение современной науки; очень удобным образом ее демонстрация совпала с публикацией книги «Человек — это неизвестное». «Тайм» опубликовал на обложке фотографию обоих мужчин с аппаратом между ними. «Перфузионная помпа» Линдберга, конечно, была примечательным устройством, но следует заметить, что она никогда не привлекла бы такого большого внимания, если бы ее изобрел кто-то другой. Она обладала незначительной практической пользой и не играла никакой роли в

хирургии. Всего было произведено несколько перфузионных помп, и, скорее всего, ни одна из них не сохранилась даже до 1940 года.

Линдберга по-прежнему осаждали толпы, куда бы он ни пошел. Весной 1928 года он сел в самолет, чтобы немного полетать над аэродромом Кертисса. Был воскресный день, когда аэродром посещало много людей, желавших посмотреть на самолеты. Узнав о том, что здесь же находится Линдберг, на взлетную дорожку выбежало около двух тысяч человек. «В массовом буйстве», как писал «Тайм», две женщины получили травмы, несколько детей потеряли родителей, а остальные отделались синяками или порванной одеждой. Линдбергу пришлось скрываться в своем самолете четверть часа. Такова теперь была его жизнь. Даже когда они с Каррелем отправились в Копенгаген, чтобы продемонстрировать свою перфузионную помпу на научной конференции, полиции пришлось воздвигать баррикады для удержания толпы.

Уединиться нельзя было нигде. После бракосочетания в мае 1929 года Чарльз Линдберг и Энн Морроу отправились в морское свадебное путешествие у берегов штата Мэн на тридцативосьмифутовой яхте. На второй день они с негодованием следили за тем, как над ними летают самолеты с фотоаппаратами. Вскоре после этого их стал безжалостно преследовать катер с журналистами. «Целых восемь часов они беспрестанно кружили вокруг нашей яхты», — вспоминал впоследствии Линдберг, не скрывая своего раздражения.

Линдберги старались по мере сил вести нормальную жизнь. Чарльз устроился на службу в компании Transcontinental Air Transport (предшественницу TWA) и Pan Am. Все постепенно шло к тому, чтобы он занял один из руководящих постов, как их с Энн размеренную семейную жизнь прервало ужасное происшествие. В начале 1932 года через окно верхнего этажа в их дом близ Хоупвелла в Нью-Джерси пробрался некий злоумышленник, похитивший их малолетнего сына, Чарльза Огастеса-младшего. Несмотря на то, что родители выплатили выкуп в 50 тысяч долларов, через два месяца было найдено тело ребенка.

Но и в глубоком горе супруги Линдберг не могли найти уединения. Над их домом на низкой высоте постоянно летали самолеты, предлагавшие любому всего за два с половиной доллара посмотреть на известных людей. В морг в Трентоне каким-то образом

проникли два фотографа, сделавшие фотографии мертвого ребенка. Эти фотографии были слишком мрачными для публикации в газетах, но их можно было купить с рук за пять долларов. Когда в городке Флемингтон в штате Нью-Джерси начался судебный процесс над предполагаемым преступником, немецким иммигрантом Бруно Ричардом Хауптманном, в первый же день в него приехали сто тысяч любопытных зевак. В феврале 1935 года Хауптманн был признан виновным и приговорен к казни. Палачом его был Роберт Дж. Эллиотт.

К тому времени Чарльз и Энн решили, что с них хватит жизни в Америке, и переехали в Европу, сначала в Кент в Англии, а потом на крошечный остров у северного побережья Бретани. На соседнем острове находился летний дом Алексиса Карреля и его жены. Линдберги много путешествовали по Европе, но чаще всего по Германии. В 1936 году Чарльз посетил Олимпийские игры в Берлине и остался чрезвычайно довольным приемом, устроенным ему нацистами. Позже он писал другу, что немцы «обладают благопристойностью и представлением о ценностях, далеко превосходящими наши» – довольно странное мнение о нацистской Германии того времени.

В 1938 году Линдберг принял орден Германского орла из рук Геринга, что многие американцы сочли возмутительным. Энн с горечью, и вполне обоснованно, утверждала, что это произошло во время официального обеда в посольстве США в Берлине, что Геринг был гостем американского правительства и что Линдберг не знал о предстоящем награждении. Да, все это было действительно так. Но, с другой стороны, он так и не вернул награду, даже после того как США объявили войну Германии.

Нет никаких доказательств, что Чарльз Линдберг когда-либо поддерживал зверства нацистов, но тот факт, что он их часто хвалил и оправдывал, говорит о многом. Они с Энн были поклонниками Адольфа Гитлера, и Энн описывала Гитлера, как «провидца, искренне желающего блага для своей страны». Линдберг называл Гитлера «несомненно великим человеком». Он признавал, что иногда фашисты демонстрируют склонность к фанатизму, но утверждал, что «многие из достижений Гитлера было бы невозможно осуществить без некоторой доли фанатизма».

Линдберги серьезно подумывали о переезде в Германию, но как раз в это время произошла печально известная «Хрустальная ночь», когда жители по всей Германии громили еврейские магазины и дома. Свое название эта серия погромов получила из-за разбитых стеклянных витрин. По сути это было грандиозное побоище при поддержке властей. В своей книге «Гитлерланд» Эндрю Нагорски описывает случай, когда маленького мальчика выбросили из окна на улицу; весь в крови, он попытался уползти, но толпа принялась пинать его ногами, и запинала бы до смерти, если бы его не спас проходивший мимо американец. «Хрустальная ночь» ужаснула весь мир.

Линдберги, конечно, тоже ужаснулись, но на свой странный лад. Энн писала в своем дневнике: «Только-только приходишь к мысли, что понимаешь мысли и дела этих людей, как они вдруг совершают нечто глупое, жестокое и недисциплинированное. Я шокирована и потрясена. Как мы там будем жить?» Здесь поражают два факта. Во-первых, хотя Энн и потрясена этими конкретными событиями («нечто глупое, жестокое и недисциплинированное»), она нисколько не возражает против общего отношения немцев к евреям. Во-вторых, судя по ее собственным словам, она вовсе не оставила мыслей о переезде в Германию, а просто опасается, что «Хрустальная ночь» сделает их положение немного более неловким.

Тогда люди впервые начали задаваться вопросом, на самом ли деле Чарльз Линдберг является национальным героем. Дальше было только хуже.

Говорили, что Линдбергам предлагали в Берлине дом, конфискованный у еврея, но они решили вернуться на родину. Там Чарльз связался с организацией под названием «Америка прежде всего» (America First), которая выступала против вовлечения Америки в европейскую войну. В сентябре 1941 года Линдберг посетил Де-Мойн в Айове, где собирался выступить с речью, в которой надеялся объяснить, почему он считает, что война с Германией будет ошибкой. Эту речь должны были передавать по национальному радио. В Колизее Де-Мойна в тот вечер собрались около восьми тысяч человек. Перед речью Линдберга, запланированной на 9.30, собравшиеся выслушали радиообращение Франклина Рузвельта из Белого дома. Сейчас мало вспоминают о том, что Америка едва не объявила войну Германии еще

в сентябре 1941 года. Немецкие подводные лодки только что потопили три американских грузовых судна и атаковали военный корабль «Грир». Многие сторонники «Америки прежде всего» считали, что американские суда спровоцировали нападение, но в целом американцы считали такое предположение возмутительным. Вполне понятно, что после речи Рузвельта, когда на сцену вышел Линдберг, в воздухе повисло напряжение. Высоким, сбивающимся голосом, судя по воспоминаниям очевидцев, Линдберг заявил, что к войне Америку толкают три силы, намеренно искажающие факты, – британцы, евреи и Франклин Делано Рузвельт. «Я сейчас говорю только об агитаторах войны, а не о сбитых с толку мужчинах и женщинах, которые под влиянием дезинформации и пропаганды следуют за агитаторами», – сказал он.

Слова Линдберга были в равной степени встречены звуками недовольства и аплодисментами. Каждый раз, как его прерывали, он останавливался и замолкал, пока в зале не наступала тишина. По его словам, особенно вредное влияние оказывали евреи, потому что владели значительной долей предприятий и финансовых институтов, и контролировали «наш кинематограф, нашу прессу, наше радио, наше правительство». Линдберг признал, что евреи имеют право негодовать по поводу того, как с представителями их расы обращаются в Германии, но настаивал на том, что военная политика опасна не только для «нас», но и для «них». Как он пришел к такому выводу, он не уточнил.

Великобритания, как утверждал Линдберг, «недостаточно сильна, чтобы выиграть войну, которую она объявила Германии». Под конец он сделал вывод в духе Карреля: «Вместо того чтобы воевать с Германией, Америка должна вместе с ней и Англией сформировать расовую «Западную стену», которая будет как сдерживать завоевателей вроде Чингисхана, так и защищать от проникновения крови низших рас».

Статья в редакторской колонке вышедшей на следующее утро газеты «Де-Мойн регистер» старалась сохранить здравомыслящий тон. «Возможно, со стороны полковника Линдберга высказать то, что у него на уме, – это смелый шаг, но недостаток дальновидности и неспособность предвидеть последствия своих заявлений лишает его

возможности добиться сколько-нибудь значимого политического влияния в нашей республике».

Позже тем же днем пришло сообщение о том, что у берегов Гренландии немцы подбили торпедами 1700-тонное грузовое судно «Монтана». По всей Америке люди стали отрекаться от Линдберга. Уэнделл Уилки, кандидат в президенты от Республиканской партии, назвал речь Линдберга «самой неамериканской речью, с которой на моей памяти выступал какой-либо деятель общенационального масштаба». Названные в честь Линдберга улицы, школы и аэропорты переименовывали. Пик Линдберга стал пиком Одинокого орла. Маяк Линдберга в Чикаго стал маяком Палмолив. TWA перестала называть себя «авиалиниями Линдберга». Имя Линдберга было замазано даже на водонапорной башне в его родном городке Литл-Фолс. В частной беседе президент Рузвельт сказал: «Я абсолютно уверен, что Линдберг нацист». Три месяца спустя Япония напала на Перл-Харбор, и Америка вступила в войну.

После объявления войны Линдберг высказался безусловно в поддержку Америки, но было уже поздно. Репутация его уже была испорчена. После войны он занялся охраной природы и многое сделал в этой области, хотя и не привлекая внимание публики. В 1957 году вышел фильм, посвященный его перелету в Париж, главную роль в котором сыграл Джеймс Стюарт, но в прокате он провалился. Со временем Линдберг отдалился от общественной жизни. Он умер от рака в своем доме на гавайском острове Мауи в 1974 году, в возрасте семидесяти двух лет.

Почти через тридцать лет после его смерти, в 2003 году, выяснилось, что личная жизнь Линдберга была гораздо более сложной, чем предполагалось прежде. С 1957 года и до самой своей смерти Линдберг поддерживал связь с продавщицей дамских шляп из Мюнхена, некоей Бригиттой Хессхаймер, от которой у него родились два сына и дочь. Дети рассказали журналистам, что для них Линдберг был «загадочным посетителем, приезжавшим один-два раза в год». Они знали, что это их отец, но думали, что его зовут Кареу Кент.

Также выяснилось, что близкие отношения связывали Линдберга и с сестрой Бригитты Хессхаймер, Мариеттой, от которой у него родилось два ребенка. Другой его любовницей была немецкая секретарша, предположительно под именем Валеска, от которой у него

родились еще два ребенка. Эти связи он держал в такой тайне, что не его американская семья, ни биограф Э. Скотт Берг не имели о них ни малейшего представления. Как это ему удавалось, еще только предстоит выяснить.

Что можно утверждать наверняка, так это то, что личность великого героя двадцатого столетия таила в себе немало загадок и что он не был таким уж героем, каким его было принято считать.

По сравнению с биографией Линдберга жизненные пути других главных персонажей этой книги кажутся довольно обыденными и не слишком интересными. Тем не менее стоит вкратце рассказать, что происходило с ними после долгого лета 1927 года.

Шарль Нунжессер и Франсуа Коли, два французских авиатора, с которых и началась эта история, пропали навсегда, но их не забыли. В ноябре 1927 года мэр Нью-Йорка был вынужден признать, что 30 тысяч долларов, которые он собирался передать вдове Нунжессера в Париже, таинственным образом исчезли. Это были деньги так называемого Фонда Рокси, собранные на благотворительном концерте в театре Рокси, который Линдберг посещал в июне. Около 70 тысяч долларов, собранные в других городах Америки, в конечном счете нашлись, но в Нью-Йорке деньги пропали навсегда.

В наши дни неподалеку от маленького тихого курорта Этрета в Нормандии, на прибрежном утесе стоит белый мемориал, похожий скорее на гигантское перо чернильной ручки, устремленный в небо по направлению к Америке. Так отмечено место, где отважные французские летчики навсегда покинули свою родную землю. Это единственный памятник, посвященный известным полетам 1927 года.

В нескольких милях на запад находится деревушка Вер-сюр-Мер, у которой опустил в море самолет экипаж командора Ричарда Бэрда. В небольшом муниципальном музее хранятся несколько реликвий той ночи, в том числе и фрагмент обшивки самолета — все, что сохранилось от него до наших дней.

После перелета через Атлантику Бэрд предпринял две длительные экспедиции в Антарктиду, одну из которых на удивление щедро финансировал Джейкоб Руперт, владелец «Янкиз». В первую из этих экспедиций Бэрд пролетел над Южным полюсом. Впоследствии он

стал контр-адмиралом флота и оставшуюся часть жизни провел в лучах славы. Умер он в 1957 году, в возрасте шестидесяти семи лет.

Бернт Балхен, член экипажа «Америки», сопровождал Бэрда в полете на Южный полюс. Позже он стал полковником ВВС США и сделал неплохую карьеру, хотя, как было сказано ранее, впал в немилость у семейства Бэрда, написав в своей автобиографии, что Бэрд в 1926 году не долетал до Северного полюса. Балхен умер в 1973 году. Джордж Новилл сопровождал Бэрда во время его второй экспедиции. В его честь названы полуостров Новилла и гора Новилла в Антарктиде. Новилл умер в 1963 году в Калифорнии, и о нем помимо этого мало что известно. Берту Акосте, четвертому члену экипажа «Америки», повезло меньше. Он постепенно пристрастился к спиртному, и его несколько раз арестовывали за бродяжничество и неуплату алиментов. В 1930-х годах, на волне энтузиазма он отправился в Испанию летчиком, сражаться с фашистами, но по возвращении в США снова опустился и умер в одиночестве в 1954 году.

Пошла постепенно под уклон и жизнь странного и загадочного Чарльза А. Левина. В октябре 1927 года, проведя в Париже почти пять месяцев, Левин наконец-то вернулся домой. Специально для него на Пятой авеню устроили торжественную процессию, но на нее почти никто не пришел. На официальном обеде в отеле «Астор» мэр Джимми Уокер прямо упомянул о том, что Левина приняли слишком холодно.

Позже выяснилось, почему Левин так долго находился в Европе. Министерство юстиции разыскивало его за неуплату налогов в размере 500 тысяч долларов, и это стало первой из череды крупных неприятностей в жизни Левина. В 1931 году полиция выписала ордер на его арест по обвинению в крупном хищении, после того как он не явился на беседу по поводу неправильно оформленного банковского кредита на 25 тысяч долларов. Вскоре после этого его арестовали в Австрии, обвинив в том, что он планировал производить фальшивые деньги и фишки для казино. Позже эти обвинения сняли. В 1932 году Левин получил условное наказание за нарушение закона о компенсации рабочим. В 1933 году его обвинили в попытке ввоза фальшивых денег в Нью-Джерси, хотя и это обвинение впоследствии было снято. В 1937 году его приговорили к тюремному заключению за контрабандный ввоз двух тысяч фунтов вольфрамового порошка в

США из Канады, и он отсидел полтора года в исправительном заведении Льюисберга. В 1942 году его приговорили к 150 дням заключения за попытку нелегального перевода иностранца через границу США и Мексики. Этим иностранцем был некий еврейский беженец, поэтому дело носило, можно сказать, гуманитарный характер, но по какой-то причине суд не принял это во внимание.

После этого о Левине не поступало никаких известий. В 1971 году, в очередном издании словаря «Американское наследие», в статье о «Колумбии» про Левина было написано, что его местонахождение не установлено. В действительности он скончался в 1991 году в Вашингтоне, в возрасте девяноста четырех лет, в относительной бедности.

Компаньон Левина, Кларенс Чемберлин, после 1927 года прожил еще почти полвека, но не совершил ничего примечательного. Он работал консультантом в авиации и одно время управлял новым аэропортом Флорид Беннет Филд (названном так в честь неудачливого авиатора) в Бруклине, первым общественным аэропортом Нью-Йорка, открывшимся в 1930 году. Умер он в Коннектикуте в 1976 году, незадолго до своего восьмидесяти третьего дня рождения.

Бейб Рут и Лу Гериг закончили осень 1927 года так называемым «гастрольным туром» – серией показательных матчей с местными командами в разных городах. Тур выдался на удивление прибыльным, и Рут с Геригом заработали на нем примерно столько же, сколько получали за год в виде зарплаты.

«Гастрольные туры», как правило, ни к чему не обязывали и бывали хаотичными. Болельщики часто выбегали на поле за отбитым мячом, и аутфилдеры сталкивались с ними в попытке поймать мяч. Тринадцать из двадцати одной игры в 1927 году пришлось остановить, потому что не удалось утихомирить толпу. В Су-Сити в Айове в один момент на поле оказалось целых две тысячи болельщиков и Лу Гериг, как утверждалось, даже спас жизнь одному мужчине, которого едва не затоптали.

На подобном же туре окончательно оборвалась дружба между Геригом и Рут. Ко всеобщему удивлению, в 1932 году Гериг начал встречаться с некоей молодой женщиной по имени Элинор Твитчелл. В следующем году они поженились. В 1934 году Элинор сопровождала

Лу и нескольких других членов команды в послесезонном туре по Японии. Когда они пересекали океан, однажды вечером она пропала. Лу, беспокоясь, что она упала за борт, повсюду ее искал и наконец нашел в каюте Рута вместе с самим Бейбом. Оба они были пьяные. Что еще происходило между ними, неизвестно, но на протяжении нескольких лет ходили слухи, что они вовсе не ограничились простой светской беседой. Когда много лет спустя об этом спросили Билла Дики, бывшего кетчера «Янкиз», он признал, что «кое-что действительно случилось», но не стал уточнять, что именно. «Не хочу говорить об этом», – сказал он. Известно только, что с тех пор Гериг с Рутон не разговаривали.

В начале 1939 года, после почти четырнадцати лет, на протяжении которых Лу Гериг не пропустил ни одной игры в сезоне, он вдруг ослаб и потерял сноровку. После восьмой игры он попросил оставить себя на скамейке запасных, закончив тем самым непрерывную серию из 2130 игр – рекорд, который продержался столетия. В Клинике Майо в Рочестере, штат Миннесота, ему сказали, что он страдает от бокового амиотрофического склероза, постепенно развивающегося заболевания.

Вскоре после того как его диагноз стал достоянием публики, «Янкиз» устроили день в честь Лу Герига. Ему вручали подарки и призы; Джо Маккарти, новый менеджер «Янкиз», не скрывал слез, зачитывая список заслуг великого игрока. Выступление самого Лу Герига в программу не входило, потому что все знали, как он боится говорить перед большим скоплением народа, но он сам подошел к микрофону и произнес небольшую, но очень трогательную речь, которая стала самой проникновенной в спортивной истории Америки. Он начал так:

«Дорогие болельщики. В последние две недели вы читаете новости о том, как мне стало плохо. Сегодня же я считаю себя самым счастливым человеком на Земле. Я провел на стадионах семнадцать лет, и всегда слышал от вас только слова благодарности и поддержки. Посмотрите на этих великих людей. Кто из вас не согласится с тем, что для него было бы честью провести рядом с ними хотя бы один день жизни?»

Он выступал не более минуты, в основном благодаря своих товарищей и близких. Собравшиеся на стадионе были тронуты до слез

не столько словами, сколько искренностью, с какой он их произносил. Закончив, он получил такой бурный шквал оваций, какого «Янки-Стэдиум» не слышал ни до, ни после. К Лу Геригу подошел Бейб Рут, обнял его и что-то прошептал на ухо. Так они впервые поговорили за шесть лет. Через два года, 2 июня 1941 года, Гериг умер. Ему было всего тридцать семь лет.

Бейб Рут ушел в отставку в 1935 году. Он хотел стать менеджером «Янкиз», но Джейкоб Руперт поспешил отговорить его от этой идеи. «Ты даже за собой присматривать не можешь», – сказал он довольно язвительно. Тогда Рут перешел в бостонскую команду «Брейвз», одну из худших в бейсболе. Там он сыграл двадцать восемь игр, но закончил со свойственным ему размахом. В последней игре против «Пиратов» 25 мая 1935 года он выбил три хоум-рана. Ко времени отставки на его счету было пятьдесят шесть рекордов высшей лиги.

13 июня 1948 года Бейб Рут, во время церемонии прощания, похожей на церемонию Герига, вышел на «Янки-Стэдиум» в последний раз. Он умирал от рака и выглядел тяжело больным. Форма «Янкиз» свободно свисала с его худых плеч. Он произнес несколько слов благодарности в микрофон, установленный на домашней базе, но говорить ему было тяжело.

Умер он два месяца спустя, в возрасте пятидесяти трех лет. Гарри Хупер, его давний товарищ, сказал, что Рут был «человеком, которого так много людей любили в такой несравнимой степени, как никого другого». Уэйт Хойт выразился проще: «Бог мой, как же мы любили этого сукина сына! Он был для нас постоянным источником радости».

В начале декабря Генри Форд наконец-то выпустил долгожданную Модель А. Чтобы никто не пропустил это важное событие, компания разместила полностраничные объявления в двух тысячах ежедневных газет.

Люди стекались в демонстрационные залы, чтобы подивиться экзотическим цветам новой модели – «арабский песок», «розовый беж», «орудийный синий», «ниагарский синий» и «андалузский синий». Эти модели действительно были стильными, удобными и продуманными; продавались они по цене от 385 до 1400 долларов, в зависимости от комплектации. В каждом городе демонстрационные залы Форда можно было узнать сразу по осаждающим их толпам. По

некоторым оценкам в первые тридцать шесть часов продаж автомобили посмотрели около десяти миллионов человек.

Изначальная реакция была положительной. В первые две недели декабря поступили заказы примерно на четыреста тысяч экземпляров Модели А. Но Форд не сообщил покупателям, что производство только набирало обороты и что в день производилось только около сотни машин. Поэтому дилеры, у которых несколько месяцев не было покупателей, вдруг обнаружили себя в совершенно противоположной ситуации – куча покупателей и почти ни одной машины на продажу. Это стало ощутимым ударом по репутации фирмы.

В общем итоге Модель А пользовалась скромным успехом. Ее производство прекратилось через четыре года, когда стало ясно, что американский потребитель требует ежегодной смены моделей. В 1930-х годах компания «Форд» опустилась на третье место по рыночной доле; объем ее продаж составлял едва половину объема продаж компании «Дженерал моторс» и менее половины объема продаж «Крайслер». Количество рабочих мест сократилось с 170 тысяч в 1929 году до 46 тысяч в 1932 году, а общее производство заводов Форда упало с 1,5 миллиона автомобилей до немногим более 230 тысяч. Компания, конечно, выжила и осталась одним из главных американских производителей автомобилей, но никогда уже не занимала лидирующего места, как прежде.

Эдсел Форд умер от рака желудка в 1943 году, в возрасте сорока девяти лет, так и не выйдя из тени отца. Генри Форд, постепенно дряхлея, пережил его на четыре года и скончался в возрасте восьмидесяти трех лет. Он так ни разу и не посетил «Фордландию», свою каучуковую империю в Бразилии.

Рут Снайдер и Джадд Грей встретили свою участь в тюрьме Синг-Синг в январе 1928 года, через месяц после выхода Модели А. Палачом их был все тот же печально известный Роберт Дж. Эллиотт.

Первым на электрический стул усадили Снайдер. «Когда взгляд ее упал на орудия смерти, она едва не лишилась сознания, – вспоминал Эллиотт в своих мемуарах. – Надзирательницы бережно усадили ее на стул, и пока ее закрепляли, она разрыдалась. «Иисус, смилуйся надо мной, ибо я согрешила», – молилась она между всхлипываниями». Эллиотт аккуратно присоединил электроды к ее правой ноге и к

основанию шеи и покрыл ее голову мешком. По какой-то причине ее избавили от обычного в таких случаях кожаного футбольного шлема. Затем Эллиотт шагнул назад и опустил рубильник. Через две минуты Рут Снайдер была мертва. Это была первая казнь женщины на электрическом стуле.

Грей подошел к стулу неподобающим такому случаю деловым шагом, словно торопился на визит к дантисту. На его лице отражалось полное хладнокровие, и он даже помогал пристегивать себя к стулу. «Это был один из самых храбрых людей, которые готовились встретить смерть по воле закона, – писал Эллиотт. – Мне было чрезвычайно жаль мужчину, который предал свою жену и дочь ради женщины, которая в тот момент лежала мертвая чуть поодаль. Мне кажется, все в комнате испытывали такое же сожаление». Через две минуты Грей тоже был мертв.

На следующее утро читателей «Нью-Йорк дейли ньюс» приветствовал сенсационный выпуск. Во всю первую страницу шло единственное слово «МЕРТВА!», под которым была напечатана фотография Рут Снайдер во время казни. Голова ее была покрыта, а тело пристегнуто ремнями к стулу, но в остальном она казалась вполне спокойной. Снимок сделал журналист «Дейли ньюс» Том Говард, который присутствовал на месте казни, как официальный свидетель, и пронес прикрепленный к ноге миниатюрный фотоаппарат. В нужный момент он просто приподнял штанину и нажал на кнопку в кармане. Газеты разлетелись в первые же минуты, как только их доставили на улицы. В самой газете казни были посвящены 289 дюймов текста. Даже журнал «Тайм» уделил ей 63 с половиной дюйма, то есть более 5 футов пристального внимания.

Через два месяца после казни Роберт Дж. Эллиотт с женой мирно спали в своем доме в Ричмонд-Хилле в Куинсе, как раздался мощный взрыв, сбросивший их с кровати. Террористы – скорее всего, сторонники Сакко и Ванцетти – оставили взрывное устройство на крыльце их дома. Сила взрыва была такова, что снесла крышу на тридцать футов, но Эллиотты не пострадали. Дом, конечно, пришлось перестраивать. Никого из террористов по этому делу так и не арестовали. Эллиотт скончался от сердечного приступа в октябре 1939 года в возрасте шестидесяти девяти лет.

Герберту Гуверу на пути к посту президента пришлось столкнуться с некоторыми препятствиями. Осенью 1927 года его соперники, которых было немало, стали утверждать, что Гувер не имеет права избираться в президенты, потому что не проживал в Америке на протяжении последних четырнадцати лет, как того требовала конституция. (Это условие было принято отцами-основателями, чтобы президентом мог стать только тот, кто хранил верность Америке во время Войны за независимость.) Также ходили слухи, что однажды Гувер подавал заявление о предоставлении ему гражданства Великобритании (что было вымыслом).

В конце концов ему удалось преодолеть все препятствия, и 4 ноября 1928 года Герберт Гувер был избран президентом США с рекордным перевесом голосов, получив две трети голосов избирателей и 80 процентов голосов коллегии выборщиков. Среди тех, кто голосовал за него, был и Чарльз Линдберг.

Гувер вступил в должность в марте 1929 года, а в октябре произошел крах фондового рынка. Гувер так и не оправился от этого удара. За три года после финансового краха уровень безработицы в Америке вырос с трех до двадцати пяти процентов, тогда как средний доход семьи упал на 33 процента, промышленное производство – почти на 50 процентов, а финансовый рынок – на 90 процентов. Разорились одиннадцать тысяч банков.

Гувер сделал многое для восстановления экономики. Он потратил 3,5 миллиарда долларов на общественные работы, включая строительство моста Золотые Ворота в Сан-Франциско и Плотины Гувера. Свою собственную зарплату он отдавал на благотворительность. Один помощник президента Рузвельта однажды признался: «По сути, Новый курс был основан на тех программах, которые начал Гувер». Но общественное мнение было уже не на его стороне. В 1931 году его освистали – это был первый случай, когда президента освистали во время матча «Мировой серии».

Выиграв выборы 1928 года с рекордным преимуществом, Гувер проиграл выборы 1932 года с таким же рекордным отставанием. Он продолжал усердно заниматься общественной деятельностью и после того, как оставил кресло президента. Однажды он писал четыре книги одновременно, каждую на отдельном столе. Гувер умер в 1964 году, в возрасте девяноста лет, и его похоронили в Вест-Бранче в Айове, хотя

к тому времени он не жил там уже почти восемьдесят лет. Сегодня президентская библиотека имени Гувера в Вест-Бранче включает в себя превосходный музей, в котором, помимо прочего, выставлено телевизионное оборудование, с помощью которого передавали его речь в апреле 1927 года.

Завершив свой срок, Калвин Кулидж вместе с супругой Грейс удалился на покой в арендуемый дом в Нортгемптоне в Массачусетсе. Он стал членом совета директоров Нью-Йоркской страховой компании, и исправно посещал ежемесячные собрания за вознаграждение в 50 долларов с компенсацией расходов. Также он писал автобиографию и вел колонку в газете синдиката. Вскоре после встречи нового, 1933 года он пошел побриться в ванную, где Грейс нашла его умершим от сердечного приступа. Ему было шестьдесят девять лет. Согласно завещанию Кулиджа, после его смерти большинство его личных документов было уничтожено.

Бенджамин Стронг, один из тех, кто, возможно, способствовал краху мирового фондового рынка, не дожил до Великой депрессии. Он скончался от туберкулеза в октябре 1928 года, в возрасте пятидесяти пяти лет. Также ненадолго пережил лето 1927 года и Майрон Херрик. Он простудился под дождем во время похорон французского военного героя маршала Фердинанда Фоша в марте 1929 года и умер несколько дней спустя. Ему было семьдесят четыре года.

Через шесть месяцев после смерти Херрика у менеджера «Янкиз» Миллера Хаггинса появилось пятно под глазом и поднялась температура. Он отправился в больницу Святого Винсента в Нью-Йорке, и почти сразу же ему стало гораздо хуже. У него определили рожистое воспаление (которое в народе называли «огнем Святого Антония»), которое в наши дни лечат антибиотиками. В 1929 году эффективных методов лечения не существовало, и Хаггинс умер 25 сентября 1929 года в возрасте пятидесяти лет.

Дуайт Морроу был послом в Мексике три года, после чего вернулся домой и, как представитель Республиканской партии, участвовал в сенатских выборах от штата Нью-Джерси. Он ратовал за

отмену Сухого закона и выиграл с небольшим перевесом, но неожиданно скончался от инсульта во сне 5 октября 1931 года в возрасте пятидесяти восьми лет. Пять месяцев спустя похитили его внука.

Через полгода после похищения ребенка Линдбергов имя судьи Уэбстера Тэйера вновь ненадолго попало на страницы газет, после того как у его дома взорвалась бомба, подложенная, предположительно, сторонниками Сакко и Ванцетти. Остаток жизни Тэйер провел под охраной полиции в своем бостонском клубе, хотя прожил он недолго. Он умер чуть более чем полгода спустя, в возрасте семидесяти пяти лет. Алван Фуллер, другое значимое лицо в деле Сакко и Ванцетти, ушел с поста губернатора Массачусетса в 1929 году, но несколько лет прожил под охраной полиции. После смерти Майрона Херрика Фуллера хотели назначить послом во Франции, но французы отклонили его кандидатуру на том основании, что не могут гарантировать его безопасность. Оставшиеся двадцать девять лет жизни Фуллер занимался бизнесом и благотворительностью. Он умер от сердечного приступа в бостонском кинотеатре в 1958 году.

Джек Демпси потерял все свое состояние во время краха на Уолл-стрит. В 1935 году он открыл на Бродвее ресторан, просуществовавший до 1974 года. Сам Демпси дожил до 1983 года и скончался в возрасте восьмидесяти семи лет.

Джин Танни в 1929 году женился на представительнице клана Карнеги Полли Лаудер, которая не видела ни один из его боев. Медовый месяц они провели на острове Бриони в Адриатическом море, где Танни, помимо того, что уделял внимание своей жене, «гулял, плавал и беседовал» с Джорджем Бернардом Шоу. В дальнейшем Танни написал несколько книг воспоминаний, стал членом совета директоров некоторых крупных компаний и превратился в «солидного и авторитетного знатока всего на свете», как немного язвительно писал Джон Ларднер в посвященной ему статье журнала «Нью-Йоркер» в 1959 году. Его сын занимал пост сенатора США от Калифорнии с 1965 по 1971 год. Танни скончался в 1978 году в возрасте восьмидесяти одного года. Самым же удачливым бойцом

1920-х можно назвать «дикого быка» Луиса Фирпо. Прибыв в Америку без гроша в кармане, Фирпо через шесть лет вернулся на родину миллионером. Он разумно инвестировал свои деньги и создал целую скотоводческую империю, владения которой простирались более чем на двести тысяч акров. На момент его смерти в 1960 году в возрасте шестидесяти пяти лет его состояние оценивалось в 5 миллионов долларов.

Звезда тенниса Билл Тилден выиграл свой третий Уимблдонский турнир в 1930 году в возрасте тридцати семи лет и закончил карьеру с рекордным счетом 907:62 и процентом побед 93,6. Уйдя в отставку, он занимался актерской деятельностью и даже сыграл главную роль в повторной постановке «Дракулы», хита 1927 года. Вместе с тем им овладело трагическое влечение к юным худощавым мальчикам. В 1947 году его приговорили к одному году тюремного заключения в Лос-Анджелесе за непристойные действия в отношении несовершеннолетнего. Вскоре после освобождения его снова задержали по тому же обвинению и посадили за решетку во второй раз. Он окончательно потерял немногих оставшихся друзей и закончил свои дни в бедности, покинутый всеми. Когда он умер от сердечного приступа в 1953 году в возрасте шестидесяти лет, его личное имущество оценили в 80 долларов.

Вскоре после поединка между Танны и Демпси мэр Чикаго «Большой Билл» Томпсон вдруг выступил против Аль Капоне, полагая – без всякого основания, – что Аль Капоне мешает его политическому успеху в национальном масштабе и, возможно, даже не дает ему стать кандидатом в президенты от Республиканской партии. Лишившемуся защиты Аль Капоне в начале 1928 года пришлось уехать во Флориду и некоторое время пожить в Майами-Бич. В следующем году его арестовали, когда он пересеживался с одного поезда на другой в Филадельфии, и приговорили к году тюремного заключения за пронос спрятанного оружия. В 1931 году его приговорили к одиннадцати годам тюремного заключения за уклонение от уплаты налогов.

Поначалу в тюрьме Капоне жилось не слишком уж туго. У него была отличная кровать с пружинным матрасом, и ему в камеру приносили еду домашнего приготовления, а на День благодарения –

запеченную индейку, которую разрезал специально приглашенный официант. В камере у него хранился запас алкогольных напитков, и начальник тюрьмы разрешал ему принимать гостей в любое время. Начальник отрицал, что предоставляет Аль Капоне особые условия, пока не выяснилось, что он пользуется автомобилем Капоне. В 1934 году положение Капоне ухудшилось, после того как его перевели во вновь открытую тюрьму Алькатрас на острове у берегов Сан-Франциско – Аль Капоне стал одним из первых заключенных, переведенных в эту федеральную тюрьму. На свободу он вышел в конце 1939 года, страдая от застарелого сифилиса. Умер он в 1947 году во Флориде от инсульта и остановки сердца.

Примерно в то же время, когда Аль Капоне перевели в Алькатрас, на другом конце страны в Италию депортировали Чарльза Понци. Позже он переехал в Латинскую Америку и умер в бедности в благотворительном отделении больницы Буэнос-Айреса в 1949 году.

Мейбл Уокер Виллебрандт, женщина-юрист, которой пришла в голову идея добиваться судебного преследования гангстеров вроде Аль Капоне за неуплату налогов, дожила до 1963 года и умерла в Калифорнии незадолго до своего семьдесят четвертого дня рождения. Оставив правительственную службу в 1929 году, она устроилась на высокооплачиваемую работу главного консультанта калифорнийской компании «Фрут индастрис лимитед», которая занималась не только выращиванием винограда, но и тем, что обучала своих клиентов делать из него домашнее вино. Этот факт наводил на мысли о том, что Виллебрандт была лицемером (как и было на самом деле) и она, пусть и в небольшом, но психологически важном смысле повлияла на отмену Сухого закона.

Петиция об отмене Сухого закона была рассмотрена в Конгрессе в начале 1933 года. Обсуждение законопроекта заняло не более сорока минут. Как вспоминал Дэниел Окрент в своей истории Сухого закона, «из двадцати двух сенаторов, которые за шестнадцать лет до этого проголосовали за Восемнадцатую поправку и до сих пор были сенаторами, семнадцать проголосовало за отмену своего прежнего предложения». Сухой закон был официально отменен в декабре 1933 года.

Также в 1933 году пришли вести о, казалось бы, позабытом авиаторе Франческо де Пинедо. По возвращении в Италию в 1927 году Пинедо возобновил службу в ВВС Италии и даже строил планы сместить министра ВВС Итало Бальбо. Узнав об этом, Бальбо отослал Пинедо в самую дальнюю точку, в какую только мог, – в Буэнос-Айрес. Там Пинедо и прозябал в неизвестности, пока в 1933 году неожиданно не оказался на аэродроме Флойда Беннета в Бруклине, откуда намеревался вылететь в Багдад и преодолеть в одиночку 6300 миль.

Хотя еще никто не летал на такое далекое расстояние, в день отлета Пинедо вышел на поле в саржевом костюме, серой фетровой шляпе и легком свитере. На ногах у него были домашние туфли. Вся затея была заведомо обречена на провал, но никто не попытался остановить его. Во время разгона самолет стал вилять из стороны в сторону, а затем повернул к административному зданию, где собралась небольшая толпа. К счастью, никто из людей не пострадал, но крыло задело некое препятствие, самолет задрал нос и врезался в припаркованный автомобиль. Пинедо вылетел на асфальт, но, согласно некоторым сообщениям, поднялся на ноги и попытался забраться обратно в самолет – явно не осознавая, что делает. Впрочем, один из очевидцев утверждал, что Пинедо все время лежал не вставая. В любом случае, не успели к нему подбежать на помощь, как самолет взорвался и Пинедо погиб. Чем он руководствовался тем утром и почему не попытался отбежать с места крушения – ответы на эти вопросы навсегда останутся загадкой.

Переход от немого к звуковому кино произошел гораздо быстрее всех ожиданий. В июне 1929 года, всего через полтора года после выхода на экраны «Певца джаза», только три из семнадцати кинотеатров Бродвея демонстрировали немые картины. Но Великая депрессия нанесла индустрии тяжелый урон. К 1933 году почти треть американских кинотеатров закрылись, и многие студии оказались на грани выживания. Компания «Парамаунт» обанкротилась, как обанкротились RKO и «Юниверсал». «Фокс» попыталась провести реорганизацию, и в конечном итоге ее спасла более мелкая студия «Твенти сенчури».

В 1932 году Рокси Ротафель открыл в нью-йоркском Рокфеллеровском центре мюзик-холл «Радио-Сити» (женский танцевальный коллектив «Рокетс» одно время назывался «Роксетс»). Но время было упущено, и в мае театр Рокси был объявлен банкротом с внешним управлением. Два года спустя Ротафеля назначили управляющим пришедшего в упадок театра Мастбаум в Филадельфии. Как сообщалось, за десять недель он потратил на этот театр 200 тысяч долларов, но без результата. Эпоха театральных дворцов осталась позади. Ротафель скончался от сердечного приступа в нью-йоркском отеле в 1936 году в возрасте пятидесяти трех лет. Театр Рокси снесли в 1960 году.

Клара Боу, звезда «Крыльев», закончила свою актерскую карьеру в 1933 году и предпочла провести остаток жизни в уединении. Она умерла в 1965 году в возрасте шестидесяти лет. Уильям Уэллман, режиссер фильма, снял еще шестьдесят пять фильмов, прежде чем ушел в отставку в 1958 году. Многие из них были невысокого качества, но некоторые достойны упоминания, особенно «Враг общества» (1931), «Случай в Окс-Боу» (1943) и «Великий и могучий» (1954). Он умер в 1975 году в возрасте семидесяти девяти лет. Джону Монку Сондерсу, автору сценария фильма «Крылья», повезло меньше. Сондерс женился на актрисе Фэй Рэй, но их брак распался, и он пристрастился к алкоголю и наркотикам. В 1940 году он покончил жизнь самоубийством, повесившись.

Джером Керн после «Плавучего театра» не написал ни одного бродвейского хита, хотя несколько раз и пытался. В конечном счете он, как и многие другие театральные деятели, переехал в Голливуд. Он умер в 1945 году. Некоторое время казалось, что «Плавучий театр» стал венцом карьеры и для Оскара Хаммерстайна II, который за десятилетие не создал ни одной известной постановки, но после он стал сотрудничать с Ричардом Роджерсом, и вместе они поставили такие известные мюзиклы, как «Оклахома!», «Карусель», «Юг Тихого океана», «Король и я», «Песня цветочного барабана» и «Звуки музыки». Хаммерстайн умер в 1960 году.

У Джейкоба Руперта, владельца нью-йоркской бейсбольной команды «Янкиз», в начале 1939 года случился сердечный приступ, и

он умер девять дней спустя в возрасте шестидесяти девяти лет. Мир с удивлением узнал, что основную часть своего состояния, которое изначально оценивалось от 40 до 70 миллионов долларов, он завещал некоей бывшей певице Хелен У. Уэйант. Уэйант призналась журналистам, что в течение долгого времени поддерживала тайную дружескую связь с Рупертом, но что кроме дружбы между ними ничего не было. Из-за Великой депрессии состояние Руперта обесценилось и сократилось всего до 6,5 миллиона долларов. Кроме того, он оставил после себя долгов на миллион долларов. Для оплаты долгов и налогов на недвижимость пришлось продать как команду «Янкиз», так и пивоварню Руперта.

В том же 1939 году после долгой болезни скончался Реймонд Ортейг, добродушный владелец отеля, который в свое время предложил приз за перелет через Атлантику.

Гутзон Борглум не дожил несколько месяцев до окончательного завершения монумента на горе Рашмор. Он умер в мае 1941 года из-за осложнений после операции на простате в возрасте семидесяти трех лет.

Монтэрю Норман, управляющий Банком Англии и близкий друг Бенджамина Стронга, скончался в результате довольно странного случая. Пребывая в поместье своего брата в Хартфордшире, он отправился прогуляться в сумерках и, по всей видимости, споткнулся о лежащую на земле корову. Испуганная корова, поднимаясь на ноги, скорее всего лягнула Нормана в голову. Не приходя в сознание, Норман скончался в 1950 году в возрасте семидесяти пяти лет.

Алексис Каррель из-за своих радикальных взглядов лишился должности в Рокфеллеровском институте. Вернувшись во Францию, он возглавил институт, занимавшийся такими посторонними для традиционной науки направлениями, как телепатия и лозоходство. Он открыто поддерживал режим Виши, и его, скорее всего, судили бы за сотрудничество с нацистами, если бы он не умер в 1944 году в возрасте семидесяти одного года. На Нюрнбергском процессе над бывшими руководителями гитлеровской Германии книга Карреля

«Человек — это неизвестное» цитировалась защитой как оправдание евгенических экспериментов нацистов.

В 1944 году скончались еще два известных общественных деятеля Чикаго. Первым был «Большой Билл» Томпсон, умерший в марте в возрасте семидесяти шести лет. За ним в следующем месяце последовал Кенсо Маунтин Лэндис в возрасте семидесяти восьми лет. Последние годы своей карьеры Лэндис занимался, преимущественно, тем, что противодействовал попыткам чернокожих спортсменов добиться права играть в высших бейсбольных лигах. Эта бесславная битва была проиграна в 1947 году, когда Джеки Робинсон вышел на поле в составе бруклинской команды «Доджерс».

Мать Линдберга, Евангелина Лодж Линдберг, умерла от болезни Паркинсона в 1954 году в возрасте семидесяти восьми лет. Энн Морроу Линдберг помимо того ребенка, которого похитили и убили, родила еще пятерых детей. После смерти мужа она стала довольно популярной писательницей, в основном автором мемуаров. Она скончалась в 2001 году в почтенном возрасте девяноста четырех лет и, таким образом, стала последней из известных людей, чьи имена связаны с тем долгим и необыкновенным летом.

Благодарности

Как всегда, я выражаю слова искренней благодарности людям и организациям за их любезную помощь в подготовке этой книги. В частности, мне хотелось бы поблагодарить доктора Алекса М. Спенсера, доктора Роберта ван дер Линдена и доктора Доминика Писано из Смитсоновского Национального музея космонавтики и авиации в Вашингтоне; моих по-настоящему святых издателей Мэриенн Велманс, Герри Говарда и Кристин Кочрейн; моего британского агента Кэрол Хитон; моего уважаемого друга Ларри Финлея и моих необычайно умных и прилежных корректоров, Жанет Ренар и Дебору Адамс, которые спасли меня от тысячи ошибок и погрешностей, хотя те ошибки, которые остались, естественно, остаются на моей совести.

Я также премного благодарен всегда готовым прийти на помощь сотрудникам Лондонской библиотеки; Джону Перселлу и его коллегам из библиотеки Даремского университета; Барту Шмидту и его коллегам из библиотеки Университета Дрейка в Де-Мойне; а также сотрудникам публичных Нью-Йоркской и Бостонской библиотек, библиотеки Лауингера Джорджтаунского университета и библиотеки Национального географического общества в Вашингтоне.

За советы, воодушевление, знакомство с темами и эпизодические угощения я очень благодарен Киту и Уин Блэкмор, Джонатану и Рине Фенби, Тиму и Элизабет Бертам, Джону и Энн Галбрейт, Крису Хиггинсу и Дженнифер Уайт, Эн Хейвуд, Ларри и Люсинде Скотт, Патрику Джэнсону-Смиту, Патрику Галлахеру, Брэду Мартину, Оливеру Пейну, Джону и Джери Флиннам, Эндрю и Элисон Орм, Дэниэлу и Эрике Уайлз, а также Джону, Донне, Максус и Дейзи Дэвидсонам.

Особых благодарностей заслуживают мои дети, Кэтрин и Сэм Брайсон, за их любезную и крайне доступную помощь в исследованиях; самые же горячие мои благодарности должны быть адресованы, прежде всего, моей бесконечно терпеливой, невозмутимой и всепрощающей жене Синтии.

Примечания по поводу источников и литература для дальнейшего чтения

Ниже указаны основные источники, использованные при написании этой книги, а также литература для дальнейшего чтения. Более подробная информация по книгам указана в библиографии. Информацию об отдельных цитатах и других источниках можно найти по адресу www.randomhouse.com/features/billbryson/.

Примечания к книге в целом

Самым увлекательным и информативным источником по рассматриваемому периоду остается книга *Only Yesterday* Фредерика Льюиса Аллена, первое издание которой вышло в 1931 году и которая с тех пор много раз переиздавалась. Также превосходным источником служит шеститомник *Our Times* Марка Салливана, хотя повествование в нем ограничивается 1925 годом. Среди недавних достойных работ – *Great Times* Дж. К. Фернаса и *New World Coming* Натана Миллера. Единственная книга, посвященная именно 1927 году, о которой я знаю, это *The Year the World Went Mad* Аллена Черчилля. На сайте CharlesLindberg.com содержится много различного рода энциклопедической информации о Чарльзе Линдберге, в том числе фотографии и перепечатки статей. Примерно такой же источник в Интернете, посвященный команде «Янкиз», – это Неофициальная страница нью-йоркских «Янкиз» 1927 года по адресу www.angelfire.com/pa/1927.

Пролог

Особенно ценные источники сведений об авиации того времени – почти одинаково названные *Aviation: The Early Years* Питера Элмонда и *Aviation: The Pioneer Years* под редакцией Бена Макворта-Праеда. Технические вопросы очень хорошо освещены в *Control in the Sky: The Evolution and History of the Aircraft Cockpit* Л. Ф. Э. Кумбса. Много дополнительных подробностей я узнал из *The Flight of Alcock & Brown* Грэма Уоллеса, *They Flew the Atlantic* Роберта де ла Круа и полуофициального альманаха *American Aircraft Year Books 1925–1930* годов, который публиковала Авиационная торговая палата Америки. *An Explorer in the Air Services* Хирама Бингема, хотя и не слишком обширно использовалась для данной книги, представляет собой захватывающее исследование американской авиации и ее роли в сравнении с военной авиацией других стран во время Первой мировой войны. О финансировании Америкой Первой мировой войны идет речь в *The House of Morgan* Рона Чернова и *Empire of Wealth* Джона Стила Гордона.

Глава 1

Подробности дела Снайдер – Грей почерпнуты, в основном, из публикаций «Нью-Йорк таймс» и других источников того времени. Хороший общий обзор представлен в книге Лэндиса Маккеллера *The “Double Indemnity” Murder*. Другие подробности описаны в *The American Earthquake* Эдмунда Уилсона и *The Blonde and the Marble Woman: Gender and Power in the Case of Ruth Snyder* Джесси Рейми в *Journal of Social History* (весенний выпуск 2004 года). Интересная статья “*Multiple Indemnity: Film Noir, James M. Cain, and Adaptations of a Tabloid Case*” В. П. Пелизона и Нэнси Марты Уэст о влиянии дела Снайдер – Грея на Голливуд была напечатана в октябрьском выпуске за 2005 год журнала *Narrative*. О причудах Бернара Макфаддена писалось в журнале «Нью-Йоркер» в октябре 1950 года.

Глава 2

Стандартная биография – *Lindberg A.* Скотта Берга. Хотя книге С. Дэвиса *The Hero: Charles A. Lindberg and the American Dream* более пятидесяти лет, она написана прекрасным языком и содержит много подробностей, которые более нигде не упоминаются. Ничто так лучше не передает напряжение и волнение того лета, чем собственное повествование Линдберга *The Spirit of St. Louis* 1953 года, за которое он получил Пулитцеровскую премию. Дополнительные сведения о своей жизни Линдберг приводит в своей *Autobiography of Values*, опубликованной вскоре после его смерти. Технические детали полета Линдберга и превосходный анализ его влияния предоставлены Домиником А. Писано и Р. Робертом ван дер Линденом в книге *Charles Lindberg and the Spirit of St. Louis*. Все указанные здесь издания в очень большой степени помогли при написании данной главы и книги в целом.

Глава 3

Исчерпывающее описание Великого наводнения на Миссисипи 1927 года содержится в книге *Rising Tide* М. Барри. Личная роль Герберта Гувера в спасательной операции подробно разбирается в статье “Herbert Hoover, Spokesman of Human Efficiency” в *American Quarterly* (осень 1970 года). Более общее, но также превосходное описание, содержится в книге *Floods* Уильяма Г. Хойта и Уолтера Б. Лангбейна. Восхождение Гувера к вершине политической власти описано Кендриком А. Клементсом в книге *The Life of Herbert Hoover*, Джорджем Нэшем в двухтомнике, который также называется *The Life of Herbert Hoover*, и Ричардом Нортон Смитом в *Unknown Man: The Triumph of Herbert Hoover*. Сам Гувер оставил подробные и на удивление хорошо написанные мемуары *The Memoirs of Herbert Hoover*. Подробности финансовых махинаций Эндрю Меллона в основном взяты из чудесной биографии Дэвида Каннадина *Mellon: An American Life*. О привычках Кулиджа и о его распорядке рабочего дня писали Артур М. Шлезингер-младший в *Crisis of the Old Order*; Уилсон Браун в статье “Aide to Four Presidents”, опубликованной в *American Heritage* в феврале 1955 года; Дональд Р. Маккой в *Calvin Coolidge*; и Роберт Э. Гилберт в статье “Psychological Pain and the Presidency”, опубликованной в *Political Psychology* в марте 1988 года.

Глава 4

Статистические данные о комфортности американских домов приводятся в основном по мартовскому и июньскому выпускам *Scientific American*. Другие подробности упоминаются в *American Culture in the 1920s* Сьюзан Каррелл. Об американских дорогах того времени написано в *The Lincoln Highway* Дрейка Хокансона. Состояние аэродрома Рузвельта в мае 1927 года хорошо описано в статье “How Not to Fly the Atlantic”, опубликованной в *American Heritage* в апреле 1971 года, и в книге *The Flight of the Century* Томаса Кесснера.

Глава 5

Дело «Соединенные Штаты против Салливана» разбирается в документе “Taxing Income from Unlawful Activities”, который находится в хранилище Йельской юридической школы (Документ 2289) и в мартовском выпуске 2005 года *Columbia Law Review*. Мейбл Уокер Виллебрандт посвящен превосходный пресс-портрет в «Нью-Йоркер» за 16 февраля 1929 года. Подробности американского турне Франческо де Пинедо описаны, в основном, по статьям того времени в «Нью-Йорк таймс», как и подробности ужасного теракта Эндрю Кехо.

Глава 6

Перелет Чарльза Линдберга остается самым часто упоминаемым в различных изданиях современности, так что подробности его описаны в разных источниках. Я прежде всего ориентировался на воспоминания самого Линдберга *Spirit of St. Louis*. О «Рио-Рите» и других бродвейских постановках написано в *American Theatre* Джеральда М. Бордмана и *The Theatrical 20's* Аллена Черчилля. Факты из биографии Билла Тилдена позаимствованы преимущественно из *Big Bill Tilden* Фрэнка Дефорда. Пресс-портрет Майрона Херрика был напечатан в журнале «Нью-Йоркер» в выпуске от 21 июля 1928 года; помимо этого о нем редко что писали.

Глава 7

О шумихе, последующей за удачным перелетом Линдберга, особенно хорошо написано в *The Hero* Кеннета С. Дэвиса. Другие подробности взяты из статей “Columbus of the Air” (*The North American Review*, сентябрь-октябрь 1927 года), “Lindbergh’s Return to Minnesota, 1927” (*Minnesota History*), “My Own Mind and Pen” (*Minnesota History*, весна 2002 года) и других нью-йоркских и лондонских газет того времени. Подробности приема Линдберга в Лондоне описаны в разных выпусках *The Times* (Лондон) и в выпуске *The Illustrated London News* от 4 июня 1927 года.

Глава 8

История жизни Бейба Рута (*The Babe Ruth Story*) в его собственном изложении, хотя и изобилует неточностями личного характера, но довольно интересна и надежна. Также достойны упоминания *The House That Ruth Built* Роберта Вейнтрауба, *The Big Bam* Ли Монтвилля, *Babe Ruth: Launching the Legend* Джима Рейслера и *The Life That Ruth Built* Маршалла Смелсера. Балтимор времен детства Рута описан в *Baltimore: The Building of an American City* Шерри Олсона.

Глава 9

Одна из самых очаровательных книг об американском любимейшем виде спорта – *The Physics of Baseball* Роберта К. Адера; еще одна замечательная книга *The Glory of Their Times* Лоуренса С. Риттера. Много подробностей приводится в *The Baseball* Зака Хэмпла, *Spitballers* К. Ф. и Р. Б. Фаберов, *Baseball: An Illustrated History* Джеффри К. Уорда (в соавторстве с Кеном Бернсом), *Total Baseball* Джона Торна и Пита Палмера, *The Complete History of the Home Run* Марка Рибовски, *Past Time: Baseball as History* Джула Тайджиела.

Глава 10

Полет «Колумбии» и причуды Чарльза Левина хорошо описаны в автобиографии Кларенса Д. Чемберлина *Record Flights*, опубликованной в 1942 году. Другие подробности того полета и его последствий описывались в «Нью-Йорк таймс». Любопытное рассуждение о том, почему не осталось копий фильма «Бейб возвращается домой», содержится в статье “*The Legion of the Condemned: Why American Silent Films Perished*” Дэвида Пирса, опубликованной в *Film History* (том 9, номер 1, 1997 год).

Глава 11

Чудачества Дуайта Морроу описывались в пресс-портрете, опубликованном в *The New Yorker* за 15 октября 1927 года. Дополнительные подробности содержатся в *The House of Morgan* Рона Чернова. О ремонте Белого дома летом 1927 года написано в *The White House: The History of an American Idea* Уильяма Сила. О болезни президента Кулиджа упоминается в «Нью-Йоркер» (выпуск от 25 июня 1927 года). Хороший обзор радиовещания того периода содержится в статье “Radio Grows Up”, опубликованной в *American Heritage* (август – сентябрь 1983 года). О городской жизни в Америке написано в *Downtown: Its Rise and Fall* Роберта М. Фогельсона. О Гертруде Эдерле и о том, как переплывали Ла-Манш, пишет Гейвин Мортимер в *The Great Swim*.

Глава 12

Два отличных исследования Сухого закона – *Last Call* Дэниела Окрента и *Dry Manhattan* Майкла Лернера. Другие подробности взяты из *Texas Guinan: Queen of the Night Clubs* Луиз Берлинер и *The Night Club Era* Стэнли Уокера. Многие подробности описываются и в различных выпусках журнала «Нью-Йоркер», который на протяжении всех тринадцати лет действия Сухого закона уделял весьма большое внимание этой теме.

Глава 13

Версия Ричарда Бэрда о полете «Америки» и сопутствующих событиях изложена в его книге *Skyward*, впервые опубликованной в 1928 году. Также он написал пространную статью “Our Transatlantic Flight”, опубликованную в *National Geographic* в сентябре 1927 года. Совсем иная версия излагается в сочинениях знавших его людей – *Flying Dutchman* Антона Фоккера и *Come North with Me* Бернта Балхена. Дополнительные сведения содержатся в *Oceans, Poles and Airmen* Ричарда Монтегю и *The Last Explorer* Эдвина Хойта. Не слишком приятные аспекты личности Чарльза Линдберга упоминаются в двух статьях «Нью-Йоркер» от 20 и 27 сентября 1930 года.

Глава 14

Автобиография Калвина Кулиджа (*The Autobiography of Calvin Coolidge*), опубликованная в 1929 году, несмотря на предвзятость и избирательность, помогает составить неплохое представление о событиях в жизни Кулиджа. Другие подробности описаны в *Calvin Coolidge: The Quiet President* Дональда Р. Маккоя и в книге 2013 года *Coolidge* Эмити Шейлз. В последней с любопытной точки зрения описывается не только жизнь Кулиджа, но и Уоррена Г. Гардинга. Совершенно по-другому о Гардинге пишет Нэн Бриттон в *The President's Daughter*, и эта книга волнует даже сегодня. О некоторых фобиях Кулиджа в изложении близкого к нему человека говорится в статье “Aide to Four Presidents” (*American Heritage*, февраль 1955 года). Интересный анализ психического состояния Кулиджа представлен в статье “Psychological Pain and the Presidency” Роберта Э. Гилберта, опубликованной в *Political Psychology* за март 1998 года. Также достойно внимания эссе “Too Silent” в *The Review of Politics* за весну 1999 года. О нежелании Кулиджа заниматься активной деятельностью написано в статье “Coolidge Refuses to Issue Proclamation Calling for Observance of Education Week” («Нью-Йорк таймс», 18 октября 1927 года).

Глава 15

О встрече четырех центральных банкиров на Лонг-Айленде летом 1927 года хорошо рассказано в *Lords of Finance* Ликварта Ахмеда. Дополнительные детали содержатся в *Once in Golconda* Джона Брукса, *Golden Fetters: The Gold Standard and Great Depression, 1919–1939* Барри Эйхенгрин. Взлет и падение Лонг-Айленда интересно описывается в *Picture Windows: How the Suburbs Happened* Розалин Баксенедделл и Элизабет Ивен.

Глава 16

Самый подробный (и вдохновенный) рассказ о «Янкиз» 1927 года – это *Five O'clock Lightning: Babe Ruth, Lou Gehrig and the Greatest Baseball Team in History, the 1927 New York Yankees* Харви Фроммера. О характере Лу Герига написано в *Luckiest Man: The Life and Death of Lou Gehrig* Джонатана Эйга и в пресс-портретах Герига в «Нью-Йоркер» (10 августа 1929 года) и в *Liberty* (19 августа 1933 года), а также в уже упомянутых книгах по бейсболу. О Джейкобе Руперте написано очень мало, но его хороший пресс-портрет можно найти в «Нью-Йоркер» за 24 сентября 1932 года.

Глава 17

История жизни и бизнеса Генри Форда описана в двухтомнике *Ford* Аллана Невинса и Фрэнка Эрнеста Хилла; еще более подробно – в *Ford: The Men and the Machine* Роберта Лейси. В книге Нила Болдуина *Henry Ford and the Jews* речь идет о своеобразных антисемитских взглядах Генри Форда. Различные особенности первых автомобилей Форда расхваливаются в *Henry's Wonderful Model T* Флойда Клаймера. Более техническая точка зрения приводится в *Making the Modern: Industry, Art, and Design in America* Терри Смита. Впечатления личных знакомых описаны в *Forty Years with Ford* Чарльза Э. Соренсена и *Henry Ford: Both Sides of Him* Эдвина Г. Пиппа.

Глава 18

Крайне познавательное описание приключений компании Ford Motor в Амазонии содержится в книге *Fordlandia: The Rise and Fall of Henry Ford's Forgotten Jungle City* Грега Грэндина. Истории каучука в общем посвящены неплохие книги *Seeds of Wealth* Генри Хобхауза и *The Thief at the End of the World* Джо Джексона. О неудачном путешествии в джунгли Генри Фосетта написано в книгах *The Lost City of Z* Дэвида Грэнна и *Man Hunting in the Jungle: The Search for Colonel Fawcett* Джорджа М. Дайотта.

Глава 19

Бум недвижимости во Флориде и последующий крах описаны в книге *Some Kind of Paradise* Марка Дерра и в двух статьях, опубликованных в *American Heritage*: “Bubble in the Sun” (август 1965 года) и “The Man Who Invented Florida” (декабрь 1975 года). Факты из жизни Джека Демпси и сведения о его боях почерпнуты преимущественно из книги *A Flame of Pure Fire* Роджера Кана, а также из серии статей в «Нью-Йоркер» под названием “That Was Pugilism”, в частности, в выпусках от 19 ноября 1949 года и 4 ноября 1950 года. Другие факты описаны в “A Sporting Life” («Нью-Йоркер», 2 октября 1999 года) и “Destruction of a Giant” (*American Heritage*, апрель 1977 года). Лучше всего американский тур Чарльза Линдберга описан в статье “Seeing America with Lindbergh” (*National Geographic*, январь 1928 года). Выставка в Филадельфии описана в книге *Philadelphia: A 300-Year History* под редакцией Рассела Ф. Уэйгли.

Глава 20

О деле Сакко и Ванцетти написаны десятки книг. Общее представление хорошо помогают получить книги Фрэнсиса Рассела *Tragedy in Dedham* и *Sacco & Vanzetti: The Case Resolved*. Политические мотивы обоих анархистов отлично разбирает Пол Эврич в своем исследовании 1991 года *Sacco and Vanzetti: The Anarchist Background*. Общественное настроение эпохи после Первой мировой войны описывается в книгах *Ethnic Americans* Леонардо Диннерстейна и Дэвида М. Реймерса и *Red Scare: A Study in National Hysteria, 1919–1920*, Роберта К. Марри.

Глава 21

The Carving of Mount Rushmore Рекса Алана Смита повествует не только о Гутзоне Борглуме и его знаменитом монументе, но и о некоторых любопытных подробностях пребывания Кулиджа в Южной Дакоте. О монументе неплохо также написано в статьях “Mt. Rushmore” (*Smithsonian*, май 2006 года) и “Carving the American Colossus” (*American Heritage*, июнь 1977 года). О потрясении, которое президент Кулидж испытал от смерти своего сына, речь идет в публикациях *Presidential Studies Quarterly* “Psychological Pain and the Presidency” (март 1998 года) и “The Presidency of Calvin Coolidge” (сентябрь 1999 года). История жизни эксцентричных братьев ван Сверинген в подробностях исследуется в *Invisible Giants* Герберта Х. Харвуда-младшего.

Глава 22

Летом 1927 года газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала, по меньшей мере, пятьсот статей, посвященных дальним перелетам, и многие факты в этой главе приводятся по тем статьям. Планы Эдварда Р. Армстронга по созданию цепи плавучих платформ в Атлантическом океане описаны в статье “Airports Across the Ocean”, опубликованной в летнем выпуске *American Heritage Invention & Technology* 2001 года. Удовольствия и опасности путешествий через океан в ту эпоху любопытным образом описаны в *The Only Way to Cross* Джона Макстона-Грэма. Пространное описание визита Чарльза Линдберга в Спрингфилд напечатано в октябрьском выпуске *Journal of the Illinois State Historical Society* за 1927 год.

Глава 23

Прекрасное обсуждение съемок «Крыльев» можно найти в *The Spectacle of Flight: Aviation and the Western Imagination, 1920–1950* Роберта Вола. Подробности ранней биографии Клары Боу излагаются в книге с весьма удачным названием *Clara Bow: Runniri Wild* Дэвида Стенна. Источникам о немом кинематографе и о переходе к звуковому кино практически нет числа, но особенно полезными для этой книги оказались *American Silent Film* Уильяма К. Эверсона, *The Speed of Sound: Hollywood and the Talkie Revolution, 1926–1930* Скотта Эймана, *The Genius of the System: Hollywood Filmmaking in the Studio Era* Томаса Шаца и *Movie-Made America: A Cultural History of American Movies* Роберта Склара. Принцип действия триодного детектора Ли Де Фореста подробно излагается в мартовском выпуске «Сайентифик америкэн» за 1965 год.

Глава 24

О жизни Роберта Дж. Эллиотта известно в основном по его воспоминаниям 1940 года *Agent of Death: The Memoirs of an Executioner* (написанным совместно с Альбертом К. Битти). О гневе журналиста Хейвуда Брауна по поводу казни Сакко и Ванцетти написано в книге *Heywood Brown: A Biographical Portrait* Дейла Крамера. Много любопытных и нигде более не упоминаемых фактов о Чарльзе Понци содержится в его пресс-портрете, опубликованном в «Нью-Йоркер» 8 мая 1937 года. Описания беспорядков в Европе приводятся, в основном, по статьям в «Нью-Йорк таймс», а также по статьям лондонской «Таймс» той недели и *Illustrated London News* за 3 сентября 1927 года.

Глава 25

Об «Ансонии» и других апартаментных отелях того времени написано в *Elegant New York* Джона Торанака и *New York, New York: How the Apartment House Transformed the Life of the City (1869–1930)* Элизабет Хоз. Литература о железных дорогах Америки первых десятилетий двадцатого века на удивление скудна. Две книги, передающие в той или иной степени как романтику, так и рутину железнодорожных путешествий, – это *Railroads and the American People* Роджера Х. Гранта и *We Took the Train* под редакцией Гранта. Также мало написано о менеджере «Янкиз» Миллере Хаггинсе. Информация для этой книги почерпнута в основном из пресс-портрета в *New Yorker* за 2 октября 1927 года. Возвращение Чарльза Линдберга домой хорошо описано в статье “Lindbergh’s Return to Minnesota” (*Minnesota History*, зима 1970).

Глава 26

О негативной евгенике, идеи которой нашли на удивление широкую поддержку в Америке начала двадцатого века, очень хорошо написано в книгах *War Against the Weak: Eugenics and America's Campaign to Create a Master Race* Эдвина Блэка и *Picture Imperfect: Photography and Eugenics 1870–1940* Энн Максвелл. Также представляет интерес и книга *Popular Eugenics: National Efficiency and American Mass Culture in the 1930s* под редакцией Сьюзан Каррелл и Кристины Коджелл, хотя речь в ней идет о следующем десятилетии. История Ку-клукс-клана описана в *The Fiery Cross* Вина Крэйга Уэйда, дополнительные факты были взяты из статьи “Hooded Populism” (*Reviews in American History*, декабрь 1994 года). *Not in My Neighborhood* Антеро Пиетилы хорошо описывает законодательные ограничения. Также о расистских предубеждениях написано в книгах *Hollywood and Anti-Semitism* Стивена Алана Карра и *Hellfire Nation* Джеймса А. Мороуна. Обзор бесславного конца евгеники в Германии содержится в *Nazi Medicine and the Nuremberg Trials* Пола Джулиана Уэйндлинга. Дело «Бак против Белла» разбирается в прекрасно написанной главе книги *The Flamingo's Smile* Стивена Джея Гоулда.

Глава 27

Две выдающиеся книги, посвященные истории телевидения, – это *The Last Lone Inventor: A Tale of Genius, Deceit and the Birth of Television* Эвана И. Шварца и *Tube: The Invention of Television* Дэвида Э. и Маршалла Джона Фишеров. О печальной судьбе Фило Т. Фарнсуорта написано в статье “A Critic at Large” в выпуске «Нью-Йоркер» за 27 мая 2002 года. О Джоне Лоуги Бэрде с симпатией пишут Энони Камм и Малькольм Бэрд в книге *John Logie Baird: A Life*. Другие факты, в частности описание публичной демонстрации телевидения летом 1927 года, почерпнуты в основном из статей в «Нью-Йорк таймс».

Глава 28

Хорошее общее представление о мире литературы и театра 1920-х годов дают две книги Аллена Черчилля, *The Literary Decade* и *The Theatrical 20's*. Также много фактов о нью-йоркской жизни того периода содержится в книге *About Town: «Нью-Йоркер» and the World It Made* Бена Ягоды. Мюзикл «Плавучий театр» особенно хорошо описан в книгах *Jerome Kern: His Life and Music* Джеральда М. Бордмана и *Enchanted Evenings: The Broadway Musical from Show Boat to Sondheim* Джеффри Блока. Биографии двух самых популярных американских авторов того периода излагаются в книгах *Tarzan Forever: The Life of Edgar Rice Burroughs, Creator of Tarzan* Джона Талиаферро и *Zane Grey: His Life, His Adventures, His Women* Томаса Х. Поли. *Firebrand: The Life of Horace Liveright* Тома Дардиса – хороший источник сведений как о самом издателе Хорасе Лайврайте, так и о литературном окружении, в котором он вращался.

Глава 29

После нескольких десятилетий забвения фигура Кенсо Маунтина Лэндиса наконец-то получила должное освещение в биографии Дэвида Петруши 1998 года *Judge and Jury: The Life and Times of Judge Kenesaw Mountain Landis*. Некоторые технические сведения почерпнуты в *A Court That Shaped America: Chicago's Federal District Court from Abe Lincoln to Abbie Hoffman* Ричарда Кахана. Величайший гангстер Чикаго описан в книгах *Capone: The Life and World of Al Capone* Джона Коблера; *Capone: The Man and the Era* Лоренса Бергринга и *Get Capone* Джонатана Эйга. Жизнь Роберта Маккормика – предмет исследования книги *The Colonel* Ричарда Нортон Смита; также о нем идет речь в книге *The Magnificent Medills* Меган Маккини. Грубый мэр Чикаго Билл Томпсон подробно описан в статье “The Private Wars of Chicago’s Big Bill Thompson”, опубликованной в летнем выпуске журнала *Journal of Library History* 1980 года. Общие сведения о преступности той эпохи можно найти в книгах *The Bootleggers* Кеннета Оллсопа, *Organized Crime in Chicago* Джона Ландеско и *Chicago: A Biography* Доминика А. Пасиги.

Глава 30

Описание последнего месяца бейсбольного сезона 1927 года основано, в основном, на статьях «Нью-Йорк таймс» и на уже упомянутых книгах о бейсболе. Дополнительно при написании этой главы использовалась замечательная и трогательная биография *Walter Johnson: Baseball's Big Train* Генри У. Томаса.

Эпилог

Общий обзор событий в нацистской Германии, в том числе и «Хрустальной ночи», можно найти в книге Эндрю Нагорски *Hitlerland*. Записки Энн Морроу-Линдберг опубликованы в книге *The Flower and the Nettle: Diaries and Letters of Anne Morrow-Lindbergh, 1936–1939*. Новости о супружеских изменах Чарльза Линдберга начиная с 1957 года и почти до его смерти были широко опубликованы в 2003 году, после того как анализ ДНК его детей из Германии доказал его отцовство.

Библиография

- Aberdare, Lord. *The Story of Tennis*. London: Stanley Paul, 1959.
- Adair, Robert K. *The Physics of Baseball*. New York: Harper and Row, 1990.
- Ahamed, Liaquat. *Lords of Finance: The Bankers Who Broke the World*. London: William Heinemann, 2009.
- Allaz, Camille. *The History of Air Cargo and Air Mail from the Eighteenth Century*. London: Christopher Foyle Publishing, 2004.
- Allen, Frederick Lewis. *The Lords of Creation: The Story of the Great Age of American Finance*. London: Hamish Hamilton, 1935.
- —. *Only Yesterday: An Informal History of the 1920s*. New York: Perennial Library, 1964.
- Allsop, Kenneth. *The Bootleggers: The Story of Chicago's Prohibition Era*. London: Hutchinson, 1961.
- Almond, Peter. *Aviation: The Early Years*. Cologne: Konemann, 1997.
- Amory, Cleveland, and Frederic Bradlee (eds.). *Vanity Fair: A Cavalcade of the 1920s and 1930s*. New York: Viking Press, 1960.
- Avrich, Paul. *Sacco and Vanzetti: The Anarchist Background*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1991.
- Bak, Richard. *The Big Jump: Lindbergh and the Great Atlantic Air Race*. New York: John Wiley and Sons, 2011.
- Balchen, Bernt. *Come North with Me: An Autobiography*. London: Hodder and Stoughton, 1959.
- Baldwin, Neil. *Henry Ford and the Jews: The Mass Production of Hate*. New York: Public Affairs, 2001.
- Barry, John M. *Rising Tide: The Great Mississippi Flood of 1927 and How It Changed America*. New York: Simon and Schuster, 1998.
- Barton, Bruce. *The Man Nobody Knows: A Discovery of the Real Jesus*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1925.
- Baxandall, Rosalyn, and Elizabeth Ewen. *Picture Windows: How the Suburbs Happened*. New York: Basic Books, 2000.
- Berg, A. Scott. *Goldwyn: A Biography*. New York: Ballantine Books, 1989.
- —. *Lindbergh*. New York: Macmillan, 1998.

Bergreen, Laurence. *Capone: The Man and the Era*. New York: Simon and Schuster, 1994.

Berliner, Louise. *Texas Guinan: Queen of the Night Clubs*. Austin: University of Texas Press, 1993.

Best, Gary Dean. *The Dollar Decade: Mammon and the Machine in 1920s America*. Westport, Conn.: Praeger Publishers, 2003.

Bingham, Hiram. *An Explorer in the Air Service*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1920.

Black, Edwin. *War Against the Weak: Eugenics and America's Campaign to Create a Master Race*. New York: Four Walls Eight Windows, 2003.

Blake, Angela M. *How New York Became American, 1890–1924*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2006.

Blegen, Theodore C. *Minnesota: A History of the State*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1963.

Block, Geoffrey. *Enchanted Evenings: The Broadway Musical from Show Boat to Sondheim*. New York: Oxford University Press, 1997.

Boardman, Barrington. *From Harding to Hiroshima*. New York: Dembner Books, 1988.

Boorstin, Daniel J. *The Image, or What Happened to the American Dream*. New York: Atheneum, 1962.

Bordman, Gerald M. *Jerome Kern: His Life and Music*. New York: Oxford University Press, 1980.

— —. *American Theatre: A Chronicle of Comedy and Drama, 1914–1930*. New York: Oxford University Press, 1995.

Boyle, Andrew. *Montagu Norman: A Biography*. London: Cassell, 1967.

Boyle, Kevin. *Arc of Justice: A Saga of Race, Civil Rights and Murder in the Jazz Age*. New York: Henry Holt, 2005.

Britton, Nan. *The President's Daughter*. New York: Elizabeth Ann Guild, 1927.

Brooks, John. *Once in Golconda: A True Drama of Wall Street 1920–1938*. New York: Harper and Row, 1969.

Brownlow, Kevin. *Behind the Mask of Innocence*. London: Jonathan Cape, 1990.

Butdianeky, Stephen. *Air Power: From Kitty Hawk to Gulf War II: A History of the People, Ideas and Machines That Transformed War in the*

Century of Flight. London: Viking, 2003.

Burroughs, Edgar Rice. *Thuvia: Maid of Mars*. London: Methuen, 1920. ——. *The War Chief*. London: Methuen, 1929.

———. *Tarzan of the Apes*. New York: Library of America, 2012.

Byrd, Richard Evelyn. *Skyward*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1928.

Cahan, Richard. *A Court That Shaped America: Chicago's Federal District Court from Abe Lincoln to Abbie Hoffman*. Evanston, 111: Northwestern University Press, 2002.

Cannadine, David. *Mellon: An American Life*. London: Allen Lane, 2006.

Carr, Steven Alan. *Hollywood and Anti-Semitism: A Cultural History Up to World War II*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Carrel, Alexis. *Man the Unknown*. New York: Harper and Brothers, 1935. Cerf, Bennett. *Try and Stop Me*. New York: Simon and Schuster, 1945.

Chamberlin, Clarence D. *Record Flights*. New York: Beechwood Press, 1942.

Chernow, Ron. *The House of Morgan*. London: Simon and Schuster, 1990.

———. *Titan: The Life of John D. Rockefeller, Sr.* Boston: Little, Brown, 1998.

Churchill, Allen. *The Year the World Went Mad*. New York: Thomas Y. Crowell, 1960.

———. *The Literary Decade*. London: Prentice-Hall, 1971.

———. *The Theatrical 20's*. New York: McGraw-Hill, 1975.

Clark, Constance Areson. *God – or Godzilla: Images of Evolution in the Jazz Age*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2008.

Clements, Kendrick A. *The Life of Herbert Hoover: Imperfect Visionary, 1918–1928*. London: Palgrave/Macmillan, 2010.

Clymer, Floyd. *Henry's Wonderful Model T, 1908–1927*. New York: McGraw-Hill, 1955.

Coben, Stanley. *Rebellion Against Victorianism: The Impetus for Cultural Change in 1920s America*. Oxford: Oxford University Press, 1991.

Cochrane, Dorothy, Van Hardesty, and Russell Lee. *The Aviation Careers of Igor Sikorsky*. Seattle: University of Washington Press, 1980.

Cole, Wayne S. *Charles A. Lindbergh and the Battle Against American Intervention in World War II*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1974.

Coolidge, Calvin. *Have Faith in Massachusetts: A Collection of Speeches and Messages*. London: John Lane/Bodley Head, 1923.

— —. *The Autobiography of Calvin Coolidge*. London: Chatto and Windus, 1929.

Coombs, L.E. E. *Control in the Sky: The Evolution and History of the Aircraft Cockpit*. Barnsley, U.K.: Pen and Sword Aviation, 2005.

Corn, Joseph J. (ed.). *Into the Blue: American Writing on Aviation and Spaceflight*. New York: Library of America, 2011.

Coué, Emile. *Self-Mastery Through Conscious Autosuggestion*. London: George Allen and Unwin, 1922.

Currell, Susan. *American Culture in the 1920s*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.

Currell, Susan, and Christina Cogdell (eds.). *Popular Eugenics: National Efficiency and American Mass Culture in the 1930s*. Athens: Ohio University Press, 2006.

Dardis, Tom. *Firebrand: The Life of Horace Liveright*. New York: Random House, 1995.

Davis, Kenneth S. *The Hero: Charles A. Lindbergh and the American Dream*. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1959.

Dawidoff, Nicholas (ed.). *Baseball: A Literary Anthology*. New York: Library of America, 2002.

Deford, Frank. *Big Bill Tilden: The Triumphs and the Tragedy*. New York: Simon and Schuster, 1976.

Derr, Mark. *Some Kind of Paradise: A Chronicle of Man and the Land in Florida*. New York: William Morrow, 1989.

Dinnerstein, Leonard, and David M. Reimers. *Ethnic Americans: A History of Immigration* (fifth ed.). New York: Columbia University Press, 2009.

Douglas, Ann. *Terrible Honesty: Mongrel Manhattan in the 1920s*. New York: Noonday Press/Farrar, Straus and Giroux, 1995.

Dumenil, Lynn. *The Modern Temper: American Culture and Society in the 1920s*. New York: Hill and Wang, 1995.

Dyott, George M. *Man Hunting in the Jungle: The Search for Colonel Fawcett*. London: Edward Arnold, 1930.

Ehrmann, Herbert B. *The Case That Will Not Die: Commonwealth vs. Sacco and Van-zetti*. London: W. H. Allen, 1970.

Eichengreen, Barry. *Golden Fetters: The Gold Standard and the Great Depression, 1919–1939*. New York: Oxford University Press, 1992.

Eig, Jonathan. *Luckiest Man: The Life and Death of Lou Gehrig*. New York: Simon and Schuster, 2006.

— —. *Get Capone: The Secret Plot That Captured America's Most Wanted Gangster*. New York: Simon and Schuster, 2010.

Elliott, Robert G., with Albert R. Beatty. *Agent of Death: The Memoirs of an Executioner*. New York: E. P. Dutton, 1940.

Engerman, Stanley J., and Robert E. Gallman. *The Cambridge Economic History of the United States* (vol. 3). Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Evans, Harold. *The American Century*. New York: Alfred A. Knopf, 1999.

Everson, William K. *American Silent Film*. New York: Oxford University Press, 1978.

Eyman, Scott. *The Speed of Sound: Hollywood and the Talkie Revolution, 1926–1930*. New York: Simon and Schuster, 1997.

Faber, C E, and R. B. Faber. *Spitballers: The Last Legal Hurlers of the Wet One*. Jefferson, N.C.: McFarland, 2006.

Fisher, David E., and Marshall Jon Fisher. *Tube: The Invention of Television*. Washington, D.C.: Counterpoint, 1996.

Fitzgerald, F. Scott. *My Lost City: Personal Essays, 1920–1940*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Fogarty, Robert S. *The Righteous Remnant: The House of David*. Kent, Ohio: State University Press, 1981.

Fogelson, Robert M. *Downtown: Its Rise and Fall, 1880–1950*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2001.

Fokker, Anthony H. G., and Bruce Gould. *Flying Dutchman: The Life of Anthony Fokker*. London: George Routledge and Sons, 1931.

Ford, Henry. *My Life and Work*. London: William Heinemann, 1924.

Forden, Lesley. *The Ford Air Tours, 1925–1931*. New Brighton, Minn.: Aviation Foundation of America, 2003.

Freedland, Michael. *Al Jolson*. London: W. H. Allen, 1972.

Frommer, Harvey. *Five O'clock Lightning: Babe Ruth, Lou Gehrig and the Greatest Baseball Team in History, the 1927 New York Yankees*.

New York: Wiley, 2007.

Furnas, J. C. *Great Times: An Informal Social History of the United States, 1914–1929*. New York: G. R Putnam's Sons, 1974.

Gabler, Neal. *Walter Winchell: Gossip, Power and the Culture of Celebrity*. London: Picador, 1995.

— —. *Walt Disney: The Biography*. London: Aurum Press, 2007.

Gage, Beverly. *The Day Wall Street Exploded: A Story of America in Its First Age of Terror*. Oxford: Oxford University Press, 2009.

Galbraith, John Kenneth. *The Liberal Hour*. London: Hamish Hamilton, 1960.

— —. *Money: Whence It Came, Where It Went*. London: Andre Deutsch, 1975.

Gerstle, Gary. *American Crucible: Race and Nation in the Twentieth Century*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2001.

Gibbs-Smith, Charles H. *Aviation: An Historical Survey from Its Origins to the End of the Second World War*. London: Science Museum, 2003.

Goldberg, Alfred (ed.). *A History of the United States Air Force 1907–1957*. Princeton, N.J.: D. Van Nostrand, 1957.

Goldman, Herbert G. *Jolson: The Legend Comes to Life*. New York: Oxford University Press, 1988.

Goldstein, Malcolm. *George S. Kaufman: His Life, His Theater*. New York: Oxford University Press, 1979.

Gordon, John Steele. *An Empire of Wealth: The Epic History of American Economic Power*. New York: Harper Perennial, 2005.

Gould, Stephen Jay. *The Flamingo's Smile: Reflections in Natural History*. New York: W. W. Norton, 1985

Grandin, Greg. *Fordlandia: The Rise and Fall of Henry Ford's Forgotten Jungle City*. New York: Metropolitan/Henry Holt, 2009.

Grann, David. *The Lost City of Z: A Tale of Deadly Obsession in the Amazon*. New York: Vintage, 2010.

Grant, H. Roger (ed.). *We Took the Train*. Dekalb: Northern Illinois University Press, 1990.

— —. *Railroads and the American People*. Bloomington: Indiana University Press, 2012.

Gregory, J. W. *The Menace of Colour*. London: Seeley, Service, 1925.

Grey, Zane. *The Young Pitcher*. London: John Long, 1924.

Grossman, James R., Ann Durkin Keating, and Janice L. Reiff (eds.). *The Encyclopedia of Chicago*. London: University of Chicago Press, 2004.

Hackett, Alice Payne. *Seventy Years of Best Sellers, 1895–1965*. New York: R. R. Bowker, 1967.

Hamill, John. *The Strange Career of Mr. Hoover Under Two Flags*. New York: William Faro, 1931.

Hamilton, Ian. *Writers in Hollywood 1915–1951*. London: Heinemann, 1990.

Hample, Zack. *The Baseball: Stunts, Scandals, and Secrets Beneath the Stitches*. New York: Anchor Sports, 2011.

Harwood, Herbert H. Jr. *Invisible Giants: The Empires of Cleveland's Van Sweringen Brothers*. Bloomington: Indiana University Press, 2003.

Hawes, Elizabeth. *New York, New York: How the Apartment House Transformed the Life of the City (1869–1930)*. New York: Alfred A. Knopf, 1993.

Helyar, John. *Lords of the Realm: The Real History of Baseball*. New York: Villard Books, 1994.

Higham, Charles. *Ziegfeld*. London: W. H. Allen, 1973.

Hobhouse, Henry. *Seeds of Wealth: Four Plants That Made Men Rich*. London: Macmillan, 2003.

Hokanson, Drake. *The Lincoln Highway: Main Street Across America*. Iowa City: University of Iowa Press, 1988.

Holden, Anthony. *The Oscars: The Secret History of Hollywood's Academy Awards*. New York: Little, Brown, 1993.

Holtzman, Jerome. *No Cheering in the Press Box*. New York: Henry Holt, 1978.

Hoover, Herbert. *The Memoirs of Herbert Hoover: The Years of Adventure, 1874–1920*. London: Hollis and Carter, 1952.

— —. *The Memoirs of Herbert Hoover: The Cabinet and the Presidency 1920–1933*. London: Hollis and Carter, 1952.

Hoyt, Edwin P. *The Last Explorer: The Adventures of Admiral Byrd*. New York: John Day, 1968.

Hoyt, William G., and Walter B. Langbein. *Floods*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1955.

Hyman, Louis. *Debtor Nation: The History of America in Red Ink*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2011.

Hynd, Noel. *The Giants of the Polo Grounds: The Glorious Times of Baseball's New York Giants*. New York: Doubleday, 1988.

Jackson, Brian. *The Black Flag: A Look Back at the Strange Case of Nicola Sacco and Bartolomeo Vanzetti*. Boston: Routledge and Kegan Paul, 1981.

Jackson, Joe. *The Thief at the End of the World: Rubber, Power and the Seeds of Empire*. London: Viking, 2008.

Jackson, Kenneth T. (ed.). *The Encyclopaedia of New York City* (2nd ed.). New Haven, Conn.: Yale University Press, 2010.

Jenkins, Alan. *The Twenties*. London: Heinemann, 1974.

Jones, Maldwyn Allen. *American Immigration*. Chicago: University of Chicago Press, 1960.

Kahn, Roger. *A Flame of Pure Fire: Jack Dempsey and the Roaring '20s*. New York: Harcourt Brace, 1999.

Kamm, Antony, and Malcolm Baird. *John Logie Baird: A Life*. Edinburgh, U.K.: NMS Publishing, 2002.

Katcher, Leo. *The Big Bankroll: The Life and Times of Arnold Rothstein*. London: Victor Gollancz, 1959.

Kennedy, Ludovic. *The Airman and the Carpenter: The Lindbergh Case and the Framing of Richard Hauptmann*. London: Fontana/Collins, 1986.

Kenrick, John. *Musical Theatre: A History*. New York: Continuum, 2008.

Kessner, Thomas. *The Flight of the Century: Charles Lindbergh and the Rise of American Aviation*. New York: Oxford University Press, 2010.

Kisseloff, Jeff. *You Must Remember This: An Oral History of Manhattan from the 1890s to World War II*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1989.

Klingaman, William K. *1929: The Year of the Great Crash*. New York: Harper and Row, 1989.

Kobler, John. *Capone: The Life and World of Al Capone*. London: Michael Joseph, 1972.

Kostof, Spiro. *America by Design*. New York: Oxford University Press, 1987.

Kramer, Dale. *Heywood Broun: A Biographical Portrait*. New York: Current Books, 1949.

Lacey, Robert. *Ford: The Men and the Machine*. London: Heinemann, 1986.

— —. *Little Man: Meyer Lansky and the Gangster Life*. London: Century, 1991.

La Croix, Robert de. *They Flew the Atlantic*. London: Frederick Muller, 1958.

Landesco, John. *Organized Crime in Chicago*. Chicago: University of Chicago Press, 1968.

Leighton, Isabel (ed.). *The Aspirin Age: 1919–1941*. New York: Simon and Schuster, 1949.

Lerner, Michael A. *Dry Manhattan: Prohibition in New York City*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2007.

Lindbergh, Anne Morrow. *The Flower and the Nettle: Diaries and Letters of Anne Morrow Lindbergh, 1936–1939*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1976.

Lindbergh, Charles A. *The Spirit of St. Louis*. New York: Charles Scribner's Sons, 1953.

— —. *Autobiography of Values*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1978.

Lingeman, Richard. *Sinclair Lewis: Rebel from Main Street*. New York: Random House, 2002.

Lochnar, Louis P. *Herbert Hoover and Germany*. New York: Macmillan, 1961.

Longyard, William H. *Who's Who in Aviation History*. Shrewsbury, U.K.: Airline, 1994.

Louvish, Simon. *Mae West: It Ain't No Sin*. London: Faber and Faber, 2005.

Loving, Jerome. *The Last Titan: A Life of Theodore Dreiser*. Berkeley: University of California Press, 2005.

Lowe, David Garrard. *Lost Chicago*. New York: Watson-Guptill Publications, 2000.

MacKeller, Landis. *The "Double Indemnity" Murder: Ruth Snyder, Judd Gray, and New York's Crime of the Century*. Syracuse: Syracuse University Press, 2006.

Mackworth-Praed, Ben (ed.). *Aviation: The Pioneer Years*. London: Studio Editions, 1990.

Maltby, Richard. *Hollywood Cinema* (2nd ed.). Oxford: Blackwell, 2003.

Mason, Herbert Molloy. *The Rise of the Luftwaffe, 1918–1940*. London: Cassell, 1975.

Maxtone-Graham, John. *The Only Way to Cross*. New York: Barnes and Noble, 1972.

Maxwell, Anne. *Picture Imperfect: Photography and Eugenics, 1870–1940*. Brighton, U.K.: Sussex Academic Press, 2008.

McCoy, Donald R. *Calvin Coolidge: The Quiet President*. New York: Macmillan, 1967.

McKinney, Megan. *The Magnificent Medills: America's Royal Family of Journalism During a Century of Turbulent Splendor*. New York: HarperCollins, 2011.

Meade, Marion. *Buster Keaton: Cut to the Chase*. London: Bloomsbury, 1996.

Meltzer, Allan H. *A History of the Federal Reserve* (vol. 1, 1913–1951). Chicago: University of Chicago Press, 2003.

Merz, Charles. *The Dry Decade*. Garden City, N.Y.: Doubleday, Doran, 1931.

Miller, Nathan. *New World Coming: The 1920s and the Making of Modern America*. New York: Scribner, 2003.

Milton, Joyce. *Loss of Eden: A Biography of Charles and Anne Morrow Lindbergh*. New York: HarperCollins, 1993.

Montague, Richard. *Oceans, Poles and Airmen: The First Flights over Wide Waters and Desolate Ice*. New York: Random House, 1971.

Montville, Leigh. *The Big Bam: The Life and Times of Babe Ruth*. New York: Double-day, 2010.

Moore, Lucy. *Anything Goes: A Biography of the Roaring Twenties*. London: Atlantic Books, 2008.

Mordden, Ethan. *All That Glittered: The Golden Age of Drama on Broadway, 1919–1959*. New York: St. Martin's Press, 2007.

Morone, James A. *Hellfire Nation: The Politics of Sin in American History*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2003.

Morris, Peter. *A Game of Inches: The Stories Behind the Innovations That Shaped Baseball*. Chicago: Ivan R. Dee, 2006.

Mortimer, Gavin. *The Great Swim*. London: Short Books, 2009.

Murray, Robert K. *Red Scare: A Study in National Hysteria, 1919–1920*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1955.

Nagorski, Andrew. *Hitlerland: American Eyewitnesses to the Nazi Rise to Power*. New York: Simon and Schuster, 2012.

Nasaw, David. *Going Out: The Rise and Fall of Public Amusements*. New York: Basic Books, 1993.

Nash, George H. *The Life of Herbert Hoover: The Engineer, 1874–1914*. New York: W. W. Norton, 1983.

— —. *The Life of Herbert Hoover: The Humanitarian, 1914–1917*. New York: W. W. Norton, 1988.

Nathan, Daniel. *Saying It's So: A Cultural History of the Black Sox Scandal*. Urbana: University of Illinois Press, 2003.

Nevins, Allan, and Frank Ernest Hill. *Ford: The Times, the Man, the Company*. New York: Charles Scribner's Sons, 1954.

— —. *Ford: Expansion and Challenge, 1915–1933*. New York: Charles Scribner's Sons, 1957.

Norman, Barry. *Talking Pictures*. London: BBC Books/Hodder and Stoughton, 1987.

Okrent, Daniel. *Last Call: The Rise and Fall of Prohibition*. New York: Scribner, 2010.

Olson, Sherry H. *Baltimore: The Building of an American City*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1980.

Orlean, Susan. *Bin Tin Tin: The Life and Legend of the World's Most Famous Dog*. London: Atlantic Books, 2011.

Pacyga, Dominic A. *Chicago: A Biography*. Chicago: University of Chicago Press, 2009.

Parrish, Michael E. *Anxious Decades: America in Prosperity and Depression, 1920–1941*. New York: W. W. Norton, 1992.

Pauly, Thomas H. *Zane Grey: His Life, His Adventures, His Women*. Urbana: University of Illinois Press, 2005.

Peretti, Burton W. *Nightclub City: Politics and Amusement in Manhattan*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2007.

Pietila, Antero. *Not in My Neighborhood: How Bigotry Shaped a Great American City*. Chicago: Ivan R. Dee, 2010.

Pietrusza, David. *Judge and Jury: The Life and Times of Judge Kenesaw Mountain Landis*. South Bend, Ind.: Diamond Communications, 1998.

Pinedo, Francesco de. *Amerikaflug: Im Flugzeug Zweimal tiber den Ozean und Uber Beide Amerika*. Zurich: Rascher und Cie, 1928.

Pipp, E. G. *Henry Ford: Both Sides of Him*. Detroit: Pipp's Magazine, 1926.

Pisano, Dominick A., and R. Robert van der Linden. *Charles Lindbergh and the Spirit of St. Louis*. Washington, D.C.: Smithsonian National Air and Space Museum, 2002.

Quint, Howard H., and Robert H. Ferrell. *The Talkative President: The Off-the-Record Press Conferences of Calvin Coolidge*. Amherst: University of Massachusetts Press, 1964.

Randel, William Peirce. *The Ku Klux Klan: A Century of Infamy*. London: Hamish Hamilton, 1965.

Rayner, Richard. *A Bright and Guilty Place*. London: Constable, 2010.

Reisler, Jim. *Babe Ruth Slept Here: The Baseball Landmarks of New York City*. South Bend, Ind.: Diamond Communications, 1999.

— —. *Babe Ruth: Launching the Legend*. New York: McGraw-Hill, 2004.

Ribowsky, Mark. *The Complete History of the Home Run*. New York: Citadel Press, 2003.

Ritter, Lawrence S. *The Glory of Their Times*. New York: Harper Perennial, 1992.

— —. *Lost Ballparks: A Celebration of Baseball's Legendary Fields*. New York: Viking, 1992.

Russell, Francis. *Tragedy in Dedham: The Story of the Sacco-Vanzetti Case*. London: Longmans, 1963.

— —. *Sacco & Vanzetti: The Case Resolved*. New York: Harper and Row, 1986.

Ruth, Babe (as told to Bob Considine). *The Babe Ruth Story*. New York: C. P. Dutton, 1948.

Sampson, Anthony. *Empires of the Sky: The Politics, Contests and Cartels of World Airlines*. London: Hodder and Stoughton, 1984.

Sanders, James. *Celluloid Skyline: New York and the Movies*. London: Bloomsbury, 2002.

Schatz, Thomas. *The Genius of the System: Hollywood Filmmaking in the Studio Era*. New York: Henry Holt, 1988.

Schlesinger, Arthur M. Jr., *The Crisis of the Old Order, 1919–1933*. London: Heinemann, 1957.

Schwartz, Evan I. *The Last Lone Inventor: A Tale of Genius, Deceit and the Birth of Television*. New York: HarperCollins, 2002.

Seale, William. *The White House: The History of an American Idea*. Washington, D.C.: American Institute of Architects Press, 1997.

Shlaes, Amity. *Coolidge*. New York: HarperCollins, 2013.

Silver, Nathan. *Lost New York*. Boston: Houghton Mifflin, 1967.

Sinclair, Andrew. *Prohibition: The Era of Excess*. London: Faber and Faber, 1962.

Sklar, Robert. *Movie-Made America: A Cultural History of American Movies*. New York: Vintage, 1994.

Smelser, Marshall. *The Life That Ruth Built: A Biography*. Lincoln: University of Nebraska Press, 1993.

Smith, Page. *America Enters the World: A People's History of the Progressive Era and World War I*. New York: McGraw-Hill, 1985.

Smith, Rex Alan. *The Carving of Mount Rushmore*. New York: Abbeville Press, 1985.

Smith, Richard Norton. *The Colonel: The Life and Legend of Robert R. McCormick, 1880–1955*. Boston: Houghton Mifflin, 1997.

— —. *An Uncommon Man: The Triumph of Herbert Hoover*. New York: Simon and Schuster, 1984.

Smith, Terry. *Making the Modern: Industry, Art, and Design in America*. Chicago: University of Chicago Press, 1993.

Sorensen, E. Charles, with Samuel T. Williamson. *Forty Years with Ford*. London: Jonathan Cape, 1959.

Starr, Kevin. *Inventing the Dream: California Through the Progressive Era*. New York: Oxford University Press, 1986.

Stenn, David. *Clara Bow: Running Wild*. London: Ebury Press, 1989.

Stern, Robert M., Gregory Gilmartin, and Thomas Mellins. *New York 1930: Architecture and Urbanism Between the Two World Wars*. New York: Rizzoli, 1994.

Sullivan, Mark. *Our Times: The United States, 1900–1925* (6 vols.). London: Charles Scribner's Sons, 1935.

Summers, Anthony. *Official and Confidential: The Secret Life of J. Edgar Hoover*. London: Victor Gollancz, 1993.

Taliaferro, John. *Tarzan Forever: The Life of Edgar Rice Burroughs, Creator of Tarzan*. New York: Scribner, 1999.

Tauranac, John. *Elegant New York: The Builders and the Buildings, 1885–1915*. New York: Abbeville Press, 1985.

Thomas, Henry W. *Walter Johnson: Baseball's Big Train*. Lincoln: University of Nebraska Press, 1995.

Thorn, John, and Pete Palmer. *Total Baseball: The Ultimate Encyclopedia of Baseball* (3rd ed.). New York: Harper Perennial, 1993.

Thurber, James. *The Years with Ross*. New York: Ballantine Books, 1972.

Toll, Robert C. *On with the Show: The First Century of Show Business in America*. New York: Oxford University Press, 1976.

Tygiel, Jules. *Past Time: Baseball as History*. New York: Oxford University Press, 2000.

Van Creveld, Martin. *The Age of Airpower*. New York: Public Affairs, 2011.

Vincent, David. *Home Run: The Definitive History of Baseball's Ultimate Weapon*. Washington, D.C.: Potomac Books, 2007.

Wade, Wyn Craig. *The Fiery Cross: The Ku Klux Klan in America*. New York: Simon and Schuster, 1987.

Wagenheim, Kal. *Babe Ruth: His Life and Legend*. New York: Henry Holt, 1992.

Walker, Stanley. *The Night Club Era*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1933, (reprinted 1999).

Wallace, David. *Capital of the World: A Portrait of New York City in the Roaring Twenties*. Guilford, Conn.: Lyons Press, 2011.

Wallace, Graham. *The Flight of Alcock & Brown, 14–15 June 1919*. London: Putnam, 1955.

Ward, Geoffrey C. (with Ken Burns). *Baseball: An Illustrated History*. New York: Alfred A. Knopf, 1990.

Ware, Susan (ed.). *Forgotten Heroes*. New York: Free Press, 1998.

Watts, Jill. *Mae West: An Icon in Black and White*. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Weigley, Russell F. (ed.). *Philadelphia: A 300-Year History*. New York: W. W. Norton, 1982.

Weindling, Paul Julian. *Nazi Medicine and the Nuremberg Trials*. London: Macmillan, 2004.

Weintraub, Robert. *The House That Ruth Built: A New Stadium, the First Yankees Championship, and the Redemption of 1923*. New York:

Simon and Schuster, 2011.

Whitehouse, Arch. *The Early Birds*. London: Nelson Publishing, 1967.

Williams, Ted, and John Underwood. *The Science of Hitting*. New York: Fireside/Simon and Schuster, 1971.

Wilmouth, Don B., and Christopher Bigsby. *The Cambridge History of American Theatre: 1870–1945*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Wilson, Edmund. *The American Earthquake: A Documentary of the Twenties and Thirties*. London: W. H. Allen, 1958.

Wohl, Robert. *The Spectacle of Flight: Aviation and the Western Imagination, 1920–1950*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2005.

Yagoda, Ben. *Will Rogers: A Biography*. Norman: University of Oklahoma Press, 1993.

— —. *About Town: «Нью-Йоркер» and the World It Made*. New York: Da Capo Press, 2000.

Young, William, and David E. Kaiser. *Postmortem: New Evidence in the Case of Sacco and Vanzetti*. Amherst: University of Massachusetts Press, 1985.

Zeitz, Joshua. *Flapper: A Madcap Story of Sex, Style, Celebrity, and the Women Who Made Modern America*. New York: Three Rivers Press, 2006.

Zukowsky, John (ed.). *Building for Air Travel: Architecture and Design for Commercial Aviation*. Chicago: Art Institute of Chicago, 1996.

---

notes

Примечания

«Викерс Вими» выставлен в лондонском Музее науки, но немногие обращают на него внимание. Памятник Алкоку и Брауну в аэропорту Хитроу был установлен только через тридцать пять лет после их перелета. Когда я заказал в Лондонской библиотеке классическое сочинение Грэма Уоллеса «Перелет Алкока и Брауна 14–15 июня 1919 года», то выяснилось, что его заказывают впервые за семнадцать лет.

По меркам «Браунз», собрать 1500 зрителей было не так уж плохо. В том же сезоне их иногда посещало 500 и менее человек, а однажды, 12 июля, за их игрой с «Ред-Сокс», занявшими последнее место, следили всего 300 человек. И это на стадионе, который был рассчитан на 36 000 зрителей.

Аэродром назвали в честь Квентина Рузвельта, сына Теодора Рузвельта, который погиб в воздушном бою во время Первой мировой войны. Интересно, что Линдберг мог знать его лично. Они вместе учились в школе «Сидвелл-Френдз» в Вашингтоне, хотя Квентин Рузвельт был старше на пять лет.

Кроме Уонамейкера помощь Бэрду оказывали Джон Д. Рокфеллер, Национальное географическое общество и, что любопытно, Дуайт Морроу, будущий тесть Чарльза Линдберга.

В 1920-х на сцену вообще выходило очень много народу. Например, в постановке «Чуда» Макса Рейнхардта в 1924 году было занято 700 актеров.

Разновидность игровой ситуации в бейсболе.

Питчер – игрок, бросающий мяч, которому принадлежит наиболее ответственная роль в команде.

Страйк – ситуация, когда бьющий не нанес удара при подаче. При трех страйках (страйк-аут) бьющий выбывает из игры.

На самом деле в 1918 году Рут сделал двенадцать хоум-ранов, но один из них был «уок-офф», то есть финальным; в то время игроку, выбившему финальный хоум-ран, засчитывали только то количество баз, которое было необходимо для победы, поэтому двенадцатый хоум-ран Рута засчитали как трипл.

Всевозможные действия и умения при игре.

Полностью от роли питчера Рут не отказывался. В 1920–1921 годах, играя за «Янкиз», он трижды вышел на поле питчером, и все три игры окончились победой.

Наклбол – бросок питчера с захватом мяча суставами пальцев.

По совпадению, этот город находится по дороге из Каменца, в котором родился Бруно Хауптманн, похитивший сына Линдберга в 1932 году.

Небоскреб Вулворт-билдинг, построенный в 1913 году, все еще был самым высоким зданием мира. Сменившие его Крайслер-билдинг и Эмпайр-стейт-билдинг были построены только в 1930 и 1931 годах соответственно.

В дальнейшем штат сотрудников был немного увеличен, но общее их количество никогда не превышало 2300 человек.

Филадельфийская швея, сшившая первый американский флаг.

Дело это имело долгую предысторию. В 1916 году мексиканский революционер Панчо Вилья перешел границу США и убил семнадцать американцев в штате Нью-Мексико. Это настроило общественное мнение резко против повстанцев, и президент Вудро Вильсон отправил национальную гвардию на охрану границы. Генри Форд якобы заявил, что он не сохранит зарплату призванным на службу работникам, почему газета *Chicago Tribune* и принялась критиковать его. Выяснилось, что на самом деле Форд никогда не делал этого высказывания, приведшего к судебному разбирательству.

За моделью Т последовали восемь других моделей: А, В, С, Е, N, R, S и К – именно в таком порядке. Если в этой последовательности букв и была какая-то логика, то Форд никогда о ней не говорил. В его мемуарах «Моя жизнь, мои достижения» тоже ничего об этом не написано.

Уикем вернулся в Англию в 1910 году, где его встретили как национального героя. Британская ассоциация производителей каучука назначила ему ежегодную ренту, а король произвел в рыцари.

В действительности итальянцы были даже более законопослушными, чем другие группы населения. В 1910 году на их долю приходилось около 11 процентов иммигрантов, но только 7 процентов иммигрантов оказались за решеткой. Как замечает Джон Коблер, по количеству осужденных на сто тысяч человек итальянцы занимали двенадцатое место среди представителей семнадцати национальностей.

Не очень известен тот факт, что почти сразу же после открытия кинотеатр «Рокси» был продан кинокомпании «Фокс» за внушительную сумму в 15 миллионов долларов. Эта сделка в немалой степени способствовала банкротству «Фокс», которое она потерпела в следующее десятилетие.

Фантазии на тему развитых цивилизаций, существующих на ближних планетах, для 1927 года были довольно обычным делом. В мартовском выпуске журнала «Сайентифик америкэн» была опубликована статья, где довольно серьезно рассматривается возможность существования на Марсе более развитой по сравнению с нашей цивилизации. (Там же была напечатана и статья о том, что в будущем люди могут эволюционировать в расу одноглазых циклопов.) Другие солидные издания примерно то же самое писали и о Венере. Предполагалось, что обитатели этой планеты живут в своего рода тропическом раю под плотными венерианскими облаками.

В 1927 году Маккормик еще не отдался одной из самых своих известных причуд – упрощенной орфографии. Это его увлечение началось в 1934 году, когда на страницах «Трибюн» появились такие смелые написания, как *frate* (вместо *freight*), *burocrasy* (*bureaucrasy*), *iland* (*island*) и *lam* (*lamb*); с тех пор количество таких слов постоянно увеличивалось. Этой практики газета *Tribune* придерживалась сорок один год.